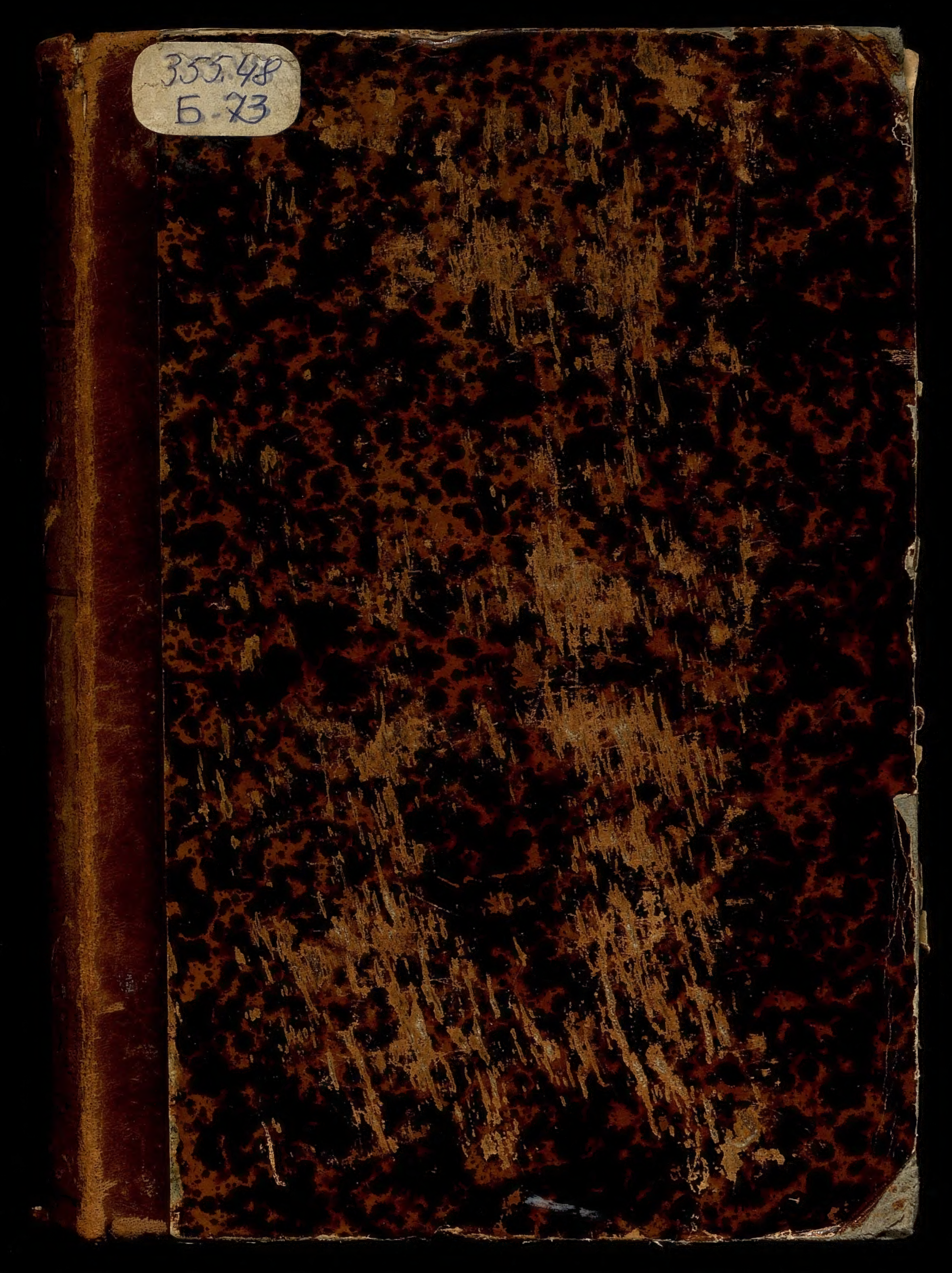
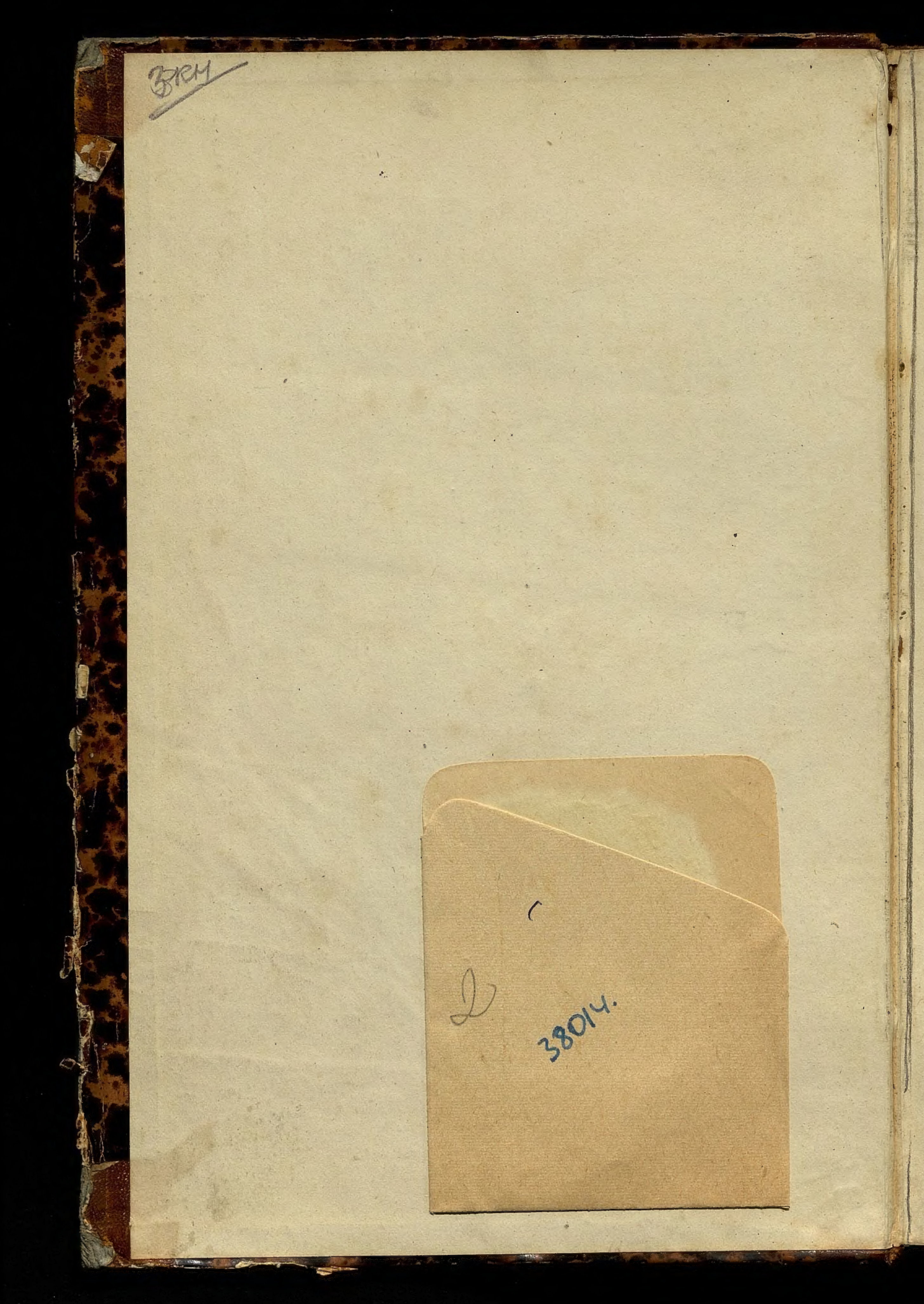

2
38014.

ИСТОРІЯ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА,

ПО ДОСТОВѢРНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

СОСТАВЛЕНА

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

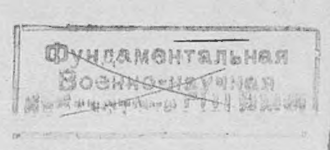
—

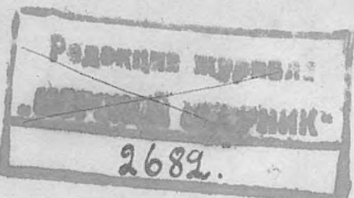
СОЧИНЕНІЕ

Генералъ-Маіора М. БОГДАНОВИЧА.

Томъ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Торговаго Дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, Марта 31 дня 1859 г.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

ГЛАВА XV.

Назначеніе Кутузова Главнокомандующимъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Положеніе дѣлъ по отступленіи Западныхъ армій отъ Смоленска къ Дорогобужу. — Необходимость избранія Главнокомандующаго всѣми русскими арміями. — Сужденіе о томъ Чрезвычайнаго Комитета. — Избраніе Кутузова. — Очеркъ его служебной дѣятельности. — Занятія его по обязанностямъ Начальника С.-Петербургскаго Ополченія. — Возведеніе Кутузова въ княжеское достоинство. — Назначеніе его Главнокомандующимъ. — Высочайшіе рескрипты Кутузову и Главнокомандующимъ арміями. — Характеръ Кутузова. — Сужденія о немъ иностранныхъ писателей.

По отступленіи нашихъ Западныхъ армій отъ Смоленска къ Дорогобужу, положеніе дѣлъ, въ военномъ отношеніи, было для насъ несравненно выгоднѣе, нежели при открытіи кампаніи. Западныя арміи, разобщенныя между собою вторженіемъ непріятеля въ наши предѣлы, успѣли соединиться и приняли сраженія при Смоленскѣ и при Валутиной горѣ, въ которыхъ была достигнута нами важнѣйшая цѣль оборонительной войны — ослабленіе противника. Уронъ, понесенный русскими войсками, былъ значителенъ, но въ полтора раза менѣе потерь непріятеля, отдалившагося отъ источниковъ своихъ средствъ и не имѣвшаго возможности получать подкрѣпленія въ такой мѣрѣ въ какой прибывали они въ нашу армію. При переходѣ Наполеоновыхъ армій чрезъ границы Россіи, число войскъ его превосходило силу выставленныхъ противъ него армій болѣе нежели вдвое, а послѣ Валутинскаго сраженія,

только въ полтора раза. Дѣйствія на флангахъ главнаго театра войны принесли намъ несомнѣнныя выгоды и обѣщали еще выгоднѣйшія послѣдствія: на Двинѣ, корпусъ графа Витгенштейна удерживалъ съ постояннымъ успѣхомъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, а прибытіе нашихъ подкрѣпленій должно было вскорѣ дать намъ средства къ возобновленію наступательныхъ дѣйствій. На Волыни, Тормасовъ былъ принужденъ отступить за Стырь, но уже двигалась ему въ помощь Дунайская армія, съ прибытіемъ которой перевѣсъ въ силахъ переходилъ на нашу сторону. Положеніе русскихъ войскъ, въ отношеніи къ снабженію ихъ продовольствіемъ, представляло нѣкоторыя затрудненія, происходившія отъ необходимости отступать далѣе, нежели предполагалось въ началѣ войны; послѣдствіями того были: потеря нѣкоторыхъ магазиновъ, устроенныхъ нами въ пограничныхъ губерніяхъ, и неимѣніе въ достаточномъ количествѣ складовъ на пути отступленія отъ Смоленска къ Москвѣ. Но всѣ нами встрѣченныя затрудненія, по части снабженія войскъ съѣстными запасами, ничего не значили въ сравненіи съ тѣми, которыя испытала непріятельская армія съ перваго шага ея въ наши предѣлы. Изъ перехваченныхъ у Французовъ офиціальныхъ бумагъ видно, что въ то время еще, когда главная квартира Наполеонова находилась въ Вильнѣ, его гвардія (на сохраненіе которой обращено было особенное вниманіе интендантской части) получала дачу провіанта въ недостаточномъ количествѣ и предавалась бродяжничеству и мародёрству. Въ приказѣ, отданномъ 18-го (30) іюня, было поставлено на видъ войскамъ, „чтобы они сберегали свой хлѣбъ, потому что, по всей вѣроятности, они завтра не получатъ его“.—Приказомъ отъ 25-го іюня (7 іюля) велѣно „зарыть всѣхъ павшихъ лошадей, валяющихся въ сосѣдствѣ квартирныхъ мѣстъ войска“. Приказомъ отъ 27-го іюня (9 іюля) опредѣлена въ походѣ изъ Вильны къ Глубокому слѣдую-

щая суточная дача: менѣе фунта (12 onces) хлѣба; около пятнадцати золотниковъ (2 onces) риса; $1^1/_5$ фунтъ (une livre) мяса; а въ послѣднія двое сутокъ марша положено давать, вмѣсто хлѣба, по $^2/_3$ фунта (9 onces) сухарей. Какъ сія дача очевидно была недостаточна, то частные начальники войскъ получили приказаніе повѣрять чрезъ каждые четыре дни наличное количество хлѣба, сухарей и риса, выданныхъ солдатамъ при выступленіи ихъ изъ Вильны ([1]). Чѣмъ болѣе углублялась непріятельская армія внутрь Россіи, тѣмъ болѣе увеличивались лишенія, и вмѣстѣ съ ними грабежи и всевозможные безпорядки ([2]). Таково было положеніе всѣхъ войскъ, находившихся въ составѣ Большой арміи и подъ начальствомъ Сенъ-Сира. Напротивъ того—австрійскія и саксонскія войска, расположенныя въ изобильной странѣ и остававшіяся продолжительное время на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, потерпѣли несравненно меньшій уронъ и находились въ совершенномъ устройствѣ.

Войска обѣихъ Западныхъ армій, совершая усиленные переходы отъ границъ Имперіи къ Днѣпру, не могли оставаться въ томъ превосходномъ порядкѣ, который, по сознанію самихъ непріятелей нашихъ, составляетъ отличительное качество русскаго воинства. Императоръ Александръ, узнавъ о нѣкоторыхъ насиліяхъ и грабежахъ нашихъ солдатъ, самовольно отлучившихся отъ войскъ, повелѣлъ Барклаю де-Толли произвести строгое о томъ изслѣдованіе и наказать виновныхъ ([3]). Барклай, во время пребыванія армій подъ Смоленскомъ, приказалъ разстрѣлять нѣсколько человѣкъ уличенныхъ въ грабительствѣ, и этихъ примѣровъ строгости было достаточно для возстановленія порядка и дисциплины ([4]). Что же касается до духа нашихъ войскъ, или, лучше сказать, всего русскаго народа, то ни занятіе непріятелемъ нѣсколькихъ нашихъ областей, ни продолжительное отступленіе на огромномъ простран-

ствѣ, не могли поколебать постояннаго желанія всѣхъ и каждаго отмстить за разореніе отечества. Свидѣтельствомъ истины нашихъ словъ могутъ служить письма изъ арміи многихъ лицъ къ ближайшимъ роднымъ: въ этихъ сердечныхъ изліяніяхъ, вовсе не назначенныхъ къ общему свѣдѣнію, встрѣчаемъ трогательныя выраженія преданности Государю, любви къ родинѣ, ненависти къ непріятелю дерзнувшему переступить завѣтный рубежъ Россіи. Никто не щадилъ тогда ни жизни, ни достоянія и, бо̀льшею частью, не изъ славолюбія, а изъ священнаго чувства долга. „Не было никого—говоритъ Вильсонъ, англійскій генералъ, состоявшій, въ качествѣ довѣреннаго лица отъ своего правительства, при главной квартирѣ нашей арміи,—ни мужчины, ни женщины, ни старика, ни юноши, кто не считалъ бы презрительнымъ роптать, либо жаловаться на потерю имущества.“ Всѣ постигали великость опасности, которою угрожало непріятельское нашествіе; всѣ были убѣждены въ превосходствѣ Генія, который, подчинивъ своему произволу почти всю Европу, тяготѣлъ надъ Россіею, но никто не желалъ купить миръ цѣною покорности Наполеону. „Когда, продолжаетъ Вильсонъ, я, по „пріѣздѣ изъ Петербурга въ главную квартиру, разсказы-„валъ, что Государь далъ слово—не заключать мира, пока „останется въ Россіи хотя одинъ вооруженный непрія-„тель, всякій военный и невоенный плакалъ отъ радости, „либо кидался цѣловать меня, какъ будто бы я привезъ „извѣстіе о совершенномъ прекращеніи бѣдствій войны.“

Изъ этого слѣдуетъ, что выгоды, пріобрѣтенныя непріятелемъ, заключались единственно въ занятіи нѣсколькихъ русскихъ областей, которое не доставило ему никакой существенной пользы. Наполеонъ, желая извлечь изъ Литвы средства для продовольствованія и пополненія своей арміи, устроивалъ въ главныхъ пунктахъ сей страны временныя управленія, но всѣ эти попытки не имѣли успѣха:

отлагая впредь изложеніе мѣръ принятыхъ Наполеономъ, въ отношеніи къ административному устройству областей пройденныхъ его арміею, скажемъ здѣсь только, что онѣ всѣ представляли плачевное зрѣлище грабежей, опустошенія и всевозможныхъ безпорядковъ. Напротивъ того — въ тылу русской арміи, по призыву Русскаго Монарха, дружно ополчались сотни тысячъ его подданныхъ; общее усердіе, вознаграждая недостатокъ въ средствахъ, находило возможность, и безъ устроенныхъ заранѣе магазиновъ, снабжать продовольствіемъ защитниковъ Россіи: огромные обозы тянулись со всѣхъ сторонъ на путь отступленія нашихъ войскъ, двигавшихся отъ Смоленска къ Москвѣ.

Такимъ образомъ положеніе русской арміи, въ это время, было во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе, нежели положеніе непріятеля, углубившагося далеко внутрь нашей страны, значительно ослабленнаго и увлекаемаго далѣе неуловимымъ призракомъ рѣшительной побѣды. Но эти обстоятельства тогда не были — да и не могли быть — очевидны для каждаго изъ Русскихъ: и народъ, и войска, видѣли только ближайшія слѣдствія отступленія: разореніе страны, пожары цвѣтущихъ городовъ, торжество непріятеля. Войска наши, жаждавшія случая преградить дальнѣйшій путь врагу своею грудью, считали себя довольно къ тому сильными; отступленіе казалось имъ предательствомъ родины: таковы были чувства одушевлявшія не только солдатъ, но и начальниковъ ихъ. Немногіе лишь, подобно осторожному Барклаю, отваживались противиться общему порыву; всѣ прочіе были увлечены имъ, и даже нѣкоторые изъ отличнѣйшихъ нашихъ генераловъ не скрывали своихъ мнѣній: дальнѣйшее отступленіе считалось напраснымъ; переходъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ былъ ожидаемъ съ томительнымъ нетерпѣніемъ, какъ единственное средство къ спасенію отечества. Эти мнѣ-

нія, съ быстротою молніи пролетая Россію, достигали обѣихъ столицъ. Въ Москвѣ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выказывалась общая безотчетная ненависть къ иностранцамъ; въ Петербургѣ явно порицали Барклая (5).

Императоръ Александръ, 22-го іюля, возвратился изъ Москвы въ Петербургъ. Тамъ получилъ Онъ смутныя вѣсти изъ армій Барклая де-Толли и Багратіона. Едва лишь они успѣли соединиться и донести Государю о прекращеніи возникшихъ между ними недоразумѣній, какъ пришли изъ арміи донесенія и письма съ жалобами на Барклая и на неудачу наступленія къ Руднѣ. Императору Александру, какъ верховному руководителю борьбы Россіи съ Наполеономъ, были вполнѣ извѣстны всѣ обстоятельства этого дѣла. Онъ отдавалъ вполнѣ справедливость достоинствамъ Барклая де-Толли, увѣренъ былъ въ его преданности и зналъ, что образъ нашихъ дѣйствій былъ внушенъ самою необходимостью. Тѣмъ не менѣе однакоже не подлежало сомнѣнію, что успѣхъ въ войнѣ возможенъ только тогда, когда полководецъ пользуется неограниченною довѣренностью войскъ; только при этой духовной связи между вождемъ и ввѣренными ему войсками, онъ, владѣя душею каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, направляетъ общія усилія къ достиженію цѣли дѣйствій и можетъ оправдать возложенныя на него надежды.

Убѣжденный въ необходимости избрать новаго главнокомандующаго и ввѣрить ему начальство надъ всѣми русскими арміями, Императоръ Александръ поручилъ обсужденіе сего предмета Комитету, составленному изъ бывшаго Наставника Его, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова; главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, генерала-отъ-инфантеріи Вязмитинова; генераловъ: графа Аракчеева и Балашева, и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: князя Лопухина и графа Кочубея. Комитетъ сей, собравшись

въ домѣ графа Салтыкова, 5-го (17) августа (во второй день сраженія при Смоленскѣ), занимался обсужденіемъ предложеннаго ему вопроса отъ семи до десяти съ половиною часовъ вечера. Въ началѣ засѣданія, по Высочайшему повелѣнію, читаны были графомъ Аракчеевымъ полученные на Имя Его Императорскаго Величества рапорты отъ Главнокомандующихъ арміями, Военнаго Министра Барклая де-Толли, со времени отбытія Государя изъ арміи, и отъ князя Багратіона, со дня сраженія при Салтановкѣ; за тѣмъ представлены были Комитету частныя письма князя Багратіона, графа Сенъ-При и другихъ генераловъ.

Изъ донесеній Барклая де-Толли можно было видѣть безнадежность въ успѣхѣ дѣйствій противъ огромныхъ силъ Наполеона и неудовольствіе на князя Багратіона, который, по мнѣнію Военнаго Министра, долженъ былъ, дѣйствуя рѣшительно, отвлечь часть непріятельскихъ войскъ, направленныхъ (какъ полагалъ Барклай) въ совокупности противъ 1-й Западной арміи. Всѣ предположенія Барклая де-Толли основывались на диверсіяхъ войскъ графа Витгенштейна и Тормасова. Находясь подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, господствовавшаго въ Россіи и несогласнаго съ его убѣжденіемъ, онъ колебался въ нерѣшимости, что, безъ всякаго сомнѣнія, не могло обѣщать хорошихъ послѣдствій. Князь Багратіонъ, съ своей стороны, настаивалъ въ необходимости перехода обѣихъ Западныхъ армій къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ непріятеля, разстроеннаго форсированными маршами, и жаловался на Военнаго Министра, который—какъ выражался князь Багратіонъ — „требуя его мнѣній, не согласуется онымъ“.

Разномысліе главнокомандующихъ обнаруживалось еще очевиднѣе изъ частныхъ писемъ. Князь Багратіонъ, извѣщая графа Аракчеева о современномъ положеніи дѣла, выставлялъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, пагубныя

послѣдствія, которыя, по его мнѣнію, могло имѣть дальнѣйшее отступленіе. „Вся армія просила меня гласно, что „бы я всѣми командовалъ, но я на сіе имъ ничего не „отвѣчалъ, ибо воля на то Государя моего,“ писалъ Багратіонъ, послѣ соединенія Западныхъ армій. „Признаюсь вамъ откровенно—продолжалъ онъ въ томъ же самомъ письмѣ, — сколько мнѣ было пріятно сойтись съ „Первою арміею, столько же и прискорбно, ибо продовольствіе для меня весьма плохое. Когда одинъ шелъ, „тогда все имѣлъ“. Нѣсколько дней спустя онъ писалъ: „ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ „командовать, въ Молдавію, или на Кавказъ, а здѣсь быть „не могу; вся главная квартира Нѣмцами наполнена, такъ, „что Русскому жить невозможно, и толку никакого нѣтъ. Воля ваша, или увольте меня хотя отдохнуть на мѣсяцъ“ (6).

По выслушаніи всѣхъ офиціальныхъ бумагъ и частныхъ писемъ, объяснявшихъ положеніе дѣла, Комитетъ единогласно призналъ, „что недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ того, что не было надъ всѣми „дѣйствующими арміями положительной единогласной власти, и сколь въ настоящее время невыгодно такое раздробленіе власти, столь напротивъ того необходимо „общее оной соединеніе“. По мнѣнію Комитета, „истина „сего основывалась, какъ на положеніи обстоятельствъ „вообще, такъ и на томъ, что, по дѣйствію разныхъ армій „на значительномъ пространствѣ, онѣ обязаны всегда „соглашать свои движенія и дѣйствія одна съ другою. „А потому Комитетъ нашелъ необходимо нужнымъ: назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго „главнокомандующаго.

„Главнокомандующій Первою Западною арміею, будучи, „вмѣстѣ съ тѣмъ, и военнымъ министромъ, имѣлъ распорядительное вліяніе на дѣйствія прочихъ главнокомандующихъ, старшихъ въ чинѣ, что, можетъ быть, стѣсняло

„его распоряженія, и потому Комитетъ утвердительно полагалъ, что званіе военнаго министра, соединенное съ „начальствомъ надъ арміею, производило неудобства въ „достиженіи желаемой пользы.“

За тѣмъ, приступивъ къ назначенію общаго главнокомандующаго, Комитетъ постановилъ, что оно должно быть основано на извѣстной опытности въ военномъ искусствѣ, отличныхъ дарованіяхъ, общемъ довѣріи и на старшинствѣ службы. Разсуждая—кого предложить въ главнокомандующіе, называли Беннигсена, Багратіона, Тормасова и бывшаго давно уже въ отставкѣ Палена; но находили, что ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствовалъ опредѣленнымъ для выбора условіямъ. Наконецъ, когда было произнесено имя Кутузова, всѣ члены Комитета единогласно постановили ввѣрить ему начальство надъ всѣми арміями, предоставить ему одному власть опредѣленную положеніемъ о большой дѣйствующей арміи и предписать начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженій и о мѣстахъ, гдѣ уже собраны земскія силы.

Съ тѣмъ вмѣстѣ положено было: „предоставить вполнѣ управленіе военнымъ министерствомъ управляющему „департаментомъ онаго, генералъ-лейтенанту князю Гор„чакову“. Ему же было поручено командовать, вмѣсто Кутузова, С.-Петербургскимъ ополченіемъ, „тѣмъ болѣе, „что въ составѣ сего ополченія находились и регулярныя „войска“ (7).

Дѣйствительно—Кутузовъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, опредѣленныя Комитетомъ при выборѣ главнокомандующаго. Его служба началась подъ счастливыми предзнаменованіями: въ самыхъ юныхъ годахъ своихъ, замѣченный Великою Екатериною, въ послѣдствіи называвшею его „Мой Кутузовъ“, онъ получилъ практическое военное образованіе подъ руководствомъ образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ русскихъ генераловъ, Баура, былъ отличенъ Ру-

мянцевымъ и сдѣлался любимцемъ Суворова. Его имя было неразлучно съ памятью славнѣйшихъ подвиговъ Екатерининскаго вѣка; его двукратное спасеніе послѣ тяжкихъ ранъ, имъ полученныхъ, обращало на него вниманіе всей Россіи (*).

Въ послѣдствіи Кутузовъ, будучи назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, выказалъ необыкновенныя дипломатическія способности, исполнялъ съ отличіемъ многія важныя порученія на него возложенныя и окончилъ продолжительную войну съ Турками рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ арміи верховнаго визиря и договоромъ расширившимъ предѣлы Россіи до Дуная и Прута ([8]).

Ко всѣмъ этимъ заслугамъ Кутузовъ присоединялъ преимущество старшинства по службѣ надъ всѣми главнокомандующими нашихъ армій; наконецъ—имя Кутузова, природнаго Русскаго, было русское, что̀ въ Отечественную войну 1812 года имѣло большую важность.

Избравъ Кутузова, Комитетъ совершенно исполнилъ ожиданія **Государя**, который заранѣе предвидѣлъ — на кого падетъ выборъ и, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, почтилъ маститаго военачальника изъявленіемъ личной Своей благосклонности, возведя его въ княжеское достоинство ([9]). Такое отличіе было тѣмъ болѣе для всѣхъ неожиданно, что Кутузовъ, въ то время, устраненный отъ начальства надъ войсками, не пользовался милостями **Императора Александра**. Не за долго предъ тѣмъ, ведя переговоры съ Оттоманскою Портою, Кутузовъ безпрестанно получалъ отъ **Государя** письма, въ которыхъ выражалась необходимость скорѣйшаго заключенія мира ([10]). Кутузовъ усердно старался исполнить волю Госу-

---

(*) Въ 1774 и 1788 годахъ Кутузовъ былъ раненъ пулями: одна, ударивъ въ лѣвый високъ, вылетѣла у праваго глаза; другая, попавъ въ щеку, вышла въ затылокъ.

дАРЯ, но не могъ превозмочь упрямства турецкихъ дипломатовъ, которые, будучи возбуждаемы происками агентовъ Франціи и Австріи, не соглашались на условія предложенныя русскимъ правительствомъ. Дни проходили за днями, а дѣло нисколько не подвигалось; наконецъ — Императоръ Александръ, выведенный изъ терпѣнія медленностью переговоровъ, поручилъ адмиралу Чичагову, вмѣсто Кутузова, какъ начальство надъ Дунайскою арміею, такъ и заключеніе мира. Кутузовъ, узнавъ о томъ, ускорилъ всѣми средствами ходъ переговоровъ и слѣдствіемъ дѣятельныхъ мѣръ имъ принятыхъ было заключеніе Бухарестскаго трактата, 16-го (28-го) мая, за четыре дня до прибытія Чичагова ([11]).

Императоръ Александръ, не смотря на успѣшное по обстоятельствамъ заключеніе мира съ Оттоманскою Портою, былъ недоволенъ тѣмъ, что, при многихъ уступкахъ въ нашихъ требованіяхъ, Кутузовъ не успѣлъ заключить оборонительнаго и наступательнаго союза съ Турками. По мнѣнію Императора Александра, только такой союзъ могъ вознаградить насъ за потерю прямыхъ сношеній съ Сербами и доставить намъ средство пользоваться ихъ содѣйствіемъ противъ Французовъ и союзниковъ ихъ ([12]). Хотя Государь, отдавая справедливость заслугамъ Кутузова, возвелъ его еще прежде въ графское достоинство, однакоже Кутузовъ испросилъ себѣ отпускъ, удалился въ одну изъ пожалованныхъ ему деревень, и пріѣхалъ въ Петербургъ уже по отбытіи Государя въ армію. Удачный походъ на Дунаѣ и миръ заключенный въ роковой часъ разрыва съ Наполеономъ упрочили славу Кутузова: его сужденія о современныхъ военныхъ дѣйствіяхъ находили отголосокъ въ высшемъ кругу общества, а народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на стараго, израненаго воина, усердно молящагося въ храмахъ Божіихъ о спасеніи Отечества. Когда же послѣдовалъ Высочайшій Указъ объ

учрежденіи ополченія, Кутузовъ единогласно былъ избранъ, 17-го (29-го) іюня, за пять дней до возвращенія Государя въ Петербургъ, Начальникомъ С.-Петербургской земской силы. Такая должность вовсе не соотвѣтствовала ни заслугамъ его, ни старшинству по службѣ; но она служила дальновидному Кутузову ступенью къ новымъ подвигамъ и отличіямъ, и потому онъ принялъ эту должность съ условіемъ — „оставить ее, ежели будетъ вызванъ къ другимъ „обязанностямъ, либо ежели будутъ не угодны Государю „занятія его по ополченію" ([13]).

Кутузовъ, сдѣлавшись Начальникомъ С.-Петербургской земской силы, исполнялъ свои обязанности съ чрезвычайнымъ усердіемъ: проводилъ цѣлые дни въ пріемѣ ратниковъ, входилъ во всѣ подробности ихъ обмундированія, занимался лично ихъ образованіемъ и давалъ имъ наставленія. Всѣ взоры были обращены съ удивленіемъ и сердечнымъ участіемъ на Кутузова, нѣкогда блистательнаго посла Россійскихъ Монарховъ Екатерины и Павла, бывшаго предводителя армій, усердствующаго на пользу общую въ годину бѣдствій Отечества. Такое самоотверженіе не осталось безъ воздаянія: Императоръ Александръ возвелъ, 29-го іюля, Кутузова въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, и, въ слѣдъ за тѣмъ, 8-го (20-го) августа, призвавъ его къ Себѣ, объявилъ ему назначеніе въ Главнокомандующіе всѣми арміями и ополченіями. Кутузовъ, какъ говорилъ онъ самъ, ввечеру того же дня, въ кругу родныхъ своихъ, „услышалъ повелѣніе Государя съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше". Такъ смотрѣли тогда всѣ Русскіе на высокое назначеніе заслуженнаго воина; такъ взираетъ на это событіе и нынѣ благодарная Россія.

Въ тотъ же день, 8-го августа, Императоръ Александръ удостоилъ Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ:

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ Нашихъ действующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой деятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, Я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ, пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ."

Въ тоже время, ко всѣмъ Главнокомандующимъ арміями: Барклаю де-Толли, князю Багратіону, Тормасову и Чичагову отправлены рескрипты слѣдующаго содержанія:

„Разныя важныя неудобства, происшедшія послѣ соединенія двухъ армій, возлагаютъ на Меня необходимую обязанность назначить одного надъ всѣми оными главнаго начальника. Я избралъ для сего генерала-отъ-инфантеріи, князя Кутузова, которому и подчиняю всѣ четыре арміи. Вслѣдствіе чего предписываю вамъ со ввѣренною вамъ арміею состоять въ точной его командѣ. Я увѣренъ, что любовь ваша къ Отечеству и усердіе къ службѣ откроютъ вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ, которыя мнѣ весьма пріятно будетъ отличать подлежащими наградами."

Извѣстіе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами, дѣйствовавшими противъ

Наполеона, было встрѣчено во всей Россіи съ невыразимымъ восторгомъ. Такое расположеніе цѣлаго народа въ пользу одного лица достаточно убѣждаетъ въ необходимости назначенія Кутузова предводителемъ вооруженныхъ силъ государства. Иностранные писатели, не вникнувъ въ положеніе дѣла, старались изслѣдовать, дѣйствительно ли Кутузовъ заслуживалъ почетнаго мѣста, на которое поставили его воля Царя и гласъ народа, гласъ Божій. Для насъ, Русскихъ, такое изслѣдованіе совершенно напрасно: мы чтимъ въ Кутузовѣ полководца освободившаго Россію отъ чужеземнаго нашествія, благоговѣемъ къ его памяти и вовсе не занимаемся вопросомъ: возможно ли было исполнить лучше то, что̀ такъ хорошо совершилъ Кутузовъ? Напрасно иностранцы стараются унизить заслуги нашего полководца: лучшими цѣнителями ихъ могутъ быть тѣ, которымъ онѣ принесли пользу. Напрасно говорятъ, что шестидесяти-семи-лѣтній Кутузовъ былъ неспособенъ командовать арміею: до самой кончины онъ сохранилъ свои умственныя способности и уже лежа на одрѣ смерти въ Бунцлау, подавалъ мудрые совѣты. Напрасно покушаются выставить на его счетъ достоинства другихъ нашихъ генераловъ: мы готовы сознать, что Кутузовъ уступалъ Барклаю де-Толли въ административныхъ способностяхъ и князю Багратіону въ дѣятельности; мы не станемъ отрицать, что отступленіе Барклая пріуготовило послѣдующіе успѣхи Кутузова, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, воздавая каждому должное, скажемъ, что одинъ лишь Кутузовъ могъ рѣшиться на неравный бой при Бородинѣ и на оставленіе столицы, священной въ понятіяхъ русскаго народа. Иностранцы порицали его въ медленности, въ излишней (по ихъ мнѣнію), осторожности дѣйствій. Говорятъ—будто бы онъ могъ достигнуть болѣе важныхъ успѣховъ. Нельзя не сознаться въ справедливости этого мнѣнія, но

весьма трудно рѣшать вопросы о томъ, что̀ могло быть и чего въ дѣйствительности не было, и къ тому же не подлежитъ сомнѣнію, что для Наполеона, превосходившаго всѣхъ своихъ противниковъ въ тактическомъ искусствѣ, и для Французовъ, болѣе способныхъ къ высокимъ подвигамъ на полѣ брани, нежели къ постоянному перенесенію продолжительныхъ трудовъ и лишеній, было невыгодно имѣть дѣло съ военачальниками осторожными. Въ теченіе всего періода Наполеоновыхъ войнъ, полководцы, дѣйствовавшіе съ наибо̀льшимъ успѣхомъ противъ французскихъ войскъ, Веллингтонъ и Кутузовъ, оба отличались умѣньемъ ослабить непріятеля, избѣгая рѣшительной развязки дѣла. Нѣкоторые писатели, стараясь помрачить славу нашего вождя, упрекали его въ хитрости, двуличіи, дворскихъ пронскахъ. Дѣйствительно — Кутузовъ былъ одаренъ умомъ весьма тонкимъ, доставлявшимъ ему средства выходить съ успѣхомъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Суворовъ, котораго Кутузовъ былъ любимцемъ, говаривалъ о немъ, вовсе не въ укоръ: „уменъ, очень уменъ; его и Рибасъ не обманетъ“. Самъ Кутузовъ, въ 1812 году, отъѣзжая изъ Петербурга въ армію, на довольно нескромный вопросъ одного изъ ближайшихъ своихъ родныхъ: „Неужели вы, „дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?“ отвѣчалъ: „разбить?.... Нѣтъ! А обмануть — надѣюсь“. Кутузовъ, во всю свою жизнь, и тѣмъ болѣе въ преклонныхъ лѣтахъ, отличался уклончивостью, которая нерѣдко доходила до того, что онъ часто жертвовалъ собственными убѣжденіями. Одинъ изъ чиновниковъ главной квартиры его, Маевскій, говоритъ, что когда наши войска соединились на рѣкѣ Березинѣ, онъ осмѣлился доложить фельдмаршалу о пользѣ назначенія кого-либо начальникомъ артиллеріи всѣхъ русскихъ армій. „Кого же лучше — отвѣчалъ Кутузовъ — какъ не Рѣзваго; онъ

человѣкъ умный, опытный, и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ". Едва лишь онъ успѣлъ произнесть эти слова, какъ пріѣхалъ къ нему графъ Аракчеевъ. „Государю Императору угодно соединить командованіе всею артиллеріею въ лицѣ одного артиллерійскаго генерала, сказалъ онъ; выборъ его предоставленъ вашей свѣтлости. Его Величество полагаетъ, что всего ближе ввѣрить этотъ постъ А. П. Ермолову." — „Спросите у него,—отвѣчалъ Кутузовъ, указывая на Маевскаго, — мы только-что объ этомъ говорили, и я самъ хотѣлъ просить Государя Императора, чтобы назначенъ былъ Ермоловъ. Да и можно ли сдѣлать лучшій выборъ?"

Обычная скрытность князя Кутузова, обратясь въ привычку, заставляла его хитрить даже и тогда, когда не было въ томъ нужды, а горькій опытъ долгой жизни, хотя и убѣдилъ его въ неблагодарности многихъ облагодѣтельствованныхъ имъ людей, однакоже не предохранялъ его отъ вліянія лицъ пользовавшихся его довѣріемъ и иногда употреблявшихъ во зло его благосклонность.

Нѣкоторые иностранные писатели, и въ числѣ ихъ Тіеръ, вводя въ эпопею войны 1812 года мелочи частной жизни Кутузова, представляли его „до крайности развращеннымъ, лживымъ", и проч. Другіе старались выказать его лѣнивымъ и недѣятельнымъ, къ чему могла подать поводъ преклонность его лѣтъ, не позволявшая ему ни водить лично полки въ дѣло, ни заниматься письменною частью, которая дѣйствительно была запущена въ его арміи. Важнѣйшія бумаги, подносимыя къ подписи фельдмаршала, оставляемы были „до завтра", и это „завтра" иногда повторялось нѣсколько недѣль. Для него написать сряду нѣсколько словъ, либо подписать сряду десять бумагъ, было труднѣе нежели для другаго исписать кругомъ нѣсколько листовъ. Но когда онъ, въ хорошемъ расположеніи духа, говаривалъ приходившему съ дѣлами: „не сердись, любез-

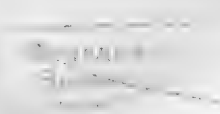
ный; я, право, завтра подпишу твои бумажки" (*), тогда можно было почти навѣрно надѣяться, что онъ сдержитъ слово. При столь сильномъ отвращеніи отъ всякой корреспонденціи, Кутузовъ сохранилъ до самой смерти даръ слова, которымъ онъ очаровывалъ всѣхъ и каждаго. Подобно даровитому импровизатору, онъ увлекалъ, приводилъ въ восторгъ и самъ проливалъ слезы, вызванныя чувствомъ. Никто ловче князя Кутузова не умѣлъ вознаграждать оскорбленія нанесеннаго по нетерпѣнію, либо горячности; никто лучше его не обладалъ искусствомъ льстить подъ личиною грубости. Однажды, когда Коновницынъ, представляя Кутузову лично одного изъ своихъ подчиненныхъ, выхвалялъ его храбрость, фельдмаршалъ, съ гнѣвомъ сказалъ: „Прошу васъ не брать его съ собою; вы, и безъ того, уже лишили меня многихъ достойныхъ людей." Несмотря на недовѣрчивость и скрытность своего характера, Кутузовъ былъ любимъ окружавшими его; недостатки и слабости его не помѣшали ему снискать и сохранить общее довѣріе войскъ. Когда наканунѣ Люценскаго сраженія одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала привезъ свѣдѣніе о его смерти, приказано было скрыть эту вѣсть въ глубочайшей тайнѣ: такимъ образомъ—уже не было Кутузова, но русская армія пошла въ бой какъ будто бы руководимая его тѣнью ([41]).

Не станемъ возвышать Кутузова на счетъ прочихъ сподвижниковъ Императора Александра I; не будемъ приписывать ему подвиговъ совершенныхъ другими дѣятелями въ великомъ дѣлѣ спасенія Отечества, но сохранимъ въ исторіи память чувствъ, которыя были питаемы къ нему Русскими въ 1812 году, и оставимъ безъ вниманія легкомысленный отзывъ о немъ Тіера. Остаемся въ надеждѣ, что соотечественники этого знаменитаго писателя будутъ

(*) Кутузовъ имѣлъ привычку употреблять въ разговорѣ слова въ уменьшительномъ видѣ.

безпристрастнѣе его къ нашему полководцу; они вели противъ Русскихъ многія войны, но, и враждуя между собою, обѣ націи уважали одна другую, а возстановивъ согласіе, питали взаимное сочувствіе и никогда не прибѣгали къ презрѣнному оружію злословія.

Кутузовъ, одаренный необыкновенною смѣтливостью, постигалъ вполнѣ, что Барклай де-Толли, избѣгая генеральнаго сраженія, дѣйствовалъ сообразно съ обстоятельствами, въ которыя онъ былъ поставленъ. Отъ проницательности опытнаго военачальника не укрылось также и то, что надлежало поступать и впредь подобно тому, какъ поступалъ Барклай. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Кутузовъ весьма хорошо зналъ, чего ожидала Россія отъ вождя своихъ армій, и потому, съ перваго дня своего назначенія, при всякомъ случаѣ, выказывалъ намѣреніе сразиться съ Наполеономъ.

11-го (23-го) августа, въ то самое время, когда наши Западныя арміи отступали къ Дорогобужу, Кутузовъ отправился изъ Петербурга на великій подвигъ — спасенія Отечества.

ГЛАВА XVI.

Свиданіе въ Або.

СОДЕРЖАНІЕ.

Переписка Императора Александра I съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ въ 1812 году. — Прибытіе Государя въ Або. — Свиданіе въ Або. — Послѣдствія его.

9-го (21-го) августа, на другой день по назначеніи Кутузова главнокомандующимъ русскими арміями, Императоръ Александръ отправился въ Або для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ.

Обстоятельства, подавшія поводъ къ сближенію Россіи и Швеціи, были слѣдующія. Еще въ то время, когда велись переговоры о заключеніи мира между сими Державами, въ Фридрихсгамѣ, шведскій король Карлъ XIII, находя уступку Аландскихъ острововъ весьма тягостною, обратился къ Наполеону, ходатайствуя объ оставленіи сихъ острововъ во владѣніи Швеціи и прося его заступничества. Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать что-либо въ пользу короля шведскаго, отвѣчалъ: „Обратитесь къ великодушію Императора Александра". Послѣдствія показали, что императоръ Французовъ, вовсе неумышленно, далъ королю весьма хорошій совѣтъ (1). Два года спустя, когда войска Наполеоновы вторгнулись въ Шведскую Померанію, наслѣдный принцъ, увѣдомляя нашего Государя объ этомъ нарушеніи народнаго права, полагалъ, что занятіе Помераніи предвѣщаетъ опасность угрожающую Россіи. „И потому — писалъ принцъ — необходимо, чтобы

*

„сношенія между нами отличались совершенною откровен-„ностью....... Однѣ лишь сѣверныя Державы могутъ по-„ложить преграду нашествіямъ, угрожающимъ распро-„страниться до самаго океана“ (²).

Въ отвѣтъ на это письмо, Императоръ Александръ изъявлялъ надежду, что союзъ между Швеціею и Россіею и высокія способности принца поразятъ бездѣйствіемъ разрушительные планы, угрожающіе общему спокойствію. „Съ моей стороны, — писалъ Государь, — ничего не будетъ „упущено для оправданія Вашихъ о мнѣ мыслей. Уваже-„ніе и дружба Вашего Высочества для меня весьма до-„роги и я льщу себя надеждою, что личное между нами „знакомство еще болѣе утвердило бы связи навсегда сое-„диняющія насъ (³).“

Вслѣдъ за тѣмъ былъ посланъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ графъ Сухтеленъ, съ порученіемъ — изложить королю и наслѣдному принцу виды нашего Государя. По этому случаю, Императоръ Александръ, изъявляя желаніе основать прочный союзъ между сѣверными Державами, писалъ къ принцу „: Только такой союзъ можетъ обезпечить политическое равновѣсіе отъ постоянно возрастающаго могущества Франціи, поддержанной ея данниками. Надѣюсь, что и прочія Державы послѣдуютъ примѣру Швеціи и Россіи. Высокія дарованія Вашего Королевскаго Высочества будутъ существенною опорою сего великаго дѣла. Вамъ предлежитъ честь, слѣдуя по стопамъ Густава—Адольфа, совершить то, что было имъ лишь начато. Но этотъ подвигъ, по моему убѣжденію, долженъ быть довершенъ другимъ, еще болѣе важнымъ. Я говорю о возстановленіи въ Европѣ свободы, угрожаемой варварствомъ, объ устремленіи мысли ко благу человѣчества, въ продолженіе многихъ лѣтъ столь безжалостно угнетаемаго (⁴).“

Въ отвѣтѣ на сіе письмо, наслѣдный принцъ, увѣряя

Императора Александра въ своей преданности и въ живѣйшемъ желаніи содѣйствовать великодушнымъ усиліямъ нашего Государя, писалъ „: Все для меня сдѣлается легко, лишь только отечество мое будетъ увѣрено въ пріобрѣтеніи необходимомъ для Швеціи (*), и тогда я буду въ состояніи доказать вполнѣ, какъ дорого цѣню довѣренность ко мнѣ Вашего Величества". Вмѣстѣ съ тѣмъ, наслѣдный принцъ извѣщалъ о предложеніи сдѣланномъ австрійскимъ резидентомъ при Стокгольмскомъ Дворѣ, графомъ Нейпергомъ, въ слѣдствіе письма къ нему князя Шварценберга, который, увѣдомляя его о союзномъ договорѣ заключенномъ между Австріею и Франціею, поручалъ ему пригласить шведское правительство къ участію въ семъ союзѣ, коего естественнымъ послѣдствіемъ, по увѣренію Шварценберга, долженствовало быть возвращеніе Шведамъ Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ доводилъ до свѣдѣнія Императора Александра, что Наполеонъ старается выставить Его зачинщикомъ войны, и потому, по всей вѣроятности, отложитъ на нѣкоторое время открытіе военныхъ дѣйствій. По мнѣнію наслѣднаго принца, это было выгодно для Россіи, которая могла, выигравъ время, пріобрѣсти новыхъ союзниковъ, между тѣмъ какъ правота защищаемаго ею дѣла незамѣтно привлечетъ на ея сторону общественное мнѣніе, бывшее понынѣ главною пружиною успѣховъ Наполеона. „Вѣроятность отсрочки „военныхъ дѣйствій между сѣверными Державами и Франціею, писалъ наслѣдный принцъ, облегчитъ Вашему Величеству заключеніе мира съ Портою, для котораго, по „моему мнѣнію, должно рѣшиться на всевозможныя пожертвованія. Султанъ, удостовѣрясь въ угрожающей ему „опасности, быть-можетъ, заключитъ союзъ съ Россіею, „Англіею и Швеціею, и, чтобы побудить его къ тому, „достаточно подать ему надежду на возобновленіе по-

(*) Норвегіи.

„кровительства Турціи надъ Рагузою и Семью-Островами „и на пріобрѣтеніе Далмаціи (5).“

Между тѣмъ, посланный королемъ шведскимъ въ Петербургъ графъ Левенгельмъ велъ переговоры, окончившіеся 24-го марта (5 апрѣля) заключеніемъ союзнаго трактата между Россіею и Швеціею. На основаніи этого договора, Императоръ Александръ обязался содѣйствовать шведскому правительству въ пріобрѣтеніи Норвегіи, слѣдствіемъ чего долженствовала быть высадка русско-шведскаго корпуса на берега сѣверной Германіи для диверсіи противъ Наполеона и его союзниковъ (6).

По поводу заключенія сего союзнаго договора, Императоръ Александръ изъявилъ Свое совершенное удовольствіе наслѣдному принцу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщая его о ненадежности расположенія Австріи къ Россіи, писалъ о необходимости изготовиться къ предстоявшей борьбѣ. По мнѣнію Императора Александра: „воинственные народы славянскаго происхожденія, будучи возбу„ждены къ вооруженію, могли бы образовать въ сово„купности значительныя силы и вмѣстѣ съ недовольными „Венгерцами сдѣлать важную диверсію противъ Австріи „и французскихъ владѣній, прилежащихъ къ Адріатиче„скому морю. Въ случаѣ успѣха, возможно проникнуть „чрезъ Боснію и Кроацію до самаго Тироля и открыть сноше„нія съ жителями этого края, а чрезъ нихъ и съ Швейца„ріею. Устройство всего относящагося къ исполненію этого „плана, поручено адмиралу Чичагову, человѣку дѣльному „(homme de tête), но необходимо, чтобы Англія под„держала Сѣверный Союзъ существенно, какъ морскими „силами на Балтійскомъ морѣ и принятіемъ на свое иж„дивеніе нѣмецкихъ баталіоновъ, сформированныхъ изъ „дезертировъ войскъ Рейнскаго Союза, такъ и снабже„ніемъ Славянъ, которые возстанутъ въ защиту общей „независимости, деньгами и боевыми припасами (7).“

Въ то же время, наслѣдный принцъ, желая побудить Оттоманскую Порту къ окончанію войны съ Россіею, отправилъ для переговоровъ съ Турками генерала барона Таваста, приказавъ ему явиться въ Петербургъ къ нашему Государю, чтобы получить надлежащее наставленіе (8). Императоръ Александръ, сообщая принцу извѣстіе о заключеніи Букарестскаго договора, отодвинувшаго границы имперіи до Прута и нижняго Дуная, изъявилъ свою признательность за порученіе данное генералу Таваст̃у и за инструкціи ему данныя (9).

Согласіе и искренность, господствовавшія въ сношеніяхъ между нашимъ Государемъ и принцемъ шведскимъ, возбудивъ недовѣрчивость агентовъ прочихъ европейскихъ державъ, заставили ихъ обратиться къ пронскамъ. Наслѣдному принцу донесено было изъ Парижа о нотѣ, полученной французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ отъ датскаго резидента въ Петербургѣ, Блума, въ которой сей дипломатъ писалъ, будто бы канцлеръ графъ Румянцевъ, говоря съ нимъ о современномъ положеніи дѣлъ, упрекалъ датское правительство въ сосредоточеніи войскъ на южныхъ границахъ королевства и въ намѣреніи образовать изъ нихъ гарнизоны Гамбурга и Любека, и, что будто бы канцлеръ, при этомъ случаѣ, ясно обнаружилъ предположеніе Императора Александра — содѣйствовать Швеціи въ пріобрѣтеніи Норвегіи. Наслѣдный принцъ, увѣдомляя нашего Государя объ этихъ слухахъ, которые могли разстроить виды союзныхъ сѣверныхъ державъ, писалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о посылкѣ Нарбонна въ главную квартиру нашей арміи. Остерегая Императора Александра на счетъ намѣреній Наполеона, принцъ шведскій писалъ: „Во всякомъ случаѣ, король и я — надѣемся, что „В. И. Величество, при возстановленіи мира съ Франціею, „обезпечите присоединеніе Норвегіи къ Швеціи, которая „можетъ принести дѣйствительную пользу Россіи только

„тогда, когда присоединитъ къ своимъ владѣніямъ эту „страну. Оставаясь въ нынѣшнихъ своихъ предѣлахъ, Швеція невольно склонится на сторону Франціи, которая постоянно будетъ манить ее надеждою пріобрѣтенія Норвегіи, либо возвращенія Финляндіи. Но спокойствіе сѣвера „Европы можетъ быть обезпечено только въ такомъ случаѣ, когда Швеція одолжена будетъ присоединеніемъ Норвегіи вліянію Вашего Величества. Только тогда изгладятся слѣды прежнихъ распрей между Русскими и Шведами, „которые, полагаясь на неизмѣнную преданность Россіи, „убѣдятся, что союзъ съ нею выгоднѣе всѣхъ прочихъ (10)".

Императоръ Александръ отвѣчалъ принцу, доказывая ему неоспоримыми доводами, что депеша, присланная изъ Парижа, была внушена единственно желаніемъ рассорить Швецію съ Россіею. Насчетъ Нарбонна, Государь писалъ: „Всѣ переданныя имъ предложенія не что „иное какъ совершенно искаженное начертаніе событій..... „Судя по всему, должно ожидать вскорѣ открытія военныхъ дѣйствій." Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императоръ Александръ, исполняя желаніе принца, уполномочилъ русскаго резидента въ Стокгольмѣ, генерала Сухтелена, заключить мирный договоръ съ Англіею, но съ условіемъ, чтобы одновременно съ подписаніемъ сего трактата Англичане обязались платить субсидіи Швеціи (11).

13-го (25-го) іюня, Императоръ Александръ, извѣщая принца о переходѣ Наполеоновыхъ войскъ чрезъ наши границы, писалъ„: Уповаю твердо на Промыслъ „Божій, на правоту моего дѣла и на храбрость моихъ армій. Надѣюсь также совершенно на дружбу короля „и Вашего Королевскаго Высочества"...... Два дня спустя, 15-го (27-го) іюня, наслѣдный принцъ, какъ-бы предчувствуя наступленіе роковой развязки, излагалъ свои мысли о способѣ веденія войны Наполеона въ слѣдую-

щихъ выраженіяхъ: „Привычка императора Наполеона ко-„мандовать большими арміями, весьма естественно посе-„ляетъ въ немъ самоувѣренность. Но ежели Ваше Ве-„личество успѣете сохранить свои средства; ежели избѣ-„жите генеральнаго сраженія, ограничиваясь маневри-„рованіемъ и частными встрѣчами, то Наполеонъ навѣр-„ное сдѣлаетъ какой-либо промахъ, которымъ можете „воспользоваться“ (12).

Императоръ Александръ, въ отвѣтъ на это письмо, извѣстилъ принца, что, слѣдуя началамъ, изложеннымъ въ его отзывахъ, Русскіе ведутъ войну выжиданія (une guerre de lenteur) и что Первая армія, уступая превосходству непріятеля въ силахъ, отступаетъ въ укрѣпленную позицію на Двинѣ, между тѣмъ какъ Вторая армія готовится, перейдя въ наступательное положеніе, направиться во флангъ непріятельской арміи. „Я буду — писалъ Государь — извѣщать Ваше Высочество о всѣхъ собы-„тіяхъ этой важной войны. Въ ожиданіи того, вѣрьте „мнѣ, что, какъ война уже началась, то я твердо рѣшился „вести ее цѣлые годы, хотя бы довелось мнѣ сражаться „на берегахъ Волги (13).“

Императоръ Александръ весьма высоко цѣнилъ дарованія наслѣднаго принца. „Да позволено мнѣ будетъ — писалъ онъ къ нему — сказать, что я весьма часто желалъ, „чтобы Ваше Высочество, находясь въ челѣ моихъ армій, „руководили Вашими высокими способностями и опытно-„стью ихъ дѣйствія, направляя всѣ силы къ достиженію „общей цѣли. Ваши письма были получены мною тогда „уже, когда недоставало времени измѣнить прежнія ра-„споряженія. Сознавая откровенно, что Ваши идеи несра-„вненно выше всего нами сдѣланнаго, скажу, что, по „крайней мѣрѣ, мы успѣли донынѣ избѣгать генеральныхъ „сраженій, и одерживали успѣхъ во всѣхъ частныхъ дѣ-„лахъ. Я недоволенъ движеніями Второй арміи, которая,

„дѣйствуя съ недостаточною быстротою, допустила предупредить себя на важномъ пунктѣ — Минскѣ; но не смотря „на то, надѣюсь, что мы исправимъ эту ошибку.

„Рѣшась продолжать войну до послѣдней крайности „(à outrance), я долженъ былъ озаботиться образованіемъ „новыхъ резервовъ..... (14).“

Что касается до плановъ дѣйствій нашей арміи, составленныхъ наслѣднымъ принцемъ, то, сколько можно судить изъ переписки его, онъ предлагалъ Императору Александру, сосредоточивъ войска подъ Смоленскомъ, дать генеральное сраженіе. „Потеря его — писалъ принцъ, — не угрожаетъ намъ вредными послѣдствіями, потому, что прибытіе резервовъ можетъ вознаградить уронъ русскихъ „войскъ, между тѣмъ какъ Наполеонова армія, ежедневно „ослабляемая болѣзнями и боемъ, должна вскорѣ потерять „перевѣсъ въ численномъ отношеніи. Быть-можетъ — „непріятель выиграетъ два или три сраженія, четвертое „будетъ нерѣшительно, и ежели Ваше Величество станете „настойчиво продолжать дѣло, то, безъ всякаго сомнѣнія, „выиграется пягое.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдный принцъ совѣтовалъ — направить Дунайскую армію на сообщенія Наполеона, къ Вильнѣ, и употребить войска рижскаго гарнизона для высадокъ въ тылу непріятеля у Митавы и далѣе, съ тою цѣлью, чтобы, заставя Макдональда раздробить силы, атаковать блокадный корпусъ подъ Ригою (15).

Императоръ Александръ, желая скрѣпить союзъ Россіи съ Швеціею, изъявилъ наслѣдному принцу, чрезъ графа Левенгельма, желаніе Свое лично узнать его. Король шведскій, получивъ о томъ свѣдѣніе отъ самаго принца, тотчасъ согласился на предложеніе нашего Государя. Слѣдствіемъ того было свиданіе Императора Александра съ принцемъ шведскимъ, въ Або. Государь, прибывъ въ сей городъ 12-го (24-го) августа, въ ше-

стомъ часу пополудни, остановился на большой площади, въ домѣ оберъ-директора Бреммера, гдѣ встрѣченъ былъ генералъ-губернаторомъ, членами Правительствующаго Совѣта (переименованнаго въ послѣдствіи въ Финляндскій Сенатъ), Верховнаго Суда, Университета, а равно духовенствомъ, магистратомъ и почетнѣйшими гражданами города. Всѣ улицы, по которымъ проѣзжалъ Императоръ, наполнены были густыми толпами народа, изъявлявшаго свою радость громкими восклицаніями, возобновлявшимися каждый разъ при появленіи Государя въ окнахъ занятыхъ имъ покоевъ. Какъ въ этотъ день, такъ и въ слѣдующіе, городъ былъ иллюминованъ, но никакихъ празднествъ не было, потому что Императоръ сказалъ представлявшейся Его Величеству депутаціи Абоскихъ гражданъ, что „по смутнымъ современнымъ обстоятельствамъ, не считаетъ совмѣстнымъ принять приглашеніе ихъ на приготовленный городомъ балъ".

Три дня спустя по пріѣздѣ Императора Александра I въ Або, 15-го (27-го) августа, прибылъ туда на фрегатѣ Яррамасъ наслѣдный принцъ шведскій ([16]). Пріемъ, сдѣланный ему нашимъ Государемъ, отличался радушіемъ и внимательностью. Въ продолженіе совѣщаній „о средствахъ для противодѣйствія Наполеону и для освобожденія Европы отъ наложеннаго на нее ига", наслѣдный принцъ, исполняя желаніе находившихся при немъ Шведовъ, ходатайствовалъ о возвращеніи Швеціи Аландскихъ острововъ. Императоръ Александръ отвѣчалъ: „Съ „удовольствіемъ исполнилъ бы просьбу В. В., еслибы не „былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что такая уступка „повредитъ мнѣ во мнѣніи моего народа. Для меня лучше „отдать Вамъ Ригу съ островами Эзелемъ и Даго, но „только въ залогъ до совершеннаго исполненія заключенныхъ между нами условій." Когда же наслѣдный принцъ сказалъ въ отвѣтъ, что слово нашего Государя

для него важнѣе всякаго вещественнаго залога, тогда Императоръ Александръ, пожавъ ему руку, отвѣчалъ, что онъ никогда не позабудетъ такого благороднаго поступка (17).

18-го (30-го) августа, уполномоченные обѣихъ Державъ, канцлеръ графъ Румянцевъ и графъ Левенгельмъ, подписали конвенцію слѣдующаго содержанія: Императоръ Александръ обязывался усилить вспомогательный корпусъ обѣщанный Швеціи до тридцати пяти тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ двадцать пять тысячъ прибудутъ въ Сканію къ концу сентября, а остальные десять тысячъ къ концу ноября, если только позволитъ погода. Лишь только двадцать пять тысячъ русскихъ войскъ будутъ высажены на шведскій берегъ, король шведскій откроетъ дѣйствія противъ датскихъ острововъ. Въ случаѣ отказа Даніи на уступку Норвегіи въ пользу Швеціи и на присоединеніе датскихъ войскъ къ союзной арміи, для совокупнаго дѣйствія противъ общаго непріятеля, наслѣдный принцъ шведскій сдѣлаетъ высадку на островъ Зееландію, но по завоеваніи онаго условится на счетъ владѣнія имъ съ Его Величествомъ, королемъ великобританскимъ. Императоръ Всероссійскій, уступая всякое притязаніе на сей островъ въ пользу короля шведскаго, предоставляетъ однакоже себѣ право утвержденія всѣхъ условій, имѣющихъ быть положенными по этому предмету между Швеціею и Великобританіею. Король шведскій, съ своей стороны, обязуется, въ случаѣ расширенія предѣловъ Россійской Имперіи, при заключеніи мира, до Вислы, признать такое увеличеніе русскихъ владѣній справедливымъ вознагражденіемъ пожертвованій и усилій сдѣланныхъ въ войнѣ противъ врага общаго. Его Величество, король великобританскій, приглашается къ подобному же обязательству въ отношеніи къ Россіи. Что касается до диверсіи, долженствующей быть сдѣланною союзниками въ Герма-

ніи, либо въ другой странѣ, положено было исполнить всѣ относящіяся къ тому распоряженія согласно съ условіями трактата 24-го марта (5-го апрѣля). Его Величество Императоръ обязуется выплатить Швеціи заимообразно полтора милліона рублей, въ продолженіе осьми мѣсяцевъ со дня размѣна ратификаціи настоящей конвенціи.

По отдѣльному секретному пункту, договаривающіяся Державы, желая, съ обоюднаго согласія, придать настоящему союзу характеръ фамильнаго соглашенія, обязывались, въ случаѣ враждебнаго покушенія какой-либо державы противъ Россіи или Швеціи, вспомоществовать одна другой корпусомъ войскъ, въ числѣ не болѣе двѣнадцати или пятнадцати тысячъ человѣкъ ([18]).

На другой день послѣ подписанія этого договора, Императоръ Александръ, въ присутствіи наслѣднаго принца, сдѣлалъ смотръ войскамъ 6-й, 21-й и 25-й дивизій, назначеннымъ для содѣйствія Шведамъ. „Ваши войска „превосходны; они принадлежатъ къ отборнымъ полкамъ „вашей арміи—сказалъ Государю принцъ шведскій. Эти „войска могутъ быть весьма полезны для Витгенштейна, „который, обороняясь какъ левъ противъ Удино и Мак-„дональда, ослабляется ежедневно. Пошлите ему въ по-„мощь эти тридцать пять тысячъ человѣкъ.“—„Вашъ „поступокъ прекрасенъ—отвѣчалъ Государь,—но я не „могу принять Вашего предложенія; если я это сдѣлаю, „какимъ образомъ Вы получите Норвегію?“—„Ежели ус-„пѣхъ будетъ на Вашей сторонѣ—продолжалъ принцъ—я „получу ее. Вы сдержите Ваше обѣщаніе. Если же Вы „будете побѣждены, Европа подвергнется порабощенію; „всѣ государи будутъ подчинены произволу Наполеона; „лучше быть простымъ пахаремъ, нежели властвовать на „такихъ унизительныхъ условіяхъ ([19]).“

Императоръ Александръ принялъ предложеніе наслѣднаго принца. Часть русскихъ войскъ, собранныхъ въ

Финляндіи, немедленно была отправлена моремъ въ Ревель, откуда двинулась къ Ригѣ и въ послѣдствіи вверхъ по Двинѣ, для содѣйствія графу Витгенштейну.

Нельзя не сознаться въ томъ, что наслѣдный принцъ, въ этомъ случаѣ, поступилъ, какъ вѣрный, преданный союзникъ. Вызовъ его — предоставить ввѣренный ему русскій корпусъ въ распоряженіе Императора Александра — былъ тѣмъ болѣе великодушенъ, что свиданіе въ Або сдѣлало не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе въ Швеціи, гдѣ многіе, не зная о видахъ принца на Норвегію, полагали, что единственною его цѣлью было возвращеніе Шведамъ Финляндіи и что послѣдствія переговоровъ въ Або не доставили Швеціи никакихъ выгодъ.

Свиданіе нашего Государя съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ упрочило между ними взаимное уваженіе и дружбу. Императоръ Александръ продолжалъ извѣщать короля Карла XIII и принца о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ войны, съ совершенною откровенностію ([20]). Въ послѣдствіи наслѣдный принцъ не оправдалъ надеждъ союзныхъ Монарховъ ополчившихся противъ Франціи: дѣйствія его были нерѣшительны и даже двуличны; упрекали его въ ненасытномъ властолюбіи, стремившемся къ господству надъ Франціею. Тѣмъ не менѣе однакоже Россія не можетъ забыть дружескихъ отношеній его къ Императору Александру I въ такое время, когда почти всѣ европейскіе властители, волею или неволею, держали сторону Наполеона. Одаренный умомъ тонкимъ, разсчетливымъ, наслѣдный принцъ предвидѣлъ торжество Россійскаго Монарха тогда, когда вся Европа была еще увѣрена въ непобѣдимости высокомѣрнаго завоевателя.

ГЛАВА XVII.

Ополченіе.

СОДЕРЖАНІЕ.

Общія распоряженія по ополченію. — *Ополченіе 1-го округа.* Губерніи: Московская, Тверская, Ярославская, Владимірская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская.—Общій выводъ объ ополченіи 1-го округа.—*Ополченіе 2-го округа.* Губерніи: С.-Петербургская, Новгородская.—*Ополченіе 3-го округа.* Общія распоряженія. Губерніи: Костромская, Нижегородская, Казанская, Вятская, Симбирская, Пензенская.—Исчисленіе силъ ополченія и пожертвованій сдѣланныхъ шестнадцатью губерніями всѣхъ трехъ округовъ.—Понятіе о современномъ духѣ рускаго народа.

Императоръ Александръ, во время пребыванія Своего въ Москвѣ, найдя во всѣхъ народныхъ сословіяхъ Россіи полную готовность къ пожертвованіямъ на пользу общую, повелѣлъ ограничить земскія вооруженія шестнадцатью губерніями, раздѣливъ ихъ на три округа (1). Вслѣдъ затѣмъ, Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, отъ 31-го іюля 1812 года, постановлено: „Для сосредоточенія и совокупнаго соображенія всѣхъ дѣлъ, до вновь образуемаго внутренняго ополченія относящихся, признавъ „нужнымъ учредить при лицѣ Нашемъ особый Комитетъ, „Повелѣваемъ присутствовать въ комитетѣ семъ: генералу-„отъ-артиллеріи графу Аракчееву, министру полиціи генералъ-лейтенанту Балашеву и государственному секретарю вице-адмиралу Шишкову. Доклады отъ Комитета „вносить къ Намъ министру полиціи, а правителемъ дѣлъ „онаго быть состоящему при министрѣ семъ, помощнику „статсъ-секретаря, статскому совѣтнику Баккаревичу (2)."

Для удобнѣйшаго обозрѣнія дѣятельности всѣхъ и каждаго по ополченію въ Россіи, изложимъ сперва общія, а потомъ частныя распоряженія.

Какъ только, по приказанію Правительствующаго Сената, разосланъ былъ Высочайшій Манифестъ 6-го іюля о всеобщемъ ополченіи, то Святѣйшій Сνнодъ положилъ, обнародовать оный чтеніемъ во всѣхъ церквахъ и отправлять послѣ каждой литургіи молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о побѣдѣ на супостаты. Вмѣстѣ съ разсылкою Высочайшаго Манифеста обнародовано было воззваніе Сνнода, призывавшее всѣ сословія Именемъ Господа на защиту Церкви, Государя и Отечества ([3]). Въ то же время опредѣлено: 1) изъ дохода, получаемаго отъ продажи свѣчей въ церквахъ, пожертвовать полтора милліона рублей на Петербургское и Московское ополченія; 2) пригласить все духовенство и мірянъ къ посильнымъ приношеніямъ; 3) причетниковъ и семинаристовъ, не выше риторическаго класса, увольнять, по собственному желанію, въ ополченіе, снабжая ихъ отъ церквей одеждою и продовольствіемъ и обезпечивая остающіяся, послѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, семейства.

Относительно общихъ распоряженій по ополченію, Комитетъ, состоявшій при Особѣ Государя, объявилъ слѣдующія Высочайшія повелѣнія:

1) Изъ всѣхъ пожертвованныхъ на ополченія суммъ составить особенный запасный капиталъ, который, безъ Высочайшаго разрѣшенія, ни на какіе предметы не расходовать ([4]). Какъ въ губерніяхъ, выставлявшихъ ополченіе, продовольствіе для ратниковъ назначено было не на одинаковое время, то отпускать провіантъ вездѣ на три мѣсяца; а все излишне взятое противъ того количество его зачесть въ число подушныхъ сборовъ ([5]). Начальникамъ губерній, не принадлежащихъ къ ополченію, предложить дворянамъ о вступленіи на службу въ ополченія другихъ губерній ([6]).

2) Допустить всѣхъ чиновниковъ обвиненныхъ въ маловажныхъ преступленіяхъ къ вступленію въ ополченіе, хотя бы и слѣдствіе надъ ними не окончилось, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, если для окончанія слѣдствія не нужно на мѣстѣ присутствіе подсудимаго (7).

Гражданскіе чиновники, не бывшіе прежде въ военной службѣ, опредѣлялись, при поступленіи въ ополченіе: тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, безъ присвоенія имъ военныхъ чиновъ, но съ правомъ носить генеральскій мундиръ. Статскіе, коллежскіе и надворные совѣтники ротмистрами и капитанами, и т. д.

Ополченія первыхъ двухъ округовъ, назначенныя къ неотлагательному дѣйствію противъ непріятеля, были собраны въ теченіе августа.

Ополченіе 1-го Округа, подъ начальствомъ Московскаго главнокомандующаго, графа Растопчина, за исключеніемъ Тверской и Ярославской земской силы, состоявшей въ распоряженіи принца Георгія Ольденбургскаго.

I. Московская губернія.

По обнародованіи Высочайшаго Манифеста 6-го іюля, о всеобщемъ ополченіи, были учреждены въ Москвѣ два Комитета: первый для пріема и вооруженія людей и для завѣдыванія ихъ продовольствіемъ, а второй для сбора пожертвованій, деньгами, оружіемъ, провіантомъ и виномъ, а равно для храненія и отпуска ихъ по назначенію.

Первый Комитетъ былъ составленъ изъ гражданскаго губернатора, губернскаго дворянскаго предводителя, градскаго главы и нѣсколькихъ чиновниковъ назначенныхъ по Высочайшему Повелѣнію; а второй—изъ вице-губернатора и двухъ депутатовъ, одного отъ дворянства и другаго отъ купечества. По Высочайшему Повелѣнію, 18-го іюля, назначены были присутствовать въ сихъ Ко-

митетахъ: въ первомъ: генералы-отъ-инфантеріи Архаровъ и Обольяниновъ и генералъ-отъ-кавалеріи Апраксинъ; а во второмъ — дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Юсуповъ (Указъ Правительствующаго Сената, 25-го іюля 1812 года).

Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, по единогласному рѣшенію дворянства, положено было выставить съ десяти ревизскихъ душъ по одному ратнику, и съ небольшимъ въ мѣсяцъ послѣ изданія Манифеста 18-го іюля собрано въ Московской губерніи 27,500 (а по другимъ свѣдѣніямъ 25,800) воиновъ земскаго ополченія. Въ составѣ его находились полки: конные казачьи, пѣшіе егерскіе и пѣшіе казачьи.

Каждый изъ конныхъ казачьихъ полковъ дѣлился на десять сотень, въ коихъ было по одному сотенному начальнику, по два оберъ-офицера, двѣнадцати урядниковъ, сто двадцати казаковъ и по одному писарю; всего же въ полку состояло: полковой начальникъ, десять сотенныхъ начальниковъ, двадцать четыре оберъ-офицера (въ числѣ которыхъ два полковыхъ адъютанта, полковой квартермистръ и казначей), сто двадцать урядниковъ, тысяча двѣсти казаковъ и четырнадцать писарей.

Въ составѣ каждаго изъ егерскихъ и пѣшихъ казачьихъ полковъ находились по четыре баталіона, а въ баталіонѣ по четыре сотни. Каждая сотня состояла изъ одного сотеннаго начальника, двухъ оберъ-офицеровъ, одиннадцати урядниковъ, ста пятидесяти егерей и одного писаря; всего же въ полку полагалось: полковой начальникъ, четыре баталіонныхъ начальника, сорокъ одинъ оберъ-офицеръ (въ числѣ которыхъ полковой адъютантъ, четыре баталіонныхъ адъютанта и четыре баталіонныхъ казначея), сто семьдесять шесть урядниковъ, двѣ тысячи четыреста егерей и двадцать шесть писарей.

Полки, баталіоны и сотни назывались по номерамъ.

Полковые начальники, избираемые изъ генералъ-маіоровъ, полковниковъ и подполковниковъ, утверждались Государемъ, баталіонные—генераломъ командующимъ земскою силою, а сотенные и всѣ оберъ-офицеры—полковымъ начальникомъ. Въ продолженіе августа было сформировано и выступило въ походъ двѣнадцать полковъ: одинъ конный казачій, три егерскихъ и восемь пѣшихъ казачьихъ. Кромѣ оружія пожертвованнаго лицами различныхъ сословій, отпущено изъ арсенала въ каждый полкъ по 500 ружей и на каждаго ратника по 60 патроновъ. Начальникомъ Московскаго ополченія былъ генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, а полковыми командирами: генералъ-маіоры: Талызины 1-й и 2-й, князь Одоевскій, Свѣчинъ, Обрѣзковъ, графъ Санти, Лопухинъ, Арсеньевъ, Лаптевъ, полковники: князь Четвертинскій и Аргамаковъ, и подполковникъ Свѣчинъ ([8]).

Кромѣ двѣнадцати полковъ губернскаго ополченія, четыре московскіе помѣщика вызвались сформировать на собственный счетъ четыре полка: графы Дмитріевъ-Мамоновъ и Салтыковъ—конные, а Демидовъ и князь Гагаринъ—пѣшіе. Оберъ-прокуроръ 6-го департамента Правительствующаго Сената, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, вызвавшись составить, на своемъ иждивеніи, конный полкъ, сформировалъ его въ пять эскадроновъ, на уланскомъ положеніи, за что былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ полка, который изъ Ярославской губерніи направленъ чрезъ Москву и, поступивъ въ составъ резервной арміи, участвовалъ въ заграничномъ походѣ, а потомъ расформированъ въ 1815 году. Полковникъ графъ Салтыковъ предложилъ также набрать, изъ людей разнаго званія, конный полкъ, въ составѣ десяти эскадроновъ, подъ названіемъ Московскаго гусарскаго полка. Этотъ полкъ сначала формировался въ Москвѣ и получилъ оружіе изъ тамошняго арсенала, а потомъ въ Казани; по

смерти же графа Салтыкова присоединенъ къ Иркутскому гусарскому полку (9). Формированіе остальныхъ двухъ полковъ не состоялось.

Штабъ и оберъ-офицерамъ Московскаго ополченія положены были мундиры обще-армейскіе; а тѣмъ, которые имѣли мундиры при отставкѣ, предоставлено право носить ихъ. Одежда нижнихъ чиновъ состояла въ русскомъ кафтанѣ съ кушакомъ и шараварахъ изъ сѣраго крестьянскаго сукна, русской рубашки съ косымъ воротникомъ, платка на шеѣ, фуражки и сапогъ. Кафтаны полагались такой ширины, чтобы можно было надѣвать подъ ними овчинные полушубки, которые въ теплое время носились скатанными сверхъ ранца, подобно шинелямъ. Каждый изъ ратниковъ носилъ на фуражкѣ мѣдный крестъ и подъ нимъ вензелевое имя Государя и надпись: „За Вѣру и Царя". Пѣшіе ратники имѣли ранцы, а конные—чемоданы и мѣшки для овса. Поклажа въ ранцахъ и чемоданахъ состояла изъ одной рубашки, двухъ холстинныхъ штановъ, рукавицъ, двухъ портянокъ, суконныхъ онучей, запасной пары сапоговъ и сухарей на трое сутокъ.

Полковые начальники не получали жалованья, какъ сказано было въ Положеніи о составѣ московской военной силы, „по важности званія, въ коемъ они служили, по особой довѣренности Государя Императора, изъ усердія къ Отечеству". Изъ числа баталіонныхъ начальниковъ, недостаточные получали пособіе; прочимъ же оберъ-офицерамъ выдавалось: сотеннымъ начальникамъ по 30-ти, а другимъ по 20-ти рублей въ мѣсяцъ. Кавалерійскіе офицеры получали единовременно на покупку лошадей по 150 рублей и фуражъ. Урядникамъ полагалось по 1 р. 25 к., казакамъ и егерямъ по 1р. въ мѣсяцъ, а всѣмъ нижнимъ чинамъ вообще провіантъ въ сухаряхъ. Офицерамъ, за отличіе въ сраженіяхъ, положены были награды наравнѣ съ офицерами дѣйствующихъ армій; изу-

вѣченнымъ же недостаточнаго состоянія предоставлено право на пенсію отъ московскихъ сословій. Нижнимъ чинамъ, за храбрость, была положена особая медаль; каждый изъ получившихъ ее, а равно каждый изъ сдѣлавшихся неспособнымъ отъ ранъ, имѣлъ право на пенсію равняющуюся жалованью положенному на временной службѣ (10).

Пожертвованія московскаго дворянства и купечества, деньгами и вещами, были весьма велики и моглибъ быть еще гораздо болѣе, еслибы занятіе Москвы непріятелемъ не прекратило усилій всѣхъ и каждаго изъ ея жителей содѣйствовать святому дѣлу защиты Отечества. Въ Комитетъ, учрежденный для принятія пожертвованій, поступило, по день закрытія его, 30-го августа, 3,293,790 рублей (въ томъ числѣ серебра въ слиткахъ и вещахъ 19 пудовъ, 31 фунтъ, 16 золотниковъ и золота 2 фунта, 11 золотниковъ); 4 Евангелія, 5 крестовъ и 5 дароносицъ; 4,843 аршина сукна, 4,928 аршинъ и 7 кусковъ холста, 80 кусковъ равендука, 112 бинтовъ, 2 пуда 25 фунтовъ корпіи; 12 мѣдныхъ и 2 чугунныя пушки, 175 ружей, 235 сабель, 326 пикъ, 100 тысячъ кремней; 6 ведръ вина, два ящика рома, и проч. Кромѣ-того, за нѣсколько дней предъ открытіемъ войны, когда требовались для арміи лошади, волы и провіантъ, а Московская губернія, по отдаленности отъ расположенія войскъ, не могла участвовать въ поставкахъ этихъ предметовъ, дворянское и купеческое сословія внесли въ одинъ день милліонъ рублей (11).

Московское ополченіе находилось въ сраженіи при Бородинѣ и другихъ дѣлахъ.

II. Тверская губернія.

Дворянство сей губерніи, немедленно по обнародованіи Высочайшаго Манифеста 6-го іюля, единодушно изъявило въ собраніи 18-го іюля „полную готовность, въ слу-

„чаѣ нужды, всѣмъ до единаго принять, каждому, по си-„ламъ и лѣтамъ, участіе въ защитѣ возлюбленнаго Монарха „и Отечества, и жертвовать для сего всѣмъ своимъ досто-„яніемъ" ([12]). Для завѣдыванія всѣми дѣлами ополченія учрежденъ былъ комитетъ Тверской военной силы, и Положеніе объ оной удостоилось Высочайшаго утвержденія, 8-го августа; этимъ же положеніемъ руководствовались Новгородская и Ярославская губерніи. Тверское дворянство постановило собрать во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ каждыхъ 500 душъ по 20 ратниковъ, въ число которыхъ одного коннаго, что составило 12,366 пѣшихъ и 665 конныхъ воиновъ. Изъ нихъ было сформировано шесть полковъ: пять пѣшихъ и одинъ конный. Начальникомъ Тверскаго ополченія былъ избранъ генералъ-лейтенантъ Тыртовъ (*), а полковыми командирами: генералъ-маіоры Баклановскій, Загряжскій; дѣйствительные статскіе совѣтники Полтарацкій и князь Шаховской, полковники Долгополовъ и Болтинъ, командовавшій коннымъ полкомъ. Кромѣ шести полковъ губернскаго ополченія, былъ сформированъ въ Твери баталіонъ изъ удѣльныхъ крестьянъ Великой Княгини Екатерины Павловны ([13]).

Что касается до вооруженія Тверской земской силы, то дворянство могло снабдить ратниковъ только пиками. Одежда и снаряженіе были по образцу Московскаго ополченія. Провіантомъ снабжены были ратники на четыре мѣсяца. Конные получили лошадей со всею сбруею и по 25-ти рублей въ мѣсяцъ на фуражъ. Въ половинѣ іюля военный министръ отнесся къ тверскому губернатору Кологривову о заготовленіи въ Твери и Ржевѣ по 58,476 четвертей муки, 5,480 четвертей крупъ и 75,588 четв. овса, и того 116,952 четверти муки, 10,960 четв. крупъ и 151,176 четвертей овса. Тверское дворянство, не имѣя

(*) Командовавшій Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ въ Италіянскомъ и Швейцарскомъ походахъ Суворова.

въ наличности такого количества припасовъ, предложило внести по два пуда муки съ каждой ревизской души изъ сельскихъ магазиновъ и по два четверика овса наступавшей жатвы, что́ составляло 75 тысячъ четвертей муки и 75 тысячъ четвертей овса; вмѣстѣ съ тѣмъ, дворянство приняло на себя доставку этихъ припасовъ въ Тверь и Ржевъ. Кромѣ пожертвованій общихъ, нѣкоторые изъ дворянъ сдѣлали особыя значительныя приношенія деньгами и провіантомъ. Бывшій тверской генералъ-губернаторъ, принцъ Георгій Ольденбургскій, донося о томъ Государю, писалъ: „Дворянство Тверской губерніи въ семъ случаѣ „явило прямо вѣрноподданническое благоговѣніе къ Ав„густѣйшей волѣ и одному только русскому дворянству „свойственную любовь къ Отечеству. Оно готово, если „угодно Вашему Величеству, и если нужно для безо„пасности государства, пролить всю кровь и не пощадить „всего достоянія своего“ (14). Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, купечество и граждане Твери и прочихъ городовъ губерніи пожертвовали на ополченіе 308,100 рублей (15). Вообще же пожертвованія Тверской губерніи деньгами и припасами, по имѣющимся неполнымъ свѣдѣніямъ, простирались до двухъ милліоновъ рублей (16).

Тверское ополченіе, будучи сформировано въ мѣстахъ не подвергшихся нашествію непріятеля, получило довольно хорошее устройство, чему служатъ свидѣтельствомъ нѣкоторые изъ наставленій и приказовъ отданныхъ начальникомъ его, генераломъ Тыртовымъ (17).

Конное Тверское ополченіе участвовало въ войнѣ 1812 года и въ заграничномъ походѣ.

III. Ярославская губернія.

Ярославское дворянство, изъявивъ единодушно готовность свою, „принести и жизнь, и все достояніе, на

„пользу Отечества и Престола, еслибъ обстоятельства то-„го востребовали“ ([18]), положило выставить съ каждыхъ 25-ти ревизскихъ душъ по одному человѣку, что̀ составило 11,112 ратниковъ. Изъ нихъ, чрезъ шесть недѣль, было сформировано пять казачьихъ полковъ, и въ томъ числѣ: одинъ конный, въ 670 человѣкъ, и четыре пѣшихъ, каждый въ 2,600 человѣкъ. Начальникомъ Ярославскаго ополченія былъ генералъ-маіоръ Дедюлинъ, а полковыми командирами: полковники: Селифонтовъ и Михайловъ, подполковники: Соколовъ, Куломзинъ и князь Ухтомскій, коего мѣсто въ послѣдствіи занялъ подполковникъ Омельяновъ. Дворянство изъявило желаніе содержать ополченіе на своемъ продовольствіи цѣлый годъ. Кромѣ-того, различными сословіями губерніи, сдѣланы были слѣдующія пожертвованія: деньгами болѣе 400,000 рублей; золота 2 фунта, 41½ золотникъ; серебра 3 пуда, 37 фунтовъ, 55½ золотниковъ; муки 1430 кулей, овса 450 четвертей, крупъ 100 четвертей, гороху 1,000 пудовъ, и проч. Всего же на сумму 500 тысячъ рублей ([19]).

Ярославское ополченіе участвовало въ осадѣ Данцига.

IV. Владимірская губернія.

Дворянство, въ продолженіе пяти недѣль, выставило съ 320,000 ревизскихъ душъ, состоявшихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, шесть пѣшихъ полковъ, въ числѣ вообще 15,086 человѣкъ, которые были одѣты въ казачьи кафтаны, вооружены пиками и саблями и снабжены провіантомъ на три мѣсяца. Начальникомъ Владимірскаго ополченія былъ генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, а полковыми командирами: генералъ-маіоръ Меркуловъ, дѣйствительные статскіе совѣтники Страховъ и Зубовъ, полковники: Поливановъ, Черепановъ и Нефедьевъ, по смерти котораго азначенъ подполковникъ Костянской.

Пожертвованія деньгами владимірскаго дворянства состояли: изъ собранныхъ на содержаніе ополченія съ помѣщичьихъ имѣній, по рублю съ души, 320 тысячъ рублей, и 6,705 рублей въ пользу недостаточныхъ офицеровъ, поступившихъ въ одинъ изъ полковъ формировавшихся во Владимірѣ, подъ начальствомъ князя Лобанова-Ростовскаго; изъ пожертвованныхъ въ пособіе недостаточнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ 38,000 рублей и на обмундированіе отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, пожелавшихъ служить въ ополченіи, 3,384 рубли. Крестьяне, узнавъ отъ мѣстнаго начальства о надобности въ продовольствіи для двухъ полковъ формировавшихся во Владимірѣ, пожертвовали 15,314 рублей и 3,250 четвертей хлѣба, и кромѣ-того приняли участіе въ составленіи для арміи и отправленіи къ войскамъ подвижнаго магазина изъ 408 повозокъ, 413 погонщиковъ и 900 лошадей, съ шестью стами четвертей сухарей, пятидесятью шестью — крупъ и шестью стами — овса. Вообще же пожертвованія Владимірской губерніи деньгами и припасами простирались до 800,000 рублей ([20]).

V. Рязанская губернія.

Дворянство сей губерніи изъявило готовность: „исполнить Высочайшую волю, не щадя ни жертвъ, ни самаго живота, на составленіе ополченія" ([21]). Положено было выставить съ каждыхъ 22-хъ душъ по одному воину, что вообще составило 15,918 ратниковъ, изъ коихъ, въ продолженіе пяти недѣль, устроено семь полковъ (одинъ конный казачій, два егерскихъ и четыре пѣшихъ казачьихъ). Всѣ они были вооружены пиками и получили отъ помѣщиковъ провіантъ на три мѣсяца, а для снабженія коннаго полка лошадьми, выставлено съ каждыхъ 250 помѣщичьихъ душъ по одной лошади, всего же 1,320

коней. Начальникомъ Рязанскаго ополченія былъ генералъ-маіоръ Измайловъ, а полковыми командирами: генералъ-маіоръ Шишкинъ, полковники: Масловъ, Дубовицкій, князь Друцкой, Рынкевичъ, Рахмановъ и подполковникъ Масловъ.

Кромѣ обмундированія и вооруженія земской силы, дворянство рязанской губерніи пожертвовало: во-1-хъ, на покупку сѣдель и артельныхъ котловъ по 25 коп. съ ревизской души, всего 89,340 рублей; во-2-хъ, на постройку ранцевъ, либо чемодановъ и фуражекъ, по пяти рублей на каждаго ратника, всего 89,090 рублей; въ-3-хъ, деньгами на ополченіе 227,848 рублей; кромѣ-того — дворяне, купцы, мѣщане и крестьяне пожертвовали 107,980 рублей. На аммуницію и обозъ для двухъ полковъ резерва, формировавшихся въ Рязани, съ дворянскаго сословія собрано 252,936 рублей, а съ купечества и мѣщанства 27,606 рублей; безденежная поставка провіанта для сихъ полковъ, считая по существовавшимъ тогда цѣнамъ, стоила до 83,124 рублей; сверхъ-того, забрано проходившими чрезъ губернію въ 1812 году воинскими командами, подъ квитанціи, разныхъ продуктовъ на 53,519 руб., изъ коихъ пожертвовано въ пользу казны 35,429 рублей. Въ сентябрѣ, для образованія подвижнаго магазина, дворянство поставило: 292 погонщика, 318 паръ лошадей, 477 четвертей сухарей, 44 четверти крупъ и 477 четвертей овса; тогда же пожертвовано для арміи 20 тысячъ паръ сапоговъ. Вообще пожертвованія Рязанской губерніи деньгами и припасами простирались свыше 800 тысячъ рублей.

Въ началѣ сентября, когда непріятель, по занятіи Москвы, направился по рязанской дорогѣ, а русская армія перешла на калужскую дорогу, рязанскій губернаторъ, сдѣлавъ необходимыя приготовленія къ отправкѣ водою всѣхъ дѣлъ и денежной казны, обнародовалъ воззваніе къ обывателямъ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

„Единодушіе и поголовщина могутъ еще удержать злаго „непріятеля, который губитъ все огнемъ и мечемъ. Если „же случится, что чрезъ нашу губернію врагъ покусится „идти далѣе по Россіи, то пусть прежде мертвыми тѣлами „нашими устелетъ путь свой. Богъ накажетъ его, а со- „сѣди наши отмстятъ ему“ (22).

Рязанское ополченіе принимало участіе въ блокадѣ крѣпости Глогау.

VI. Тульская губернія.

Пожертвованія тульскаго дворянства были весьма значительны. Положено было выставить 15,000 ратниковъ (23), сформировать изъ нихъ семь полковъ (два конныхъ казачьихъ, одинъ егерскій и четыре пѣшихъ казачьихъ) и одну конно-артиллерійскую роту, для которой орудія присланы изъ Москвы (24). Ополченіе было составлено въ 36 дней. Начальникомъ его избранъ тульскій гражданскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Богдановъ (служившій прежде генераломъ въ артиллеріи); полковыми командирами: 1-го коннаго полка генералъ-маіоръ князь Щербатовъ, 2-го коннаго подполковникъ Беклемишевъ, егерскаго генералъ-маіоръ Миллеръ; пѣшихъ: генералъ-маіоръ Рахмановъ (мѣсто котораго послѣ занялъ подполковникъ Колюбакинъ), полковники: Владыкинъ, Свѣчинъ, Бобрищевъ-Пушкинъ; конною ротою командовалъ маіоръ Кучинъ, а потомъ, по болѣзни его, поручикъ Зыбинъ, по смерти котораго принялъ команду поручикъ Новокщановъ; наконецъ — баталіономъ, составленнымъ изъ оставшихся ратниковъ, командовалъ маіоръ Доброклонскій (25).

По выступленіи ополченія изъ уѣздовъ, дворяне вооружили своихъ крестьянъ, кто чѣмъ могъ, ружьями, пиками, саблями, топорами и косами, и выбрали изъ среды себя начальниковъ. Такимъ образомъ, независимо отъ губерн-

скаго ополченія, образовались изъ всего мужескаго народонаселенія конныя и пѣшія команды, содержавшія караулы и высылавшіяся въ разъѣзды. Уѣздные города, слѣдуя этому примѣру, вооружили часть своихъ граждань подъ начальствомъ городничихъ; часть тульскихъ мѣщанъ, вооруженная пиками, была придана баталіону внутренней стражи. Вся губернія представляла какъ-бы лагерь составленный изъ мирныхъ гражданъ, ополчившихся на защиту Отечества (26).

Еще до открытія военныхъ дѣйствій послѣдовалъ Высочайшій Рескриптъ, на имя тульскаго гражданскаго губернатора, о сборѣ съ губерніи, на покупку воловъ для арміи, 700,000 рублей (27). Эта сумма была немедленно внесена дворянствомъ. Въ началѣ іюля, другимъ рескриптомъ, Высочайше Повелѣно доставить изъ Тулы въ Калугу провіантъ и фуражъ для арміи, съ уплатою за эту поставку денегъ изъ казны (28). Дворянство немедленно положило поставить 69,872 четверти сухарей, крупъ и овса, изъ сельскихъ магазиновъ, безъ всякаго вознагражденія. Въ донесеніи о томъ, гражданскій губернаторъ писалъ: „Имѣя въ виду настоящее положеніе и надобность „любезнаго Отечества, съ чувствомъ усердныхъ сыновъ, „приноситъ дворянство такое пожертвованіе и обязуется „изъ собственныхъ своихъ прибытковъ засыпать взятый „нынѣ въ магазинахъ хлѣбъ безъ всякой уплаты“ (29).

Когда, по случаю усиленныхъ передвиженій войскъ, оказался въ артиллеріи дѣйствующей арміи недостатокъ въ лошадяхъ, тогда фельдмаршалъ Кутузовъ, 7-го сентября, предписалъ тульскому губернатору спѣшить конные полки ополченія и прислать двѣ тысячи лошадей въ армію, но предписаніемъ отъ 10-го сентября, отмѣнивъ сіе распоряженіе, ограничился требованіемъ пятисотъ лошадей. Между тѣмъ, дворянство, желая сохранить конные полки въ томъ видѣ, какъ они были составлены, положило со-

брать 150 тысячъ рублей на покупку тысячи лошадей, которыя и отправлены въ главную квартиру (30).

При наступленіи осени, фельдмаршалъ предписалъ, 13-го сентября, тульскому губернатору заготовить для войскъ, на счетъ казны, двадцать тысячъ полушубковъ и двадцать тысячъ паръ сапоговъ. Въ теченіе одного мѣсяца отправлено 18,500 полушубковъ, на счетъ дворянъ, въ Смоленскъ и Вильну, а остальные поступили на нижнихъ воинскихъ чиновъ отправлявшихся изъ госпиталей въ армію. Въ послѣдствіи, когда истраченная на полушубки сумма назначена была въ возвратъ изъ казны, дворянство, желая изъявить свое благоговѣніе къ памяти М. И. Кутузова, пожертвовало эти деньги Тульскому Александровскому училищу, съ тѣмъ, чтобы, подъименемъ пансіонеровъ покойнаго фельдмаршала, воспитывались тамъ спроты неимущихъ дворянъ Тульской губерніи (31). Вообще же сумма, пожертвованная дворянствомъ на сей предметъ, простиралась болѣе 90,000 рублей.

11-го сентября, по случаю приближенія арміи къ границамъ губерніи, дворянство положило собрать для войскъ по двадцати фунтовъ сухарей съ ревизской души, всего же 200,552½ пуда. Все это количество, по распоряженію интендантства арміи, сперва было свезено въ складочныя мѣста Тульской и Калужской губерній, а потомъ, на счетъ жителей ихъ, доставлено къ арміи въ Смоленскъ. Когда главнокомандующій потребовалъ для арміи крупъ, тогда дворянство, отказавшись отъ всякаго за то вознагражденія, положило собрать по ½ гарнцу крупъ съ ревизской души, всего 3,691 четверть, и отправило весь этотъ запасъ на обывательскихъ подводахъ вслѣдъ за войсками въ Ельню. Когда же главнокомандующій извѣстилъ губернатора, что армія, преслѣдовавшая непріятеля, по раззореннымъ мѣстамъ, подвергалась недостатку въ продовольствіи, дворянство снова

пожертвовало 14,215 четвертей хлѣба, который немедленно былъ отправленъ частью прямо къ арміи въ Минскъ, частью въ складочные пункты Мосальскъ и Юхновъ.

На продовольствіе присланныхъ изъ арміи въ Тульскую губернію, до востребованія, 4,494 воловъ, пожертвовано различными сословіями тридцать четыре тысячи пудовъ сѣна. Кромѣ-того, по предписанію главнокомандующаго отъ 30-го сентября, было собрано дворянствомъ для арміи сто тысячъ пудовъ сѣна; но только часть этого фуража успѣла достигнуть своего назначенія; доставка же остальнаго количества, по случаю ускореннаго преслѣдованія нашими войсками Французовъ, была отмѣнена, съ тѣмъ, чтобы на подводахъ, приготовленныхъ для перевозки фуража, доставить вслѣдъ за арміею запасъ сухарей пожертвованный дворянствомъ. Всего же въ различное время выслано съ продовольствіемъ къ арміи до сорока тысячъ подводъ; а подъ свозъ проходившихъ чрезъ губернію казенныхъ транспортовъ, больныхъ, раненыхъ, плѣнныхъ, и для проходившихъ командъ, выставлено въ распоряженіе губернскаго начальства до ста пяти тысячъ подводъ.

При учрежденіи въ городахъ: Тулѣ, Одоевѣ и Бѣлевѣ временныхъ госпиталей, каждаго на шесть тысячъ больныхъ, было собрано, для первоначальнаго снабженія ихъ дровами и соломою, со всѣхъ помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ, по десяти копѣекъ съ души. Купцы и мѣщане пожертвовали на сей же предметъ 25,000 рублей, а дворянское сословіе приняло на себя продовольствованіе всѣхъ больныхъ и раненыхъ оставшихся въ губерніи. Кромѣ-того, на устройство и содержаніе особаго госпиталя при рекрутскомъ депо, пожертвовали купцы по двадцати, а мѣщане и крестьяне по четыре копѣйки съ души.

Въ продолженіе семи мѣсяцевъ, тульское дворянство содержало на собственный счетъ свое ополченіе, въ числѣ

15,000 человѣкъ и 2,746 лошадей, снабжая его жалованьемъ, провіантомъ и фуражемъ, и пожертвовало, при выступленіи его къ границамъ Имперіи, для недостаточныхъ офицеровъ, 59,375 рублей.

Общее число приношеній деньгами, сдѣланныхъ тульскими купцами и мѣщанами, простиралось до 367,658 рублей 80 копѣекъ, и, кромѣ-того, какъ уже сказано, сіи сословія участвовали во многихъ безплатныхъ поставкахъ. Пожертвованія дворянства деньгами, не считая снаряженія и снабженія жалованьемъ и продовольствіемъ губернскаго ополченія и другихъ поставокъ, простирались свыше милліона рублей; а вмѣстѣ съ различными поставками въ натурѣ до 4,446,840 рублей ([32]).

Тульское ополченіе участвовало въ осадѣ Данцига, а 1-й конный полкъ дошелъ до Парижа.

VII. Калужская губернія.

Какъ только полученъ былъ въ Калугѣ Высочайшій Манифестъ о сборѣ ополченія, то дворянство положило выставить 15,000 ратниковъ, изъ коихъ было сформировано шесть полковъ (одинъ конный и пять пѣшихъ казачьихъ) и егерскій баталіонъ. Начальникомъ всего ополченія былъ избранъ генералъ-лейтенантъ Шепелевъ, а полковыми командирами: генералъ-маіоръ Львовъ, бригадиръ князь Львовъ, полковники: Раевскій, Яковлевъ, Шепелевъ и подполковникъ Львовъ (о командирѣ егерскаго баталіона свѣдѣній не имѣется). При началѣ формированія ополченія, калужскій губернаторъ Каверинъ издалъ воззваніе къ жителямъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Дворянство понесетъ жизнь свою и жизнь своихъ дѣтей, „поведетъ съ собою крестьянъ, единственное свое достояніе, „оправдаетъ отличныя права свои и преимущества отлич„ными подвигами. Груды костей пораженнаго непріятеля

„будутъ неизгладимыми памятниками достохвальныхъ „подвиговъ ихъ, если онъ простретъ далѣе дерзость свою. „Къ вамъ, почтенные граждане, относу теперь Монаршее „воззваніе, зная совершенно, что и вы не откажетесь „пожертвовать капиталомъ своимъ на вооруженіе ополче-„нія, которое идетъ на защиту вашихъ дѣтей, вашихъ „домовъ, васъ самихъ. Прахъ отцовъ вашихъ возопіетъ на „васъ, если укосните вашимъ избыткомъ жертвовать въ „сихъ смутныхъ обстоятельствахъ Отечества. Слезы потом-„ковъ вашихъ изліются предъ судомъ Божіимъ на обви-„неніе васъ, если отречетесь участвовать въ предлежа-„щемъ подвигѣ." Въ теченіе мѣсяца, ополченіе было сфор-мировано и снабжено всѣмъ нужнымъ. Калужскій губернаторъ приказалъ исправить хранившіяся отъ прежней милиціи пики, сабли, тесаки и пистолеты, вызвалъ изъ Тулы оружейниковъ и послалъ на тульскій и шостенскій заводы купить ружья и порохъ.

Въ Калугѣ назначено было заготовить большіе запасы провіанта, на счетъ казны, и на сей предметъ назначено отпустить 1,125,000 рублей. Но дворянство приняло на себя эту поставку, безъ всякаго вознагражденія, и сверхъ требуемаго количества, семидесяти тысячъ четвертей хлѣба, пожертвовало еще десять тысячъ четвертей. Въ числѣ многихъ приношеній, сдѣланныхъ калужскими дворянами, было 710 лошадей для артиллеріи, стоившихъ вмѣстѣ съ содержаніемъ до самаго выхода ихъ въ Смоленскую губернію болѣе 158,000 рублей. Калужское купечество, при полученіи Высочайшаго Манифеста объ ополченіи, собрало въ двое сутокъ сто пятьдесятъ тысячъ рублей. Вообще же пожертвованія Калужской губерніи, не считая издержекъ на снаряженіе и продовольствованіе ополченія и на поставку подводъ, простирались до 1,600,000 рублей (33).

Калужское ополченіе участвовало въ осадѣ Данцига.

VIII. Смоленская губернія.

Еще прежде воззванія Государя объ ополченіи, находившіеся въ отставкѣ смоленскіе дворяне, четыре родные братья Лесли, узнавъ о приближеніи непріятельскихъ войскъ къ границамъ губерніи, явились въ Смоленскъ къ губернскому предводителю дворянства, съ изъявленіемъ желанія жертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ для составленія ополченія въ защиту Отечества. Губернскій предводитель, одобривъ вызовъ братьевъ Лесли, созвалъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Смоленскѣ дворянъ, для предложенія имъ о сформированіи общаго ополченія; и, убѣдясь въ совершенной готовности ихъ выставить до двадцати тысячъ и болѣе ратниковъ, отправилъ подполковника Энгельгардта въ Дриссу, съ донесеніемъ на Высочайшее Имя, о желаніи смоленскихъ дворянъ вооружиться противъ непріятеля. Императоръ Александръ, принявъ сей вызовъ за знакъ вѣрности и любви къ Монарху и Отечеству всегда отличавшагося ревностью къ службѣ смоленскаго дворянства, Всемилостивѣйше изъявить изволилъ оному особенное Свое благоволеніе, въ увѣренности, что все сіе въ скоромъ времени приведется въ исполненіе, и что въ снабженіи ратниковъ оружіемъ употреблено будетъ всякое стараніе и дѣятельность ([34]). Вслѣдъ затѣмъ, Государь, во время пребыванія Своего въ Смоленскѣ, соизволилъ вручить губернатору, при губернскомъ предводителѣ, записку о размѣщеніи ратниковъ въ различнаго рода войска ([35]).

Несмотря однакоже на усердіе Смолянъ, непосредственно за тѣмъ послѣдовавшее вторженіе непріятельской арміи въ ихъ губернію, вмѣстѣ съ доставкою къ нашимъ войскамъ различныхъ потребностей и съ прочими повинностями, чрезвычайно затруднило образованіе Смоленскаго ополченія. Занятіе непріятелемъ порѣченскаго и красней-

скаго уѣздовъ остановило тамъ земскія вооруженія; ополченія прочихъ уѣздовъ собирались въ Дорогобужѣ. Число ратниковъ, выставленныхъ отъ Смоленской губерніи, показано въ свѣдѣніяхъ доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ въ 12,143 человѣка ([36]), но какъ множество вооруженныхъ Смолянъ присоединилось къ русской арміи на пути отступленія нашихъ войскъ отъ Дорогобужа къ Бородину, то и можно съ большою достовѣрностью полагать, что число всего ополченія простиралось до двадцати тысячъ воиновъ. Само собою разумѣется, что, за недостаткомъ времени, оно не могло получить окончательнаго устройства. Начальникомъ его былъ избранъ генералъ-лейтенантъ Лебедевъ, а потомъ генералъ-маіоръ Виспицкій. Небольшая часть ополченія, собранная братьями Лесли (*), находилась при войскахъ генералъ-маіора Оленина, составлявшихъ авангардъ отряда генералъ-адъютанта Винценгероде, при расположеніи его въ Смоленскѣ, до соединенія тамъ Западныхъ армій ([37]). Въ продолженіе занятія непріятелемъ Смоленской губерніи и дальнѣйшаго его нашествія, во всѣхъ уѣздахъ ведена была поселянами и гражданами народная война.

Пожертвованія Смолянъ деньгами и различнаго рода поставками были чрезвычайны. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что они принесли на алтарь Отечества все достояніе свое. Кромѣ снаряженія земской силы, пожертвовано: деньгами 52,600 рублей; муки 105,740 четвертей, крупъ 8,856 четвертей, овса и разнаго хлѣба 211,796 четвертей, печенаго хлѣба 9,260 пудовъ, сухарей 41,600 пудовъ; сѣна 2,516,000 пуд.; скота крупнаго 31,680 и мелкаго 38,900 штукъ; говядины болѣе тысячи пуд.; лошадей для артиллеріи строевыхъ и подъемныхъ 1,112, телѣгъ 854; тулуповъ 1,910; холста 1,000 аршинъ; рубахъ 2,000. Ко

(*) Въ числѣ 60 человѣкъ конницы. Смоленскія губернскія вѣдомости. 1857 г. № 9-й.

всему этому присоединивъ сумму истраченную на вооруженіе людей охранявшихъ границы уѣздовъ отъ непріятельскихъ набѣговъ и на содержаніе подводчиковъ и лошадей при подводахъ, выставленныхъ въ числѣ 127-ми тысячъ, оказывается, что пожертвованія Смоленской губерніи вообще простирались свыше 9,800,000 рублей ([38]). Какъ ни значительны показанныя нами цифры, они все-еще ниже дѣйствительности, потому-что въ этой суммѣ не помѣщены ни запасы взятые для войскъ изъ сельскихъ магазиновъ, ни многія поставки сдѣланныя жителями прямо въ армію, безъ сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ.

Число ратниковъ ополченія 1-го Округа вообще простиралось болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ. Вся эта земская сила, въ теченіе полутора мѣсяца, была сформирована и готова къ выступленію въ назначенныя для каждаго ополченія мѣста: Московское къ Воскресенску, Звенигороду, Можайску и Подольску; Тверское къ Клину, Ярославское къ Дмитрову, Владимірское къ Богородску, Рязанское къ Каширѣ, Тульское къ Серпухову, Калужское къ Вереѣ, Смоленское, вмѣстѣ съ арміею, къ Можайску. Поспѣшность, съ которою было составлено ополченіе 1-го Округа, не позволила ни снарядить его надлежащимъ образомъ, ни дать ему достаточное военное образованіе. Ратники, большею частью, были вооружены только пиками и рогатинами, и обуты въ лапти, что заставило употреблять ихъ, почти исключительно, для поданія помощи раненымъ, либо ставить въ третью шеренгу пѣхоты регулярныхъ войскъ. Въ послѣдствіи, когда на сообщеніяхъ непріятеля возгорѣлась народная война, Тверское и Смоленское ополченія, дѣйствуя въ видѣ партизанскихъ отрядовъ и возбуждая къ вооруженію крестьянъ, принесли большую пользу нашей арміи.

Ополченіе 2-го Округа, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи графа Кутузова, а потомъ генералъ-лейтенанта Меллера-Закомельскаго.

I. С.-Петербургская губернія.

Въ Петербургѣ распорядителемъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ для составленія земской силы, былъ избранный единодушно дворянствомъ для начальствованія надъ ополченіемъ, графъ Кутузовъ. Мы уже имѣли случай сказать, съ какимъ усердіемъ онъ занимался исполненіемъ сей обязанности.

17-го (29-го) іюля, вслѣдъ за избраніемъ Кутузова, с.-петербургское дворянство опредѣлило выставить съ каждыхъ двадцати-пяти ревизскихъ душъ по одному ратнику, но въ послѣдствіи дворяне, соревнуя примѣру Москвы, постановили вооружить десятаго человѣка, что̀ составило всего 13,405 воиновъ, снабженныхъ одеждою, обувью, провіантомъ на три мѣсяца и жалованьемъ по шести рублей на каждаго; вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы поля ихъ были обработаны, хозяйство сохранено и подати оплачены помѣщиками. Дворяне, имѣвшіе въ столицѣ дома, цѣною не менѣе пяти тысячъ рублей, обязаны были внести единовременно по два процента; такому же платежу подлежали владѣльцы дачь въ окрестностяхъ столицы. Губернскому предводителю было поручено пригласить къ участію въ пожертвованіяхъ дворянъ, имѣвшихъ капиталы.

На счетъ устройства ополченія, дворянство предоставило все, относившееся къ сему предмету, избранному имъ знаменитому начальнику, который тогда же объявилъ собранію, что, сообразно съ Высочайшею волею Государя, ратники, оставаясь въ обыкновенной своей одеждѣ, должны имѣть ружье, суму и ранецъ, и, сверхъ-того, на случай сооруженія полевыхъ укрѣпленій, графъ признавалъ необходимымъ, чтобы каждый изъ воиновъ былъ снаб-

женъ топоромъ и лопаткою. Для правильнаго устройства ополченія и распоряженій по хозяйственной части его, по предложенію графа Кутузова были учреждены два комитета: *устроительный* и *экономическій*, состоявшіе подъ предсѣдательствомъ, первый — бывшаго генералъ-аудитора, генералъ-лейтенанта князя Салагова, а второй — бывшаго государственнаго казначея, действительнаго тайнаго совѣтника Голубцова. Обязанности устроительнаго комитета состояли: 1) въ предварительныхъ постановленіяхъ о всѣхъ вообще потребностяхъ ополченія; 2) въ опредѣленіи дружинныхъ начальниковъ, съ Высочайшаго утвержденія, равно штабъ и оберъ-офицеровъ, и въ пріемѣ ратниковъ; 3) въ ускореніи всего относящагося къ военному ихъ образованію. Второй комитетъ занимался: 1) сборомъ добровольныхъ пожертвованій, а равно жалованья и провіанта, представляемыхъ помѣщиками при поставкѣ воиновъ; 2) снабженіемъ ратниковъ одеждою и оружіемъ; 3) доставкою ополченію обоза и лошадей; 4) вызовомъ въ ополченіе достаточнаго числа священниковъ и медицинскихъ чиновъ, снабженіемъ послѣднихъ нужными лекарствами и инструментами.

Съ 23-го іюля (4-го августа) начался въ первомъ комитетѣ пріемъ людей, а во второмъ — пожертвованій деньгами, лошадьми, хлѣбомъ, и проч. Стремленіе вступить въ ополченіе было столь общимъ, что черезъ нѣсколько дней всѣ офицерскія ваканціи уже были заняты. Купцы, мѣщане, цѣховые добровольно поступали въ ратники.

С.-Петербургское ополченіе дѣлилось не на полки, но, согласно съ мнѣніемъ Кутузова, на дружины, каждая числомъ въ 820 человѣкъ; дружины, въ свою очередь, подраздѣлялись на сотни. Каждая дружина состояла изъ людей одного уѣзда, либо въ сосѣдствѣ живущихъ; ратники одной и той же деревни находились вмѣстѣ. Начальниками пятнадцати дружинъ С.-Петербургскаго ополченія

были: генералъ-маіоры: Ададуровъ, Кошелевъ, Карповъ, князь Мышецкій, Великопольскій, дѣйствительный каммергеръ Мордвиновъ, бригадиръ Скворцовъ, статскіе совѣтники: Бестужевъ и Николевъ и полковники: Дубянской, Шеміотъ, Алалыкинъ, Елагинъ, Черцовъ и Мейбаумъ, котораго дружина состояла изъ петербургскихъ и нарвскихъ мѣщанъ, выставленныхъ на особомъ положеніи усердіемъ купеческихъ обществъ этихъ городовъ. (Въ послѣдствіи изъ недосланныхъ людей была сформирована 16-я дружина.) Все ополченіе составляло пять бригадъ, въ двухъ отрядахъ, состоявшихъ подъ начальствомъ сенатора Бибикова и генералъ-маіора Бѣгичева.

Относительно обмундированія, положено всему генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ носить общій армейскій мундиръ, съ предоставленіемъ офицерамъ поступающимъ изъ отставки носить мундиръ, съ которымъ отставлены. Касательно же одежды ратниковъ, постановлено, согласно съ опредѣленіемъ дворянскаго собранія, чтобы они сохранили свою обычную одежду, и сверхъ-того положено, чтобы каждый воинъ имѣлъ на шляпѣ крестъ изъ мѣдной латуни, съ вензеловымъ именемъ Государя и съ надписью: „За Вѣру и Царя". Всѣ дружинные начальники и штабъ-офицеры обязаны были служить безъ жалованья; оберъ-офицерамъ положено было выдавать въ мѣсяцъ по тридцати рублей, урядникамъ и барабанщикамъ по полтора рубля, а ратникамъ по одному рублю двадцати копѣекъ. (Въ послѣдствіи было выдано отъ комитета, для заведенія лошадей, начальникамъ дружинъ по тысячѣ, а штабъ-офицерамъ по пятисотъ рублей. Оберъ-офицеры получили, сверхъ жалованья, на обмундировку по сту восьмидесяти рублей.)

Для скорѣйшаго обученія ратниковъ, все ополченіе Высочайше было поручено с.-петербургскому коменданту генералъ-маіору Башуцкому, который употребилъ къ тому

два полка своей дивизіи: Воронежскій пѣхотный и 2-й Морской. Для вооруженія ратниковъ отпущено было по 700 ружей и по 42 тысячи боевыхъ патроновъ на дружину. (Недостающее число ружей было пополнено пожертвованіями.) Наконецъ, для введенія между ратниками воинскаго порядка, по Высочайшему Повелѣнію, было придано каждой дружинѣ по пяти унтеръ-офицеровъ Учебнаго баталіона и по двадцати-пяти старыхъ солдатъ внутренней стражи; а для первоначальнаго образованія двухъ казачьихъ полковъ, формировавшихся при ополченіи, предписано графу Штейнгелю прислать изъ находившагося въ Финляндіи донскаго Киселева полка нѣсколько офицеровъ и 110 казаковъ. Средства, доставленныя отъ Правительства С.-Петербургскому ополченію, содѣлали его наилучше устроенною частью внутренней земской силы. Правила фронтоваго обученія ратниковъ были весьма просты. Предписывалось: во-1-хъ, внушить каждому изъ нихъ твердое знаніе своего мѣста въ ряду и шеренгѣ, причемъ требовать, чтобы люди, въ сосѣдствѣ стоящіе, не отрывались одинъ отъ другаго, а въ разсыпномъ строю — не теряли изъ вида другъ друга; во-2-хъ, при обученіи съ ружьемъ, ограничиваться указаніемъ, какимъ образомъ носить его на плечѣ, правильно заряжать, стрѣлять и дѣйствовать штыкомъ; въ-3-хъ, учить поворотамъ, маршировкѣ въ ногу, построенію фронта, колоннъ и отдѣленій.

По отбытіи свѣтлѣйшаго князя Кутузова для принятія начальства надъ всѣми русскими арміями, на мѣсто его начальникомъ ополченія 2-го Округа Высочайше назначенъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій ([39]).

Августа 27-го (сентября 8-го), на преображенскомъ, семеновскомъ и измайловскомъ учебныхъ мѣстахъ, началось ученье ратниковъ, которое производилось тѣмъ успѣшнѣе, что на каждаго изъ старыхъ солдатъ приходилось не болѣе

пяти новыхъ служивыхъ. Въ продолженіе пяти дней, или вѣрнѣе сказать, пяти сутокъ, потому-что ратники почти не сходили съ учебныхъ мѣстъ, болѣе тринадцати тысячъ человѣкъ, не имѣвшихъ понятія о фронтовой службѣ, научились ходить въ ногу, дѣлать довольно ровно ружейные пріемы, стрѣлять по командѣ и рядами, строить колонны и каре; въ-особенности же отличалась фронтовымъ образованіемъ 5-я дружина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мордвинова. 1-го сентября, Государь, сдѣлавъ смотръ вновь составленному воинству, изволилъ объявить Высочайшее благоволеніе *за устройство, въ которомъ имѣлъ удовольствіе въ этотъ день видѣть ополченіе* (40). Лордъ Каткартъ, сопровождавшій на смотру Императора, указавъ на ратниковъ, сказалъ: „Государь! Это войско выросло изъ земли."

Въ Петербургѣ формировались еще два конные казачьи полка изъ охотниковъ: одинъ—такъ-называемый *Смертоносный*—графомъ д'Оливейра, а потомъ полковникомъ Яхонтовымъ; другой—*Александровскій*—штабсъ-капитаномъ барономъ Боде. Оба эти полка, въ числѣ 1,200 всадниковъ, были вооружены и снабжены всѣмъ нужнымъ отъ комитета, на счетъ пожертвованныхъ суммъ, но въ послѣдствіи они совершенно отошли отъ ополченія (41).

Одновременно съ образованіемъ ополченія, всѣ сословія С.-Петербургской губерніи, великодушно соревнуя между собою въ священныхъ чувствахъ преданности къ Престолу и любви къ Отечеству, сдѣлали значительныя пожертвованія своимъ достояніемъ. При первомъ совѣщаніи дворянства, оберъ-каммергеръ Александръ Львовичъ и оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкины изъявили желаніе жертвовать ежегодно, во все продолженіе ополченія, сверхъ положенныхъ сборовъ, по 20-ти тысячъ рублей; оберъ-гофмейстеръ графъ Литта по 50-ти

тысячъ, сенаторъ Шепелевъ по 5-ти тысячъ, сенаторъ Бороздинъ по 2,250; адмиралъ фонъ-Дезинъ по 2,000; вообще же на первый разъ предложено, сверхъ общихъ взносовъ, по 105,675 рублей ежегодно и 7,200 рублей единовременно. Ея Величество, вдовствующая Государыня Императрица Марія Θеодоровна, участвуя во всеобщемъ усердіи къ защитѣ Отечества, изволила прислать изъ своихъ доходовъ, въ пользу Ополченія, 50 тысячъ рублей, при рескриптѣ на имя Кутузова(42), и приказала вносить такую же сумму ежегодно, въ продолженіе войны. Къ исходу 1812 года, пожертвованія губерніи деньгами возрасли до 4-хъ милліоновъ рублей. Въ числѣ ихъ, кромѣ помянутыхъ нами прежде, были: отъ петербургскаго купечества 2 милліона; отъ коммисіи духовныхъ училищъ 750 тысячъ; отъ монастырей и духовенства болѣе 80 тысячъ рублей и около 7 1/2 пуд. серебра; отъ находившагося въ отставкѣ подполковника Сергѣя Яковлева, внесшаго еще въ апрѣлѣ 80 тысячъ рублей на обмундированіе одного пѣхотнаго полка и 20 тысячъ на улучшеніе полицейской части, пожертвовано въ августѣ 30 тысячъ на государственныя нужды; отъ ротмистра Владимірова 30 тысячъ; отъ князя Мещерскаго и коммерціи совѣтника Перца 25 тысячъ, отъ министра полиціи Балашова 10 тысячъ рублей, и проч.

Но не однѣ лишь эти щедрыя пожертвованія достойны обратить на себя признательное воспоминаніе потомства; люди недостаточные, соревнуя въ любви къ Отечеству, приносили въ даръ ему послѣднюю свою лепту. Примѣровъ тому было такъ много, что мы, по-необходимости, должны ограничиться наиболѣе поразительными. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Воейковъ, вступивъ въ ополченіе съ единственнымъ своимъ сыномъ, пожертвовалъ на военныя надобности получаемый имъ пен-

сіонъ, по 1,800 рублей въ годъ, на все время войны. Капитанъ-лейтенантъ Антроповъ, вступивъ самъ въ ополченіе, представилъ въ ратники единственнаго своего служителя. Поступившій также въ ополченіе, штабсъ-капитанъ Аллеръ, пожертвовалъ въ пользу его госпитальными припасами, на 50 тысячъ рублей, и принялъ на себя доставку ихъ вслѣдъ за арміею, по тракту къ Данцигу. Нѣмецкіе колонисты С.-Петербургской губерніи собрали для ополченія 66,900 рублей и изъявили готовность вооружиться по востребованію Правительства. Софійскій купецъ Персіяниновъ, по разстроенному своему состоянію будучи не въ состояніи сдѣлать какое-либо пожертвованіе, представилъ въ ополченіе своего сына. Въ числѣ петербургскихъ ремесленниковъ, добровольно вызвавшихся на службу, были три родные брата Шишкины, изъ которыхъ одинъ имѣлъ жену и дѣтей ([43]). Всѣ эти примѣры великодушія и прямой доблести были достойнымъ предвѣстіемъ послѣдующихъ подвиговъ С.-Петербургскаго ополченія при Полоцкѣ, Чашникахъ, Березинѣ и подъ Данцигомъ.

II. Новгородская губернія.

Генералъ-губернаторъ новгородскій, тверской и ярославскій, принцъ Георгій Ольденбургскій, получивъ Высочайшее Повелѣніе — принять во ввѣренныхъ Его Высочеству губерніяхъ мѣры къ защитѣ Отечества, прибылъ изъ арміи въ Новгородъ, 12-го іюля. „Новгородское дворянство — доносилъ Государю принцъ — всегда благоговѣющее къ Августѣйшей волѣ Вашего Величества, и „слѣдуя движенію праведнаго негодованія противъ врага и „благородной готовности не щадить ни живота, ни достоянія, противъ его покушеній, по одному, такъ сказать, „мановенію, предположило безъ малѣйшаго отлагательства

„составить по губерніи десяти-тысячный корпусъ. Все „одѣяніе на сіе войско, продовольствіе его провіантомъ „и снабженіе жалованьемъ, словомъ, полное содержаніе, „губернія пріемлетъ на себя, на годъ. Купечество, горя „желаніемъ содѣйствовать дворянству, предназначило на „военныя надобности до двухъ сотъ тысячъ рублей (44)." Годовое снаряженіе губернской силы стоило дворянству болѣе милліона рублей (45). Новгородское ополченіе, въ числѣ 10,522 (а по другимъ свѣдѣніямъ 10,140), человѣкъ было раздѣлено на четыре бригады, изъ коихъ каждая заключала въ себѣ три пѣшія дружины. Начальникомъ всего ополченія былъ генералъ-отъ-инфантеріи Свѣчинъ, командующимъ—дѣйствительный каммергеръ Жеребцовъ, а бригадными командирами полковники: Дирипъ, графъ Головинъ, Погребовъ и Десятовъ.

Пожертвованія различныхъ сословій губерніи простирались, по имѣющимся о томъ весьма неполнымъ свѣдѣніямъ, до 1,255,000 рублей, въ числѣ которыхъ поступило въ сентябрѣ отъ старо-русскаго и тихвинскаго купечества 55,000 рублей.

Новгородское ополченіе участвовало со славою въ дѣйствіяхъ русской арміи на Березинѣ и при осадѣ Данцига.

Ополченіе 3-го Округа, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго.

По отдаленности отъ театра войны губерній входившихъ въ составъ сего округа, Высочайше повелѣно было не отрывать преждевременнымъ сборомъ поселянъ отъ сельскихъ работъ, ограничиваясь предварительнымъ разчисленіемъ людей и назначеніемъ ихъ въ различныя части временной земской силы (46).

Графъ Толстой, на котораго было возложено составленіе ополченія 3-го Округа, испрашивалъ, чтобы ему разрѣшено было формировать полки не вдругъ, а постепенно, и чтобы для обученія фронтовой службѣ ратниковъ, употребить

всѣ воинскія команды расположенныя во ввѣренномъ ему округѣ ([47]). Государь соизволилъ изъявить свое согласіе на сіи мѣры, исключая только то̀, что 3-й учебный баталіонъ, стоявшій въ Казани, не былъ отданъ въ распоряженіе начальника 3-го Округа земской внутренней силы ([48]).

Графъ Толстой, назначивъ во всемъ округѣ наборъ ратниковъ, по четыре со ста душъ, полагалъ сформировать изъ нихъ въ каждой губерніи по одному конному полку, въ шестьсотъ человѣкъ, а изъ остальныхъ составить пѣшіе казачьи и егерскіе полки. Пріемъ воиновъ начался въ Костромской и Нижегородской губерніяхъ съ 1-го сентября, а въ прочихъ четырехъ, въ первыхъ числахъ того же мѣсяца ([49]).

Императоръ Александръ, для уравненія въ повинности 3-го Округа съ тѣми губерніями, которыя выставили десятаго человѣка, повелѣлъ графу Толстому набрать во ввѣренномъ ему округѣ по десяти человѣкъ со ста душъ ([50]), но въ послѣдствіи предписано было ему ограничиться, въ добавокъ прежде набранныхъ людей, сборомъ еще по два человѣка со ста, за исключеніемъ мелкопомѣстныхъ помѣщичьихъ имѣній, не превышавшихъ девяти душъ, которыя были освобождены отъ дополнительнаго набора ([51]).

Дополнительный сборъ ратниковъ, вмѣстѣ съ людьми остававшимися отъ перваго ополченія, былъ названъ резервнымъ ополченіемъ 3-го Округа. Формированіе его, за отсутствіемъ графа Толстаго, выступившаго въ походъ съ первымъ ополченіемъ, возложенное на генералъ-маіора Булыгина, въ послѣдствіи было отмѣнено и резервное ополченіе распущено по домамъ.

I. Костромская губернія.

Дворянство сей губерніи, постановленіемъ отъ 29-го іюля 1812 года, положило собрать одиннадцать тысячъ

ратниковъ; въ добавокъ къ коимъ, другимъ постановленіемъ дворянства, отъ 15-го ноября, положено было выставить еще 5,500 воиновъ резервнаго ополченія. Для снабженія ихъ трехъ-мѣсячнымъ жалованьемъ и провіантомъ, опредѣлено было собрать съ помѣщичьихъ имѣній на каждаго ратника по тринадцати рублей. Вооруженіе воиновъ состояло изъ пикъ. Для коннаго полка положено было выставить шестьсотъ лошадей со всею сбруею, а для обоза пѣшихъ полковъ приготовить сто десять телѣгъ съ ста десятью парами лошадей и съ упряжью. Изъ перваго сбора ратниковъ было составлено четыре пѣшихъ и одинъ конный полки, и сверхъ-того одинъ баталіонъ. Начальникомъ ополченія былъ генералъ-лейтенантъ Бардаковъ; командирами пѣшихъ полковъ: полковники князь Вяземскій и Черевинъ, подполковникъ Щулепниковъ и флота-капитанъ 2-го ранга Макавеевъ; командиромъ коннаго полка полковникъ Небольсинъ. Пожертвованія деньгами и поставками, кромѣ содержанія ополченія, до выступленія его въ походъ, простирались, вмѣстѣ съ составленіемъ подвижнаго магазина для арміи, свыше милліона рублей, а вмѣстѣ съ ополченіемъ до 1,300,000 рублей. Костромское ополченіе, выступивъ въ походъ въ декабрѣ 1812 года, слѣдовало чрезъ Тулу, Орелъ, Черниговъ, Кіевъ, Новгородъ-Волынскъ и герцогство Варшавское, въ прусскія владѣнія и находилось въ составѣ отряда блокировавшаго крѣпость Глогау ([52]).

II. Нижегородская губернія.

Во исполненіе Высочайшей воли, нижегородское дворянство постановило собрать въ ополченіе, со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, по четыре человѣка со ста душъ, всего же 12,924 ратника, снабдивъ ихъ провіантомъ и жалованьемъ на три мѣсяца. Кромѣ-того, положено выставить

обозъ, въ каждый изъ пяти пѣхотныхъ полковъ по 25-ти повозокъ, съ 50-ю лошадьми и съ упряжью на нихъ, а въ конный полкъ 7 повозокъ съ 14-ю лошадьми, всего же 132 повозки и 264 лошади, снабдивъ ихъ фуражемъ на два мѣсяца. Начальникомъ ополченія былъ дѣйствительный каммергеръ, князь Грузинскій; командирами пѣшихъ полковъ полковники: Каратаевъ, Агалинъ, князь Звенигородскій, Раль и Шебуевъ; командиромъ коннаго полка, бывшій ротмистромъ конной гвардіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Козловъ. Въ послѣдствіи было набрано резервнаго ополченія 6,238 чел. снабженныхъ жалованьемъ и провіантомъ на три мѣсяца, и выставлено строевыхъ и подъемныхъ лошадей 462. Изъ ратниковъ втораго набора сформировано еще три пѣхотныхъ полка и три артиллерійскія роты. Пожертвованія деньгами и вещами, вмѣстѣ съ составленіемъ подвижнаго магазина для арміи, простирались до 1,075,000 рублей (53).

Нижегородское ополченіе перваго набора, выступивъ въ походъ въ декабрѣ 1812 года, участвовало въ заграничномъ походѣ.

III. Казанская губернія.

Число людей назначенныхъ дворянствомъ для составленія ополченія, по разсчету одного ратника съ 25-ти душъ, не превосходило 3,300 человѣкъ, изъ коихъ положено было составить пѣшій полкъ, въ шесть баталіоновъ, всего же въ числѣ 3,000 воиновъ, придавъ къ нему три конныхъ сотни. При поступленіи въ ополченіе, ратники получили отъ своихъ помѣщиковъ одежду, аммуницію, трехъмѣсячный провіантъ и по пяти рублей на каждаго. Начальникомъ ополченія былъ генералъ-маіоръ Булыгинъ, а командиромъ полка подполковникъ Чичаговъ. Во время формированія Казанской земской силы, свіяжскій архи-

мандритъ Израиль прислалъ къ начальнику ополченія шестьдесятъ воспитанниковъ духовной академіи для поступленія въ ряды защитниковъ Отечества. Эти молодые люди, назначенные всѣ въ урядники, отличались въ послѣдствіи хорошимъ поведеніемъ и храбростью. Резервное ополченіе Казанской губерніи, въ числѣ тысячи человѣкъ, составило два особыхъ баталіона. Пожертвовано вообще, вмѣстѣ съ присланною отъ вятскаго губернатора суммою, (по случаю присоединенія вятскихъ ратниковъ къ Казанскому ополченію), 346 тысячъ рублей, изъ коихъ собрано дворянствомъ, кромѣ частныхъ приношеній, 140 тысячъ; купечествомъ 80 тысячъ, мѣщанами 10 тысячъ, цѣховыми 2 тысячи; церкви, монастыри, священнослужители и частныя лица доставили до двухъ пудовъ серебра; изъ Вятки прислано 72 тысячи рублей, и проч. ([54]).

Казанское ополченіе участвовало въ заграничномъ походѣ и отличилось при блокадѣ Дрездена.

IV. Вятская губернія.

Первоначальный наборъ ратниковъ, по разсчету четырехъ человѣкъ со ста душъ, составилъ 552 воина, изъ числа которыхъ явилось 505. Баталіонъ, сформированный изъ этихъ людей, былъ присоединенъ къ Казанскому ополченію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, препровождены въ казанскій комитетъ деньги пожертвованныя различными сословіями Вятской губерніи. Резервное ополченіе состояло въ числѣ 275 человѣкъ, изъ которыхъ на-лицо было 195.

Пожертвованія деньгами простирались до 72,278 р. ([55]).

V. Симбирская губернія.

По опредѣленію дворянства, отъ 10-го августа 1812 года, положено выставить 9,334 человѣка, изъ коихъ со-

брано 8,679; а по опредѣленію 19-го ноября набрано резервнаго ополченія, вмѣстѣ съ оставшимися отъ перваго набора, 5,097 человѣкъ: всего же 13,776 ратниковъ. Изъ людей перваго ополченія сформировано три (по другимъ свѣдѣніямъ четыре) пѣшихъ и одинъ конный полки. Начальникомъ ополченія былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Тенишевъ; командирами пѣшихъ полковъ: флота капитанъ 2-го ранга Филатовъ, подполковникъ Сувчинскій и маіоръ Городецкій; коннаго подполковникъ Третьяковъ ([56]). Ратники были снабжены провіантомъ на три мѣсяца. Пожертвовано деньгами, запасами и оружіемъ на сумму 63,882 рубля; а содержаніе ополченія вообще стоило дворянству 1,276,000 рублей ([57]).

Симбирское ополченіе находилось въ заграничномъ походѣ и участвовало въ блокадѣ крѣпостей Замостья и Глогау.

VI. Пензенская губернія.

Для составленія Перваго ополченія собрано съ помѣщичьихъ имѣній 9,282 человѣка, изъ коихъ сформировано четыре пѣшихъ полка и одинъ конный въ 660 человѣкъ. Начальникомъ ополченія былъ генералъ-маіоръ Кишенскій; командирами пѣхотныхъ полковъ: полковники Селунскій, Дмитріевъ, подполковники Кошкеровъ и Войниковъ; коннаго полковникъ Безобразовъ. Для составленія резервнаго ополченія собрано 4,641 человѣкъ, изъ числа коихъ было конныхъ 330.

Пожертвованія губерніи заключались въ слѣдующемъ:

Деньгами	556,891	р.	80 к.
Лошадьми для конныхъ воиновъ на	121,610	„	— „
Провіантомъ на	42,900	„	— „
Сверхъ-того, обмундированіе, вооруженіе и содержаніе обоихъ ополченій стоили дворянству	1,044,125	„	— „

бригада Тюмена двинулась къ Эльбѣ на присоединеніе къ корпусу Бюлова ([29]). Такимъ образомъ въ половинѣ апрѣля, (или въ концѣ этого мѣсяца по нов. ст.), Союзныя войска, состоявшія въ числѣ до тридцати тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ графа Витгенштейна, войдя въ связь съ войсками Блюхера, расположились слѣдующимъ образомъ : главная квартира графа Витгенштейна и корпусъ Берга въ Лейпцигѣ; корпусъ Іорка въ окрестностяхъ Шкейдица; отрядъ Клейста въ Галле, корпусъ Бюлова у Кетена, за исключеніемъ бригады Тюмена остававшейся на правой сторонѣ Эльбы.

Обратимся къ изложенію событій въ тылу Союзной арміи расположенной къ Саксоніи.

Въ то время, когда Блюхеръ и графъ Витгенштейнъ перешли за Эльбу, многіе пункты въ пройденной ими странѣ еще были заняты непріятельскими войсками: на правой сторонѣ Вислы—Замостье; на Вислѣ: Данцигъ, Торнъ и Модлинъ; на Одерѣ: Штетинъ, Кюстринъ и Глогау; на Эльбѣ: Магдебургъ, Виттенбергъ и Торгау. Варшава была занята отрядомъ графа Палена; подъ Данцигомъ собрался значительный осадный корпусъ герцога Александра Виртемберскаго; крѣпость Торнъ была обложена Барклаемъ де-Толли; Модлинъ и Замостье также находились въ блокадѣ. Отлагая описаніе осадъ до взятія крѣпостей Союзными войсками, ограничусь изложеніемъ военныхъ и политическихъ событій въ Польшѣ.

Положеніе сей страны было весьма сомнительно. Давно уже многіе изъ Поляковъ были убѣждены въ неизбѣжности соединенія Польши съ Россіею. Императоръ Александръ I привлекъ къ себѣ сердца ихъ. Забывая вѣковую вражду, разъединявшую одноплеменные народы, благороднѣйшіе сыны Польши желали соединиться подъ державою младшаго брата

II-го Округа:

С.-Петербургской губерніи		13,405 ч.
Новгородской „ „		10,522 „
Всего во 2-мъ округѣ		24,927 „

III-го Округа:

	1-е Ополчен.	Рез. Ополчен.
Костромской губерніи . . .	11,000 ч.	5,500 ч.
Нижегородской „ „ . . .	12,924 „	6,238 „
Казанской „ „ . . .	3,300 „	1,000 „
Вятской „ „ . . .	505 „	195 „
Симбирской „ „ . . .	8,679 „	5,097 „
Пензенской „ „ . . .	9,282 „	4,641 „
Всего въ 3-мъ Округѣ .	45,690 ч.	22,671 ч.

Вообще же всего Ополченія было до 220-ти тысячъ человѣкъ.

Пожертвованія губерній, находившихся въ составѣ трехъ округовъ Ополченія, были многоразличны. Кромѣ снаряженія ратниковъ и снабженія ихъ провіантомъ и жалованьемъ на три мѣсяца (а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и болѣе), онѣ еще предъ открытіемъ войны пожертвовали значительныя суммы на покупку воловъ для арміи, сдѣлали огромныя поставки хлѣба и фуража на складочные пункты, доставляли войскамъ лошадей, тулупы, сапоги, устроивали подвижные магазины, содержали на свой счетъ госпитали для многихъ тысячъ раненыхъ и больныхъ, обмундировывали и снабжали провіантомъ полки формировавшіеся во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, подъ начальствомъ князя Лобанова-Ростовскаго. Многіе приносили въ даръ Отечеству все достояніе свое, серебро и золото, доставшееся отъ предковъ, оружіе всякаго

рода, и даже пушки. Количество полотна и различныхъ припасовъ, присланныхъ частными людьми, было весьма значительно. Къ-сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности ни исчислить всѣ эти приношенія, ни опредѣлить ихъ стоимость. Всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ предметѣ, весьма неполны. Да и не могло быть иначе: въ тяжкую годину опасности угрожавшей нашему Отечеству, всѣ и каждый были до того заняты участіемъ въ его защитѣ, что никому не приходило въ голову вести точный счетъ пожертвованіямъ; а въ послѣдствіи — время уничтожило матеріалы, которые могли бы служить къ достиженію этой цѣли. Къ тому же — одни изъ пожертвованій были доставляемы въ губернскіе комитеты; а другіе въ главный комитетъ, учрежденный въ С.-Петербургѣ. На основаніи имѣющихся недостаточныхъ свѣдѣній о пожертвованіяхъ сдѣланныхъ шестнадцатью губерніями, участвовавшими въ Ополченіи 1812 года, оказывается общая сумма приношеній свыше тридцати-шести милліоновъ рублей; но можно безошибочно положить, что каждая изъ губерній, входившихъ въ составъ первыхъ двухъ округовъ, пожертвовала не менѣе 4-хъ милліоновъ рублей, а С.-Петербургская, Московская, Смоленская и Тульская губерніи — гораздо болѣе; изъ числа же губерній третьяго округа, Пензенская пожертвовала до $2^1/_2$ милліоновъ, а прочія, за исключеніемъ Казанской и Вятской — до $1^1/_2$ милліона рублей. По этому приблизительному разсчету, губерніи, выставившія 220 тысячъ ратниковъ, пожертвовали деньгами, припасами и поставками, около шестидесяти милліоновъ рублей.

Ближайшія къ театру войны области Имперіи, въ эпоху движенія непріятельской арміи отъ Смоленска къ Москвѣ, представляли образъ обширнаго лагеря. Исчезло различіе между воиномъ и мирнымъ селяниномъ; всякой изъ Русскихъ готовъ былъ оставить свои обычныя занятія и при-

нять личное участіе въ смертной борьбѣ на защиту Отечества. Исчезла забота о сохраненіи имущества, пріобрѣтеннаго трудами отцовъ и дѣдовъ. „Пожалуйста скажите, служивые, когда придетъ пора зажигать наши дома", говорили крестьяне солдатамъ, готовясь при появленіи непріятеля предать пламени жилища свои. Никто не помышлялъ о великодушіи такой жертвы, не думалъ о ея послѣдствіяхъ; всякому казалось естественнымъ — истребить послѣднее убогое достояніе свое, лишь бы только не воспользовался имъ непріятель. Принять врага въ домъ свой—значило, въ понятіяхъ Русскаго, измѣнить Царю, измѣнить Богу. Иностранцы, не постигая величія сихъ понятій, честили насъ за то варварами! Да останемся мы еще долго, долго, варварами въ такомъ смыслѣ и да будутъ рубежи Россіи грозою для вооруженнаго чужеземца! Въ то время, когда Наполеонъ, простирая руку къ Москвѣ, надѣялся достигнуть своей цѣли,—покорить Россію своей волѣ; въ то самое время всѣ сословія, всѣ племена обширнаго нашего Отечества соединились между собою одною общею мыслью — положить предѣлъ успѣхамъ врага общаго. Не нужно было никакихъ усилій со стороны Правительства для возбужденія восторга въ народѣ. Все отечественное, русское, находило отголосокъ въ сердцахъ людей 1812 года; все иноземное было встрѣчаемо съ холодностью, съ отвращеніемъ. Не станемъ порицать это безотчетное чувство; оно закалило Русскихъ въ сознаніи ихъ силы и дало намъ возможность отстоять Россію.

Современныя театральныя зрѣлища и литературныя произведенія были выраженіемъ чувствъ и понятій нашего народа. Единственныя представленія, привлекавшія зрителей, относились къ воспоминаніямъ великихъ событій Отечественной Исторіи, либо къ современнымъ происшествіямъ. Никакія слова не въ состояніи выразить восторга, который возбуждала тогда трагедія Озерова „Димитрій Донской".

Не менѣе впечатлѣнія производили „Ополченіе“ и „Любовь къ Отечеству“. Когда восьмидесяти-лѣтній старецъ Дмитревскій явился въ роли сѣдаго инвалида, жертвующаго Отечеству послѣднимъ достояніемъ своимъ, тремя медалями, зрители, восторженные этою сценою, вызвали, по окончаніи представленія, почтеннаго инвалида и встрѣтили его громкими восклицаніями. Дмитревскій, растроганный благосклонностью публики, выразилъ свои чувства, сказавъ, что, „будучи не въ состояніи показать чѣмъ-либо „инымъ свою любовь къ Отечеству, онъ рѣшился, соб„равъ остатокъ слабыхъ силъ своихъ, явиться тамъ, гдѣ „прежде встрѣчали его похвалы соотечественниковъ, для „представленія благороднаго примѣра любви къ родинѣ“. Появилось множество сочиненій преисполненныхъ ненавистью и презрѣніемъ къ Наполеону и Французамъ. Эти сочиненія не имѣли никакого достоинства, но были читаемы съ жадностью. Въ продолженіе ста лѣтъ Россія не подвергалась непріятельскому нашествію, и потому весьма естественно, что Русскіе не могли смотрѣть съ равнодушіемъ на плѣненіе родныхъ городовъ своихъ. Къ тому же разноплеменныя Наполеоновы войска, предаваясь своеволію, грабежу и неуваженію къ святынѣ, являлись въ глазахъ нашихъ мирныхъ поселянъ страшилищами, чуждыми всего человѣческаго. Такія понятія должны были неминуемо поселить взаимное озлобленіе и сдѣлать войну 1812 года въ нѣкоторой степени войною народною.

ГЛАВА XVIII.

Вооруженія и пожертвованія въ губерніяхъ, не вошедшихъ въ составъ Ополченія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Манифестъ 18-го іюля. — Пожертвованія губерній: Псковской, Лифляндской, Эстляндской; вооруженія въ Остзейскихъ губерніяхъ.—Финляндія.—Губерніи: Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская, Оренбургская, Саратовская, Астраханская.—Пожертвованія и вооруженія Земли войска Донскаго.—Губерніи: Кавказская, Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Тамбовская, Орловская, Курская, Харьковская. — Полтавская и Черниговская; Ополченія сихъ губерній, образованіе Малороссійскаго казачьяго войска. — Губерніи Кіевская и Подольская; образованіе Украинскаго казачьяго войска. — Сибирскія губерніи. — Общій счетъ вооруженій и пожертвованій, сдѣланныхъ губерніями не вошедшими въ составъ трехъ округовъ Ополченія.

Манифестомъ 18-го (30-го) іюля было постановлено, чтобы, за исключеніемъ шестнадцати губерній, входившихъ въ составъ Ополченія, всѣ прочія не принимали въ немъ никакого участія, „доколѣ не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ Отечеству жертвамъ и услугамъ“. Тѣмъ не менѣе однакоже, при первомъ воззваніи Государя о всеобщемъ вооруженіи, вся Россія дружно соединилась на защиту Царя своего. Кромѣ западныхъ областей, подвергшихся нашествію непріятеля въ самомъ началѣ войны, всѣ прочія приняли живое участіе въ великомъ дѣлѣ Императора Александра I. Изображеніе Россіи, призванной къ оружію Государемъ своимъ, представило бы Свѣту зрѣлище поражающее величіемъ, но, къ-сожалѣнію, нѣтъ возможности исчислить всѣ пожертвованія, всѣ подвиги добра,

совершенные Русскими въ годину скорби Отечества, и потому, вмѣсто полной картины ихъ, ограничимся очеркомъ усилій, сдѣланныхъ съ высокою цѣлью — отстоять честь, славу, независимость Россіи.

Псковская губернія.

Хотя сія губернія не участвовала въ Ополченіи, однакоже сдѣлала огромныя пожертвованія.

Высочайшимъ Рескриптомъ 6-го іюля, послѣдовавшимъ на имя псковскаго гражданскаго губернатора, князя Шаховскаго, повелѣно было учредить въ Псковской губерніи склады запасовъ для войскъ и предложить жителямъ сдѣлать пожертвованія, по возможности каждаго, а въ замѣнъ того, губернія была освобождена отъ участія въ Ополченіи. Во исполненіе Высочайшей воли, сдѣланы были слѣдующія пожертвованія: муки 127,000 четвертей; овса болѣе 36,000 четвертей; сѣна до 200,000 пуд.; рогатаго скота болѣе 6,000 штукъ; лошадей кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и подъемныхъ 983; вина 400 бочекъ; тулуповъ и полушубковъ 15,434. Сверхъ-того, граждане городовъ Псковской губерніи пожертвовали 69,125 р.; духовенство Псковской епархіи 12,313 р. и серебромъ 62 р. 50 к. Псковскій архіерейскій домъ серебряныхъ вещей вѣсомъ $1^1/_4$ пудъ и золотыхъ $81^1/_2$ золотниковъ. Провіантъ и фуражъ доставлялись къ войскамъ на обывательскихъ подводахъ, которыхъ постоянно было въ движеніи до ста тысячъ. Со всѣхъ мѣстъ отправлялись запасы и весьма часто безъ помѣщенія ихъ въ какія-либо офиціальныя вѣдомости; въ особенности же сѣно доставлялось безъ счета. Утвердительно можно сказать, что продовольствованіе войскъ графа Витгенштейна лежало исключительно на Псковской губерніи, которая, сверхъ-того, снабжала запасами и прочіе корпуса 1-й Западной арміи, во время ихъ движенія отъ

Динабурга, чрезъ Витебскъ, къ Смоленску. Всѣ требованія Витгенштейна были исполняемы Псковитянами съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Вообще же всѣ пожертвованія Псковской губерніи, деньгами и припасами (не считая провіанта и фуража, взятыхъ изъ сельскихъ магазиновъ и коихъ стоимость нигдѣ не показана), простирались на сумму 1,766,784 рубл.; а вмѣстѣ съ содержаніемъ подводчиковъ и лошадей, выставленныхъ для арміи, свыше четырнадцати милліоновъ рублей ([1]).

Лифляндская губернія.

Хотя сборъ Ополченія въ сей губерніи былъ отмѣненъ, на основаніи Манифеста 18-го (30-го) іюля, однакоже съ Лифляндской губерніи выставлено 2,260 ратниковъ, и сверхъ-того, по распоряженію бывшаго въ то время рижскимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-лейтенанта Эссена 1-го, сформированъ на счетъ лифляндскаго дворянства, курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Сиверсомъ, Лифляндскій конный казачій полкъ, въ числѣ 2,000 человѣкъ ([2]), который, поступивъ подъ начальство фонъ-Сиверса, сперва расположенъ былъ вдоль Двины, для прикрытія губерніи отъ вторженія непріятельскихъ партій, а потомъ поступилъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта Левиза ([3]). Кромѣ-того собрано съ Дерптскаго и Перновскаго уѣздовъ 200 стрѣлковъ ([4]) и сформированы съ Высочайшаго соизволенія вербовкою вольные отряды поручиковъ Шмита и Нирота, первый въ 330, а второй въ 70 человѣкъ. Наконецъ съ острова Эзеля набрано 200 человѣкъ прибрежныхъ жителей на службу въ рижскомъ портѣ ([5]). Дерптскаго университета профессоръ военныхъ наукъ Эльсперъ (прежде служившій въ чинѣ маіора), и всѣ студенты, обучавшіеся военнымъ наукамъ, въ числѣ 27-ми, опредѣлились въ военную службу. Тридцать сту-

дентовъ медицинскаго факультета поступили врачами въ различные полки арміи ([6]).

Пожертвованія Лифляндіи деньгами и припасами были значительны. Вооруженіе и содержаніе коннаго полка стоило дворянству 392,942 рубля. Вообще же добровольныя приношенія и поставки, вмѣстѣ съ снаряженіемъ рекрутъ, простирались въ 1812 году до 2,618,902 рублей. Дворянство острова Эзеля пожертвовало, кромѣ-того, до 150,000 рублей ([7]).

Эстляндская губернія.

Дворянство сей губерніи, полагая, что Латыши могли принять сборъ Ополченія за самовольное распоряженіе со стороны помѣщиковъ, ходатайствовало о замѣнѣ земскаго вооруженія рекрутскими наборами и поставило, въ продолженіе 1812 года, по 17-ти рекрутъ съ 500 душъ.

Пожертвовано: деньгами и серебряными вещами 13,010 рублей, хлѣбомъ на сумму 146,687 рублей; рогатаго скота 200 штукъ на 16,080 рублей; подъемныхъ лошадей въ артиллерію 189 на 39,690 рублей; подводъ и рабочихъ въ Ригу, Ревель и Нарву выставлено на 57,577 рублей. Кромѣ-того пожертвовано дворянствомъ: на экипировку поступившихъ въ службу дворянъ 14,500 рублей; на вспоможеніе имъ, во все время службы, ежегодно 14,500 рублей; подводъ на 290,758 рублей. Всего же на военныя надобности Эстляндская губернія пожертвовала 593,902 рубля ([8]).

Финляндія.

Несмотря на то, что эта страна была присоединена къ Россіи только за три года до войны 1812 года, Финны, движимые чувствомъ благодарности къ Императору Александру, вызвались къ участію въ защитѣ Россіи,

ходатайствуя, чрезъ генералъ-губернатора Финляндіи графа Штейнгеля, о составленіи финскаго воинства ([9]). Императоръ Александръ, соизволивъ на сформированіе трехъ финляндскихъ егерскихъ полковъ, на счетъ добровольныхъ пожертвованій, разрѣшилъ дополнить необходимую на то сумму изъ доходовъ страны ([10]). Въ продолженіе 1812 года успѣлъ образоваться только одинъ полкъ, Выборгскій егерскій, въ составѣ двухъ баталіоновъ, который, подъ начальствомъ тогдашняго ландсгевдинга (гражданскаго губернатора) Выборгской губерніи Стіернваля, выступилъ 1-го марта 1813 года въ Петербургъ, для содержанія тамъ карауловъ ([11]).

Пожертвованія деньгами и припасами жителей Финляндіи заключались: 1) въ уступкѣ купцами Гельсингфорса и другихъ городовъ, нанятыми для перевоза на принадлежащихъ имъ судахъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса въ Ревель, значительной части условленной платы, на сформированіе и вооруженіе финскаго воинства; 2) въ добровольныхъ приношеніяхъ, на сумму до 200,000 рублей, кромѣ денегъ пожертвованныхъ землевладѣльцами Выборгской губерніи для навербованія 1,200 рекрутъ, изъ которыхъ былъ сформированъ Выборгскій егерскій полкъ. Сверхъ-того всѣми сословіями поставлено нѣкоторое количество хлѣба, госпитальныхъ припасовъ, и проч. ([12]).

Олонецкая губернія.

Постановленіемъ 27-го іюля, олонецкое дворянство положило собрать со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній по одному ратнику съ каждыхъ 500 душъ, всего же 120 воиновъ, снабдивъ ихъ жалованьемъ на годъ и провіантомъ на полгода. Въ послѣдствіи же, по Высочайшему Повелѣнію, набрано съ губерніи 570 стрѣлковъ, которые были

отправлены въ Петербургъ. Пожертвованія со всѣхъ сословій губерніи, кромѣ снаряженія на счетъ дворянства стрѣлковъ, составили около 11,000 рублей (13).

Архангельская губернія.

По обнародованіи манифеста 6-го (18-го) іюля, о повсемѣстномъ сборѣ Ополченія, городскія общества Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, общины посадовъ Ненокотскаго, Унскаго и Лудскаго и казенные крестьяне уѣздовъ: Холмогорскаго, Мезенскаго и Кемскаго, выставили изъ среды себя 389 ратниковъ, добровольно явившихся на защиту Отечества. По отмѣнѣ же Ополченія въ губерніи, жители пожертвовали деньгами 76,583 рубля, сукна на 7,500 рублей и прочихъ вещей на 2,316, всего же на сумму 86,399 рублей. Важнѣйшія приношенія были сдѣланы: архангельскими купцами 1-й гильдіи коммерціи совѣтникомъ Поповымъ и Брантомъ и ревельскими купцами Беккеромъ и Амбургеромъ. Духовенство пожертвовало 3,188 рублей; пять матросовъ 33-го флотскаго экипажа 50 рублей. Сверхъ-того — изъ Соловецкаго монастыря доставлено было 5,000 рублей и два пуда серебра (14).

Вологодская губернія.

По обнародованіи Манифеста 6-го (18-го) іюля, о повсемѣстномъ образованіи внутренняго Ополченія, дворянство Вологодской губерніи положило собрать, во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, по шести человѣкъ со ста душъ (что должно было составить болѣе 5,000 ратниковъ), принявъ на себя снабженіе ихъ провіантомъ на полгода и постановивъ, на случай движенія Ополченія, внести по 50-ти копѣекъ съ ревизской души; вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне, желая доставить неимущимъ сочленамъ своимъ возможность стать въ

ряды защитниковъ Отечества, открыло въ пользу ихъ добровольную подписку и собрало до 9,000 рублей, полпуда серебра и сто кулей муки ([15]). Въ послѣдствіи же, когда составленіе Ополченія было ограничено шестнадцатью губерніями, послѣдовало Высочайшее Повелѣніе о наборѣ, въ счетъ рекрутской повинности, съ Вологодской губерніи 500 стрѣлковъ, которые были отправлены въ Петербургъ ([16]).

Пермская губернія.

По полученіи въ Перми Высочайшаго Манифеста 6-го (18-го) іюля, тамошній губернаторъ, принимая во вниманіе, какъ неимѣніе на жительствѣ въ губерніи дворянъ владѣющихъ большими помѣстьями, такъ и потерю времени, могшую произойти въ ожиданіи ихъ сбора, пригласилъ всѣхъ главнѣйшихъ губернскихъ чиновниковъ въ Общее Собраніе, для принятія мѣръ къ сбору Ополченія. Постановленіемъ сего Собранія, отъ 23-го іюля, опредѣлено: „Для первоначальнаго постановленія оборонительныхъ силъ, со всѣхъ вообще помѣщичьихъ имѣній выставить съ пятисотъ душъ по пяти человѣкъ, предоставя на волю помѣщикамъ ставить людей и болѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать приглашеніе о наборѣ такого же Ополченія съ крестьянъ казеннаго вѣдомства, мѣщанъ и ямщиковъ". Во исполненіе Высочайшей воли, объявленной Манифестомъ 18-го (30-го) іюля, Ополченіе сіе, долженствовавшее состоять въ числѣ до 4,000 человѣкъ, было отмѣнено. Пожертвованія жителей Пермской губерніи въ 1812 году, на обмундированіе одного изъ полковъ, формировавшихся въ Костромѣ, на подвижной обозъ для сего полка и на Ополченіе, простирались до 150,000 рублей ([17]).

Оренбургская губернія.

Въ продолженіе 1812 года, казачьи сословія выставили на усиленіе дѣйствующей арміи двадцать три полка въ пятисотенномъ и одинъ въ тысячномъ составахъ (Оренбургскихъ 2, Уральскій 1, Башкирскихъ 18, Мещеряцкихъ 2 и Тептярскій 1). Число поступившихъ въ казачьи полки дворянъ, татарскихъ князей и мурзъ простиралось до 400: въ числѣ ихъ замѣчателенъ мурза Абсалямъ Утяшевъ, явившійся на службу со всѣмъ своимъ родомъ, самъ-двадцать-одинъ; въ армейскіе полки поступило дворянъ и князей 17, и въ томъ числѣ четыре сына татарскаго князя Юснея Кудашева. Стремленіе гражданскихъ чиновниковъ вступать въ военную службу было столь обще, что уголовная и казенная палаты затруднялись увольнять чиновниковъ желавшихъ идти на защиту Отечества.

Пожертвованія деньгами состояли: 1) въ 65,000 рубляхъ, пожертвованныхъ дворянствомъ на обмундированіе 2-го пѣхотнаго Костромскаго полка; 2) въ 1,375 рубляхъ, собранныхъ купцами и мѣщанами города Уфы, на снабженіе полка обозомъ ([18]).

Саратовская губернія.

По обнародованіи Манифеста 6-го (18-го) іюля, дворянство положило набрать, во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, со ста душъ по два ратника и на снабженіе ихъ всѣмъ нужнымъ по 1 рублю съ души. Изъ иностранныхъ колонистовъ, поселенныхъ въ Саратовской губерніи, изъявили желаніе вступить въ службу 271 человѣкъ, которые, по Высочайшему Повелѣнію, были приглашены къ опредѣленію въ Россійско-Германскій легіонъ. По ограниченіи ополченія шестнадцатью губерніями, нѣкоторые изъ саратовскихъ дворянъ поступили въ Симбирское и Пензенское Ополченія. По донесенію министру полиціи тогдашняго

саратовскаго гражданскаго губернатора, „малочисленное и, бо̀льшею частью, недостаточное дворянство губерніи готово было на всевозможныя жертвы для ознаменованія своего усердія къ Государю и Отечеству.“

Въ началѣ войны саратовское дворянство собрало на обмундированіе 2-го егерскаго полка, формировавшагося въ Воронежѣ, 124,800 рублей, а градскія общества пожертвовали на составленіе обоза для сего же полка 28,200 рублей. Сверхъ-того — всѣ сословія губерніи содѣйствовали отправленію въ армію тысячи паръ воловъ съ фурами, для подъема тяжестей, и тысячи воловъ для продовольствованія войскъ (19).

Астраханская губернія.

Еще въ апрѣлѣ 1811 года, Высочайшимъ Указомъ на имя кавказскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Ртищева, повелѣно было сформировать два Калмыцкихъ полка, каждый въ пятьсотъ человѣкъ. Воля Государя была исполнена съ такимъ усердіемъ, что чрезъ двадцать дней по объявленіи указа, въ іюлѣ, оба полка выступили къ Воронежу. Одинъ изъ нихъ былъ составленъ хомутовскимъ владѣльцемъ, капитаномъ (въ послѣдствіи полковникомъ) княземъ Тюменевымъ, употребившимъ на сей предметъ собственныхъ денегъ 96,900 рублей и поставившимъ въ армію сто пятьдесятъ лошадей, на сумму 15,000 рублей.

Пожертвовано въ продолженіе 1812 года:

Дворянствомъ	291,462 р.
Астраханскимъ купечествомъ	78,972 „
Православнымъ духовенствомъ	15,000 „
Астраханскими Армянами	100,340 „
Татарскими обществами	23,000 „
Индѣйцами и Персіянами	37,800 „
Всего же . .	546,574 р.

Кромѣ-того были сдѣланы приношенія сукномъ, оружіемъ, и проч.

Калмыцкіе полки участвовали въ дѣйствіяхъ россійской арміи отъ начала войны до возвращенія войскъ въ 1814 году изъ заграничнаго похода (20).

Земля войска Донскаго.

Въ то время, когда послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ 6-го (18-го) іюля о составленіи всеобщаго внутренняго Ополченія, уже было выслано съ Дона на службу шестьдесятъ полковъ съ двумя казачьими артиллерійскими ротами (21). По выслушаніи же Манифеста, Войсковая канцелярія опредѣлила: составить по-станично списки всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, урядникамъ, писарямъ, казакамъ и „выросткамъ", включительно до семнадцати-лѣтняго возраста, за исключеніемъ только весьма дряхлыхъ, сущихъ калѣкъ и тяжело больныхъ, совершенно неспособныхъ къ походу. Всѣхъ же здоровыхъ людей приказано было вооружить, заимствуя для неимущихъ оружіе у тѣхъ, которые имѣли его болѣе нужнаго, снабдить каждаго изъ казаковъ, по-крайней-мѣрѣ, пикою, и собрать ихъ по сотнямъ, чтобы, по первому востребованію, они могли выступить въ походъ, куда будетъ указано. Оружіе, имѣющееся у казаковъ, въ Ново-Черкасскѣ, Старо-Черкасскѣ и въ Аксайской станицѣ, было описано и оцѣнено, съ запрещеніемъ, при продажѣ его, возвышать установленную цѣну. Приставу надъ Калмыками и татарскому старшинѣ предписано донести о всѣхъ могущихъ выступить въ походъ людяхъ, включительно также до 17-ти-лѣтняго возраста, и всевозможно стараться вооружить ихъ. Остававшуюся при войскѣ казачью артиллерійскую полуроту приказано снарядить въ походъ, укомплектовавъ людьми и лошадьми. Владѣльцы помѣстій должны были выставить

особое Ополченіе ([22]). Атаманъ Платовъ утвердилъ всѣ распоряженія Войсковой канцеляріи, за исключеніемъ высылки въ походъ 17-ти и 18-ти-лѣтнихъ выростковъ, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало оставить въ домахъ, какъ для отбытія различныхъ внутреннихъ повинностей, такъ и для надзора за имуществомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано всему собиравшемуся войску идти кратчайшимъ путемъ къ Москвѣ, безъ роздыховъ, дѣлая переходы не менѣе шестидесяти верстъ въ сутки ([23]). Формированіе новыхъ 26-ти полковъ, въ числѣ пятнадцати тысячъ человѣкъ, съ шестью орудіями, было столь быстро, что всѣ они выступили въ походъ втеченіи сентября и въ началѣ октября. Дворянство поставило съ 76.768 душъ, состоявшихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, 3,074 ратника, снабдивъ ихъ одеждою, оружіемъ и провіантомъ на шесть мѣсяцевъ. (Это Ополченіе, въ слѣдствіе Манифеста 18-го (30-го) іюля, было отмѣнено). Кромѣ-того дворяне Донскаго края пожертвовали 1,500 верховыхъ лошадей для неимущихъ казаковъ. Торговые казаки Усть-Аксайской и Старо-Черкасской станицъ, въ числѣ 234 человѣкъ, собрали 93,600 рублей въ пользу недостаточныхъ своихъ сослуживцевъ ([24]).

Кавказская губернія.

Несмотря на скудныя средства дворянства сей губерніи, оно сдѣлало большія пожертвованія на пользу общую. Предположено было выставить, во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, десятаго человѣка, что составляло 487 ратниковъ. На вооруженіе, снабженіе лошадьми и продовольствіе ихъ, было собрано по три рубля съ ревизской души, всего 14,604 рубля; дворяне и владѣльцы, имѣвшіе особыя хозяйственныя заведенія, пожертвовали десять процентовъ съ получаемаго ими дохода и сдѣлали подписку добровольныхъ приношеній деньгами, оружіемъ и провіантомъ ([25]).

Таврическая губернія.

По полученіи Манифеста о всеобщемъ Ополченіи, постановлено было въ Общемъ Собраніи депутатовъ губерніи, чтобы всѣ дворяне, съ состоящими за ними крестьянами, считались воинами, готовыми, по первому призыву Правительства, идти на защиту Отечества, содержа себя на собственный счетъ, а неимущіе ратники — добровольными пожертвованіями. Для ускоренія же сбора хотя нѣкоторый части этого поголовнаго вооруженія, положено, на первый разъ, собрать въ ближайшихъ къ театру войны уѣздахъ, Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ, во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, со ста душъ по три ратника, половину конныхъ и половину пѣшихъ; дворяне имѣющіе менѣе 33 душъ и владѣльцы садовъ, виноградниковъ, лѣсовъ и ненаселенныхъ земель, должны были сдѣлать пожертвованія деньгами, не менѣе десятой части годоваго дохода; а дворяне, поставившіе ратниковъ, обязались вооружить и снабдить ихъ провіантомъ и жалованьемъ, и вообще пожертвовать припасами и деньгами также не менѣе десятой части своего дохода. Казенные крестьяне взялись выставить по три воина со ста душъ, снабдивъ ихъ провіантомъ на десять мѣсяцевъ, и дать лошадей на половинное число ратниковъ. Татары изъявили согласіе укомплектовать четыре конные татарскіе полка, уже находившіеся въ дѣйствующей арміи. Наконецъ — всѣ племена населяющія Тавриду предложили открыть добровольную подписку пожертвованій деньгами.

По обнародованіи же Манифеста 18-го (30-го) іюля, жители Таврической губерніи, будучи освобождены отъ Ополченія, сдѣлали слѣдующія приношенія:

Дворянство	50,956	р.
Православное духовенство	1,228	„
Городскіе обыватели	47,300	„

Поселяне русскіе . . . . 50,322 р.
Поселяне изъ Татаръ и магометанское духовенство . . . . 299,633 „
Киргизы . . . . 40,000 „
Ногайцы . . . . 74,945 „
Колонисты . . . . 399 „
Изъ войсковой казны Черноморскаго войска . . . . 100,000 „
По добровольной подпискѣ Черноморцевъ 14,378 „

Всего же . . . 679,161 р.
А по другимъ свѣдѣніямъ . . . . 756,000 „

Кромѣ-того сдѣланы пожертвованія различными припасами (26).

Херсонская губернія.

Во исполненіе Высочайшаго Повелѣнія, о всеобщемъ образованіи внутренней земской силы, предполагалось выставить въ сей губерніи по одному ратнику съ 50-ти ревизскихъ душъ. По отмѣнѣ же Ополченія сдѣланъ сборъ добровольныхъ пожертвованій, въ числѣ коихъ жители Одессы въ короткое время собрали 300,000 рублей. Бугское казачье войско, независимо отъ трехъ полковъ находившихся въ арміи, выставило дружину въ пять сотень, а помѣщикъ Скаржинскій сформировалъ, на собственный счетъ, эскадронъ поступившій въ дѣйствующую армію и участвовавшій въ походѣ (27).

Екатеринославская губернія.

По полученіи Высочайшаго Манифеста 6-го (18-го) іюля, постановленіемъ дворянства было опредѣлено собрать съ каждыхъ 25-ти душъ по одному ратнику, вооруженному

по возможности каждаго; въ числѣ этихъ воиновъ положено выставить 500 конныхъ, снабженіе коихъ лошадьми и сбруею приняли на себя имѣвшіе въ своемъ владѣніи не менѣе ста душъ. Вмѣстѣ съ поставкою людей въ Ополченіе, дворяне вызвались снабдить ихъ десяти дневною дачею сухарей и мукою на три мѣсяца, имѣя въ готовности такое же количество провіанта. Помѣщики, у коихъ во владѣніи было менѣе 25-ти душъ, обязались внести по 5-ти рублей съ души. Принявъ сіи мѣры на первый случай, дворянство объявило, что „будучи всегда преисполнено усердіемъ и „ревностью къ исполненію Монаршей воли и къ защитѣ „Отечества и предпочитая общее благо и спокойствіе Имперіи выгодамъ частнымъ, поставляетъ себѣ за непремѣнный долгъ жертвовать всѣми людьми къ службѣ способными, всѣмъ достояніемъ и самими собою, на пораженіе „врага Отечества“ (28). Одновременно съ симъ постановленіемъ, собрано было дворянами, въ одинъ день 25,284 рубля. По отмѣнѣ же Ополченія въ Екатеринославской губерніи, дворянство постановило, сверхъ сдѣланныхъ уже приношеній, простиравшихся до 50,000 рублей, внести въ распоряженіе правительства 250,000 рублей.

Вообще пожертвовано (29):

Дворянами	325,284	р.
Маріупольскими Греками.	50,000	„
Нѣмецкими колонистами	1,796	„
Отставными солдатами, поселившимися въ Новопавловскомъ, въ числѣ 75-ти семействъ, всѣ имѣвшіяся у нихъ деньги .	1,120	„
Всего же .	378,200	„

Тамбовская губернія.

Положеніемъ дворянства, отъ 25-го іюля, было опредѣлено собрать ратниковъ, по одному съ 50-ти душъ,

вооружить ихъ и снабдить провіантомъ на четыре мѣсяца. По отмѣнѣ же Ополченія, Тамбовское дворянство оказало на дѣлѣ готовность свою къ пожертвованіямъ на пользу общую. Когда получено было въ Тамбовѣ объявленіе графа Растопчина, призывавшаго народъ, во время сближенія непріятеля къ Москвѣ, идти на Три-горы, для защиты столицы, тогда дворяне, собравшись, по приглашенію губернатора Нелидова, постановили составить Ополченіе въ 12 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ половину пѣшихъ и половину конныхъ, и держать такое же число людей въ готовности. Эти мѣры были приведены въ исполненіе, несмотря на рекрутскій наборъ производившійся тогда въ губерніи. Очищеніе непріятелемъ Москвы заставило князя Кутузова пріостановить это Ополченіе, въ которомъ всѣ сословія, слѣдуя примѣру дворянъ, принимали участіе ([30]).

Орловская губернія.

По отмѣнѣ общаго Ополченія, дворянство Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ, ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій, добровольно составило, на собственный счетъ, Ополченіе для защиты отъ непріятеля границъ губерніи ([31]).

Курская губернія.

Для составленія внутренней земской силы, дворянство положило собрать 14,000 пѣшихъ и 900 конныхъ воиновъ, при чемъ 780 дворянъ изъявили желаніе служить въ Ополченіи. Пожертвованія дворянскаго сословія деньгами на вооруженіе и содержаніе Ополченія простирались до 576, 313 рублей; кромѣ-того собрано: муки 29, 755 четвертей, крупъ 2,445 четвертей, овса 2,308 четвертей, сѣна 2,210 пуд.; ружей 193, сабель 1,341, пистолетовъ 48 и пикъ 8,053. Дворяне Рыльскаго и Щигровскаго

уѣздовъ изъявили желаніе удвоить слѣдовавшія съ нихъ по раскладкѣ пожертвованія. Еще до открытія военныхъ дѣйствій, и потомъ въ сентябрѣ 1812 года, курское дворянство пожертвовало для артиллеріи 106 строевыхъ и 425 подъемныхъ лошадей, на сумму 84,650 рублей, и на составленіе подвижнаго магазина 419 лошадей, съ упряжью, погонщиками и продовольствіемъ, на 77,558 рублей. Въ ноябрѣ, по повелѣнію князя Кутузова, выставлено для перевозки провіанта, заготовленнаго въ Трубчевскѣ, 7,200 подводъ, на содержаніе которыхъ собрано 155,176 рублей. Тогда же пожертвовано: 310,352 пуда сухарей, соразмѣрное съ тѣмъ количество крупъ, 4,850 четвертей овса и 75,000 ведеръ вина.

Купечество Курской губерніи, по общей раскладкѣ, обязалось собрать 100,000 рублей, и кромѣ того многіе купцы сдѣлали особыя приношенія, всего на сумму 20,545 рублей (въ числѣ которыхъ градской глава, 2-й гильдіи купецъ Василій Гладковъ пожертвовалъ 5,000 рублей); мѣщане сдѣлали подписку на 6,579 рублей. Восемь человѣкъ изъ нихъ, при обнародованіи Манифеста о всеобщемъ вооруженіи, изъявили желаніе вступить въ ряды защитниковъ Отечества.

Вообще въ 1812 году пожертвовано различными сословіями Курской губерніи:

Дворянствомъ (не считая оружія, провіанта и фуража)	893,727	р.
Купечествомъ	120,545	„
Мѣщанствомъ	9,579	„

Всего же болѣе милліона рублей (32).

Харьковская губернія.

По полученіи Манифеста о всеобщемъ Ополченіи, дворяне, въ Общемъ Собраніи, положили собрать, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ каждыхъ 50-ти душъ по одному рат-

нику, изъявивъ готовность удвоить сіе число, въ случаѣ надобности; вслѣдъ затѣмъ казенные обыватели и мѣщане вызвались принять участіе въ вооруженіи наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами: всего же назначено было выставить 13,211 человѣкъ, изъ числа коихъ 1,350 конныхъ казаковъ. На издержки по Ополченію положено внести по рублю съ ревизской души; для первоначальнаго продовольствованія людей и лошадей назначено доставить на каждаго ратника по два четверика муки и по полтора гарнца крупъ, а на каждую лошадь четверть овса и пятнадцать пудовъ сѣна. Харьковское купечество пожертвовало для Ополченія 23,315 рублей и изъявило готовность дѣлать подобныя же приношенія и на будущее время (33). Когда же Манифестомъ 18-го (30-го) іюля было отмѣнено Ополченіе въ Харьковской губерніи, и въ замѣнъ его сдѣланъ рекрутскій наборъ съ 50-ти душъ по одному ратнику, а между-тѣмъ непріятель занялъ Москву, тогда, по опредѣленію дворянства, положено было составить такое же Ополченіе для защиты границъ губерніи и открыть новую подписку для поданія всѣмъ и каждому возможности участвовать въ общемъ дѣлѣ Россіи (34).

Полтавская губернія.

Во исполненіе Высочайшаго Манифеста 6-го (18-го) іюля, было собрано въ составъ Ополченія, со всѣхъ помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, мѣщанъ и однодворцевъ, съ каждыхъ 25-ти душъ по одному воину, всего же 16,116 человѣкъ, вооруженныхъ пиками, саблями и частью огнестрѣльнымъ оружіемъ. Изъ этихъ ратниковъ сформировано было: шесть пѣшихъ и шесть конныхъ полковъ, шести сотенная нестроевая команда, баталіонъ госпитальныхъ служителей и артиллерійская команда съ двадцатью-четырьмя орудіями различнаго калибра.

Обмундированіе, вооруженіе и снабженіе Ополченія лошадьми съ конскою сбруею, провіантомъ и обозомъ, стоило дворянству и прочимъ сословіямъ 1,026,800 рублей. На жалованье офицерамъ и ратникамъ, покупку фуража, и проч. собрано 537,911 рублей. Многіе изъ дворянъ жертвовали орудія и различное оружіе. Сверхъ-того, по распоряженію Кутузова, сдѣланному въ декабрѣ 1812 года, поставлено жителями Полтавской губерніи, въ началѣ слѣдующаго года, для дѣйствующей арміи, въ Минскъ и Слонимъ, муки, крупъ и овса на 883,904 рубля.

Полки земскаго Ополченія, выступивъ съ сборныхъ пунктовъ 1-го ноября, участвовали въ блокадѣ крѣпостей Замостья и Глогау (35).

Черниговская губернія.

Дворянство сей губерніи, по приглашенію губернскаго маршала (предводителя), опредѣлило собрать съ каждыхъ 15-ти ревизскихъ душъ по одному ратнику и снабдить воиновъ одеждою, оружіемъ, а равно провіантомъ и жалованьемъ, на шесть мѣсяцевъ. Ополченіе было раздѣлено по повѣтамъ (уѣздамъ); а повѣтовые участки на сотни. По выступленіи же Черниговскаго Ополченія въ походъ, оно было раздѣлено на десять пѣшихъ и пять конныхъ полковъ, въ числѣ 26,000 человѣкъ съ сорока орудіями (36). О пожертвованіяхъ жителей губерніи деньгами не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Казачье сословіе Полтавской и Черниговской губерній, будучи вызвано, по Высочайшей волѣ, малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ, къ вооруженію въ защиту Отечества, выставило съ 454,983 душъ пятнадцать полковъ, въ числѣ

18,000 всадниковъ. Обмундированіе, вооруженіе, снабженіе лошадьми и продовольствованіе Малороссійскихъ конныхъ полковъ, до выступленія ихъ въ походъ, производились на счетъ казачьихъ обществъ, которыми и въ послѣдствіи были сдѣланы, на сей предметъ, значительныя пожертвованія. Князь Лобановъ-Ростовскій, донося Государю объ усердіи казаковъ, вызывавшихся составить, въ случаѣ надобности, двойное число полковъ, и даже идти поголовно (37), ходатайствовалъ объ освобожденіи ихъ отъ рекрутскихъ наборовъ и отъ нѣкоторыхъ податей, вмѣнивъ имъ постоянно въ обязанность являться по востребованію на службу (38). Императоръ Александръ, Рескриптомъ отъ 30-го іюля, предоставя князю Лобанову привести въ дѣйствіе предположеніе о Малороссійскихъ казакахъ, писалъ: „лишь были бъ они только счастливы" (39).

Изъ числа пятнадцати казачьихъ полковъ, сформированныхъ княземъ Лобановымъ, оставлено было для охраненія Черниговской губерніи пять; прочіе же десять полковъ были направлены къ Мозырю (40).

Кіевская губернія.

По Высочайшему Повелѣнію, послѣдовавшему въ іюнѣ 1812 года, сформированы въ сей губерніи, полковникомъ графомъ де-Витте, три Украинскіе казачьи полка, восьми-эскадроннаго состава, въ числѣ всего 3,600 человѣкъ. Эти казаки набирались изъ крестьянъ помѣщичьихъ и казенныхъ, чиншевой (податной) шляхты и мѣщанъ, съ 152 ревизскихъ душъ по одному человѣку. Каждый изъ казаковъ, выставляемыхъ помѣщиками, считался за двухъ рекрутъ. Отдатчики людей обязывались снабдить ихъ бѣльемъ, обувью и лошадью со всею сбруею; одежда же и аммуниція строились отъ казны, за что положено было взимать съ отдатчиковъ по 75 рублей на каждаго человѣка.

Оружіе (пики, пистолеты и нѣкоторое число сабель и ружей) было выдано изъ кіевскаго арсенала.

По полученіи Манифеста 6-го (18-го) іюля, дворяне Кіевской губерніи постановили собрать, для составленія внутренней земской силы, съ каждыхъ 500 ревизскихъ душъ по три ратника, снабдивъ ихъ одеждою и провіантомъ на 20 дней и вооруживъ пиками. Вслѣдъ за тѣмъ, дворянство Чигиринскаго и Черкасскаго уѣздовъ и нѣкоторые изъ помѣщиковъ Кіевскаго, Звенигородскаго и Богуславскаго уѣздовъ вызвались выставить съ каждыхъ 500 душъ по пяти воиновъ; Кіевскій и Богуславскій магистраты поставили 100 ратниковъ: вообще же предположено было собрать съ губерніи 4,490 человѣкъ. По отмѣнѣ же Ополченія сдѣланъ былъ рекрутскій наборъ съ 500 ревизскихъ душъ по десяти человѣкъ. Сверхъ-того поступило въ подвижные магазины 2-й Западной и Дунайской армій 3,458 погонщиковъ и въ 3-ю резервную обсерваціонную армію, для составленія конвойныхъ командъ, 390 человѣкъ. Наконецъ, для работъ при укрѣпленіи Кіева, собрано было съ губерніи нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые получали провіантъ отъ отдатчиковъ.

Пожертвованія деньгами состояли: 1) въ 50,000 рублей ассигнаціями, собранныхъ дворянствомъ на сформированіе Украинскаго казачьяго войска; 2) въ 36,000 рублей ассигнаціями, 2,606 рублей серебромъ и 4-хъ червонцахъ, внесенныхъ различными сословіями, и 3) въ 9 пудахъ, 33 фунтахъ серебра и $3^1/_2$ фунтахъ золота, поступившихъ въ казну отъ монастырей и духовенства. Сверхъ-того, поставлено съ каждыхъ пятисотъ душъ по одной артиллерійской лошади, всего 1,069 лошадей и выслано изъ Радомысльскаго уѣзда въ Мозырь, для Втораго резервнаго корпуса, 52,000 пудовъ сѣна ([41]).

Подольская губернія.

Еще до открытія военныхъ дѣйствій, Высочайшимъ Рескриптомъ отъ 4-го марта, на имя подольскаго гражданскаго губернатора, графа Сен-При, повелѣно собрать въ Подольской губерніи, съ каждаго пяти сотеннаго рекрутскаго участка по одной артиллерійской лошади. Во исполненіе сего Высочайшаго Повелѣнія выставлено съ губерніи 1,042 лошади.

За тѣмъ—для образованія подвижнаго магазина арміи собрано 1,142 повозки съ 2,520 лошадьми и 1,152 погонщиками (42), и сверхъ-того выслано въ армію, для подъема воинскихъ тяжестей и для продовольствованія войскъ, 7,000 воловъ съ 1,000 повозокъ и съ 594 погонщиками (43).

По Высочайшему Повелѣнію, послѣдовавшему въ іюнѣ 1812 года, изъ жителей четырехъ уѣздовъ Подольской губерніи: Винницкаго, Брацлавскаго, Гайсинскаго и Балтскаго, составленъ былъ одинъ изъ Украинскихъ казачьихъ полковъ, въ числѣ 1,200 человѣкъ (44).

Кромѣ-того — поставлено въ армію 3,500 лошадей (45) и собрано, для постояннаго подвоза къ войскамъ провіанта и фуража, 1,719 пароконныхъ подводъ (46).

Сибирскія губерніи.

Несмотря на отдаленность сихъ губерній отъ театра военныхъ дѣйствій, онѣ приняли посильное участіе въ доставленіи средствъ къ защитѣ Имперіи. Высочайшимъ Манифестомъ 1-го (13-го) іюля, повелѣно было: съ сибирскихъ губерній, вмѣсто рекрутъ, собрать деньгами за каждаго по 2,000 рублей (47). Но, вслѣдъ за тѣмъ, сборъ этихъ денегъ былъ отмѣненъ, чтобы не обременить жителей Сибири (48), и повелѣно сдѣлать рекрутскій наборъ. Какъ

сибирскія губерніи не могли принять дѣятельнаго участія въ оборонѣ государства, то жители ихъ были приглашены къ добровольнымъ пожертвованіямъ деньгами. Эти приношенія не могли быть значительны, по малонаселенности края, и въ-особенности по неурожаю хлѣба въ Сибири и по чрезвычайной дороговизнѣ необходимѣйшихъ припасовъ. Но усердіе къ общей пользѣ заставляло многихъ жертвовать послѣднимъ достояніемъ своимъ. Даже ссыльные, расторгшіе своими преступленіями узы соединявшія ихъ съ Отечествомъ, отозвались на голосъ родины, взывавшей о помощи къ сынамъ своимъ: рабочіе Тельминской казенной фабрики пожертвовали довольно значительную сумму денегъ. Изъ множества трогательныхъ примѣровъ общаго усердія сибирскихъ жителей, приведемъ поступокъ одного изъ работниковъ Барнаульскаго завода, Бѣлкина, представившаго въ заводскую контору пять рублей серебромъ. Чиновникъ, принимавшій деньги, совершенно зналъ положеніе Бѣлкина, весьма бѣднаго и обремененнаго большимъ семействомъ, и потому изъявилъ удивленіе, что онъ дѣлаетъ такое пожертвованіе, имѣя самъ нужду въ помощи. „Меня кормитъ Государь, и семейство мое съ голода не „умретъ,—отвѣчалъ работникъ. Эти деньги оставилъ мнѣ „отецъ, при смерти своей, завѣщая, чтобы я берегъ ихъ „на черный день. Слыша, въ какомъ положеніи наша святая „Русь, я разсудилъ, что для всѣхъ насъ не можетъ быть дней „чернѣе нынѣшнихъ, и потому, исполняя послѣднее желаніе родителя моего, прошу принять мои деньги (49)".

Инородцы, Буряты и Ламы ихъ, сознавая благодѣтельное покровительство россійскаго Правительства, усердствовали, приносили въ жертву деньги, мѣха, хлѣбъ, и проч. Говорятъ — будто бы даже бродячіе Тунгусы, услышавъ, уже два года спустя, о занятіи Французами Москвы, готовились отправиться на ланяхъ противъ Наполеона (59).

Пожертвованія сибирскихъ губерній, по имѣющимся, впрочемъ, весьма неполнымъ свѣдѣніямъ, простирались, деньгами, золотыми и серебряными слитками, пушнымъ товаромъ, и проч. болѣе 300,000 рублей ([51]).

Изъ сдѣланнаго нами краткаго обзора вооруженій, и пожертвованій, сдѣланныхъ губерніями не вошедшими въ составъ трехъ округовъ Ополченія, оказывается, что эти губерніи выставили добровольно слѣдующія войска:

Лифляндская: Ополченіе въ	2,260 ч.
Лифляндскій казачій полкъ	2,000 „
Стрѣлковъ	200 „
Отряды Шмита и Нирота	400 „
Съ острова Эзеля	200 „
Всего	5,060 ч.

Эстляндская: особый рекрутскій наборъ, съ 500 душъ по 17-ти человѣкъ.

Финляндія: Выборгскій егерскій полкъ .	1,200 ч.
Олонецкая, стрѣлковъ	570 „
Вологодская, стрѣлковъ	500 „
Оренбургская, 24 казачьихъ полка . .	12,500 „
Астраханская, два калмыцкихъ полка .	1,000 „
Земля войска Донскаго: 26 казачьихъ полковъ, полурота конной артиллеріи и 3,000 ратниковъ, всего . . .	18,000 „
Херсонская: дружина въ пять сотень и эскадронъ Скаржинскаго	650 „
Малороссійскія губерніи: (Полтавская и Черниговская) 15 казачьихъ полковъ и ополченіе	60,000 „
Кіевская и *Подольская:* 4 Украинскихъ казачьихъ полка	4,800 „
Вообще же	104,280 ч.

Гораздо труднѣе исчислить пожертвованія сихъ губерній деньгами, провіантомъ и оружіемъ. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этой славной эпохѣ, можно заключить, что приношенія губерній, не вошедшихъ въ составъ трехъ округовъ Ополченія, простирались на сумму не менѣе 25-ти милліоновъ рублей. Но какъ многія изъ пожертвованій въ натурѣ не оцѣнены, и даже не помѣщены въ имѣющихся вѣдомостяхъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти поставки вмѣстѣ съ денежными приношеніями превышали показанное число, по-крайней-мѣрѣ, въ полтора раза.

Слѣдовательно — Россія, несмотря на нѣсколько наборовъ (52), сдѣланныхъ въ продолженіе 1811 и первой половины 1812 года, и несмотря на разореніе непріятелемъ многихъ областей Имперіи, выставила добровольно, по призыву Царя, до 320,000 воиновъ (изъ числа которыхъ 50,000 человѣкъ конницы), и принесла на пользу общую не менѣе ста милліоновъ рублей.

Мужайся, Россія! Надѣйся на сыновъ своихъ! Никогда не обнаруживала ты свои силы болѣе, какъ въ то время, когда враги твои считали тебя погибшею. Во дни Пожарскаго и Минина, какъ и во дни славной борьбы Александра I-го съ Наполеономъ, каждый изъ Русскихъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ и самимъ собою: эта готовность была вѣрнымъ залогомъ успѣха.

ГЛАВА XIX.

Положеніе областей Имперіи, занятыхъ непріятелемъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Учрежденіе Французами временнаго правленія Литвы, администраціонныхъ коммиссій, подпрефектуръ и муниципальныхъ управленій.—Образованіе въ Варшавѣ генеральной (общей) конфедераціи; присоединеніе къ ней литовскихъ областей. — Составъ временнаго правленія, администраціонныхъ коммиссій и муниципальныхъ управленій.—Вспомогательныя коммиссіи.—Управленіе въ частяхъ Бѣлоруссіи и Волыни, занятыхъ непріятельскими войсками.

Вооруженія въ Литвѣ. Различные роды вновь устроенныхъ войскъ.—Причины замедлявшія формированіе войскъ.—Учрежденіе магазиновъ и госпиталей. — Безпорядки въ тылу Большой французской арміи. Бѣдствія Литвы и Бѣлоруссіи.—Послѣдующая судьба литовскихъ войскъ.

Наполеонова армія, пройдя Литву, оставила тамъ только небольшіе отряды, едва достаточные для охраненія важнѣйшихъ пунктовъ своего пути дѣйствій. По этому самому только часть страны, находившейся въ тылу Большой французской арміи, была въ зависимости отъ Наполеона, и хотя войска его занимали губерніи Виленскую, Гродненскую, Курляндскую, Бѣлостокскую область, бóльшую часть Минской губерніи, и часть Могилевской, Витебской и Волынской, однакоже только лишъ въ Литвѣ и въ Могилевской губерніи удалось ему ввести управленіе и сформировать небольшое число войскъ.

По занятіи Французами Вильны, Наполеонъ, учредивъ въ семъ городѣ временное правленіе Литвы (gouvernement provisoire de la Lithuanie), или, какъ обыкновенно называли

его, Правительственную коммисію, подчинилъ ее одному изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, графу Гогендорпу, назначенному литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Этой коммисіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ бывшаго литовскаго маршала Солтана, изъ семи членовъ, генеральнаго секретаря и французскаго коммисара (барона Биньона) было ввѣрено управленіе страною и распоряженіе финансовыми ея средствами; но главными предметами ея занятій были продовольствованіе Наполеоновой арміи и образованіе литовскихъ войскъ (1).

Во всѣхъ губернскихъ городахъ, занятыхъ непріятелемъ, были учреждены администраціонныя коммисіи губерній, переименованныхъ въ департаменты; всѣ эти коммисіи были подчинены верховному правленію Литвы и состояли, подъ предсѣдательствомъ интендапта (французскаго уроженца), изъ трехъ членовъ; въ послѣдствіи же онѣ зависѣли отъ генералъ-губернаторовъ: въ Вильнѣ—бригаднаго генерала, барона Жомини; въ Гроднѣ — барона Брюна; въ Минскѣ — сперва генерала Барбанегра, а потомъ Бронпковскаго; въ Бѣлостокѣ — генерала Ферріера. Уѣздами управляли подпрефектуры, состоявшія изъ подпрефекта и двухъ членовъ, а въ каждомъ городѣ было учреждено муниципальное управленіе. Для собранія и разбора бумагъ, относившихся къ прежнему управленію краемъ, были учреждены въ губернскихъ городахъ особыя архивныя коммисіи (2).

Между-тѣмъ—въ Варшавѣ, съ согласія короля саксонскаго, герцога варшавскаго, составилась, подъ управленіемъ князя Адама Чарторижскаго, генеральная конфедерація, цѣлью которой было возбужденіе къ возстанію и соединенію всѣхъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ. Депутація варшавскаго Сейма, прибывъ въ Вильну, торжественно пригласила временное правительство приступить къ конфедераціи. Слѣдствіемъ того было под-

писаніе конфедераціоннаго акта въ Вильнѣ 2-го (14-го) іюля. Прочіе же города присоединялись къ конфедераціи по мѣрѣ занятія ихъ войсками Наполеона: такъ напр. въ Слуцкомъ уѣздѣ подписанъ актъ въ половинѣ іюля; въ Минскомъ 7-го (19-го) іюля; Дисненскій присоединился къ конфедераціи во время пребыванія Наполеона въ Глубокомъ; Бобруйскій 27-го іюля н. ст. по занятіи Рожнецкимъ Глуска; уѣзды Вилейскій, Игуменскій и Борисовскій медлили присоединеніемъ, но наконецъ принуждены были послѣдовать примѣру прочихъ, уже въ началѣ октября (3). Самъ Солтыкъ, писатель весьма пристрастный въ отношеніи къ своимъ единоземцамъ, сознается, что существованіе варшавской конфедераціи ознаменовалось единственно прокламаціями и возгласами (4).

Непосредственнымъ слѣдствіемъ конфедераціоннаго акта было уничтоженіе таможенной пограничной черты между Литвою и Варшавскимъ герцогствомъ, 16-го (28-го) іюля 1812 года. Вскорѣ послѣ того, по распоряженію временнаго литовскаго правительства, положено было избрать въ городахъ и уѣздахъ депутатовъ на Сеймъ въ Варшавѣ, но эта мѣра не была приведена въ исполненіе (5).

Временное литовское правленіе раздѣлялось на комитеты (министерства), состоявшіе изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ совѣтниковъ. Въ составѣ правленія было семь комитетовъ: 1) юстиціи, 2) внутреннихъ дѣлъ, 3) полиціи, 4) финансовъ, 5) военныхъ дѣлъ, 6) духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и 7) провіантскій (6). Комитетомъ или министерствомъ военнымъ управлялъ князь Александръ Сапега, а по смерти его бригадный генералъ Грабовскій, исправлявшій сію должность до отступленія Большой арміи изъ Россіи (7). Вообще всѣ дѣла сперва разсматривались въ комитетахъ, а потомъ вносились въ общее собраніе предсѣдателей (министровъ). Административныя же Коммисіи раздѣлялись на три отдѣленія: 1) юстиціи, вну-

треннихъ дѣлъ и полиціи; 2) военной и провіантской частей, и 3) финансовъ, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Каждое отдѣленіе находилось въ вѣдѣніи одного изъ членовъ коммисіи, которому придавались помощники. Муниципальныя (городскія) управленія въ губернскихъ городахъ состояли изъ четырехъ отдѣленій: 1) полицейскаго; 2) финансоваго и провіантскаго; 3) квартирнаго, и 4) богоугодныхъ дѣлъ. Муниципальныя управленія въ уѣздныхъ городахъ были подчинены подпрефектамъ ([8]).

Какъ верховное управленіе, такъ и администраціонныя коммисіи, дѣйствовали посредствомъ другихъ вспомогательныхъ коммисій. Главныя изъ нихъ были слѣдующія: 1) военныхъ госпиталей; 2) общественныхъ госпиталей и богоугодныхъ заведеній; 3) интендантская, въ вѣдѣніи которой состояли имѣнія оставленныя русскими помѣщиками; 4) провіантская; 5) сбора податей; 6) верификаціонная, для изслѣдованія убытковъ понесенныхъ жителями; 7) лѣсная; 8) таможенная, и проч. ([9]).

По занятіи непріятелемъ части Бѣлоруссіи и западныхъ уѣздовъ Волынской губерніи, были вводимы различныя правительственныя мѣста: въ Могилевѣ учреждена была администраціонная коммисія; во Владимірѣ-на-Волыни былъ назначенъ комендантъ; Владимірскій уѣздъ управлялся коммисіею, составленною изъ тамошнихъ помѣщиковъ, а занятая непріятелемъ часть Луцкаго уѣзда—коммисарами, также изъ жителей края ([10]).

Однимъ изъ первыхъ предметовъ заботливости новаго правленія было образованіе вооруженныхъ силъ въ Литвѣ. Князь Александръ Сапѣга, которому поручена была военная часть въ этой странѣ, увѣрялъ Наполеона, что всѣ жители ея возстанутъ противъ Россіи, но послѣдствія показали неосновательность разсчетовъ Сапѣги, основанныхъ болѣе на угодливости императору Французовъ, нежели на глубокомъ знаніи дѣла. Наполеонъ, въ продолже-

ніе пребыванія своего въ Вильнѣ, постановилъ сформировать на счетъ Литвы пять пѣхотныхъ и четыре конныхъ полка ([11]). Временное правленіе немедленно приступило къ раскладкѣ и набору кантонистовъ (рекрутъ), въ числѣ 14-ти тысячъ (10-ти тысячъ для пѣхоты и 4-хъ тысячъ для кавалеріи). Каждая изъ губерній обязана была выставить часть этихъ рекрутъ сообразно своему населенію; для составленія пѣхотныхъ полковъ было набрано: въ Виленской и Минской губерніяхъ по 3,000; въ Гродненской 2,500 и въ Бѣлостокской области 1,500 человѣкъ, снабженныхъ бѣльемъ, одеждою и провіантомъ на 15 дней ([12]). Для составленія же литовской кавалеріи, было приказано набрать съ каждыхъ 75-ти дворовъ (dymow) по одному человѣку съ лошадью, что должно было составить 4,000 всадниковъ, на снаряженіе которыхъ полагалось собрать съ каждыхъ 50-ти дворовъ по 486$^1/_2$ злотыхъ (73 рубля серебр.). Какъ пѣхотинцы, такъ и кавалеристы, были обязаны служить шесть лѣтъ ([13]).

Какъ литовскіе полки должны были войти въ составъ польскихъ войскъ, то они были устроены и обмундированы по образцу польскихъ полковъ по назывались слѣдующими по порядку номерами, пѣхотные: 18-мъ, 19-мъ, 20-мъ, 21-мъ и 22-мъ, а кавалерійскіе: 17-мъ, 18-мъ, 19-мъ и 20-мъ. Пѣхотные полки состояли каждый изъ трехъ баталіоновъ, а въ баталіонахъ было по шести ротъ. Кавалерійскіе (уланскіе) полки находились въ 4-хъ-эскадронномъ составѣ. Полковыми командирами назначены были знатнѣйшіе литовскіе помѣщики, изъ числа коихъ нѣкоторые не имѣли никакого понятія о военной службѣ ([14]). Напротивъ того, какъ всѣ высшіе начальники, такъ и всѣ субалтернъ-офицеры и унтеръ-офицеры, были назначены изъ старыхъ служивыхъ польской арміи. Въ августѣ, Наполеонъ назначилъ дивизіоннаго генерала князя Гедройца генералъ-инспекторомъ всѣхъ литовскихъ полковъ; а бригадныхъ команди-

ровъ, графа Несіоловскаго и Вавржецкаго, инспекторами литовской пѣхоты и кавалеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернатору Литвы, графу Гогендорпу, порученъ былъ надзоръ надъ формированіемъ литовскихъ войскъ ([15]).

Наполеонъ, желая привлечь подъ свои знамена многочисленную литовскую шляхту, поручилъ бригадному генералу, графу Винцентію Красинскому (*) набрать изъ дворянъ новый полкъ, подъ названіемъ 3-го легко-коннаго (уланскаго) полка императорской гвардіи. (1-й гвардейскій уланскій полкъ былъ сформированъ еще въ 1806 году, въ Варшавѣ, изъ польскихъ уроженцевъ графомъ Красинскимъ; 2-й полкъ, красныхъ уланъ, голландскій, бригады графа Кольбера, составленъ нѣсколько позже.) Каждый изъ поступавшихъ на службу дворянъ обязанъ былъ имѣть лошадь и обмундироваться на собственный счетъ. Полковымъ командиромъ этого полка былъ назначенъ бригадный генералъ Конопка ([16]).

Одновременно съ образованіемъ сихъ полковъ, набирались стрѣлковые баталіоны (bataillons des chasseurs-tirailleurs) изъ лѣсной стражи и охотниковъ умѣющихъ стрѣлять ([17]).

Для охраненія спокойствія страны, Наполеонъ, декретомъ отъ 1-го іюля н.ст. повелѣлъ сформировать изъ осѣдлой шляхты, въ каждомъ уѣздѣ, жандармскія команды, отъ тридцати до шестидесяти человѣкъ: всѣ онѣ находились подъ общимъ начальствомъ полковника князя Радзивила. Жандармы получали фуражъ и по злоту (15 к. сер.) въ день ([18]). По всѣмъ губернскимъ городамъ была учреждена народная стража, которая обучалась по праздничнымъ днямъ маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ ([19]).

Не легко было обмундировать и снабдить лошадьми девять полковъ на счетъ областей, обѣднѣвшихъ отъ движенія чрезъ нихъ многочисленныхъ армій и совершенно

(*) Умершій въ 1858 году ген.-адъют. ген.-отъ-кавалеріи.

разоренныхъ мародёрами, скитавшимися въ тылу Наполеоновыхъ войскъ. Восторгъ, обнаруженный жителями Литвы при встрѣчѣ завоевателя, уступилъ мѣсто равнодушію, какъ только они узнали на опытѣ, до какой степени ослабленіе дисциплины въ войскѣ увеличиваетъ бѣдствія, неминуемо сопряженныя съ войною. Невозможно было ожидать ни преданности, ни самопожертвованія отъ тѣхъ, которыхъ страна управлялась Французами, какъ область покоренная силою оружія. Трудно исчислить всѣ подати, введенныя въ Литвѣ въ продолженіе эфемернаго владычества Французовъ въ сей странѣ. Ограничимся указаніемъ важнѣйшихъ: 1) налогъ съ доходовъ, отъ котораго не былъ изъятъ никто, отъ капиталиста, обязаннаго платить седьмую часть получаемыхъ имъ процентовъ, до бѣднѣйшаго поденщика (постановл. временнаго правленія Литвы, отъ 22-го августа н. ст. 1812 года); 2) налогъ съ напитковъ (даже съ уксуса), съ рогатаго скота, мяса, рыбы, масла, табаку, и проч. (табель сборовъ, составл. минскою администраціонною коммисіею). Само собою разумѣется, что такіе поборы не могли расположить жителей Литвы въ пользу Французовъ. Къ тому же пребываніе Императора Александра въ Вильнѣ оставило незабвенныя воспоминанія и поразило бездѣйствіемъ многія распоряженія его противника ([20]). Въ „Литовскомъ Курьерѣ", газетѣ тогда издававшейся въ Вильнѣ, помѣщались описанія восторженныхъ встрѣчь, дѣлаемыхъ Французамъ легкомысленными обитателями Литвы, и празднествъ, по случаю дня рожденія Наполеонова, 15-го (27-го) августа; но всѣ эти извѣстія, бо̀льшею частью преувеличенныя, нисколько не выражали общественнаго мнѣнія, разочарованнаго притѣсненіями мнимыхъ покровителей Польши. Наборъ рекрутъ шелъ довольно успѣшно, и особенно въ Гродненской губерніи ([21]); но недостатокъ въ деньгахъ замедлялъ обмундированіе и снаряженіе войскъ. Ремонтированіе также

Выше уже сказано, что силы, съ которыми Императоръ Александръ I рѣшился вести борьбу за освобожденіе Германіи, не соотвѣтствовали огромности этого предпріятія. Надлежало укомплектовать Дѣйствующую армію и пріуготовить средства на случай дальнѣйшаго продолженія войны. Снабженіе всѣмъ нужнымъ войскъ за предѣлами Имперіи представляло чрезвычайныя затрудненія, тѣмъ болѣе, что русскіе финансы были весьма разстроены, да и вообще средства государства истощены только-лишь выдержанною борьбою.

Для укомплектованія Дѣйствующей арміи была учреждена *Резервная армія*, подъ начальствомъ князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго, въ составъ коей назначено войти всѣмъ резервамъ, какъ пѣхотнымъ, такъ и кавалерійскимъ, а равно и всѣмъ находившимся тогда въ западныхъ губерніяхъ артиллерійскимъ ротамъ. Такимъ образомъ въ Резервную армію поступили: 77 баталіоновъ формированія князя Лобанова - Ростовскаго, находившіеся въ окрестностяхъ Бѣлицы; 48 баталіоновъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, въ Бобруйскѣ и Черниговѣ; 24 баталіона генералъ-маіора Башуцкаго, въ Петербургѣ; 24 баталіона генералъ-лейтенанта Клейнмихеля, въ Ярославлѣ (потомъ въ Витебскѣ); 92 эскадрона, генерала отъ кавалеріи Кологривова, въ Бѣлоруссіи, и гвардейскіе резервы, въ Петербургѣ; наконецъ—37 артиллерійскихъ ротъ и запасные парки. Резервная армія была раздѣлена на четыре пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ корпуса ([1]). Для расположенія сей арміи было назначено пространство между Гродномъ, Лидою, Минскомъ, Игуменомъ, Слуцкомъ, Пинскомъ, Ковелемъ, Люблиномъ, Венгровымъ, Остроленкою и Щучинымъ; а главная квартира командующаго арміею находилась въ Бѣлостокѣ ([2]) Въ продолженіе похода сихъ войскъ къ границамъ и далѣе въ Дѣйствующую армію, поставлено первѣйшею обязанностью сохраненіе людей, и

таномъ Ахматовичемъ изъ магометанъ съ давняго времени поселившихся въ Литвѣ. Кромѣ этихъ полковъ, предполагалось составить въ Вильнѣ, изъ охотниковъ, конно-егерскій полкъ № 21-го. Формированіе его, порученное полковнику Монюшкѣ, не было окончено ([23]).

Мы уже имѣли случай сказать, что самыя успѣшныя вооруженія производились въ Гродненской губерніи, гдѣ собрано было 5,968 человѣкъ различнаго рода войскъ и на снаряженіе ихъ взыскано болѣе 900,000 злотыхъ (135,000 руб. сер.) ([24]). Напротивъ того, въ Минской губерніи распоряженія литовскаго временнаго правительства приводились въ исполненіе медленно и не охотно: немногіе лишь изъ шляхтичей пожелали вступить въ гвардейскій легко-конный полкъ; корпусъ жандармовъ въ губерніи состоялъ всего-на-все изъ 70-ти человѣкъ съ 19-ю лошадьми; національная гвардія не успѣла сформироваться; а въ стрѣлки поступило въ Несвижѣ нѣсколько лѣсничихъ. Только лишь графу Станиславу Чапскому удалось составить изъ рекрутъ 22-й линейный полкъ, уничтоженный при первой встрѣчѣ съ русскими войсками графомъ Ламбертомъ ([25]).

Снабженіе Большой Наполеоновой арміи жизненными припасами составляло предметъ особенной заботливости администраціонныхъ коммисій и было тяжкимъ бременемъ для края. Огромные поборы различныхъ запасовъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ дисциплины въ разноплеменныхъ полчищахъ непріятельскихъ, были одною изъ главныхъ причинъ неудачи вооруженій въ Литвѣ и охлажденія къ Наполеону многихъ его приверженцевъ. Всѣ эти поборы и поставки дѣлались безъ всякаго соображенія съ средствами края. Единственнымъ масштабомъ для требованій администраціонныхъ коммисій и начальниковъ войскъ служили дѣйствительныя, либо предполагаемыя потребности арміи. Такимъ образомъ, король вестфальскій, немедленно по за-

нятіи Гродна, потребовалъ полмилліона порцій хлѣба, говядины и водки, и приказалъ забрать нетолько провіантъ, захваченный въ русскихъ магазинахъ, но и весь хлѣбъ найденный въ шести помѣщичьихъ имѣніяхъ. Подобные случаи повторялись безпрестанно. Часть запасовъ, забранныхъ въ Гродненской губерніи, была отправлена въ Виленскую, по требованію генералъ-интендапта Дюма, а, между-тѣмъ, во всѣхъ городахъ и большихъ мѣстечкахъ заготовлялись, на случай прохода войскъ, магазины, на десять тысячъ порцій и болѣе. Для пополненія этихъ запасовъ, было собрано съ каждаго двора, подъ названіемъ добровольнаго пожертвованія, 40 гарнцевъ ржи, 40 гарнцевъ овса, 2 гарнца гороха, 2 пуда сѣна и 2 пуда соломы. Независимо отъ того, сдѣланы, по раскладкѣ со всѣхъ уѣздовъ, другія значительныя поставки сѣна, соломы, рогатаго скота и водки. Разореніе обывателей Гродненской губерніи было довершено учрежденіемъ, уже въ концѣ октября, по повелѣнію Наполеона, резервнаго магазина въ 50,000 четвертей ржи, 73,000 четвертей овса, 6,500 берковцевъ сѣна и столько же соломы; вслѣдъ за тѣмъ, часть губерніи была занята русскими войсками, и потому, для удовлетворенія этого требованія приходилось собрать, въ остальныхъ уѣздахъ, съ каждаго двора по $1^2/_3$ четверти ржи, по 2 четверти овса и по два пуда сѣна и соломы. Несмотря однакоже на огромность этой поставки, половина требуемыхъ запасовъ была собрана въ четыре недѣли. Французы употребляли въ пищу большое количество мяса, и потому, въ продолженіе пяти-мѣсячнаго занятія непріятелемъ Гродненской губерніи, она лишилась цѣлой трети рогатаго скота въ ней находившагося. Реквизиціи лошадьми для кавалеріи и подводами для своза различныхъ тяжестей вслѣдъ за войсками, были также весьма значительны, но нѣтъ никакой возможности опредѣлить ихъ въ точности ([26]).

Губернія Виленская, Минская и область Бѣлостокская были принуждены сдѣлать, наравнѣ съ Гродненскою, огромныя поставки, продовольствовать проходившія войска, собрать постоянные склады запасовъ на всѣхъ важнѣйшихъ путяхъ и учредить резервные магазины. Виленская и минская администраціонныя коммисіи, въ сентябрѣ 1812 года, получили предписаніе собрать неотлагательно, для резервныхъ магазиновъ, съ каждой губерніи: ржи 200,000 центнеровъ (болѣе 60 тысячъ четвертей); овса 200 тысячъ корцевъ (около 100 тысячъ четвертей); сѣна и соломы по 50-ти тысячъ пудовъ ([27]). Жители Минской губерніи, кромѣ всѣхъ сдѣланныхъ ими поставокъ въ натурѣ, обязаны были заплатить по $9\frac{1}{2}$ злотыхъ (1 р. 42 к. сер.) съ души, что̀ составило около 539-ти тысячъ рублей серебромъ, и внести, въ продолженіе семи дней, всѣ недоимки, должныя ими русскому правительству ([28]).

Во всѣхъ губернскихъ городахъ были устроены большіе госпитали, на 1,200 и болѣе человѣкъ. Больные помѣщались въ казенныхъ зданіяхъ, монастыряхъ и частныхъ домахъ. Виленская администраціонная коммисія, желая, чтобы госпитали содержались на счетъ городскихъ и сельскихъ обывателей, сначала не отпускала на сей предметъ никакихъ суммъ, но въ послѣдствіи приняла на себя поставку мебели и бѣлья; все же прочее доставлялось на счетъ жителей края. Для госпитальной прислуги употреблялись русскіе плѣнные. Содержаніе больныхъ въ каждомъ изъ губернскихъ городовъ стоило не менѣе полумилліона рублей. Кромѣ главныхъ госпиталей, устроены были меньшіе во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и большихъ мѣстечкахъ.

Снабженіе пекарень и госпиталей дровами составляло одну изъ самыхъ тяжкихъ земскихъ повинностей страны, занятой непріятельскими войсками. Въ Гроднѣ, гдѣ устроены были печи для ежедневнаго приготовленія ста тысячъ сухарныхъ порцій, издержано въ теченіе лѣта 27 тысячъ

возовъ; на отопку же гродненскихъ госпиталей было доставлено 19 тысячъ кубическихъ саженей, а потомъ—приказано собрать еще по возу съ каждой души (29).

Какъ ни тягостны были поборы наложенные на Литву своеволіемъ мнимыхъ ея освободителей, еще несравненно болѣе терпѣла эта страна отъ грабительства и насилія отсталыхъ Большой Наполеоновой арміи, бродившихъ по занятому непріятелемъ пространству, по одиначкѣ и шайками. Безпрестанно подавались жалобы подпрефектамъ, въ административныя коммисіи и во временное литовское правленіе на притѣсненія войскъ, но почти всѣ просьбы жителей оставались неудовлетворенными, подъ предлогомъ неясности изложенныхъ въ нихъ происшествій. Главною причиною безпорядковъ былъ разноплеменный составъ Наполеоновыхъ войскъ, не допускавшій введенія однообразной строгой дисциплины, которая одна лишь могла привязать солдатъ къ знаменамъ ихъ и предупредить мародёрство, распространившееся въ арміи до такой степени, что необходимо было посылать большія команды для преслѣдованія бѣглыхъ, грабившихъ страну и убивавшихъ ея жителей. По увѣренію Солтыка, число мародёровъ Большой арміи простиралось до пятидесяти тысячъ (30). Весьма часто также случалось, что значительныя части войскъ, въ полномъ составѣ своемъ, грабили и разоряли страну. Современники войны 1812 года увѣряютъ, что этимъ насиліямъ предавались преимущественно вестфальскія войска, чему содѣйствовало потворство всевозможнымъ безпорядкамъ начальника ихъ, генерала Вандамма. 26-го іюня, лидскій подпрефектъ принесъ жалобу на Вандамма, въ томъ, что онъ самъ посылалъ своихъ солдатъ на грабежъ; а два дня спустя вестфальскій отрядъ, числомъ въ пятьсотъ человѣкъ, прибывъ въ мѣстечко Щучинъ и получивъ отъ тамошнихъ жителей все потребованное имъ количество хлѣба, мяса, водки и фуража, сталъ, съ позво-

ленія своихъ начальниковъ, грабить домà и стрѣлять въ жителей умолявшихъ о пощадѣ: эти насилія, продолжавшіяся во всю ночь, стоили жизни тремъ человѣкамъ; двѣнадцать было ранено и множество изувѣчено и избито ([31]). Вообще же непріятели, почти вездѣ, не довольствуясь опустошеніемъ обывательскихъ домовъ, скашивали, либо нарочно вытаптывали хлѣбъ въ поляхъ, лишая поселянъ всѣхъ способовъ пропитанія.

Наполеонъ, желая положить предѣлъ бродяжничеству мародёровъ и опустошенію принятой имъ подъ покровительство страны, предписалъ, во время пребыванія своего въ мѣстечкѣ Глубокомъ, чтобы каждый изъ воинскихъ чиновъ, самовольно отлучившійся отъ войскъ, былъ неотлагательно предаваемъ ближайшей военно-судной коммисіи и казнимъ смертію ([32]). Но, несмотря на то, грабежи и насилія нисколько не уменьшились.

Со вступленіемъ Великой Наполеоновой арміи въ Бѣлоруссію, непріятельскія войска, раздраженныя отсутствіемъ бòльшей части жителей, скрывавшихся въ лѣсахъ, либо уходившихъ вслѣдъ за русскою арміею, предавались еще бòльшимъ неистовствамъ, нежели прежде. Ограбивъ домы и церкви, изломавъ мебели, расхитивъ скотъ и лошадей, непріятели весьма часто довершали дѣло опустошенія поджогами. Несмотря однакоже на то, въ Могилевѣ нашлись хотя и немногіе приверженцы Французовъ, покушавшіеся составить народную стражу; но они успѣли набрать, бòльшею частью насильно, не болѣе четырехъ сотъ человѣкъ всякой сволочи, одѣтой кто какъ могъ, и вооруженной плохими пиками. Обученіемъ этого жалкаго сброда занимался усердно могилевскій комендантъ Ремискій, но едва лишь, при обратномъ движеніи Французовъ, появились первыя русскія войска, какъ все новое войско разбѣжалось, оставя на жертву своего начальника, который былъ убитъ казаками подъ мѣстечкомъ Княжицами ([33]).

Жители Могилева, склоняемые административною коммисiею къ присягѣ на подданство Наполеону, отговаривались отъ того, поставляя на видъ приверженцамъ Французовъ, что еще неизвѣстно на чьей сторонѣ будетъ побѣда, но впослѣдствiи присягнули вмѣстѣ съ духовенствомъ, нетолько католическимъ, но и православнымъ: послѣднее было увлечено преступнымъ примѣромъ архiепископа Варлаама, обольщеннаго увѣщанiями непрiятелей. Измѣна священнослужителей навела уныніе на жителей Могилева, но не могла послужить къ утвержденiю шаткаго Наполеонова владычества въ Бѣлоруссiи (34).

Положенiе части Витебской губернiи, занятой непрiятелемъ, было не менѣе бѣдственно: огромныя поставки запасовъ для войскъ, неистовства мародёровъ и покушенiя ихъ взбунтовать крестьянъ противъ помѣщиковъ, ознаменовали пребыванiе Французовъ и оставили слѣды неизгладимые въ странѣ подвергавшейся ихъ нашествiю (35).

Невозможно съ совершенною достовѣрностью опредѣлить убытки нанесенные жителямъ непрiятельскими войсками. Сколько можно судить изъ свѣдѣнiй собранныхъ на мѣстѣ — свѣдѣнiй, частiю неполныхъ, частiю преувеличенныхъ, каждая изъ бѣлорусскихъ губернiй претерпѣла разоренiе на сумму до осмнадцати миллiоновъ рублей. Потеря въ народонаселенiи также была весьма значительна, число душъ мужескаго пола, въ помѣщичьихъ имѣнiяхъ Могилевской губернiи, по ревизiи 1811 года, простиралось до 359,946-ти, а по ревизiи 1816 года только до 287,149-ти. Въ Витебской губернiи вообще состояло: по ревизiи 1811 года 352,474 души, а по ревизiи 1816 года 315,481 душа (36).

Положенiе западныхъ областей Россiйской Имперiи, занятыхъ непрiятельскими полчищами, представляло плачевный образъ страны, ожидавшей Наполеона какъ избавителя и искупившей свое заблужденiе всевозможными

бѣдствіями. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, истощены были всѣ средства къ пропитанію милліоновъ людей, расхищены богатства собранныя многими поколѣніями, уничтожены фабрики и заводы, истреблены достоянія наукъ, искусствъ и промышленности. Все это было принесено въ жертву, не обезпечивъ средствъ къ существованію Большой Наполеоновой арміи. Величайшій военный Геній нашего вѣка, обнимавшій своими политическими и военными соображеніями всѣ части Свѣта, не могъ — ни обуздать буйства своихъ войскъ, ни употребить съ пользою огромныя средства областей занятыхъ его арміями. Этотъ поразительный примѣръ убѣждаетъ въ томъ, что мѣстныя и климатическія свойства страны могутъ представить препятствія непреодолимыя для самаго геніальнаго полководца. Дѣйствія на обширномъ малонаселенномъ пространствѣ сопряжены съ необходимостью имѣть при арміи чрезвычайно большіе обозы, для содержанія коихъ, въ свою очередь, потребуются средства, выходящія изъ предѣловъ возможнаго. Прошло то время, когда тридцать или сорокъ тысячъ солдатъ считались крайнею степенью силы арміи, но и Наполеону, несмотря на необыкновенныя его дарованія и на многолѣтнюю опытность веденія войны, не легко было управлять полумилліонною арміею.

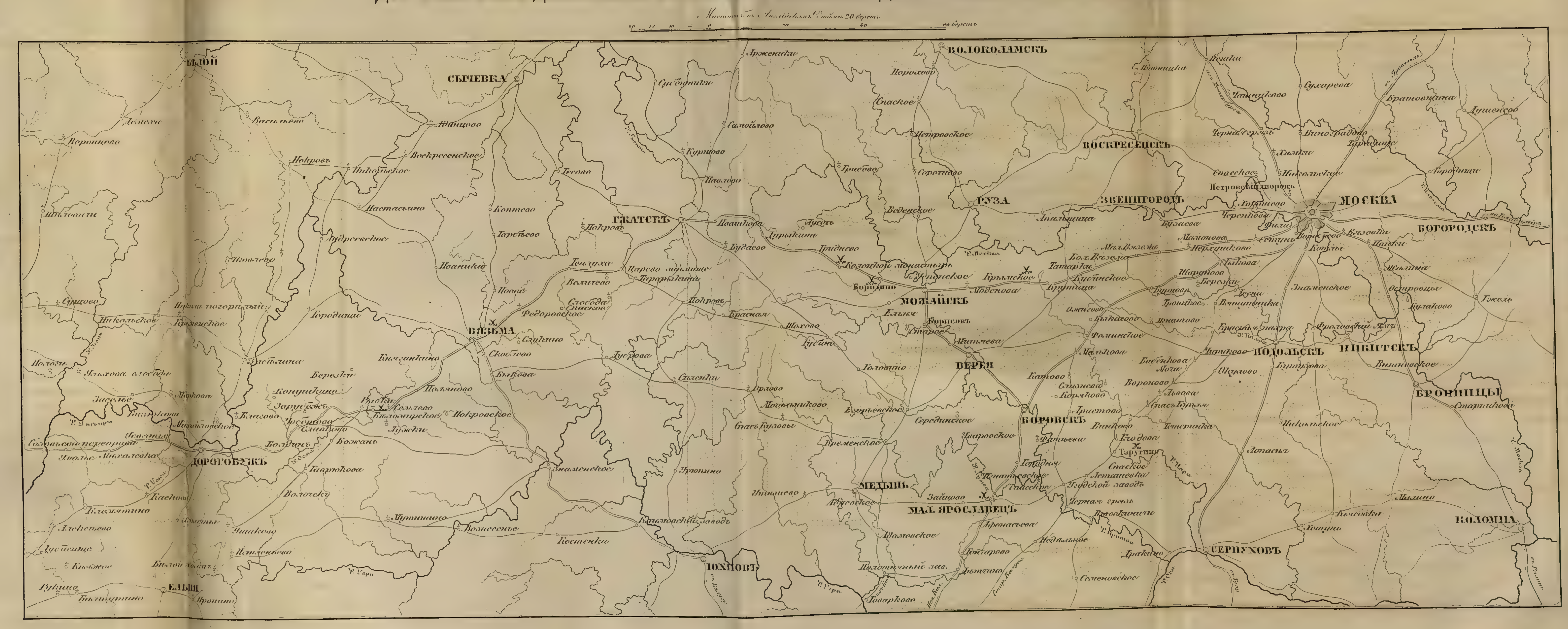
Остается бросить бѣглый взоръ на судьбу литовскихъ вооруженій, сдѣланныхъ, либо только начатыхъ, въ продолженіе нашествія Наполеонова на Россію. Движеніе Дунайской арміи адмирала Чичагова въ тылъ Большой Французской арміи произвело въ Литвѣ чрезвычайную тревогу. Немедленно всѣ литовскіе полки получили приказаніе сосредоточиться въ Вильнѣ. Изъ отчетовъ, въ то время представленныхъ литовскому генералъ-губернатору, графу Гогендорпу, оказывается, что въ этихъ войскахъ вообще было подъ ружьемъ, не считая полка генерала Конопки, болѣе 19-ти тысячъ человѣкъ; но часть набранныхъ лю-

дей была вооружена плохо, либо даже вовсе не имѣла оружія. Конопкинъ полкъ, неожиданно атакованный 8-го (20-го) октября, въ Слонимѣ, русскою конницею генерала Чаплица, былъ совершенно уничтоженъ; самъ полковой командиръ попался въ плѣнъ. Татарскій эскадронъ состоялъ при Польскомъ уланскомъ полку Наполеоновой гвардіи до 1814 года, а потомъ распущенъ. Часть пѣхоты собранной подъ Вильною, съ 18-мъ уланскимъ полкомъ, была послана въ Минскъ для прикрытія этого важнаго пункта. Изъ числа сихъ войскъ, полки 22-й пѣхотный, 18-й уланскій и стрѣлковый баталіонъ были въ послѣдствіи разсѣяны графомъ Ламбертомъ. Остальные пѣхотные полки: 18-й, 19-й, 20-й и 21-й, примкнули къ 5-му корпусу, князя Понятовскаго, вмѣстѣ съ нимъ отступили къ Варшавѣ и, въ числѣ отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ, составили бо́льшую часть гарнизона Модлинской крѣпости, во время осады ея генераломъ Паскевичемъ, въ 1813 году.

Что же касается до кавалеріи, то выше было сказано объ участи постигшей 18-й уланскій полкъ. 20-й, въ которомъ только два эскадрона имѣли лошадей, и небольшая часть 19-го отступили, вмѣстѣ съ 10-мъ корпусомъ Макдональда, въ Данцигъ и вошли въ составъ 9-го Польскаго уланскаго полка, находившагося въ этой крѣпости. 17-й и 19-й уланскіе полки, которыхъ формированіе было совершенно окончено, прикрывали отступленіе остатковъ французской арміи, чрезъ Пруссію, до Эльбы, а потомъ поступили въ корпусъ маршала Даву, занимавшій Гамбургъ. Когда же Данія была принуждена принять участіе въ войнѣ и присоединить часть своихъ войскъ къ Наполеоновой арміи, тогда оба литовскіе полка находились во французскомъ отрядѣ, расположенномъ въ Голштиніи и Шлезвигѣ, а по заключеніи Парижскаго мира возвратились въ Польшу и вошли въ составъ новой польской арміи, формировавшейся подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича.

Наконецъ, 21-й конно-егерскій полкъ полковника Монюшки, котораго формированіе было въ самомъ началѣ, послужилъ къ укомплектованію 5-го конно-егерскаго полка войскъ герцогства Варшавскаго ([37]).

КАРТА
ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ДВИЖЕНІЙ ОТЪ СОЛОВЬЕВОЙ ПЕРЕПРАВЫ ДО ТАРУТИНА И ОБРАТНО ДО ВЯЗЬМЫ

ГЛАВА XX.

Прибытіе князя Кутузова въ армію.

СОДЕРЖАНІЕ.

Цѣль дѣйствій русскихъ главнокомандующихъ послѣ сраженія при Лубинѣ.— Позиція при Усвятьѣ. — Отступленіе къ Дорогобужу.—Наступленіе непріятельской арміи. — Расположеніе русскихъ войскъ у Дорогобужа. Невыгоды его.—Отступленіе къ Вязьмѣ.—Мѣры принятыя Наполеономъ для обезпеченія сообщеній Большой арміи.—Наступленіе непріятеля къ Вязьмѣ. Дѣло на рѣкѣ Осьмѣ. — Отступленіе къ Царево-Займищу. Понятіе о позиціи при Царево—Займищѣ.

Прибытіе Кутузова въ Царево-Займище. — Дальнѣйшее отступленіе нашихъ армій.—Донесеніе о томъ Государю Кутузова. — Затруднительное положеніе обѣихъ сторонъ по части продовольствованія войскъ. — Первыя распоряженія Кутузова. Отступленіе русскихъ армій къ Бородину.—Арріергардное дѣло при Гжатскѣ.—Приготовленія Наполеона въ Гжатскѣ къ генеральному сраженію. — Предположеніе его остановиться.—Выступленіе его къ Бородину. — Отступленіе нашего арріергарда на Бородинскую позицію.

По отступленіи Западныхъ армій отъ Лубина, по московской дорогѣ, цѣлью нашихъ главнокомандующихъ было пріискапіе мѣстности выгодной для оборонительнаго сраженія (*). Стремленіе вступить въ рѣшительный бой, проявлялось еще сильнѣе въ народѣ и войскахъ послѣ потери Смоленска, и даже тѣ считали генеральное сраженіе необходимымъ, которые не ожидали отъ него никакихъ выгодныхъ послѣдствій. Таково было мнѣніе и Барклая де-Толли. Уступая силѣ обстоятельствъ, онъ послалъ нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба для обозрѣнія

(*) *Карта для объясненія движеній отъ Соловьевой-переправы до Тарутина.*

мѣстности по пути къ Москвѣ и для пріисканія позицій, представлявшихъ выгоды въ оборонительномъ отношеніи; изъ донесеній этихъ офицеровъ оказалось, что на пространствѣ между Смоленскомъ и Гжатскомъ были найдены двѣ позиціи: при Усвятьѣ, за рѣчкою Ужею, и при Царево-Займищѣ (1). Полковникъ Толь, получивъ приказаніе осмотрѣть ихъ, нашелъ позицію при Усвятьѣ весьма выгодною: правый флангъ ея примыкалъ къ Днѣпру; фронтъ былъ прикрытъ рѣчкою Ужею, которая хотя незначительна и течетъ въ неглубокой ложбинѣ, однакоже представляла преграду непріятелю, замедляя его движеніе подъ выстрѣлами артиллеріи расположенной на позиціи. Мѣстность впереди открыта и удобна для обозрѣнія, а въ тылу ея встрѣчаются предметы способствующіе прикрытію войскъ. Но лѣвый флангъ позиціи былъ подверженъ обходу; къ тому же — непріятель, направясь изъ Смоленска на Духовщину къ Дорогобужу, по другую сторону Днѣпра, могъ обойти позицію также и съ праваго фланга, что̀ способствовало ему выйти на путь отступленія Западныхъ армій къ Москвѣ. Какъ, для такого обхода, непріятель долженъ былъ отдѣлить часть силъ на значительное разстояніе (что̀ могло подвергнуть его пораженію по частямъ), то полковникъ Толь считалъ достаточнымъ, прислонивъ правый флангъ къ Днѣпру, расположить, для охраненія позиціи съ лѣваго фланга, значительную часть войскъ, въ видѣ резерва, позади главныхъ силъ. Съ этою цѣлью, 9-го (21-го) августа Первая армія заняла избранную позицію, а Вторая отступила къ Дорогобужу (2).

По прибытіи главной квартиры Первой арміи въ Усвятье, оба главнокомандующіе, желая обозрѣть позицію, отправились на рекогносцировку, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, сопровождаемые всѣми корпусными командирами и другими генералами. При

этомъ осмотрѣ, князь Багратіонъ замѣтилъ, что противъ праваго фланга позиціи находилась господствующая высота, которою могъ воспользоваться непріятель. Но Барклай хотя и не имѣлъ большой надежды на силу этой позиціи, однакоже рѣшился выждать нападеніе и предложилъ князю Багратіону сблизить Вторую армію къ лѣвому флангу Первой.

11-го (23-го) августа, арріергардъ, подъ начальствомъ Платова и Розена, преслѣдуемый непріятелемъ, перешелъ на правую сторону Ужи и расположился на позиціи вмѣстѣ съ главными силами 1-й арміи, между-тѣмъ, какъ Багратіонъ, оставя генералъ-маіора Невѣровскаго съ сильнымъ отрядомъ у Дорогобужа, сталъ со 2-ою арміею на лѣвомъ крылѣ Первой. Непріятель, подойдя на пушечный выстрѣлъ, открылъ сильную канонаду. Тогда князь Багратіонъ изъявилъ опасеніе за свой лѣвый флангъ, подверженный обходу, утверждая, что позиція при Дорогобужѣ представляла болѣе выгодъ нежели та, на которой тогда стояли наши арміи. Въ то же время получены были отъ генераловъ Винцингероде и Краснова донесенія о наступленіи вице-короля Италійскаго отъ Духовщины къ Дорогобужу. Всѣ эти обстоятельства заставили Барклая отвести обѣ арміи къ Дорогобужу, въ ночи съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) августа.

Дѣйствительно, хотя Наполеонъ оставался три дня въ Смоленскѣ, употребивъ это время на разныя правительственныя и военныя распоряженія, и хотя его войска имѣли крайнюю нужду въ отдыхѣ, однакоже движеніе непріятеля продолжалось безостановочно. 10-го (22-го) августа, кавалерія Мюрата, и за нею корпуса Даву и Нея, достигли Пневой-Слободы и переправились черезъ Днѣпръ: кавалерія въ бродъ, пѣхота—по двумъ понтоннымъ мостамъ; за ними слѣдовалъ Жюно. Погода была знойная; войска, обозы, стада, слѣдовавшія за арміею, двигались въ густыхъ облакахъ пыли. Между-тѣмъ какъ бо́льшая часть Наполе-

оповой арміи частью шла по кратчайшей дорогѣ къ Дорогобужу, частью готовилась выступить изъ Смоленска по тому же направленію, войска вице-короля и Понятовскаго двигались въ обходъ проселочными путями: первый, съ 4-мъ корпусомъ, слѣдовалъ по духовщинской дорогѣ до Помогайлова, а потомъ, выйдя проселкомъ на дорогу, ведущую изъ Духовщины въ Дорогобужъ, перешелъ черезъ рѣку Вопь, прибылъ въ Заселье 13-го (25-го) августа и соединился тамъ съ корпусомъ Груши, пришедшимъ изъ Духовщины; Понятовскій, съ 5-мъ корпусомъ, слѣдуя вправо отъ теченія Днѣпра, на Бѣлкино, двигался на одной высотѣ съ авангардомъ Мюрата, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ большой дороги; а корпусъ Латуръ-Мобура, послѣ четырехъ-дневнаго отдыха въ Дрыбинѣ, шелъ на Мстиславль къ городу Ельнѣ и долженъ былъ прибыть туда 16-го (28-го) августа. Самъ Наполеонъ, узнавъ, что вся русская армія остановилась впереди Дорогобужа, и надѣясь вступить въ генеральное сраженіе, выслалъ свою гвардію 12-го (24-го) августа и выѣхалъ въ слѣдующую же ночь изъ Смоленска. Число войскъ Большой арміи, за исключеніемъ одной гвардейской дивизіи, числомъ въ 4,500 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Делаборда оставленной въ Смоленскѣ, до прибытія туда маршевыхъ баталіоновъ, простиралось до ста пятидесяти пяти тысячъ человѣкъ ([4]). Небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, найденныхъ въ Смоленскѣ, было отправлено вслѣдъ за войсками. Отъ шести до семи тысячъ раненыхъ оставались безъ пищи въ продолженіе нѣсколькихъ дней; но чрезъ двѣ недѣли по выступленіи Большой арміи были учреждены значительные магазины муки, крупъ и прочихъ запасовъ ([5]).

По отступленіи русскихъ войскъ къ Дорогобужу, 12-го (24-го) августа, Первая армія расположилась на позиціи впереди города, кромѣ 2-го пѣхотнаго и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, отряженныхъ на правую сторону Днѣ-

пра, для противодѣйствія вице-королю. Вторая армія стала на лѣвомъ флангѣ и нѣсколько позади Первой, въ разстояніи отъ ней семи верстъ, при селѣ Бражинѣ. Арріергардъ Платова отошелъ на позицію, въ 7-ми верстахъ впереди Дорогобужа (6).

Позиція, занятая главными силами русской арміи у Дорогобужа, по свидѣтельству Барклая де-Толли, представляла многія важныя неудобства: во-1-хъ, надлежало отрядить цѣлый корпусъ на правую сторону Днѣпра противъ вице-короля; во-2-хъ, армія принуждена была растянуться на значительное пространство, чтобы примкнуть свой правый флангъ къ Днѣпру и занять лѣвымъ крыломъ высоты господствующія окрестною мѣстностью; въ-3-хъ, городъ, лежавшій въ небольшомъ разстояніи позади арміи, на весьма пересѣченной мѣстности, могъ затруднить отступленіе войскъ съ позиціи; наконецъ—Вторая армія была расположена слишкомъ далеко отъ Первой (7). Другой очевидецъ говоритъ: „Эта позиція, по убѣжденію моему, была негодная (abscheulich); пространство впереди фронта ея не представляло никакихъ преградъ для непріятеля и было неудобно для обозрѣнія; позади праваго крыла лежалъ городъ на гористой мѣстности; корпусъ Баггевута занималъ еще худшую позицію“ (8).

Къ-счастію — наши арміи оставались недолго подъ Дорогобужемъ. Въ слѣдующую же ночь, съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) августа, войска получили приказаніе отступать къ Вязьмѣ, тремя колоннами: правая (обратясь фронтомъ къ сторонѣ непріятеля), состоявшая изъ 2-го пѣхотнаго и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, съ тремя казачьими полками, двинулась на Конюшкино и Аѳонасьево; средняя, изъ 3-го, 4-го, 5-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, со всею резервною артиллеріею Первой арміи, на Чоботово и Семлево; лѣвая, изъ войскъ Второй арміи, на Божанъ и Лужки. Арріергардомъ правой колонны, состояв-

шимъ изъ полковъ: Иркутскаго и Сибирскаго драгунскихъ, 30-го и 48-го егерскихъ и одного казачьяго, командовалъ генералъ-маіоръ Крейцъ; средней — генералъ Платовъ, а лѣвой — генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Какъ мѣстность на пространствѣ отъ Дорогобужа къ Вязьмѣ довольно открыта, то 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса были оставлены назади для поддержанія арріергарда; отрядъ генералъ-адъютанта Винцингероде, для прикрытія сообщеній съ Тверью, направился отъ Духовщины къ Бѣлому; а для связи его съ главными силами армій посланъ на дорогу ведущую изъ Духовщины въ Вязьму генералъ-маіоръ Красновъ, съ тремя казачьими полками, поддержанный двумя баталіонами и восемью драгунскими эскадронами, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шевича (9).

Между-тѣмъ, Наполеонъ прибылъ въ Дорогобужъ 13-го (25-го) августа. Готовясь сдѣлать послѣдній шагъ къ цѣли своей—рѣшительной побѣдѣ, занятію нашей первопрестольной столицы, покоренію Россіи, Наполеонъ усугубилъ мѣры предосторожности къ обезпеченію фланговъ и тыла своей арміи. Викторý, съ 9-мъ корпусомъ находившимся въ прусскихъ владѣніяхъ, предписано идти на Ковно и Вильну къ Смоленску; ему же были подчинены всѣ отряды Большой арміи, оставленные въ Вильнѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ (10). Всѣ эти войска предполагалось употреблять исключительно къ обезпеченію главнаго пути дѣйствій отъ Вильны къ Смоленску и далѣе. Шварценбергу послано предписаніе—оттѣснить какъ-можно далѣе Тормасова. „Вы успѣете—писалъ ему Наполеонъ—„дойти до Кіева и Калуги (?), между-тѣмъ, какъ мы пойдемъ въ Москву (11)“. Маршалу Сенъ-Сиру было приказано удерживать Витгенштейна, а Макдональду—приступить къ осадѣ Риги. Вмѣстѣ съ тѣмъ—осадный паркъ, все-еще находившійся въ Тильзитѣ, долженъ былъ немедленно выступить къ Двинѣ. „По овладѣніи Ригою—пи-

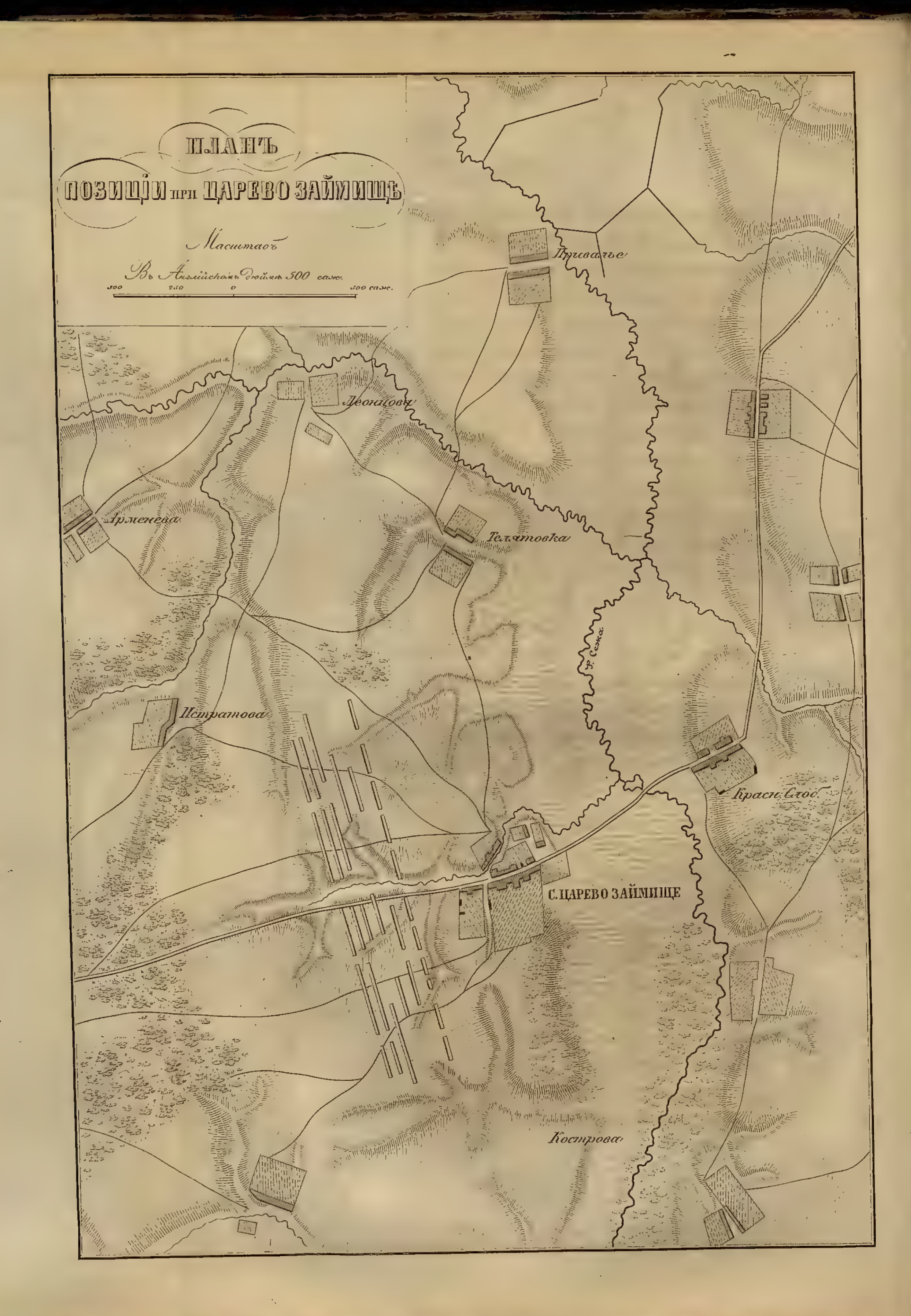
салъ Наполеонъ — корпусъ Макдональда приметъ участіе „въ общихъ дѣйствіяхъ, и тогда маршалы Макдональдъ и „Сенъ-Сиръ могутъ угрожать Петербургу, между-тѣмъ „какъ мы будемъ въ Москвѣ. Если же Сенъ-Сиръ потер„питъ пораженіе, то герцогъ Беллюнскій (Викторъ) дви„нется въ помощь войскамъ дѣйствующимъ на Двинѣ. Но „главное назначеніе его арміи (*)—служить резервомъ „Московской арміи. Въ случаѣ потери сообщенія отъ Смо„ленска къ главной моей квартирѣ, должно немедленно „открыть его; необходимо даже, чтобы герцогъ Беллюн„скій, со всею своею арміею, двинулся намъ на встрѣчу, „если это окажется нужнымъ. Быть, можетъ—я не найду „мира тамъ, куда иду за нимъ. Но тогда, имѣя за собою „сильный, въ надлежащемъ мѣстѣ расположенный резервъ, „отойду безопасно, и ни что не заставитъ меня ускорить „отступленіе“ ([12]). Корпусъ Ожеро получилъ приказаніе занять пространство между Вислою и Нѣманомъ ([13]). Нѣкоторыя изъ когортъ національной стражи направились къ Рейну и далѣе къ Эльбѣ. Наконецъ—приказано набрать конскрипцію 1813 года ([14]). Такимъ образомъ, въ гигантской борьбѣ Наполеона съ Россіею, развивались постепенно его огромныя средства. По занятіи Дорогобужа, главныя силы Наполеоновой арміи двинулись по большой дорогѣ къ Вязьмѣ, между-тѣмъ какъ вице-король, съ корпусами своимъ (4-мъ) и Груши, шелъ въ обходъ нашего праваго фланга на Благово и Березки; а Понятовскій съ Польскимъ (5-мъ) корпусомъ въ обходъ лѣваго—на Бражино и Лужки. Въ головѣ авангарда, первымъ въ огнѣ всегда былъ Мюратъ. Его появленіе передъ войсками служило сигналомъ къ бою. Въ зеленой, золотомъ вышитой, курткѣ и въ шляпѣ съ высокимъ перомъ, на ворономъ конѣ, окруженный блестящею свитою, въ числѣ которой былъ арапъ, одѣтый мамелюкомъ, красовался безстрашный воинъ, воз-

(*) Т.-е. 9-го корпуса съ присоединенными къ нему отрядами.

буждая восторгъ своихъ и удивленіе казаковъ, нерѣдко встрѣчавшихъ его громкими восклицаніями.

15-го (27-го) августа, обѣ колонны Первой арміи соединились при Вязьмѣ, а Вторая расположилась у деревни Быковой; арріергардъ, по достиженіи рѣки Осьмы, у селенія Рыбки, былъ аттакованъ Мюратомъ, держался семь часовъ у селенія Бѣломирскаго, близь Семлева, и къ вечеру 15-го (27-го) получилъ приказаніе отступить. Только отрядъ Крейца, оставаясь еще назади въ 15-ти верстахъ отъ Вязьмы, для прикрытія справа отступленія главныхъ силъ чрезъ городъ, былъ стремительно атакованъ непріятелемъ, и едва-было не потерялъ своихъ орудій, но успѣлъ отойти вслѣдъ за прочими войсками. Уронъ нашъ вообще простирался до двухъ сотъ тридцати человѣкъ ([15]).

Барклай, отойдя къ Вязьмѣ, предполагалъ воспользоваться раздѣленіемъ непріятельскихъ силъ и перейти отъ обороны къ наступленію. Съ этою цѣлью предписано было Толю и начальнику инженеровъ Трузсону, еще 13-го (25-го) августа, отправиться въ Вязьму, выбрать тамъ позицію и укрѣпить ее такъ, чтобы двадцати или двадцати-пяти-тысячный корпусъ могъ удерживаться на ней противъ превосходныхъ силъ непріятеля, между-тѣмъ какъ обѣ арміи должны были атаковать его. Но какъ у Вязьмы не оказалось удобной позиціи, то русскія арміи отступили 16-го (28-го) августа къ Федоровскому, а на слѣдующій день къ Царево-Займищу. Арріергардъ, отступивъ, 16-го (28-го), къ Вязьмѣ, былъ атакованъ превосходными силами Мюрата и Даву, но удержался до самой ночи. На слѣдующій день, генералъ Коновницынъ, принявъ начальство надъ арріергардомъ, усиленнымъ 3-ею пѣхотною дивизіею и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, отступилъ на половину разстоянія отъ Вязьмы къ Царево-Займищу ([16]). По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ,

ПЛАНЪ
ПОЗИЦІИ при ЦАРЕВО ЗАЙМИЩѢ
Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 500 саж.
500 250 0 500 саж.
Привалье
Леонтова
Арменева
Телятовка
р. Сожа
Истратова
Красн. Слоб.
С. ЦАРЕВО ЗАЙМИЩЕ
Кострова

отступленіе нашего арріергарда производилось такимъ образомъ, что на всякомъ пунктѣ, представлявшемъ выгоду для дѣйствія артиллеріи, выставлялось нѣсколько конныхъ орудій, подъ прикрытіемъ конницы въ открытыхъ мѣстахъ и легкой пѣхоты—на мѣстности пересѣченной. Эти орудія, обстрѣливая подходившаго непріятеля, заставляли его противопоставлять имъ сильнѣйшія батареи и развертывать войска въ боевой порядокъ, а потомъ быстро отъѣзжали назадъ и наводили наступающаго на другія орудія, дѣйствовавшія такъ же какъ и прежнія. Между-тѣмъ казаки зорко слѣдили за всѣми движеніями непріятеля и извѣщали заблаговременно о его обходахъ. Къ вечеру войска располагались въ выгоднѣйшей позиціи и удерживались на ней до самой ночи.

17-го (29-го) августа, въ тотъ самый день, когда обѣ Западныя арміи соединились на позиціи у Царево-Займища, гдѣ Барклай де-Толли предполагалъ принять сраженіе, непріятель занялъ городъ Вязьму, зажженный въ нѣсколькихъ мѣстахъ самими жителями, ушедшими вслѣдъ за войсками. Авангардъ Мюрата расположился противъ Коновницына; вице-король у Новаго; Понятовскій у Покровскаго ([17]).

Много было толковъ о выгодахъ и недостаткахъ позиціи при Царево-Займищѣ, одобренной Барклаемъ де-Толли и отвергнутой (какъ увидимъ впослѣдствіи), его преемникомъ—Кутузовымъ. Извѣстный военный писатель, маіоръ Блессонъ, обозрѣвавшій сію мѣстность, считаетъ ее лучшею оборонительною позиціею на всемъ пространствѣ отъ Смоленска до Москвы (*). По словамъ его—къ ней ведетъ плотина, длиною въ нѣсколько верстъ (mehrere Stunden), чрезъ болото, простирающееся въ обѣ стороны на необозримое разстояніе (in unabsehbarer Ferne). Самая позиція—говоритъ онъ—образуется отлогими высотами, оги-

(*) *Планъ позиціи при Царево-Займищѣ.*

бающими, въ видѣ дуги, выходъ съ плотины. По мнѣнію Блессона—не было никакой возможности перейти силою по этой плотинѣ, а движеніе въ обходъ позиціи сопряжено было съ удаленіемъ назначеннаго къ тому отряда отъ прочихъ войскъ и повело бы къ пораженію его всею массою силъ русской арміи. Очевидно, что сужденіе Блессона было основано на нѣсколько преувеличенныхъ понятіяхъ его о длинѣ плотины и о протяженіи болотъ у Царево-Займища. Въ дѣйствительности же эта плотина имѣетъ въ длину не болѣе версты, а болота простираются вправо отъ позиціи верстъ на пять, а влѣво около трехъ верстъ: слѣдовательно, хотя они съ большой дороги и кажутся необозримыми, однакоже не препятствуютъ обходу на такое разстояніе, на какомъ резервъ, расположенный близъ дороги, можетъ поддерживать обходящія войска. Эти болота, въ сухую погоду, во все не составляютъ преграды, что всего убѣдительнѣе доказывается расположеніемъ русскихъ армій у Царево-Займища, въ 1812 году, *не за болотами, а впереди ихъ, тыломъ къ тѣмъ самымъ болотамъ, которыя Блессонъ, а за нимъ Бернгарди и Бейцке считали непроходимыми.* Самъ Барклай де-Толли, исчисляя выгоды сей позиціи, говоритъ, что „арміи имѣли предъ собою открытое мѣсто, на коемъ „непріятель не могъ скрывать своихъ движеній, и что въ „12-ти верстахъ позади сей позиціи, у Гжатска, была „другая найденная также удобною“; но не упоминаетъ о неприступности расположенія у Царево-Займища, и даже изъ приказанія, даннаго имъ начальникамъ инженеровъ обѣихъ армій,—построить нѣсколько редутовъ на фронтѣ и флангахъ позиціи,—оказывается, что онъ не считалъ ее неприступною ни съ фронта, ни съ фланговъ.

Такова была позиція, на которой русскія войска готовились принять сраженіе. Но надежда на рѣшительную встрѣчу съ непріятелемъ, уже не одинъ разъ обманутая,

казалась всѣмъ несбыточною мечтою, до тѣхъ поръ, пока начальство надъ арміею оставалось въ рукахъ Барклая де-Толли. Уже нѣсколько дней носились въ арміи слухи о назначеніи главнокомандующимъ Кутузова. Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ томъ, что Барклай, сохранивъ порученную ему армію, достоинъ признательности потомства наравнѣ съ Кутузовымъ, но въ 1812 году судили иначе. Какъ, по мнѣнію многихъ, дѣйствія нашихъ войскъ были ведены Барклаемъ чрезвычайно-дурно, то всякая перемѣна въ начальствѣ надъ арміею казалась выгодною. Къ тому же безотчетная недовѣрчивость ко всѣмъ иностранцамъ, и даже къ русскимъ урожевцамъ, носившимъ иностранныя фамиліи (какъ наприм. къ самому Барклаю), доходила тогда до послѣдней крайности. Даже тѣ, которые не питали къ Барклаю де-Толли никакого неудовольствія, приписывали его несчастной звѣздѣ бѣдствія тяготѣвшія надъ Россіею ([18]). Въ такихъ обстоятельствахъ, прибытіе новаго вождя, Русскаго по происхожденію и по имени, любимца Великой Екатерины и сподвижника Суворова, казалось эпохою, съ которой побѣда должна была постоянно сопровождать войска русскія.

Самъ Барклай де-Толли, получивъ свѣдѣніе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ всѣми русскими арміями, не охладѣлъ въ усердіи своемъ къ общему дѣлу. Изъявляя готовность жертвовать своею жизнью, какія бы ни были ему поручены обязанности, Барклай писалъ Государю: „Какъ главнокомандующій, подчиненный князю „Кутузову, я знаю свои обязанности и буду исполнять „ихъ добросовѣстно. Но я еще нахожусь въ неизвѣстности „на счетъ отношеній моихъ въ качествѣ военнаго министра. Быть-можетъ, Государь, причиною тому благосклонность Вашего Императорскаго Величества ко „мнѣ, прежде удостоенному совершенною Монаршею довѣ„ренностью. Осмѣливаюсь предполагать, что только эта

„причина побудила Ваше Величество отложить поруче-
„ніе исполняемыхъ мною обязанностей военнаго министра „кому-либо другому. Умоляю Васъ, Государь, не обращать на меня вниманія, дабы ни на одинъ мигъ не потерпѣла отъ того польза службы. Вашему Величеству извѣстны мои убѣжденія, на счетъ сего предмета, изъявленныя мною при открытіи войны. Мой образъ мыслей не „только не измѣнился, но сдѣлался еще болѣе твердымъ. „Примите слова мои, Государь, какъ выраженіе безпредѣльной преданности къ Священной Вашей Особѣ вѣрноподданнаго, который ничего не ищетъ и не желаетъ, кромѣ возможности принести пользу на службѣ своего Монарха.

„Не стану говорить о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ арміи въ „настоящее время, когда столь близка рѣшительная развязка. Послѣдствія покажутъ, могъ ли я сдѣлать болѣе „для спасенія государства. Еслибы моими поступками руководило легкомысленное тщеславіе, то Ваше Императорское Величество получали бы отъ меня реляціи о „данныхъ мною сраженіяхъ, а непріятель, несмотря на то, „былъ бы подъ стѣнами Москвы, не имѣя предъ собою „силъ достаточныхъ для ея защиты (19).“

Императоръ Александръ, получивъ сіе донесеніе и сообразивъ его съ мнѣніемъ Комитета, собраннаго для выбора главнокомандующаго, Повелѣлъ: „Генерала-отъ-„инфантеріи Барклая де-Толли, по нахожденію его въ дѣйствующей арміи, уволить отъ званія военнаго министра, а „министерствомъ военныхъ сухопутныхъ силъ управлять „генералъ-лейтенанту князю Горчакову“ (20). Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь удостоилъ Барклая де-Толли слѣдующимъ Рескриптомъ: „Въ слѣдствіе рапорта вашего отъ „16-го августа, нахожу Я ваши военныя занятія при арміи столь важными и многотрудными, что полагаю исправленіе вами должности военнаго министра невозмож-

„нымъ, по совершенному недостатку времени, а равномѣр-
„но по удаленію, въ которомъ вы находитесь отъ меня.

„Принимая во уваженіе сіи причины, нахожу полез-„нымъ, чтобы исполненіе должности военнаго министра „производилось управляющимъ департаментами сего ми-„нистерства, генералъ-лейтенантомъ княземъ Горчако-„вымъ. О чемъ и данъ отъ меня сего числа указъ Прави-„тельствующему Сенату ([21]).“

Причины, побудившія Императора Александра I къ назначенію новаго главнокомандующаго, изложены въ письмѣ Государя къ Барклаю де-Толли слѣдующимъ образомъ:

„....Судьба благопріятствовала намъ въ Смоленскѣ, гдѣ, сверхъ чаянія, соединились обѣ арміи. Тогда слѣдовало пріостановить отступленіе. Но недостатокъ въ свѣдѣніяхъ о непріятелѣ и движеніяхъ его, недостатокъ, котораго неблагопріятныя послѣдствія вы испытывали въ продолженіе всей кампаніи, заставилъ васъ предпринять ошибочное движеніе къ Порѣчью противъ лѣваго крыла непріятельской арміи, между-тѣмъ какъ она сосредоточилась на правомъ флангѣ у Лядъ и перешла тамъ черезъ Днѣпръ. Вы исправили эту ошибку, предупредивъ непріятеля въ Смоленскѣ. Но какъ тамъ соединены были обѣ арміи и какъ вы имѣли въ виду принять генеральное сраженіе, то надлежало на то рѣшиться въ Смоленскѣ, не отступая къ Царево-Займищу. Войска наши были тогда въ лучшемъ состояніи, нежели послѣ сраженій 6-го, 7-го августа и въ слѣдующіе дни до прибытія къ Царево-Займищу. Что же касается до опасенія обходовъ съ фланговъ, то трудно избѣжать этого неудобства гдѣ бы то ни было, и расположась у Царево-Займища, вы также подвергались обходу. Войска сражались бы съ чрезвычайнымъ усердіемъ, потому-что Смоленскъ былъ бы первымъ русскимъ городомъ, который довелось бы защищать имъ.“

„Потеря Смоленска произвела необъятное нравственное

вліяніе на всю Россію. Порицатели нашего плана дѣйствій полагали, что бѣдствія ими предсказанныя совершились и что Имперія подвергалась неминуемой опасности. И какъ всѣ толковали и судили, каждый по-своему, объ изложенныхъ мною ошибкахъ, то обвиняли меня въ томъ, будтобы я жертвую спасеніемъ Отечества изъ самолюбія, отстаивая васъ, потому только, что вы избраны мною. Москва и Петербургъ дружно указывали на князя Кутузова, какъ на единственнаго человѣка, могшаго спасти Имперію, и проч. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, столица Государства впервые подвергалась опасности, и я счелъ нужнымъ согласоваться съ общимъ мнѣніемъ, повелѣвъ однакоже предварительно обсудить дѣло въ Комитетѣ, составленномъ изъ главныхъ сановниковъ Имперіи. Принявъ предложенную ими мѣру, я пожертвовалъ собственнымъ убѣжденіемъ.... ([22]).“

11-го (23-го) августа, Кутузовъ отправился въ армію, напутствуемый усердными мольбами всѣхъ Русскихъ. Наканунѣ своего отъѣзда, Кутузовъ слушалъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, стоя на колѣнахъ, и возложилъ на себя образъ Казанской Божіей Матери, поданный ему протоіереемъ Іоанномъ. На слѣдующее утро, народъ, собравшись на дворцовой набережной, у дома своего защитника, провожалъ его въ путь, изъ котораго суждено было возвратиться, еще съ бо́льшимъ торжествомъ, бреннымъ останкамъ его. По прибытіи утромъ 16-го (28-го) въ Торжокъ, онъ встрѣтился съ генераломъ Беннигсеномъ, который, будучи устраненъ Барклаемъ де-Толли отъ всякаго вліянія на дѣйствія, испросилъ позволеніе отправиться въ Петербургъ. Кутузовъ, предполагая назначить его своимъ начальникомъ штаба, объявилъ ему Высочайшее Повелѣніе—возвратиться въ армію. Дальнѣйшій путь Кутузова былъ направленъ на Старицу и Зубцовъ къ Гжатску. По прибытіи въ окрест-

ности сего города, 17-го (29-го) августа, въ 11 часовъ утра, онъ былъ встрѣченъ множествомъ тамошнихъ жителей, которые, остановивъ его экипажъ, въ пяти верстахъ отъ Гжатска, выпрягли лошадей и везли карету на себѣ до приготовленнаго для него дома. Здѣсь первымъ его дѣломъ было—отправить назадъ въ армію офицеровъ генеральнаго штаба, высланныхъ для обозрѣнія позицій по московской дорогѣ. „Не нужно намъ позади арміи никакихъ позицій; мы, и безъ того уже слишкомъ далеко отступили" —сказалъ Кутузовъ. Въ продолженіе полутора-часоваго пребыванія въ Гжатскѣ, онъ занимался отправленіемъ предписаній и отвѣтовъ на бумаги, съ которыми ожидали его тамъ курьеры, а потомъ отправился въ Царево-Займище, гдѣ тогда находилась главная квартира обѣихъ армій. По прибытіи туда въ 3-мъ часу по полудни, Кутузовъ, поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, для него приготовленнымъ, сказалъ, какъ-будто про-себя, но довольно громко: „Ну, ка̀къ можно отступать съ такими молодцами!" За тѣмъ пообѣдавъ на̀-скоро, онъ отправился въ лагерь верхо̀мъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкою на ремнѣ черезъ другое. Войска встрѣтили вождя, знакомаго всѣмъ старымъ служивымъ, дружнымъ ура! „Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ," говорили между собою наши солдаты. Съ быстротою молніи, во всѣ концы обширной Россіи разнеслась вѣсть, будто бы, въ самое то время, огромный орелъ вознесся надъ головою Кутузова, сопровождая его при объѣздѣ лагеря. Это событіе, дѣйствительное или вымышленное, осталось въ народныхъ преданіяхъ, какъ свидѣтельство надеждъ возбужденныхъ новымъ главнокомандующимъ ([23]). Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ Барклаемъ позицію, Кутузовъ нашелъ ее весьма выгодною, изъявилъ рѣшимость принять на ней сраженіе и приказалъ ускорить постройку укрѣпленій, которыя сооружались его пред-

шественникомъ ([24]). Силы нашей арміи, не считая семи тысячъ казаковъ, простирались до 95,734 человѣкъ, а вмѣстѣ съ подкрѣпленіями тогда прибывшими въ Гжатскъ, подъ начальствомъ Милорадовича, до 111,323 человѣкъ ([25]).

Непріятель находился въ небольшомъ переходѣ отъ позиціи занятой русскими войсками; мы готовились остановить его. Никто въ нашей арміи не сомнѣвался въ наступленіи роковаго часа..... 18-го (30-го) августа, войска оставались на позиціи; на слѣдующій день, неожиданно для всѣхъ, дано было приказаніе—отступать.

Причина, побудившая къ тому князя Кутузова, была объясняема различнымъ образомъ. Барклай де-Толли приписывалъ внезапное измѣненіе рѣшимости Кутузова—принять бой у Царево-Займища — вліянію людей пользовавшихся его довѣренностью, но оно можетъ быть истолковано гораздо ближе къ истинѣ обычнымъ способомъ дѣйствій его. Вообще — Кутузовъ не любилъ открывать никому своихъ намѣреній до самаго того времени, когда они приводились въ исполненіе, и потому, при осмотрѣ Царево-Займищенской позиціи, хотя и нашелъ ее не довольно сильною (какъ она и есть въ дѣйствительности), однакоже не считалъ нужнымъ объявлять заранѣе о дальнѣйшемъ отступленіи, котораго настоящею причиною было, какъ и прежде, значительное превосходство въ числѣ непріятельскихъ войскъ. Отступивъ на нѣсколько переходовъ, мы надѣялись усилиться подкрѣпленіями. Кутузовъ, донося Государю о принятіи имъ начальства надъ арміями, писалъ: „По прибытіи моемъ въ городъ Гжатскъ, нашелъ „я войска отступающими отъ Вязьмы и многіе полки отъ „частыхъ сраженій весьма въ числѣ людей истощившими-„ся, ибо токмо вчерашній день одинъ прошелъ безъ воен-„ныхъ дѣйствій. Я принялъ намѣреніе пополнить недостаю-„щее число сіе приведенными вчера генераломъ-отъ-ин-„фантеріи Милорадовичемъ и впредь прибыть имѣющими

„войсками, пѣхоты 14,587, конницы 1,002, такимъ обра-
„зомъ, чтобы они были распредѣлены по полкамъ.

„Для еще удобнѣйшаго укомплектованія велѣлъ я изъ „Гжатска отступить на одинъ маршъ, и, смотря по об-„стоятельствамъ, и еще на другой, дабы присоединить къ „арміи, на вышеупомянутомъ основаніи, отправляемыхъ изъ „Москвы въ довольномъ количествѣ ратниковъ; къ тому „же мѣстоположеніе при Гжатскѣ нашелъ я по обозрѣнію „моему для сраженія весьма невыгоднымъ.

„Усилясь такимъ образомъ, какъ чрезъ укомплектова-„ніе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и чрезъ пріобщеніе къ „арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ княземъ Ло-„бановымъ-Ростовскимъ, и части московской милиціи, въ „состояніи буду, для спасенія Москвы, отдаться на про-„изволъ сраженія, которое однакоже предпринято будетъ „со всѣми осторожностями, которыхъ важность обстоя-„тельствъ требовать можетъ (26).“

Въ этомъ же самомъ донесеніи, Кутузовъ писалъ о значительномъ числѣ нашихъ солдатъ самовольно отлучившихся изъ арміи. Но сколько можно судить изъ прочихъ свѣдѣній о тогдашнемъ состояніи русскихъ войскъ, донесеніе главнокомандующаго, написанное вскорѣ по его прибытіи въ армію, когда онъ еще не успѣлъ вполнѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, содержало въ себѣ нѣкоторыя преувеличенныя показанія. Хотя мародёрство встрѣчалось въ нашихъ войскахъ, однакоже несравненно въ меньшей степени, нежели у Французовъ. Герцогъ Евгеній Виртембергскій, безпристрастный историкъ видѣнныхъ имъ событій, говоритъ: „Разногласіе мнѣній въ главной квартирѣ отзывалось въ арміи, но духъ и дисциплина войскъ „остались неприкосновенны. Арріергардъ сражался съ по-„стояннымъ мужествомъ и успѣхомъ; всѣ слѣдили за каж-„дымъ его движеніемъ; полки соперничали одинъ передъ „другимъ за честь участія въ дѣлѣ; на переходахъ и би-

„вакахъ люди всегда были бодры и веселы, изъявляя за-„боту только о крестьянахъ, которыхъ война лишала кро-„ва и послѣдняго имущества. Клятвенно готовъ поручить-„ся, что все это было такъ, а не иначе“ ([27]). Бернгарди, вовсе не пристрастный къ Русскимъ, говоритъ: „По до-„стиженіи Царево-Займища, русскія арміи считали въ ря-„дахъ своихъ шестнадцатью или семнадцатью тысячами че-„ловѣкъ менѣе, нежели при соединеніи ихъ у Смоленска: „слѣдовательно, вся убыль войскъ состояла въ тѣхъ лю-„дяхъ, которые были потеряны въ сраженіяхъ: поразитель-„ный примѣръ порядка, дисциплины и твердости духа“ ([28]).

Причиною появленія мародёрства въ нашей арміи былъ недостатокъ въ продовольствіи на походѣ отъ Смоленска въ Москву. Какъ при открытіи военныхъ дѣйствій никто не могъ предвидѣть, что намъ придется отступать такъ далеко внутрь страны, то всѣ наши большіе магазины были учреждены въ западныхъ областяхъ Имперіи, и потому, при отступленіи отъ Смоленска, необходимо было прибѣгнуть ко всевозможнымъ случайнымъ средствамъ, какъ-то: къ реквизиціямъ, либо сбору запасовъ подъ квитанціи. Недостатокъ въ фуражѣ заставилъ князя Кутузова предписать въ приказѣ (21-го августа, за № 5-мъ), чтобы полки косили овесъ тогда еще стоявшій на корнѣ. Но всѣ эти способы продовольствованія войскъ, неминуемо сопряженные съ опустошеніемъ страны, все-еще были недостаточны для удовлетворенія потребностямъ сто-тысячной арміи ([29]). Барклай де-Толли, во время своего командованія арміею, не разъ доносилъ Государю о безпорядкахъ существовавшихъ въ войскахъ и принималъ для прекращенія ихъ строгія мѣры; но сила обстоятельствъ иногда превозмогала желѣзную волю вождя. Князь Кутузовъ, немедленно по принятіи начальства надъ арміями, также обратилъ вниманіе на уничтоженіе этого зла: первые приказы его служатъ тому свидѣтельствомъ ([30]).

Какъ ни были велики затрудненія, встрѣчавшіяся на каждомъ шагу въ продовольствованіи русскихъ войскъ, положеніе непріятельской арміи, въ военно-хозяйственномъ отношеніи, было несравненно хуже. Русскіе находили на пути нѣкоторые запасы, косили овесъ въ поляхъ для своихъ лошадей и, уходя далѣе, вмѣстѣ съ жителями, поджигавшими домà свои, опустошали страну, оставляя непріятелю пустыню, не представлявшую никакихъ средствъ къ существованію. Обозы Наполеоновой арміи, частью везомые волами, частью состоявшіе изъ тяжелыхъ фуръ, постоянно отставали отъ войскъ. Непріятельская пѣхота была принуждена сходить съ дороги въ стороны на значительное разстояніе и утомлялась до крайности, а кавалерія и артиллерія изнуряли лошадей своихъ дальними фуражировками и не имѣли времени кормить ихъ. Вся пища французскаго солдата состояла въ кускѣ говядины и горсти муки, либо даже зерноваго хлѣба, разваренной въ водѣ безъ соли. Для печенія хлѣба не всегда доставало времени, тѣмъ болѣе, что всѣ мельницы на пути отъ Смоленска къ Москвѣ были уничтожены, а ручныхъ мельницъ тогда еще не успѣли прислать изъ Парижа. Изрѣдка попадались непріятелямъ русскіе сухари, но они пришлись не по вкусу Французамъ. Недостатокъ въ водѣ, при зноѣ доходившемъ до 26° въ тѣни (по Реомюру), былъ болѣе чувствителенъ для Наполеоновыхъ войскъ, нежели для нашихъ, потому-что мы обыкновенно располагались близь рѣчекъ, останавливая непріятеля на такихъ мѣстахъ, гдѣ воды вовсе не было, либо гдѣ она, по дурному качеству своему, не могла служить въ пользу войскамъ ([31]). И потому ни сколько не удивительно, что тѣ самые корпуса (Даву, Нея, вице-короля, Понятовскаго, Жюно, резервная кавалерія и гвардія), которые, при переходѣ чрезъ Нѣманъ, считали въ рядахъ своихъ 280 тысячъ человѣкъ, въ продолженіе одиннадцати недѣль, потерявъ въ сраже-

піяхъ не болѣе 40 тысячъ, уменьшились до 134 тысячъ. Въ особенности же пострадали Вестфальцы Жюно, которые, двигаясь въ хвостѣ Великой арміи, по большой дорогѣ, не встрѣчали на пути ничего кромѣ развалинъ. Слѣдствіемъ того былъ чрезвычайный уронъ вестфальскаго корпуса, который въ день сраженія при Лубинѣ считалъ въ рядахъ своихъ 13,600 человѣкъ, а спустя двѣ недѣли, 21-го августа (2-го сентября), только 8,868 (32).

Первоначальныя распоряженія Кутузова по ввѣреннымъ ему россійскимъ арміямъ были слѣдующія: 1) Извѣщая адмирала Чичагова и генерала Тормасова о своемъ рѣшительномъ намѣреніи принять генеральное сраженіе у Можайска, немедленно по полученіи ожидаемыхъ подкрѣпленій, Кутузовъ писалъ обоимъ главнокомандующимъ, что какъ непріятель уже находился въ сердцѣ древней Россіи, то цѣлью дѣйствій Третьей и Дунайской арміи долженствовала быть не защита отдаленныхъ польскихъ провинцій, а отвлеченіе непріятельскихъ силъ, направленныхъ противъ Первой и Второй Западныхъ армій. По этому князь Кутузовъ предписывалъ Тормасову, присоединивъ къ Третьей арміи войска Эртеля отъ Мозыря и Сакена отъ Житомира, обратиться противъ праваго крыла Большой Наполеоновой арміи, а Чичагову, съ войсками двигавшимися изъ Молдавіи, смѣнить Третью армію и исполнять всѣ обязанности до того времени лежавшія на попеченіи Тормасова (33). 2) Генералъ-отъ-кавалеріи Беннигсенъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба соединенныхъ Западныхъ армій; генералу-отъ-инфантеріи Милорадовичу ввѣрено начальство надъ 2-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами; генералъ-маіоръ Вистицкій назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Западныхъ армій; полковнику Толю велѣно состоять при князѣ Кутузовѣ; а состоящему по арміи полковнику Кайсарову—находиться при немъ же въ должности дежурнаго генерала (34).

Между-тѣмъ наши арміи продолжали отступать. 19-го (31-го) августа, русскія войска, снявшись съ позиціи у Царево-Займища, прошли чрезъ Гжатскъ и расположились, въ ночи съ 19-го на 20-е, у Ивашкова, гдѣ присоединились къ нимъ войска, приведенныя изъ Калуги генераломъ Милорадовичемъ, которыя поступили на укомплектованіе полковъ обѣихъ Западныхъ армій, а кадры ихъ (штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры, старые рядовые и барабанщики) немедленно отправлены въ Калугу для формированія новыхъ полковъ (35). Русскій арріергардъ, отступая къ Гжатску, 19-го (31-го) августа, часто останавливался для задержанія преслѣдовавшихъ его непріятельскихъ войскъ, и далеко отсталъ отъ главныхъ силъ. Мюратъ и Даву, пользуясь тѣмъ, настойчиво атаковали Коновницына, въ то самое время, когда ему слѣдовало проходить чрезъ обширный боръ подъ Гжатскомъ, и потомъ чрезъ городъ и мостъ на рѣкѣ Гжати. Генералъ Коновницынъ, желая обезпечить свой правый флангъ отъ обхода лѣвой колонны непріятельскихъ войскъ, наступавшей по дорогѣ изъ Бѣлаго, приказалъ генералъ-маіору Крейцу, съ полками Иркутскимъ драгунскимъ и однимъ казачьимъ, расположиться на сей дорогѣ, правымъ флангомъ къ рѣкѣ Гжати, а лѣвымъ къ лѣсу занятому нашею пѣхотою. Какъ дорога изъ Бѣлаго вела къ мосту кратчайшимъ путемъ, то непріятель, оттѣснивъ Крейца и занявъ мостъ, могъ отрѣзать отступленіе всѣмъ остальнымъ войскамъ арріергарда. Коновницынъ, замѣтивъ угрожавшую ему опасность, послалъ находившагося при немъ, генеральнаго штаба подполковника Гавердовскаго сказать Крейцу, что, „для спасенія большаго надобно „пожертвовать меньшимъ, а потому Коновницынъ спрашиваетъ Крейца, согласенъ ли онъ держаться, покуда „всѣ прочія войска перейдутъ черезъ мостъ, а, можетъ-„быть, и умереть.“ — „Согласенъ“ — отвѣчалъ Крейцъ,

*

и просилъ только о томъ, чтобы, въ случаѣ потери отряда, не обвиняли его въ томъ напрасно.

Непріятель повелъ атаку на войска, занимавшія лѣсъ, опрокинулъ ихъ къ городу и оттѣснилъ къ рѣкѣ Крейца, который, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, кинулся съ своими драгунами и казаками въ рѣку, перешелъ черезъ нее въ бродъ и перетащилъ по дну рѣки свои два орудія. Между-тѣмъ непріятель, уже успѣвъ перейти по мосту вслѣдъ за войсками Коновницына, снова преградилъ путь Крейцову отряду. Тогда Крейцъ кинулся полями, ломая раздѣлявшіе ихъ заборы, ушелъ отъ непріятельской конницы и, подойдя къ селенію (Машкову?), расположилъ для отдыха въ немъ Иркутскихъ драгунъ, а казачій полкъ скрылъ въ лощинѣ. Непріятельская кавалерія, приблизясь къ селенію, была неожиданно атакована съ фронта драгунами, а съ фланга казаками, и обращена въ бѣгство, съ потерею одними плѣнными около пятисотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько офицеровъ ([36]).

Наполеонъ, прибывъ въ Гжатскъ 20-го августа (1-го сентября н. ст.), получилъ тамъ отъ Мюрата извѣстіе о пріѣздѣ новаго главнокомандующаго въ русскую армію. Это обстоятельство снова возбудило въ немъ надежду вступить въ рѣшительный бой, и на сей разъ онъ не ошибся въ своемъ заключеніи ([37]). Готовясь сразиться съ главными нашими силами и желая дать отдыхъ разстроеннымъ войскамъ Большой арміи, Наполеонъ пріостановилъ движеніе своего авангарда, расположилъ корпуса Нея и Даву кругомъ города, занятаго гвардіей, сблизилъ къ большой дорогѣ вице-короля и Понятовскаго, и приказалъ Жюно, остававшемуся въ Дорогобужѣ, присоединиться къ арміи. На слѣдующій день, 21-го августа (2-го сентября), посланы предписанія всѣмъ корпуснымъ командирамъ дать дневку войскамъ, собрать отсталыхъ и донести о наличномъ

числѣ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано сдѣлать инспекторскій смотръ всѣмъ частямъ войскъ и объявить солдатамъ, чтобы они готовились къ генеральному сраженію. „Необходимо—писалъ Наполеонъ къ Бертье—чтобы не позже десяти часовъ вечера доставлены были „мнѣ вѣдомости: о числѣ людей, орудій, зарядовъ и „патроновъ; о числѣ лазаретныхъ фуръ, лекарей и перевязокъ, которыя могутъ они сдѣлать. Въ этихъ вѣдомостяхъ должно быть также показано число людей, находящихся въ отлучкѣ отъ своихъ частей и не могущихъ принять участіе въ сраженіи, ежели оно будетъ „дано завтра, а равно—успѣютъ ли они присоединиться „къ войскамъ, ежели отложимъ дѣло дня на два или „на три. Эти свѣдѣнія должны быть составлены со всевозможною точностью, потому-что отъ нихъ будутъ зависѣть мои распоряженія..... Прикажите также донести мнѣ о числѣ расковавшихся лошадей и о времени „нужномъ для ихъ ковки“.... (38).

Въ приказѣ по арміи, отданномъ того же числа, Наполеонъ предписалъ: во-1-хъ, чтобы частные экипажи, фургоны и провіантскія фуры слѣдовали позади артиллеріи и лазаретныхъ фуръ; во-2-хъ, чтобы всякая частная повозка, затрудняющая движеніе артиллеріи, либо лазаретныхъ фуръ, была предаваема пламени; въ-3-хъ, чтобы за авангардомъ непосредственно слѣдовали только артиллерія и походные госпитали, а всѣ прочіе обозы двигались не ближе восьми верстъ (deux lieues) отъ авангарда. Къ ночи же, частные обозы могли присоединяться къ авангарду, но не прежде, какъ по окончаніи канонады или перестрѣлки; въ-4-хъ, чтобы обозы не располагались для отдыха на большой дорогѣ, и проч. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ приказаній было поручено начальнику штаба войскъ авангарда, генералу графу Бельяру, и, кромѣ-того, объявлено,

что императоръ, 3-го сентября, прикажетъ сжечь, въ своемъ присутствіи, всѣ повозки, которыя нарушатъ предписанныя правила (39).

2-го же сентября, н. ст. Наполеонъ, напоминая своему начальнику штаба приказъ о порядкѣ слѣдованія обозовъ, писалъ ему: „Прошу васъ, чтобы не довелось мнѣ жечь „первыми обозы главнаго штаба. Нельзя представить се„бѣ бо̀льшаго безпорядка (il est impossible de voir un plus „mauvais ordre que celui qui regne)“ (40).

Исполненіе строгихъ предписаній Наполеона было невозможно, потому-что всѣ начальники войскъ старались не упускать изъ вида, какъ собственныя свои повозки, такъ и провіантскія фуры. Наполеонъ, для примѣра, приказалъ сжечь при себѣ два экипажа, принадлежавшіе чиновникамъ его главнаго штаба (изъ числа коихъ одинъ графа Нарбонна), но въ послѣдствіи все оставалось по прежнему (41).

Имѣя въ виду присоединить къ арміи отсталыхъ, добыть сколько-нибудь провіанта и фуража и дать время оправиться войскамъ, въ особенности же кавалеріи и артиллеріи, Наполеонъ далъ еще день отдыха своей арміи, 22-го августа (3-го сентября) и даже, по увѣренію французскихъ писателей, намѣренъ былъ совершенно прекратить наступленіе. Въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ имъ въ Гжатскѣ, постоянное ненастье совершенно испортило всѣ дороги; сырые, холодные бивуаки оказали вредное вліяніе на здоровье людей; лошади гибли тысячами отъ усталости и голода. Наполеонъ, выведенный изъ терпѣнія бѣдствіями войскъ, изъявилъ свое неудовольствіе Нею, котораго корпусъ, принужденный жить грабежемъ, терялъ множество людей и замѣтно таялъ. Получивъ незаслуженный выговоръ и не находя возможности помочь дѣлу, пылкій Ней написалъ въ отвѣтъ, что невозможно было идти далѣе, не подвергнувъ арміи гибели. Мюратъ доносилъ то же самое. Бертье, наканунѣ оскорбленный Наполеономъ за откровен-

ное выраженіе мыслей о походѣ въ Россію, подтверждалъ мнѣніе своихъ товарищей угрюмымъ молчаніемъ; а Даву отказывался поддерживать Мюрата, „изъ опасенія разстроить пѣхоту такъ, какъ уже была разстроена кавалерія". Наполеонъ, склонясь на убѣжденія надежнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ, отвѣчалъ имъ: „Ну, дѣлать нечего! Если „завтра погода не перемѣнится, то мы не пойдемъ далѣе". Довольно трудно повѣрить тому, что всѣ послѣдующія дѣйствія Наполеона зависѣли отъ одного яснаго утра; но, какъ бы ни было, на слѣдующій день 23-го августа, (4-го сентября н. ст.) взошло солнце вовсемъ блескѣ своемъ, и Наполеонъ, надѣясь, что дороги могли просохнуть въ нѣсколько часовъ, приказалъ Мюрату и Даву выступить въ полдень къ Гридневу, а всѣмъ прочимъ войскамъ слѣдовать за движеніемъ авангарда (42).

Между-тѣмъ русскія арміи, усилясь пятнадцатью тысячами человѣкъ, приведенныхъ генераломъ Милорадовичемъ (43), отступили, 20-го августа (1-го сентября н. ст.,) къ Дурыкину, 21-го къ Колоцкому монастырю, а 22-го къ селу Бородину, гдѣ присоединились къ нашимъ войскамъ два ополченія: Московское, въ числѣ 7-ми тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Маркова, и Смоленское, силою до 3-хъ тысячъ, приведенное генераломъ Лебедевымъ (44). Какъ прочія наши подкрѣпленія были еще весьма далеко отъ арміи, то Кутузовъ рѣшился принять сраженіе на позиціи у Бородина, избранной генераломъ Вистицкимъ, (а, по свидѣтельству Бернгарди, генеральнаго штаба подполковникомъ Гартингомъ), и одобренной Беннигсеномъ (45). На этой позиціи мы остановились единственно потому, что не было лучшей до самой Москвы. Вообще въ Россіи весьма рѣдко встрѣчаются хорошія оборонительныя позиціи. Тамъ, гдѣ остались еще обширныя болота, могущія служить прикрытіемъ для фронта и фланговъ арміи, страна такъ лѣсиста, что трудно найти

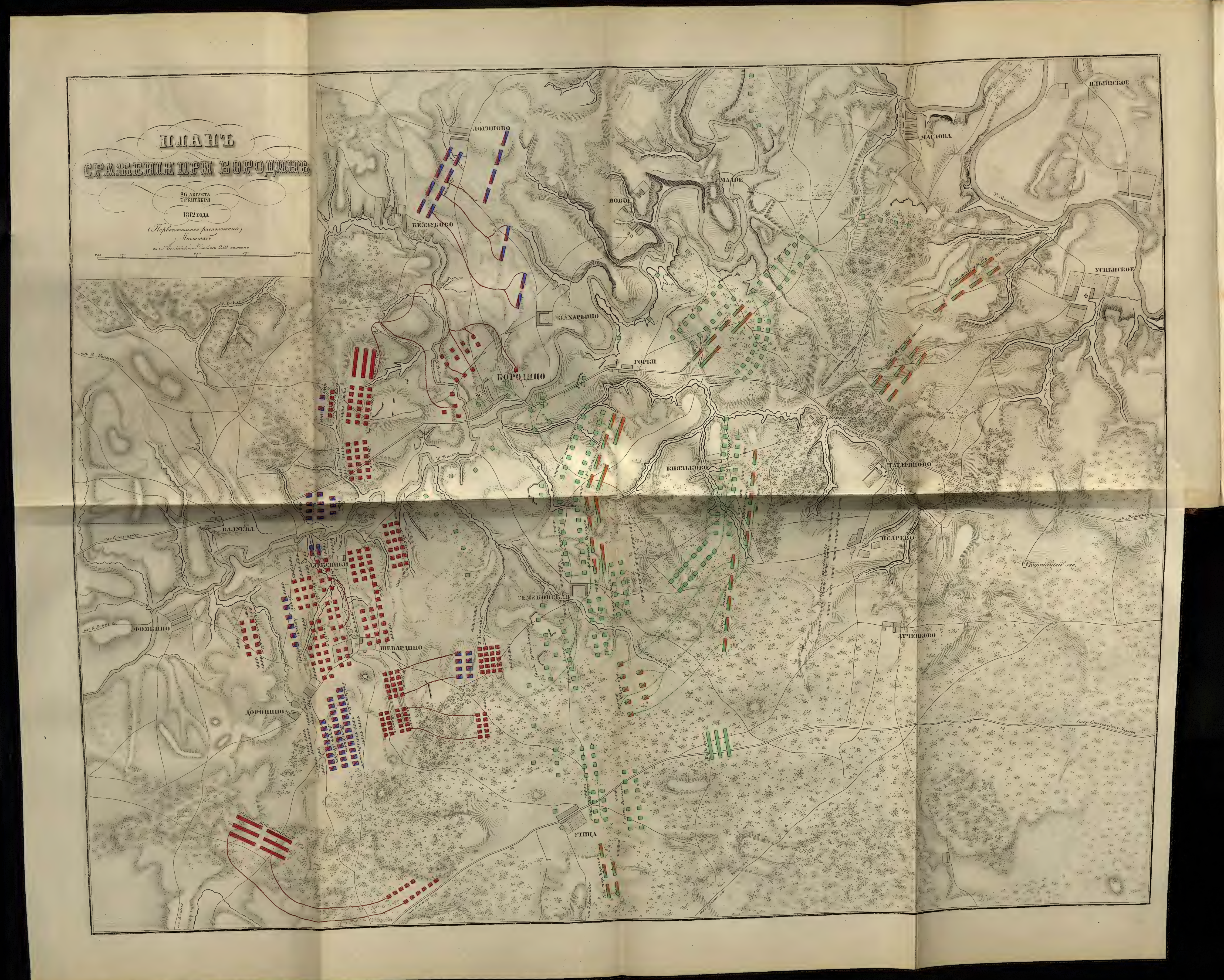
пространство достаточное для расположенія значительныхъ силъ; въ мѣстахъ открытыхъ, плоскихъ, нѣтъ никакихъ преградъ, которыя могли бы послужить къ задержанію непріятеля; селенія, въ коихъ дома построены изъ дерева и покрыты соломою, не представляютъ средствъ къ упорной оборонѣ.

Отступленіе русскихъ войскъ, на пространствѣ около трехъ сотъ верстъ, отъ Смоленска къ Бородину, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ сохраненія въ войскахъ порядка и дисциплины. Непріятелю не удалось захватить ни отсталыхъ, ни одной повозки изъ нашихъ обозовъ. Главныя силы армій не были изнуряемы утомительными маршами, благодаря искуснымъ дѣйствіямъ нашего арріергарда, который отходилъ шагъ за шагомъ, замедляя движеніе непріятельскаго авангарда. По словамъ самого Коновницына, вездѣ, гдѣ только встрѣчались равнины, встрѣчала непріятеля наша кавалерія, построенная въ шахматномъ порядкѣ, между-тѣмъ какъ въ тылу ея, на высотахъ, располагались батареи такъ, чтобы онѣ могли удобно оборонять впереди лежащее пространство перекрестными выстрѣлами, а въ лѣсахъ устроивались засады изъ пѣхоты. Къ вечеру 22-го августа (3-го сентября н. ст.), русскій арріергардъ отошелъ на позицію у Гриднева, въ пятнадцати верстахъ впереди главныхъ силъ Кутузова. На слѣдующій день по полудни, Мюратъ съ большею частью резервной кавалеріи и съ пѣхотною дивизіею Компана, подойдя къ Гридневу, атаковалъ Коновницына, усиленнаго 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ. Войска нашего арріергарда, въ которомъ находилась тогда почти вся кавалерія Первой арміи, состояли изъ 25-ти батальоновъ и 96-ти эскадроновъ ([46]). Послѣ жаркаго дѣла, продолжавшагося нѣсколько часовъ, Коновницынъ, уже ввечеру, получивъ извѣстіе отъ высланныхъ имъ по сторонамъ казаковъ о движеніи, въ обходъ его праваго флан-

га, корпуса вице-короля на Лусось, отошелъ, въ ночи съ 23-го на 24-е августа, къ Колоцкому монастырю. Въ то же самое время, главныя силы непріятельской арміи (корпуса Даву, Нея, гвардія и Жюно) расположились между Гридневымъ и Гжатскомъ.

24-го августа (5 сентября н. ст.), въ шесть часовъ утра, Французы двинулись отъ Гриднева къ Колоцкому монастырю. Авангардъ Мюрата, въ три часа по полудни, атаковалъ войска Коновницына, расположенныя впереди Колоцкаго монастыря; арріергардъ нашъ удерживалъ непріятеля весьма успѣшно; въ особенности же отличился Изюмскій гусарскій полкъ, который, съ содѣйствіемъ казаковъ, изрубилъ три непріятельскихъ эскадрона 3-го Италіянскаго конно-егерскаго полка (47). Но когда вице-король снова обошелъ насъ съ праваго фланга, Коновницынъ принужденъ былъ отвести ввѣренныя ему войска за рѣку Калочу, гдѣ они присоединились къ корпусамъ стоявшимъ на позиціи. Въ числѣ убитыхъ былъ генералъ Красновъ. Между-тѣмъ авангардъ Мюрата, поддержанный главными силами Большой арміи, оставя преслѣдованіе нашего арріергарда, перешелъ черезъ Калочу, у Фомкина и Валуева, и обратился вправо къ Шевардину, гдѣ впереди главной нашей позиціи стояли на высотахъ войска отряженныя Кутузовымъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2-го (48). Наполеонъ, желая немедленно овладѣть этою передовою позиціею, направилъ противъ нее часть корпуса Даву (три дивизіи) и резервную кавалерію Мюрата и приказалъ, одновременно съ тѣмъ, корпусу Понятовскаго, наступавшему на село Ельню, по старой смоленской дорогѣ, обойти Шевардинскую позицію съ лѣваго фланга; между-тѣмъ вице-король съ своимъ корпусомъ двигался лѣвѣе главныхъ силъ непріятельской арміи на селеніе Большіе-Сады (49).

Слѣдствіемъ наступленія Наполеоновыхъ войскъ противъ позиціи князя Горчакова, было сраженіе при Шевардинѣ. Но какъ это дѣло было началомъ Бородинской битвы, то, прежде нежели приступимъ къ его изложенію, опишемъ мѣстность занятую нашими арміями и расположеніе на ней войскъ Кутузова.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ БОРОДИНѢ
26 АВГУСТА
7 СЕНТЯБРЯ
1812 ГОДА
(Первоначальное расположеніе)
Масштабъ
въ Англійскомъ дюймѣ 250 саженъ
250 125 0 250 500 750 саж.
Р. Бекленышевка
ЛОГИНОВО
БЕЗЗУБОВО
НОВОЕ
МАЛОЕ
МАСЛОВА
ИЛЬИНСКОЕ
УСПЕНСКОЕ
ЗАХАРЬИНО
ГОРКИ
БОРОДИНО
КНЯЗЬКОВО
ТАТАРИНОВО
ВАЛУЕВА
ПСАРЕВО
СЕМЕНОВСКАЯ
ФОМКИНО
ШЕВАРДИНО
ДОРОНИНО
УТИЦА

ГЛАВА XXI.

Позиція при Бородинѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Описаніе Бородинской позиціи.—Укрѣпленія.—Первоначальное расположеніе русскихъ войскъ на позиціяхъ при Бородинѣ и Шевардинѣ.—Дѣло при Шевардинѣ 24-го августа (5-го сентября). —Расположеніе Наполеоновыхъ войскъ въ ночи съ 24-го на 25-е августа (съ 5-го на 6-е сентября.)—Передвиженіе русскихъ войскъ. — Составъ и число русскихъ войскъ въ Бородинскомъ сраженіи. — Составъ и число Наполеоновыхъ войскъ. — Сравненіе силъ обѣихъ сторонъ — Приготовленія Наполеона къ предстоявшему сраженію. — Диспозиціи по непріятельской арміи. — Канунъ Бородинской битвы въ русскомъ лагерѣ. — Приказъ Наполеона передъ сраженіемъ.

Мѣстность, на которой была избрана Бородинская позиція, вообще склоняется отъ старой смоленской дороги, или лѣваго крыла, къ рѣкѣ Москвѣ, или правому крылу (*).

Рѣка Калоча, прикрывающая правое крыло позиціи, течетъ въ верхней части своей по болотистой долинѣ, параллельно новой смоленской дорогѣ, до села Бородина, гдѣ пересѣкаетъ сію дорогу, а потомъ, до самаго впаденія своего въ рѣку Москву, въ глубокой долинѣ съ обрывистыми берегами, изъ коихъ правый, постоянно господствующій надъ лѣвымъ и имѣющій во многихъ мѣстахъ до пяти сажень вышины, образуетъ сильнѣйшую часть позиціи. Близъ Бородина впадаютъ въ Калочу три рѣчки: противъ села, съ правой стороны, ручей Стонецъ, между которымъ и Калочею простирается узкій хребетъ съ высокимъ курганомъ у селенія

(*) *Планъ сраженія при Бородинѣ, 26-го августа (7-го сентября).*

Горокъ; выше Бородина впадаетъ въ Калочу съ лѣвой стороны рѣчка Война, текущая медленно въ болотистой долинѣ; между ними образуется возвышенность, въ видѣ мыса съ крутыми скатами, на которой частью лежитъ Бородино. Еще выше—рѣка Калоча принимаетъ справа почти безводную рѣчку Семеновку, вытекающую изъ лѣса на старой смоленской дорогѣ; берега Семеновки въ верхней части плоски, а въ нижней довольно круты; между этою рѣчкою, Калочею и Стонцемъ находится высота господствующая окрестностями; на вершинѣ ея замѣчательно мѣсто такъ-называемой Курганной батареи, или батареи Раевскаго. Въ нижней части Семеновки, отъ селенія Семеновскаго до устья, правый берегъ командуетъ лѣвымъ, а выше Семеновскаго, напротивъ-того, господствуетъ лѣвый берегъ. Всѣ помянутыя рѣчки, въ эпоху сраженія при Бородинѣ, отъ бывшихъ лѣтомъ 1812 года сильныхъ жаровъ, высохли и въ самой Калочѣ было воды очень мало.

Лѣвѣе Семеновскаго, до полей деревни Утицы, простиралась равнина, поросшая бо̀льшею частью ольховымъ и березовымъ кустарникомъ, не выше полутора аршина. Утицкія поля окружены съ трехъ сторонъ обширными лѣсами, огибающими съ тылу лѣвое крыло позиціи, которую занимали наши войска. Черезъ эти лѣса и черезъ селеніе Утицу пролегаетъ старая смоленская дорога, ведущая на деревню Ельню къ Можайску. Въ лѣсу, позади Утицы, у самой дороги возвышается значительный курганъ.

Отъ рѣчки Каменки, высохшаго притока Семеновки, къ сторонѣ откуда ожидали непріятеля, мѣстность постепенно возвышается. Въ двухъ верстахъ отъ Каменки, составлявшей продолженіе фронта нашей позиціи, близъ селенія Шевардина, высятся три кургана.

Рѣка Калоча, текущая частью въ параллельномъ, частью въ косвенномъ направленіи къ новой смоленской дорогѣ, служила прикрытіемъ только для праваго крыла позиціи

до селенія Горокъ; лѣвѣе же этого пункта, можно было занять остальную часть позиціи такъ, чтобы фронтъ ея отдалился отъ Калочи и Семеновки, по прямой чертѣ отъ Горокъ къ Утицѣ, либо по ломаной линіи, отъ Горокъ къ возвышенію между Стонцемъ и Семеновкою и далѣе подъ исходящимъ угломъ къ Утицѣ. Во всякомъ случаѣ, мы не могли оставить безъ вниманія значительную высоту, въ разстояніи картечнаго выстрѣла отъ фронта первой нашей линіи, и потому положено было занять ее сильно-вооруженнымъ укрѣпленіемъ, которое, при занятіи позиціи по прямой линіи, могло служить опорою центру, въ видѣ передоваго поста, а при расположеніи по ломаной линіи — составило бы часть самой позиціи. Беннигсенъ изъявилъ мнѣніе въ пользу занятія позиціи по прямой линіи, предлагая построить на выдающемся возвышеніи сильное сомкнутое укрѣпленіе съ амбразурами кругомъ, на случай непріятельской атаки, съ какой бы стороны она ни послѣдовала. Такое укрѣпленіе, доказывалъ онъ, слѣдовало вооружить 24-мя, либо 36-ю батарейными орудіями, безъ лошадей, и занять нѣсколькими батальонами. Напротивъ-того, Толь полагалъ сдѣлать на этомъ пунктѣ люнетъ, вооружить его 18-ю орудіями и включить его въ общую черту позиціи. Кутузовъ предпочелъ мнѣніе Толя, и такимъ образомъ расположеніе нашихъ армій было направлено отъ Горокъ къ возвышенію, а оттуда влѣво, подъ тупымъ исходящимъ угломъ (1), чрезъ Семеновское къ Утицѣ. Изъ сдѣланнаго нами краткаго описанія мѣстности видно, что центръ и лѣвое крыло Бородинской позиціи не были прикрыты никакою мѣстною преградою, и что лѣвый флангъ подвергался обходу по старой смоленской дорогѣ. Слѣдовательно — сія позиція во все не представляла важныхъ мѣстныхъ удобствъ, въ оборонительномъ отношеніи, и даже могла повести (какъ дѣйствительно и случилось) къ ослабленію лѣваго крыла изъ желанія воспользоваться вы-

годами мѣстности на правомъ флангѣ позиціи. Вмѣсто-того, чтобы, ограничиваясь наблюденіемъ теченія Калочи и расположивъ войска между Горками и Утицею, поставить сильные резервы за лѣвымъ крыломъ, мы растянули армію на двѣ лишнія версты вправо отъ Горокъ, и чрезъ то въ самомъ началѣ сраженія лишили себя содѣйствія цѣлой трети войскъ.

Для усиленія позиціи было построено нѣсколько укрѣпленій. Начиная съ праваго фланга, сооружена на курганѣ у Горокъ, по правую сторону дороги, батарея на три орудія, (потому-что на этомъ пунктѣ невозможно было помѣстить болѣе артиллеріи), а другая на девять орудій, впереди первой, въ разстояніи отъ ней 200 саженъ, на скатѣ отлогости спускающейся отъ Горокъ къ Бородину. Обѣ эти батареи были заняты батарейною ротою маіора Дитерихса. Деревянный мостъ на Калочѣ былъ оставленъ въ цѣлости и село Бородино отчасти приспособлено къ оборонѣ. Въ центрѣ предполагалось устроить сильное укрѣпленіе, въ видѣ бастіона съ полутепалями по сторонамъ его; но на это недостало ни времени, ни средствъ, и потому сей пунктъ, вопреки показаніямъ иностранныхъ писателей, былъ укрѣпленъ весьма слабо. Орудія тамъ поставленныя не могли по надлежащему обстрѣливать впереди лежащей мѣстности; ровъ находился на скатѣ, отъ чего контръ-эскарпъ былъ гораздо ниже эскарпа и обращенная въ поле сторона рва имѣла весьма недостаточную глубину. Сооруженіе этого укрѣпленія было начато не прежде пяти часовъ по полудни 25-го августа, т.-е. уже около вечера наканунѣ Бородинскаго сраженія, потому-что ратники Московскаго Ополченія, командированные на работу, не были снабжены ни лопатами, ни кирками, и не имѣли ни малѣйшаго понятія о приготовленіи туровъ и фашинъ. Наразсвѣтѣ готовы были амбразуры только на десять орудій и люнетъ далеко еще не былъ окончелъ. Ар-

тиллерія, занимавшая его, находилась подъ начальствомъ полковника Шульмана.

Вообще земляная работа весьма затруднялась множествомъ камней, которыми усѣяны всѣ высоты на полѣ сраженія при Бородинѣ, и потому не было никакой возможности дать достаточные размѣры профилямъ укрѣпленій; недостатокъ въ фашинахъ не позволилъ сдѣлать одеждъ; всѣ скаты были очень отлоги, что съ одной стороны замедляло насыпку брустверовъ, а съ другой способствовало эскаладѣ; о палисадахъ и другихъ искусственныхъ препятствіяхъ не могло быть и рѣчи.

Далѣе влѣво — впереди Семеновскаго, находились три батареи, такъ называемыя Багратіоновы флеши, которыхъ сооруженіе было также весьма плохо. Селеніе Семеновское, совершенно неспособное къ приведенію въ оборонительное состояніе, было частью снесено. Впереди Бородинской позиціи, на разстояніи отъ ней около 900 саженъ, у селенія Шевардина, по предложенію Толя, былъ построенъ пяти-угольный редутъ на 12 орудій. Это укрѣпленіе служило опорою передовой позиціи, которую мы намѣревались занять не столько для задержанія непріятеля, сколько для обозрѣнія его силъ и раскрытія первоначальныхъ его распоряженій съ господствующихъ высотъ Шевардинскихъ. Построеніе тамъ редута также не было окончено.

Кромѣ исчисленныхъ нами укрѣпленій, было сооружено цѣпное укрѣпленіе у лѣса, за правымъ крыломъ позиціи. Эта постройка, обращенная фронтомъ къ рѣкѣ Москвѣ, не могла принести никакой пользы.

По прибытіи Западныхъ армій на Бородинскую позицію, ская кавалерія, находившаяся при пѣхотныхъ корпусахъ, была отдѣлена отъ нихъ и поступила въ составъ кавалерійскихъ корпусовъ. Московское и Смоленское Ополченія, присоединившіяся къ арміи въ числѣ болѣе десяти

тысячъ, дурно вооруженныя и не успѣвшія получить надлежащаго тактическаго образованія, были назначены для отвода раненыхъ съ поля сраженія и въ прикрытіе обозовъ ([2]).

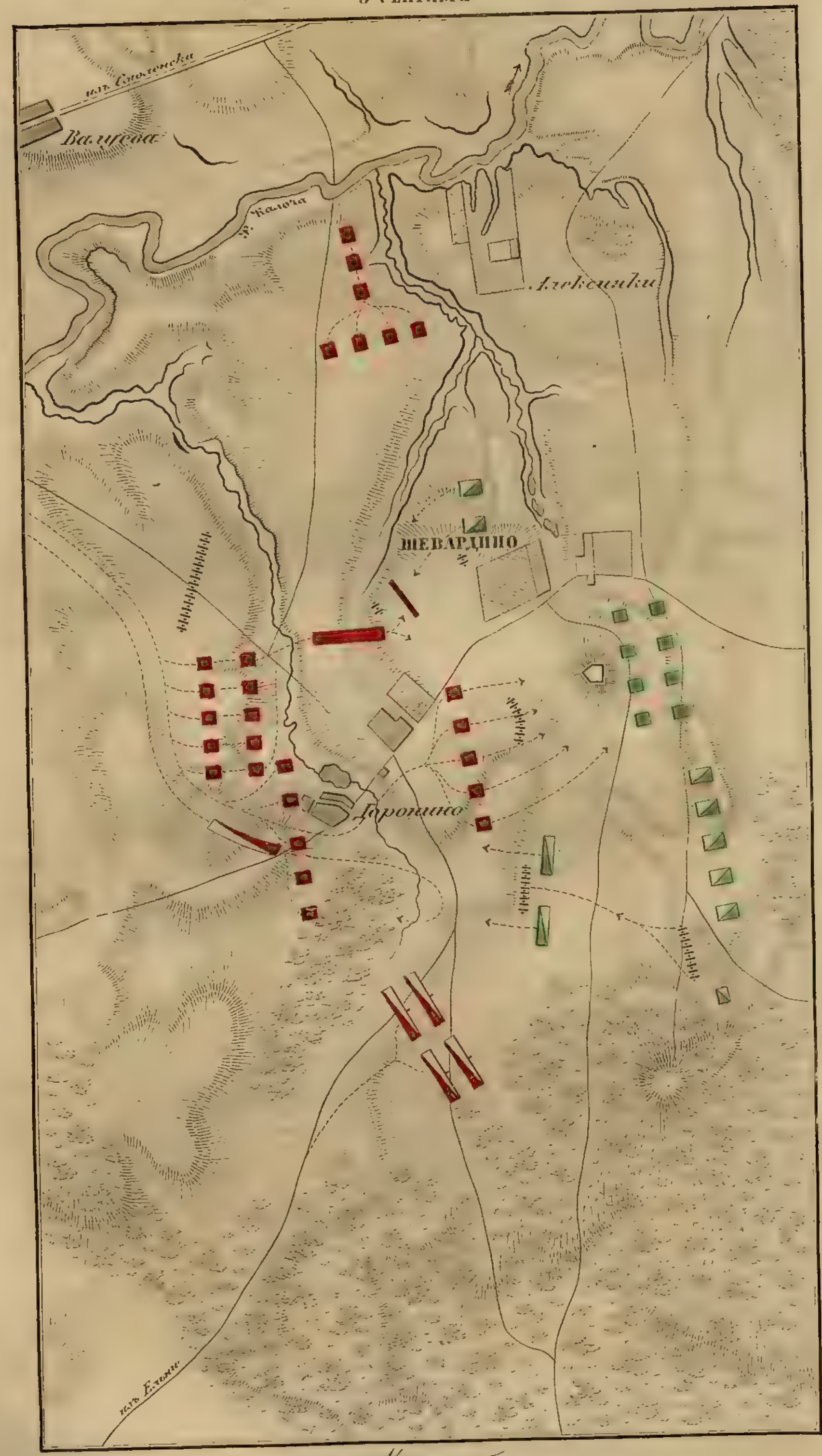
Войска наши, по диспозиціи отданной княземъ Кутузовымъ 24-го августа (5-го сентября н. ст.), были расположены слѣдующимъ образомъ: (*) въ каждомъ изъ пѣхотныхъ корпусовъ, поставленныхъ въ боевыя линіи, одна изъ дивизій составляла правое, а другая лѣвое крыло; а въ каждой дивизіи, пѣхотные полки были построены въ баталіонныхъ колоннахъ, расположенныхъ въ двѣ линіи, такъ-что между колоннами оставались интервалы достаточные для развертыванія ихъ. Состоявшіе же въ дивизіяхъ егерскіе полки сперва были разсыпаны въ цѣпи впереди фронта боевыхъ линій, а потомъ отступили на позицію, за исключеніемъ двухъ полковъ, стоявшихъ въ лѣсу на правомъ крылѣ, и шести полковъ, въ кустахъ между Багратіоновыми флешами и Утицею, которые постоянно дѣйствовали въ разсыпномъ строю. За каждымъ изъ пѣхотныхъ корпусовъ стоялъ одинъ изъ кавалерійскихъ, построенный въ двѣ линіи, въ развернутомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, кромѣ стрѣлковой цѣпи, поддержанной резервами, было четыре боевыя линіи: двѣ пѣхотныя и двѣ кавалерійскія. За ними стояли резервы.

Перейдемъ къ подробному описанію первоначальнаго расположенія русскихъ войскъ на Бородинской позиціи и измѣненій въ немъ послѣдовавшихъ.

Правое крыло и центръ были составлены изъ войскъ Первой арміи Барклая де-Толли, а лѣвое—изъ Второй арміи князя Багратіона. 2-й и 4-й пѣхотные корпуса, подъ начальствомъ Милорадовича, составляли правое крыло прикрытое Калочею; правый флангъ 2-го корпуса, стояв-

(*) Планъ сраженія при Бородинѣ, 26-го августа (7-го сентября).

ПЛАНЪ
ДѢЛА ПРИ ШЕВАРДИНѢ
24 АВГУСТА / 5 СЕНТЯБРЯ

Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 250 саженъ
250 0 250 500 саж.

шаго уступомъ нѣсколько позади 4-го, находился въ шести стахъ саженяхъ отъ рѣки Москвы, а лѣвый флангъ 4-го корпуса примыкалъ къ рѣчкѣ Стонцу, у селенія Горокъ. Село Бородино было занято тремя баталіонами гвардейскихъ егерей. Въ довольно значительномъ разстояніи позади 2-го пѣхотнаго корпуса, за рощею, стоялъ 1-й кавалерійскій корпусъ и влѣво отъ него Платовъ съ девятью казачьими полками; за 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ 2-й кавалерійскій. Далѣе, влѣво — 6-й пѣхотный и стоявшій позади его 3-й кавалерійскій корпуса, оба подъ начальствомъ Дохтурова, составляли центръ, расположенный отъ Горокъ до большаго укрѣпленія на курганѣ (батареи Раевскаго). Вторая Западная армія составляла лѣвое крыло общаго расположенія: изъ числа войскъ этой арміи, 7-й пѣхотный и позади его 4-й кавалерійскій корпуса занимали пространство отъ батареи Раевскаго до Семеновскаго; а Сводная гренадерская дивизія графа Воронцова (8-го корпуса) — Багратіоновы флеши. Егерскіе полки пѣхотныхъ корпусовъ, стоявшихъ въ боевыхъ линіяхъ, были разсыпаны впереди фронта этихъ войскъ, кромѣ 20-го, 21-го, 11-го и 41-го полковъ (въ послѣдствіи поддержанныхъ 49-мъ и 50-мъ полками), кои занимали кусты по рѣчкѣ Каменкѣ и влѣво отъ флешей по направленію къ старой смоленской дорогѣ, и двухъ егерскихъ полковъ, 4-го и 34-го, стоявшихъ въ рощѣ, за правымъ крыломъ, между 2-мъ пѣхотнымъ и 1-мъ кавалерійскимъ корпусами. Пять казачьихъ полковъ наблюдали теченіе нижней Калочи до самаго впаденія ея въ рѣку Москву; а шесть казачьихъ же полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Карпова, слѣдили за пространствомъ на лѣвомъ крылѣ близь селенія Утицы. Багратіоновы флеши были заняты артиллеріею и пѣхотою; всѣ же прочія укрѣпленія оборонялись только орудіями; предположено было прикрыть брустверами всю пѣхоту, стоявшую въ первой линіи, но это намѣреніе осталось безъ исполненія.

Резервы были расположены слѣдующимъ образомъ: позади селенія Князькова, главный резервъ, изъ 3-го и 5-го (гвардейскаго) пѣхотныхъ корпусовъ и 1-й кирасирской дивизіи Депрерадовича (составленнаго изъ двухъ дивизій, кирасирскаго корпуса князя Голицына). Главный артиллерійскій резервъ, изъ 26-ти ротъ и батарей (*), позади Псарева. Вторая армія имѣла свой собственный резервъ, состоявшій изъ 2-й гренадерской дивизіи принца Карла Мекленбургскаго, расположенной за Семеновскимъ, и, въ послѣдствіи, усиленный войсками отряженными для обороны Шевардинской позиціи и пятью ротами конной артиллеріи, присланными изъ главнаго резерва ([3]). Главная квартира находилась въ Татариновѣ.

Войска, ввѣренныя генералъ-лейтенанту князю Горчакову 2-му, для обороны позиціи при Шевардинѣ, состояли изъ 27-й дивизіи Невѣровскаго, 5-го егерскаго полка 26-й дивизіи Паскевича, четырехъ драгунскихъ полковъ (Харьковскаго, Черниговскаго, Кіевскаго и Новороссійскаго), двухъ эскадроновъ Ахтырскихъ гусаръ и 2-й кирасирской дивизіи Дуки; всего же 14-ти баталіоновъ и 38-ми эскадроновъ. Въ послѣдствіи эти войска были усилены прибывшими къ нимъ на смѣну двумя (а по другимъ свѣдѣніямъ четырьмя) сводными гренадерскими баталіонами дивизіи Воронцова и войсками 2-й гренадерской дивизіи принца Карла Мекленбургскаго ([4]).

24-го августа, въ то самое время, когда непріятель, послѣ дѣла при Колоцкомъ монастырѣ, подходилъ къ Бородину, войска назначенныя для обороны передовой Шевардинской позиціи были расположены слѣдующимъ образомъ (**): 5-й, 49-й и 50-й егерскіе полки разсыпа-

(*) Гвардейскія конныя роты назывались батареями и находились въ восьми-орудійномъ составѣ.

(**) *Планъ дѣла при Шевардинѣ, 24-го августа (5-го сентября).*

ны въ цѣпь отъ деревни Алексинокъ вверхъ по Калочѣ до Фомкина, и далѣе вверхъ по Доронинскому оврагу и въ кустахъ по направленію къ селенію Ельнѣ; восемь баталіоновъ Виленскаго, Симбирскаго, Одесскаго и Тарнопольскаго полковъ построились въ баталіонныхъ колоннахъ позади редута, занятаго двѣнадцатью батарейными орудіями; правѣе пѣхоты стали Харьковскій и Черниговскій драгунскіе полки съ четырьмя конными орудіями; влѣво отъ пѣхоты, нѣсколько позади ея, кирасирская дивизія, въ полковыхъ колоннахъ, и восемь конныхъ орудій, подъ прикрытіемъ Ахтырскихъ гусаръ, а для поддержанія егерей выдвинуты впередъ, лѣвѣе Шевардинскаго редута, Новороссійскій и Кіевскій драгунскіе полки (сводные гренадерскіе баталіоны прибыли на мѣсто сраженія въ послѣдствіи). Число нашихъ войскъ, участвовавшихъ въ бою при Шевардинѣ, простиралось, по свидѣтельству самаго князя Горчакова, до одиннадцати тысячъ человѣкъ (5).

Какъ-только непріятель, преслѣдуя нашъ арріергардъ, послѣ дѣла при Колоцкомъ монастырѣ, по большой дорогѣ, приблизился къ Валуеву, то наша стрѣлковая цѣпь, разсыпанная въ оврагахъ и кустахъ праваго берега Калочи, открыла сильный огонь во флангъ наступавшимъ колоннамъ. Наполеонъ, съ перваго взгляда убѣдясь въ недоступности праваго крыла нашей позиціи, приказалъ переправить черезъ Калочу кавалерійскіе корпуса Нансути и Монбрюна и три дивизіи корпуса Даву, съ тою цѣлью, чтобы вытѣснить русскихъ стрѣлковъ изъ занятыхъ ими мѣстныхъ прикрытій и овладѣть редутомъ. Корпусъ Понятовскаго, двигавшійся по старой смоленской дорогѣ, долженъ былъ содѣйствовать этой атакѣ (6). Слѣдовательно противъ Шевардинской позиціи направилось болѣе тридцати пяти тысячъ человѣкъ (7). Дивизія Компана, слѣдовавшая въ головѣ корпуса Даву за кавалеріею, своротила съ большой дороги вправо, не доходя Валуева,

переправилась через Калочу и въ два часа по полудни овладѣла деревнею Фомкинымъ, между-тѣмъ какъ кавалерія, отойдя по большой дорогѣ назадъ, перешла черезъ рѣку нѣсколько позже пѣхоты, а дивизіи Фріана и Морана переправились ниже у Алексинокъ. По занятіи Фомкина, Компанъ поставилъ впереди селенія сильную батарею, которая открыла огонь по нашему редуту; въ то же время строилась къ бою его пѣхота и подходила Мюратова кавалерія. Послѣ обоюдной довольно жаркой канонады, продолжавшейся около двухъ часовъ, французскія колонны атаковали Доронино и близълежащія рощи, между-тѣмъ какъ со стороны Ельни передовыя войска Понятовскаго стали тѣснить егерей 5-го полка. Полковникъ Емануель, замѣтивъ сіе движеніе, угрожавшее намъ обходомъ, кинулся съ Кіевскими драгунами на непріятельскихъ вольтижеровъ выходившихъ, изъ кустовъ и опрокинулъ ихъ; а дивизіонъ Ахтырскихъ гусаръ, подъ командою ротмистра Александровича, прикрывавшій артиллерію на лѣвомъ флангѣ позиціи, ударилъ на пѣхотную колонну, двигавшуюся въ атаку на наши орудія, и заставилъ ее обратиться назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ графъ Сиверсъ, замѣтивъ отступленіе нашихъ егерей праваго крыла, послалъ имъ въ помощь Новороссійскій драгунскій полкъ, подъ начальствомъ маіора Теренина, который, пройдя между селеніемъ Дорониньмъ и рощею, разстроилъ двѣ пѣхотныя колонны, наступавшія на это селеніе, и опрокинулъ непріятельскую кавалерію. Но когда Поляки обошли нашихъ егерей съ лѣваго фланга и оттѣснили ихъ въ лѣсъ между Шевардинымъ и Утицею, тогда и Новороссійскій полкъ отступилъ на прежнее свое мѣсто. Пользуясь тѣмъ, Компанъ овладѣлъ Доронинымъ и рощею, а кавалерія Понятовскаго, выйдя изъ кустовъ, пристроилась къ правому флангу Французовъ. Вскорѣ послѣ того шесть вольтижерскихъ (стрѣлковыхъ) ротъ, поддержанныя баталіономъ

61-го линейнаго полка, заняли курганъ впереди Доронина, въ разстояніи около 250-ти шаговъ отъ редута, и меткими своими выстрѣлами нанесли большой вредъ артиллерійской прислугѣ, находившейся въ этомъ укрѣпленіи. Туда же направлены были остальные баталіоны 61-го полка съ восемью орудіями, которыя стали на курганѣ, а пѣхота, построенная въ баталіонныя колонны, укрылась за нимъ на покатости обращенной къ Доронину. Картечный огонь французской артиллеріи причинилъ большое разстройство въ нашемъ редутѣ; Компанъ, пользуясь тѣмъ, повелъ 57-й и 61-й линейные полки въ атаку на лѣвое крыло дивизіи Невѣровскаго, между-тѣмъ какъ генералъ Дюпелёнъ (Duppelin), двинувшись лѣвѣе съ 25-мъ полкомъ, атаковалъ правое крыло войскъ Невѣровскаго, а 111-й полкъ, отряженный еще болѣе влѣво, сталъ обходить нашу пѣхоту съ фланга; въ то же время, Фріанъ и Моранъ направились къ Шевардину. Завязалась сильнѣйшая перестрѣлка на самомъ близкомъ разстояніи; то Французы подавались впередъ, то Русскіе тѣснили Французовъ; наконецъ—превосходныя силы непріятеля одержали верхъ: Компанъ овладѣлъ редутомъ, а Моранъ занялъ Шевардино.

Таково было положеніе дѣла около восьми часовъ вечера. Въ это время подоспѣла на смѣну войскамъ Невѣровскаго присланная княземъ Багратіономъ 2-я гренадерская дивизія принца Карла Мекленбургскаго. Самъ Багратіонъ повелъ въ бой своихъ гренадеръ; двѣ непріятельскія колонны направились имъ во флангъ; тогда полковникъ Толбузинъ 1-й, развернувъ Малороссійскій и Глуховскій кирасирскіе полки, ударилъ на эти колонны, опрокинулъ ихъ и овладѣлъ французскою батареею стоявшею впереди Доронина, но успѣлъ увезти только три орудія. Въ то же время, на правомъ нашемъ крылѣ, Харьковскій и Черниговскій драгунскіе полки атаковали 111-й полкъ, отдалившійся отъ прочихъ войскъ, заставили его

построиться въ каре и захватили находившіяся при немъ два полковыхъ орудія, при чемъ этотъ полкъ понесъ значительный уронъ, но былъ выручень испанскимъ полкомъ Іосифа Наполеона (дивизіи Фріана). Наступила ночь, но бой все-еще продолжался, и вотъ по чему свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ столь несогласны между собою. Но несмотря на показанія иностранныхъ писателей, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что редутъ переходилъ изъ рукъ въ руки и что удачное дѣйствіе нашей кавалеріи способствовало гренадерамъ истребить одинъ изъ баталіоновъ французскаго 61-го полка, тамъ находившійся. Между-тѣмъ, войска Понятовскаго обошли Шевардинскую позицію съ лѣваго фланга; генералъ Карповъ, стоявшій съ казачьимъ отрядомъ на старой смоленской дорогѣ, донесъ о появленіи противъ него значительныхъ силъ, а со стороны Калочи непріятель замѣтно усиливался. Редутъ, недостроенный, разрушенный въ продолженіе боя, не представлялъ средствъ къ упорной оборонѣ, и потому Кутузовъ приказалъ князю Багратіону отойти на главную позицію. Багратіонъ, получивъ сіе приказаніе въ 11-мъ часу ночи, отступилъ въ тотъ самый моментъ, когда сильныя непріятельскія колонны снова двинулись въ атаку; а Компанъ, занявъ редутъ, овладѣлъ находившимися тамъ орудіями. По свидѣтельству самаго Барклая, нами было потеряно только три орудія. Темнота ночи, скрывъ отступленіе нашихъ войскъ, не дозволила непріятелю преслѣдовать ихъ (8).

Трудно сказать что-либо опредѣлительное на счетъ урона въ войскахъ обѣихъ сторонъ въ дѣлѣ при Шевардинѣ. Бутурлинъ считаетъ потерю каждой болѣе тысячи человѣкъ. Тіеръ говоритъ, что Французы потеряли отъ четырехъ до пяти, а Русскіе — отъ семи до восьми тысячъ. У Барклая нашъ уронъ показанъ въ шесть тысячъ человѣкъ. Бернгарди полагаетъ, что у насъ выбыло изъ фронта, въ дѣлѣ при Гридневѣ, Колоцкомъ мо-

настырѣ и Шевардинѣ, до шести тысячъ человѣкъ, а у Французовъ— до четырехъ тысячъ. Судя по ходу этихъ дѣлъ и по убыли войскъ обѣихъ сторонъ, съ 22-го по 24-е августа, потери были равномѣрны.

Въ продолженіе ночи съ 24-го на 25-е августа (съ 5-го на 6-е сентября н. ст.) непріятельскія войска были расположены слѣдующимъ образомъ: три дивизіи Даву кругомъ Шевардина; Мюратъ, съ корпусами Нансути, Монбрюна и Груши, между Шевардинымъ и Калочею; корпусъ Понятовскаго между Ельнею и Доронинымъ. На лѣвой сторонѣ Калочи: корпусъ вице-короля, котораго передовыя войска, въ продолженіе Шевардинскаго боя, покушались овладѣть Бородинымъ, сталъ въ виду этого села: двѣ дивизіи Даву (Жерара и Дессе), корпусъ Нея и гвардія, вмѣстѣ съ главною квартирою Наполеона, впереди и позади Валуева; а за ними корпуса Жюно и Латуръ-Мобура (9).

Съ нашей стороны, къ разсвѣту 25-го августа, для подкрѣпленія егерскихъ полковъ, занимавшихъ рощу на лѣвомъ крылѣ позиціи и овраги передъ фронтомъ ея, высланы были впередъ сводные гренадерскіе баталіоны 11-й, 23-й, 7-й и 24-й дивизіи. Графъ Воронцовъ, съ сводною гренадерскою дивизіею, занялъ флеши впереди семеновскаго; 27-я пѣхотная дивизія стала за флешами; 2-я гренадерская—за Семеновскимъ; 2-я кирасирская—за 2-ю гренадерскою; драгунскіе полки и Ахтырскіе гусары, бывшіе въ дѣлѣ при Шевардинѣ, присоединились къ 4-му кавалерійскому корпусу.

Сосредоточеніе значительной части непріятельскихъ силъ противъ центра и лѣваго крыла Бородинской позиціи заставило насъ обратить вниманіе на опасность угрожавшую нашему лѣвому флангу, который подвергался обходу, не будучи прикрытъ никакими значительными преградами. Еще 24-го августа (5-го сентября), князь Кутузовъ, по

предложенію Толя, послалъ инженеръ-капитана Фелькнера, для пріисканія въ лѣсахъ за лѣвымъ крыломъ, на старой смоленской дорогѣ, мѣстности удобной для скрытнаго расположенія части арміи, съ тою цѣлью, чтобы неожиданно ударить на непріятеля въ случаѣ наступленія его въ обходъ нашего лѣваго фланга. Капитанъ Фелькнеръ вскорѣ возвратился съ донесеніемъ, что такая мѣстность находилась за Утицкимъ курганомъ, въ верхней части Семеновскаго оврага. Полковникъ Толь, найдя эту позицію совершенно соотвѣтствующею цѣли дѣйствій, перевелъ туда, по приказанію князя Кутузова, изъ общаго резерва 3-й пѣхотный корпусъ, за которымъ стали семь тысячъ ратниковъ Московскаго Ополченія; остальные баталіоны ополченій Московскаго и Смоленскаго были размѣщены позади боевыхъ линій для поданія помощи раненымъ. Для сохраненія же связи 3-го пѣхотнаго корпуса съ арміею, приказано генералъ-маіору князю Шаховскому, съ 20-мъ, 21-мъ, 11-мъ и 41-мъ егерскими полками, занимать кусты между Семеновскою и Утицею.

Расположеніе 3-го корпуса Тучкова, въ видѣ уступа, за лѣвымъ флангомъ позиціи, подавало намъ возможность противодѣйствовать непріятельскому обходу; но вслѣдъ за тѣмъ оно было измѣнено Беннигсеномъ, который, не зная о распоряженіяхъ сдѣланныхъ Кутузовымъ и приведенныхъ въ исполненіе Толемъ, приказалъ Тучкову 1-му выдвинуть 3-й корпусъ на одну высоту съ егерскими полками, занимавшими кусты лѣвѣе флешей, къ селенію Утицѣ. Такимъ образомъ эта часть арміи была расположена на открытомъ пространствѣ, у подошвы высотъ въ послѣдствіи занятыхъ войсками Понятовскаго, подвергаясь какъ обходу, такъ и дѣйствію непріятельской артиллеріи, которое могло быть тѣмъ губительнѣе, что наша пѣхота была построена въ четыре линіи: первыя двѣ состояли изъ войскъ 3-й дивизіи, а заднія изъ

1-й гренадерской. Весьма замѣчательно, что Беннигсенъ не донесъ Кутузову о своемъ распоряженіи на счетъ 3-го корпуса, и какъ Тучковъ 1-й былъ убитъ въ Бородинской битвѣ, то многіе винили его напрасно въ самовольномъ измѣненіи позиціи ввѣренныхъ ему войскъ (10).

Составъ и число русскихъ войскъ въ Бородинскомъ сраженіи были слѣдующіе:

Подъ начальствомъ *генерала-отъ-инфантеріи Барклая де-Толли.*

Правое крыло,
генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича.

2-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Баггевута.

			Бат.
4-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора герцога Евгенія Виртембергскаго.	Пѣхотный полкъ	Тобольскій . .	2
	"	Волынскій . .	2
	"	Кременчугскій .	2
	"	Минскій . . .	2
	Егерскій полкъ	4-й	2
	"	34-й	2
	Батарейная рота	№ 4-го.	

			Бат.
17-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Олсуфьева.	Пѣхотный полкъ	Рязанскій . .	2
	"	Бѣлозерскій . .	2
	"	Брестскій . .	2
	"	Вильманстрандскій	2
	Егерскій полкъ	30-й	2
	"	48-й	2
	Батарейная рота	№ 17-го.	

Всего во 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ 24 баталіона съ 2-мя артиллерійскими ротами, въ числѣ 10,300 человѣкъ съ 24-мя орудіями.

4-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстаго.

		Бат.
11-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Бахметьева 2-го.	Пѣхотный полкъ Кексгольмскій	2
	„ Перновскій	2
	„ Полоцкій	2
	„ Елецкій	2
	Егерскій полкъ 1-й	2
	„ 33-й	2
	Сводные гренадерскіе	2
	Батарейная рота № 11-го.	

		Бат.
23-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Бахметьева 1-го.	Пѣхотный полкъ Рыльскій	2
	„ Екатеринбургскій	2
	„ Селенгинскій	2
	18-й егерскій полкъ	2
	Сводный гренадерскій батальонъ	1
	Легкая рота № 44-го.	

Всего въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ 23 баталіона съ 2-мя артиллерійскими ротами, въ числѣ 9,500 человѣкъ съ 24-мя орудіями.

1-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-адъютанта Уварова.

	Эскадр.
Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ	4
„ Гусарскій „	4
„ Уланскій „	4
„ Казачій „	4
Нѣжинскій драгунскій „	4
Елисаветградскій гусарскій „	8
Конно-артиллерійская рота № 5-го.	

Всего въ 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ 28 эскадроновъ съ одною артиллерійскою ротою, въ числѣ 2,500 человѣкъ съ 12-ю орудіями.

2-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-адъютанта барона Корфа.

		Эскадр.
Драгунскій полкъ	Псковскій	4
„	Московскій	4
„	Каргопольскій	4
„	Ингерманландскій	4
Уланскій полкъ	Польскій	8
Гусарскій полкъ	Изюмскій	8

Конно-артиллерійская рота № 4-го.

Всего во 2-мъ кавалерійскомъ корпусѣ 32 эскадрона съ одною артиллерійскою ротою, въ числѣ 3,500 человѣкъ съ 12-ю орудіями.

Ц е н т р ъ,

подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова.

6-й пѣхотный корпусъ, генерала Дохтурова.

			Бат.
7-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Капцевича.	Пѣхотный полкъ	Московскій	2
	„	Псковскій	2
	„	Софійскій	2
	„	Либавскій	2
	Егерскій полкъ	11-й	2
	„	36-й	2
	Сводные гренадерскіе		2
	Батарейная рота № 7-го.		

			Бат.
24-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Лихачева.	Пѣхотный полкъ	Уфимскій	2
	„	Ширванскій	2
	„	Бутырскій	2
	„	Томскій	2
	Егерскій полкъ	19-й	2
	„	40-й	2
	Сводные гренадерскіе		2
	Батарейная рота № 24-го.		

Всего въ 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ 28 баталіоновъ съ двумя артиллерійскими ротами, въ числѣ 9,900 человѣкъ съ 24-мя орудіями.

3-й кавалерійскій корпусъ, по болѣзни генералъ-лейтенанта графа Палена, находившійся подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Корфа.

			Эскадр.
	Драгунскій полкъ	Курляндскій	4
генералъ-маіора Крейца.	„	Оренбургскій	4
	„	Сибирскій	4
	„	Иркутскій	4
	Гусарскій полкъ	Сумскій	8
	„	Маріупольскій	8

Конно-артиллерійская рота № 9-го.

Всего въ 3-мъ кавалерійскомъ корпусѣ 32 эскадрона съ одною конно-артиллерійскою ротою, въ числѣ 3,700 человѣкъ.

Резервъ праваго крыла и центра.

5-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Лаврова.

	Бат.
Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.	3
„ „ Семеновскій „	3
„ „ Измайловскій „	3
„ „ Литовскій „	3
„ „ Егерскій „	3
„ „ Финляндскій „	3
Гвардейскій экипажъ	1
Сводные гренадерскіе баталіоны 4-й, 17-й, 1-й и 3-й дивизій	8

Всего въ 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ 27 баталіоновъ, въ числѣ 13,000 человѣкъ.

1-я кирасирская дивизія, генералъ-маіора Бороздина 2-го.

	Эскадр.
Кавалергардскій полкъ	4
Лейбъ-гвардіи конный полкъ	4

	Эскадр.
Кирасирскій полкъ Его Величества	4
„ „ Ея Величества	4
„ „ Астраханскій	4

Всего 20 эскадроновъ, въ 2,400 человѣкъ.

Резервная артиллерія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Левенштерна и полковника Эйлера.

		Ротъ.
Гвардейская артиллерійская бригада . .		6
Полев. артилл.	батарейныхъ ротъ. . .	6
	легкихъ „ . . .	9
	конныхъ „ . . .	5

одна піонерная и двѣ понтонныя роты.

Всего 26 батарей (300 орудій) (*) и три роты, въ числѣ 8,400 человѣкъ.

Отрядъ генерала-отъ-кавалеріи Платова.

14 казачьихъ полковъ съ двумя донскими батареями, въ числѣ 5,500 человѣкъ съ 24-мя орудіями.

ЛѢВОЕ КРЫЛО,

подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона, и подъ нимъ генералъ-лейтенантовъ князя Горчакова 2-го и князя Голицына.

7-й-пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго.

		Бат.
26-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Паскевича.	Пѣхотный полкъ Ладожскій . .	2
	„ „ Полтавскій . .	2
	„ „ Нижегородскій .	2
	„ „ Орловскій . . .	2
	Егерскій полкъ 5-й.	2
	„ „ 42-й	2
	Батарейная рота № 26-го и легкая рота № 47-го.	

(*) Въ обѣихъ гвардейскихъ конныхъ батареяхъ было по восьми орудій; при 1-й легкой гвардейской ротѣ состояли два орудія гвардейскаго морскаго экипажа.

ложился на высотахъ господствующихъ надъ большою дорогою, по которой надлежало отступать прусскимъ войскамъ. Часть бригады Штейнмеца успѣла отойти къ Леснигу; другая-же была отброшена къ Герсдорфу, близъ Гарты (Harta), и подвергалась опасности быть подавленною превосходными въ числѣ непріятельскими силами. Вице-король надѣялся быстрымъ движеніемъ къ Вальдгейму отрѣзать отступленіе русскому арріергарду. Между тѣмъ—Милорадовичъ получилъ отъ генералъ-квартирмейстера арміи барона Дибича извѣстіе о расположеніи генералъ-адъютанта графа Сенъ-Пріеста, со 2-ю гренадерскою дивизіей, у Герсдорфа, гдѣ приказано было оставаться ему до прибытія арріергарда къ Вальдгейму. Генералъ Милорадовичъ, тогда уже успѣвъ переправититья у Рохлица, и замѣтя по направленію выстрѣловъ, что непріятель обошелъ Штейнмеца и двигался къ Вальдгейму, послалъ на усиленіе графа Сенъ-Пріеста часть своихъ войскъ, подъ командою начальника штаба арріергарда, полковника Сипягина, за которою послѣдовалъ самъ съ остальными полками.

Въ ожиданіи сихъ подкрѣпленій, графъ Сенъ-Пріестъ, какъ только примкнула къ нему часть бригады Штейнмеца, отступившая къ Герсдорфу, расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: деревня Герсдорфъ была занята Малороссійскимъ и Сибирскимъ полками, поддержанными Фанагорійскимъ полкомъ; остальные-же три гренадерскихъ полка, прусская пѣхота и Лейбъ-уланскій полкъ ([19]) стали въ резервѣ. Въ кустарникѣ передъ фронтомъ и въ лѣсу по лѣвую сторону селенія были разсыпаны стрѣлки; правѣе селенія и лѣвѣе лѣса расположилась прусская кавалерія. Въ три съ половиною часа по полудни, непріятель открылъ огонь изъ двадцати орудій и повелъ шестью колоннами атаку на деревню Герсдорфъ. Русская артиллерія дѣйствовала весьма удачно; гренадеры два раза ходили въ штыки, но не могли удержаться противъ не-

	Эскадр.
Литовскій уланскій	8
Конно-артиллерійская рота № 10-го.	

Всего 32 эскадрона и одна артиллерійская рота, въ числѣ 3,800 человѣкъ.

Резервъ лѣваго крыла.

		Бат.
Сводная гренадерская дивизія генералъ-маіора графа Воронцова.	Сводные батал. 26-й див. . .	2
	„ „ 12-й „ . .	2
	„ „ 2-й „ . .	2

Всего 6 баталіоновъ (*), въ числѣ 2,100 человѣкъ.

		Эск.
2-я кирасирская дивизія генералъ-маіора Дуки . . .	Кирас. полкъ Екатериносл. . .	4
	„ „ Военн. Орд. . .	4
	„ „ Глуховскій . . .	4
	„ „ Малороссійск. . .	4
	„ „ Новгородск. . .	4

Всего 20 эскадроновъ, въ числѣ 2,300 человѣкъ.

Резервная артиллерія лѣваго крыла, всего 7 артиллерійскихъ ротъ, одна піонерная и одна понтонная роты, въ числѣ 2,400 человѣкъ.

На старой смоленской дорогѣ.

3-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го.

		Бат.
1-я гренадерская дивизія генералъ-маіора графа Строгонова	Лейбъ-гренадерскій полкъ . .	2
	Гренадерскій полкъ графа Аракчеева . . .	2
	„ „ Павловскій . . .	2
	„ „ С.-Петербургскій .	2
	„ „ Екатеринославск. .	2
	„ „ Таврическій . . .	2
	Батарейная рота № 1-го и Легкія №№ 1-го и 2-го.	

(*) Сводные баталіоны 7-й и 24-й дивизій, были высланы для поддержанія егерей разсыпанныхъ впереди фронта позиціи.

		Бат.
3-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Коновницына.	Пѣхотный полкъ Муромскій . .	2
	„ „ Ревельскій . .	2
	„ „ Черниговскій .	2
	„ „ Капорскій . .	2
	Егерскій полкъ 20-й . . .	2
	„ „ 21-й . . .	2
	Батарейная рота № 3-го и Легкія №№ 5-го и 6-го.	

Всего въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ 24 баталіона и шесть артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ 8,000 человѣкъ съ 72-мя орудіями.

Отрядъ генералъ-маіора Карпова.

Шесть казачьихъ полковъ, въ числѣ 1,500 человѣкъ.

Московское Ополченіе, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Маркова.

Смоленское Ополченіе, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лебедева.

Вообще же въ Россійской арміи состояло: 180 баталіоновъ, 164 эскадрона, 55 артиллерійскихъ ротъ и батарей, одна піонерная и 3 понтонныя роты, въ числѣ 103,800 человѣкъ, съ 640 орудіями, и, кромѣ того, 7,000 казаковъ и 10,000 ратниковъ ([11]).

Составъ и число Наполеоновыхъ войскъ бывшихъ въ сраженіи при Бородинѣ.

1-й пѣхотный корпусъ Даву, изъ пяти пѣхотныхъ дивизій, всего 84 баталіона, въ числѣ 36,402 человѣкъ съ 147 орудіями, не считая легкой кавалерійской бригады, въ составѣ 16 эскадроновъ, находившейся вмѣстѣ съ резервомъ Мюрата.

3-й пѣхотный корпусъ Нея, изъ 3-хъ пѣхотныхъ дивизій, всего 33 баталіона, въ числѣ 10,314 человѣкъ

съ 69-ю орудіями, не считая легкой кавалерійской бригады, въ составѣ 16-ти эскадроновъ, приданной резерву Мюрата (*).

4-й пѣхотный корпусъ, Вице-короля Италійскаго, изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій, 2-хъ кавалерійскихъ бригадъ и италіянской гвардіи, 39 баталіоновъ и 28-ми эскадроновъ, въ числѣ 23,528 человѣкъ съ 88-ю орудіями (**).

5-й пѣхотный корпусъ, князя Понятовскаго, изъ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, 18 баталіоновъ и 12 эскадроновъ, въ числѣ 10,068 человѣкъ съ 50-ю орудіями.

8-й пѣхотный корпусъ, Жюно, изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской бригады, 14 баталіоновъ и 8 эскадроновъ, въ числѣ 8,868 человѣкъ съ 30-ю орудіями.

Резервная кавалерія, подъ начальствомъ Мюрата: *1-й кавалерійскій корпусъ* Нансути, изъ трехъ дивизій, 60 эскадроновъ; 2-й кавалерійскій корпусъ Монбрюна, изъ 3-хъ дивизій, 60 эскадроновъ; *3-й кавалерійскій корпусъ* Груши, изъ двухъ дивизій, 32 эскадрона; *4-й кавалерійскій корпусъ* Латуръ-Мобура, изъ одной дивизіи и одной бригады, 30 эскадроновъ (***); всего, вмѣстѣ съ легкими бригадами, отряженными отъ корпусовъ Даву и Нея, въ числѣ 17,600 человѣкъ съ 94-мя орудіями. *Гвардія*, Старая и Молодая, изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, одной кавалерійской, и нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, 31 баталіонъ и 32 эскадрона, въ числѣ 18,862 человѣкъ съ 109-ю орудіями (12).

(*) Pelet. Bataille de la Moscowa.—У Шрекенштейна (Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa. 163), при 3-мъ корпусѣ, показано 24 эскадрона.

(**) Pelet. У Шрекенштейна показано 40 эскадроновъ.

(***) Pelet. У Шрекенштейна (162), показано 48 эскадроновъ.

Вообще же французскіе писатели считаютъ число Наполеоновыхъ войскъ, находившихся въ сраженіи при Бородинѣ, отъ 120,000 до 130,000 человѣкъ ([13]). Въ вѣдомости поданной Наполеону въ Гжатскѣ, 2-го сентября н. ст. (21-го августа), показано наличное число войскъ 126,498 человѣкъ; до сраженія при Бородинѣ присоединились: остававшійся назади корпусъ Латуръ-Мобура, силою до 3,000 человѣкъ; отряженная отъ арміи въ окрестностяхъ Смоленска дивизія Пажоля (корпуса Монбрюна), 1,400 человѣкъ, и часть командъ, высланныхъ въ числѣ 7,320 человѣкъ, для добыванія съѣстныхъ запасовъ, всего же прибыло, по крайней мѣрѣ, 10,000 человѣкъ. Но изъ этого числа слѣдуетъ выключить войска, оставленныя для занятія Гжатска (*), и потерю выбывшими изъ фронта, въ дѣлахъ при Гридневѣ, Колоцкомъ-монастырѣ и Шевардинѣ, а также заболѣвшими и отсталыми, что̀ въ совокупности не превышало 6-ти или 8-ми тысячъ. Слѣдовательно, можно опредѣлить безошибочно число войскъ обѣихъ сторонъ слѣдующимъ образомъ:

	Съ нашей стороны:		Со стороны непріятеля:
Пѣхоты . . .	72,000	„	86,000
Кавалеріи . . .	17,500	„	28,000
Артиллеріи, піонеровъ и пр. . .	14,300	„	16,000
Съ 640 орудіями.		„	Съ 587-ю орудіями ([14]).
Казаковъ. . .	7,000		
Ополченія до. .	10,000		

Всего же русскихъ войскъ было 120,800 человѣкъ, а за исключеніемъ иррегулярныхъ войскъ, почти вовсе не участвовавшихъ въ сраженіи, и ополченія, бо̀льшею частью

(*) Именно: 8-го линейный вестфальскій полкъ (2 батал.), 3-го баталіонъ 1-го линейнаго полка легіона Вислы и депо 1-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ. Извлеч. изъ вѣдомости подписанной гжатскимъ комендантомъ Юргелемъ (Urguel).

вооруженнаго пиками и не могшаго принесть большую пользу въ бою, мы имѣли около 104,000 человѣкъ противъ 130,000 человѣкъ войскъ непріятельскихъ. Принимая же во вниманіе, что, при движеніи Наполеона къ Смоленску, число войскъ Великой арміи простиралось до ста восьмидесяти тысячъ человѣкъ, очевидно, что подъ Бородинымъ въ ней должно было оставаться, по-крайней-мѣрѣ, до ста сорока тысячъ человѣкъ. Къ тому же въ русской арміи было до 15,000 на-скоро обученныхъ рекрутъ, никогда еще не бывшихъ въ огнѣ, а Наполеонова армія состояла изъ старыхъ солдатъ: это были надежнѣйшіе люди изъ 300,000 воиновъ вступившихъ въ предѣлы Россіи, перенесшіе всѣ трудности и лишенія тяжкаго похода и оставившіе на пути за собою всѣхъ слабосильныхъ конскриптовъ. Слѣдовательно, на сторонѣ Наполеона было несомнѣнное превосходство въ силахъ. Что касается до непріятельской кавалеріи, то хотя она была гораздо многочисленнѣе нашей, однакожь не имѣла большаго превосходства въ дѣйствительности, потому-что лошади ея, терпя постоянно недостатокъ въ фуражѣ, находились въ плохомъ состояніи. Въ артиллеріи мы имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ, нетолько по числу орудій (640 противъ 587), но и по калибру ихъ. Въ числѣ нашихъ батарей четвертая часть состояла изъ батарейныхъ орудій, а прочія всѣ изъ легкихъ 6-ти-фунтоваго и $^{1}/_{4}$ пудоваго калибра; напротивъ того — у Наполеона, едва десятая часть состояла изъ батарейныхъ орудій, а въ числѣ прочихъ было до 160-ти полковыхъ орудій.

Весь день 25-го августа (6-го сентября) прошелъ въ приуготовленіяхъ къ бою. Появленіе значительныхъ непріятельскихъ силъ на правой сторонѣ Калочи, въ продолженіе Шевардинскаго боя, не позволяло намъ сомнѣваться въ томъ, что Наполеонъ предполагалъ направить главныя усилія на лѣвое наше крыло — слабѣйшій пунктъ Бородинской позиціи. Очевидно было, что корпусъ Тучкова, въ чи-

слѣ 8-ми тысячъ человѣкъ, не могъ удержать непріятеля. Нѣкоторые изъ русскихъ генераловъ предлагали князю Кутузову сдѣлать, при наступленіи ночи, передвиженіе войскъ, такъ, чтобы правый флангъ Первой арміи опирался на высоту селенія Горокъ, а лѣвый примкнулъ къ деревнѣ Семеновской; Вторую же армію расположить тамъ, гдѣ стоялъ 3-й пѣхотный корпусъ; а для наблюденія пространства вправо отъ Горокъ, оставить восемь, либо десять баталіоновъ, поддержанныхъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и казаками Платова. Такое расположеніе представляло многія выгоды: занятіе боевыми линіями меньшаго протяженія позволяло сохранять резервы; князь Багратіонъ, не будучи атакованъ, либо имѣя противъ себя несравненно меньшія силы, могъ направиться во флангъ непріятелю атакующему Первую армію. Кутузовъ, повидимому, одобрялъ это предположеніе, но не исполнилъ его ([15]).

Еще до разсвѣта 25-го августа (6-го сентября) Наполеонъ отправился на рекогносцировку нашей позиціи. Онъ боялся, чтобы русская армія снова не уклонилась отъ боя. Но опасеніе его было напрасно: Кутузовъ рѣшился сражаться и имѣлъ на то весьма основательныя причины. Онъ не могъ льстить себя надеждою одержать рѣшительную побѣду; но для него достаточно было удержаться въ своей позиціи и преградить непріятелю путь къ Москвѣ, и даже нерѣшительное сраженіе было выгодно для Русскихъ, потому-что заставляло Наполеона снова искать боя. Напротивъ того, для Наполеона было необходимо нанести такой ударъ, который побудилъ бы наше Правительство къ заключенію мира. Какъ только онъ лишался возможности рѣшить быстро участь войны, то успѣхъ его дѣйствій, по отдаленію отъ источниковъ средствъ къ веденію войны, по наступленію неблагопріятнаго времени года и по безпрестанному усиленію русской арміи, содѣлывался весьма сомнительнымъ. Кутузовъ вполнѣ постигалъ выгоды сво-

его положенія; къ тому же—онъ не могъ отступить, не сразившись въ защиту нашей первопрестольной столицы.

Во весь день 25-го августа (6-го сентября), Наполеонъ почти не сходилъ съ коня, обозрѣвая бородинскія окрестности. Прежде всего, онъ отправился къ итальянскому корпусу и осмотрѣлъ во всей подробности теченіе Калочи и впадающей въ нее рѣчки Войны. Здѣсь, противъ Бородина, онъ приказалъ соорудить нѣсколько укрѣпленій. Затѣмъ — поѣхалъ къ Шевардину и взятому наканунѣ редуту, посѣтилъ войска Понятовскаго въ лѣсу, на правомъ крылѣ своей арміи, обозрѣлъ съ высоты между Доронинымъ и Утицею позицію нашего лѣваго крыла и возвратился къ итальянскому корпусу. Во время обѣда прибылъ къ нему изъ Испаніи полковникъ Фавье съ извѣстіемъ о пораженіи Мармона при Саламанкѣ. Затѣмъ — Наполеонъ обозрѣлъ еще разъ окрестности Бородина, при чемъ сдѣлано было по немъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, и возвратился къ вечеру въ свою ставку, гдѣ, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній, сдѣлалъ распоряженія къ предстоявшей битвѣ.

Французскіе писатели увѣряютъ, что Даву, обозрѣвъ мѣстность на правомъ крылѣ расположенія французской арміи и убѣдясь въ возможности обойти нашу позицію съ лѣваго фланга, предложилъ Наполеону исполнить, съ своими пятью дивизіями, этотъ обходъ по старой смоленской дорогѣ, въ продолженіе ночи, ударить съ этой стороны во флангъ русской арміи и опрокинуть ее въ уголъ образуемый рѣкою Москвою съ Калочею. Наполеонъ судилъ иначе: онъ опасался, что, при движеніи чрезъ лѣсъ корпуса Даву, французская армія была бы раздѣлена, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, на двѣ части, совершенно разобщенныя одна отъ другой, и къ тому же полагалъ, что Русскіе, видя себя обойденными, могли отступить и отказаться отъ генеральнаго сраженія, успѣхъ въ которомъ со-

ставлялъ послѣднюю надежду слишкомъ далеко зашедшаго завоевателя. Принявъ во вниманіе, что обходъ предложенный маршаломъ Даву требовалъ ночнаго движенія въ лѣсистой, незнакомой мѣстности, нельзя не усомниться въ успѣхѣ такого дѣйствія, несравненно болѣе сложнаго, нежели неудавшійся обходъ Жюно въ Валутинскомъ сраженіи.

Наполеонъ, имѣя въ виду атаковать Багратіоновы флеши войсками Компана, призвалъ его къ себѣ, чтобы объявить ему лично это лестное назначеніе. Компанъ предложилъ провести ввѣренную ему дивизію лѣсомъ, чтобы не подвергнуть войскъ сильному картечному огню нашихъ флешей. Маршалъ Ней, въ присутствіи котораго было выражено сіе мнѣніе, оспаривалъ его, полагая, что движеніе чрезъ лѣсъ могло разстроить войска; но когда Компанъ замѣтилъ, что этотъ лѣсъ былъ имъ осмотрѣнъ и найденъ проходимымъ, тогда Наполеонъ одобрилъ его предположеніе. Генералъ Компанъ изъявилъ опасеніе, чтобы русскія войска не обошли его справа и не заняли лѣса, разобщивъ его съ Понятовскимъ. „Вы правы—отвѣчалъ Наполеонъ — чтобы этого не случилось, располагайте войсками дивизіи Дессѐ“ ([16]).

Чтобы дать понятіе о предварительныхъ распоряженіяхъ Наполеона къ Бородинскому сраженію, предлагаемъ диспозиціи отданныя по его приказанію 6-го сентября н. ст. (25-го августа) начальникомъ штаба Большой арміи, княземъ Невшательскимъ (Бертье).

№ I.

Съ разсвѣтомъ двѣ новыя батареи, (*) устроенныя въ ночи, на равнинѣ, занимаемой принцемъ Экмюльскимъ (**),

(*) Каждая на 24 орудія. Сооруженіе нхъ было поручено генераламъ Ларибуасьеру и Шасслу (диспозиція № 2-го, подписанная начальникомъ штаба Бертье).

(**) Даву.

откроютъ огонь по двумъ противостоящимъ батареямъ непріятельскимъ.

Въ это же время, начальникъ артиллеріи 1-го корпуса, генералъ Пернетти, съ 30-ю орудіями дивизіи Компана и всѣми гаубицами дивизій Дессе и Фріана, двинется впередъ, откроетъ огонь и засыплетъ гранатами непріятельскую батарею, противъ которой будутъ дѣйствовать:

24 орудія гвардейской артиллеріи,
30 орудій дивизіи Компана
и 8 орудій дивизій Фріана и Дессе.

всего 62 орудія.

Начальникъ артиллеріи 3-го корпуса, генералъ Фуше, поставитъ всѣ гаубицы 3-го и 8-го корпусовъ, всего 16, по флангамъ батареи, которая назначена обстрѣливать лѣвое укрѣпленіе, что составитъ противъ него вообще 40 орудій.

Генералъ Сорбье долженъ быть готовъ, по первому приказанію, вынестись со всѣми гаубицами гвардейской артиллеріи противъ одного, либо другаго укрѣпленія.

Въ продолженіе канонады, князь Понятовскій направится на деревню, въ лѣсъ, и обойдетъ непріятельскую позицію.

Генералъ Компанъ двинется чрезъ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ.

По вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны приказанія соотвѣтственно дѣйствіямъ непріятеля.

Канонада на лѣвомъ флангѣ начнется, какъ только будетъ услышана канонада праваго крыла. Стрѣлки дивизіи Морана и дивизіи вице-короля откроютъ сильный огонь, увидя начало атаки праваго крыла.

Вице-король овладѣетъ деревнею (*) и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ ди-

(*) Вѣроятно—Бородинымъ.

визіями Морана и Жерара, которыя, подъ его предводительствомъ, направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ прочими войсками арміи.

Все это должно быть исполнено въ порядкѣ (le tout se fera avec ordre et méthode), сохраняя по возможности войска въ резервѣ.

Въ императорскомъ лагерѣ близъ Можайска, 6-го сентября 1812 года.

№ II.

Императорскій лагерь подъ Можайскомъ, 6-го сентября 1812 года.

Господину маршалу, князю Экмюльскому.

Императору угодно, чтобы завтра, 7-го, въ 5 часовъ утра, дивизія Компана была построена по-бригадно въ лѣсу передъ редутомъ вчера взятымъ, имѣя впереди себя 16 орудій резервной артиллеріи 1-го корпуса и 14 орудій принадлежащихъ къ сей дивизіи, всего 30 орудій. Дивизія Дессе будетъ расположена вами, господинъ маршалъ, такимъ же образомъ, между взятымъ вчера редутомъ и лѣсомъ, съ 14-ю орудіями при ней находящимися, поставленными на лѣвомъ ея крылѣ. Дивизія Фріана построится тоже по-бригадно на одной высотѣ съ редутомъ.

Маршалу герцогу Эльхингенскому (*) приказано принять подъ начальство 8-й корпусъ. Онъ поставитъ три дивизіи 3-го корпуса за редутомъ вчера взятымъ, построивъ ихъ по-бригадно и расположивъ ихъ артиллерію на лѣвомъ крылѣ. За тремя дивизіями 3-го корпуса станутъ двѣ дивизіи 8-го корпуса, по-бригадно, имѣя свою артиллерію также на лѣвомъ крылѣ. Что же касается до императорской гвардіи, она вся будетъ построена по-бригадно, влѣво за редутомъ—Молодая гвардія впереди Старой

(*) Ней.

гвардіи и гвардейской артиллеріи. Вся гвардейская артиллерія расположится на лѣвомъ крылѣ.

Кавалерія короля Неаполитанскаго, состоящая изъ 1-го, 2-го и 4-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, построится въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ (en bataille par escadrons) вправо отъ редута.

Всѣ войска займутъ указанныя для нихъ мѣста къ 5-ти часамъ. Сообщивъ вамъ приказанія на счетъ артиллеріи и инженеровъ, я счелъ полезнымъ сдѣлать вамъ также извѣстными всѣ распоряженія относящіяся къ правому крылу арміи.

Принцъ Невшательскій,
начальникъ главнаго Штаба.

P.S. Завтра дивизіи Морана и Жерара будутъ состоять подъ начальствомъ вице-короля.

Въ диспозиціи по войскамъ князя Кутузова было изложено распредѣленіе войскъ въ боевыхъ линіяхъ и въ резервѣ. Въ заключеніе было сказано: „Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость русскихъ воиновъ, при счастливомъ отпорѣ непріятельскихъ силъ, дамъ повелѣнія на преслѣдованіе, для чего и буду ожидать безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ, находясь за 6-мъ корпусомъ.

„При семъ случаѣ не излишнимъ почитаю представить г.г. главнокомандующимъ, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долѣе, ибо тотъ генералъ, который сохранилъ резервъ, еще не побѣжденъ. Въ случаѣ наступленія, производить оное въ колоннахъ къ атакѣ, не заниматься стрѣльбою, а дѣйствовать быстро холоднымъ оружіемъ. Въ интервалахъ между пѣхотными колоннами имѣть, также въ колоннахъ, часть кавалеріи для подкрѣпленія атаки.“

Хотя Калоча была проходима вбродъ почти на всемъ своемъ теченіи, однакожь Французы устроили на этой рѣчкѣ нѣсколько мостовъ на козлахъ, для удобнѣйшаго со-

общенія. По правую сторону Шевардина сооружены были двѣ большія батареи для обстрѣливанія Багратіоновыхъ флешей; третья батарея, впереди войскъ вице-короля, должна была открыть огонь противъ большаго редута. Всѣ эти батареи, построенныя слишкомъ далеко отъ пунктовъ, по которымъ надлежало имъ дѣйствовать, не принесли никакой пользы (17).

Непріятельскія войска были оставлены на-мѣстѣ во весь день 25-го августа (6-го сентября), чтобы не открыть преждевременно предположеннаго Наполеономъ направленія главной атаки. Но едва лишь стемнѣло, всѣ части войскъ выступили на указанные для нихъ пункты и къ тремъ часамъ утра уже окончили свое передвиженіе. *На правомъ крылѣ,* въ Утицкомъ лѣсу, находился корпусъ Понятовскаго, назначенный для наступленія по старой смоленской дорогѣ. *Въ центрѣ* стояли слѣдующія войска: три дивизіи корпуса Даву, подъ личнымъ его начальствомъ, частью у опушки лѣса, впереди Шевардинскаго редута (дивизіи Компана и Дессе), частью лѣвѣе редута за селеніемъ Шевардинымъ (дивизія Фріана); корпусъ Нея лѣвѣе Фріана; корпусъ Жюно—позади Нея; дивизія Морана (1-го корпуса Даву, оставленная вмѣстѣ съ дивизіею Жерара подъ начальствомъ вице-короля), перейдя на правую сторону Калочи, стала впереди селенія Алексинки; кавалерійскіе корпуса Нансути, Монбрюна и Латуръ-Мобура впереди Доронина (*): всѣ войска центра были назначены для атаки Багратіоновыхъ флешей и курганной батареи. *На лѣвомъ крылѣ,* за Калочею, остались: дивизія Жерара, корпусъ вице-короля, италіянская гвардія и кавалерійскій корпусъ Груши. Французская гвардія, перейдя на правую

(*) На счетъ расположенія этихъ корпусовъ нельзя сказать ничего достовѣрнаго, по разногласію имѣющихся о томъ свѣдѣній. Такъ наприм. у Шрекенштейна сказано, что корпусъ Латуръ-Мобура стоялъ за интерваломъ между корпусами Нансути и Монбрюна.

сторону Калочи, расположилась позади дивизіи Фріана, влѣво отъ Доронина; ставка Наполеонова передъ разсвѣтомъ была перенесена черезъ Калочу и поставлена влѣво отъ Шевардинскаго редута ([18]).

И съ нашей стороны —весь день 25-го авгуcта прошелъ въ приготовленіяхъ къ бою. Князь Кутузовъ велѣлъ пронести вдоль линій войскъ Чудотворную икону Божіей Матери, спасенную усердіемъ нашихъ воиновъ во время занятія непріятелемъ Смоленска и съ той поры постоянно сопровождавшую русскія войска. Подобно тому, какъ нѣкогда было предъ Куликовскимъ побоищемъ, сто-тысячная армія въ стройныхъ рядахъ встрѣчала ликъ своей Заступницы. Духовенство шло въ богатыхъ ризахъ, по временамъ останавливаясь и совершая молебствіе; кадила дымились, свѣчи теплились, Святая икона медленно шествовала; тысячи благочестивыхъ воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменіе и молясь съ усердіемъ. Главнокомандующій, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли ([19]). Въ продолженіе этого дня онъ подъѣзжалъ къ нѣкоторымъ полкамъ и говорилъ съ солдатами: слова его быстро передавались въ арміи и усиливали общую готовность—положить животъ въ защиту Москвы и Россіи ([20]). Иностранные писатели говорятъ о двойной порціи пищи и вина, розданной будто бы въ сей день нашимъ солдатамъ по приказанію Кутузова. Дѣйствительно, благодаря усердію добраго русскаго народа и близости Москвы, наши войска тогда имѣли въ изобиліи все нужное; но очевидцы говорятъ, что на призывъ квартиргеровъ къ чаркѣ многіе изъ солдатъ отвѣчали: „не къ тому готовимся; не такой завтра день“ ([21]). Таково было общее настроеніе умовъ въ нашей арміи: не было замѣтно въ ней унынія, но не было также и шумнаго восторга. Предстоящая битва, священная въ понятіяхъ Русскихъ, вызывала торжественную тишину и молчаніе. Несмотря на сырость

воздуха, пробиравшую до костей нашихъ воиновъ, они разводили бивачные огни какъ-бы нехотя.

Напротивъ того, въ непріятельской арміи огромные костры пылали по всему пространству занятому въ ночи войсками Наполеона. Несмотря на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, Французы были возбуждены надеждою прекращенія трудовъ и лишеній, которая манила ихъ такъ долго, и наконецъ готова была осуществиться. Только войска, совершившія передвиженіе въ ночи, не успѣли развести огней и провели остальное время, лежа на сырой землѣ, въ ожиданіи боя ([22]).

Таковы были приготовленія къ огромнѣйшей изъ битвъ со времени изобрѣтенія пороха. На пространствѣ квадратной мили находилось двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, болѣе шестидесяти тысячъ лошадей и болѣе 1,200 орудій. Съ одной стороны были воины пришедшіе съ крайнихъ предѣловъ запада и юга Европы, большею частью опытные, участвовавшіе во многихъ битвахъ, и въ челѣ ихъ величайшій полководецъ нашего времени; съ другой, стояли воины со всѣхъ областей обширнаго русскаго царства, прибывшіе отъ Ледовитаго моря, Урала и Каспія, изъ отдаленной Сибири и съ Кавказа, уступавшіе въ боевой опытности противникамъ, но закаленные въ трудахъ и лишеніяхъ и предводимые полководцемъ, на котораго возлагала надежду вся Россія.

Поутру въ третьемъ часу, Наполеонъ, послѣ краткаго отдыха, несмотря на простуду, которую чувствовалъ еще съ вечера, снова предался кипучей дѣятельности, составлявшей отличительную черту его характера. Первыя слова его были: „Что дѣлается у Русскихъ?“ Получивъ въ отвѣтъ, что наши войска оставались на-мѣстѣ, онъ былъ очень обрадованъ и выйдя изъ своей палатки съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Коленкуромъ, сказалъ собравшимся

около него во множествѣ офицерамъ: „Сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица“ (23).

Въ пять часовъ Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ правому флангу войскъ назначенныхъ для главной атаки. Все готово. Ординарцы съ приказаніями мчатся во всѣ стороны. Армія строится къ бою; ротные и эскадронные командиры читаютъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ слѣдующій приказъ:

„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!“

ГЛАВА XXII.

Сраженіе при Бородинѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Планъ дѣйствій Наполеона.— Наполеонъ и Кутузовъ.— Канонада въ началѣ сраженія.— Атака Даву на Багратіоновы флеши.— Атака Дельзона на Бородино.— Наступленіе Нея и непріятельской резервной кавалеріи. Усиленіе лѣваго крыла нашей позиціи.—Атака Нея, Даву и Мюрата на Багратіоновы флеши.—Прибытіе Коновницына съ 3-ею пѣхотною дивизіею. —Канонада у Семеновскихъ высотъ.—Багратіонъ тяжело раненъ.— Окончательное взятіе Французами флешей и отступленіе Русскихъ за Семеновку.—Кавалерійскія атаки Нансути и Латуръ-Мобура.—Геройское сопротивленіе Измайловскаго и Литовскаго (нынѣшняго Московскаго) полковъ.—Взятіе Французами Семеновскаго.—Положеніе лѣваго крыла нашей арміи.
Расположеніе Тучкова 1-го у кургана близъ Утицы.—Взятіе Понятовскимъ кургана.—Взятіе вице-королемъ батареи Раевскаго.—Подвигъ Ермолова.— Барклай де-Толли.— Смерть Кутайсова.— Смерть Монахтина.— Фланговое движеніе 2-го пѣхотнаго корпуса. — Дѣйствія принца Евгенія Виртембергскаго. — Обратное взятіе Утицкаго кургана Тучковымъ 1-мъ.— Распоряженія Кутузова для атаки лѣваго крыла непріятельской арміи и для усиленія нашего центра.—Намѣреніе Наполеона возобновить атаку на центръ нашей позиціи.

Описанія генеральныхъ сраженій, бо́льшею частью, не полны и неудовлетворительны. Причиною тому самое существо предмета, требующее соблюденія условій несогласныхъ, и даже противорѣчащихъ между собою. Съ одной стороны необходимо сохранить послѣдовательность и взаимную связь всѣхъ актовъ битвы — великой драмы, нерѣдко рѣшающей судьбу царствъ и народовъ; съ другой — требуется выказать частные подвиги множества

лицъ въ ней участвовавшихъ. Необходимо соблюсти единство при начертаніи картины дѣйствій различныхъ частей войскъ, въ одни и тѣ же моменты боя, и войти въ подробности, безъ которыхъ разсказъ сраженія не полонъ и безцвѣтенъ. И все это должно создать, воспроизвести, изъ отрывочныхъ, безсвязныхъ свѣдѣній, переданныхъ очевидцами, отъ которыхъ, въ разгарѣ сраженія, при напряженной дѣятельности, невозможно ожидать безпристрастной наблюдательности. Принимая въ разсчетъ вліяніе страстей, не чуждыхъ даже и великимъ людямъ, историкъ встрѣчаетъ съ недовѣрчивостью показанія очевидцевъ, но не можетъ обойтиться безъ ихъ помощи, и потому, принявъ на себя священную обязанность жреца истины, бываетъ поставленъ въ тягостное положеніе — увѣрять въ томъ, въ чемъ не убѣжденъ самъ. Нетолько трудно, но почти невозможно оцѣнить вполнѣ относительное вліяніе на успѣхъ боя: соображеній главнокомандующаго, находчивости частныхъ начальниковъ, твердости духа войскъ и — наконецъ — случая играющаго столь важную роль во всѣхъ сраженіяхъ. Не менѣе затрудненій представляетъ точный разсчетъ времени и пространства, на которомъ основаны: доставленіе свѣдѣній главнокомандующему и частнымъ начальникамъ, передача ихъ распоряженій войскамъ и исполненіе отданныхъ приказаній. Все сказанное нами показываетъ, почему именно такъ рѣдки отчетливыя описанія большихъ сраженій и можетъ хотя отчасти пояснить — почему сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ военно-историческихъ сочиненіяхъ.

Сообразно ходу Бородинскаго сраженія, можно раздѣлить изложеніе его на двѣ части: первую, отъ начала боя до окончательнаго занятія непріятелемъ Багратіоно-

выхъ флешей и Семеновскаго, или отъ шести часовъ утра до полудня, и вторую, заключающую въ себѣ овладѣніе непріятелемъ батареи Раевскаго и послѣдующія событія до конца сраженія, или дѣйствія отъ полудня до 6-ти часовъ вечера (1).

1) *Отъ начала боя до взятія непріятелемъ флешей и Семеновскаго.*

Наполеонъ предполагалъ, открывъ сраженіе усиленною канонадою, направленною на Багратіоновы флеши, батарею Раевскаго и Бородино, повести двѣ главныя атаки, одну на флеши, другую на батарею Раевскаго, а противъ Бородина и праваго нашего крыла оставить небольшую часть силъ, для наблюденія и для фальшивой атаки. Понятовскій долженъ былъ идти по старой смоленской дорогѣ и, поравнявшись съ флешами, атаковать ихъ съ фланга. Говорятъ, будто-бы Наполеонъ не зналъ о передвиженіи Тучкова 1-го на старую смоленскую дорогу и потому направилъ по ней Понятовскаго въ обходъ нашего лѣваго крыла, а прочія войска намѣренъ былъ двинуть послѣдовательно эшелонами съ праваго фланга. Корпусамъ Даву и Нея, поддержаннымъ Вестфальцами Жюно, надлежало идти прямо на Багратіоновы флеши. Вице-королю поручено, выждавъ начало сей атаки, овладѣть Бородинымъ, переправиться съ бо̀льшею частью силъ черезъ Калочу и атаковать батарею Раевскаго. Кавалерійскіе корпуса Нансути, Латуръ-Мобура и Монбрюна были назначены для поддержанія Даву и Нея; корпусъ Груши долженъ былъ слѣдовать за войсками вице-короля, а гвардія—оставаться въ резервѣ (2).

Въ продолженіе битвы, Наполеонъ бо̀льшею частью находился впереди Шевардинскаго редута, на высотѣ, въ разстояніи около полуторы версты отъ первой линіи нашихъ войскъ; вправо отъ него были видны Багратіоновы флеши; влѣво — батарея Раевскаго. Кругомъ его стояла гвардія въ полной парадной формѣ. Здѣсь прохажи-

вался онъ вдоль редута, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ штаба Бертье, по временамъ останавливаясь и разсылая приказанія въ различныя стороны; всѣ движенія многочисленной его арміи совершались по его приказаніямъ, по многіе изъ имѣвшихъ случай видѣть Наполеона въ этотъ роковой день не узнавали въ немъ героя Лоди и Ваграма; не было замѣтно въ немъ прежней рѣшимости; не являлся онъ, какъ бывало прежде, вездѣ, гдѣ надлежало ему склонить на свою сторону колебавшуюся побѣду. Полагаютъ, что причинами тому были простуда и утомленіе его накапунѣ сраженія ([3]).

Кутузовъ на разсвѣтѣ отправился изъ Татариновой въ Горки, гдѣ и находился, вмѣстѣ съ генераломъ Беннигсеномъ, до самаго конца битвы (*). Какъ успѣхъ боя рѣшался на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, то нашъ главнокомандующій не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ сраженія, тѣмъ болѣе, что преклонность лѣтъ заставляла его постоянно оставаться на мѣстѣ и ограничиваться распоряженіями, которыя, по отдаленію его отъ пунктовъ рѣшительной непріятельной атаки, не всегда были своевременны. Это обстоятельство, лишивъ нашу армію необходимаго единства въ дѣйствіяхъ, оказало невыгодное вліяніе на ходъ сраженія ([4]).

Поутру, въ исходѣ 6-го часа, правая французская батарея генерала Сорбье, построенная противъ нашей крайней флеши, открыла огонь вмѣстѣ съ выдвинутыми на одну съ нею высоту батареями генерала Перветти; вслѣдъ за тѣмъ раздалась канонада лѣвой непріятельской батареи генерала Фуше, сооруженной противъ правой Багратіоновой флеши. Дѣйствіе этихъ ста двухъ орудій, по значительному ихъ разстоянію отъ нашихъ укрѣпленій, оказалось ничтожно, и потому всѣ батареи были поданы впередъ и,

---

(*) *Планъ сраженія при Бородинѣ, 26-го августа (7-го сентября).*

приблизившись къ нашимъ флешамъ на разстояніе около 1600 шаговъ, снова открыли сильнѣйшую канонаду. Нѣсколько минутъ спустя раздались выстрѣлы батарей построенныхъ противъ Бородина, а потомъ и въ центрѣ. Съ нашей стороны отвѣчали непріятелю орудія стоявшія въ укрѣпленіяхъ и батареи выдвинутыя на одну съ ними высоту. Подъ громомъ обоюдной канонады непріятельская пѣхота двинулась въ атаку. Даву, оставя войска Фріана въ резервѣ, направился съ прочими двумя дивизіями противъ флешей: Компанъ, присоединивъ къ своей пѣхотѣ тридцать орудій стоявшихъ на позиціи, двигался правѣе батареи Сорбье, чрезъ лѣсъ, а Дессе шелъ нѣсколько лѣвѣе, вдоль опушки лѣса. Какъ непріятельскія войска, по выходѣ изъ лѣса, принуждены были строиться въ колонны въ разстояніи около 800 шаговъ отъ нашихъ флешей, то головныя части ихъ, поражаемыя картечью артиллеріи, подъ начальствомъ полковника Богуславскаго, занимавшей флеши, и огнемъ егерей князя Шаховскаго, разсыпанныхъ впереди нашей позиціи, были опрокинуты въ лѣсъ нѣсколько разъ. Послѣ упорной перестрѣлки, французская бригада генерала Теста (25-й и 57-й линейные полки) успѣла дебушировать изъ лѣса и устремилась на крайнюю (*) флешь, но въ эту самую минуту храбрый Компанъ былъ тяжело раненъ картечью. Даву, между-тѣмъ остававшійся на батареѣ Сорбье и слѣдившій за ходомъ дѣла, замѣтя колебаніе наступавшихъ войскъ, поскакалъ къ нимъ и принявъ непосредственно начальство надъ бригадою Теста, направилъ 57-й полкъ противъ крайней флеши. Французы, ободренные его присутствіемъ, ворвались въ наше укрѣпленіе, но князь Багратіонъ тотчасъ выдвинулъ въ помощь гренадерамъ графа Воронцова нѣсколько баталіоновъ 27-й дивизіи, которые выбили непріятеля изъ флешей. Компан-

(*) Съ нашей стороны—лѣвую.

диръ 4-го кавалерійскаго корпуса, генералъ-маіоръ графъ Сиверсъ, замѣтивъ разстройство Французовъ, отрядилъ для преслѣдованія ихъ полковника Васильчикова съ Ахтырскимъ гусарскимъ и маіора Терешина съ Новороссійскимъ драгунскимъ полками, которые врубились въ непріятельскую пѣхоту и захватили двѣнадцать орудій, но не успѣли ихъ увезти, потому-что были встрѣчены и удержаны легкими кавалерійскими бригадами Мурьѐ и Бёрмана. Несмотря однакожь на превосходство непріятеля въ силахъ, наши драгуны и гусары опрокинули 4-й и 2-й виртембергскіе легко-конные полки и отошли обратно за флеши не прежде, какъ получивъ приказаніе отступить. Въ продолженіе этого боя, были тяжело ранены генералы: дивизіонный Дессѐ и бригадный Тестъ. Самъ маршалъ Даву, получивъ сильную контузію, упалъ съ убитой подъ нимъ лошади и былъ поднятъ за̀-мертво окружавшими его солдатами (5). Потеря Французами всѣхъ главныхъ начальниковъ, въ моментъ рѣшительной атаки, поселила колебаніе въ рядахъ ихъ и не позволила воспользоваться успѣхомъ одержаннымъ въ началѣ боя (6).

Одновременно съ началомъ упорнаго боя на Семеновскихъ высотахъ, вице-король атаковалъ Бородино. Въ 6 часовъ утра, вмѣстѣ съ открытіемъ канонады, направлены были на этотъ пунктъ войска дивизіи Дельзо̀на; въ головѣ ихъ двигался 106-й линейный полкъ. Пользуясь густымъ туманомъ, покрывавшимъ окрестности болотистой Калочи, Французы приблизились къ Бородину и неожиданно атаковали расположенныхъ тамъ гвардейскихъ егерей. Между-тѣмъ какъ часть дивизіи Дельзо̀на наступала по большой дорогѣ, другая перешла черезъ рѣчку Войну выше Бородина и ворвалась въ село съ той стороны, откуда мы нисколько не ожидали нападенія. Несмотря на усилія храбраго полковника Бистрома, удержаться въ Бородинѣ, гвардейскіе егеря были выбиты от-

туда и отступили въ безпорядкѣ черезъ мостъ на Калочѣ; 106-й Французскій полкъ, преслѣдуя ихъ по пятамъ, перешелъ черезъ рѣчку и появился близъ Горокъ. Барклай де-Толли, тогда находившійся съ своею свитою на Горицкой батареѣ, направилъ противъ непріятеля 1-й егерскій полкъ полковника Карпенка (11-й дивизіи) и егерскую бригаду полковника Вупча (19-й и 40-й егерскіе полки, 24-й дивизіи). Французы, встрѣченные съ фронта обратившимися противъ нихъ гвардейскими егерями и атакованные съ фланговъ Карпенкомъ и Вупчемъ, были опрокинуты, потеряли командовавшаго ими бригаднаго генерала Плозонна и отступили въ разстройствѣ за Калочу, подъ прикрытіемъ прибывшаго къ нимъ въ помощь 92-го линейнаго полка.

Несмотря на кратковременность этого боя, который продолжался не болѣе четверти часа, уронъ нашихъ гвардейскихъ егерей простирался до тридцати офицеровъ и половины наличнаго числа нижнихъ чиновъ. Въ числѣ убитыхъ былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, полковникъ Гавердовскій. Вотъ отзывъ о немъ генерала Коновницына, въ письмѣ къ женѣ своей, отъ 27-го августа: „Раздѣли печаль мою о моемъ доб„ромъ товарищѣ, о славномъ офицерѣ, о преданномъ мнѣ „человѣкѣ. Только-что мнѣ привели лошадь моего добра„го Гавердовскаго: онъ или убитъ, или въ плѣну. Чтобъ „достовѣрно знать, постараюсь послать парламентёра. „Какъ меня сіе крѣпко огорчило! Какъ онъ мнѣ служилъ „въ авангардѣ!“.... Въ числѣ раненыхъ былъ Лейбъ-егерскаго полка полковникъ Макаровъ.

Войска наши, овладѣвъ мостомъ на Калочѣ, разобрали его по приказанію Барклая. Эта работа была исполнена охотниками гвардейскаго экипажа, подъ начальствомъ мичмана Лермонтова, которые будучи заблаговременно посланы къ мосту, подготовили его къ уничтоженію еще

прежде атаки непріятеля на Бородино. Затѣмъ вице-король, на основаніи общаго плана дѣйствій, ограничился занятіемъ Бородина. Дивизія Дельзона и баварская кавалерія стали позади села; влѣво отъ Бородина была расположена сильная батарея для обстрѣливанія высоты у Горокъ и батареи Раевскаго; а еще лѣвѣе, впереди деревни Беззубовой, на равнинѣ, находилась легкая кавалерійская дивизія генерала Орнано; всѣ же прочія войска вице-короля, остававшіяся у Бородина (дивизіи Жерара, Брусье, италіянская гвардія и кавалерія Груши) двинулись вправо, къ мостамъ на Калочѣ построеннымъ выше Бородина, и переправились тамъ на правую сторону рѣчки подъ прикрытіемъ стрѣлковъ дивизіи Морана, завязавшихъ жаркую перестрѣлку съ нашими егерями у подошвы кургана Раевскаго (7).

Между-тѣмъ Наполеонъ, получивъ донесеніе о ранѣ Компана, послалъ на смѣну ему своего генералъ-адъютанта Раппа, но еще до прибытія его былъ раненъ генералъ Дюпеленъ, принявшій начальство надъ войсками Компана. Вскорѣ послѣ того былъ пораженъ и Раппъ. Сорбье, находившійся при Даву, въ то самое время, когда онъ упалъ съ лошади, счелъ его убитымъ и прискакалъ къ Наполеону съ извѣстіемъ о смерти маршала. Наполеонъ, пораженный этимъ донесеніемъ, не сказалъ ни слова, и уже нѣсколько минутъ спустя послалъ приказаніе Мюрату принять начальство надъ войсками 1-го пѣхотнаго корпуса; но король неаполитанскій, по прибытіи къ нимъ, нашелъ Даву, несмотря на полученную имъ сильную контузію, снова готовымъ сѣсть на коня и возобновить нападеніе. Наполеонъ, узнавъ о томъ отъ одного изъ прибывшихъ къ нему офицеровъ, былъ чрезвычайно обрадованъ; но еще прежде, при первомъ донесеніи о затрудненіяхъ встрѣченныхъ войсками Даву во время атаки на флеши, приказалъ Нею съ 3-мъ корпусомъ содѣйствовать

1-му корпусу. Въ 7 часовъ, войска Нея двинулись чрезъ селеніе Шевардино: въ головѣ шла дивизія Ледрю, за нею дивизіи Маршана и Разу. Первая была расположена въ четыре линіи, изъ коихъ три состояли каждая изъ полка въ баталіонныхъ колоннахъ, а въ четвертой двигался полкъ въ одной колоннѣ, построенной изъ развернутыхъ баталіоновъ, одинъ за другимъ поставленныхъ. Вслѣдъ затѣмъ, около $7^1/_2$ часовъ, корпусъ Жюно подался впередъ и расположился лѣвѣе Шевардина. Въ то же время, кавалерія выступила съ мѣста своего ночлега на поддержаніе атаки 1-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ; легкія кавалерійскія бригады, къ нимъ принадлежавшія, и корпусъ Нансути слѣдовали за корпусомъ Даву, а Латуръ-Мобуръ за корпусомъ Нея; корпусъ же Монбрюна двигался позади, нѣсколько лѣвѣе Латуръ-Мобура, для сохраненія связи между Неемъ и вице-королемъ ([8]).

Князь Багратіонъ, завидя наступленіе Неевыхъ войскъ, угрожавшее нашему лѣвому крылу усиленною атакою, принялъ мѣры для противодѣйствія непріятелю. 27-я дивизія Невѣровскаго вмѣстѣ съ гренадерами графа Воронцова заняла флеши; восемь баталіоновъ корпуса Раевскаго приняли влѣво для поддержанія обороны флешей; 2-я гренадерская дивизія принца Карла Мекленбургскаго была поставлена влѣво отъ Семеновскаго, а 2-я кирасирская дивизія Дуки лѣвѣе гренадеръ; всѣ батареи стоявшія въ резервѣ были выдвинуты въ первую линію. Князь Багратіонъ, справедливо считая эти войска недостаточными для отраженія превосходныхъ въ числѣ непріятельскихъ силъ, приказалъ Тучкову 1-му (несмотря на то, что 3-й пѣхотный корпусъ не находился подъ его начальствомъ), отрядить къ нему въ помощь 3-ю дивизію Коновницына и обратился къ Барклаю де-Толли ([9]) съ просьбою о подкрѣпленіи лѣваго крыла частью войскъ Первой арміи. Барклай приказалъ перевести 2-й пѣхотный корпусъ съ пра-

ваго фланга позиціи въ помощь Тучкову 1-му (вѣроятно донеся о сдѣланномъ имъ распоряженіи Кутузову), и вслѣдъ затѣмъ, по вторичной просьбѣ князя Багратіона, были отряжены къ Семеновскому изъ резерва гвардейскіе полки: Измайловскій, Литовскій и Финляндскій, три полка 1-й кирасирской дивизіи, Его и Ея Величества и Астраханскій, восемь сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ, гвардейскія батарейныя роты Его Высочества и графа Аракчеева и гвардейская конная № 1-го батарея полковника Козена (10). Но для доставленія приказаній главнокомандующаго въ эти части войскъ и для прибытія подкрѣпленій къ лѣвому крылу требовалось отъ полутора до двухъ часовъ, а войска Даву и Нея уже готовились возобновить нападеніе.

Между-тѣмъ какъ съ самаго начала сраженія канонада у флешей не прерывалась ни на одно мгновеніе, корпусъ Нея, въ исходѣ 8-го, атаковалъ войска Багратіоновы. Непріятель былъ встрѣченъ сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, но продолжалъ наступать. Самъ Ней, въ головѣ 24-го легкаго полка, съ содѣйствіемъ 57-го линейнаго полка (дивизіи Компана), овладѣлъ крайнею (лѣвою) флешью; другіе полки дивизіи Ледрю ворвались въ правую нашу флешь. Только тогда замѣтили они третью нашу флешь, построенную позади взятыхъ ими укрѣпленій, и выбили изъ нея нашихъ гренадеръ. Завязался рукопашный бой; графъ Воронцовъ былъ тяжело раненъ штыкомъ, гренадерскіе баталіоны, состоявшіе подъ его начальствомъ, были истреблены. „Мое сопротивленіе не могло быть продолжительно, но прекратилось не прежде, какъ съ уничтоженіемъ моей дивизіи,“ говоритъ Воронцовъ въ описаніи дѣйствій своихъ подъ Бородинымъ. Князь Багратіонъ въ девять часовъ приказалъ всей 27-й дивизіи Невѣровскаго занять флеши и устремилъ на встрѣчу непріятелю четыре баталіона 12-й дивизіи, гренадеровъ принца Мек-

ленбургскаго, 2-ю кирасирскую дивизію Дуки и полки 4-го кавалерійскаго корпуса графа Сиверса, Новороссійскій драгунскій, Ахтырскій гусарскій и Литовскій уланскій, съ пятью конными орудіями; со стороны же Французовъ, были посланы въ помощь Даву и Нею легкая кавалерія Бёрмана и Брюйера. Лишь-только русская пѣхота двинулась впередъ для отнятія потерянныхъ флешей, Мюратъ повелъ на встрѣчу нашимъ войскамъ виртембергскихъ конныхъ егерей (бригады Бёрмана), которые, будучи атакованы кирасирами Дуки, были опрокинуты; наша кавалерія, преслѣдуя непріятельскую, ворвалась вслѣдъ за нею въ шанцы и выбила оттуда французскую пѣхоту. Новороссійскіе драгуны (а по другимъ свѣдѣніямъ, кирасиры Дуки) овладѣли конною батареею, сопровождавшею конныхъ егерей бригады Бёрмана, но не успѣли увезти ее. Самъ Мюратъ, окруженный нашими кирасирами, едва избѣгъ плѣна, соскочивъ съ коня и найдя убѣжище въ лѣвой нашей флеши, въ то время еще занятой однимъ изъ виртембергскихъ баталіоновъ. Вслѣдъ затѣмъ наши кирасиры захватили шесть французскихъ конныхъ орудій корпуса Нансути, но будучи атакованы 6-мъ польскимъ уланскимъ полкомъ (дивизіи Брюйера), принуждены были оставить свою добычу (11). Около десяти часовъ, послѣ новаго, отчаяннаго боя, въ которомъ были ранены князь Горчаковъ и Невѣровскій, войска Нея снова овладѣли флешами; но въ это самое время уже подходила къ Семеновскимъ высотамъ 3-я дивизія Коновницына. Войска его, съ содѣйствіемъ полковъ 3-го кавалерійскаго корпуса, Сумскаго, Маріупольскаго гусарскихъ, Курляндскаго и Оренбургскаго драгунскихъ, подъ командою генералъ-маіора Дорохова, присланныхъ Барклаемъ въ помощь лѣвому крылу (12), не обращая вниманія на жестокій огонь непріятельскихъ батарей, ударили въ штыки, съ громкимъ крикомъ ура, опрокинули Французовъ и вытѣснили ихъ изъ флешей (13).

Еще въ 9 часовъ, Наполеонъ, получивъ донесеніе о взятіи нашихъ флешей войсками Нея, и полагая, что онъ уже не имѣлъ надобности въ содѣйствіи вестфальскаго корпуса, приказалъ Жюно двинуться въ промежутокъ между Даву и Понятовскимъ, для сохраненія связи между атаками направленными на флеши и на Утицу. Но вслѣдъ затѣмъ прискакалъ офицеръ съ извѣстіемъ объ отраженіи Нея и съ просьбою о поддержаніи его свѣжими войсками. Наполеонъ долго на это не рѣшался, совѣтовался съ Бертье и наконецъ поручилъ присланному офицеру передать приказаніе Клапарѐду—двинуться съ Висляпскимъ легіономъ въ помощь Нею. Но едва лишь офицеръ помчался въ ту сторону, гдѣ стояли войска Клапарѐда, какъ Наполеонъ подозвалъ его и, по совѣщаніи съ своимъ начальникомъ штаба, приказалъ вести на подкрѣпленіе Нею дивизію Фріана. Въ такой нерѣшимости потеряно было болѣе получаса и войска Фріана двинулись съ мѣста уже въ 11-мъ часу, что безъ сомнѣнія оказало вредное вліяніе на успѣхъ дѣйствій непріятельской арміи ([14]).

Съ прибытіемъ дивизіи Фріана на мѣсто сраженія, непріятели имѣли противъ Семеновскихъ высотъ, не считая войскъ сражавшихся правѣе въ кустарникахъ, около 26,000 человѣкъ пѣхоты противъ 18,000 Русскихъ. Съ обѣихъ сторонъ были выставлены огромныя батареи; канонада была такъ непрерывна, какъ самый частый батальный огонь, и по временамъ сливалась въ гулъ, отъ котораго дрожала вся окрестность. Здѣсь въ-особенности отличилась 1-я гвардейская легкая конная батарея полковника Козена, дѣйствовавшая съ большимъ успѣхомъ болѣе двухъ часовъ противъ войскъ Жюно, покушавшихся обойти съ лѣваго фланга наши флеши. Эта батарея, потерявъ 60 человѣкъ (и въ томъ числѣ пораженнаго смертельно гранатою храбраго капитана Захарова), была отведена въ резервъ ([15]). Войска обѣихъ сторонъ, соперничая между

собою въ самоотверженіи, понесли огромный уронъ, но намъ суждено было испытать наиболѣе чувствительную потерю: палъ главный защитникъ флешей, герой—Багратіонъ, „генералъ по образу и подобію Суворова", какъ называлъ его графъ Растопчинъ. Пораженный въ ногу картечною пулею, раздробившею ему берцовую кость, онъ упалъ съ лошади и былъ унесенъ за̀-мертво; начальникъ штаба 2-й арміи Сенъ-При, получивъ жестокую контузію, принужденъ былъ удалиться съ поля сраженія. Въ числѣ убитыхъ былъ командиръ сводной гренадерской бригады, состоявшей при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ, князь Кантакузинъ, отбившій у непріятелей нѣсколько захваченныхъ ими нашихъ орудій. Генералъ Коновницынъ, по удаленіи князя Багратіона, оставшись старшимъ при войскахъ оборонявшихъ Семеновскія высоты, пригласилъ Раевскаго, находившагося въ центрѣ нашей позиціи, принять начальство надъ Второю арміею и приказалъ просить князя Кутузова о поддержаніи его свѣжими войсками. Главнокомандующій, зная уже объ усиліяхъ сдѣланныхъ непріятелемъ противъ нашего центра, и опасаясь ослабить его отряженіемъ войскъ на лѣвое крыло, отказалъ въ подкрѣпленіяхъ. Затѣмъ, обратясь къ находившемуся въ его свитѣ герцогу Александру Виртембергскому, Кутузовъ предложилъ ему начальство надъ Второю арміею, но едва лишь герцогъ успѣлъ отправиться на лѣвое крыло, начальство надъ Второю арміею было поручено генералу Дохтурову. Въ то же время Кутузовъ послалъ туда Толя освѣдомиться о ходѣ боя ([16]).

Между-тѣмъ—мужественный Коновницынъ истощалъ всѣ усилія войскъ для удержанія непріятеля, который, съ своей стороны, отчаянно штурмовалъ Семеновскія высоты. Гулъ орудій, призывы начальниковъ, побѣдные клики, стоны раненыхъ, сливаясь съ перестрѣлкою и съ звуками холоднаго оружія, напоминали воображенію послѣдній день

міра. Участникъ Бородинскаго сраженія, генералъ Пеле, описывая достопамятный бой у флешей, говоритъ: „По „мѣрѣ того, какъ подходили къ Багратіоновымъ вой-„скамъ подкрѣпленія, они шли впередъ съ величайшею „отвагою, по трупамъ павшихъ, для овладѣнія утрачен-„ными пунктами. Русскія колонны, въ глазахъ нашихъ, „двигались, по командѣ своихъ начальниковъ, какъ под-„вижные шанцы сверкающіе сталью и пламенемъ. На от-„крытой мѣстности, поражаемые нашею картечью, ата-„куемые то конницею, то пѣхотою, они терпѣли огром-„ный уронъ, но эти храбрые воины, собравшись съ по-„слѣдними силами, нападали на насъ по прежнему“ (17). Около 11-ти часовъ, Французы, будучи выбиты нашими войсками изъ флешей, сдѣлали отчаянное усиліе, снова овладѣли флешами и захватили стоявшія на нихъ орудія; но не надолго. Генералъ-лейтенантъ Бороздинъ 1-й, съ гренадерами Кіевскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и Московскаго полковъ, поддержанными полками 3-й дивизіи, ударилъ въ штыки, опрокинулъ непріятеля и гналъ его до самаго лѣса. Въ этомъ отважномъ дѣлѣ, съ нашей стороны были убиты: Московскаго гренадерскаго полка полковникъ Шатиловъ и Астраханскаго полка полковникъ Буксгевденъ, который, получивъ три раны, продолжалъ идти впередъ и палъ мертвъ на отбитой нами батареѣ. Въ числѣ раненыхъ были Принцъ Карлъ Мекленбургскій и полковники Дризенъ и Ушаковъ. Со стороны Французовъ былъ убитъ начальникъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса Ромёфъ. Непріятель, несмотря на понесенныя имъ потери, снова атаковалъ Семеновскія укрѣпленія и вытѣснилъ оттуда наши войска, около 11½ часовъ. Въ это самое время, Толь, миновавъ Семеновское, встрѣтился съ командиромъ Ревельскаго полка, генералъ-маіоромъ Тучковымъ 4-мъ, который, вслѣдъ затѣмъ, былъ пораженъ смертельно ядромъ. Непріятель, окончательно овладѣвъ флешами, заста-

вилъ насъ отступить за Семеновскій оврагъ, гдѣ Коновницынъ устроилъ остатки войскъ оборонявшихъ высоты, подъ покровительствомъ выставленныхъ вдоль оврага сильныхъ батарей и трехъ гвардейскихъ полковъ: Измайловскаго, Литовскаго (нынѣшняго Московскаго) и Финляндскаго. 3-я пѣхотная дивизія расположилась лѣвѣе селенія Семеновскаго, примкнувъ лѣвый флангъ къ гвардіи; остатки же 2-й гренадерской и 27-й дивизій собирались правѣе селенія ([18]).

По овладѣніи флешами, Ней, съ содѣйствіемъ дивизіи Фріана, атаковалъ гренадеръ 2-й дивизіи, занимавшихъ Семеновское, но былъ отраженъ ([19]). Тогда Мюратъ, по совѣщаніи съ Неемъ, рѣшился ввести въ дѣло огромную массу кавалеріи: Нансути, съ кирасирами Сенъ-Жермена и Валанса, получилъ приказаніе атаковать наши войска, правѣе Семеновскаго, а Латуръ-Мобуръ, съ дивизіями Рожнецкаго и Лоржа, перейдя черезъ Каменку, былъ направленъ влѣво отъ селенія. Даву и Ней, имѣя въ виду подготовить успѣхъ кавалеріи, выдвинули къ самому краю Семеновскаго оврага сильныя батареи, которыхъ огонь былъ тѣмъ болѣе губителенъ, что лѣвый берегъ Семеновки выше селенія постоянно господствуетъ надъ правымъ и что непріятельская позиція, обхватывая нашу, способствовала французской артиллеріи дѣйствовать перекрестными выстрѣлами. Войска наши, стоявшія правѣе Семеновскаго, были отчасти прикрыты гребнемъ небольшой высоты, на которой лежала часть селенія, но зато они, отойдя за эту высоту, не могли по надлежащему обстрѣливать впереди лежащую мѣстность, что облегчало непріятелю переходъ черезъ оврагъ; тѣ же наши войска, кои находились лѣвѣе Семеновскаго, были совершенно открыты и подвержены огню непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на господствующихъ высотахъ, въ разстояніи не болѣе шестисотъ шаговъ отъ нашей позиціи. Чтобы дать понятіе, до

какой степени терпѣли уронъ наши войска на этомъ пунктѣ, достаточно сказать, что Литовскій полкъ, въ продолженіе времени около часа, потерялъ выбывшими изъ фронта, изъ 1,740 человѣкъ, 956, и что при многихъ нашихъ орудіяхъ оставалось только по парѣ лошадей ([20]).

Въ такомъ положеніи находились русскія войска на позиціи у Семеновскаго, когда непріятель повелъ на нихъ кавалерійскую атаку. Задрожала земля подъ нѣсколькими тысячами всадниковъ, устремленныхъ въ бой отважнымъ Мюратомъ. Нансути, съ кирасирами Сенъ-Жермена и съ легкою кавалерійскою дивизіею Брюйера, перейдя черезъ Семеновку выше селенія, гдѣ края оврага весьма плоски, встрѣченъ былъ сильнѣйшимъ огнемъ нашихъ батарей. Въ то же время гвардейскіе полки, Измайловскій и Литовскій, стоявшіе за оврагомъ на лѣвомъ крылѣ, подъ начальствомъ полковника Храповицкаго, построились въ шесть каре́, въ одномъ изъ которыхъ находился самъ Коновницынъ (*). Эта превосходная пѣхота, ослабленная, но не разстроенная опустошительною непріятельскою канонадою, открыла по непріятельскимъ латникамъ батальный огонь и отразила ихъ атаку. Грозные кирасиры, которыхъ Наполеонъ прозвалъ желѣзными (hommes de fer), поддержанные легкою конницею, еще два раза атаковали нашихъ гвардейцевъ, и каждый разъ были отбиты. Эти атаки, въ продолженіе которыхъ французская артиллерія прекращала стрѣльбу, были какъ-бы отдыхомъ для нашей пѣхоты, устилавшей поле вражьими трупами и не терпѣвшей ни малѣйшаго урона отъ налетовъ конницы. Солдаты Литовскаго полка́, увлеченные успѣхомъ, кидались въ штыки, съ крикомъ ура! на непріятельскую кавалерію. Успѣху ихъ много содѣйствовали 1-я легкая и обѣ батарейныя гвардейскія

(*). Остатки сводной гренадерской бригады размѣстились въ кучкахъ между гвардейскими каре. (Историческое обозрѣніе Л.-Гв. Измайловскаго полка. стр. 173.)

роты. Пока непріятель шелъ въ атаку и не было опасности поражать своихъ, наши артиллеристы производили стрѣльбу; когда же бурныя волны кирасиръ сокрушились о гранитныя каре, и разметанные латники, теряя направленіе въ пылу боя, врывались на батареи, тогда орудійная прислуга отбивалась отъ нихъ банниками, сшибая непріятелей съ коней ловко наносимыми ударами. Между-тѣмъ наша 2-я кирасирская дивизія, послѣ боя на Семеновскихъ высотахъ, отойдя къ опушкѣ лѣса, успѣла снова устроиться; лишь только непріятельская кавалерія обратилась назадъ, то была преслѣдована и настигнута генералъ-маіоромъ Кретовымъ, съ Орденскимъ и Екатеринославскимъ полками. Вслѣдъ затѣмъ, на лѣвомъ флангѣ Измайловскаго и Литовскаго полковъ, въ лѣсу, завязалась перестрѣлка, въ продолженіе которой непріятель снова сталъ громить изъ орудій наши войска. Здѣсь были поражены картечью полковники Храповицкій и командовавшій въ сей день Измайловскимъ полкомъ Козляниновъ и раненъ пулею командиръ Литовскаго полка Удомъ (21).

Латуръ-Мобуръ встрѣтилъ при движеніи черезъ оврагъ несравненно бо̀льшія затрудненія, и потому вступилъ въ бой нѣсколько позже Нансути, но зато съ лучшимъ успѣхомъ. Его кавалерія перешла черезъ Семеновку двумя колоннами: въ правой, кирасирская дивизія Лоржа, (изъ восьми эскадроновъ саксонскихъ полковъ гвардейскаго и Цастрова, двухъ эскадроновъ польскаго полка Малаховскаго и восьми эскадроновъ 1-го и 2-го вестфальскихъ полковъ), а съ лѣвой—уланская дивизія Рожнецкаго, изъ трехъ польскихъ полковъ, въ составѣ двѣнадцати эскадроновъ. Движеніе чрезъ болотистое русло Семеновки заставило всадниковъ разомкнуть ряды и перебираться по-одиначкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было менѣе топко. Но наша артиллерія, отодвинутая отъ края оврага, не могла по надлежащему поражать непріятеля и только лишь

нѣсколько ядеръ случайно попали въ длинныя колонны, тянувшіяся черезъ Семеновку. Головная часть кавалеріи, состоявшая изъ Саксонцевъ, взобравшись на противоположный скатъ оврага, увидѣла въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ себя, у развалинъ Семеновскаго, батарею съ прикрытіемъ изъ остатковъ 2-й гренадерской дивизіи, которое, въ это самое время, перестроивалось въ три каре. Тогда генералъ Тилеманъ, командовавшій саксонскими кирасирами, рѣшился тотчасъ кинуться въ атаку съ двумя съ половиною эскадронами, успѣвшими перейти черезъ оврагъ; прочимъ же было приказано, по мѣрѣ появленія ихъ на гребнѣ оврага, развертываться влѣво и постепенно идти въ атаку: такимъ образомъ наступленіе имѣло видъ уступовъ съ праваго фланга. Наши гренадеры, ослабленные предшествовавшимъ боемъ, были опрокинуты, а Сиверсовы драгуны, кинувшіеся имъ въ помощь, также не могли удержать гвардейскихъ кирасировъ, которые, хотя и были встрѣчены въ четырехъ стахъ шагахъ картечью 2-й легкой гвардейской роты, состоявшей подъ начальствомъ поручика Столыпина, однакожь промчались мимо Семеновскаго и заскакали въ тылъ Измайловскимъ и Литовскимъ каре. Но въ этотъ самый моментъ, генералъ Бороздинъ 2-й, съ кирасирскими полками Его и Ея Величества и Астраханскимъ, атаковалъ саксонскихъ кирасиръ; самъ Тилеманъ рубился съ нашими латниками; наконецъ—дѣло было рѣшено здѣсь атакою во флангъ непріятелю Ахтырскаго гусарскаго полка (вооруженнаго пиками, по увѣренію Шрекенштейна и Бернгарди). Дивизія Лоржа была принуждена отойти за гребень высотъ. Со стороны непріятеля былъ раненъ вестфальскій бригадный генералъ Леппель, которому оторвало руку ядромъ, еще въ то время, когда войска Латуръ-Мобура двигались отъ Каменки къ Семеновскому оврагу. Въ продолженіе кавалерійскаго боя, Фріанъ, съ 15-мъ

легкимъ и 48-мъ линейнымъ полками, возобновилъ атаку на развалины Семеновскаго, овладѣлъ ими и былъ тяжело раненъ. Войска его утвердились на правой сторонѣ Семеновки, заставя остатки нашей пѣхоты, прежде оборонявшей флеши, отойти на пушечный выстрѣлъ отъ оврага. Только лишь гвардейскіе полки Измайловскій, Литовскій и Финляндскій удержались у опушки лѣса въ вершинѣ Семеновки ([22]).

По занятіи Семеновскаго, Ней выставилъ сильныя батареи, которыя открыли огонь съ фронта противъ лѣваго нашего крыла и во флангъ войскамъ стоявшимъ въ центрѣ позиціи.

Лѣвое крыло нашей арміи было совершенно разстроено. Барклай де-Толли говоритъ: „Вторая армія, по отсутствіи „раненаго князя Багратіона и многихъ генераловъ, была „опрокинута въ величайшемъ разстройствѣ; всѣ укрѣпленія „съ частью батарей достались непріятелю. Одна 26-я ди„визія удерживала еще свою позицію около высоты нахо„дящейся впереди центра; оная уже два раза отражала не„пріятеля; сіе происходило около 11-ти часовъ утра. Пѣ„хота была разсѣяна въ мелкихъ кучкахъ, остановленныхъ „уже у главной квартиры на Можайской дорогѣ; три гвар„дейскихъ полка отступили въ изрядномъ устройствѣ и „приближались къ прочимъ гвардейскимъ полкамъ“.....([23]).

Къ-счастью — густая пыль, поднявшаяся столбомъ при кавалерійскихъ атакахъ, и дымъ отъ выстрѣловъ многочисленной артиллеріи, которой бо́льшая часть (какъ увѣряютъ, до семи сотъ орудій) была сосредоточена съ обѣихъ сторонъ въ окрестностяхъ Семеновскаго, не позволили непріятелю видѣть, до какой степени было разстроено и ослаблено лѣвое крыло нашей арміи. Даву, Ней и Мюратъ, которыхъ войска также понесли огромную потерю, считали себя уже не въ силахъ довершить одержанные успѣхи, и, остановясь у Семеновскаго, снова послали

къ Наполеону съ просьбою о подкрѣпленіи ихъ свѣжими силами. Наполеонъ, постигавшій, хотя уже поздно, трудность предпринятаго имъ подвига, не хотѣлъ истощать свои резервы, медлилъ, наконецъ выслалъ впередъ дивизію Молодой гвардіи генерала Рогè, приказавъ однакожь ей остановиться у Каменки (42).

Между-тѣмъ, на старой смоленской дорогѣ и въ центрѣ нашей позиціи, перевѣсъ колебался то на одну, то на другую сторону.

Согласно съ общимъ планомъ дѣйствій Наполеона, Понятовскій выступилъ съ мѣста своего ночлега въ пять часовъ, чтобы съ первымъ выстрѣломъ атаковать съ фланга наше лѣвое крыло. Но движеніе его по дурнымъ дорогамъ черезъ лѣсъ было такъ медленно, что, несмотря на понужденія Наполеона, безпрестанно присылавшаго къ нему ординарцевъ — одного вслѣдъ за другимъ — дивизія Красинскаго, шедшая въ головѣ польскаго корпуса, вышла на большую дорогу не прежде 8-ми часовъ. Войска эти, поддержанныя огнемъ нѣсколькихъ орудій, овладѣли селеніемъ Утицею, занятымъ нашими егерями; но встрѣтивъ за Утицею 1-ю гренадерскую дивизію, впереди которой были выставлены сильныя батареи, остановились. Тучковъ, пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля, отвелъ свои войска назадъ и расположилъ ихъ на болѣе выгодной позиціи, близъ высокаго кургана, на которомъ, по тѣснотѣ его вершины, можно было поставить только четыре батарейныхъ орудія; вправо отъ подошвы кургана стали Лейбъ-гренадерскій и графа Аракчеева полки; за ними въ резервѣ Павловскій полкъ; лѣвѣе же кургана—Екатеринославскій и Санктпетербургскій полки, между которыми находилась батарея изъ 12-ти орудій. Таврическій полкъ весьма основательно былъ отряженъ вправо для занятія кустарника, вмѣстѣ съ четырьмя егерскими полками князя Шаховскаго и двумя (49-мъ и 50-мъ) высланными отъ

дивизіи Невѣровскаго, что способствовало егерямъ удержаться въ кустахъ, въ продолженіе около двухъ часовъ, противъ стрѣлковъ Даву и польскаго корпуса. Позади 3-го пѣхотнаго корпуса стали, по обѣ стороны большой дороги, ратники Московскаго ополченія, вооруженные, бо́льшею частью, пиками. Между-тѣмъ Понятовскій, не зная объ отряженіи дивизіи Коновницына къ Семеновскимъ высотамъ, долго не рѣшался идти далѣе, изъ опасенія быть обойденнымъ съ лѣваго фланга и отрѣзаннымъ отъ французской арміи. Только около 10-ти съ половиною часовъ, тогда уже, когда войска Жюно, войдя въ лѣсъ, завязали упорный бой съ нашими егерями, Понятовскій, выставя правѣе Утицы батарею въ сорокъ орудій, ввелъ въ дѣло обѣ свои дивизіи, оттѣснилъ Тучкова 1-го и овладѣлъ курганомъ, служившимъ опорою нашему лѣвому флангу. Войска Тучкова отошли на небольшое пространство въ ожиданіи подкрѣпленій, двигавшихся съ праваго фланга ([25]).

Вице-король, съ своей стороны, повелъ атаку на курганную батарею, въ центрѣ нашей позиціи. Оборона этого укрѣпленія была поручена генералу Раевскому, который, выславъ свои егерскіе полки впередъ и отрядивъ, по приказанію князя Багратіона, всю свою вторую линію (восемь баталіоновъ), къ Семеновскимъ высотамъ, расположилъ остальныя войска въ небольшомъ оврагѣ за укрѣпленіемъ, слѣдующимъ образомъ: четыре баталіона 26-й дивизіи, подъ начальствомъ Паскевича, правѣе, и четыре баталіона 12-й дивизіи, подъ начальствомъ Васильчикова, лѣвѣе батареи, съ тѣмъ, чтобы, при атакѣ на нее войскъ непріятельскихъ, ударить имъ въ оба фланга; присланные же въ помощь Раевскому изъ 6-го корпуса, 19-й и 40-й, и 4-го корпуса 18-й егерскіе полки, подъ начальствомъ полковника Вунча, были поставлены въ томъ же оврагѣ, позади батареи ([26]). Впереди батареи, почти въ самомъ

началѣ сраженія, завязалась упорная перестрѣлка между нашими егерями, занимавшими кустарникъ у подошвы кургана, по другую сторону Семеновки, и стрѣлками Морана. Дивизія Брусье, перейдя черезъ Калочу, также приняла участіе въ дѣлѣ; непріятель выставилъ сильныя батареи и нанося большой уронъ нашимъ егерямъ, заставилъ ихъ отойти за рѣчку къ кургану. Дивизія Брусье послѣдовала за ними и выстроилась въ оврагѣ между Бородинымъ и курганомъ; дивизія Морана двинулась прямо на батарею; Жераръ съ своею дивизіею былъ оставленъ въ резервѣ за рѣчкою, а корпусъ Монбрюна получилъ приказаніе перейти черезъ нее правѣе Морана и содѣйствовать его атакѣ. Брусье въ 10-мъ часу покушался овладѣть батареею, но будучи отраженъ, отступилъ въ оврагъ, чтобы возстановить порядокъ въ своихъ войскахъ. Послѣ этой неудачи, непріятель, имѣя въ виду подготовить успѣхъ новой атаки дѣйствіемъ артиллеріи, усилилъ канонаду противъ нашей батареи и уже въ 11-мъ часу возобновилъ нападеніе войсками Морана. Бригада Бонами (30-й французскій и 2-й баденскій пѣхотные полки, въ составѣ семи батаіоновъ), въ головѣ наступавшей колонны, устремилась на батарею; атакѣ ея способствовало то, что у насъ недоставало зарядовъ и наши орудія принуждены были ослабить стрѣльбу въ самую рѣшительную минуту. Французы кинулись на эти орудія и взяли ихъ, выбивъ прикрытіе изъ укрѣпленія и отбросивъ его за Горицкій оврагъ. Такимъ образомъ непріятель овладѣлъ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Бородинской позиціи; наша линія была прорвана и ежели бы войска вице-короля утвердились на курганѣ и двинулись далѣе въ значительныхъ силахъ, то мы были бы поставлены въ опасное положеніе. Уже Моранъ, завидя успѣхъ головныхъ своихъ войскъ, спѣшилъ къ нимъ въ помощь съ артиллеріею и нѣсколькими пѣхотными колон-

нами. Но прежде нежели онъ успѣлъ подойти къ кургану, дѣло приняло новый, благопріятный для насъ оборотъ ([27]).

Главнымъ виновникомъ тому былъ начальникъ штаба 1-й арміи, генералъ Ермоловъ. Незадолго предъ тѣмъ прискакалъ къ Кутузову, на правое крыло позиціи, князь Кудашевъ съ извѣстіемъ объ опасномъ положеніи 2-й арміи. (Въ это время князь Багратіонъ уже былъ раненъ). „Голубчикъ — сказалъ главнокомандующій находившемуся тогда при немъ Ермолову—посмотри, нельзя ли тамъ „что̀ сдѣлать, чтобы ободрить войско.“ Ермоловъ тотчасъ отправился въ ту сторону и, встрѣтивъ на пути полковника Никитина, пригласилъ его содѣйствовать въ оборонѣ лѣваго крыла. „Теска—сказалъ ему Ермоловъ— „возьми съ собою три конныя роты и не теряй меня изъ „вида.“ Чрезъ нѣсколько минутъ прискакали орудія (по свидѣтельству самого Никитина, двѣ конныя роты), и пошли вслѣдъ за Ермоловымъ. Въ это самое время встрѣтился съ нимъ графъ Кутайсовъ и, узнавъ о данномъ ему порученіи, изъявилъ желаніе сопровождать его. Говорятъ—будто бы Ермоловъ отклонялъ Кутайсова отъ этого намѣренія, но не успѣлъ уговорить его. Междутѣмъ какъ оба генерала ѣхали рядомъ черезъ поле, Ермоловъ замѣтилъ въ правой сторонѣ необыкновенное смятеніе кругомъ батареи Раевскаго. Войска наши, опрокинутыя непріятелемъ, бѣжали оттуда въ совершенномъ разстройствѣ. Зоркій Ермоловъ мгновенно сообразилъ, что, исполнивъ буквально данное ему порученіе, то-есть отправясь на лѣвый флангъ, онъ не могъ принести такой пользы, какую могло доставить удержаніе непріятеля въ центрѣ позиціи. Конная артиллерія получила приказаніе выстроиться вправо, фронтомъ къ потерянной батареѣ, и открыть огонь по Французамъ, еще не успѣвшимъ осмотрѣться въ укрѣпленіи и не могшимъ употребить противъ насъ захваченныхъ ими орудій, по

неимѣнію при нихъ зарядовъ; самъ же Ермоловъ, увлекши за собою первую попавшуюся ему устроенную часть войскъ, 3-й баталіонъ Уфимскаго полка, маіора Демидова, повелъ его прямо на батарею. Этотъ баталіонъ, стоявшій правѣе войскъ Раевскаго, съ края Первой арміи, не былъ атакованъ непріятелемъ и стоялъ въ колоннѣ совершенно готовый къ бою. Но Ермоловъ, желая задержать и обратить назадъ толпу бѣжавшую на встрѣчу ему съ кургана, развернулъ баталіонъ, повелъ его впередъ и, удержавъ бѣгущихъ, кинулся вмѣстѣ съ ними на Французовъ овладѣвшихъ курганомъ. „Высо„та сія—говоритъ самъ Ермоловъ въ своемъ донесеніи—повелѣвавшая всѣмъ пространствомъ, на коемъ „устроены были обѣ арміи, 18 орудій доставшихся не„пріятелю, были слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ, „чтобы не испытать—возвратить сдѣланную потерю. Я „предпринялъ оное. Нужна была дерзость и мое счастіе, „и—я успѣлъ. Взявъ одинъ только 3-й баталіонъ Уфим„скаго пѣхотнаго полка, остановилъ я бѣгущихъ и тол„пою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непрія„тель защищался жестоко, батареи его дѣлали страшное „опустошеніе, но ни что не устояло. 3-й баталіонъ „Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились пря„мо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе—по лѣвую сто„рону оной, и въ четверть часа наказана дерзость не„пріятеля. Батарея во власти нашей, вся высота и поле „оной покрыты тѣлами и бригадный генералъ Бонами „былъ одинъ изъ непріятелей снискавшій пощаду.“ Къ войскамъ, занявшимъ курганъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Ермолова, присоединились всѣ ближайшія части, и въ числѣ ихъ баталіонъ Томскаго полка, приведенный маіоромъ Левенштерномъ, который, будучи посланъ Барклаемъ де-Толли для развѣданія о ходѣ боя, принялъ лично участіе въ дѣлѣ. Непріятель, сброшенный

съ кургана, былъ атакованъ съ фланговъ войсками 26-й и 12-й дивизій, подъ начальствомъ генераловъ, Паскевича и Васильчикова, и преслѣдованъ на значительное разстояніе; но Ермоловъ, не желая подвергать разстроенныхъ своихъ войскъ случайностямъ встрѣчи съ находившимися въ полномъ устройствѣ полками Морана, поддержанными огнемъ сильныхъ батарей, выставленныхъ по другую сторону Семеновки, прекратилъ преслѣдованіе. Не имѣя возможности остановить своихъ солдатъ, увлеченныхъ успѣхомъ, Ермоловъ приказалъ драгунамъ Крейца, стоявшимъ влѣво отъ батареи, заскакать впередъ нашей пѣхоты и гнать ее обратно. Одновременно съ пораженіемъ бригады Бонами, генералъ Крейцъ, съ тремя драгунскими полками: Сибирскимъ, Оренбургскимъ и Иркутскимъ, поддержанными огнемъ конной батареи, атаковалъ нѣсколько разъ остальныя войска дивизіи Морана, поддержанныя карабинерами, опрокинулъ карабинеръ и замедлилъ наступленіе непріятельской пѣхоты. При этихъ атакахъ генералъ-маіоръ Дятковъ былъ раненъ саблею, а Крейцъ, получивъ двѣ раны пулями, оставался во фронтѣ до тѣхъ поръ, пока, будучи раненъ картечью, свалился съ лошади. Со стороны Французовъ былъ убитъ Монбрюнъ и ранены дивизіонные генералы Моранъ, Пажоль и Дефрансъ. Барклай, котораго величавое спокойствіе въ этомъ сраженіи изумляло всѣхъ сподвижниковъ его и который являлся вездѣ, гдѣ встрѣчалась наибольшая опасность, прибылъ на батарею. Почти всѣ находившіеся при немъ были убиты, либо ранены. Онъ искалъ смерти, но смерть щадила его; казалось — судьба сохранила дни его для того, чтобы Россія имѣла время воздать должную дань благодарности своему полководцу. Замѣтивъ совершенное ослабленіе войскъ Раевскаго, оборонявшихъ батарею, Барклай смѣнилъ ихъ подоспѣвшими къ этому пункту семью бата-

ліонами 24-й дивизіи генералъ-маіора Лихачева. Войска же 7-го корпуса были отведены за кавалерію, стоявшую въ резервѣ, съ тѣмъ, чтобы, устроившись тамъ, примкнуть къ лѣвому крылу 24-й дивизіи, но несмотря на всѣ усилія генерала Паскевича—они не могли быть введены въ дѣло до самаго вечера (28).

Неудачное покушеніе Французовъ на батарею Раевскаго стоило имъ до трехъ тысячъ человѣкъ. Бригадный генералъ Бонами, израненный штыками, былъ захваченъ въ плѣнъ. Но и намъ этотъ подвигъ обошелся дорого; въ числѣ погибшихъ былъ подававшій блестящія надежды графъ Кутайсовъ. 28-ми лѣтъ отъ-роду, уже достигшій генеральскаго чина, украшенный многими знаками отличій, даровитый, образованный, скромный, Кутайсовъ, занимая должность начальника артиллеріи Первой арміи, принесъ большую пользу своими распоряженіями въ сраженіи подъ Смоленскомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, кончина его была причиною тому, что въ Бородинскомъ сраженіи многія наши батареи простояли напрасно въ резервѣ и что наша артиллерія не выказала въ этой исполинской битвѣ всей своей силы. Самъ Кутузовъ былъ этого мнѣнія и въ послѣдствіи говаривалъ, что Бородинское сраженіе имѣло бы несравненно лучшій для насъ исходъ, еслибъ остался въ-живыхъ Кутайсовъ. Неизвѣстно — какъ и гдѣ погибъ онъ; по окровавленному сѣдлу его лошади, прибѣжавшей къ войскамъ, узнали о его смерти. Одаренный прекрасною наружностью, осыпанный дарами фортуны, уважаемый и любимый всѣми его знавшими,—Кутайсовъ, какъ-будто бы предвидя свою участь, нерѣдко предавался задумчивости. Увѣряютъ, что ввечеру, наканунѣ Бородинскаго сраженія, онъ, бесѣдуя съ нѣсколькими избранными друзьями о предстоявшей битвѣ, сказалъ: „Желалъ бы я знать — кто-„то изъ насъ завтра останется въ-живыхъ?“ Нѣсколько минутъ спустя по взятіи батареи нашими войсками, былъ

тяжело раненъ даровитый офицеръ, начальникъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ Монахтинъ. „Ребята, — сказалъ онъ солдатамъ 6-го корпуса, поставленнымъ въ прикрытіе при орудіяхъ, — эта батарея — Россія; отстоимъ ее грудью богатырскою", и съ послѣднимъ словомъ палъ пораженный въ животъ картечью.

Генералъ Ермоловъ, сдавъ батарею Лихачеву, отправился къ лѣвому флангу позиціи и также былъ тяжело раненъ въ шею.

Между-тѣмъ какъ около полудня, въ центрѣ Бородинской позиціи, наши войска блистательно вырвали побѣду изъ рукъ непріятеля, 2-й пѣхотный корпусъ успѣлъ совершить фланговое передвиженіе на лѣвое крыло позиціи. Получивъ приказаніе идти туда, Баггевутъ оставилъ егерскіе полки своего корпуса по прежнему въ рощѣ, на правомъ флангѣ позиціи, и въ оврагѣ Калочи, и выступилъ съ остальными войсками. Около девяти часовъ двинулась, подъ личнымъ начальствомъ Баггевута, 17-я пѣхотная дивизія, а нѣсколько позже — принцъ Евгеній Виртембергскій съ 4-ою дивизіею. Сначала обѣ дивизіи слѣдовали по одному и тому же направленію, по проселочной дорогѣ, ведущей правѣе мызы Князькова; пройдя же мимо ея, корпусъ раздѣлился: самъ Баггевутъ съ 17-ю дивизіею двинулся въ лѣво черезъ лѣсъ, вполмощь лѣвому крылу, а принцъ Евгеній Виртембергскій съ 4-ю дивизіею, слѣдуя указанію Толя, повернулъ вправо, вывелъ войска изъ кустарника на поле, въ разстояніи около версты отъ батареи Раевскаго, и построилъ свои полки къ ней фронтомъ, въ двѣ линіи, въ баталіонныхъ колоннахъ. Получивъ между-тѣмъ, около 11-ти часовъ (29), черезъ присланнаго къ нему адъютанта, приказаніе Барклая — отобрать взятое непріятелемъ укрѣпленіе, принцъ повелъ быстро впередъ первую линію состоявшую изъ Кременчугскаго и Минскаго полковъ (бригады генералъ-маіора Пышницкаго). Уже

непріятельскія ядра стали долетать до этихъ войскъ, вырывая цѣлые ряды изъ фронта, когда самъ Барклай де-Толли, подъѣхавъ къ принцу, сказалъ ему, что Ермоловъ уже овладѣлъ батареею и что 4-я дивизія должна занять мѣсто влѣво отъ войскъ расположенныхъ на курганѣ и двинуться навстрѣчу сильной непріятельской пѣхотной колоннѣ, наступавшей между курганною батареею и Семеновскимъ. Вскорѣ послѣ того приказано было принцу развернуть войска, чтобы уменьшить вредъ наносимый имъ непріятельскими ядрами (30).

Въ то время, когда принцъ Евгеній двинулся для занятія указаннаго ему мѣста на позиціи, пространство между курганною батареею и Семеновскимъ, которое прежде занимала Вторая армія, уже было совершенно оставлено нашими войсками, и потому принцъ, снова построивъ въ колонны къ атакѣ Тобольскій и Волынскій полки (бригады де-Росси), выдвинулъ ихъ впередъ для прикрытія батареи поставленной влѣво отъ кургана. Здѣсь генералъ-маіоръ де-Росси получилъ сильную контузію въ голову; подъ принцемъ Евгеніемъ убиты три лошади. Несмотря на сильный уронъ отъ огня непріятельской артиллеріи, дѣйствовавшей перекрестными выстрѣлами, и на атаки Мюратовой кавалеріи, войска 4-й дивизіи заставили непріятельскую пѣхоту отступить. Въ это время Барклай, обратясь къ принцу, приказалъ ему подвинуть вторую бригаду (Кременчугскій и Минскій полки) вправо, гдѣ она была нужна Милорадовичу. Тогда же прискакалъ адъютантъ Милорадовича, Бибиковъ, убѣдительно требуя принца Евгенія къ своему начальнику. На вопросъ принца, гдѣ найти его, Бибиковъ показалъ рукою, которую въ это самое мгновеніе оторвало ядромъ; онъ поднялъ другую и указавъ куда надлежало ѣхать принцу, отвѣчалъ: „Сюда! поспѣшите!“ Принцъ Евгеній, поручивъ 1-ю бригаду (Тобольскій и Волынскій полки) маіору Вольфу, единствен-

ному остававшемуся въ ней штабъ-офицеру, поскакалъ къ Милорадовичу, уже бывшему при 2-й бригадѣ. По приказанію его, въ ожиданіи угрожавшей намъ сильной кавалерійской атаки, полки 4-й дивизіи построились въ баталіонныя каре, въ которыхъ укрылись Барклай, Милорадовичъ, Раевскій и другіе начальники. Непріятельская конница кинулась на нашу пѣхоту, которая отразила всѣ ея нападенія, но, вслѣдъ затѣмъ, снова открыла дѣйствіе артиллерія, громившая войска принца Евгенія съ такою силою, что въ продолженіе получаса бригада Пышницкаго потеряла одними убитыми до трехъ сотъ человѣкъ. Между-тѣмъ Баггевутъ безпрестанно присылалъ ординарцевъ, одного за другимъ, требуя къ себѣ 4-ю дивизію. Наконецъ, (когда уже войска 4-го пѣхотнаго корпуса были переведены въ центръ для поддержанія 24-й дивизіи, оборонявшей батарею Раевскаго), Барклай рѣшилъ, чтобы принцъ съ Кременчугскимъ и Минскимъ полками отправился на лѣвое крыло; прочіе же полки его дивизіи, состоявшіе подъ начальствомъ маіора Вольфа, снова атакованные французскою конницею, остались на прежнемъ мѣстѣ, лѣвѣе кургана, до слѣдующаго утра.

Около полудня, Кременчугскій и Минскій полки, подъ начальствомъ принца Евгенія, двинулись окольнымъ путемъ черезъ кусты, правѣе Псарева, на старую смоленскую дорогу ([31]).

Между-тѣмъ войска Тучкова 1-го (какъ мы уже сказали), были принуждены уступить непріятелю позицію ими занятую у кургана. Но уже подходили подкрѣпленія къ нашему лѣвому крылу. Самъ Баггевутъ, съ четырьмя баталіонами Брестскаго и Рязанскаго полковъ, миновавъ вершину Семеновскаго оврага, повернулъ вправо черезъ кусты противъ Вестфальцевъ, сильно тѣснившихъ князя Шаховскаго; прочіе же четыре баталіона, Вильманстрандскаго и Бѣлозерскаго полковъ, подъ начальствомъ гене-

ралъ-лейтенанта Олсуфьева, продолжая двигаться прямо на старую смоленскую дорогу, прибыли въ помощь Тучкову въ то самое время, когда 1-я гренадерская дивизія была оттѣснена съ позиціи у кургана. Пользуясь появленіемъ свѣжихъ войскъ, Тучковъ рѣшился атаковать Понятовскаго, чтобы не дать ему времени утвердиться на занятомъ имъ пунктѣ. Самъ Тучковъ съ Павловскимъ полкомъ остановилъ непріятеля, приказавъ генералъ-лейтенанту Олсуфьеву, съ вновь прибывшими войсками, смѣнить полки прежде стоявшіе на правомъ крылѣ 1-й гренадерской дивизіи и обойти лѣвое крыло Поляковъ; въ тоже время генералъ-маіоръ графъ Строгановъ, съ С.-Петербургскими и Екатеринославскими гренадерами, за которыми слѣдовали Лейбъ-гренадерскій и графа Аракчеева полки, былъ направленъ въ обходъ праваго крыла войскъ Понятовскаго. Лишь-только дружными усиліями нашихъ войскъ непріятель былъ сброшенъ съ кургана, мы поспѣшно взвезли на него шесть батарейныхъ орудій и, поставя ихъ на уменьшенныхъ интервалахъ, открыли пальбу по отступавшимъ войскамъ Понятовскаго и принудили его отступить на дальный пушечный выстрѣлъ къ Утицѣ и ограничиться канонадою. Тучковъ, будучи смертельно раненъ, былъ смѣненъ Баггевутомъ; въ числѣ раненыхъ былъ также генералъ-маіоръ графъ Ивеличъ (32).

Такимъ образомъ около полудня, послѣ шести часовъ упорнаго боя, русскія войска удержались на всѣхъ пунктахъ позиціи занятой въ началѣ сраженія, кромѣ флешей и Семеновскаго оврага. Между-тѣмъ, еще гораздо прежде, было предпринято съ нашей стороны наступательное дѣйствіе противъ лѣваго крыла непріятельской арміи, оставленнаго вице-королемъ за рѣчкою Калочею. Платовъ, съ бо́льшею частью казаковъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 1-го кавалерійскаго корпуса, за рощею, утромъ, въ про-

долженіе сраженія, нѣсколько разъ посылалъ разъѣзды для открытія бродовъ на Калочѣ, при чемъ имѣлъ случай удостовѣриться, что у Бородина, на лѣвомъ крылѣ непріятельской позиціи, оставалось весьма немного войскъ. Полагая возможнымъ обойти Французовъ съ лѣваго фланга и воспользоваться неожиданностью этого обхода для нанесенія имъ вреда, Платовъ послалъ находившагося при немъ волонтеромъ полковника принца Эрнста Гессенъ-Филипстальскаго къ Кутузову, вызываясь перейти съ значительнымъ числомъ кавалеріи въ бродъ черезъ Калочу и атаковать непріятеля. Принцъ Гессенскій обратился сперва къ Толю, который, убѣдясь въ пользѣ этого нападенія, какъ диверсіи могшей отвлечь часть силъ непріятеля отъ рѣшительныхъ пунктовъ его атаки, исходатайствовалъ у князя Кутузова разрѣшеніе употребить для предположеннаго дѣйствія весь 1-й кавалерійскій корпусъ генерала Уварова, въ числѣ 2,500 человѣкъ. Тогда могло быть около девяти часовъ. Для передачи отданнаго приказанія потребовалось нѣсколько времени, а исполненіе его, т.-е. передвиженіе 1-го кавалерійскаго корпуса изъ-за рощи къ рѣчкѣ Калочѣ и переходъ его черезъ глубокій оврагъ могли быть окончаны уже около полудня (33). Когда же обнаружилось намѣреніе непріятеля — вести усиленныя атаки на лѣвое крыло и центръ нашей позиціи, тогда князь Кутузовъ, по предложенію Барклая де-Толли, отдалъ (около девяти часовъ) приказаніе генералу Милорадовичу перевести 2-й кавалерійскій, и 4-й пѣхотный корпуса ближе къ центру нашей позиціи, что̀ и было исполнено постепенно; около полудня войска 4-го пѣхотнаго корпуса уже находились въ резервѣ за 6-мъ корпусомъ. Между-тѣмъ Наполеонъ готовился возобновить атаку на батарею Раевскаго войсками вице-короля, поддержавъ ихъ частью резервной кавалеріи и гвардіи (34). Таково было начало втораго акта Бородинской битвы.

ГЛАВА XXIII.

Сраженіе при Бородинѣ.

(Продолженіе.)

СОДЕРЖАНІЕ.

Сильная канонада противъ центра нашей позиціи. — Нападеніе Уварова и Платова на лѣвый флангъ непріятельской арміи. — Вліяніе его на ходъ битвы. — Пріуготовленія Наполеона ко вторичному нападенію на батарею Раевскаго. — Мѣры для противодѣйствія, принятыя Барклаемъ де-Толли. — Атака Коленкура и взятіе непріятелемъ батареи Раевскаго. — Атака на пѣхоту нашего центра. — Дѣйствія Кавалергардскаго и Конно-гвардейскаго полковъ. — Смерть Левенвольде. — Кавалерійское дѣло. — Расположеніе русскихъ войскъ по отступленіи лѣваго крыла отъ Семеновскаго и центра отъ батареи Раевскаго. — Занятіе Понятовскимъ кургана на старой смоленской дорогѣ. — Расположеніе нашей арміи въ концѣ сраженія. — Бездѣйствіе Наполеоновой гвардіи. — Предположеніе съ нашей стороны возобновить битву. — Состояніе русскихъ войскъ. — Приказаніе отступать. — Потери обѣихъ сторонъ. — Причины большой растраты людей. — Число войскъ обѣихъ сторонъ послѣ сраженія при Бородинѣ. — Мнѣніе Наполеона о Бородинской битвѣ. — Замѣчанія на дѣйствія обѣихъ сторонъ.

2) Отъ взятія непріятелемъ флешей и селенія Семеновскаго до окончанія битвы.

Въ первомъ часу войска вице-короля получили приказаніе снова атаковать батарею Раевскаго; Молодая гвардія и резервная кавалерія двинулись для содѣйствія этому нападенію. Между-тѣмъ генералъ графъ Сорбье, замѣтивъ усиленіе нашего центра свѣжими войсками (это были полки принца Евгенія Виртембергскаго и прибывшіе за ними вслѣдъ обѣ дивизіи Остермана), полагалъ, что сіе передвиженіе было сдѣлано съ наступательною цѣлью,

и потому усилилъ огонь артиллеріи, дѣйствовавшей противъ сего пункта, высланными изъ резерва тридцатью шестью орудіями гвардейской артиллеріи и сорока девятью конными орудіями корпусовъ Нансути и Латуръ-Мобура. Эти огромныя батареи, построившись впереди Семеновскаго, открыли огонь противъ войскъ Остермана и принца Виртембергскаго, поражаемыхъ въ то же время канонадою со стороны вице-короля. Наполеонъ, считая нашъ центръ достаточно ослабленнымъ, надѣялся сокрушить его рѣшительнымъ ударомъ; огромныя массы непріятельскихъ войскъ, какъ грозныя тучи, облагали нашу позицію; за ними стояла Французская гвардія, еще не бывшая въ дѣлѣ. Но въ этотъ самый моментъ, предположенная атака непріятеля была пріостановлена смятеніемъ въ войскахъ вице-короля, оставленныхъ у Бородина за Калочею. Издали можно было видѣть безпорядокъ въ обозахъ стоявшихъ на большой дорогѣ, въ сосѣдствѣ этого пункта. Множество повозокъ и нестроевыхъ искали спасенія въ бѣгствѣ ([1]).

Причиною этой тревоги была атака генерала Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи. Получивъ, какъ сказано въ его рапортѣ, повелѣніе князя Кутузова— перейти съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ черезъ рѣчку и атаковать лѣвый флангъ непріятеля, чтобы оттянуть его силы, которыя столь сильно стремились атаковать Вторую нашу армію ([2]), Уваровъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ составѣ 28-ми эскадроновъ съ 12-ю конными орудіями, перешелъ въ двѣнадцатомъ часу вбродъ черезъ Калочу, близъ селенія Малаго, и направился къ Войнѣ, обойдя источники одного изъ болотистыхъ притоковъ Калочи. По достиженіи Войны, около полудня, въ то время, когда батарея Раевскаго уже была отбита Ермоловымъ, войска Уварова имѣли влѣво отъ себя село Бородино, сильно занятое непріятелемъ, а съ фронта

84-й французскій линейный полкъ и легкую кавалерійскую бригаду Орнано, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ. Генералъ Уваровъ тотчасъ же атаковалъ непріятеля Елисаветградскими гусарами и Лейбъ-казаками, за которыми слѣдовали гвардейскіе полки: драгунскій, уланскій и гусарскій; Нѣжинскій драгунскій и конная рота № 2-го. Лишь-только было замѣчено наступленіе нашихъ войскъ, то конница Орнано перешла у селенія Беззубова черезъ мельничную плотину, за Войну, а 84-й полкъ построился передъ плотиною въ каре, куда укрылся и вице-король, поспѣшно прибывшій на лѣвый флангъ. Одновременно съ тѣмъ были переведены на лѣвую сторону Калочи 6-й, 8-й и 25-й конно-егерскіе полки дивизіи Шастеля (3-го корпуса Груши), дивизія Лагуссе (того же корпуса) и италіянская гвардія. Когда Уваровъ приказалъ Лейбъ-гусарамъ идти въ атаку, Клаузевицъ, тогда находившійся при 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ, предложилъ сперва разстроить Французовъ огнемъ батареи, но это мнѣніе не было принято, изъ опасенія упустить непріятеля и потерять случай нанести ему пораженіе. Три раза наши гусары ходили въ атаку и каждый разъ были отбиваемы огнемъ французской пѣхоты; наконецъ, когда велѣно было снять орудія съ передковъ и открыть огонь, Французы отошли за плотину, оставя въ нашихъ рукахъ орудіе захваченное гусарами ([3]). Самъ вице-король подвергался большой опасности, — подъ нимъ была убита лошадь; одинъ изъ его адъютантовъ, Межанъ, былъ раненъ. Но весь нашъ успѣхъ ограничился отступленіемъ Французовъ за Войну, потому-что Уваровъ не могъ перейти съ одною кавалеріею черезъ плотину въ виду значительныхъ непріятельскихъ силъ, стоявшихъ на правой сторонѣ Войны; а нападеніе на Бородино, сильно занятое непріятельскою пѣхотою, также не обѣщало успѣха. Между-тѣмъ Платовъ, съ нѣсколькими казачьими полками, перешедшій

черезъ Калочу одновременно съ Уваровымъ, найдя выше Беззубова удобное мѣсто для перехода черезъ Войну, перевелъ на другую сторону этой рѣчки своихъ казаковъ, которые разсыпались въ кустахъ между непріятельскими колоннами и зашли имъ въ тылъ. Пѣхота вице-короля, занимавшая выходъ съ плотины, опасаясь быть отброшенною въ болото, отошла отъ рѣчки, что̀ способствовало Лейбъ-казачьему полку промчаться черезъ плотину въ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхотѣ. Пользуясь суматохою, которую произвело это неожиданное нападеніе, наши казаки отступили обратно черезъ плотину. Между-тѣмъ полки Уварова, получивъ отъ Барклая де-Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Калочи, отошли, вмѣстѣ съ казаками Платова, къ Горкамъ, около четырехъ часовъ по полудни (4).

Наполеонъ, узнавъ о нападеніи нашихъ войскъ на лѣвое крыло его арміи, пріостановилъ наступленіе вице-короля на батарею Раевскаго, приказалъ дивизіи Рогѐ сдѣлать фланговое движеніе влѣво съ рѣчки Каменки къ Калочѣ, а Вислянскому легіону Клапарѐда податься къ Каменкѣ, и поскакалъ за Калочу на большую дорогу, гдѣ удостовѣрясь въ отступленіи Уварова, возвратился къ Шевардину. Въ то же время вице-король снова прибылъ на правую сторону Калочи, куда вслѣдъ за нимъ пришла и дивизія Лагуссѐ (5).

Вообще же нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи, произведенное безъ содѣйствія пѣхоты, которое, по свойствамъ мѣстности въ окрестностяхъ Бородина, было необходимо, не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій, но принесло намъ большую пользу, заставя Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ мы успѣли усилить нашъ центръ войсками съ праваго крыла и изъ резерва и занять промежутокъ образовавшійся между батареей Раевскаго и Семенов-

скимъ ([6]). Князь Кутузовъ полагалъ, что при этомъ нападеніи наша кавалерія могла бы одержать болѣе рѣшительные успѣхи; изъ донесенія же Уварова видно, что ему было приказано отвлечь непріятеля отъ покушеній на Вторую армію, но что въ послѣдствіи онъ получилъ отъ Барклая и отъ самого Кутузова повелѣніе возвратиться на позицію. Дѣйствія нашего отряда могли бы имѣть болѣе важныя послѣдствія только тогда, когда онъ былъ бы въ значительныхъ силахъ и состоялъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, или еслибъ Уваровъ получилъ опредѣлительную инструкцію, въ которой было бы ясно выражено, что отрядъ его назначался для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятелю и что эту атаку слѣдовало повести даже и въ такомъ случаѣ, еслибы нашъ отрядъ подвергался совершенному пораженію.

Наполеонъ, убѣдясь въ томъ, что лѣвое крыло его было атаковано незначительными силами, рѣшился возобновить атаку на батарею Раевскаго войсками вице-короля съ частью резервной кавалеріи. Дивизіи Брусье, Морана и Жерара, поддержанныя слѣва войсками дивизіи Шастеля (кавалерійскаго корпуса Груши), были назначены для нападенія съ фронта и праваго фланга, между-тѣмъ какъ дивизія Ватье корпуса Монбрюна (подъ начальствомъ Коленкура) и дивизія Лоржа корпуса Латуръ-Мобура, принявшая влѣво послѣ взятія Французами Семеновскаго, долженствовали обойти наше укрѣпленіе съ лѣваго фланга. Барклай де-Толли, замѣтивъ грозу, готовую разразиться надъ нами, приказалъ 4-му пѣхотному корпусу графа Остермана, стоявшему въ резервѣ близъ кургана, вступить въ первую линію на мѣсто остатковъ 7-го корпуса, лѣвѣе и позади батареи Раевскаго; за 4-мъ корпусомъ стали Преображенскій и Семеновскій полки, а за ними назначено было расположить кавалерію въ двѣ линіи: въ первой 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса, подъ общимъ начальствомъ

Корфа, а во второй—полки Кавалергардскій и Конной гвардіи. Но 2-й кавалерійскій корпусъ, замедленный переходомъ черезъ Стонецъ, тогда еще не прибылъ съ праваго фланга, а большая часть 3-го, подъ начальствомъ Дорохова, была отряжена въ помощь лѣвому крылу. Сближеніе резервовъ къ боевымъ линіямъ, необходимое по сгущенію непріятельскихъ массъ противъ укрѣпленія составлявшаго ключъ позиціи, подвергло насъ жесточайшему урону отъ огня огромныхъ непріятельскихъ батарей, выставленныхъ частью по нижней Семеновкѣ, отдѣлявшей насъ отъ войскъ вице-короля, частью впереди развалинъ Семеновскаго. Наша резервная конная артиллерія, въ составѣ восьми ротъ, находясь постоянно въ огнѣ, много содѣйствовала къ удержанію непріятеля и понесла большія потери; въ-особенности же рота полковника Никитина, въ которой убито 93 человѣка и 113 лошадей и повреждено семь орудій (7).

Въ два часа по полудни, Коленкуръ повелъ въ атаку дивизію Ватьѐ, между-тѣмъ какъ продолжалась усиленная канонада, что̀ заставило нашу пѣхоту перестроиться въ каре подъ жесточайшимъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Здѣсь потерялъ ногу начальникъ 23-й дивизіи, генералъ-маіоръ Бахметьевъ 2-й; ранены генералъ-маіоры Бахметьевъ 1-й и Алексополь. Самъ Остерманъ, сильно контуженный, принужденъ былъ удалиться съ поля сраженія. Непріятель понесъ также огромный уронъ. Французскіе историки сравниваютъ наше курганное укрѣпленіе со стальною массою сверкавшею пламенемъ. Кирасиры Ватьѐ, перейдя Семеновку ниже устья Каменки, направились кратчайшимъ путемъ влѣво отъ батареи и опрокинули часть 6-го пѣхотнаго корпуса, стоявшую правѣе укрѣпленія, въ Горицкій оврагъ, между-тѣмъ какъ 5-й кирасирскій полкъ, слѣдовавшій въ послѣднемъ эшелонѣ, повернувъ вправо, перенесся черезъ ровъ и брустверъ на батарею. Но огонь пѣхоты, расположенной за укрѣпленіемъ, тотчасъ заставилъ

кирасировъ очистить его, и самъ Коленкуръ былъ убитъ пулею, въ горжѣ батареи. Дивизіи Дефранса слѣдовало, оставя батарею влѣво, атаковать нашу позицію, одновременно съ кирасирами, но она нѣсколько опоздала, а между-тѣмъ корпусъ Латуръ-Мобура также пошелъ въ атаку, въ обходъ батареи съ лѣваго фланга: уланская дивизія Рожнецкаго, построенная въ двѣ линіи, составляла правое крыло, а кирасирскіе полки, двигавшіеся одинъ за другимъ, лѣвое; въ центрѣ находились конныя батареи. Впереди всѣхъ, саксонская гвардія пошла въ атаку прямо на батарею, а кирасиры Цастрова и Малаховскаго, поддержанные вестфальскою бригадою, ударили на полки Перновскій, Кексгольмскій и 33-й егерскій, стоявшіе съ лѣвой стороны батареи, нѣсколько позади горжи ея, въ оврагѣ; но эти храбрые полки, допустивъ непріятеля на разстояніе около шестидесяти шаговъ, встрѣтили его залпами и обратили назадъ въ совершенномъ разстройствѣ. Между-тѣмъ Тилеманъ, съ саксонскими гвардейскими кирасирами, перейдя черезъ ровъ и брустверъ, ворвался въ укрѣпленіе. Пѣхота наша, занимавшая батарею, оборонялась отчаянно (8). Въ углу укрѣпленія, на походномъ стулѣ, сидѣлъ изнуренный болѣзнью, но крѣпкій духомъ, начальникъ защитниковъ кургана, генералъ Лихачевъ. Возвышая слабый свой голосъ, среди грома выстрѣловъ и крика сражающихся, онъ возбуждалъ своихъ подчиненныхъ къ геройскимъ подвигамъ. Когда же, наконецъ, уже не было никакой надежды отстоять батарею, Лихачевъ собралъ послѣднія силы и кинулся въ толпу непріятелей, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ потерею залога ввѣреннаго его защитѣ Отечествомъ. Уже храбрый воинъ, пораженный нѣсколько разъ штыками, былъ повергнутъ на землю, но непріятели, узнавъ въ немъ русскаго генерала, остановили смертный ударъ, готовый поразить его (9). Въ продолженіе этого боя, вице-король, съ пѣхотными дивизіями

Брусьѐ, Морана и Жерара, подошелъ къ кургану и занялъ головными своими баталіонами (9-го линейнаго полка) нашу батарею. Барклай де-Толли, желая овладѣть обратно курганомъ, вывелъ изъ оврага ближайшіе баталіоны 24-й дивизіи; въ этотъ самый моментъ кирасиры Малаховскаго, въ колоннѣ по-три, спустились въ оврагъ, чтобы обойти нашу пѣхоту съ фланга, и хотя это покушеніе не удалось, однакожь заставило Барклая отказаться отъ нападенія на курганъ и ускорило отступленіе русскихъ войскъ за Горицкій оврагъ. Непріятельская кавалерія, ободренная тѣмъ, рѣшилась атаковать пѣхоту 4-го и 6-го корпусовъ, которая, между-тѣмъ, построилась въ баталіонныя каре за оврагомъ: саксонскій полкъ Цастрова обошелъ его движеніемъ вправо; затѣмъ — вся кавалерія Латуръ-Мобура, съ содѣйствіемъ подоспѣвшей на мѣсто боя дивизіи Дефранса, кинулась въ атаку на нашу пѣхоту. Польскіе уланы, выдержавъ огонь одной изъ нашихъ батарей, на которой тогда находился начальникъ артиллеріи 6-го корпуса, генералъ Костенецкій, стали рубить канонеровъ. Самъ Костенецкій, одаренный необыкновенною тѣлесною силою, схватилъ банникъ, свалилъ съ лошадей нѣсколько улановъ и съ помощью своихъ артиллеристовъ, отбился отъ непріятелей ([10]).

Барклай де-Толли, замѣтивъ ослабленіе нашей кавалеріи, которой значительная часть тогда находилась на лѣвомъ крылѣ, рѣшился удерживать непріятеля одною пѣхотою. Самъ онъ, описывая Бородинское сраженіе, говоритъ: „Высота съ частью артиллеріи (*) была взята штурмомъ; 24-я дивизія возвращалась въ величайшемъ смятеніи, но была немедленно остановлена и построена. Тогда непріятельская кавалерія соединенными силами устремилась на нашу пѣхоту. Казалось — уже наступила минута рѣшенія участи боя; кавалерія моя не могла удержать громаду двигавшихся на

(*). „Непріятель овладѣлъ наконецъ люнетомъ, съ котораго однакожь мы успѣли свезти бо̀льшую часть орудій (Подлинныя Записки Толя)“.

нее силъ, и я не смѣлъ вести ее противъ непріятеля, полагая, что она, будучи опрокинута, отступитъ въ безпорядкѣ и приведетъ въ разстройство пѣхоту" (11).

Въ этотъ рѣшительный моментъ подоспѣли изъ резерва, по приказанію Барклая, приведенные адъютантомъ его Кавалергардскій и Конно-гвардейскій полки, подъ начальствомъ своего бригаднаго командира, генералъ-маіора Шевича. Оба полка, прибывъ на рысяхъ, стали за небольшимъ возвышеніемъ впереди Князькова. Между-тѣмъ непріятель, овладѣвъ вторично батареею Раевскаго и желая воспользоваться этимъ успѣхомъ, атаковалъ частью пѣхоты вице-короля и 3-го кавалерійскаго корпуса (именно — войсками дивизіи Дефранса и Шастеля и 7-мъ другунскимъ полкомъ дивизіи Лагуссе) 7-ую пѣхотную дивизію Капцевича съ фронта и праваго фланга. Одно изъ нашихъ каре 19-го егерскаго полка было прорвано атакою французскихъ карабинеръ дивизіи Дефранса. Въ это время правѣе Кавалергардскаго полка стоялъ прибывшій изъ резерва второй дивизіонъ 2-й гвардейской конной батареи, подъ командою подпоручика барона Корфа. Замѣтивъ разстройство нашего каре, онъ, не ожидая приказанія, вынесся съ своими орудіями, на встрѣчу непріятелю. Лишь-только наша пѣхота раздалась въ стороны, орудія открыли огонь картечью, съ разстоянія около ста саженъ, по непріятельской пѣхотѣ и разсѣяли ее, устлавъ пространство впереди батареи грудою труповъ. Но легкая кавалерія Шастеля несмотря на убійственное дѣйствіе картечью, продолжала наступать и кинулась вразсыпную на наши орудія, которыя, находясь тогда на заднихъ отвозахъ, отходили довольно медленно. Уже французскіе всадники находились въ интервалахъ орудій Корфа, когда онъ, взъѣхавъ на возвышеніе, закричалъ командиру перваго взвода право-фланговаго эскадрона Кавалергардскаго полка: „Башмаковъ! выручи орудія." Въ одинъ

мигъ весь Кавалергардскій полкъ ударилъ на Французовъ и спасъ артиллерію. Вслѣдъ затѣмъ Барклай де-Толли, подъѣхавъ къ командовавшему Кавалергардскимъ полкомъ, полковнику Левенвольде, велѣлъ ему идти въ атаку. Левенвольде построилъ полкъ уступами съ фланговъ, провелъ его, подъ картечнымъ огнемъ, сквозь линію кареевъ 19-го и 40-го егерскихъ полковъ и ударилъ на непріятеля, двинувшагося ему навстрѣчу въ двухъ линіяхъ: первая состояла изъ саксонскихъ кирасирскихъ полковъ Гвардейскаго и Цастрова, вторая изъ польскихъ уланъ. Левенвольде былъ намѣренъ съ 1-мъ эскадрономъ атаковать непріятеля съ фронта, а 4-мъ, шедшимъ лѣвѣе его, зайти Саксонцамъ во флангъ. Скомандовавъ: „въ галопъ!“ Левенвольде закричалъ командиру 4-го эскадрона, ротмистру Давыдову: „Командуйте, Евдокимъ Васильевичъ, лѣвое плечо“, и въ это самое время упалъ съ лошади, пораженный смертельно картечью въ голову. Смерть его, въ самую рѣшительную минуту, ослабила ударъ нашихъ отборныхъ латниковъ, но несмотря однакожь на то, Кавалергарды, подъ начальствомъ полковника Левашова, занимая конницу Латуръ-Мобура нѣсколько разъ повторенными атаками, не позволили непріятелю возобновить нападеніе на нашу пѣхоту (12). Атакамъ Кавалергардовъ содѣйствовалъ Конно-гвардейскій полкъ (13).

Между-тѣмъ къ непріятелю безпрестанно подходили подкрѣпленія и потому Барклай приказалъ генералъ-адъютанту барону Корфу, со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, поспѣшить въ помощь центру. Лишь-только прибыла часть сего корпуса, то Корфъ послалъ генералъ-маіора Панчулидзева 2-го, съ Изюмскимъ гусарскимъ и Польскимъ уланскимъ полками, въ атаку противъ кирасировъ Ватьѐ и карабинеровъ Дефранса, но наши полки, еще не успѣвъ развернуться, были атакованы непріятелемъ и приведены въ безпорядокъ. Тогда оберъ-квартирмейстеръ

2-го кавалерійскаго корпуса, капитанъ Шубертъ, и адъютанты корпуснаго командира, капитанъ Яковлевъ и ротмистръ Лашкаревъ, собравъ разстроенные полки, способствовали удержанію непріятельской кавалеріи. Генералъ Корфъ приказалъ Псковскому драгунскому полку, подъ начальствомъ полковника Засса, идти въ атаку правѣе кургана, а Московскимъ драгунамъ расположиться въ резервѣ. Полковникъ Зассъ, замѣтя, что непріятельская пѣхота и конница (въ рапортѣ Корфа сказано—конные гренадеры) быстро подавались впередъ, угрожая правому флангу Изюмскаго и Польскаго полковъ, которые тогда еще не успѣли оправиться, атаковалъ непріятеля (вѣроятно 7-й драгунскій полкъ), опрокинулъ его и, отозвавъ назадъ свои эскадроны, устроилъ ихъ подъ непріятельскими выстрѣлами въ наилучшемъ порядкѣ; часть кавалеріи Груши, остававшаяся въ резервѣ, кинулась въ атаку на Псковскихъ драгунъ, но была также приведена въ разстройство и преслѣдована до самой пѣхоты; полковникъ Зассъ, пользуясь этимъ успѣхомъ, ударилъ въ лѣвый флангъ крайнему баталіону и врубился въ него. Удачѣ Зассовыхъ драгунъ содѣйствовала стрѣльба картечью, съ весьма близкаго разстоянія, перваго дивизіона гвардейской конной батареи № 2-го, подъ личнымъ начальствомъ полковника Козена (прибывшаго съ лѣваго крыла къ центру). Непріятельская кавалерія была приведена въ смятеніе, но вслѣдъ затѣмъ, эти орудія, вынесшись еще болѣе впередъ, по указанію полковника Кудашева, наткнулись на 12-ти-орудійную непріятельскую батарею и понесли большой уронъ; въ числѣ смертельно раненыхъ былъ командиръ 2-й конной батареи, капитанъ Раль ([14]).

Въ продолженіе времени этихъ дѣйствій, прибыли на мѣсто боя полки 3-го кавалерійскаго корпуса: Сумскій и Маріупольскій гусарскіе, Оренбургскій, Сибирскій Ир-

кутскій драгунскіе, а также и полки 2-го кавалерійскаго корпуса. Здѣсь завязалось упорное дѣло: атаки быстро слѣдовали одна за другою съ перемѣннымъ успѣхомъ. Лошади павшихъ всадниковъ бѣгали цѣлыми табунами. Самъ Барклай съ своею свитою участвовалъ въ схваткѣ и принужденъ былъ обнажить саблю для собственной защиты. Одинъ изъ его адъютантовъ, графъ Ламсдорфъ былъ застрѣленъ изъ пистолета. Со стороны непріятеля убиты: дивизіонный генералъ Шастель и бригадные генералы Гюаръ (Huard) и Жераръ; ранены: командиръ 3-го кавалерійскаго корпуса Груши и бригадный генералъ Домманжѐ ([15]). Въ продолженіе кавалерійскаго дѣла, вице-король сильно занялъ курганную батарею и пространство по сторонамъ ея, а русскія войска, отойдя окончательно за Горицкій оврагъ, расположились, въ четвертомъ часу по полудни, въ разстояніи около четырехъ сотъ саженей отъ взятаго непріятелемъ укрѣпленія, примыкая правымъ флангомъ къ селенію Горкамъ. Лѣвое же наше крыло тогда было расположено на пушечный выстрѣлъ отъ Семеновскаго, упираясь флангомъ въ лѣсъ лежащій по обѣ стороны старой смоленской дороги ([16]). Войска обѣихъ сторонъ, утомленныя, ослабленныя продолжительнымъ дѣйствіемъ, мало-по-малу прекращали свои усилія. Пѣхота стояла въ небольшихъ колоннахъ, заключавшихъ въ себѣ едва треть людей введенныхъ въ дѣло при началѣ сраженія; всѣ прочіе были убиты, ранены, заняты уборкою изувѣченныхъ своихъ товарищей, либо собирались въ тылу боевыхъ линій; кавалерія продолжала частныя атаки рысью; артиллерія, потрясавшая громомъ своимъ всю окрестность, постепенно умолкала. Только на лѣвомъ нашемъ крылѣ все-еще продолжалась весьма жаркая перестрѣлка ([17]).

Тамъ въ кустарникахъ завязалось упорное дѣло. Около четырехъ часовъ по-полудни, одна изъ вестфальскихъ ко-

лонии, подъ начальствомъ Охса, прорвалась между войсками Баггевута, занимавшими позицію у кургана, и лѣвымъ крыломъ остальной арміи. Принцъ Евгеній, замѣтивъ, что наступавшая пѣхота была въ бѣлыхъ плащахъ (*), сказалъ о томъ Баггевуту, который сомнѣвался однакожь, чтобы это былъ непріятель. Князь Шаховской взялся, съ своими егерями и стоявшимъ вблизи ихъ Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ, развѣдать о появившихся войскахъ, но едва лишь Минскій полкъ, двинувшись навстрѣчу Вестфальцамъ, вышелъ изъ кустовъ на поляну, какъ будучи осыпанъ картечью и потерпѣвъ значительный уронъ, былъ принужденъ отступить.

Тогда Баггевутъ, убѣдившись въ опасности своего положенія, отошелъ болѣе версты по старой смоленской дорогѣ и около пяти часовъ по-полудни расположилъ свои войска на одной высотѣ съ лѣвымъ крыломъ арміи. Лишь-только Понятовскій замѣтилъ отступленіе русскихъ войскъ, то направилъ обѣ свои пѣхотныя дивизіи противъ позиціи у кургана, а 13-й гусарскій полкъ, полковника Тулинскаго, поддержанный остальными тремя кавалерійскими полками 5-го корпуса, послалъ въ обходъ нашего лѣваго фланга. Казачій отрядъ Карпова, отступивъ къ войскамъ Баггевута, расположился нѣсколько впереди ихъ лѣваго фланга. Между-тѣмъ принцъ Евгеній оставался на курганѣ съ четырьмя орудіями и прикрытіемъ ихъ, состоявшимъ изъ Кременчугскаго полка, въ числѣ не болѣе трехъ-сотъ человѣкъ, а потомъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ вестфальскою колонною, отступилъ къ новой позиціи Баггевута. Войска Понятовскаго заняли курганъ, но принцъ Евгеній, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ нашихъ генераловъ сожалѣли о потерѣ этого пункта, изъявилъ намѣреніе снова овладѣть имъ. Баггевутъ и Коновницынъ отговаривали его отъ этого предпріятія, но наконецъ дозволили ему атаковать непріятеля. Тогда принцъ, взявъ съ собою Кремен-

(*) Вестфальскія войска имѣли бѣлыя шинели.

чугскій и Минскій полки, въ которыхъ оставалось всего-на-все около пятисотъ человѣкъ, съ четырьмя орудіями, повелъ ихъ на непріятеля; за ними въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали Рязанскій и Брестскій полки. Лишь только Минскій полкъ взошелъ на курганъ, какъ былъ встрѣченъ залпомъ головной части непріятельской пѣхоты, и вслѣдъ затѣмъ будучи атакованъ 12-мъ уланскимъ полкомъ, отступилъ съ урономъ ([18]). Несмотря однакожь на то, Понятовскій ограничился занятіемъ кургана, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ новой позиціи Баггевутовыхъ войскъ, и отвелъ главныя силы своего корпуса къ Утицѣ ([19]).

Такимъ образомъ около шести часовъ вечера наши войска занимали слѣдующее расположеніе: 6-й пѣхотный корпусъ стоялъ правымъ флангомъ у батареи при селеніи Горки, откуда первая линія простиралась по направленію къ Семеновскому; 4-й пѣхотный корпусъ примыкалъ, подъ исходящимъ угломъ, къ лѣвому флангу 6-го; далѣе влѣво были расположены остатки пѣхоты 2-й арміи, упираясь въ кустарникъ занятый Измайловскимъ и Финляндскимъ гвардейскими полками; наконецъ 3-й пѣхотный и бо̀льшая часть 2-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ Баггевута, стояли отдѣльно, по обѣ стороны старой смоленской дороги, на продолженіи линіи занятой войсками 2-й арміи, образуя съ нею входящій уголъ. Кавалерійскіе корпуса расположены были во второй линіи; а 5-й (гвардейскій) корпусъ въ резервѣ ([20]). Съ нашей стороны, въ продолженіе битвы, не участвовали въ ней только четыре егерскихъ полка, стоявшіе съ начала сраженія на правомъ флангѣ позиціи (*); а со стороны непріятеля — вся его гвардія, въ числѣ около двадцати тысячъ человѣкъ отборнаго войска. Къ тому же русскія войска были оттѣснены на позицію, не представлявшую никакихъ выгодъ въ обо-

(*) 30-й, 48-й, 4-й и 34-й.

ронительномъ отношеніи; за нею, въ разстояніи около двухъ тысячъ шаговъ, пролегалъ съ нею въ параллель, путь отступленія къ Москвѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, наступленіе Наполеоновой гвардіи, поддержанной частью войскъ уже бывшихъ въ бою, могло имѣть весьма рѣшительныя послѣдствія. Еще солнце стояло высоко, когда Мюратъ прислалъ генерала Бельяра къ Наполеону съ просьбою о содѣйствіи гвардіи. Маршалъ Ней также приказалъ извѣстить его, что участіе гвардейской кавалеріи въ бою могло довершить разстройство русской арміи. Увѣряютъ, будто-бы Бертьè и Бессьеръ, тогда находившіеся при Наполеонѣ, отклонили его отъ дальнѣйшаго наступленія. Желая убѣдиться лично въ донесеніяхъ Мюрата и Нея, онъ поскакалъ къ сражавшимся войскамъ, сперва на Семеновскія высоты, потомъ на батарею Раевскаго: вездѣ онъ видѣлъ Русскихъ, оттѣсненныхъ къ пути ихъ отступленія, но стоявшихъ твердо въ ожиданіи новаго боя. „Je ne ferai pas démolir ma garde. A huit cents lieues de France, „on ne risque pas sa dernière réserve“ (Не хочу разстроить мою гвардію. Въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Франціи, не слѣдуетъ жертвовать послѣднимъ резервомъ) — сказалъ онъ ([21]).

Съ нашей стороны ежеминутно ожидали наступленія справедливо прославленной Наполеоновой гвардіи. Но непріятель ограничивался канонадою, которая, мало-по-малу, утихала ([22]). Между-тѣмъ Барклай де-Толли старался привести въ порядокъ войска разстроенныя боемъ и послалъ къ Кутузову флигель-адъютанта Вольцогена, приказавъ ему объяснить главнокомандующему обстоятельства, въ которыхъ находилась наша армія, и испросить распоряженія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Вольцогенъ, явясь къ Кутузову, донесъ ему, что всѣ важнѣйшіе пункты нашей позиціи были въ рукахъ непріятеля и что наши войска находились въ совершенномъ разстройствѣ. Такое нѣсколько

преувеличенное изложеніе дѣла, въ присутствіи множества лицъ, состоявшихъ въ штабѣ арміи, не понравилось Кутузову, который, выразивъ весьма рѣзко неудовольствіе свое Вольцогену, сказалъ ему: „Что касается до сраженія, то ходъ его извѣстенъ мнѣ самому какъ-нельзя лучше. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской". Затѣмъ Вольцогенъ, исполняя порученіе Барклая де-Толли, испросилъ письменное приказаніе главнокомандующаго. Кутузовъ, одобривъ всѣ распоряженія Барклая, увѣдомилъ его о намѣреніи своемъ возобновить сраженіе и предписалъ ему сдѣлать всѣ приготовленія къ тому въ продолженіе ночи. Генералъ Дохтуровъ, временно начальствовавшій Второю арміей, получилъ ввечеру отъ главнокомандующаго повелѣніе: привести въ устройство ввѣренныя ему войска, снабдить артиллерію зарядами и приготовиться къ возобновленію боя(23). Тогда же адъютантъ генерала Ермолова, штабсъ-капитанъ Граббе, былъ посланъ предварить войска о предстоявшемъ сраженіи (24). А между-тѣмъ князь Кутузовъ, въ сумерки, по возвращеніи въ прежнюю главную свою квартиру, мызу Татаринову, поручилъ Толю обозрѣть состояніе и расположеніе Второй арміи, и вообще лѣваго крыла. Объѣхавъ вдоль линіи этихъ войскъ, Толь вездѣ нашелъ ихъ разстроенными, не вполнѣ успѣвшими собраться, и убѣдился въ невозможности возобновленія боя. Чтобы дать понятіе о состояніи Второй арміи послѣ Бородинской битвы, достаточно сказать, что изъ числа состоявшихъ въ ней войскъ выбыло изъ фронта до двадцати тысячъ человѣкъ, а осталось на лицо, въ 54-хъ баталіонахъ, 52-хъ эскадронахъ и 12-ти артиллерійскихъ ротахъ, всего-на-все четырнадцать тысячъ, изъ числа коихъ пѣхоты отъ восьми до девяти тысячъ, слѣдовательно, въ баталіонахъ кругомъ менѣе двухъ сотъ человѣкъ. Шесть баталіоновъ сводныхъ гренадеръ Воронцова, уча-

ствовавшіе въ оборонѣ флешей, считали въ рядахъ своихъ всѣ вмѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ. Астраханскій кирасирскій полкъ, вступившій въ бой въ числѣ около четырехъ сотъ всадниковъ, уменьшился до девяноста пяти человѣкъ съ такимъ же числомъ лошадей. Выше уже сказано объ огромной потерѣ резервной конной артиллеріи. Говорятъ, будто-бы Толь, подъѣхавъ къ одной изъ частей войскъ, спросилъ: „Какой это полкъ?“, и получилъ въ отвѣтъ„: Это 2-я гренадерская дивизія“ ([25]).

Таковы были свѣдѣнія о состояніи Второй арміи, собранныя Толемъ. По донесеніи его о всемъ найденномъ имъ главнокомандующему, отмѣнено было намѣреніе принять снова сраженіе. Между-тѣмъ Барклай принималъ мѣры къ возведенію редута у селенія Горокъ (для чего было употреблено двѣ тысячи ополченія), и къ занятію снова курганной батареи, которая въ ночи была оставлена непріятелемъ. Генералъ Милорадовичъ получилъ приказаніе поставить на сію высоту батарею съ нѣсколькими батальонами ([26]).

Но въ полночь получено было предписаніе князя Кутузова отступать за Можайскъ. Барклай говоритъ, что онъ хотѣлъ ѣхать къ князю съ просьбою объ отмѣнѣ отданнаго приказанія, но получивъ свѣдѣніе о выступленіи Дохтурова, принужденъ былъ съ сокрушеннымъ сердцемъ исполнить повелѣніе главнокомандующаго. Съ перваго взгляда кажется, что Барклай де-Толли, зная положеніе нашей арміи, не имѣлъ основательной причины искать новаго боя, но это желаніе легко объясняется тѣмъ, что какъ ни велики были наши потери, мы считали ихъ меньшими непріятельскихъ. Упорное сопротивленіе русскихъ войскъ въ незабвенный день Бородинской битвы поселило въ нашихъ воинахъ надежду преградить непріятелю путь къ Москвѣ, и отъ того невозможное казалось возможнымъ.

Въ дѣйствительности же, хотя успѣхи непріятеля въ сраженіи при Бородинѣ ограничивались овладѣніемъ части поля сраженія и взятіемъ нѣсколькихъ на-скоро набросанныхъ укрѣпленій, однакожь превосходство его въ числѣ войскъ и сохраненіе значительнаго резерва не подавали намъ ни малѣйшей вѣроятности успѣха. Трудно и даже почти невозможно исчислить съ совершенною точностью потери обѣихъ сторонъ въ Бородинской битвѣ. Въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, показанъ уронъ Первой арміи 24-го и 26-го августа: *убитыми:* генераловъ 3, штабъ и оберъ-офицеровъ 213, нижнихъ чиновъ 9,036, всего 9,252 человѣка; *ранеными:* генераловъ 14, штабъ и оберъ-офицеровъ 1,223, нижнихъ чиновъ 17,989, всего 19,226 человѣкъ; *безъ вѣсти пропавшими* (въ числѣ которыхъ показано много убитыхъ и раненыхъ, потому-что плѣнныхъ вообще захвачено Французами не болѣе тысячи человѣкъ): генералъ 1 (вѣроятно Лихачевъ), штабъ и оберъ-офицеровъ 46, нижнихъ чиновъ 9,981, всего 10,028 человѣкъ; а вообще уронъ Первой арміи простирался до тридцати восьми тысячъ человѣкъ. Подобныхъ свѣдѣній о потеряхъ Второй арміи не имѣется, потому-что всѣ главные и многіе частные начальники были убиты или ранены, и некому было заниматься составленіемъ вѣдомостей. Уронъ Второй арміи можно положить безошибочно въ двадцать тысячъ человѣкъ: слѣдовательно — въ дѣлѣ при Шевардинѣ и въ Бородинской битвѣ у насъ выбыло изъ фронта около пятидесяти восьми тысячъ человѣкъ; но изъ этого числа слѣдуетъ исключить: во-первыхъ, уронъ понесенный нашими войсками при Шевардинѣ (простиравшійся, по показанію Барклая де-Толли, до шести тысячъ человѣкъ) и во-вторыхъ, отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ, которые, разсѣявшись въ пылу боя, въ послѣдствіи присоединились къ войскамъ, и потому уронъ вообще нашей арміи въ Бородинскомъ сраженіи можно опредѣлить безошибочно до со-

рока четырехъ тысячъ человѣкъ ([27]). Въ числѣ положившихъ животъ въ защиту Отечества были многіе отличные генералы: князь Багратіонъ, герой заслужившій почетное имя въ военной исторіи ([28]); Тучковъ 1-й, столь же образованный, сколько и мужественный воинъ; даровитый Кутайсовъ и Тучковъ 4-й, одинъ изъ трехъ братьевъ, пролившихъ кровь свою въ Отечественную войну 1812 года; ранены: Ермоловъ, запечатлѣвшій своею кровью совершенный имъ славный подвигъ — обратное взятіе курганной батареи; графъ Воронцовъ, сражавшійся съ своими гренадерами почти до совершеннаго истребленія ихъ; Сенъ-Пріестъ, князь Горчаковъ, принцъ Карлъ Мекленбургскій, братья Бахметьевы, изъ которыхъ одному (начальнику 23-й дивизіи) оторвало ногу; Лихачевъ, Невѣровскій и еще девять генераловъ ([29]).

Со стороны непріятеля уронъ простирался, по показанію Деніе, свыше двадцати восьми тысячъ человѣкъ. Убито: генераловъ 12, полковниковъ 10; офицеровъ и нижнихъ чиновъ 6,547; ранено: генераловъ 37, полковниковъ 27, офицеровъ и нижнихъ чиновъ 21,453. Генералъ-штабъ-докторъ Ларрей считаетъ потерю Наполеоновыхъ войскъ въ Бородинскомъ сраженіи и въ дѣлѣ при Шевардинѣ въ двадцать двѣ тысячи, а Тьеръ въ тридцать тысячъ человѣкъ. Принимая во вниманіе, что послѣ сраженія оставалось въ арміи Наполеона менѣе ста тысячъ человѣкъ, оказывается, что уронъ непріятеля былъ не менѣе нашего ([30]). Въ числѣ выбывшихъ изъ строя 5-го и 7-го сентября (24-го и 26-го авг. ст. ст.) были дивизіонные генералы: Монбрюнъ, Коленкуръ, Шастель, Рапнъ, Нансути, Груши, Моранъ, Фріанъ, Дессе, Компанъ, Бельяръ, Тарро, Сенъ-Жерменъ, Брюйеръ, Пажоль, Дефрансъ и Шелеръ, изъ числа коихъ первые три убиты, а прочіе ранены; бригадныхъ генераловъ убито девять и ранено двадцать три ([31]).

Что касается до трофеевъ, то они, въ отношеніи къ упорству и кровопролитію Бородинской битвы, были незначительны. Съ каждой стороны захвачено въ бою, по различнымъ не совершенно между собою согласнымъ показаніямъ, отъ тринадцати до пятнадцати орудій, кромѣ того — достались въ руки непріятеля нѣкоторыя изъ орудій стоявшихъ въ нашихъ укрѣпленіяхъ ([32]). Иностранные писатели увѣряютъ, будто бы мы потеряли вообще до сорока орудій, но какъ, по очищеніи отъ непріятеля Московской губерніи, найдено въ окрестностяхъ Бородина (именно у Колоцкаго монастыря) всего-на-все семнадцать русскихъ орудій, то и должно полагать, что ими ограничивались трофеи пріобрѣтенные Французами въ Бородинской битвѣ ([33]).

Причинами огромной растраты людей съ нашей стороны были: во-первыхъ, недостаточное тактическое образованіе русскихъ войскъ, въ числѣ которыхъ было много рекрутъ, не умѣвшихъ пользоваться мѣстностью для уменьшенія вреда наносимаго непріятельскимъ ружейнымъ огнемъ, и во-вторыхъ, расположеніе нашихъ войскъ въ нѣсколькихъ линіяхъ стоявшихъ въ близкомъ разстояніи одна за другою: вторая линія пѣхоты стояла въ разстояніи не болѣе 200 шаговъ отъ первой; кавалерія въ 300 или 400 шагахъ позади пѣхоты, а резервы не далѣе 1,000 шаговъ отъ кавалеріи, что подвергало дѣйствію непріятельской артиллеріи нетолько обѣ линіи пѣхоты, но и кавалерію, а даже иногда и резервы. Такое расположеніе, принятое для противодѣйствія усиленнымъ атакамъ, заставляло насъ оставлять войска по нѣскольку часовъ въ бездѣйствіи, подъ перекрестнымъ огнемъ сильныхъ батарей. Непріятельскія колонны, наступавшія противъ нашей позиціи, также были сосредоточены на небольшомъ пространствѣ и терпѣли огромный уронъ, въ-особенности въ началѣ боя, пока не были поддержаны многочисленными

и выгодно размѣщенными батареями. Чтобы подать понятіе о силѣ огня въ битвѣ при Бородинѣ, достаточно сказать, что со стороны непріятеля, по самымъ умѣреннымъ показаніямъ, было выпущено шестьдесятъ тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и милліонъ четыреста тысячъ ружейныхъ пуль. Съ нашей стороны огонь былъ такъ силенъ, что въ нѣкоторые моменты боя Ней приказывалъ своимъ солдатамъ ложиться, чтобы сколько-нибудь охранить ихъ отъ дѣйствія нашей артиллеріи ([34]).

Послѣ сраженія при Бородинѣ, русская армія, потерявъ выбывшими изъ фронта около половины наличнаго числа регулярныхъ войскъ (44 тысячи убитыхъ и раненыхъ и нѣсколько тысячъ не успѣвшихъ собраться), считала въ рядахъ своихъ не болѣе пятидесяти двухъ тысячъ человѣкъ, а Наполеонъ имѣлъ болѣе девяноста пяти тысячъ человѣкъ, къ которымъ вскорѣ должны были присоединиться дивизіи Пино отъ Витебска и Делаборда изъ Смоленска: слѣдовательно — силы непріятеля были почти вдвое болѣе нашихъ ([35]).

Таковы были послѣдствія Бородинской битвы, одной изъ важнѣйшихъ въ новѣйшее время. Самъ Наполеонъ говорилъ не разъ: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій, самое ужас„ное то, которое далъ я подъ Москвою. Французы въ „немъ показали себя достойными одержать побѣду; а „Русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“. Въ послѣдствіи, уже будучи на островѣ Св. Елены, онъ выразилъ мнѣніе, что „изъ пятидесяти сраженій, имъ данныхъ, въ „битвѣ подъ Москвою выказано наиболѣе доблести и „одержанъ наименьшій успѣхъ“ ([36]). Причиною тому была нерѣшительность самаго Наполеона, который не отважился довершить одержанные имъ успѣхи, введя въ дѣло свою гвардію. Хотя въ военномъ дѣлѣ ни что не подлежитъ точному математическому разсчету, однакожь, судя по ходу сраженія, можно вывести заключеніе, что

участіе въ бою двадцати тысячъ человѣкъ отборнаго французскаго войска доставило бы Наполеону рѣшительную побѣду, которая, будучи сопряжена съ совершеннымъ разстройствомъ русской арміи, произвела бы сильнѣйшее вліяніе на духъ нашего народа, нежели занятіе Москвы непріятельскими войсками. Предположивъ даже, что отчаянное сопротивленіе нашей арміи заставило бы Наполеона отойти назадъ, онъ не подвергался никакой опасности при этомъ отступленіи, потому, что оно было бы прикрыто многочисленною конницею, а по достиженіи Смоленска Наполеонъ усилился бы присоединеніемъ къ его арміи войскъ Виктора, которыя туда прибыли 15-го (27-го) сентября. Всякое замедленіе развязки дѣла было столь же вредно для непріятеля, сколько выгодно для насъ: между-тѣмъ, какъ мы усиливались подкрѣпленіями, наступило время года, неблагопріятное для веденія наступательной войны и сдѣлавшееся одною изъ причинъ уничтоженія Наполеоновой арміи.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что позиція при Бородинѣ была нами занята ошибочно, изъ желанія воспользоваться сильнѣйшею частью ея, за рѣкою Калочею. Расположивъ почти цѣлую треть арміи между Горками и рѣкою Москвою, гдѣ достаточно было поставить для наблюденія за непріятелемъ нѣсколько тысячъ человѣкъ легкихъ войскъ, мы подвергли опасности центръ, и въ особенности лѣвое крыло нашей позиціи; Кутузовъ, во все продолженіе боя, находясь у Горокъ, не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла, но всѣ его распоряженія были весьма основательны, и несмотря на невыгоды первоначальнаго расположенія русской арміи, непоколебимость нашихъ войскъ и самоотверженіе ихъ начальниковъ, способствовали намъ удерживаться на каждомъ изъ атакованныхъ пунктовъ до прибытія подкрѣпленій.

ГЛАВА XXIV.

Отступленіе отъ Бородина къ Москвѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Положеніе дѣлъ послѣ сраженія при Бородинѣ. — Донесеніе Государю князя Кутузова. — Награды. — Кутузовъ и Растопчинъ. — Распоряженія Наполеона послѣ Бородинской битвы. — Положеніе войскъ обѣихъ сторонъ на пути отъ Бородина къ Москвѣ. — Мѣры принятыя Наполеономъ для преслѣдованія русской арміи. — Дѣло подъ Можайскомъ. — Принятіе Милорадовичемъ начальства надъ арріергардомъ. — Дѣло при Крымскомъ. — Укомплектованіе русскихъ войскъ московскими ратниками. — Измѣненія въ составѣ нашихъ войскъ. — Прибытіе русской арміи къ Москвѣ. — Дѣйствія Винцингероде.

Позиція подъ Москвою. — Мнѣніе о ней Барклая де-Толли. — Совѣщаніе на Поклонной горѣ. — Военный Совѣтъ въ Филяхъ. — Послѣдующія распоряженія Кутузова.

Послѣ битвы при Бородинѣ, русская армія была ослаблена и разстроена, какъ обыкновенно бываютъ войска выдержавшія упорный бой съ сильнымъ противникомъ, но не лишилась возможности принять вновь сраженіе. Непріятельскія войска, за исключеніемъ гвардіи, будучи разстроены не менѣе нашихъ, отошли нѣсколько назадъ подъ покровомъ густаго тумана. Французы, заставя отступить войска нашего лѣваго крыла и центра, считали себя побѣдителями; Русскіе, удержавъ за собою часть поля сраженія, еще не признавали себя побѣжденными (1). Но превосходство непріятеля въ числѣ войскъ побудило насъ отказаться отъ боя. Кутузовъ предвидѣлъ, что отступленіе съ Бородинской позиціи могло повлечь за собою потерю Москвы,

но ему не оставалось ничего болѣе, какъ пожертвовать столицею, либо ввѣренною ему арміею. И дѣйствительно—принявъ вторично сраженіе при Бородинѣ, мы, по всей вѣроятности, не могли бы отступить въ порядкѣ и сохранить въ надлежащемъ устройствѣ армію. Съ другой стороны, не подлежало сомнѣнію, что, предпринявъ дальнѣйшее отступленіе, мы не могли на пути къ Москвѣ ни усилиться значительными подкрѣпленіями, ни найти позицію, которая мѣстными свойствами вознаградила бы двойное превосходство непріятеля въ силахъ. Рѣшась отойти назадъ по московской дорогѣ, Кутузовъ слѣдовалъ внушенію благоразумія, но опасался, чтобы дальнѣйшее отступленіе нашей арміи и потеря Москвы не оказали вреднаго вліянія на духъ народа, и потому старался скрывать свои намѣренія до послѣдней минуты, изъявляя готовность снова принять сраженіе.

Непріятельская армія, несмотря на успѣхи ею одержанные въ Бородинской битвѣ, находилась въ затруднительномъ состояніи. Войска Наполеоновы имѣли крайнюю нужду въ провіантѣ и фуражѣ; все жилье отъ Смоленска до Гжатска было завалено больными и ранеными; подкрѣпленія и парки отстали отъ арміи. До Москвы оставалось только нѣсколько переходовъ, но уже, мало-по-малу, исчезала надежда на миръ и замѣтенъ былъ упадокъ духа въ войскахъ не видѣвшихъ предѣла своимъ бѣдствіямъ. Чѣмъ далѣе подавалась впередъ Наполеонова армія, тѣмъ болѣе разобщалась она отъ фланговыхъ своихъ корпусовъ, которые, вмѣсто обезпеченія съ тыла главныхъ силъ, принуждены были обратить исключительно все свое вниманіе на собственную защиту отъ постоянно усиливавшихся новыми подкрѣпленіями нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Двинѣ и на Волыни. Изъ всего этого слѣдуетъ, что сраженіе при Бородинѣ удовлетворило нетерпѣливыя ожиданія русскаго народа, не измѣнивъ относительнаго положенія

противныхъ сторонъ. Принцъ Евгеній Виртембергскій, излагая послѣдствія этого событія, говоритъ, „Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ осталось сочиненіе, въ которомъ содержится много замѣчательнаго о Бородинской битвѣ. Оно оканчивается слѣдующими словами:

„Говоря по совѣсти, не было причины ни Кутузову донос-„сить о побѣдѣ Императору Александру, ни Наполео-„ну — извѣщать о ней Марію-Луизу. Еслибы мы, воины „обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ пове-„лителей, предстали на другой день предъ алтаремъ прав-„ды, то Слава, конечно, признала бы насъ братьями" (2).

Донесенія нашего главнокомандующаго о сраженіи при Бородинѣ не точны и не опредѣлительны, но несравненно менѣе преувеличены, нежели бюллетени, которыми Наполеонъ вводилъ въ заблужденіе Францію и всю Европу. Бернгарди напрасно упрекаетъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго въ умышленномъ измѣненіи рапорта Государю князя Кутузова. Этотъ рапортъ, хранящійся въ архивѣ нашего Военно-Топографическаго Депо, былъ слѣдующаго содержанія,

„Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24-го числа производилъ атаку важными силами на лѣвый флангъ нашей арміи, 25-е число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа, съ разсвѣтомъ, направилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика; уронъ непріятельскій, судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростію: батареи переходили изъ рукъ въ руки и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами. *Ваше Императорское*

Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться и за потерею, сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи, почевавъ на мѣстѣ сраженія, *я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ,* и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ уповаціи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля. Къ-сожалѣнію, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу; генералъ-лейтенанты Тучковъ и князь Горчаковъ, генералъ-маіоры Бахметьевы, графъ Воронцовъ, Кретовъ — ранены. У непріятеля взяты плѣнные и пушки и одинъ бригадный генералъ: теперь ночь и не могу еще разобраться, естьли съ нашей стороны таковая потеря."

„Августа 27-го дня 1812 года."
„Позиція при Бородинѣ."

Этотъ же самый рапортъ, по распоряженію военнаго министра князя Горчакова 1-го, былъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе въ 70-мъ номерѣ Сѣверной Почты, отъ 31-го августа 1812 года, но не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ присланъ Кутузовымъ, а съ исключеніемъ строкъ означенныхъ курсивомъ ([3]). Слѣдовательно — донесеніе Государю нашего главнокомандующаго было совершенно справедливо, кромѣ показанія, будтобы „непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли". Императоръ Александръ не могъ быть введенъ въ заблужденіе такимъ донесеніемъ, на счетъ послѣдствій Бородинскаго сра-

женія, но желая поддержать въ народѣ самоувѣренность и довѣріе къ Кутузову, принялъ рапортъ его какъ извѣстіе о побѣдѣ. Получивъ его въ день Своего тезоименитства, 30-го августа, Государь съ обѣими Императрицами, Великими Князьями и Великою Княжною Анною Павловною отправился въ Невскій монастырь и слушалъ тамъ Божественную литургію, по окончаніи которой управлявшій военнымъ министерствомъ князь Горчаковъ читалъ донесеніе Кутузова, а затѣмъ совершено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Извѣстіе о Бородинской битвѣ было принято съ восторгомъ; давно уже всѣ ждали рѣшительной встрѣчи съ непріятелемъ, и какъ бываетъ обыкновенно, молва приписывала намъ рѣшительную побѣду.

Императоръ Александръ, въ воздаяніе заслугъ князя Кутузова, произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему сто тысячъ рублей (¹). Главнымъ сподвижникамъ его пожалованы слѣдующія награды: Барклаю де-Толли орденъ Св. Георгія 2-й степени, князю Багратіону пятьдесятъ тысячъ рублей, Милорадовичу и Дохтурову алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, графу Остерману и Раевскому орденъ Св. Александра Невскаго. Орденъ Св. Георгія 3-й степени получили: Капцевичъ, Лавровъ, князь Голицынъ, Бороздины 1-й и 2-й, князь Горчаковъ, принцъ Евгеній Виртембергскій, Лаптевъ, Костенецкій, Олсуфьевъ, Фокъ, графъ Сиверсъ, Кретовъ и Левенштернъ; шпаги съ алмазами: герцогъ Александръ Виртембергскій, принцъ Ольденбургскій, Коновницынъ, князь Шаховской, графъ Ожаровскій и Панчулидзевъ; орденъ Св. Анны 1-й степени: Ермоловъ, Вистицкій, князь Гурьяловъ, Паскевичъ, графъ Воронцовъ, Дука, Цвиленевъ, баронъ Розенъ, Шевичъ, Ивашевъ и Ферстеръ; въ генералъ-лейтенанты произведены: принцъ Мекленбургскій, Бахметьевъ 2-й, Корфъ, Васильчиковъ, Невѣровскій,

Дороховъ и графъ Строгановъ. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ пожаловано по пяти рублей на каждаго. Фельдфебель 18-го егерскаго полка Золотовъ, за взятіе въ плѣнъ генерала Бонами, произведенъ въ подпоручики (5).

Довольно затруднительно сказать что-либо опредѣлительное на счётъ предположеній Кутузова послѣ Бородинскаго сраженія. 19-го (31-го) августа, въ то время еще когда Кутузовъ отступалъ отъ Царево-Займища къ Бородину, Растопчинъ просилъ его увѣдомить — намѣренъ ли онъ защищать Москву, или отступить для сохраненія арміи? Въ послѣднемъ случаѣ, графъ Растопчинъ намѣревался, принявъ мѣры къ спасенію жителей, направиться со всѣми вооруженными людьми на соединеніе съ арміею. Но еще до полученія этого письма, Кутузовъ, въ отзывѣ къ Растопчину, изъ Гжатска, отъ 17-го (29-го) августа, прося его о высылкѣ въ Можайскъ ополченія и о снабженіи ратниковъ ружьями, писалъ: „Не видѣвшись еще съ командовавшимъ „доселѣ арміями г-мъ военнымъ министромъ, и не будучи еще достаточно извѣщенъ о всѣхъ средствахъ въ „нихъ имѣющихся, не могу сказать ничего положительнаго „о будущихъ предположеніяхъ на счетъ дѣйствія арміи. Не „рѣшенъ еще вопросъ: потерять ли армію, или потерять „Москву? По моему мнѣнію — съ потерею Москвы соединена потеря Россіи." За тѣмъ Кутузовъ, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Растопчинымъ, писалъ къ нему иногда по нѣскольку разъ въ день: во всѣхъ этихъ отзывахъ, нашъ главнокомандующій обращался къ Растопчину съ требованіями доставки изъ Москвы хлѣба, шанцоваго инструмента, подводъ и вообще всего нужнаго для арміи, и извѣщалъ его о своихъ предположеніяхъ. По прибытіи на Бородинскую позицію, Кутузовъ писалъ ему: „Нашедъ выгоднѣйшею со стороны нашей позицію при „деревнѣ Бородинѣ для генеральнаго сраженія, утвердясь

„въ оной и надѣясь, съ помощію Всемогущаго Бога, про-„гнать непріятеля, за нужнѣйшее почитаю предварить и „покорнѣйше просить ваше сіятельство: во-первыхъ, воз-„вратить безъ задержанія въ армію, отправленныхъ въ Мо-„скву съ транспортомъ больныхъ, 32-хъ лекарей и при-„гласить, буде можно, еще нѣсколько вольнопрактикую-„щихъ, а во-вторыхъ, отъ Государя Императора „имѣю я изустное Высочайшее Повелѣніе учредить изъ „вольнонаемныхъ ямщиковъ подвижные магазины, то для „сего нужно нанять ихъ съ повозками до тысячи и болѣе, „дабы употребить къ подвозамъ, а наиболѣе въ преслѣдо-„ваніяхъ непріятеля, если Всевышній благословитъ успѣ-„хами наше оружіе. Все сіе препоручаю я безпримѣрной „вашего сіятельства заботливости и буду съ нетерпѣ-„ніемъ ожидать ихъ сюда присылки“ (6).

Въ слѣдующихъ отзывахъ къ графу Растопчину, Кутузовъ повторялъ свою просьбу о высылкѣ подводъ (по тысячѣ на каждую станцію отъ Москвы до Можайска), извѣщалъ о послѣдствіяхъ дѣла при Колоцкомъ монастырѣ, о мѣрахъ принятыхъ для охраненія отъ непріятеля Твери и о дѣлѣ при Шевардинѣ (7). Затѣмъ, по приказанію главнокомандующаго, Кайсаровъ, съ поля Бородинскаго сраженія, писалъ къ Растопчину: „Прошу васъ, ради Бога, „графъ Ѳедоръ Васильевичъ, прикажите къ намъ немедлен-„но изъ арсенала прислать на 500 орудій комплектное „число зарядовъ, болѣе батарейныхъ. № 69-й, 26 августа „1812 года. Село Бородино, въ два часа по полудни.“ Самъ Кутузовъ собственноручно прибавилъ: „Сраженіе „самое кровопролитное. Будемъ удерживаться. По сію пору „идетъ порядочно.“ — Въ тотъ же день, вѣроятно тогда еще, когда мы надѣялись возобновить сраженіе при Бородинѣ, князь Кутузовъ писалъ: „Сегодня было весьма жаркое „и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею русское „войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель въ

„весьма превосходныхъ силахъ дѣйствовавшихъ противъ „него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога „и на московскую Святыню, съ новыми силами сразиться. „Отъ вашего сіятельства зависитъ доставить мнѣ изъ „войскъ подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ столько, „сколько можно будетъ. Мѣсто сраженія при селѣ Боро-„динѣ. № 70-й, 26-е августа 1812 года.“ На слѣдующій день, Кутузовъ, въ отзывѣ къ графу Растопчину о послѣдствіяхъ сраженія, почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ, въ какихъ сдѣлано было донесеніе Государю, писалъ: „Чи-„стосердечіе, съ которымъ я вамъ сіе сообщаю, и намѣ-„ренія мои должны успокоить Москву, а за вызовомъ „вашимъ сіятельствомъ сдѣланнымъ ожидаю отъ извѣ-„стной любви вашей къ Отечеству тѣхъ пособій, которыя „можетъ дать арміи столица“ ([8]).

Рѣшась отступать послѣ Бородинской битвы, Кутузовъ всѣми своими послѣдующими распоряженіями выказывалъ надежду снова принять сраженіе въ защиту Москвы. Уступка непріятелю первопрестольной столицы казалась столь невозможною всякому Русскому, что и Кутузовъ, и Растопчинъ, желая успокоить взаимно другъ друга на счетъ участи Москвы, преувеличивали средства состоявшія въ ихъ распоряженіи и невольно вовлекали въ заблужденіе не только одинъ другаго, но и сами себя. Въ тотъ самый день, когда наша армія прибыла къ Бородину, Растопчинъ писалъ къ Кутузову...... „Теперь графъ Марковъ долженъ „уже быть у вашей свѣтлости, а у меня, за исключеніемъ „неизвѣстнаго и мнѣ числа жителей Москвы и ея окрестно-„стей, есть до 10,000 человѣкъ обмундированныхъ и „больше половины обученныхъ рекрутъ. Я уже разослалъ „курьеровъ по сосѣдственнымъ губерніямъ, чтобъ ополче-„нія ихъ шли къ Москвѣ“ ([9]). Съ своей стороны, князь Кутузовъ, до самаго прибытія своего къ столицѣ, не переставалъ увѣрять Растопчина въ намѣреніи своемъ—отстаи-

вать ее до послѣдней крайности. 27-го августа, на слѣдующій день послѣ Бородинскаго сраженія, главнокомандующій писалъ: „Послѣ кровопролитнѣйшаго сраженія, вче„рашняго числа происходившаго, въ которомъ войска на„ши потерпѣли естественно важную потерю, сообразную „ихъ мужеству, намѣреніе мое, хотя *баталія и совершен„но выиграна,* состоитъ въ томъ, чтобы для нанесенія силь„наго почувствованія непріятелю, притянувъ къ себѣ столь„ко способовъ, сколько можно получить у Москвы, выдер„жать рѣшительную можетъ быть битву съ нѣсколько уже „пораженными непріятельскими силами. Помощи, которыя „требую я различныя, и потому отправляю полковника кня„зя Кудашева оныя вашему сіятельству представить лично „и просить, чтобы все то, что можетъ дать Москва, въ раз„сужденіи войскъ, прибавки артиллеріи, снарядовъ и ло„шадей, и прочаго, имѣвшагося ожидать отъ вѣрныхъ сы„новъ Отечества, все бы то было пріобщено къ арміи ожи„дающей сразиться съ непріятелемъ. И къ кому же надежнѣе „могу я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не къ из„вѣстному любовью и усердіемъ къ Отечеству, достойному „предводителю древней столицы“ ([10]). 30-го августа (11 сентября н. ст.), Кутузовъ, находясь уже у Вязёмки, въ тридцати пяти верстахъ отъ Москвы, писалъ графу Растопчину: „Мы приближаемся къ генеральному сраженію у Мос„квы, но мысль, что не буду имѣть способовъ къ отправле„нію раненыхъ на подводахъ, устрашаетъ меня. Бога ради, „прошу помощи скорѣйшей отъ вашего сіятельства“ ([11]). Графъ Растопчинъ дѣлалъ все, что могъ: выслалъ къ Можайску графа Маркова съ частью Московскаго ополченія, озаботился выставкою тысячи подводъ на каждой станціи по пути отъ арміи къ Москвѣ, отправилъ къ войскамъ комплектное количество зарядовъ на 125 орудій и шанцовой инструментъ и усилилъ армію двумя вновь сформированными полками, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ ([12]). Но все-

го этого было недостаточно для удержанія непріятеля почти вдвое превосходившаго насъ силами. Уже много жертвъ было нами принесено въ защиту Отечества; оставалось принесть послѣднюю, великую жертву.

Послѣ битвы при Бородинѣ Наполеонъ первоначально обратилъ свое вниманіе на призрѣніе раненыхъ, но всѣ его заботы были тщетны по недостатку средствъ, и многимъ больнымъ сдѣлана первая перевязка черезъ трое сутокъ послѣ сраженія. Въ то же время Наполеонъ поручилъ генералу Ларибуасьеру доставить изъ Смоленска къ арміи боевые припасы. Для этого было разрѣшено употребить отъ шестисотъ до восьмисотъ лошадей изъ понтонныхъ парковъ оставленныхъ въ Смоленскѣ. Недостатокъ въ боевыхъ припасахъ едва-было не заставилъ Наполеона остановиться не доходя Москвы. Различныя части войскъ, находившіяся на пути слѣдованія Большой арміи, въ Смоленскѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Ковнѣ, Кенигсбергѣ, и въ-особенности, маршевые баталіоны и эскадроны, назначенные для укомплектованія войскъ, получили приказаніе сблизиться къ арміи ([13]).

Отступленіе отъ Бородина къ Москвѣ было совершено нашими войсками въ такомъ порядкѣ, какого можно было требовать послѣ упорнаго, кровопролитнаго сраженія. Барклай де-Толли утверждаетъ противное ([14]), но, несмотря на правдивость его, едва ли такое сужденіе было безпристрастно. Еслибы всѣ описываемыя Барклаемъ неустройства дѣйствительно существовали, то русская армія, преслѣдуемая неутомимымъ Мюратомъ, не могла бы отступить шагъ за шагомъ, не оставя за собою въ добычу непріятелю ни обозовъ, ни отсталыхъ ([15]). Войска наши, по прежнему, имѣли хлѣбъ либо сухари, крупу, мясо и винную порцію, доставляемыя изъ Москвы и Калуги, и вездѣ по пути добывали фуражъ. Только кавалерія состояв-

шая въ арріергардѣ, находилась въ худшемъ состояніи нежели прочія войска, не имѣя возможности разсѣдлывать лошадей, и потому почти всѣ онѣ были набиты (16).

Непріятельскія войска, по мѣрѣ углубленія своего внутрь нашей страны, встрѣчали большія затрудненія. Обозы съ продовольствіемъ не поспѣвали вслѣдъ за войсками, либо истощались безъ всякой надежды на пополненіе ихъ другими запасами. Русскіе, отступая, уничтожали за собою нетолько магазины заготовленные въ городахъ, но самые города и селенія. Страна, и безъ того уже не богатая жителями, была ими оставляема и представляла взору подобіе пустыни. Кавалерія была принуждена отъискивать фуражъ, отклоняясь съ дорогъ въ стороны на значительное пространство. Недостатокъ въ водѣ, который терпѣли и наши войска въ знойное лѣто 1812 года, былъ еще чувствительнѣе для непріятелей, нерѣдко останавливаемыхъ нашимъ арріергардомъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ считали за счастье найти грязную лужу. На каждомъ шагу приходилось починять мосты разрушенные нашимъ арріергардомъ. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ дѣйствія Наполеоновой арміи, присоединялось незнаніе мѣстности. Войска наши, отступая по большой дорогѣ, срубали верстовые столбы и тѣмъ отнимали у непріятеля послѣднее средство оріентироваться въ неизвѣстной ему странѣ. Все это, задерживая и замедляя французскую армію, способствовало Кутузову возстановить устройство въ нашихъ войскахъ на пути отъ Бородина къ Москвѣ (17).

27-го августа (8-го сентября), еще до разсвѣта, русскія войска, снявшись съ Бородинской позиціи, отступили за Можайскъ къ селенію Жукову. Казаки, четыре егерскихъ полка 2-го пѣхотнаго корпуса и полки Тобольскій и Волынскій 4-й дивизіи оставались на позиціи до 11-ти часовъ утра (18). Главныя наши силы отступали съ поля сраженія двумя колоннами: первая, состоявшая изъ войскъ

праваго крыла и центра, по дорогѣ ведущей отъ Бородина къ Можайску, а лѣвая, изъ войскъ Дохтурова, по старой смоленской дорогѣ. Для прикрытія этого отступленія, былъ составленъ арріергардъ, подъ начальствомъ Платова, изъ бóльшей части казачьихъ полковъ, четырехъ егерскихъ полковъ 2-го пѣхотнаго корпуса и одного гусарскаго полка, съ 12-ю конными орудіями.

Между-тѣмъ, какъ наши войска отступали къ Можайску, Французы провели ночь на бивакахъ, среди раненыхъ, умирающихъ и труповъ, безъ огней и безъ хлѣба. Послѣ всѣхъ трудовъ и лишеній перенесенныхъ войсками Наполеоновой арміи, послѣ всѣхъ подвиговъ самоотверженія и храбрости ими оказанныхъ, не замѣтно было въ нихъ ни чувства отрады, ни торжества, обычныхъ спутниковъ побѣды. Напротивъ-того — Французы оставались въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не видя конца своимъ бѣдствіямъ ([19]). Для преслѣдованія отступавшей русской арміи составленъ былъ авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата, изъ четырехъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и дивизіи Дюфура (бывшей Фріана). За нимъ слѣдовали Мортье съ Молодою гвардіею и корпусъ Даву, а позади ихъ — корпусъ Нея и Старая гвардія. Понятовскій шелъ по старой смоленской дорогѣ и потомъ повернулъ вправо на Борисовъ; а вице-король, присоединивъ къ своему корпусу дивизію Пинò и переправясь черезъ рѣку Москву, ниже впаденія въ нее Калочи, при селѣ Успенскомъ, двинулся лѣвѣе главныхъ силъ къ Рузѣ. Войска же вестфальскаго корпуса Жюнò были оставлены на полѣ Бородинской битвы, для призрѣнія раненыхъ, а потомъ въ Можайскѣ до возвращенія туда изъ Москвы Наполеоновой арміи ([20]).

Наполеонъ, имѣя намѣреніе перенести тотчасъ послѣ сраженія при Бородинѣ главную квартиру свою въ Можайскъ, приказалъ Мюрату вытѣснить наши войска изъ города. Кутузовъ, замѣтивъ наступленіе непріятеля въ зна-

чительныхъ силахъ, поручилъ генералъ-маіору Розену начальство надъ егерями въ арріергардѣ и предписалъ Платову, удерживаться въ городѣ. Пѣхота съ артиллеріею заняла Можайскъ, казаки стали лѣвѣе, а для поддержанія этихъ войскъ обѣ наши арміи расположились на высотахъ позади города. Непріятель, подойдя къ Можайску, въ 5-мъ часу по полудни, открылъ сильную канонаду, но не успѣлъ овладѣть городомъ ([21]).

На слѣдующій день, 28-августа (9-го сентября), русскія арміи отошли къ Землину (въ 18-ти верстахъ отъ Жукова). Арріергардъ, усиленный 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, наименѣе потерпѣвшимъ въ Бородинскомъ сраженіи, будучи жарко атакованъ Мюратомъ, былъ принужденъ уступить непріятелю Можайскъ и отойти къ Моденову, въ разстояніи не болѣе трехъ верстъ отъ мѣста расположенія главныхъ силъ нашей арміи. При оставленіи Можайска мы не имѣли въ достаточномъ количествѣ повозокъ для спасенія нашихъ раненыхъ, и потому многіе изъ нихъ были оставлены въ городѣ. Шамбрè полагаетъ число этихъ несчастныхъ до десяти тысячъ. Непріятели, занявъ Можайскъ, выбрасывали Русскихъ изъ домовъ на улицы, чтобы очистить мѣсто для своихъ раненыхъ и больныхъ, которыми завалены были нетолько городъ, но Колоцкій монастырь, Гриднево и всѣ окрестности. Черезъ три дня послѣ сраженія находили увѣчныхъ въ амбарахъ и овинахъ, гдѣ они лежали безъ воды и безъ пищи. Положеніе нашихъ раненыхъ оставленныхъ въ городѣ было еще ужаснѣе ([22]). Кутузовъ, опасаясь, чтобы арріергардъ не былъ отброшенъ на главныя силы арміи, усилилъ его четырьмя пѣхотными и двумя егерскими полками съ одною батарейною ротою ([23]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи не вполнѣ доволенъ распоряженіями Платова, не успѣвшаго въ сей день удержать непріятеля въ значительномъ разстоя-

ніи отъ арміи, князь Кутузовъ поручилъ начальство надъ арріергардомъ генералу Милорадовичу ([24]).

29-го августа (10-го сентября), русская армія, сдѣлавъ переходъ въ 18 верстъ, отступила за рѣку Нару, къ селенію Крутицамъ, а Милорадовичъ съ арріергардомъ расположился, не доходя четырехъ верстъ до этого селенія, на позиціи у села Крымскаго. Лѣвое крыло позиціи, примыкавшее къ болотамъ, было занято однимъ изъ баталіоновъ 11-го егерскаго полка, разсыпаннаго въ кустахъ на склонѣ высоты; 4-й егерскій полкъ занялъ кусты и небольшой лѣсъ вправо отъ дороги, у Крымскаго; 30-й и 48-й егерскіе полки, подъ начальствомъ полковника Потемкина, построенные въ баталіонныхъ колоннахъ, вправо отъ лѣса, составили правое крыло. Три батареи обороняли доступъ къ позиціи. Въ резервѣ праваго крыла стоялъ 34-й егерскій полкъ ([25]), а въ резервѣ лѣваго 36-й егерскій и 2-й баталіонъ 11-го полка. Какъ протяженіе позиціи было весьма ограничено, то, чтобы не стѣснять войскъ, всѣ прочіе полки арріергарда отошли за рѣчку Польгу. Казачьи полки и регулярная кавалерія были оставлены въ виду непріятеля.

Въ пять часовъ по полудни, авангардъ Мюрата, оттѣснивъ передовыя наши войска, подошелъ къ позиціи Милорадовича. Часть нашей кавалеріи и казаковъ стала на правомъ крылѣ; остальная же кавалерія отошла за центръ и составила резервъ его. Вслѣдъ затѣмъ непріятель атаковалъ войска Милорадовича. Покушенія Мюрата противъ лѣваго крыла и центра нашей позиціи удостовѣрили его въ недоступности этихъ пунктовъ; въ-особенности же было трудно вести атаку на центръ, по узкому оврагу, подъ огнемъ продольно дѣйствовавшей батареи. Непріятель, рѣшась обратить свои усилія противъ нашего праваго крыла, вывелъ изъ кустовъ, подъ покровительствомъ огня батарей, сильныя пѣхотныя колонны

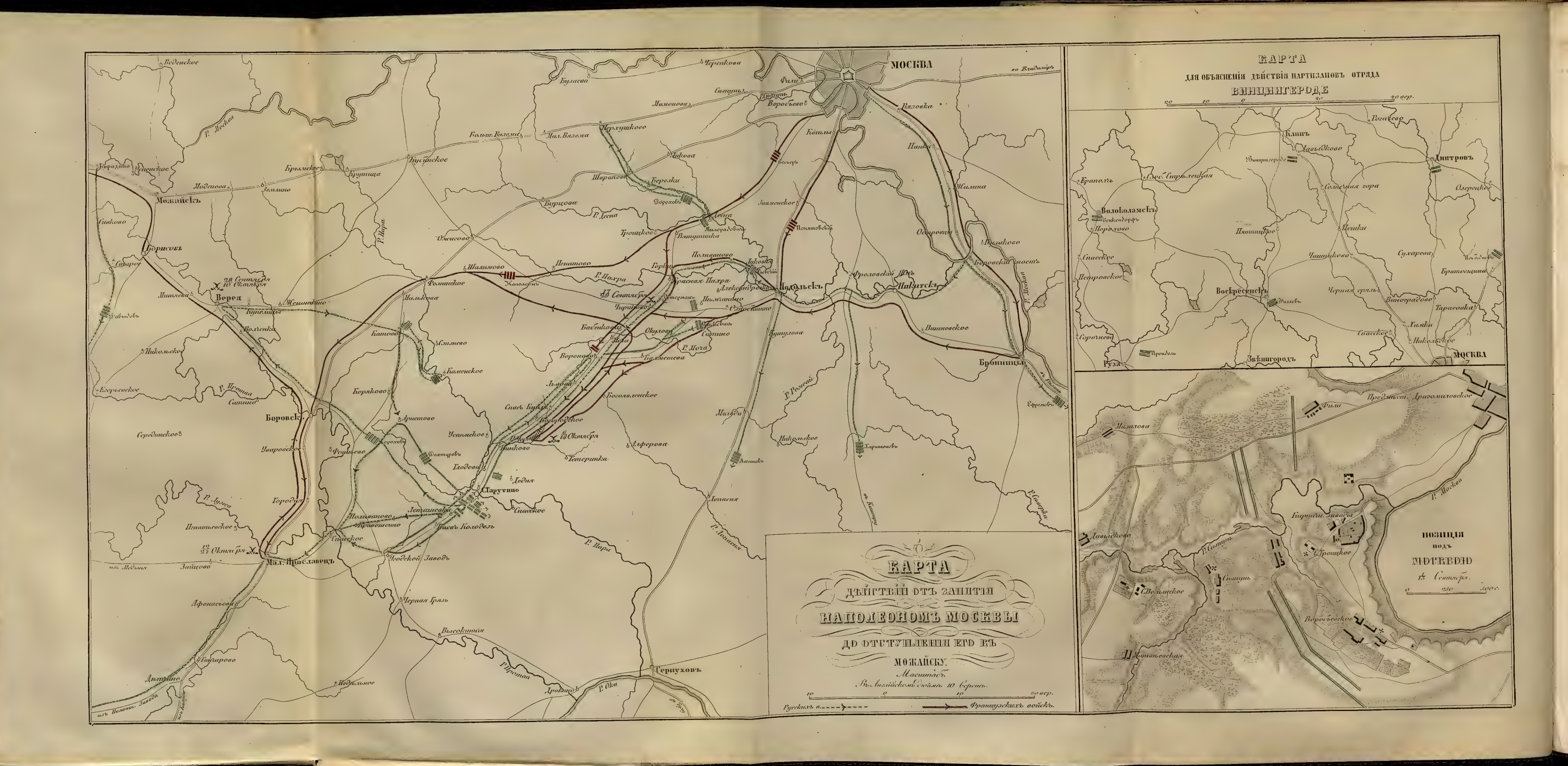
и устремилъ ихъ къ Крымскому. Для поддержанія 4-го егерскаго полка и бригады Потемкина были постепенно введены въ дѣло: сперва 34-й (33-й?) полкъ, а потомъ два полка стоявшіе за Польгою, Либавскій и Софійскій; остальные же полки, Бутырскій и Томскій, также перейдя черезъ Польгу, составили резервъ центра. Непріятель былъ опрокинутъ въ кусты; а кавалерія его, атакованная полками Уварова, отступила въ разстройствѣ. Въ этомъ дѣлѣ у насъ выбыло изъ фронта около двухъ тысячъ человѣкъ; въ числѣ ихъ былъ принцъ Эрнестъ Гессенъ-Филипстальскій, потерявшій ногу; уронъ Французовъ былъ еще болѣе нашего ([26]).

Того же числа князь Кутузовъ послалъ Государю донесеніе объ отступленіи своемъ къ рѣкѣ Нарѣ и о намѣреніи отступить еще далѣе, къ чему побуждали его, какъ чрезвычайныя потери понесенныя нашими войсками въ сраженіи при Бородинѣ, такъ и неприбытіе ожиданныхъ имъ подкрѣпленій ([27]). Въ то же время были распредѣлены въ пѣхотные полки, для составленія третьей шеренги, четырнадцать тысячъ ратниковъ Московскаго ополченія. При этомъ отдано было въ Приказѣ по арміямъ чтобы „принимать воиновъ Ополченія не яко солдатъ, постоянно въ сіе званіе опредѣленныхъ, но яко на время предоставившихъ себя на защиту Отечества. А посему воины Ополченія Московскаго одеждъ своихъ не перемѣняютъ, бородъ не брѣютъ и, однимъ словомъ, остаются въ прежнемъ ихъ состояніи, и по исполненіи сей священной обязанности возвратятся въ домы свои“ ([28]).

Настойчивыя атаки Мюрата въ дѣлѣ при Крымскомъ, заставили Кутузова, 30 августа (11 сентября), отвести главныя силы нашей арміи на 25 верстъ назадъ къ Большой-Вязёмѣ (селу Никольскому), а на слѣдующій день къ деревнѣ Мамоновой, между-тѣмъ какъ арріергардъ отступилъ сперва къ Кубинскому, и потомъ къ Малой-Вя-

зёмѣ (29). Князь Кутузовъ, находясь въ деревнѣ Сѣтуни, не болѣе десяти верстъ отъ Москвы, былъ убѣжденъ въ невозможности удержать непріятеля, но не могъ освоиться съ мыслью объ оставленіи нашей древней столицы на жертву непріятелю. Велики были потери, понесенныя нами при Бородинѣ, но каждый изъ Русскихъ полагалъ, что надлежало еще разъ испытать счастье боя: отстоять Москву, либо, по-крайней-мѣрѣ, отдать ее дорогою цѣною. Главнокомандующій, снисходя безотчетному чувству народа и войскъ, разослалъ опытнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба для пріисканія выгодной оборонительной позиціи. Между-тѣмъ, въ продолженіе похода отъ Бородина къ Москвѣ, были приняты мѣры для приведенія въ порядокъ наиболѣе разстроенныхъ частей арміи. Пѣхотные полки, въ которыхъ оставалось подъ ружьемъ менѣе трехъ сотъ человѣкъ, составили каждый по одному баталіону. Число эскадроновъ въ кавалерійскихъ полкахъ также уменьшено. 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса были сведены въ одинъ корпусъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Корфа. Командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса назначенъ Коновницынъ; а начальниками пѣхотныхъ дивизій: 3-й—князь Шаховской, вмѣсто Коновницына; 11-й—Чоглоковъ, вмѣсто Бахметьева 2-го, 23-й—Лаптевъ, вмѣсто Бахметьева 1-го; 24-й—Фокъ, вмѣсто Лихачева.

1-го (13-го) сентября, русская армія, выступивъ отъ Мамоновой, двинулась къ Москвѣ и расположилась на бивакахъ, не доходя столицы, въ двухъ верстахъ отъ Драгомиловской заставы. Вообще, послѣ сраженія при Бородинѣ, непріятель преслѣдовалъ насъ довольно слабо, и, въ-особенности, послѣ дѣла при Крымскомъ. Это возбудило въ главной квартирѣ Кутузова опасенія, чтобы вице-король не обошелъ насъ съ праваго фланга и не занялъ Москву, въ тылу нашей арміи. Для противодѣйствія такому

КАРТА
ДѢЙСТВІЙ ОТЪ ЗАНЯТІЯ
НАПОЛЕОНОМЪ МОСКВЫ
ДО ОТСТУПЛЕНІЯ ЕГО ВЪ
МОЖАЙСКУ.
Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 10 верстъ.
10 0 10 20 вер.
Русскихъ в.
Французскихъ войскъ.
КАРТА
ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ДѢЙСТВІЯ ПАРТИЗАНОВЪ ОТРЯДА
ВИНЦИНГЕРОДЕ
20 10 0 20 40 вер.
ПОЗИЦІЯ
подъ
МОСКВОЮ
1. Сентября.
МОСКВА
Можайскъ
Борисовъ
Верея
Боровскъ
Мал. Ярославецъ
Серпуховъ
Подольскъ
Тарутино
Бронницы
Волоколамскъ
Воскресенскъ
Клинъ
Дмитровъ
Звенигородъ
Руза

обходу назначенъ былъ отрядъ генералъ-адъютанта Винцингероде, временно усиленный Изюмскимъ гусарскимъ и двумя казачьими полками.

Въ самый день сраженія при Лубинѣ, 7-го (19-го) августа, Винцингероде, подойдя къ Витебску, захватилъ до восьмисотъ плѣнныхъ; затѣмъ, по приказанію Барклая де-Толли, собравъ свой отрядъ и выславъ казачій полкъ Родіонова на присоединеніе къ войскамъ Витгенштейна, онъ выступилъ на Порѣчье къ Духовщинѣ, откуда перешелъ къ Бѣлому. Вскорѣ послѣ того Винцингероде снова приблизился къ арміи и по прибытіи въ село Сорочнево (на половинѣ разстоянія между Можайскомъ и Волоколамскомъ), 27-го августа (8-го сентября) узналъ о Бородинскомъ сраженіи отъ захваченныхъ казаками непріятельскихъ мародеровъ. Винцингероде тотчасъ отправился къ Кутузову, получилъ отъ него приказаніе прикрывать армію съ праваго фланга и двинулся къ Рузѣ, но подойдя къ этому городу, увидѣлъ вблизи отъ себя обширный лагерь вице-короля, и потому, дождавшись ночи, обошелъ непріятеля окольнымъ движеніемъ влѣво и, выйдя въ Велкинѣ на дорогу ведущую въ Звенигородъ, предупредилъ непріятеля на пути въ Москву. Между-тѣмъ вице-король двинулся къ Звенигороду, а Винцингероде, замедляя его наступленіе, перешелъ въ Спасскомъ черезъ рѣку Москву и, по прибытіи къ Черенкову, вошелъ въ связь съ главными силами и получилъ повелѣніе идти на владимірскую дорогу ([30]).

По-мѣрѣ-того какъ войска русской арміи подходили къ Москвѣ, они располагались на позиціи избранной генераломъ Беннигсеномъ. Правое крыло ея было примкнуто къ изгибу рѣки Москвы впереди деревни Филей, центръ находился между Волынскимъ и Троицкимъ селами, а лѣвое крыло стояло на Воробьевыхъ горахъ; арріергардъ оставался у Сѣтуни ([31]). Между тѣмъ Кутузовъ, опередивъ войска, прибылъ на Поклонную гору, гдѣ для него была

поставлена скамейка, а главные начальники войскъ спѣшили ознакомиться съ мѣстностью, на которой приходилось принять рѣшительное сраженіе, и съѣзжались на возвышеніе кругомъ главнокомандующаго.

Позиція, избранная Беннигсеномъ (*), представляла многія неудобства. Высоты, на которыхъ предполагалось расположить войска, образуютъ къ той сторонѣ, откуда наступалъ непріятель, довольно отлогіе скаты, въ видѣ уступовъ; а къ противоположной сторонѣ, именно за центромъ и лѣвымъ крыломъ позиціи, весьма круты. Самая позиція разрѣзана поперегъ нѣсколькими оврагами не позволяющими свободнаго сообщенія между частями арміи, въ-особенности же правое крыло разобщено отъ центра рѣчкою Сѣтунью, текущею многими излучинами въ рѣку Москву. Резервы не могли быть расположены скрытно за высотами на крутыхъ склонахъ, у подошвы коихъ течетъ Москва, а за нею простирается необозримая столица, и потому какъ боевыя линіи, такъ и резервы, могли быть расположены только на уступахъ обращенныхъ къ сторонѣ непріятеля, что̀, по весьма ограниченной глубинѣ позиціи, подвергнуло бы всѣ линіи дѣйствію непріятельской артиллеріи. Въ случаѣ же, еслибы наша армія была вытѣснена съ сей позиціи (чего должно было ожидать, судя по большому превосходству непріятельскихъ силъ), войска наши могли быть сброшены съ крутыхъ обрывовъ въ рѣку и опрокинуты въ городъ ([32]).

Самъ Барклай де-Толли, тогда изнемогавшій отъ лихорадки, сѣлъ на коня и отправился на рекогносцировку избранной позиціи. „Она удивила меня, — говоритъ Барклай въ запискахъ своихъ. Многія дивизіи были разоб-„щены непроходимыми оврагами, въ одномъ изъ которыхъ „протекала рѣчка совершенно прерывавшая сообщеніе.

(*) *Планъ позиціи подъ Москвою, 1-го (13-го) сентября.*

„Правое крыло примыкало къ лѣсу простиравшемуся на „нѣсколько верстъ къ сторонѣ непріятеля, что̀ подавало „ему возможность, пользуясь превосходствомъ своихъ „стрѣлковъ, овладѣть этимъ лѣсомъ и обойти насъ съ пра„ваго фланга. Позади первой линіи лѣваго крыла нахо„дился оврагъ, глубиною отъ десяти до пятнадцати са„жень, съ такими крутыми скатами, что едва лишь мож„но было перебираться черезъ него по-одиначкѣ. Ре„зервъ праваго крыла стоялъ такъ близко, что всякое „непріятельское ядро могло поражать всѣ наши четыре „линіи; а резервъ лѣваго крыла, отрѣзанный отъ боевыхъ „линій помянутымъ оврагомъ, оставался бы празднымъ „зрителемъ пораженія впереди стоявшихъ войскъ, не имѣя „возможности поддерживать ихъ. Пѣхота этого резерва „могла, по-крайней-мѣрѣ, стрѣлять по непріятелю, пора„жая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и своихъ; конница же, лишенная вся„кой возможности принять участіе въ бою, должна была „немедленно обратиться въ бѣгство, либо оставаться въ „бездѣйствіи до уничтоженія ея непріятельскою артил„леріею. Позиція простиралась почти на четыре версты; „армія, ослабленная Бородинскою битвою, занявъ все ея „протяженіе, была бы растянута подобно паутинѣ..... „Позади находилась рѣка, а за нею обширный городъ. „На сей рѣкѣ было построено восемь мостовъ на судахъ, „выше и ниже города; но должно замѣтить, что спуски „къ мостамъ наведеннымъ выше города были такъ круты, „что только лишь пѣхота могла сойти по нимъ. Въ слу„чаѣ пораженія, вся армія была бы уничтожена до по„слѣдняго человѣка“...... (33).

Убѣдясь въ невыгодахъ предложенной позиціи, Барклай де-Толли поспѣшилъ на правый флангъ ея къ князю Кутузову, и встрѣтивъ Беннигсена, передалъ ему свои замѣчанія. Беннигсенъ повидимому былъ удивленъ тѣмъ и объявилъ Барклаю, что онъ тотчасъ поѣдетъ самъ на

лѣвое крыло, но, вмѣсто того, отправился на квартиру свою, въ селеніе лежавшее за центромъ позиціи. Когда, вслѣдъ затѣмъ, Барклай де-Толли объяснилъ Кутузову положеніе арміи, главнокомандующій изъявилъ желаніе знать мнѣніе Толя, который сознался, что онъ никогда не предложилъ бы такой позиціи и что, занявъ ее, мы подвергались опасности ([34]). Затѣмъ, главнокомандующій, обратясь къ Ермолову, спросилъ: „какъ онъ находитъ позицію?" и получилъ въ отвѣтъ, что хотя „и трудно съ перваго взгляда судить о мѣстности для расположенія шестидесяти или семидесяти тысячъ человѣкъ, однакожь можно замѣтить въ ней большіе недостатки и усомниться въ возможности удержаться на ней". Какъ это мнѣніе было изложено Ермоловымъ съ обычною ему пылкостью, то Кутузовъ, взявъ его за руку и ощупавъ ему пульсъ, спросилъ у него: „Здоровъ ли ты, голубчикъ?" Но вслѣдъ затѣмъ приказалъ ему, вмѣстѣ съ Толемъ и съ перешедшимъ въ нашу службу изъ испанской полковникомъ Кроссаромъ, осмотрѣть позицію и донести о ея недостаткахъ.

Между-тѣмъ дѣятельно продолжалось сооруженіе на Поклонной горѣ укрѣпленій, которыхъ слѣды понынѣ замѣтны. Но движеніе войскъ назначенныхъ для занятія Воробьевыхъ горъ было пріостановлено. Многіе изъ начальниковъ ихъ постепенно собирались кругомъ Кутузова. Прибылъ также и Растопчинъ. Не трудно было ему узнать съ перваго взгляда невозможность защиты Москвы. Всѣ части нашихъ войскъ были замѣтно ослаблены; между начальниками ихъ господствовало разногласіе во мнѣніяхъ. Свидѣтель описываемыхъ нами событій, принцъ Евгеній Виртембергскій, говоритъ: „Кутузовъ слушалъ сужденія окружавшихъ его генераловъ, не говоря ни слова, но нельзя было не замѣтить въ немъ душевнаго волненія. И, въ самомъ дѣлѣ, много требовалось рѣшимости,

чтобы, принявъ на одного себя всю отвѣтственность, уступить непріятелю древнюю столицу Имперіи, вопреки мнѣнію народа и войскъ,—уступить послѣ успѣшнаго боя, какъ увѣрена тогда была вся Россія, и послѣ совершенно добровольнаго отступленія,—уступить, наконецъ, располагая войскомъ, числительная сила котораго съ казаками и ополченіемъ простиралась, какъ утверждали, до девяноста тысячъ" ([35]). Но еще труднѣе было принять сраженіе, потеря котораго не подлежала сомнѣнію. Кутузовъ, взвѣсивъ послѣдствія обоихъ способовъ дѣйствій, рѣшился пожертвовать Москвою, но не хотѣлъ произнести перваго слова о необходимости этой жертвы, и даже спорилъ съ Растопчинымъ, который, разгадавъ намѣреніе стараго полководца, доказывалъ ему, что непріятель, овладѣвъ Москвою, не могъ пріобрѣсть никакихъ важныхъ выгодъ, потому-что бо́льшая часть казеннаго и частнаго имущества уже была вывезена изъ города, гдѣ оставалось тогда неболѣе сорока тысячъ человѣкъ. Говорятъ, будто-бы графъ Растопчинъ даже проговорился, что войска, очиствъ Москву, увидятъ ее пылающею.

По возвращеніи Ермолова съ рекогносцировки, онъ подробно донесъ главнокомандующему о замѣченныхъ имъ неудобствахъ позиціи. Кутузовъ спросилъ у него: „Нельзя ли будетъ отступить съ ней на калужскую дорогу?" и получивъ въ отвѣтъ, что „непріятель, атакуя насъ въ позиціи, сблизится съ сею дорогою и не позволитъ намъ отступить на нее",—замолчалъ и въ часъ по полудни уѣхалъ въ деревню Фили, на приготовленную для него квартиру, сказавъ на прощанье по секрету принцу Евгенію Виртембергскому: „ici, ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit cependant s'aider que d'elle même" (въ настоящемъ случаѣ, я долженъ положиться только на самого себя, каковъ бы я ни былъ, уменъ или простъ). Вслѣдъ затѣмъ графъ Растопчинъ, подойдя къ принцу, сказалъ съ жаромъ: „Еслибъ у меня спро-

сили, что̀ дѣлать, я отвѣтилъ бы: разрушьте столицу прежде чѣмъ уступите ее непріятелю. Таково мое мнѣніе, какъ графа Растопчина; но, какъ губернаторъ, обязанный заботиться о благѣ столицы, не могу подать такого совѣта." По отъѣздѣ Кутузова разошлись и всѣ генералы собравшіеся на Поклонной горѣ.

Послѣ этого совѣщанія, князь Кутузовъ, рѣшась оставить Москву, но не желая принять на себя одного отвѣтственности въ такомъ дѣлѣ, созвалъ къ 5-ти часамъ по полудни Военный Совѣтъ. Вопросъ о судьбѣ Москвы рѣшался въ избѣ, которая по нынѣ сохранилась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была во время Совѣта защитниковъ Россіи. По требованію главнокомандующаго немедленно прибыли: Барклай де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, графъ Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ, нѣсколько позже—Толь. Беннигсена ждали до шести часовъ, а послѣ всѣхъ пріѣхалъ Раевскій. Милорадовичъ не прибылъ, не имѣя возможности отлучиться изъ арріергарда. Беннигсенъ открылъ совѣщаніе, предложивъ вопросъ: „Выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами Москвы, или оставить ее „непріятелю?" Кутузовъ перервалъ рѣчь Беннигсена упреками въ несообразности и необдуманности сдѣланнаго имъ вопроса, который, по мнѣнію его, безъ предварительнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, былъ совершенно напрасенъ. Объяснивъ въ подробности всѣ свѣдѣнія о позиціи на Воробьевыхъ горахъ, представленныя ему Барклаемъ, Ермоловымъ и Толемъ, главнокомандующій сказалъ: „Пока будетъ существовать армія и пока она сохранитъ возможность противиться непріятелю, до тѣхъ поръ остается надежда окончить успѣшно войну; напротивъ-того, по уничтоженіи арміи, нетолько Москва, но и Россія потеряна." Въ заключеніе онъ предложилъ на обсужденіе Совѣта: „ожидать ли нападенія въ невыгодной позиціи, или уступить непріятелю Москву?"

Казалось, такимъ образомъ предложенный вопросъ не допускалъ разногласія во мнѣніяхъ: вышло иначе. Барклай де-Толли съ обычною ему правдивостью объяснилъ, что, принявъ сраженіе въ позиціи передъ Москвою, невозможно было уклониться отъ совершеннаго пораженія, и потому совѣтовалъ отступить по дорогѣ къ Нижнему-Новгороду, чтобы сохранить сообщеніе, какъ съ Петербургомъ, такъ и съ южными губерніями Имперіи. Полковникъ Толь выразилъ свое согласіе на все сказанное о неудобствахъ позиціи, предлагая занять другую правымъ крыломъ къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ новой калужской дорогѣ, въ направленіи между деревнями Шатиловою и Вороновою, и потомъ, въ случаѣ надобности, отступить къ старой калужской дорогѣ. Затѣмъ, Кутузовъ приказалъ подать голосъ Ермолову, который сознавалъ основательность отступленія предложеннаго Барклаемъ де-Толли и не соглашался съ нимъ только въ направленіи на Нижній-Новгородъ, подвергавшемъ насъ опасности потерять сообщеніе съ полуденными нашими областями и съ арміями Тормасова и Чичагова, но зная общее настроеніе умовъ въ народѣ и войскѣ, предложилъ сразиться въ защиту Москвы. Беннигсенъ, пользуясь разногласіемъ въ мнѣніяхъ, продолжалъ оспаривать необходимость отступленія. Не имѣя возможности сказать что-либо въ пользу избранной позиціи, которой неудобства были очевидны, онъ распространился о невыгодныхъ послѣдствіяхъ оставленія Москвы, о сопряженныхъ съ тѣмъ потеряхъ, о вліяніи такого событія на духъ народа. „Стыдно — сказалъ онъ — уступить столицу безъ выстрѣла; „если мы на это рѣшимся, то не будетъ ли это сознаніемъ, что мы проиграли Бородинское сраженіе? Легко „предвидѣть, какое дѣйствіе произведетъ занятіе непріятелемъ Москвы на иностранные Дворы и вообще на Европу! Не постигаю — на какомъ основаніи предпола-

„гаютъ, что мы будемъ непремѣнно разбиты и потеряемъ „всю артиллерію, между-тѣмъ какъ послѣ Бородинскаго „сраженія мы получили подкрѣпленія, а у непріятеля армія „нисколько не усилилась. Мы тѣ же Русскіе и будемъ сра-„жаться такъ же храбро, какъ и прежде. Уронъ нашъ „великъ, но и непріятельскій не меньше нашего; если на-„ша армія разстроена, то и непріятельская не въ лучшемъ „положеніи. Наполеонъ ослабилъ свою армію отряженіемъ „вице-короля на Рузу и другаго корпуса на новую ка-„лужскую дорогу. Должно воспользоваться этими обстоя-„тельствами. Предлагаю, оставя одинъ изъ корпусовъ „на можайской дорогѣ, перевести всѣ остальныя войска „на лѣвое наше крыло и атаковать непріятеля съ праваго „фланга. Въ случаѣ же неудачи, можемъ отступить на „калужскую дорогу.“ Графъ Остерманъ, выслушавъ это мнѣніе, спросилъ у Беннигсена: „Ручаетесь ли вы въ успѣ-„хѣ боя?“ и получилъ въ отвѣтъ: „Если бы не сомнѣва-„лись въ томъ, не былъ бы собранъ Военный Совѣтъ и „вы вѣроятно не были бы приглашены сюда.“

Съ мнѣніемъ Беннигсена согласились: Дохтуровъ, Уваровъ, Ермоловъ (а, по показанію Бутурлина, и Коновницынъ). Напротивъ-того—Барклай полагалъ, что „Ежели „намѣревались дѣйствовать наступательно, то слѣдовало ра-„спорядиться заблаговременно, и сообразно съ тѣмъ распо-„ложить армію; на то — сказалъ онъ — было еще доволь-„но времени утромъ, при первомъ объясненіи моемъ съ ге-„нераломъ Беннигсеномъ о невыгодахъ позиціи; а теперь „уже поздно. Трудно устроить ночью войска скрытыя въ „глубокихъ оврагахъ, а, между-тѣмъ, непріятель можетъ „напасть на нихъ. Армія потеряла бо̀льшую часть гене-„раловъ и штабъ-офицеровъ; многими полками коман-„дуютъ капитаны. Войска наши, съ свойственною русскому „солдату храбростью, могутъ сражаться стоя на мѣстѣ въ „позиціи и отразить непріятеля, но не въ состояніи испол-

„нять движеніе въ виду непріятеля.“ Кутузовъ призналъ основательность этого мнѣнія и привелъ въ примѣръ бѣдствія могущаго произойти отъ несвоевременнаго наступленія—сраженіе при Фридландѣ.

Раевскій, находившійся въ арріергардѣ, прибылъ на совѣщаніе послѣ всѣхъ. „Я усталъ говорить, сказалъ главнокомандующій. Генералъ Ермоловъ, объясните, о чемъ идетъ дѣло.“ Раевскій, впервые узнавши тогда, что предметомъ совѣщанія было: принять ли сраженіе, или оставить Москву, спросилъ: „Какую позицію занимала армія?“ Ермоловъ отвѣчалъ, „что эта позиція невыгодна, армія разобщена на-двое глубокимъ оврагомъ, резервъ не можетъ поддерживать впереди стоящихъ войскъ.“ — „Ежели наша позиція не позволяетъ намъ ввести въ дѣло наши силы — сказалъ Раевскій, — а, между-тѣмъ, уже рѣшено дать сраженіе, то выгоднѣе идти на встрѣчу непріятелю, нежели ожидать его. Дѣйствуя такимъ образомъ, можно было бы разстроить его наступательныя предположенія, но какъ наши войска недовольно способны къ маневрированію, то должно ограничиться замедленіемъ непріятеля подъ Москвою. Отступленіе черезъ обширный городъ послѣ проиграннаго сраженія можетъ разстроить армію; Москва не можетъ спасти Россію, и потому слѣдуетъ, имѣя преимущественно въ виду сохраненіе арміи, оставить столицу безъ боя. Впрочемъ — я разсуждаю какъ солдатъ, предоставляя князю Михаилу Иларіоновичу рѣшить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ имѣть занятіе непріятелемъ Москвы.“

По свидѣтельству Раевскаго, Кутузовъ, выслушавъ всѣ мнѣнія предложенныя членами совѣта и за ранѣе уже рѣшась оставить Москву, окончилъ совѣщаніе слѣдующими словами: „Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite.“ (Я вижу, что мнѣ придется поплатиться за

все, но жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступать.) Но въ военномъ журналѣ главной дѣйствующей арміи находимъ, что Кутузовъ, обратясь къ членамъ Совѣта, сказалъ: „Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія; поставляю первою обязанностью сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя Москву, отступить по рязанской дорогѣ (36).“

Что касается до вопроса — предполагалъ ли уже въ это время Кутузовъ перейти на калужскую дорогу, или сообразилъ сіе передвиженіе въ послѣдствіи, находясь на рязанской дорогѣ—вопроса, весьма важнаго въ историческомъ отношеніи, то, по всей вѣроятности, онъ останется нерѣшеннымъ. Кутузовъ никогда не сообщалъ никому своихъ намѣреній прежде ихъ исполненія, и потому трудно сказать, когда именно было задумано искусное фланговое передвиженіе нашей арміи съ рязанской на калужскую дорогу. Отступленіе во фланговую позицію (какъ мы уже видѣли), было предложено Толемъ, и потому нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что онъ предложилъ это движеніе и въ послѣдствіи, по прибытіи арміи на рязанскую дорогу (какъ увѣряетъ Бернгарди), либо, по-крайней-мѣрѣ, имѣлъ участіе въ составленіи этого соображенія (37).

Рѣшась оставить Москву, главнокомандующій долженъ былъ обезпечить снабженіе арміи продовольствіемъ на избранномъ имъ пути и принять мѣры для спасенія раненыхъ находившихся въ столицѣ и для вывоза оттуда остальнаго казеннаго и частнаго имущества. Кутузовъ, призвавъ генералъ-интенданта Ланскаго, приказалъ ему распорядиться продовольствіемъ. — „Куда мы идемъ?“ спросилъ Ланской. — „На рязанскую дорогу.“ — „Трудно подвезти туда запасы. Они собраны въ калужской, туль-

ской, орловской и симбирской губерніяхъ; а транспорты съ продовольствіемъ, бо̀льшею частью, направлены къ Серпухову.“ — „Хорошо — отвѣчалъ Кутузовъ: — Объ этомъ поговоримъ завтра, когда придемъ на мѣсто (38).“ Дѣйствительно — не было никакой надобности торопиться принятіемъ какихъ-либо новыхъ мѣръ по движенію запасовъ, которые могли быть доставлены отъ Серпухова съ одинаковою удобностью, какъ на рязанскую, такъ и на калужскую дорогу. Гораздо труднѣе было распорядиться въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ на счетъ вывоза раненыхъ, выѣзда жителей и отнятія у непріятеля возможности пользоваться огромными запасами собранными въ Москвѣ. Многіе изъ жителей, несмотря на успокоительныя извѣстія изъ арміи и на воззванія Растопчина, увѣрявшаго Москвичей, что непріятель не дойдетъ до столицы, заранѣе выѣхали оттуда съ лучшею частью своего имущества; прочіе же оставались въ городѣ, частью изъ безпечности, частью по неимѣнію средствъ къ выѣзду. Главнокомандующій приказалъ полиціймейстеру арміи Шульгину „гнать всѣхъ на Рязань“ (39).

Что касается до спасенія раненыхъ, то въ „Исторіи разоренія Москвы въ 1812 году, А. Ф. Б.......ха, бывшаго офицера русской службы“, — находимъ, что въ главномъ военномъ госпиталѣ было оставлено семь тысячъ нашихъ раненыхъ (40). Бернгарди полагаетъ число ихъ свыше десяти тысячъ (41). Быть можетъ — это показаніе преувеличено, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что не было средствъ вывести изъ Москвы, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, множество раненыхъ отправленныхъ туда съ Бородинскаго поля, и что изъ числа ихъ осталось въ городѣ нѣсколько тысячъ изувѣченныхъ, не могшихъ идти вмѣстѣ съ войсками (42).

На счетъ оружія, хранившагося въ арсеналѣ, сказано въ военномъ журналѣ главной дѣйствующей арміи, что

„остававшееся еще оружіе было частью выбрано, частью истреблено“, но, по всей вѣроятности, на это не достало времени. Изъ дѣлъ Артиллерійскаго Департамента видно, что мы оставили въ добычу непріятелю: сто пятьдесять шесть орудій различныхъ калибровъ, болѣе восьмидесяти тысячъ штукъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, изъ числа коихъ половина требовала починки; болѣе шестидесяти тысячъ палашей, сабель и тесаковъ, двадцать тысячъ пудовъ пороха, двадцать семь тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и на два съ половиною милліона рублей различныхъ коммисаріатскихъ и провіантскихъ запасовъ (43). Напротивъ-того, въ одномъ изъ донесеній Государю графа Растопчина находимъ: „Все вывезено: Коммисаріатъ, Арсеналъ.“ Часть ручнаго оружія была разграблена при выступленіи изъ Москвы нашихъ войскъ; все же прочее, бо́льшею частью, негодное оружіе, досталось въ руки непріятеля, либо истреблено огнемъ въ продолженіе московскаго пожара. Довольно трудно объяснить, почему ружья находившіяся въ арсеналѣ не были употреблены для московскаго ополченія вмѣсто плохихъ пикъ розданныхъ ратникамъ. Но, по всей вѣроятности, исправное оружіе сохранялось на случай востребованія его для регулярныхъ войскъ.

По окончаніи Совѣта въ Филяхъ, князь Кутузовъ приказалъ: 1) Обозамъ тотчасъ выступить на рязанскую дорогу; а за ними, послѣ полуночи, слѣдовать войскамъ. 2) Милорадовичу съ аррьергардомъ удерживать непріятеля, чтобы дать время арміи пройти черезъ Москву. 3) Отряду Винцингероде отступить на владимірскую дорогу (44). Несмотря на твердое убѣжденіе свое въ необходимости оставленія Москвы, Кутузовъ не могъ побѣдить скорби овладѣвшей имъ, не спалъ всю ночь и, по свидѣтельству находившагося при немъ Кайсарова, нѣсколько разъ плакалъ. Дѣйствительно—велика была жер-

тва принесенная Русскими; но послѣдствіями ея были освобожденіе Россіи отъ грознаго нашествія и вѣчная слава Благословеннаго руководителя выдержанной нами борьбы—Императора Александра 1-го.

ГЛАВА XXV.

Оставленіе Москвы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Графъ Растопчинъ.—Дѣйствія его.—Надзоръ за иностранцами.— Афиши Растопчина.—Прибытіе въ Москву раненыхъ послѣ Бородинской битвы.—Смидъ (Леппихъ) и его летучая машина.—Дѣятельность митрополита Платона.—Донесеніе Государю Растопчина.—Москва на-канунѣ вторженія Французовъ.—Распоряженія Растопчина.—Отъѣздъ его.

Москва въ день вступленія Французовъ.—Движеніе чрезъ Москву главныхъ силъ русской арміи.—Дѣйствія Милорадовича.—Отправленіе къ Мюрату Акинфова.—Условіе заключенное съ непріятелемъ.—Прибытіе Наполеона къ Драгомиловской заставѣ. — Расположеніе его въ предмѣстіи.—Занятіе непріятелемъ Кремля.—Геройскій поступокъ Милорадовича.—Заслуга его въ день оставленія Москвы.

Донесеніе графа Растопчина о потерѣ Москвы.—Прибытіе въ Петербургъ полковника Мишо съ донесеніемъ отъ князя Кутузова.—Разговоръ съ нимъ Государя.—Донесеніе Кутузова объ оставленіи Москвы.—Письмо Беннигсена къ графу Аракчееву.—Непоколебимость Императора Александра I-го. Мѣры принятыя для защиты Петербурга.—Распоряженія на случай нашествія непріятеля на Петербургъ.—Благодушіе Императора Александра I-го.

По отъѣздѣ Государя изъ Москвы въ Петербургъ, 18-го (30-го) іюля, всѣ помыслы жителей первопрестольной столицы были обращены на вооруженіе противъ непріятеля. Всякой, могшій владѣть оружіемъ, старался добыть его. Сабли, ружья и пистолеты сдѣлались въ пять разъ дороже цѣны, по которой продавались прежде. Графъ Растопчинъ, желая способствовать общему ополченію, приказалъ продавать дешево старое оружіе, которое было весьма неисправно, но, несмотря

на то, арсеналъ былъ съ утра до вечера полонъ покупателями (1).

Весьма естественно, что мѣры принятыя графомъ Растопчинымъ, въ тяжелое время нашествія непріятельскаго на Россію, выходя изъ обычнаго порядка дѣлъ, и какъ-бы нарушая его, подвергались многоразличнымъ толкамъ. Нельзя не сознаться въ томъ, что настойчивость и пылкость характера графа Растопчина иногда вовлекали его въ необдуманные поступки. Къ тому же—онъ, получивъ превосходное свѣтское образованіе, но не имѣя ни въ чемъ основательныхъ свѣдѣній, могъ быть душою общества, но не былъ достаточно приготовленъ къ занятію важныхъ государственныхъ должностей. Его преданность Государю была безпредѣльна, а любовь къ Отечеству доходила до восторга и обратилась во время нашествія Наполеона на Россію въ ненависть къ иностранцамъ, которая была тѣмъ болѣе поразительна въ его характерѣ, что, будучи окруженъ въ юности французскими наставниками, онъ предпочиталъ французскую литературу всѣмъ прочимъ.

Главными предметами заботливости его, при вторженіи непріятеля въ предѣлы Имперіи, было строгое наблюденіе за иностранцами и успокоеніе жителей, взволнованныхъ предстоявшею опасностью.

Положеніе иностранцевъ въ Москвѣ тогда было весьма затруднительно. Народъ, имѣя самое неопредѣленное понятіе о разнородномъ составѣ Наполеоновыхъ войскъ, полагалъ, что вся Европа ополчилась противъ Русскихъ, и потому въ каждомъ чужеземцѣ мнилъ видѣть врага, предателя, либо по-крайней-мѣрѣ злорадствующаго Россіи. Достаточно было произнесть нѣсколько иностранныхъ словъ, либо плохо говорить по-русски, чтобы возбудить противъ себя подозрѣніе, и если это случалось съ людьми мало извѣстными въ городѣ, то они

подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ. Правительство всячески старалось оказать покровительство иностранцамъ; однихъ Французовъ, въ то время проживавшихъ въ Москвѣ, было болѣе трехъ тысячъ, изъ коихъ лишь немногіе были высланы изъ города. Къ этой мѣрѣ приступлено не произвольно, а на основаніи слѣдующихъ постановленій, составленныхъ въ министерствѣ полиціи и одобренныхъ Императоромъ Александромъ I-мъ: 1) Въ губерніяхъ оставить только тѣхъ иностранцевъ, въ благонадежности которыхъ принимали на себя отвѣтственность губернаторы. 2) Неблагонадежныхъ иностранцевъ выслать за границу моремъ. 3) Тѣхъ же, которые своими разглашеніями могли бы подать поводъ къ невыгоднымъ для Россіи послѣдствіямъ, выслать во внутреннія губерніи ([2]). Только сорокъ (по другимъ свѣдѣніямъ шестьдесятъ пять) человѣкъ, особенно замѣченныхъ по дурному поведенію и вредному образу мыслей, были отправлены водою въ Макарьевъ ([3]). Иностранные писатели упрекаютъ Растопчина въ самовольныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ, понесенныхъ ихъ соотечественниками, но, по свидѣтельству его самого, всѣ высланные изъ Москвы были люди самаго дурнаго поведенія ([4]).

Что касается до разсѣянія опасеній волновавшихъ столицу, то въ началѣ войны это не представляло никакихъ затрудненій. Хотя въ народѣ ходили преувеличенные слухи объ огромномъ ополченіи Наполеона, однакожь ненарушимость предѣловъ Россіи, казалось, была утверждена временемъ: уже болѣе ста лѣтъ не переступалъ непріятель священныхъ рубежей нашего Отечества! Но по мѣрѣ успѣховъ непріятельскаго нашествія, безотчетная самонадѣянность уступала мѣсто столь же безотчетному страху. Наполеоновы полчища, составленныя изъ людей различныхъ націй, казались Русскимъ

новыми Вандалами, готовыми наводнить Востокъ, подобно тому, какъ нѣкогда варвары наводнили Западъ. Въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, стекались вѣсти объ успѣхахъ непріятельскаго нашествія и, расходясь оттуда нерѣдко въ преувеличенномъ видѣ во всѣ концы Имперіи, возмущали общее спокойствіе. Графъ Растопчинъ противодѣйствовалъ этому злу столь же преувеличенными объявленіями объ успѣхахъ одержанныхъ нашими войсками. Чтобы дать понятіе о слогѣ и содержаніи объявленій (или, такъ-называемыхъ, *афишей*) Растопчина, считаю не излишнимъ помѣстить здѣсь наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ извѣстій.

I.

„4-го числа (*), императоръ Наполеонъ, собравъ всѣ свои войска въ числѣ 100,000 человѣкъ, пришелъ къ Смоленску, гдѣ былъ встрѣченъ, за 6 верстъ отъ города, корпусомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго. Сраженіе началось въ 6 часовъ утра и съ полудня сдѣлалось кровопролитнѣйшимъ. Храбрость Русскихъ превозмогла многочисленность, и непріятель былъ опрокинутъ. Корпусъ генерала Дохтурова, пришедшій на смѣну утомленнаго, но побѣдившаго корпуса генералъ-лейтенанта Раевскаго, 5-го числа наразсвѣтѣ, вступилъ въ битву, коя до глубокой ночи продолжалась. Непріятельскія войска вездѣ были отражаемы, и русскіе воины, съ храбростію и мужествомъ, имъ свойственнымъ, на гибель враговъ и защиту Отечества, шли съ яростію, призывая имя Господне въ помощь. Но въ сіе время городъ Смоленскъ объятъ былъ пламенемъ и войска наши заняли позицію отъ Днѣпра къ деревнѣ Пневой и Дорогобужу. Обѣ арміи стоятъ вмѣстѣ. Непріятель, разстроенный столь сильнымъ пораженіемъ, остановился, и,

(*) Августа.

потерявъ больше двадцати тысячъ человѣкъ, пріобрѣлъ въ добычу старинный градъ Смоленскъ, руками его въ пепелъ обращенный. Жители всѣ нѣсколько дней до сраженія вышли изъ города. Съ нашей стороны уронъ убитыми и ранеными простирается до четырехъ тысячъ человѣкъ; въ числѣ первыхъ два храбрые генерала: Скалонъ и Балла. Въ плѣнъ взято множество войска и цѣлые непріятельскіе баталіоны кидали ружья, чтобъ спасти жизнь. Три полка нашей кавалеріи и три казаковъ опрокинули 60 эскадроновъ непріятельской кавалеріи подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля (5).“

II.

„Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто нашими войсками занимаемое есть прекрѣпкое, и тутъ Свѣтлѣйшій Князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войска. Чрезъ два дни у насъ еще прибудетъ 20,000, но наши войска русскія, единаго закона, единаго Царя, защищаютъ Церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и—поминай какъ звали!

„Вы знаете, что я знаю все, что̀ въ Москвѣ дѣлается; а что̀ было вчера, не хорошо, и побранить есть за что: два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ—ихъ катать; одинъ чуть-ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату Русскому; и что̀ за диковина ста человѣкамъ прибить костяпова Француза, или въ парикѣ окуренова Нѣмца. Охота руки мара̀ть! И кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіоны, ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія Русскимъ; войска-то французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ

привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ смотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались; не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это Государевы вѣрные слуги и наши друзья; какъ имъ не помочь (6)!"

Какъ несмотря на всѣ усилія московскаго главнокомандующаго разсѣять опасенія жителей, многіе изъ нихъ выѣзжали изъ города, то было обнародовано слѣдующее объявленіе:

„Здѣсь есть слухъ, и есть люди, кои ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Еслибы это было такъ, тогда бы на заставахъ были караулы и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей, но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились безъ возврата. Если по нихъ есть опасность, то непристойно, а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ славнаго войска, 1,800 пушекъ и Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ, истинно Государевъ избранный Воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него сзади непріятеля генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36-ю тысячами пѣхоты, 3,800 кавалеріи и 84-мя пушками, пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дня придетъ въ Можайскъ съ 24-мя тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысячъ вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ, 14 тысячъ пѣхоты. А если мало этого для погибели злодѣя, тогда ужь я скажу; ну, Дружина Московская! Пойдемъ и мы! И выведемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь, да 150 пушекъ

и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150,000 человѣкъ; кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу. Прочитайте; понять можно все, а толковать нечего (7).“

„1812 года, августа 26-го.“

Получивъ отъ князя Кутузова извѣстія о Бородинскомъ сраженіи, въ которыхъ было сказано, что русское войско не уступило ни шагу и что предполагалось снова сразиться съ непріятелемъ, графъ Растопчинъ приказалъ обнародовать сіи извѣстія, присовокупивъ отъ себя:

I.

„Потеря непріятеля несчетна. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобы въ плѣнъ не брать (да и брать не кого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

„Я посылаю въ армію 4,000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды и провіантъ.

„Православные! Будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе Отечества; наша готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска. Богъ укрѣпитъ силы наши и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ русской.“

„27-го августа 1812 года.“

II.

„Свѣтлѣйшій Князь, чтобъ скорѣй соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ снарядами. А

Свѣтлѣйшій говоритъ: что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибирать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжеле снопа ржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую Богоматерь въ госпиталь къ раненымъ: тамъ воду освятимъ; они скорѣе выздоровѣютъ; и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба."

„30-го августа 1812 года (8)."

Всѣ радовались, всѣ торжествовали въ Москвѣ отпоръ данный непріятелю, но вскорѣ явилось въ столицѣ множество повозокъ съ ранеными. Ихъ страданія возбудили общее участіе; Москвичи спѣшили къ нимъ на встрѣчу и провожали въ Лефортовскій дворецъ, обращенный въ госпиталь, надѣляя страдальцевъ, чѣмъ кто могъ. Преосвященный московскій викарій Августинъ, желая доставить высшее утѣшеніе православнымъ воинамъ, отправилъ къ нимъ, 31-го августа (12 сентября н. ст.), духовенство съ чудотворными иконами Иверской и Смоленской Божіей Матери. (Послѣдняя, прежде стоявшая въ Смоленскомъ соборѣ, была перенесена, передъ Бородинскою битвою, въ Москву преосвященнымъ Иринеемъ.) Умолкли стоны, исторгаемые мучительною болью. Истерзанные, увѣчные воины, собравъ послѣднія силы, спѣшили приложиться къ священному лику Утѣшительницы несчастныхъ; нѣкоторые изъ нихъ умирали, едва успѣвъ совершить предсмертную молитву (9). Графъ Растопчинъ по прежнему старался разсѣявать опасенія московскихъ жителей, приказывая вывозить изъ города казенное имущество не иначе какъ въ ночное

время, но какъ для этого было употреблено болѣе шестидесяти тысячъ подводъ, то распоряженіе главнокомандующаго не могло оставаться въ тайнѣ. Всякій, кто могъ, торопился уѣзжать. Москва замѣтно пустѣла.

Еще въ то время, когда Наполеонова Большая армія подходила къ Смоленску, явился къ московскому главнокомандующему уроженецъ голландскій, Смидъ (Францъ Леппихъ), предложившій построить огромный воздушный шаръ, который, по увѣренію изобрѣтателя, могъ быть вооруженъ огнестрѣльными снарядами, въ родѣ боевыхъ ракетъ, и послужить къ истребленію непріятеля; сотрудникомъ его въ этомъ предпріятіи былъ докторъ медицины Шефлеръ, изъ Вюрцбурга. Трудно повѣрить, въ-особенности принявъ во вниманіе недовѣрчивость Растопчина къ иностранцамъ, чтобы онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ пользѣ машины предложенной Смидомъ; гораздо вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ въ виду только отвлечь общее вниманіе отъ предстоявшей опасности и остановить переселеніе московскихъ жителей. Самъ же Смидъ, фанатически увѣренный въ достоинствѣ своего изобрѣтенія, издержалъ для сооруженія летучей машины и для наполненія шара газомъ огромное количество желѣза, строеваго лѣса, тафты, селитренной кислоты, и проч. Множество рабочихъ и работницъ занимались этимъ дѣломъ подъ руководствомъ Смида, въ селѣ Воронцовѣ, въ шести верстахъ отъ Москвы, по калужской дорогѣ, гдѣ находилась команда изъ 160 человѣкъ пѣхоты и нѣсколькихъ драгунъ, для недопущенія любопытныхъ и для охраненія Смида отъ злонамѣренныхъ покушеній. Самъ Государь, въ письмѣ къ московскому военному губернатору, повелѣлъ оказывать Леппиху всѣ нужныя пособія, составить для его шара экипажъ изъ способныхъ и усердныхъ людей и войти въ сношенія съ кня-

земъ Кутузовымъ на счетъ употребленія летучей машины ([10]). Но, повидимому, полиція не весьма заботилась о сохраненіи въ тайнѣ замысловатаго предпріятія. Вся Москва заговорила о немъ; многіе обращали его въ шутку. Растопчинъ, который, напротивъ-того, желалъ придать работамъ Смида какъ можно бо̀льшую важность, приказалъ напечатать въ вѣдомостяхъ слѣдующее объявленіе:

„Отъ главнокомандующаго въ Москвѣ.

„Здѣсь мнѣ было поручено отъ Государя сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ куда захотятъ, и по вѣтру, и противъ вѣтра, а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра или послѣзавтра ко мнѣ будетъ маленькій шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и́ погибели ([11]).“

Небольшой шаръ дѣйствительно поднялся, что̀ не удивило никого изъ присутствовавшихъ при опытѣ; самая же машина упорно оставалась на мѣстѣ; но Смидъ, не теряя самоувѣренности, продолжалъ работы. Наконецъ— когда непріятель уже подходилъ къ Москвѣ, большой шаръ со всѣми принадлежавшими къ нему снадобьями и рабочими былъ перевезенъ на ста тридцати подводахъ въ Нижній-Новгородъ ([12]).

Чѣмъ ближе подходилъ непріятель къ первопрестольной столицѣ, тѣмъ усерднѣе православное духовенство, стоя на стражѣ Вѣры, утверждало крѣпкихъ и укрѣпляло слабыхъ въ преданности къ Царю и любви къ Отечеству. Въ челѣ нашихъ духовныхъ пастырей сіялъ тогда высокимъ умо́мъ и величіемъ духа московскій митрополитъ Платонъ. Императоръ Александръ I-й, еще во время пребыванія Своего въ Москвѣ, получилъ

въ благословеніе отъ сего Святителя образъ преподобнаго Сергія, сопутствовавшій Петру I-му въ походахъ его, и посланіе, въ которомъ внушенный свыше Платонъ предвозвѣщалъ побѣду Россіи надъ врагами ([13]). Государь, уже на обратномъ пути, въ Твери, отвѣчалъ ему: „Преосвященнѣйшій Платонъ! Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ образъ преподобнаго Сергія. Первое принялъ я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и мною столь уважаемаго пастыря Церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ святаго поборника россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ я отдать составляющемуся для защиты Отечества московскому ополченію: да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у Престола Божія и да продлитъ молитвами своими украшенные честью и славою дни ваши. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный.“

Въ отвѣтъ на сіе посланіе, священный витія писалъ къ Императору 23-го іюля (4 августа н. ст.): „Августѣйшій Монархъ, Государь Всемилостивѣйшій! Старецъ Симеонъ имѣлъ въ жизни блаженнѣйшій удѣлъ—пріять на руки свои Предвѣчнаго Младенца, и изъ глубины священныя души воспѣлъ священный гимнъ Владыкѣ міра. Я, недостойный, удостоенъ отвѣта Августѣйшей особы Вашей, въ восторгѣ лобызаю Высокомонаршую десницу; ношу бремя скучной старости, но какъ бы юнѣю въ сладостныхъ чувствіяхъ, благоговѣя къ любезнѣйшему имени Александръ. Государь! Вы, по духу христіанскаго благочестія, благословили нововооружаемыхъ героевъ принесенною Вамъ отъ меня иконою чудотворца Сергія. *Много можетъ молитва праведна споспѣшествуема.* Покусится алчный врагъ простерть за Днѣпръ злобное оружіе—и этотъ Фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Чермномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третію новую рѣку—страшно вы-

говорить—рѣку крови человѣческой! О! каждая крови капля воззоветъ оть земли къ небу. *Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея.* Францiя познаетъ въ Богѣ Господа отмщенiй, а Россiя возчувствуетъ, исповѣдуетъ, воспоетъ къ нему: Авва, Отче! Царю Небесный! Ты изведеши яко свѣтъ правду Монарха и судьбу Россiи яко полудне."

Такъ говорилъ Платонъ Благословенному блюстителю чести и славы Россiи. Но не довольствуясь словомъ предвѣчной истины, великiй Святитель готовился возбудить общее усердiе личнымъ примѣромъ. Въ самый день Бородинской битвы, когда многiе московскiе жители, устрашенные извѣстiями о приближенiи непрiятеля, торопились выѣзжать изъ города, прибылъ въ первопрестольную столицу изъ мирнаго своего убѣжища Виѳанiи, 75-ти-лѣтнiй, изнемогающiй отъ болѣзней, митрополитъ Платонъ. Еще за годъ предъ тѣмъ, онъ передалъ управленiе епархiею своему викарiю Августину; но вѣсть объ опасности грозившей обрушиться надъ Москвою вызвала великодушнаго Святителя, который весьма справедливо считалъ присутствiе свое въ столицѣ полезнымъ во дни бѣдствiй Отечества. Вѣсть о прибытiи митрополита поселила надежду въ унывавшемъ народѣ. Многiе изъ жителей Москвы, возбужденные примѣромъ его, рѣшились принять участiе въ защитѣ столицы, обрекали себя смерти и прiобщались Св. Таинъ. По призыву Растопчина, москвичи хотѣли идти съ церковными хоругвями на Трехгорное поле; многiе изъ нихъ, конные и пѣшiе, вооруженные кто чѣмъ успѣлъ, спѣшили туда. Разнесся слухъ, что самъ Платонъ явится на Три-горы, либо на Поклонную гору, благословить русское воинство къ рѣшительному бою. Дѣйствительно—онъ готовъ былъ на всякую жертву; тѣлесныя силы Святителя измѣняли ему; но онъ, несмотря на то, видя Москву наполненною ранеными, оставляемою жителями, не хотѣлъ выѣхать изъ города. Напрасно старались побудить его къ

тому викарій его, Августинъ, и другіе преданные ему люди, напоминая, что непріятели были уже близко. „Что сдѣлаютъ мнѣ они?" твердилъ безстрашный старецъ; наконецъ—уже 31-го августа (12 сентября н. ст.) согласился онъ уѣхать въ Виѳанію ([14]).

Москва въ это время подобилась обреченной жертвѣ. Самъ Растопчинъ, убѣдясь въ невозможности отстоять столицу, доносилъ Государю: „До 26-го числа я употреблялъ всѣ средства къ успокоенію жителей и ободренію общаго духа, но поспѣшное отступленіе арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнялись улицы, произвели ужасъ. „Видя самъ, что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я „рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа остававшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь же опустѣлою, какъ Смоленскъ. Все „вывезено, коммисаріатъ, арсеналъ. Теперь занимаюсь „ранеными; ежедневно привозятъ ихъ до 1,500" ([15]).

1-го (13-го сентября), въ день совѣщанія въ Филяхъ, рѣшившаго участь Москвы, вся столица съ ея окрестностями имѣла видъ необозримаго военнаго стана: войска наши, заслонивъ ее со стороны обращенной къ непріятелю, сооружали укрѣпленія; жители толпами бѣжали въ арсеналъ, гдѣ въ тотъ день раздавали оружіе даромъ, и потомъ, съ восклицаніями: „да здравствуетъ, батюшка нашъ Александръ Павловичъ!" спѣшили на Три-горы, ожидая тамъ найти военнаго губернатора ([16]). Въ сей день, преосвященный Августинъ, совершая въ Успенскомъ соборѣ литургію, со слезами молилъ Господа о низложеніи врага, о спасеніи Москвы и Россіи. Соборъ былъ полонъ народа; казалось — всѣ остальные жители Москвы собрались оплакивать предстоявшія имъ бѣдствія. По окончаніи литургіи, Августинъ хотѣлъ-было отправить въ Вологду остававшіяся въ Успенскомъ соборѣ драгоцѣнности,

святыя мощи и чудотворныя иконы, но графъ Растопчинъ не позволилъ ему исполнить это намѣреніе, изъ опасенія поселить уныніе въ народѣ“ ([17]).

Наступилъ вечеръ. Одни изъ жителей Москвы отправились, съ оружіемъ въ рукахъ, за Драгомиловскую заставу; другіе спасали свои семейства и уходили изъ столицы, не зная удастся-ли имъ найти гдѣ-либо убѣжище. Въ городѣ, между остальными немногими обитателями его, водворилось могильное безмолвіе. Надежда и отчаяніе, опасеніе невѣдомыхъ бѣдствій и твердая рѣшимость, всѣ эти чувства, смѣняясь одно другимъ, волновали духъ московскихъ жителей. Въ ночи, уже по окончаніи Совѣта въ Филяхъ, графъ Растопчинъ получилъ отъ князя Кутузова слѣдующее письмо: „Непріятель, отдѣливъ „колонны свои на Звѣнигородъ и Боровскъ, и невыгодное „здѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня съ горестію „Москву оставить. Армія идетъ на рязанскую дорогу. „Посему покорно прошу васъ прислать мнѣ съ симъ же „адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ сколько можно „болѣе полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы ар„мію проводить чрезъ разныя дороги на рязанскую“ ([18]).

Это было первое опредѣлительное свѣдѣніе, полученное Растопчинымъ о намѣреніи князя Кутузова оставить Москву. До этого времени нельзя было ни истреблять, ни вывозить изъ города средства, которыя могли послужить въ пользу для нашей арміи, и потому Растопчинъ приказывалъ отправлять только наиболѣе цѣнное казенное имущество и важнѣйшія дѣла изъ архивовъ; все же прочее оставалось въ городѣ. Когда же до вступленія непріятеля въ столицу оставалось едва нѣсколько часовъ, графъ Растопчинъ распорядился съ необыкновенною дѣятельностью. Приказано было употребить всѣ подводы, которыя нашлись въ городѣ, для вывоза больныхъ и раненыхъ. Всѣ воинскія команды, находившіяся въ Москвѣ,

немедленно выступили по рязанской дорогѣ. Пожарныя команды съ огнегасительнымъ снарядомъ отосланы во Владимiръ. Полицейскимъ командамъ, подъ руководствомъ расторопныхъ чиновниковъ, было поручено разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ и истреблять коммисарiатскiе запасы, а потомъ отправиться также во Владимiръ ([19]). Нѣкоторые изъ полицейскихъ служителей были оставлены въ столицѣ, для зажженiя ея на нѣсколькихъ пунктахъ ([20]). Обрекая Москву въ жертву пламени, графъ Растопчинъ налагалъ на себя тяжкую отвѣтственность, потому-что не имѣлъ на то повелѣнiя отъ благодушнаго Государя. Но будучи удостоенъ полною Монаршею довѣренностью и поставленъ въ чрезвычайныя обстоятельства, онъ рѣшился исполнить то, что̀ считалъ полезнымъ и славнымъ для Отечества.

Въ продолженiе этого дня, преосвященный Августинъ посылалъ нѣсколько разъ къ графу Растопчину узнавать о положенiи дѣлъ; наконецъ, уже въ полночь, получилъ онъ извѣстiе объ оставленiи Москвы; вмѣстѣ съ тѣмъ назначено было ему выѣхать по дорогѣ на Владимiръ. Въ темную осеннюю ночь архипастырь, сопровождаемый нѣсколькими духовными особами, взявъ съ собою изъ Успенскаго собора образъ Владимiрской Божiей Матери, а изъ часовни отъ Воскресенскихъ воротъ Иверскую икону, отправился изъ Москвы по указанному направленiю. Кругомъ столицы разливалось зарево пылающихъ селъ и деревень; на смоленской дорогѣ видны были бивачные огни и раздавались изрѣдка выстрѣлы. По владимiрской тянулись обозы, толпились пѣшiе вмѣстѣ съ конными. Крестьяне, встрѣчавшiеся съ архипастыремъ, вмѣсто обычнаго уваженiя, изъявляли неудовольствiе къ нему, укоряя его въ томъ, что оставилъ паству свою, какъ презрѣнный наемникъ. Несправедливы были упреки сiи, но

не злоба внушала ихъ, а глубокая скорбь народа, привыкшаго считать Москву сердцемъ Россіи ([21]).

Между-тѣмъ — въ столицѣ кипѣла необыкновенная дѣятельность. Графъ Растопчинъ, выславъ полицію изъ города и отдавъ приказаніе вывести московскій гарнизонъ, оставался съ небольшою командою, какъ вѣрный стражъ порядка и общественнаго спокойствія. Къ-сожалѣнію, послѣднее дѣло графа Растопчина при оставленіи столицы не соотвѣтствовало достоинству его характера. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, всѣ арестанты, содержавшіеся въ городской тюрьмѣ, были отправлены во Владиміръ (вопреки показанію нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, увѣряющихъ будто-бы графъ Растопчинъ выпустилъ на волю всѣхъ преступниковъ, поручивъ имъ зажечь городъ). Оставались подъ стражею въ Москвѣ только двое: какой-то Французъ, позволившій себѣ осуждать дѣйствія Русскихъ, и купеческій сынъ Верещагинъ, который перевелъ изъ гамбургской газеты на русскій языкъ воззваніе Наполеона, враждебное Россіи, и давалъ его читать своимъ знакомымъ. Поутру въ восемь часовъ, 2-го (14-го) сентября, въ то самое время, когда Растопчинъ готовился уѣхать изъ города, собралась къ его дому большая толпа народа, объявляя о своемъ намѣреніи — идти на Три-горы противъ непріятеля—и прося главнокомандующаго вести ихъ туда. „Погодите, братцы,—отвѣчалъ Растопчинъ — дайте мнѣ только управиться съ измѣнникомъ. Затѣмъ, приказавъ привести обоихъ арестантовъ, онъ, обратясь къ Верещагину, сказалъ: „Ты, недостойный называться Русскимъ, осмѣлился измѣнить своему Отечеству и обезчестить свое семейство. Твое преступленіе превзошло всѣ наказанія постановленныя законами. Предаю тебя мщенію народа. Бейте измѣнника; отъ него гибнетъ Москва.“ Несчастный, поражаемый, истерзанный окружавшими его людьми, былъ преданъ

по смерти на поруганіе буйной черни. Между-тѣмъ какъ общее вниманіе народа было обращено на это кровавое зрѣлище, Растопчинъ, приказавъ подвесть къ себѣ виновнаго иностранца, сказалъ ему:—"Что касается до тебя, Французскаго уроженца, прошу впередъ говорить осторожнѣе на счетъ націи благосклонно принявшей тебя." Когда же Французъ сталъ оправдываться, главнокомандующій, приказавъ ему замолчать, продолжалъ: „Ступай, я прощаю тебя; но прошу, когда придутъ сюда разбойники, твои земляки, разсказать имъ, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ." Вслѣдъ затѣмъ — графъ Растопчинъ уѣхалъ изъ столицы ([22]).

Поутру 2-го (14-го) сентября, Москва представляла смутное зрѣлище. Немногіе остававшіеся въ ней жители торопливо уходили изъ города, спасая наиболѣе цѣнное свое имущество, либо скрывались въ домахъ и подвалахъ; за наемъ лошадей платили такія деньги, какихъ прежде стоила покупка ихъ. Исчезъ всякій порядокъ. Люди дурнаго поведенія, пользуясь выѣздомъ полиціи, разсѣялись по домамъ и за отсутствіемъ хозяевъ, распоряжались чужою собственностью; другіе, съ такою же цѣлью, отправились въ ряды и уносили оттуда все, что попадало подъ руку; никто не сопротивлялся, никто не мѣшалъ имъ. Купцы, встрѣчая солдатъ на улицахъ, зазывали ихъ въ свои лавки, предлагая брать что приглянется. „Пускай лучше наше добро достанется вамъ, нежели Французамъ", говорили они нашимъ служивымъ. Въ городѣ царствовало глубокое молчаніе, по временамъ прерываемое только неистовыми криками въ питейныхъ домахъ и рыданіями несчастныхъ, оставлявшихъ кровы, гдѣ надѣялись провести спокойно всю жизнь свою; главныя улицы, загроможденныя всякаго рода экипажами и повозками, между которыми съ трудомъ пробирались пѣшеходы, предста-

вляли картину совершеннаго хаоса. Цѣлыя семейства блуждали по улицамъ, спрашивая у встрѣчныхъ—„въ которую сторону идти, чтобы не встрѣтиться съ непріятелемъ". Другіе сомнѣвались въ возможности вступленія непріятелей въ столицу и утверждали, будто-бы за нашею арміею слѣдовалъ вспомогательный шведскій корпусъ. Но бо́льшая часть народа торопливо уходила изъ города и на первый случай искала убѣжища въ ближайшихъ селеніяхъ. Хотя и нельзя сказать достовѣрно, сколько тогда оставалось жителей въ Москвѣ, однакожь въ отзывѣ графа Растопчина къ фельдмаршалу князю Кутузову, отъ 28-го октября 1812 года, за № 41-мъ, значится, что ихъ было до десяти тысячъ, а при очищеніи непріятелемъ Москвы—не болѣе трехъ тысячъ ([23]).

Обратимся къ дѣйствіямъ войскъ.

Въ то самое время, когда былъ созванъ Военный Совѣтъ въ Филяхъ, Наполеонъ съ главными силами Большой арміи приблизился къ Москвѣ, на разстояніе около тридцати верстъ, и расположился у Перхушкова. Боковыя колонны его, въ ночи съ 1-го (13-го) на 2-е (14-е) сентября, находились почти на одной высотѣ съ главными силами: корпусъ Понятовскаго на новой калужской дорогѣ, у Ликова, а корпусъ Вице-короля, шедшій по звенигородской дорогѣ, на правомъ берегу рѣки Москвы, у Бузаева ([24]).

Съ нашей стороны, въ ночи съ 1-го (13-го) на 2-е (14-е) сентября, двинулись съ мѣста обозы арміи. За ними, въ три часа утра, еще до разсвѣта, вошли чрезъ Драгомиловскую заставу въ столицу войска: сперва кавалерія, потомъ ополченіе, наконецъ пѣхота съ артиллеріей и казаки: вся наша армія двигалась въ одной колоннѣ, тянувшейся черезъ городъ. Легко вообразить, какъ замедлялось на каждомъ шагу движеніе войскъ, переходившихъ черезъ рѣку Москву по единственному деревян-

ному мосту, да и тотъ подломился и не могъ быть вскорѣ исправленъ, что заставило часть кавалеріи и московское ополченіе переправиться въ бродъ черезъ рѣку ([25]). Барклай де-Толли говоритъ, что наше отступленіе не отличалось устройствомъ; и дѣйствительно, уступка Москвы безъ боя изумила армію и какъ-будто бы расторгла связь обычной дисциплины нашихъ войскъ. Очевидецъ оставленія Москвы, принцъ Евгеній Виртембергскій пишетъ: „По мнѣнію бо̀льшей части высшихъ начальниковъ, дальнѣйшее отступленіе казалось несообразнымъ съ правилами самой чести: они полагали, что Москва долженствовала быть для русскаго воина тѣмъ, чѣмъ могила для каждаго смертнаго. За ними былъ уже другой міръ“ ([26]). Войска сначала полагали, что ихъ поведутъ чрезъ Москву окольною дорогою противъ непріятеля: „Идемъ въ обходъ“, разсуждали солдаты между собою. Но самое зрѣлище Москвы, оставляемой бо̀льшею частью послѣднихъ ея жителей, не позволяло сомнѣваться въ горестной истинѣ. „Безмолвны и грустны были ряды воиновъ, тянувшіеся по безлюднымъ улицамъ столицы“ ([27]). Какъ 2-е сентября пришлось въ понедѣльникъ, то въ народѣ ходили мрачные толки объ оставленіи Москвы; другіе, напротивъ-того, предвѣщали (и на сей разъ не ошиблись), что Наполеону не сдобровать на понедѣльничномъ новосельѣ въ Москвѣ.

Самъ Кутузовъ, прибывъ къ Драгомиловской заставѣ уже въ 8-мъ часу утра, нашелъ улицы въ городѣ совершенно загроможденными и, желая скорѣе проѣхать, обратился къ окружавшей его свитѣ съ вопросомъ: „Кто изъ васъ знаетъ Москву?“ Явился безсмѣнный ординарецъ фельдмаршала, князь А. Б. Голицынъ. „Проводи меня такъ — сказалъ Кутузовъ — чтобы мы ни съ кѣмъ не встрѣтились“, и вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ отправился верхомъ отъ Арбатскихъ воротъ, вдоль бульваровъ, къ Яузскому мосту. Тамъ встрѣтилъ онъ графа Растопчина,

который, съ нагайкою въ рукѣ, старался очистить переходъ черезъ мостъ для артиллеріи, между столпившимися войсками и жителями. Свиданіе фельдмаршала съ Растопчинымъ было очень сухо; Кутузовъ, не отвѣчая ему ни слова, нѣсколько разъ перерывалъ его рѣчь приказаніями очищать мостъ. Дальнѣйшее движеніе къ Коломенской заставѣ войскъ смѣшанныхъ съ народомъ уподоблялось огромной волнѣ. По мѣрѣ выхода арміи изъ города, она располагалась на привалѣ по обѣимъ сторонамъ дороги. Самъ же фельдмаршалъ, миновавъ заставу, сѣлъ на скамейку на самой дорогѣ, близъ старообрядческаго кладбища. Здѣсь оставался онъ, какъ-будто прислушиваясь къ послѣднему говору Москвы, въ ожиданіи извѣстій изъ арріергарда. Наконецъ, явился къ нему адъютантъ Милорадовича съ донесеніемъ, что если Мюратъ не приметъ сдѣланныхъ ему предложеній, то придется драться въ городѣ, и что въ такомъ случаѣ арріергарду нужно будетъ подкрѣпленіе. Это извѣстіе встревожило стараго фельдмаршала, но чрезъ четверть часа прибылъ полковникъ Потемкинъ съ другимъ донесеніемъ Милорадовича, объ условіи съ непріятелями, которымъ обезпечивалось отступленіе нашего арріергарда. Кутузовъ тотчасъ же приказалъ главнымъ силамъ арміи продолжать маршъ къ селенію Панкамъ, въ разстояніи семнадцати верстъ отъ Москвы, и самъ отправился туда вмѣстѣ съ войсками успѣвшими пройти Коломенскую заставу ([28]).

Между-тѣмъ Барклай де-Толли оставался у Яузскаго моста, пропуская мимо себя войска и стараясь поддержать въ нихъ порядокъ. Его дѣятельность и терпѣніе въ сей день были чрезвычайны. Восемнадцать часовъ сряду оставался онъ на конѣ, разославъ своихъ адъютантовъ съ казачьими командами по всѣмъ улицамъ, гдѣ проходили войска, для ускоренія ихъ марша и для сбора отсталыхъ ([29]). Геройская неустрашимость, выказанная

Барклаемъ предъ лицемъ всей арміи въ Бородинской битвѣ, и благоразумныя мѣры имъ принятыя при отступленіи нашихъ войскъ чрезъ Москву, стяжали ему преданность русскаго воинства и уваженіе всей Россіи.

Еще затруднительнѣе было положеніе нашего аррієргарда.

На разсвѣтѣ 2-го (14-го) сентября, въ то самое время, когда русская армія, снявшись съ расположенія своего впереди Москвы, отступала чрезъ столицу, арріергардъ нашъ находился въ десяти верстахъ отъ Драгомиловской заставы, близъ фарфоровыхъ заводовъ. Милорадовичу, какъ уже сказано, было поручено удерживать непріятеля сколь возможно долѣе, чтобы дать арміи время отступить со всѣми ея обозами и вывести московскихъ жителей. Кутузовъ прислалъ ему письмо къ Бертье, подписанное Кайсаровымъ, въ коемъ, по обыкновенію, поручались покровительству непріятеля девять тысячъ нашихъ раненыхъ и больныхъ, которые не могли быть вывезены изъ города. Милорадовичу было разрѣшено: „почтить видомъ сраженія древнія стѣны Москвы“ ([30]). Съ этою цѣлью, отойдя назадъ, онъ расположилъ ввѣренный ему арріергардъ правымъ флангомъ у Поклонной горы и протянулъ лѣвый флангъ къ Воробьевымъ горамъ. Такимъ образомъ выказавъ свои силы, Милорадовичъ надѣялся, что непріятель станетъ стягивать для атаки войска и чрезъ то дастъ намъ возможность выиграть время.

По мѣрѣ отступленія нашего арріергарда, подавался постепенно впередъ непріятельскій авангардъ. Самъ Наполеонъ, переночевавъ въ селѣ Вязёмѣ, принадлежавшемъ князю Голицыну, въ разстояніи 40 верстъ отъ Москвы, отправился оттуда 2-го (14-го) сентября, на зарѣ, въ каретѣ, вмѣстѣ съ Бертье, но не имѣя возможности переѣхать въ ней чрезъ глубокій оврагъ, гдѣ былъ сожженъ мостъ, сѣлъ на лошадь и продолжалъ верхомъ остальной

путь до Москвы. По прибытіи, въ десять часовъ утра, на дачу въ правой сторонѣ отъ большой дороги, не доѣзжая двѣнадцати верстъ до Москвы, Наполеонъ былъ встрѣченъ Мюратомъ, говорилъ съ нимъ на дворѣ подлѣ церкви болѣе часа и приказавъ ему идти далѣе, пообѣдалъ на-скоро и съ небольшимъ конвоемъ быстро пустился вслѣдъ за авангардомъ ([31]). Между-тѣмъ Мюратъ направилъ войска свои въ нѣсколькихъ колоннахъ противъ Милорадовича, который, получивъ донесеніе о наступленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ въ обходъ ввѣреннаго ему аррiергарда, не могъ оставаться на мѣстѣ, не подвергнувъ себя опасности быть отрѣзаннымъ, и въ-особенности со стороны калужской дороги, потому-что войска, стоявшія на лѣвомъ крылѣ его, были малочисленны и занимали весьма невыгодную мѣстность; съ другой стороны, отступивъ поспѣшно, онъ не исполнилъ бы даннаго ему приказанія — удерживать непріятеля. Милорадовичъ рѣшился прибѣгнуть къ переговорамъ и обратясь къ стоявшему вблизи Лейбъ-гусарскому полку, потребовалъ офицера, который могъ бы свободно объясняться на французскомъ языкѣ. Явился штабсъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ, вручивъ ему записку, присланную изъ главной квартиры, приказалъ передать ее лично королю неаполитанскому и объявить ему, что „ежели „Французы хотятъ занять Москву въ цѣлости, то пусть „дадутъ намъ время спокойно пройти черезъ городъ; въ „противномъ случаѣ будемъ драться до послѣдняго чело-„вѣка и оставимъ непріятелю однѣ лишь развалины“. Говорятъ, будто бы одинъ изъ адъютантовъ Милорадовича сказалъ: „On ne brave pas ainsi l'armée française“ (Нельзя такимъ образомъ говорить съ Французами) и получилъ въ отвѣтъ: „C'est à moi à la braver, et à vous — à mourir“ (Это мое дѣло, ваше дѣло — умирать). Отправляя Акинфова, Милорадовичъ приказалъ ему, чтобы онъ старался ос-

таваться какъ-можно долѣе у непріятеля, чтобы выиграть время.

Акинфовъ, взявъ съ собою трубача, подъѣхалъ къ непріятельской цѣпи аванпостовъ, состоявшей изъ конныхъ егерей. По сигналу, поданному трубачомъ, выѣхалъ въ цѣпь полковникъ 1-го французскаго конно-егерскаго полка. На вопросъ его, о причинѣ пріѣзда, нашъ парламентёръ отвѣчалъ, что присланъ съ порученіемъ къ королю неаполитанскому отъ начальника авангарда русской арміи, генерала Милорадовича. Акинфова провели къ командовавшему аванпостами генералу Себастіани, который спросилъ, чего онъ желаетъ и приказалъ провести его къ Мюрату. Проѣхавъ мимо пяти кавалерійскихъ полковъ, стоявшихъ въ шахматномъ порядкѣ впереди пѣхоты, Акинфовъ увидѣлъ Мюрата въ блестящей одеждѣ, окруженнаго многочисленною свитою. Король приподнялъ свою шляпу вышитую золотомъ и украшенную перьями, приказалъ своей свитѣ удалиться и, положа руку на шею лошади нашего офицера, спросилъ у него: „Капитанъ! Что скажете?“ Акинфовъ, вручивъ Мюрату записку присланную изъ главной квартиры, передалъ ему слова Милорадовича, говоря, что мы требуемъ пріостановить движеніе французскихъ колоннъ и дать намъ время пройти чрезъ Москву; въ противномъ же случаѣ, будемъ драться до послѣдняго человѣка и не оставимъ въ городѣ камня на камнѣ. Прочитавъ письмо, Мюратъ сказалъ: „Напрасно по-„ручать больныхъ и раненыхъ великодушію французскихъ „войскъ; мы въ плѣнныхъ не видимъ враговъ“. Что же касается до другаго нашего требованія, то онъ сперва отозвался неимѣніемъ власти остановить движеніе войскъ, не испросивъ предварительно разрѣшеніе Наполеона, но потомъ объявилъ Акинфову, что, желая сохранить Москву, рѣшается согласиться на предложеніе Милорадовича и пойдетъ такъ тихо, какъ намъ угодно, съ однимъ лишь

условіемъ, чтобы Москва въ тотъ же день была занята Французскими войсками. Получивъ въ отвѣтъ, что Милорадовичъ будетъ на это согласенъ, Мюратъ тотчасъ послалъ въ передовую цѣпь приказаніе остановиться и прекратить перестрѣлку. Затѣмъ, обратясь къ Акинфову, спросилъ: „Знаете ли вы Москву?“ и получивъ въ отвѣтъ, что онъ московскій уроженецъ, продолжалъ: „Прошу васъ уговорить жителей оставаться спокойными. Мы „нетолько не сдѣлаемъ имъ никакого вреда, но не возьмемъ „съ нихъ ни малѣйшей контрибуціи и будемъ всячески „заботиться о ихъ безопасности.“ .... „Да не оставлена ли „Москва жителями, — прибавилъ Мюратъ: — Гдѣ графъ „Растопчинъ?“ — „Я былъ постоянно въ авангардѣ и потому ничего не знаю ни о Москвѣ, ни о графѣ Растопчинѣ“, отвѣчалъ Акинфовъ. На вопросъ, гдѣ находится Императоръ Александръ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, нашъ парламентёръ отозвался незнаніемъ, опасаясь, (какъ говоритъ онъ самъ въ запискѣ своей), чтобы непріятели, получивъ свѣдѣніе о мѣстопребываніи Государя въ Петербургѣ, не послали особаго корпуса къ нашей сѣверной столицѣ. „Я уважаю вашего Императора и друженъ съ Великимъ Княземъ — продолжалъ Мюратъ, — жа„лѣю, что долженъ воевать съ вами. Скажите, много ли „потерялъ вашъ полкъ?“ — „Находясь почти ежедневно въ „дѣлѣ, нельзя обойтиться безъ потери“, отвѣчалъ Акинфовъ. — „Тяжелая война!“ замѣтилъ король. — „Мы деремъ„ся за Отечество и не замѣчаемъ трудностей похода.“ — „Почему не мирятся?“ — „Вашему величеству это болѣе извѣстно, нежели мнѣ; сколько мнѣ кажется, то ни одна изъ противныхъ сторонъ еще не можетъ похвалиться совершенною побѣдою.“ — „Пора мириться,“ сказалъ съ улыбкою Мюратъ, повторивъ еще разъ, что Французскія войска будутъ заботиться о сохраненіи Москвы. — „Скажите „генералу Милорадовичу, что я согласился на его предло-

„женіе единственно изъ уваженія къ нему,“ прибавилъ онъ, отпуская нашего переговорщика. Акинфовъ отправился назадъ въ сопровожденіи того же полковника, который провелъ его къ королю; желая выиграть время, онъ ѣхалъ небольшимъ галопомъ и изъявилъ желаніе полюбоваться двумя стоявшими вблизи гусарскими полками, на что̀ провожавшій его полковникъ согласился. Подъѣхавъ къ нашей цѣпи, Акинфовъ объявилъ командовавшему ею, гвардейскаго казачьяго полка полковнику Ефремову, что Французы не станутъ тѣснить нашего арріергарда и поскакалъ къ Милорадовичу ([32]).

Между-тѣмъ Себастіани, отправя Акинфова къ Мюрату, выѣхалъ въ передовую цѣпь, гдѣ встрѣтилъ Милорадовича, съ которымъ познакомился въ Букарестѣ, во время войны Россіи съ Турціею. Оба генерала ѣхали вмѣстѣ рядомъ довольно долго по большой дорогѣ, бесѣдуя между собою о сохраненіи Москвы ([33]). Въ городѣ смятеніе и безпорядокъ болѣе-и-болѣе увеличивались; едва лишь успѣла пройти армія, какъ всѣ улицы, по которымъ она двигалась, были загромождены обозами. Для очищенія пути арріергарду, Милорадовичъ послалъ офицеровъ съ конными командами, но, несмотря на то, движеніе отступавшихъ войскъ затруднялось на каждомъ шагу и было весьма медленно. Самъ Милорадовичъ, прибывъ, около трехъ часовъ по полудни, къ Драгомиловской заставѣ, поспѣшилъ къ своей пѣхотѣ уже находившейся въ городѣ. Подъѣхавъ съ окружавшею его свитою къ Кремлю, онъ увидѣлъ командира московскаго гарнизоннаго полка генералъ-лейтенанта Брозина, съ двумя баталіонами выступившими изъ Кремля и шедшими чрезъ городъ съ музыкою, что̀ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ было во̀все некстати. Со всѣхъ сторонъ раздавались упреки; и солдаты, и жители, говорили вслухъ: „Какой это измѣнникъ „радуется нашему несчастію?“ Самъ Милорадовичъ, об-

ратясь къ Брозину, не постигавшему сдѣланнаго имъ промаха, закричалъ во весь голосъ: „Какой к...... приказалъ вамъ идти съ музыкою?" Брозинъ простодушно отвѣчалъ: „Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго." — „Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?—вскричалъ Милорадовичъ.—Прикажите замолчать вашей музыкѣ" ([34]).

Въ то время, когда Милорадовичъ подъѣзжалъ къ Яузѣ, Акинфовъ, настигнувъ его, донесъ ему о согласіи Мюрата на наше требованіе. „Видно Французы очень желаютъ „занять Москву—отвѣчалъ Милорадовичъ.—Поѣзжайте „опять къ Мюрату и предложите ему, въ дополненіе прежняго условія, заключить перемиріе до семи часовъ слѣдующаго утра, чтобы дать время выдти изъ города „обозамъ и отсталымъ. Иначе будемъ обороняться въ „Москвѣ."

Дѣйствительно—вся Наполеонова армія, отъ генерала до солдата, жаждала вступить въ столицу, достиженіе которой было куплено цѣною столькихъ трудовъ и лишеній. Одни думали раздѣлить славу своего повелителя, который, по мнѣнію ихъ, занявъ Москву, покорялъ своей волѣ Россію, подобно тому, какъ уже была покорена ему бо̀льшая часть остальной Европы; другіе, утомленные, разочарованные, надѣялись отдохнуть въ нашей столицѣ и возвратиться въ отечество. Во всякомъ случаѣ, безкровное занятіе Москвы послѣ ужасной Бородинской битвы было столь же неожиданно для нашихъ непріятелей, сколько и для насъ самихъ. И потому весьма естественно, что Французы, стремясь овладѣть Москвою, были готовы на всевозможныя уступки для пріобрѣтенія въ цѣлости важнаго залога, обладаніе которымъ, судя по прежнимъ успѣ-

хамъ Наполеона, могло повести его къ успѣшному окончанію трудной борьбы съ Россіею.

Въ то время, когда Акинфовъ, исполняя порученіе своего начальника, возвращался къ Мюрату, непріятельскія войска, уже, взойдя на Поклонную гору, увидѣли предъ собою древнюю нашу столицу во всей величественной красотѣ ея. Все было ново для обитателей запада, все было привлекательно для воиновъ достигшихъ цѣли своей. Самъ Мюратъ, выѣхавъ въ передовую свою цѣпь, смѣшавшуюся съ казаками, бесѣдовалъ съ ихъ начальникомъ и въ часъ по полудни уже находился близъ Драгомиловской заставы. Тамъ встрѣтилъ его Акинфовъ. Король, принявъ очень ласково нашего переговорщика, безпрекословно согласился на предложеніе Милорадовича, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы всѣ обозы не принадлежащіе арміи были оставлены въ Москвѣ ([35]).

Между-тѣмъ какъ войска Мюрата подходили къ Драгомиловской заставѣ, Наполеонъ, въ два часа по полудни, взъѣхалъ на Поклонную гору и видя разстилающуюся у ногъ его древнюю столицу Русскаго Царства, обратился къ своей свитѣ, сказавъ: „La voilà donc enfin cette fameuse ville!“ (Наконецъ—вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ!) И потомъ прибавилъ: „Il était temps!“ (Да и пора уже!). Въ этихъ немногихъ словахъ выразились: и радость завоевателя, достигшаго цѣли своихъ дѣйствій, и сожалѣніе о потерѣ сотень тысячъ воиновъ принесенныхъ въ жертву несбыточной мечтѣ всемірной монархіи. Затѣмъ, соскочивъ съ коня, Наполеонъ долго разсматривалъ въ зрительную трубу какъ самую столицу, такъ и окрестности ея, приказалъ разостлать на землѣ подробный планъ Москвы и разспрашивалъ о положеніи важнѣйшихъ пунктовъ ея у одного изъ своихъ секретарей, Лелорня (Lelorgne), служившаго ему переводчикомъ съ русскаго языка и хорошо знавшаго столицу ([36]). Долго слѣдилъ онъ за расположеніемъ сво-

ихъ войскъ, и наконецъ пушечнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ всѣмъ колоннамъ продолжать движеніе къ Москвѣ: такимъ образомъ — дополнительное условіе, предложенное Милорадовичемъ и принятое Мюратомъ, не было исполнено. Подобно густымъ тучамъ, облегли Москву съ запада непріятельскіе корпуса. Мюратъ съ авангардомъ и Молодою гвардіею двинулся къ Драгомиловской заставѣ, Понятовскій къ Калужской, Вице-король къ Тверской. Раздались восклицанія многихъ тысячъ воиновъ: Vive Napoléon! и непріятельская армія устремилась къ Москвѣ: кавалерія скакала во весь опоръ; артиллерія старалась не отставать отъ ней; пѣхота пустилась бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрыпъ колесъ, звукъ оружія, говоръ солдатъ, все смѣшалось въ ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся столбомъ пыли, и въ нѣсколько минутъ Наполеонъ съ ближайшими къ нему полчищами очутился у Драгомиловской заставы. Тамъ, сойдя опять съ коня, противъ камеръ-коллежскаго вала, влѣво отъ заставы, онъ ходилъ взадъ и впередъ готовясь принять депутацію изъ Москвы. По-мѣрѣ-того какъ проходило время въ напрасномъ ожиданіи, походка его дѣлалась быстрѣе и быстрѣе; во всѣхъ его движеніяхъ обнаруживалось нетерпѣніе ([37]). Получивъ отъ присланныхъ къ нему изъ авангарда офицеровъ извѣстіе объ оставленіи Москвы, онъ не хотѣлъ вѣрить тому. „Moscou déserte! Quel évènement invraisemblable! Il faut y pénétrer. Allez et amenez moi les boyards!“ (Москва опустѣла! Это невѣроятно. Надобно удостовѣриться въ томъ. Ступайте туда и приведите мнѣ бояръ!) сказалъ онъ графу Дарю, отправляя его въ городъ для высылки оттуда депутаціи ([38]).

Но какъ бояръ не было, а Наполеонъ требовалъ непремѣнно, чтобы привели къ нему депутацію, то собрали нѣсколько иностранцевъ, которые, вмѣсто обычнаго привѣтствія торжествующему завоевателю, подтвердили вѣсть объ оставленіи Москвы всѣми ея жителями, за исключе-

ніемъ Французовъ и Нѣмцевъ занимающихся торговлею и небольшаго числа Русскихъ, принадлежащихъ къ низшимъ народнымъ сословіямъ. Наполеонъ, не удостоивъ ни однимъ словомъ эту жалкую депутацію, сѣлъ на коня, въѣхалъ въ Драгомиловское предмѣстіе и расположился со всею свитою въ нѣсколькихъ обывательскихъ домахъ, гдѣ изъ московскихъ жителей не было никого, кромѣ четырехъ дворниковъ ([39]). Первоначальныя распоряженія его въ Москвѣ заключались въ томъ, что Мортье былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, а генералъ Дюронель—комендантомъ столицы; Лессепсъ, бывшій французскій консулъ въ Петербургѣ, получилъ предписаніе исполнять должность интенданта московской провинціи; предполагалось обнародовать въ тотъ же день, составленное заблаговременно и уже напечатанное, воззваніе къ жителямъ Москвы, но какъ ихъ почти вовсе не было, то это намѣреніе, на сей разъ, осталось неисполненнымъ([40]). Мюрату послано приказаніе преслѣдовать русскую армію, не теряя ее изъ вида, а маршалу Мортье, съ Молодою гвардіей, занять Кремль ([41]).

По прибытіи къ Драгомиловской заставѣ, Мюратъ отрядилъ влѣво, кругомъ сѣверной части города, кавалерійскіе корпуса Груши и Нансути; первый расположился на дорогѣ ведущей въ Дмитровъ, а второй — у Петровскаго дворца, на тверской дорогѣ; самъ же Мюратъ вошелъ въ городъ только съ кавалерійскими корпусами Себастіани (бывшій Монбрюна?) и Латуръ-Мобура, за которыми двигалась Молодая гвардія (дивизіи Клапарѐда и Дюфура). Между-тѣмъ какъ Клапарѐдъ слѣдовалъ за движеніемъ Мюрата къ Яузскому мосту, Мортье съ дивизіею Дюфура подошелъ къ Кремлю и былъ встрѣченъ тамъ нѣсколькими стами нашихъ отсталыхъ солдатъ и московскихъ жителей, которые открыли по непріятелю ружейную стрѣльбу. Разсѣявъ картечью эту горсть храбрыхъ, не хотѣвшихъ отдать безъ защиты древняго обиталища Царей русскихъ, Французы

заняли Кремль. Въ сей день были введены въ Москву только войска Мюрата и Мортье; всѣмъ же остальнымъ корпусамъ запрещено входить въ городъ, и самая застава была занята отрядомъ легкой гвардейской кавалеріи. Старая гвардія съ корпусами Даву и Нея расположилась на ночлегъ по обѣ стороны смоленской дороги; корпусъ Вице-короля получилъ приказаніе стать у Петровскаго, а корпусъ Понятовскаго у калужской заставы (42).

Между-тѣмъ Милорадовичъ, къ пяти часамъ пополудни, успѣвъ вывести изъ города бо̀льшую часть арріергарда, построилъ свои войска въ разстояніи около тысячи шаговъ отъ Коломенской заставы. Въ это самое время появились у него на лѣвомъ флангѣ два полка непріятельской кавалеріи, которые, выйдя изъ города въ другую заставу, двигались на перерѣзъ рязанской дороги: это были 10-й польскій и прусскій уланскіе полки, шедшіе въ головѣ кавалеріи Мюрата. Милорадовичъ послалъ къ непріятелю офицера, требуя свиданія съ королемъ неаполитанскимъ, но парламентёръ долго не возвращался, время проходило и еслибы даже нашему арріергарду удалось безпрепятственно отступить, то Французы могли, пользуясь неопредѣлительностью заключеннаго условія, захватить множество нашихъ отсталыхъ и обозовъ остававшихся въ городѣ. Милорадовичъ, зная, что передовыми войсками Мюрата командовалъ Себастіани, поскакалъ къ непріятельской конницѣ и, обратясь къ польскимъ уланамъ, спросилъ: — „Гдѣ генералъ Себастіани?“ Удивленные смѣлостью русскаго генерала, непріятели указали ему, по какому направленію можно было отъискать ихъ начальника. Адъютанты Милорадовича, пустившіеся за нимъ вслѣдъ на изморенныхъ лошадяхъ, догнали его уже тогда, когда онъ остановился, встрѣтясь съ Себастіани. На увѣренія Милорадовича, что король неаполитанскій заключилъ съ нами перемиріе до семи часовъ слѣдующаго утра,

Себастіани отвѣчалъ, что король не далъ ему о томъ никакого свѣдѣнія. Въ продолженіе ихъ разговора, войска обѣихъ сторонъ смѣшались одни съ другими, но не нарушали случайнаго перемирія враждебными дѣйствіями. Изъ всѣхъ ближайшихъ заставъ выходили обозы, отсталые, жители, на рязанскую дорогу и продолжали движеніе, не встрѣчая нималѣйшаго препятствія со стороны непріятеля, а казаки распоряжались въ городѣ, между-тѣмъ какъ головная часть Мюратова авангарда стояла вблизи рязанской дороги ([43]). Генералъ Себастіани, указавъ на войска и повозки шедшія мимо его кавалеріи, сказалъ Милорадовичу: — „Сознайтесь, что мы предобрые люди; все это могло быть наше.“ — „Ошибаетесь — отвѣчалъ Милорадовичъ: — вы не взяли бы этого иначе, какъ перешагнувъ черезъ мой трупъ, а сто тысячъ человѣкъ, которые стоятъ позади меня, отмстили бы за мою смерть“ ([44]). Собравъ всѣ свои войска, за исключеніемъ Лейбъ-казачьяго и Изюмскаго гусарскаго полковъ, не успѣвшихъ выйти къ Коломенской заставѣ и выступившихъ по владимірской дорогѣ на соединеніе съ отрядомъ Винцингероде, Милорадовичъ отошелъ четыре версты отъ города и расположился на ночлегъ ([45]).

Въ сей день Милорадовичъ оказалъ Отечеству незабвенную заслугу, способствуя отступленію арміи и выѣзду нѣсколькихъ тысячъ жителей. Послѣдніе походы Суворова и цѣлый рядъ войнъ предшествовавшихъ послѣдней борьбѣ Императора Александра I-го съ Наполеономъ, послужили къ образованію многихъ отличныхъ генераловъ, которыми въ Отечественную войну справедливо гордилась Россія; нѣкоторые изъ нихъ превосходили Милорадовича своими способностями, но никто не могъ исполнить порученіе Кутузова — прикрыть выступленіе арміи изъ Москвы, такъ успѣшно, какъ исполнилъ его Милорадовичъ. Пріобрѣвъ еще въ молодости удѣлъ немногихъ избран-

ныхъ — громкую славу, достигнувъ въ цвѣтѣ лѣтъ чина полнаго генерала, онъ былъ столь же извѣстенъ во французской арміи, сколько въ нашей Мюратъ. Казалось — сама природа назначила Милорадовича къ военному званію, одаривъ его всѣми качествами отличнаго воина. Прекрасный собою, одѣтый въ бояхъ и на бивакахъ какъ на парадѣ, щеголемъ, во всѣхъ орденахъ, съ высокимъ перомъ на шляпѣ, иногда обвязанный богатою шалью, онъ, подобно Мюрату, являлся на борзомъ конѣ вездѣ, гдѣ могъ встрѣтить лицомъ къ лицу опасность. Всегда веселый, неутомимый въ военное время, первый въ огнѣ, послѣдній на отдыхѣ, онъ внушалъ подчиненнымъ ему войскамъ свою отвагу. Чѣмъ тягостнѣе становились обстоятельства, тѣмъ болѣе обнаруживалась его обычная живость, тѣмъ лучше выказывалось умѣнье его говорить съ обожавшими его русскими солдатами. Подобно Мюрату, онъ, во все продолженіе своего боеваго поприща, ни разу не былъ раненъ, несмотря на то, что, по выраженію Ермолова, „кто находился при Милорадовичѣ, тому нужно было имѣть двѣ жизни: одну свою, а другую — запасную.“

Первое извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы дошло въ Петербургъ чрезъ прибывшаго туда помѣщика. Никто не хотѣлъ вѣрить роковой вѣсти. Но вслѣдъ затѣмъ Императоръ Александръ I-й получилъ, отъ графа Растопчина, чрезъ Ярославль, слѣдующее донесеніе:

„Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопровожденія арміи на рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей Имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ.

Я послѣдую за арміею. Я все вывезъ: мнѣ остается плакать объ участи моего Отечества" (46).

Императоръ Александръ, получивъ сіе донесеніе, послалъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго (Петра Михайл.) въ армію, съ слѣдующимъ рескриптомъ къ фельдмаршалу:

„Князь Михаилъ Илларіоновичъ! Съ 29-го августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между-тѣмъ, отъ 1-го сентября, получилъ я черезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ толь несчастной рѣшимости."

„7-го сентября 1812 года" (47).

Два дни спустя, 9-го (21-го) сентября прибылъ въ Петербургъ изъ арміи полковникъ Мишо, посланный къ Государю отъ князя Кутузова, съ донесеніемъ о потерѣ Москвы. Будучи немедленно представленъ Императору на Каменномъ-островѣ, Мишо оставилъ въ письмѣ къ бывшему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому любопытное описаніе разговора, которымъ его удостоилъ Государь при семъ случаѣ. Когда полковникъ Мишо довелъ до свѣдѣнія Его Величества потерю и пожаръ столицы, Императоръ Александръ, тронутый до глубины души бѣдствіями своихъ подданныхъ, не скрывая своей горести, сказалъ: „Изъ всего нами испытаннаго заключаю, что само Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ „жертвъ, особенно отъ меня. Покоряюсь его волѣ, но скажите: что говорили войска, оставляя безъ выстрѣла мою „древнюю столицу? Не замѣтили-ль вы упадка въ ихъ „духѣ?" — „Позволите ли мнѣ, какъ солдату, говорить Ва-

шему Величеству откровенно?" — „Я всегда требую „искренности, но теперь прошу васъ: не скрывайте отъ „меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно всю истину." — „Государь! признаюсь, я оставилъ армію, отъ Кутузова до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ...." — „Что вы говорите? Неужели мои Русскіе сокрушены несчастіемъ?" — „Нѣтъ, Государь, они только боятся, чтобы Вы, по добротѣ Вашего сердца, не заключили мира, они горятъ желаніемъ сразиться и доказать Вамъ свою преданность!"

„Государь, потрепавъ Мишо по плечу, сказалъ: „Вы „облегчили мое сердце; вы меня успокоили. Возвратитесь „въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ гдѣ „вы будете проѣзжать, что если у меня не останется ни „одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и до„брыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и „подвигну всѣ средства моей Имперіи. Россія представляетъ „мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если „судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено роду мо„ему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, „то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ „поръ, — (показывая рукою на грудь свою) — и лучше „соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели „подписать стыдъ моего Отечества и добрыхъ моихъ под„данныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе „испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что оно насъ не „оставитъ." При сихъ словахъ Императоръ, крѣпко пожавъ руку посланнаго, продолжалъ: „Не забудьте, что я „вамъ теперь говорю; можетъ-быть настанетъ время, когда „мы вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или „я, я или онъ — но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я „узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня." — „Государь! — отвѣчалъ Мишо. — „Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу Вашего народа и спасеніе

„Европы.“ — „Да исполнится предсказаніе ваше“; сказалъ Александръ: — подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію“ (48).

Донесеніе Государю князя Кутузова, доставленное полковникомъ Мишо, заключалось въ слѣдующемъ:

„Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26-го августа, сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ, по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того, армія была приведена въ крайнее разстройство; 2-я армія весьма уже ослабѣла. Въ такомъ истощеніи силъ приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно дѣло съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недальномъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностью принять непріятеля. Войска, съ которыми мы надѣялись соединиться, не могли еще придти; непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по боровской, а другую по звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы; а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ нетолько разрушеніе остатковъ арміи, но и кровопролитнѣйшее разрушеніе и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ такомъ, крайне сомнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться попустить непріятелю войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ дворянинъ въ ней не остался.“

Изложивъ причины, побудившія оставить Москву, князь Кутузовъ писалъ, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи, и доносилъ о намѣреніи своемъ, совершить фланговое движеніе, для прикрытія Тулы,

Брянска и плодороднѣйшихъ губерній Имперіи, и для угроженія непріятельскому пути дѣйствій, на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска. Донесеніе фельдмаршала оканчивается слѣдующими словами: „Пока армія Вашего „Императорскаго Величества цѣла и движима извѣ-„стною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще воз-„вратная потеря Москвы не есть потеря Отечества. Ваше „Императорское Величество Всемилостивѣйше „согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно „связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ „совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя за-„сталъ. Полковникъ Мишо объяснитъ Вашему Импе-„раторскому Величеству обстоятельнѣе положеніе „дѣлъ" (49).

Донесеніе князя Кутузова объ оставленіи Москвы было неопредѣлительно, и даже заключало въ себѣ нѣкоторыя противорѣчія: сраженіе при Бородинѣ названо побѣдоноснымъ, и вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто выраженія нашей арміи, употреблено другое—остатки арміи, которое вовсе нейдетъ войскамъ одержавшимъ побѣду. Показаніе о вывозѣ арсенала не точно, потому-что была спасена только часть находившагося тамъ казеннаго имущества, но князь Кутузовъ, въ этомъ случаѣ, былъ введенъ въ заблужденіе графомъ Растопчинымъ, который увѣрялъ фельдмаршала, что вывезено все, и даже въ такомъ смыслѣ писалъ Государю.

Одновременно съ донесеніемъ Кутузова, полковникъ Мишо доставилъ графу Аракчееву письмо генерала Беннигсена, въ которомъ онъ, изъявляя благодарность графу за полученіе, по его ходатайству, отъ Государя денежной награды, сообщалъ слѣдующія извѣстія:

„Я полагаю, что отдача (Abgabe) Москвы сдѣлала вліяніе въ С.-Петербургѣ. 1-го сентября, въ семь часовъ вечера, былъ собранъ Военный Совѣтъ, на которомъ рѣшено

отдать Москву, что немедленно и исполнено. Генералъ Барклай усерднѣе всѣхъ поддерживалъ это мнѣніе, увѣряя, что самъ Государь одобритъ его. Время покажетъ намъ, въ какой степени справедливо такое увѣреніе. Весьма желалъ бы я довести до Монаршаго свѣдѣнія, что я никакъ не соглашался на сіе предложеніе, объясняя причины моего противорѣчія и поставляя на видъ всѣ вредныя послѣдствія мною предвидѣнныя. По принятіи мнѣнія генерала Барклая, я оставилъ Совѣтъ. Кажется—князь Кутузовъ нынѣ убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, и совѣтуется со мною на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій; надѣюсь, что наше положеніе вскорѣ поправится. Полковникъ Мишо отправляется съ симъ для доклада о будущихъ операціяхъ Его Императорскому Величеству“...... ([50]).

Извѣстіе о занятіи непріятелемъ нашей первопрестольной столицы сдѣлало въ Петербургѣ и во всей Имперіи сильное впечатлѣніе, но не оказало вреднаго вліянія на духъ народа. Несмотря на неожиданность такого событія послѣ *отраженія непріятельской арміи при Бородинѣ,* общее довѣріе къ старому фельдмаршалу нисколько не поколебалось. Только въ Петербургѣ поборники мира изъявляли безнадежность въ успѣхѣ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій; въ числѣ ихъ были канцлеръ Румянцевъ и графъ Аракчеевъ. Но Императоръ Александръ I-й пребылъ непоколебимъ въ намѣреніи Своемъ—отстоять честь и славу Россіи. Иностранные писатели увѣряютъ, будто бы знаменитый Штейнъ, въ роковое время занятія непріятелемъ Москвы, поддержалъ упавшій духъ Русскихъ и даже имѣлъ вліяніе на рѣшимость нашего правительства—продолжать войну ([51]). Но этому противорѣчитъ общая недовѣрчивость къ иностранцамъ, тогда господствовавшая въ Россіи. Признавая вполнѣ важность участія принятаго Штейномъ въ освобожденіи Германіи, скажу, что мы, Русскіе, никогда не имѣли надобности въ постороннемъ вліяніи для

возбужденія въ насъ преданности къ нашимъ Государямъ и любви къ Отечеству: эти чувства, намъ врожденныя, живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ нами.

Императоръ Александръ I-й подалъ Самъ своему народу примѣръ твердости духа и самоотверженія. „Потеря Москвы тяжела — писалъ Государь къ наслѣдному шведскому принцу, — „но она чувствительна болѣе въ „нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ „военномъ. Она даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости въ борьбѣ „противъ угнетателя царствъ. Послѣ этой раны, всѣ прочія ничтожны. Повторяю Вашему Королевскому Высочеству торжественное увѣреніе, что нынѣ, болѣе нежели „когда-либо, я и народъ, въ челѣ котораго нахожусь, „рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ „развалинами Имперіи, нежели примириться съ Аттилою „нашего времени. Раздраженный тѣмъ, что не нашелъ въ „Москвѣ ни сокровищъ, къ обладанію коими стремился, „ни мира, котораго достигнуть надѣялся, онъ сжегъ „прекрасную столицу, теперь обращенную въ груду пе„пла и развалинъ“ ([52]).

Нѣсколько дней спустя, генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, по волѣ Государя, въ отзывѣ къ прусскому государственному канцлеру, барону Гарденбергу, исчисливъ всѣ силы собранныя нами для дѣйствій противъ непріятеля, писалъ, что, оставивъ Москву, мы принесли тяжкую жертву, но что эта мѣра послужила къ ослабленію Наполеоновой арміи. „Настаетъ время для Пруссіи — вооружиться противъ общаго врага и склонить къ тому же Австрію. Императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того, чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ. Для достиженія такой цѣли, необходимо, чтобы генералъ Іоркъ былъ снабженъ, на всякій случай, надлежащими инструкціями“ ([53]).

Извѣстіе о потерѣ Москвы было обнародовано, по Высочайшему Повелѣнію, слѣдующимъ образомъ:

„Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына Отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель сентября 3-го числа (*) вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ россійскій. Напротивъ — да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣлъ силы наши, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ первенствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ Отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей нетолько способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что поневолѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ нея силою

*) Онъ вошелъ сентября 2-го, но въ обнародованномъ извѣстіи было показано—3-го, вѣроятно по тому, что Наполеонъ сего числа въѣхалъ въ городъ.

оружія. Положеніе его слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнородной арміи его истреблена частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ-сомнѣнія смѣлое, или, лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи, и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію, и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска, и народъ! Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И да не унываетъ никто: и въ такое-ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію? Когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускаютъ къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Испанія нетолько свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему паденіемъ его земли? Когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа поневолѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ

нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ-подъ власти его тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? При столь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что нетокмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ? Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь. Даруй побораюшему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его и спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ."

„8-го сентября 1812 года."

Такъ выразились чувства великодушнаго Государя въ годину бѣдствій, когда величайшій полководецъ нашего вѣка, поработивъ бо́льшую часть Европы, привелъ ея полчища въ Москву, и когда никто не видѣлъ предѣла ни смѣлымъ замысламъ, ни дивнымъ успѣхамъ завоевателя. Подобно тому, какъ онъ, вопреки всѣмъ разсчетамъ, основаннымъ на обычныхъ данныхъ, занялъ Москву, казалось — онъ могъ устремиться къ другой нашей столицѣ и овладѣть сю. Надлежало принять мѣры для охраненія петербургской дороги, гдѣ въ то время не было никакихъ войскъ, кромѣ слабаго отряда Винцингероде (перешедшаго на сей путь, по приказанію фельдмаршала), и озаботиться распоряженіями на случай неудачи. И все это надлежало сдѣлать, не подавая повода къ напраснымъ тревогамъ, не волнуя народа безвременными опасеніями.

Какъ отрядъ генералъ-адъютанта Винцингероде, въ числѣ трехъ тысячъ двухъ сотъ человѣкъ регулярной и иррегулярной кавалеріи ([54]), не могъ преградить доступъ къ Петербургу, то Высочайше повелѣно было: 1) генералъ-лейтенанту Тыртову, съ тверскимъ ополченіемъ, состоять въ командѣ генерала Винцингероде ([55]); 2) полковнику Жемчужникову, съ восемью резервными (четвертыми) баталіонами, ожидаемыми въ Твери, также поступить подъ начальство Винцингероде ([56]), а изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ сихъ баталіоновъ назначить, сколько нужно, для обученія тверскихъ ратниковъ ([57]). 3) Генералъ-адъютанту Кутузову, собрать съ ямовъ, между Вышнимъ-Волочкомъ и Москвою находящихся, молодыхъ способныхъ къ казачьей службѣ ямщиковъ, съ ихъ собственными лошадьми и пиками, съ каждаго яма по двѣсти человѣкъ. Эти временные казаки были назначены къ усиленію отряда генерала Винцингероде. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-адъютанту Кутузову было поручено образованіе тверскаго ополченія ([58]). 4) Составить въ Новгородѣ корпусъ изъ двухъ казачьихъ полковъ с.-петербургскаго ополченія, трехъ баталіоновъ 2-го Морскаго полка, одной артиллерійской роты и всего новгородскаго ополченія, за исключеніемъ четырехъ тысячъ человѣкъ, уже выступившихъ на усиленіе войскъ графа Витгенштейна. Для обученія ратниковъ, предписано назначить унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 2-го Морскаго полка. Начальство надъ корпусомъ собиравшимся въ Новгородѣ было поручено артиллеріи генералъ-маіору Новаку. Обязанности сего корпуса состояли въ охраненіи какъ большой московской дороги, такъ и дорогъ ведущихъ изъ Гжатска, чрезъ Зубцовъ и Ржевъ, на Осташковъ ([59]). Для вооруженія и снабженія боевыми запасами этихъ войскъ, были назначены сорокъ тысячъ ружей и пятьдесятъ тысячъ пудовъ пороха, выписанные изъ Англіи.

Императоръ Александръ, желая подать средство къ пропитанію русскимъ выходцамъ изъ западныхъ губерній Имперіи, занятыхъ непріятелемъ, употребивъ сихъ людей для общей пользы, Повелѣлъ псковскому гражданскому губернатору, тайному совѣтнику князю Шаховскому,—предложить имъ поступать временно на службу, сохраняя обычную свою одежду и пользуясь отъ казны провіантомъ и жалованьемъ на равнѣ съ ополченіемъ ([60]). Для облегченія чрезвычайной рекрутской повинности, необходимой въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, Повелѣно: „Принимать людей до сорока-лѣтняго возраста, но не моложе узаконенныхъ лѣтъ, и не обращать вниманіе ни на ростъ, ни на тѣлесные недостатки, лишь бы они были вознаграждаемы крѣпкимъ сложеніемъ. За неимѣніемъ зеленаго сукна, положено было одѣвать всѣ резервныя войска въ сѣрое" ([61]).

Принимая самыя дѣятельныя мѣры для защиты государства и для охраненія Петербурга, но не увлекаясь самонадѣянностью, Правительство озабочивалось заблаговременно отправленіемъ изъ сей столицы всего того, что въ случаѣ нашествія непріятеля могло сдѣлаться его добычею. Для вывоза тяжестей сухимъ путемъ было предписано собрать, по дорогѣ отъ Петербурга до Ярославля, на каждой станціи по тысячѣ подводъ, но какъ еще прежде съ одной новгородской губерніи было выставлено до девяноста тысячъ подводъ, то въ пособіе новгородскимъ обывателямъ наряжено по три тысячи подводъ съ губерній олонецкой и вологодской. Для отправленія же тяжестей по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ, покупали и нанимали суда, которыя находились въ значительномъ числѣ нетолько въ Петербургѣ, но въ Шлиссельбургѣ и другихъ мѣстахъ ([62]). На случай занятія къ зимѣ непріятелемъ сѣверной столицы, приводился Кронштадтъ въ такое положеніе, чтобы его можно было защищать зимою. Какъ стоявшій тамъ флотъ подвергался

опасности въ зимнее время со стороны сухаго пути, то Императоръ Александръ, призвавъ къ себѣ англійскаго посла, лорда Каткарта, предложилъ ему отослать въ Англію всѣ наши военныя суда и отдать ихъ въ распоряженіе великобританскаго правительства, для дѣйствій противъ Наполеона и его союзниковъ, что̀ и было исполнено. Всѣ эти мѣры, своевременно принятыя, выказали неограниченную довѣренность нашего Государя къ Его союзникамъ и твердую рѣшимость Его продолжать войну даже и въ такомъ случаѣ, если бы обѣ столицы Русскаго Царства были заняты непріятельскими войсками ([63]).

Приготовленія къ вывозу изъ Петербурга казеннаго имущества не могли долго оставаться въ тайнѣ; многіе изъ столичныхъ жителей, слѣдуя примѣру Правительства, заботились о вывозѣ своего достоянія; другіе уѣзжали, либо готовились къ выѣзду. Безпрестанно возникали вѣсти объ опасности будто-бы угрожавшей Петербургу. Говорили, что Французы уже въ Твери, въ Великихъ-Лукахъ, и проч. Для разсѣянія этихъ слуховъ, было обнародовано, по Высочайшей волѣ, слѣдующее извѣщеніе:

„Здѣсь въ С.-Петербургѣ берутся нѣкоторыя мѣры къ вывозу отселѣ нужныхъ вещей. Сіе отнюдь не для того дѣлается, чтобы какая-нибудь опасность угрожала сей столицѣ. Одинъ взглядъ на положеніе войскъ нашихъ всякаго въ томъ удостовѣрить и успокоить долженъ; ибо со стороны псковской и рижской дорогъ непріятель нетолько сюда приближаться, но поражаемый часто нашими войсками, едва и тамъ держаться можетъ, и вѣроятно, при нынѣшнемъ усиленіи тамъ войскъ, не удержится. Что̀ принадлежитъ до московской дороги, оная хотя и засорена непріятелемъ, но на самое малое разстояніе; ибо генералъ-адъютантъ Винцингероде, находясь съ отрядомъ своимъ между Клиномъ и Москвою, посылаетъ разъѣзды свои подъ самую Москву; въ Твери также есть войска наши;

сверхъ сего главнокомандующій фельдмаршалъ со всею своею арміею наблюдаетъ движеніе непріятеля. Итакъ ни самъ онъ сюда идти, ни знатной части войскъ своихъ, безъ преслѣдованія за ними, отрядить не можетъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ очевидно, что здѣшнему городу не предстоитъ ни какой опасности. Чтожь касается до вывоза, какъ сказано, отселѣ нужныхъ вещей, оное дѣлается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзаніе рѣкъ. Настоящее время не предъявляетъ никакой опасности, но мы погрѣшили бы противъ Бога, еслибъ съ несомнѣнною увѣренностію стали утверждать будущее, о которомъ Онъ одинъ знаетъ. Вся надежда на искорененіе враговъ, невзирая на успѣхъ движенія ихъ внутрь Россіи, на нашей сторонѣ; однакожь и въ самыхъ надежныхъ обстоятельствахъ помышленіе о предосторожности не долженствуетъ наводить ни страха, ни унынія. Мѣры сіи берутся въ безопасное время и на тотъ одинъ конецъ, что ежели бы опасность (отъ чего да сохранитъ насъ Богъ!), стала угрожать сему городу, тогда Правительство, извѣстя о томъ заблаговременно, и имѣя уже всѣ тяжелыя вещи вывезенными, облегчило бы жителямъ способы съ лучшимъ порядкомъ и безъ смятенія выѣзжать отселѣ внутрь земли. Ибо положено единожды и твердо (съ чѣмъ безъ-сомнѣнія каждый Россіянинъ согласенъ), что какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію порабощенію."

„Сентября 20-го дня 1812 года".

Такъ постоянно великодушный Монархъ выражалъ единожды навсегда принятое имъ намѣреніе — отстоять Россію, либо пасть въ челѣ доблестнаго русскаго народа. Раздѣляя общее сожалѣніе о потерѣ Москвы, Онъ, несмотря на то, не обратилъ вниманія на толки недоброжелателей

Кутузова ([64]) и не лишилъ его Своей довѣренности. Комитетъ Министровъ, въ который тогда поступали на обсужденіе всѣ государственныя дѣла и даже донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ, будучи недоволенъ неточностью донесеній фельдмаршала, представилъ Государю слѣдующее мнѣніе:

„Комитетъ Министровъ, въ засѣданіе 10-го сентября 1812 года, имѣлъ разсужденіе, что донесенія генералъ-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, какъ отъ 29-го прошедшаго августа, такъ и послѣднее Комитету сообщенное, изъ коихъ первымъ предваряетъ онъ объ отступленіи арміи изъ позиціи подъ Бородинымъ, а вторымъ извѣщаетъ о неожиданномъ допущеніи непріятеля въ Москву безъ всякаго сопротивленія, не представляютъ той опредѣлительности и полнаго изображенія причинъ, кои въ дѣлахъ столь величайшей важности необходимы и что сіе поставляетъ Правительство въ невозможность основать свои заключенія. Сообразуясь съ прежними примѣрами, что главнокомандующіе нетолько доносили всегда обстоятельно о всѣхъ движеніяхъ и намѣреніяхъ своихъ, но и доставляли журналы дѣйствій своихъ, протоколы Совѣтовъ военныхъ и пр. для чего находились при нихъ, какъ и нынѣ находятся, нужные чиновники, Комитетъ полагаетъ предписать главнокомандующему арміями, дабы во-первыхъ, доставилъ онъ сюда протоколъ Совѣта, въ коемъ положено было оставить Москву непріятелю безъ всякой защиты, и во-вторыхъ, чтобъ на будущее время всегда присылалъ онъ полныя о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ своихъ свѣдѣнія. Мнѣніе Комитета о семъ въ томъ состоитъ, чтобы предписаніе главнокомандующему сдѣлано было не въ видѣ какого-либо непріятнаго замѣчанія, но единственно по совершенной въ помянутыхъ свѣдѣніяхъ отъ него необходимости.

Подлинное подписали:

Сергѣй Вязмитиновъ.

К. Лопухинъ.

Графъ В. Кочубей.
М. Траверсе.
Д. Гурьевъ.
Г. Аракчеевъ.
Г. Алексѣй Разумовскій.
Князь Алексѣй Горчаковъ.
Гр. А. Солтыковъ.
А. Балашевъ.
Иванъ Дмитріевъ.
Осипъ Козодавлевъ.
Князь Александръ Голицынъ.
Баронъ Кампенгаузенъ.

Императоръ Александръ, признавъ справедливымъ мнѣніе Комитета Министровъ, но желая устранить всякій поводъ къ толкамъ о уменьшеніи Его довѣрія къ фельдмаршалу, препроводилъ къ нему журналъ Комитета, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовалъ, чтобы доставляемыя изъ арміи свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ были подробнѣе прежнихъ (65).

Изложивъ дѣйствія Императора Александра, столь явно знаменующія Его непоколебимость, долгомъ считаю привести черту Его благости, составлявшей преобладавшее качество высокой души Благословеннаго Монарха. Замѣтивъ горесть Мишо, при донесеніи его о потерѣ Москвы, Государь, удрученный тяжкою заботою, обратилъ, несмотря на то, вниманіе на положеніе офицера, который страдалъ, исполняя долгъ службы. При отправленіи Мишо обратно въ армію, послано было князю Кутузову слѣдующее Высочайшее Повелѣніе.

„Извѣстный ревностною службою полковникъ Мишо былъ „присланъ съ печальнымъ извѣстіемъ о впущеніи непріяте„ля въ первопрестольный градъ Москву. Грусть сего до„стойнаго офицера быть вручителемъ сего донесенія была „очевидна. Я нахожу справедливымъ, въ утѣшеніе ему,

„предписать вамъ, прислать его съ первымъ радостнымъ „извѣстіемъ послѣ его пріѣзда послѣдующимъ“ (66).

Таковъ былъ Императоръ Александръ I-й! Непреклонный въ борьбѣ за честь и славу Россіи, благодушный къ Своимъ подданнымъ, Онъ являлся Ангеломъ-утѣшителемъ каждаго страждущаго.

ГЛАВА XXVI.

Пожаръ Москвы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Наполеонъ въ Кремлѣ.—Пожары.—Отъѣздъ Наполеона въ Петровскій дворецъ.—Предположеніе его идти къ Петербургу.—Возвращеніе Наполеона въ Кремль.

Грабительства. — Бѣдствія московскихъ жителей. — Слѣдствіе по дѣлу о пожарѣ Москвы и приговоръ французской военно-судной коммисіи.—Кто виновникъ московскаго пожара?

Послѣдствія пожара. — Разореніе Москвы. — Сохраненіе Воспитательнаго Дома.—Разговоръ Наполеона съ Тутолминымъ.—Порученіе данное Наполеономъ Яковлеву.—Письмо Наполеона къ Императору Александру 1-му.—Распоряженія непріятелей въ Москвѣ.—Учрежденіе муниципальнаго управленія и полиціи.—Безпорядки въ непріятельскихъ войскахъ.—Вліяніе московскаго пожара на ходъ войны.

По вступленіи Французовъ въ Москву, Наполеонъ, переночевавъ со 2-го (14-го) на 3-е (15-е) сентября въ Драгомиловскомъ предмѣстіи, перенесъ главную квартиру свою, въ шесть часовъ утра, въ Кремль, гдѣ занялъ помѣщеніе въ покояхъ дворца обращенныхъ къ рѣкѣ Москвѣ ([1]). Еще на канунѣ, съ самаго вступленія непріятелей въ городъ, начались пожары. Сперва загорѣлись москотильныя лавки и гостиный рядъ въ Китай-городѣ, потомъ вспыхнуло пламя на Балчугѣ и запылалъ въ Земляномъ-городѣ каретный рядъ, зажженный хозяевами лавокъ. Французы сперва приписывали эти частные пожары неосторожности и безпорядку, неизбѣжнымъ при занятіи вооруженною рукою обширнаго города, но впо-

слѣдствіи было схвачено нѣсколько человѣкъ съ горючими снадобьями, умышленно поджигавшихъ строенія, которые показали, что имъ это было приказано отъ полиціи передъ вступленіемъ Французовъ въ городъ (2). Всѣ усилія прекратить пожары остались тщетными. Огонь, гасимый въ одномъ мѣстѣ, появлялся во многихъ другихъ и въ ночи съ 3-го (15-го) на 4-е (16-е) обхватилъ бо́льшую часть столицы. Внезапно поднялся сильный вѣтеръ; подобно бурному потоку, пламя стремилось изъ одной улицы въ другую и подымалось клубомъ, въ видѣ огненнаго вихря, надъ городскими строеніями (3). Въ числѣ зданій разрушенныхъ пожаромъ, было нѣсколько госпиталей наполненныхъ нашими ранеными.

Наполеонъ разослалъ приказанія тушить огонь, но когда ему донесли, что поймано было нѣсколько русскихъ зажигателей, то онъ отложилъ заботу о сохраненіи города. „Москва погибла! Я потерялъ средство наградить мою армію,“ сказалъ онъ своимъ приближеннымъ. И дѣйствительно—въ эти страшные дни не было Москвы, колыбели нашихъ Царей, Москвы священной. На нее не поднялась-бы рука Русскаго! Оставалась Москва, объятая пламенемъ, поруганная, отданная на произволъ всѣмъ гнуснымъ страстямъ унижающимъ человѣчество. Не Москву жгли Русскіе..... Они жгли городъ, гдѣ гнѣздились враги ихъ.

4-го (16-го), въ полдень, огонь достигъ Кремля; загорѣлись конюшни близъ дворца и запылала арсенальная башня. Нѣсколько головней унесенныхъ вихремъ, упали на дворъ, гдѣ тогда стояли всѣ зарядные ящики французской гвардейской артиллеріи. Самъ Наполеонъ подвергался большой опасности; судьба его, а вмѣстѣ съ нимъ и судьба двадцати-племенной арміи, увлеченной имъ въ далекую невѣдомую страну, зависѣла отъ одной искры.... Нѣсколько разъ вице-король, Бессьеръ и Лефевръ умоляли его удалиться; онъ оставался, какъ-будто бы не

вѣря, чтобы ему могла угрожать опасность. Наконецъ— когда Бертье сказалъ, что въ случаѣ нападенія Русскихъ на корпуса стоявшіе внѣ города, не было возможности прибыть къ нимъ, Наполеонъ рѣшился выѣхать изъ Кремля. Желая отправиться на тверскую заставу, къ войскамъ 4-го корпуса, онъ приказалъ одному изъ своихъ ординарцевъ, капитану Мортемару, обозрѣть ведущія туда улицы. Посланный донесъ, что не было никакой возможности проѣхать по этому направленію, но спустя нѣсколько минутъ явился другой офицеръ, прибывшій отъ тверской заставы. Наполеонъ, выйдя пѣшкомъ изъ Кремля къ рѣкѣ Москвѣ, приказалъ подвести верховыхъ лошадей для себя и своей свиты и поѣхалъ черезъ городъ. За нимъ слѣдовала гвардія, кромѣ одного баталіона оставленнаго для охраненія Кремля. На каждомъ шагу останавливали его груды развалинъ и раскаленнаго пепла. Солдатъ московской полиціи, служившій проводникомъ Наполеону, не узнавая среди общаго разрушенія, ни улицъ, ни зданій, то двигался окольными путями, для обхода пожаровъ, то сбивался съ надлежащаго направленія, и наконецъ, уже въ шесть часовъ вечера, вывелъ Французовъ къ Петровскому дворцу, гдѣ Наполеонъ нашелъ убѣжище среди биваковъ 4-го пѣхотнаго корпуса (4).

Увѣряютъ, будто-бы Наполеонъ, убѣдясь, что занятіе московскаго пожарища его войсками не могло побудить русское Правительство къ заключенію мира, имѣлъ намѣреніе сдѣлать демонстрацію движенія къ Петербургу, направя туда корпусъ Вице-короля, расположивъ прочія части арміи между обѣими нашими столицами и занявъ арріергардомъ Москву. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ надѣялся сдѣлать насъ болѣе сговорчивыми; въ случаѣ же еслибы и это не удалось ему, предполагалъ передвинутъ всѣ эшелоны своей арміи влѣво, съ пути ведущаго отъ Москвы къ Петербургу въ псковскую и новгородскую гу-

берніи на сообщенія графа Витгенштейна, присоединить къ главнымъ своимъ силамъ войска Сенъ-Спра, Макдональда и Виктора, и расположить въ половинѣ октября всю свою армію на Двинѣ и Днѣпрѣ, упираясь правымъ флангомъ къ Смоленску, а лѣвымъ—къ Ригѣ (которою онъ къ тому времени надѣялся овладѣть). Наполеонъ не сомнѣвался въ успѣхѣ этого плана дѣйствій, но всѣ главные сподвижники его, за исключеніемъ Вице-короля, были противнаго мнѣнія, полагая, что армія имѣла необходимую нужду въ отдыхѣ, что Москва, несмотря на опустошившій ее пожаръ, заключала въ себѣ большія средства, которыми слѣдовало воспользоваться, и что въ случаѣ отступленія къ Смоленску гораздо выгоднѣе было направиться на югъ отъ Москвы, гдѣ Французы могли нанести Русскимъ рѣшительные удары, уничтоживъ оружейный заводъ въ Тулѣ и большіе склады запасовъ въ Калугѣ. Наполеонъ, хотя и не вполнѣ убѣжденный представленіями своихъ маршаловъ, отмѣнилъ предположенное имъ движеніе, замѣтивъ однакожъ, „что нельзя было ожидать большой наклонности къ миру отъ тѣхъ, которые сожгли Москву“ ([5]).

Въ продолженіе двухъ сутокъ огонь по прежнему свирѣпствовалъ въ городѣ, а грабежъ довершилъ бѣдственное положеніе жителей. Иностранцы, приведенные въ нищету, приходили въ Петровскій дворецъ, умоляя непріятелей о помощи; Русскіе уходили изъ Москвы. Наконецъ — когда уже бо̀льшая часть города сдѣлалась добычею пламени, огонь сталъ утихать, частью отъ проливнаго дождя, частью отъ недостатка пищи для разрушительной стихіи. Наполеонъ, узнавъ о томъ и получивъ донесеніе, что Кремль остался въ цѣлости, отправился въ Москву 6-го (18-го) сентября, въ полдень. На пути, между рядами биваковъ, онъ видѣлъ странную смѣсь роскоши съ нуждою. У костровъ, сложенныхъ изъ дорогихъ мебелей, разбитыхъ зеркалъ,

разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы образовъ святыхъ, кипѣли котлы, въ которыхъ, за недостаткомъ говядины или другаго мяса обычно служащаго въ пищу, варилась конина; подъ голымъ небомъ, безъ всякаго присмотра, валялись головы сахара, мѣшки съ кофе и съ другими тропическими произведеніями, а хлѣба почти ни у кого не было. На каждомъ шагу являлись слѣды грабежа непріятельскихъ мародёровъ. Наполеонъ, желая сохранить средства остававшіяся въ городѣ отъ быстраго уничтоженія, приказалъ не впускать въ Москву никого изъ солдатъ, кромѣ командъ посылаемыхъ за добычею (à la maraude), снабженныхъ свидѣтельствами отъ начальниковъ частей войскъ. Эта мѣра нѣсколько уменьшила бродяжничество и насилія мародёровъ, но не принесла большой пользы войскамъ, потому что для сбора запасовъ не было указано опредѣленнаго раіона каждой части; команды различныхъ частей бродили по всему городу, истребляя многое, что въ послѣдствіи могло бы принести пользу для арміи. Отъ этого встрѣчалось изобиліе, и даже излишество нѣкоторыхъ запасовъ при совершенномъ недостаткѣ въ другихъ: въ иномъ полку было много рису и крупъ, но нечѣмъ было приправить ихъ; въ другомъ, фуражирамъ котораго посчастливилось найти погребъ съ наилучшими винами, не было ни хлѣба, ни мяса, и такимъ образомъ, отъ нерадѣнія и безпорядка военно-хозяйственной части, несмотря на множество припасовъ найденныхъ въ городѣ, войска терпѣли крайнюю нужду. Въ особенности же былъ чувствителенъ недостатокъ въ фуражѣ, отъ котораго кавалерія и артиллерія Наполеоновой арміи, въ продолженіе пяти-недѣльной стоянки въ окрестностяхъ Москвы, пришли въ совершенное изнуреніе (6).

Въ продолженіе трехъ сутокъ, сгорѣло въ Москвѣ

три четверти всего числа домовъ; бо́льшая часть церквей была разрушена, либо разграблена. Несмотря на множество различнаго рода одежды найденной въ городѣ, почти всѣ Русскіе, имѣвшіе несчастіе остаться въ Москвѣ, были обобраны до рубашки и лишены послѣдней обуви. Многіе изъ этихъ несчастныхъ питались кореньями съ огородовъ, либо мокрою пшеницею, добытою изъ сѣвшихъ на дно рѣки барокъ ([7]). Наполеонъ, по возвращеніи въ Кремль, видя на каждомъ шагу слѣды опустошенія, которому новѣйшія времена не представляютъ ничего подобнаго, приказалъ строго изслѣдовать причину московскаго пожара. Съ этою цѣлью была составлена военно-судная коммисія, изъ нѣсколькихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ бригаднаго генерала Лауэра. 12-го (24-го) сентября, коммисія открыла присутствіе чтеніемъ документовъ представленныхъ по дѣлу о пожарѣ въ Москвѣ. Затѣмъ—президентъ приказалъ привесть обвиненныхъ, въ числѣ двадцати шести человѣкъ, принадлежавшихъ къ различнымъ сословіямъ. По выслушаніи ихъ отвѣтовъ и показаніи свидѣтелей, предъявлены были различные снаряды и матеріалы, какъ то: ракеты, фитили, фосфоровые замки, сѣра, и проч. найденные при обвиненныхъ, либо подложенные ими въ домахъ для поджога.

Въ журналѣ коммисіи показано, будто-бы изъ собранныхъ свидѣтельствъ не оставалось сомнѣнія въ томъ, что россійское Правительство, предвидя невозможность отстоять Москву, рѣшилось прибѣгнуть для противодѣйствія французской арміи къ необыкновенному, „отвергнутому всѣми просвѣщенными народами" средству—зажигательства и истребленія. Коммисія удостовѣрилась, что съ этою цѣлью было принято предложеніе Англичанина (выдававшаго себя за Нѣмца) Смида, который въ окрестностяхъ Москвы, именно въ селѣ Воронцовѣ,

строилъ огромный воздушный шаръ съ истребительною машиною для дѣйствія противъ французской арміи. Далѣе сказано: будто-бы построеніе большаго шара дѣлалось только для вида, между-тѣмъ какъ въ селѣ Воронцовѣ всѣ рабочіе занимались изготовленіемъ фейерверочныхъ и зажигательныхъ издѣлій; что будто-бы графъ Растопчинъ, послѣ сраженія при Бородинѣ, окончательно рѣшась сжечь Москву, обнародовалъ нѣсколько воззваній къ жителямъ столицы и въ одномъ изъ нихъ говорилъ: „Вооружитесь, чѣмъ бы то ни было, въ особенности вилами, весьма удобными для дѣйствія противъ Французовъ, которые не тяжелѣ соломеннаго снопа. Если же не побѣдимъ ихъ и они войдутъ въ Москву, то мы сожжемъ ихъ тамъ“ (*); наконецъ, что будто-бы Растопчинъ, уѣзжая изъ Москвы, приказалъ выпустить изъ острога около восьмисотъ колодниковъ, взявъ съ нихъ слово зажечь городъ черезъ сутки по вступленіи въ него Французовъ (**), и что съ этою же цѣлью было оставлено въ Москвѣ нѣсколько офицеровъ и полицейскихъ служителей, а для отнятія возможности тушить пожары, вывезены всѣ пожарные инструменты.

Изъ числа двадцати шести подсудимыхъ, десять человѣкъ, уличенные показаніями свидѣтелей и подтвердившіе собственнымъ сознаніемъ участіе свое въ зажигательствѣ ([8]), были осуждены на смертную казнь и разстрѣляны 13-го (25-го) сентября. Прочіе же шестнадцать, какъ недостаточно изобличенные, подверглись заключенію въ тюрьмѣ, „для предупрежденія вреда, который они могли причинить, еслибы выпущены были на свободу“ ([9]).

(*) О сожженіи непріятелей въ Москвѣ не сказано ни въ одномъ изъ объявленій графа Растопчина.

(**) Въ числѣ обвиненныхъ въ зажигательствѣ не было ни одного колодника. Да и возможно-ли заключать условія съ преступниками?

Не придавая никакой особенной важности дѣйствіямъ французской военно-судной коммисіи и опредѣленію ея, въ которомъ ложь перемѣшана съ истиною до такой степени, что самое дѣло, порученное обсужденію коммисіи, не приведено въ надлежащую ясность, постараюсь разрѣшить вопросъ: кто былъ виновникомъ московскаго пожара? Французы весьма естественно старались сложить съ себя упрекъ въ этомъ бѣдствіи и приписывали его распоряженіямъ русскаго Правительства, исполненнымъ графомъ Растопчинымъ. Наше Правительство не имѣло надобности оправдываться въ томъ, въ чемъ не имѣло ни малѣйшаго участія; но и не обвиняло въ пожарѣ Москвы—ни Наполеона, ни Французовъ. Растопчинъ сначала изъявлялъ сожалѣніе, что ему не удалось сжечь Москву, а потомъ издалъ брошюру, въ которой старался отклонить отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ; наконецъ—общественное мнѣніе, руководимое въ 1812 году ненавистью къ Французамъ, обвиняло ихъ въ московскомъ пожарѣ, какъ и во всѣхъ послѣдствіяхъ непріятельскаго нашествія; но потомъ—когда время, мало-по-малу, изгладило воспоминанія минувшихъ золъ, явилось убѣжденіе, что мы сами, руководясь высокимъ чувствомъ любви къ Отечеству, сожгли Москву, чтобы лишить непріятельскую армію огромныхъ средствъ, находившихся въ сей столицѣ.

Единственное доказательство, приводимое иностранными писателями въ подтвержденіе мнимаго участія нашего Правительства въ московскомъ пожарѣ, основано на истребительной машинѣ Смида, которой цѣлью, по заключенію французской военно-судной коммисіи, было сожженіе Москвы. Но въ журналѣ коммисіи сказано, что Смидъ прибылъ въ Россію въ началѣ мая; а въ это время, и даже два мѣсяца спустя, никто у насъ не полагалъ, чтобы непріятель могъ дойти до Москвы: слѣдовательно—работы Смида

не могли имѣть цѣлью приготовленіе зажигательныхъ средствъ для сожженія столицы. Въ архивѣ нашего Военно-Топографическаго Депо хранится вся переписка по предложенію Смида, не оставляющая ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно заключалось въ постройкѣ летучей машины, снабженной лабораторными издѣліями, въ родѣ ракетъ, для истребленія непріятельской арміи. Съ перваго взгляда непонятно, какъ могли у насъ повѣрить несбыточнымъ обѣщаніямъ Смида. Дѣйствительно, еслибы онъ явился въ другое время, то ему было-бы на-чисто отказано. Но въ 1812 году, когда Русскіе, только-лишь выдержавъ шестилѣтнюю войну противъ Турокъ, готовились къ борьбѣ съ огромными силами Наполеона, обыкновенныя средства казались недостаточными ; это заставило насъ прибѣгнуть къ средствамъ чрезвычайнымъ, не подвергая ихъ строгому изслѣдованію, и вотъ почему странная выдумка Смида была отринута не прежде, какъ по сдѣланіи опытовъ, доказавшихъ нелѣпость его предпріятія.

На счетъ участія графа Растопчина въ московскомъ пожарѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ считалъ сожженіе столицы выгоднымъ для Россіи. Это доказывается словами сказанными имъ принцу Евгенію Виртембергскому, въ день совѣщанія на Поклонной-горѣ, и двумя донесеніями Государю, писанными собственноручно Растопчинымъ уже по занятіи непріятелемъ Москвы. Въ первомъ изъ нихъ находимъ: „Приказаніе князя Кутузова, везти на калужскую дорогу провіантъ, было отдано 29-го августа. Это доказываетъ, что онъ тогда уже хотѣлъ оставить Москву. Я въ отчаяніи, что онъ скрывалъ отъ меня свое намѣреніе, потому-что я, не бывъ въ состояніи удерживать города, зажегъ бы его и лишилъ бы Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее и потомъ предать пламени. Я отнялъ бы у Французовъ и плодъ ихъ похода, и пепелъ столицы. Я заставилъ бы ихъ думать, что они лишились великихъ

сокровищъ, и тѣмъ доказалъ бы имъ съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло" ([10]). Во второмъ донесеніи графъ Растопчинъ говоритъ: „До 30-го августа князь Кутузовъ писалъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться; 1-го сентября, когда я съ нимъ видѣлся, онъ то же самое мнѣ говорилъ, повторяя: „*И въ улицахъ буду драться.*" Я оставилъ его въ часъ по полудни. Въ 8 часовъ, онъ прислалъ мнѣ извѣстное письмо, требуя полицейскихъ офицеровъ для препровожденія арміи изъ города, оставляемаго имъ, какъ онъ говорилъ, съ крайнимъ прискорбіемъ. Еслибы онъ мнѣ сказалъ это за два дня прежде, то я зажегъ бы городъ, отправивши изъ него жителей" ([11]).

Намѣреніе графа Растопчина—сжечь Москву, въ случаѣ занятія ея непріятелемъ—было не мимолетнымъ увлеченіемъ пылкаго патріота, а соображеніемъ обдуманнымъ на досугѣ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ слѣдующія письма Растопчина къ князю Багратіону.

Еще 12-го (24-го) августа, по полученіи въ Москвѣ извѣстій о сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и при Валутиной-горѣ, графъ Растопчинъ писалъ къ Багратіону:

„Если вы отступите къ Вязьмѣ, я примусь за отправле-„ніе всѣхъ государственныхъ вещей..... Народъ здѣшній, „по вѣрности къ Царю своему и любви къ родинѣ, рѣшил-„ся умереть у стѣнъ московскихъ, и если Богъ ему не „поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя рус-„скому правилу, *не доставайся злодѣю*, онъ обратитъ „городъ въ пепелъ и вмѣсто богатой добычи, Наполеонъ „найдетъ одно пепелище древней русской столицы. Объ „этомъ не худо дать ему знать, дабы онъ не разсчиты-„валъ на милліоны и большіе хлѣбные магазины, потому-„что онъ здѣсь найдетъ только уголь и золу. Обнимая „васъ дружески и по-русски отъ души, остаюсь хладно-„кровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій."

Въ письмѣ графа Растопчина къ князю Багратіону, 21-го

августа (2-го сентября н. ст.), между прочимъ, сказано: „Я полагаю, что вы будете драться прежде нежели отда-„дите столицу; если вы будете побиты и подойдете къ „Москвѣ, я выйду къ вамъ на подпору съ 100,000 воо-„руженныхъ жителей, а если и тогда неудача, то злодѣямъ „вмѣсто Москвы, одинъ пепелъ достанется"........ (12).

Послѣ всего мною изложеннаго можно-ли сомнѣваться въ томъ, что Растопчинъ хотѣлъ сжечь Москву, считая пожаръ плѣненной столицы выгоднымъ для Россіи? Еслибы онъ думалъ иначе, то зачѣмъ ему было изъявлять свое сожалѣніе предъ Государемъ о неисполненіи задуманнаго намѣренія? И если Растопчинъ не исполнилъ его, то единственно по недостатку времени. До отступленія нашей арміи къ Москвѣ нельзя было жечь ее, потому-что она вмѣщала въ себѣ большіе склады, служившіе для снабженія нашихъ войскъ военными и съѣстными запасами, и къ тому же Растопчинъ, полагаясь на обѣщанія Кутузова, надѣялся, что непріятелю не удастся занять столицу. Когда же наша армія отступила къ Поклонной-горѣ, тогда, хотя уже и не оставалось надежды на прегражденіе Французамъ доступа къ Москвѣ, однакожь все-таки нельзя было зажечь ее, не подвергнувъ собственныя наши войска неминуемой опасности при отступленіи въ виду непріятеля чрезъ объятый пламенемъ городъ. А по отступленіи русской арміи, или, лучше сказать, одновременно съ выходомъ ея изъ столицы, вступали въ Москву войска Наполеоновы. Слѣдовательно Растопчинъ не могъ исполнить задуманное имъ намѣреніе до самаго отъѣзда своего изъ города, но онъ сдѣлалъ все, что̀ только можно было сдѣлать въ нѣсколько часовъ для достиженія своей цѣли: приказалъ увезти пожарные инструменты и подложить во многихъ домахъ горючіе матеріалы, поручилъ полицейскимъ командамъ, оставленнымъ въ городѣ, зажечь его, съ содѣйствіемъ нѣкоторыхъ жителей, велѣлъ разбивать бочки съ виномъ, что̀

должно было увеличить суматоху и безпорядокъ; наконецъ, 2-го (14-го) сентября, въ пять часовъ утра, послалъ одного изъ слѣдственныхъ приставовъ съ командою на винный и мытный дворы, въ коммисаріатъ и на остававшіяся у Краснаго-холма и Симонова монастыря казенныя и частныя барки, приказавъ ему, въ случаѣ вступленія непріятеля въ городъ, истреблять все огнемъ. По свидѣтельству пристава, это приказаніе было исполняемо въ разныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ возможности, въ виду непріятеля, до десяти часовъ вечера ([13]), а въ одиннадцатомъ часу онъ, переправясь верхомъ вплавь изъ-за Москворѣчья, ниже Данилова монастыря, присоединился къ арріергарду около двухъ часовъ по полуночи. Очевидно, что исполненіе такого порученія подало поводъ ко многимъ пожарамъ, и что эти пожары были первые по выступленіи нашей арміи изъ Москвы; послѣдующіе же произошли весьма естественно отъ безпорядка господствовавшаго въ городѣ. Оставшіеся въ немъ жители были, бо̀льшею частью, люди бездомные, бродяги, которымъ терять было нечего, и кои, пользуясь обстоятельствами, грабили и вмѣстѣ съ тѣмъ поджигали дома, чтобы удобнѣе скрывать свои преступленія. Многіе изъ солдатъ непріятельской арміи, разсѣявшіеся по всей Москвѣ для сбора запасовъ и для грабежа, нерѣдко въ нетрезвомъ видѣ, ходили по домамъ со свѣчами, факелами, лучиною, и даже раскладывали на дворахъ большіе костры для варенія пищи. Возможно-ли полагать, чтобы они при этомъ соблюдали какую-либо осторожность?

Наконецъ—причиною нѣкоторыхъ пожаровъ было умышленное зажженіе жителями собственныхъ домовъ своихъ. Графъ Растопчинъ пишетъ, что купцы, мастеровые и другихъ званій люди, изъявляя ему свое опасеніе, чтобы Москва не досталась въ руки непріятеля, нерѣдко говорили: „лучше ее сжечь“. Онъ же свидѣтельствуетъ, что въ послѣдствіи, во время пребыванія его въ главной квартирѣ

князя Кутузова, онъ видѣлъ многихъ людей, спасшихся изъ Москвы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами зажигали свои дома (14).

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы московскій пожаръ былъ преднамѣреннымъ подвигомъ жителей первопрестольной столицы, которые будто-бы, въ великодушномъ порывѣ любви къ Отечеству, рѣшились для спасенія его принести общую, великую жертву. Не входя въ изслѣдованіе вопроса — послужилъ ли московскій пожаръ въ пользу Россіи, мы могли бы справедливо гордиться имъ, если бы въ дѣйствительности всѣ жители столицы, или, по-крайней-мѣрѣ, многіе изъ нихъ единодушно совершили этотъ подвигъ, жертвуя своимъ достояніемъ для нанесенія вреда непріятелю. Но этого не было и не могло быть. Изъ числа домохозяевъ весьма лишь незначительная часть оставалась въ городѣ; всѣ же прочіе выѣхали, покинувъ свои домы пустыми, либо оставя ихъ на попеченіе управляющимъ, дворецкимъ, дворникамъ, и вообще людямъ, которые не могли—ни рѣшиться сами на сожженіе домовъ, состоявшихъ подъ ихъ надзоромъ, ни получить отъ владѣтелей домовъ разрѣшеніе на столь опасное дѣло. Невозможно предположить, чтобы всѣ жители такого обширнаго города условились между собою сжечь домы свои; если же на это рѣшились только немногіе (какъ и было въ дѣйствительности), то ихъ патріотическій подвигъ имѣлъ весьма невыгодное значеніе въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго самоотверженія. Слѣдовательно—выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войскъ. Наполеонъ, въ первые дни своего пребыванія въ Москвѣ, нетолько не приказывалъ жечь города, но старался прекратить пожаръ; въ послѣдствіи, разноплеменныя его войска, предаваясь грабежу и безчинію,

дѣйствительно участвовали въ поджогахъ, но вовсе не имѣли въ виду сжечь Москву. И безъ этого они нанесли намъ много зла въ роковое время Отечественной войны 1812 года: справедливо упрекая непріятелей въ убійствахъ мирныхъ гражданъ, въ поруганіи женъ и дочерей ихъ, въ расхищеніи храмовъ Божіихъ, мы тогда укоряли ихъ въ пожарѣ Москвы, въ злодѣяніи превысившемъ мѣру Небеснаго и человѣческаго терпѣнія. Вся Россія, услышавъ вѣсть: Французы сожгли Москву, воскипѣла чувствомъ мщенія. Война сдѣлалась народною.

Въ настоящее время, когда уже прошло около полувѣка со времени московскаго пожара, когда Москва, подобно фениксу, возродилась изъ пепла пожарищъ въ бо́льшей красѣ, не утративъ прежняго величія, Исторія не должна приписывать бѣдствіе постигшее нашу древнюю столицу ни злобѣ Наполеона, ни самоотверженію москвитянъ. Къ чему намъ оскорблять истину хвастливымъ изложеніемъ небывалаго подвига? Война 1812 года столь богата славными дѣлами нашихъ соотечественниковъ, что мы едвали будемъ когда въ состояніи воздать должную дань хвалы всѣмъ дѣятелямъ этой великой эпохи. Изъ всего сказаннаго о пожарѣ Москвы очевидно, что главнымъ, или, по-крайней-мѣрѣ, первымъ виновникомъ его былъ графъ Растопчинъ, хотя онъ въ послѣдствіи отрекся отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ ([15]). Къ такому отреченію побудило его то, что жители Москвы, возвратясь на пепелища домовъ своихъ, могли негодовать на Растопчина, какъ на виновника ихъ разоренія; не должно также упускать изъ вида, что брошюра Растопчина, въ которой онъ старался отклонить отъ себя всякое содѣйствіе въ московскомъ пожарѣ, была издана въ Парижѣ, въ то время, когда графъ Растопчинъ, постоянно живя тамъ, не хотѣлъ прослыть въ глазахъ Французовъ грубымъ Скиѳомъ, готовымъ пожертвовать собою и другими въ пользу своего Отечества. Къ

счастью для славы Растопчина, если и нашлись Французы повѣрившие ему нà-слово, то, по-крайней-мѣрѣ, мы, Русскіе, на основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, остаемся убѣждены, что Растопчинъ имѣлъ намѣреніе сжечь Москву и что первые пожары по вступленіи Французовъ въ городъ произошли по его распоряженіямъ.

Послѣдствія пожара Москвы были ужасны. Обширный, за нѣсколько дней передъ тѣмъ цвѣтущій, городъ обратился въ пустыню усѣянную грудами развалинъ, среди коихъ возвышались трубы обгорѣлыхъ и сгорѣвшихъ домовъ и немногія уцѣлѣвшія церкви. Изъ числа монастырей, церквей, казенныхъ и частныхъ зданій, сгорѣло болѣе двухъ третей (изъ 9,257 строеній, считавшихся въ Москвѣ до непріятельскаго нашествія, сгорѣло 6, 496); почти всѣ прочія были разграблены. Подобно рѣдкимъ оазисамъ, прерывающимъ печальное однообразіе необозримой степи, являлись зданія, спасенныя какъ-бы чудомъ отъ общаго разрушенія. Въ числѣ ихъ былъ Воспитательный домъ, обязанный сохраненіемъ достойному своему начальнику, дѣйствительному статскому совѣтнику Тутолмину. Какъ только непріятели вступили въ Москву, Тутолминъ, побуждаемый желаніемъ спасти ввѣренное ему богоугодное заведеніе, отправился въ Кремль къ французскому губернатору Дюронèлю, объявилъ ему объ оставленныхъ на его попеченіи грудныхъ дѣтяхъ и малолѣтныхъ (*) и просилъ о принятіи ихъ подъ защиту, по долгу человѣколюбія. Генералъ Дюронèль, тронутый словами почтеннаго старика, далъ офицера съ двѣнадцатью жандармами для охраненія Воспитательнаго дома. Въ продолженіе времени московскаго пожара, Тутолминъ, стараясь спасти ввѣренное ему заведеніе отъ общаго бѣдствія, разставлялъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ

(*) Всѣ дѣти свыше 11-тилѣтняго возраста, по Высочайшему Повелѣнію Императрицы Маріи Θеодоровны, были отправлены въ Казань

и старшихъ воспитанниковъ кругомъ строенія, для тушенія искръ разметаемыхъ вихремъ и, съ содѣйствіемъ французскихъ жандармовъ, сохранилъ всѣ строенія Воспитательнаго дома, кромѣ аптеки сожженной непріятельскими зажигателями.

6-го (18-го) сентября (въ запискѣ Тутолмина, сказано 5-го), Наполеонъ, по возвращеніи изъ Петровскаго дворца въ Москву, проѣзжая по набережной мимо Воспитательнаго дома, спросилъ: „Какое это зданіе?“ и узнавъ, что оно было сохранено усердіемъ начальника заведенія и его подчиненныхъ, приказалъ генералу Дюма́ отъискать Тутолмина и объявить ему признательность императора Французовъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ къ Тутолмину секретарь Лелорнь, съ извѣстіемъ, что императоръ желаетъ его видѣть. По прибытіи въ Кремль, онъ тотчасъ былъ представленъ Наполеону и будучи принятъ весьма благосклонно, изъявилъ ему благодарность отъ имени нѣсколькихъ сотъ несчастныхъ обязанныхъ спасеніемъ его покровительству. Наполеонъ отвѣчалъ: „Я хо„тѣлъ сдѣлать для всего города то, что̀ сдѣлано для ва„шего заведенія. Я поступилъ бы съ Москвою, какъ съ „Вѣною и Берлиномъ, но Русскіе бросили городъ по„чти совершенно пустымъ, сами сожгли его и, желая „сдѣлать мнѣ вредъ, разрушили въ нѣсколько дней со„зданіе многихъ вѣковъ. Если даже я и оставлю Москву, „то потери, которыя вы сами себѣ нанесли, будутъ не„вознаградимы. Доведите о томъ до свѣдѣнія вашего „Государя; онъ вѣрно не знаетъ, что̀ здѣсь дѣлается.“ За тѣмъ Наполеонъ спросилъ: Много ли дѣтей воспитывается въ заведеніи? На какое время запасено для нихъ продовольствіе? Откуда придутъ запасы на зиму? и проч. Получивъ отъ Тутолмина вѣдомость о числѣ дѣтей и быстро разсмотрѣвъ ее, онъ сказалъ съ улыбкою: „Вы „увезли въ Казань всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ“.

Какъ между-тѣмъ пожаръ все-еще продолжался и даже видно было пламя за рѣкою изъ оконъ дворца, то Наполеонъ вдругъ перервавъ свою рѣчь, сталъ упрекать Растопчина во всѣхъ бѣдствіяхъ понесенныхъ московскими жителями. — „Несчастный! — вскричалъ онъ внѣ себя: — онъ „дерзнулъ присоединить ко всѣмъ бѣдствіямъ войны за„жигательство. Не безчеловѣчно ли бросить нѣсколько ты„сячъ раненыхъ, столько женщинъ, стариковъ, дѣтей, на „вѣрную гибель!“

Потомъ, обратясь къ Тутолмину, спросилъ: „Не имѣетъ ли онъ просить о чемъ?“ — и когда Тутолминъ изъявилъ желаніе довести до свѣдѣнія Августѣйшей Покровительницы ввѣреннаго ему заведенія, что оно чудеснымъ образомъ сохранилось среди общаго разрушенія, Наполеонъ нетолько разрѣшилъ ему послать донесеніе вдовствующей Императрицѣ, но воспользовался этимъ случаемъ для выраженія своего личнаго уваженія къ Императору Александру и желанія окончить войну. Послѣднія слова его были: „Напишите вашему Государю, что я желаю мира и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника. Я прикажу провести его чрезъ форпосты“ ([16]).

Три дня спустя, Наполеонъ сдѣлалъ новое покушеніе открыть сношенія съ Императоромъ Александромъ. Въ числѣ пяти, или шести московскихъ дворянъ, оставшихся въ городѣ во время занятія его Французами, былъ Яковлевъ, братъ бывшаго русскаго резидента въ Штутгардтѣ. 2-го (14-го) сентября, въ то самое время, когда онъ уже садился въ экипажъ, чтобы выѣхать изъ Москвы, застигли его нѣсколько непріятельскихъ солдатъ, которые отняли у него лошадей и экипажъ со всѣми вещами при немъ находившимися. Лишась возможности уѣхать, Яковлевъ принужденъ былъ скитаться по обгорѣлой Москвѣ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, служителями и сотнею подмосковныхъ крестьянъ, ограбленными до послѣ-

дней обуви и изнемогавшими отъ голода. Между-тѣмъ дома принадлежавшіе Яковлеву и роднымъ его, одинъ за другимъ, сгорѣли. Лишась послѣдняго пристанища, онъ рѣшился просить совѣта, на счетъ пропуска его съ находившимися при немъ людьми чрезъ французскіе форпосты, у встрѣченнаго имъ случайно французской службы полковника Мейнадье (Meynadiés), который отвѣчалъ, что слѣдовало просить о томъ маршала Мортье, тогда бывшаго московскимъ генералъ-губернаторомъ, и тотчасъ провелъ его къ маршалу. Въ отвѣтъ на просьбу Яковлева, Мортье сказалъ, что онъ не имѣетъ права исполнить ее безъ разрѣшенія императора. Наполеонъ, по докладѣ о томъ, изъявилъ желаніе видѣть Яковлева. 9-го (21-го) сентября, Лелорнь, пріѣхавъ съ нимъ въ Кремлевскій дворецъ, представилъ его Наполеону въ тронной залѣ.

Почти съ первыхъ словъ, Наполеонъ, озлобленный видомъ дымящихся предъ нимъ развалинъ Москвы, сталъ укорять, съ обычною ему горячностью, Русскихъ въ умышленномъ пожарѣ города. „Мои войска занимали почти всѣ „европейскія столицы, но я не жегъ ни одной изъ нихъ. Во „всю мою жизнь я сжегъ одинъ только городъ, въ Италіи, „да и то случайно въ пылу сраженія кипѣвшаго въ улицахъ. А вы, сами рѣшились сжечь Москву, Москву священную, Москву, гдѣ покоится прахъ всѣхъ предковъ „Царей вашихъ.“ Въ отвѣтъ на эту выходку, Яковлевъ сказалъ, что онъ не знаетъ, кто именно виновенъ въ общемъ бѣдствіи, но что онъ испытываетъ на себѣ его послѣдствія. Тогда Наполеонъ, спросилъ у Лелорня: „Да кто же у нихъ былъ губернаторомъ въ Москвѣ“, и получивъ въ отвѣтъ, что эту должность занималъ графъ Растопчинъ, обратился къ Яковлеву съ вопросомъ: „Что это за человѣкъ“?—„Извѣстный своимъ умомъ“, отвѣчалъ Яковлевъ. „Быть можетъ—перервалъ Наполеонъ—но онъ сумасшедшій. Я и прежде имѣлъ нѣкоторое понятіе о вашей

„странѣ, но все, мною видѣнное отъ границъ до Москвы, „убѣдило меня въ томъ, что Россія прекраснѣйшая страна „(c'est un pays magnifique). Вся она обработана, насе-„лена, но домы нашелъ я пустыми, либо зажженными. И „вы сами разоряете вашу прекрасную землю! Зачѣмъ? Это „не помѣшало мнѣ идти впередъ. Пускай бы вы такъ по-„ступали въ Польшѣ. Поляки того заслуживали; они „встрѣтили насъ съ восторгомъ. Пора положить конецъ „кровопролитію. Намъ съ вами легко поладить. Война моя „съ Россіею чисто политическая. Мнѣ нечего у васъ дѣ-„лать; я не требую отъ васъ ничего кромѣ исполненія „тильзитскаго договора. Я готовъ возвратиться, потому-„что главное дѣло для меня справиться съ Англіею. Если-„бы я взялъ Лондонъ, то не скоро оставилъ бы его. Хочу „идти назадъ. Ежели Императоръ Александръ же-„лаетъ мира, то пусть только дастъ мнѣ знать. Я пошлю къ „нему кого-либо изъ моихъ адъютантовъ, Нарбонна, либо „Лористона, и мы тотчасъ же помиримся. Если же онъ „хочетъ войны, будемъ воевать. Мои войска просятъ, что-„бы я ихъ велъ въ Петербургъ. Пойдемъ и туда; въ та-„комъ случаѣ, Петербургъ подвергнется одной участи съ „Москвою."

Пользуясь минутою, когда Наполеонъ, прервавъ свою рѣчь, понюхалъ табаку, Яковлевъ спросилъ у него: „Гдѣ „наша главная армія?" — „А! Ваша главная армія на рязанской дорогѣ," отвѣчалъ Наполеонъ. На вопросъ Яковлева о графѣ Витгенштейнѣ, Наполеонъ сказалъ, что онъ находится въ направленіи къ Петербургу и совершенно разбитъ Сенъ-Сиромъ. Говоря о нашихъ войскахъ, онъ превозносилъ свои силы и способы. „Ваши солдаты пре-„восходны, и офицеры хороши — сказалъ онъ — но они не „въ состояніи перенести то, что переносятъ мои, которые „одинаково выдерживаютъ и стужу, и зной, и всякаго „рода лишенія. Мои солдаты завели въ городѣ рынки,

„нашли множество запасовъ, лучшія вина въ погребахъ. „А вѣдь если они о всемъ этомъ напишутъ къ своимъ „роднымъ, къ вамъ нагрянетъ вся Европа. Народъ вездѣ „лакомъ на поживу (le peuple partout aime la cocagne). „Вы хотите ѣхать изъ Москвы. Согласенъ, но съ условіемъ, чтобы вы, проводивъ своихъ куда желали, потомъ отправились въ Петербургъ. Государю вашему „будетъ пріятно узнать отъ очевидца о всемъ, что происходитъ въ Москвѣ." Когда же Яковлевъ замѣтилъ, что онъ, по своему званію, не имѣетъ права надѣяться быть представленнымъ Государю, Наполеонъ сказалъ: „Обратитесь къ гофмаршалу графу Толстому; онъ человѣкъ „честный (que je connais pour un brave homme); прикажите камердинеру доложить о себѣ Императору, либо „постарайтесь встрѣтить Государя въ то время, когда „онъ прогуливается." — „Теперь я во власти вашей — отвѣчалъ Яковлевъ — но я подданный Императора Александра и останусь имъ до послѣдней капли крови. Не требуйте отъ меня того, чего я не смѣю вамъ обѣщать." — „Хорошо — сказалъ Наполеонъ — я буду писать „къ вашему Государю. Скажу, что я послалъ за вами." За-тѣмъ, объяснивъ содержаніе письма, главнымъ предметомъ коего было изъявленіе готовности къ миру, Наполеонъ поручилъ Яковлеву доставить его Императору Александру. На слѣдующій день, Лелорнь привезъ Наполеоново письмо и свидѣтельство на свободный пропускъ изъ города чрезъ передовые посты Французской арміи. Получивъ эти бумаги, Яковлевъ, въ сопровожденіи болѣе пятисотъ человѣкъ, отправился пѣшкомъ изъ Москвы и къ вечеру пришелъ въ Черную-грязь, гдѣ явился къ полковнику Иловайскому; а оттуда, на другой день, былъ препровожденъ съ казачьимъ конвоемъ въ Давыдково, къ генералъ-адъютанту Винцингероде, который отправилъ его съ офицеромъ въ Петербургъ. По прибытіи ихъ къ

московской заставѣ, получено было приказаніе привезти Яковлева прямо къ графу Аракчееву, который, взявъ у него Наполеоново письмо, представилъ оное Государю.

Письмо это было слѣдующаго содержанія:

„Узнавъ, что братъ посланника Вашего Императорскаго Величества при Кассельскомъ Дворѣ (*) находится здѣсь, я послалъ за нимъ и поручилъ ему отправиться къ Вашему Величеству, для изъявленія Вамъ моихъ чувствованій. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Растопчинъ сжегъ ее; 400 человѣкъ зажигателей схвачены на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что дѣйствовали по приказанію губернатора и оберъ-полиціймейстера. Преступники разстрѣляны. Кажется, наконецъ, пожаръ прекратился. Три четверти домовъ сгорѣли; остается четвертая часть. Поступокъ ужасный и безсознательный! Для того ли зажгли городъ, чтобы лишить насъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, куда огонь не достигъ. Стоило-ли для достиженія столь маловажной цѣли, истреблять одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, сооруженный въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ? Такъ поступаютъ отъ самаго Смоленска; шестьсотъ тысячъ семействъ доведены до нищеты. Пожарныя трубы московскія изломаны или вывезены изъ города; часть оружія хранившагося въ арсеналѣ роздана преступникамъ. Намъ пришлось выгонять ихъ изъ Кремля выстрѣлами. Человѣчество, выгоды Вашего Величества и сего обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную русскою арміею. Необходимо было оставить въ ней управленіе и гражданскую стражу. Такъ было въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадритѣ, такъ поступали и мы въ Миланѣ, при вступленіи ту-

(*) Такъ сказано въ письмѣ Наполеона; у барона же Fain'a значится, что братъ Яковлева былъ русскимъ резидентомъ въ Штутгардтѣ.

да Суворова. Пожаръ подаетъ поводъ къ грабежу: солдаты присвоиваютъ себѣ то, что не сдѣлалось жертвою пламени. Я не писалъ бы къ Вашему Величеству, если бы предполагалъ, что все это дѣлается по повелѣнію Вашему, но считаю невозможнымъ, чтобы съ Вашими правилами, Вашимъ сердцемъ и свѣтлымъ образомъ мыслей, Вы допустили такія неистовства, недостойныя великаго Монарха и великаго народа. Когда увозили изъ Москвы пожарныя трубы, оставили въ ней 150 полевыхъ орудій, 70,000 новыхъ ружей, 1, 600,000 патроновъ, болѣе 10,000 пудовъ пороха, до 8,000 пудовъ селитры, столько же сѣры, и проч. Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ озлобленія. Если бы прежде послѣдняго сраженія, или вскорѣ послѣ него, Вы написали мнѣ записку, я остановилъ бы армію и охотно пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если Ваше Величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія, то благосклонно примите мое письмо. Во всякомъ случаѣ Вы мнѣ будете благодарны, что я извѣстилъ Ваше Величество о происходящемъ въ Москвѣ“ ([17]).

Отвѣтомъ на это письмо было молчаніе Императора Александра, который даже не хотѣлъ видѣть Яковлева, чтобы не подать повода къ слухамъ о какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ Наполеономъ. Москва, истребленная пламенемъ, какъ страшная пропасть, раздѣляла враждующихъ. Государь, приказавъ показать Наполеоново посланіе шведскому резиденту, графу Левенгельму, писалъ къ наслѣдному шведскому принцу, что въ немъ не было ничего, кромѣ самохвальства ([18]).

По возвращеніи Наполеона въ Кремль, приняты были, по его повелѣнію, мѣры для охраненія главной квартиры и для водворенія по возможности порядка въ городѣ.

Въ Кремлѣ для содержанія карауловъ постоянно находился одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, отъ котораго наряжалось къ каждымъ изъ двухъ отпертыхъ воротъ по 106-ти человѣкъ; прочія же ворота были завалены на-глухо и состояли подъ наблюденіемъ пикетовъ изъ восьми человѣкъ, подъ начальствомъ сержанта. Никому изъ Русскихъ не дозволялось входить въ Кремль, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ требовалъ къ себѣ самъ Наполеонъ. Часовымъ было велѣно стрѣлять по Русскимъ, которые отважились бы нарушить это запрещеніе. По всѣмъ стѣнамъ стояли цѣпи часовыхъ; патрули ходили по Кремлю безпрестанно и вообще было приказано отправлять службу, денно и нощно, какъ дѣлается въ виду непріятеля ([19]). Для прекращенія грабежа, наряжались отъ каждаго баталіона патрули, изъ пятнадцати человѣкъ, подъ начальствомъ офицеровъ, которые были обязаны усмирять безпорядки и забирать всѣхъ солдатъ отлучившихся отъ частей войскъ ([20]). Въ одномъ изъ приказовъ по войскамъ, было сказано: „Императоръ весьма недоволенъ тѣмъ, что, несмотря на именное повелѣніе о прекращеніи грабежа, безпрестанно входятъ въ Кремль сборища мародёровъ съ награбленною добычею. При семъ поставляется на видъ господамъ генераламъ и начальникамъ частей войскъ обязанность ихъ — наблюдать за исполненіемъ повелѣній Его Величества.“ ([21]). Нѣсколько дней спустя, было отдано въ приказѣ: „Вчера, въ прошлую ночь и сегодня, гвардейскіе солдаты снова предавались безпорядку и грабежу, болѣе нежели когда-либо.“ Для прекращенія этихъ постыдныхъ поступковъ было предписано произвести строжайшій розыскъ, съ тѣмъ, чтобы изгнать изъ гвардіи всѣхъ негодяевъ наносящихъ безчестіе этому отборному корпусу. Какъ высылаемыя въ городъ отъ полковъ команды, для сбора провіанта и другихъ запасовъ, грабили наравнѣ съ мародёрами, то было запрещено посылать такія команды; а для снабженія войскъ

всѣмъ нужнымъ устроены магазины, въ которые собирались запасы находимые въ домахъ оставленныхъ жителями, и потомъ производилась правильная раздача провіанта въ различныя части арміи ([22]). Еслибы это распоряженіе было сдѣлано тотчасъ по вступленіи Французовъ въ Москву, или, по-крайней-мѣрѣ, въ первые дни по прекращеніи пожара, то Наполеонова армія была бы обезпечена нужнѣйшими запасами на продолжительное время, но городъ, выжженный и преданный грабежу въ теченіи двухъ недѣль, уже не могъ заключать въ себѣ большихъ средствъ для арміи. Въ особенности же былъ чувствителенъ недостатокъ въ фуражѣ, имѣвшій послѣдствіемъ огромную убыль лошадей въ кавалеріи и артиллеріи. Чтобы вознаградить эту потерю, приказано было собрать всѣхъ крестьянскихъ лошадей (cognats) свыше 4 футовъ и 3-хъ дюймовъ (одного аршина 13-ти вершковъ), находившихся при пѣхотныхъ и кавалерійскихъ корпусахъ, кромѣ состоявшихъ въ артиллеріи и фурштатѣ, для отдачи ихъ въ ремонтъ легкой кавалеріи ([23]).

Безпорядки, которымъ предавалась разноплеменная Наполеонова армія въ Москвѣ, оказали разрушительное вліяніе на войска въ нравственномъ отношеніи. Исчезла дисциплина — душа всякой благоустроенной арміи. Солдаты не обращали вниманія на приказанія офицеровъ, предавались въ ихъ присутствіи всякимъ неистовствамъ и плевали на охранные листы предъявляемые имъ несчастными жителями Москвы. Упадокъ чинопочитанія дошелъ до того, что сами офицеры участвовали въ буйныхъ поступкахъ нижнихъ чиновъ и изъявляли неуваженіе нетолько къ начальникамъ своимъ, но и къ самому Наполеону. Въ одномъ изъ приказовъ по гвардіи находимъ: „Всѣ офицеры, какого бы то ни было чина, проходя съ войсками мимо Императора, должны салютовать шпагою Его Величеству. Сегодня на разводѣ это не исполнялось. Герцогъ

Данцигскій (*), поставляя на видъ гг. офицерамъ такое несоблюденіе ихъ обязанностей, предписываетъ начальникамъ частей войскъ, чтобы они имѣли надзоръ за порядкомъ службы" (24).

Наполеонъ дѣлалъ все, что зависѣло отъ него для прекращенія этихъ безпорядковъ. Желая водворить устройство въ городѣ, онъ установилъ муниципалитетъ (municipalité) и полицейскій департаментъ (bureau de police). Предсѣдателемъ перваго изъ сихъ управленій былъ московскій интендантъ Лессепсъ, человѣкъ благонамѣренный, но не могшій нисколько облегчить бѣдствія жителей. Составъ муниципальнаго управленія былъ весьма разнороденъ: въ немъ состояли Русскіе, Французы, Нѣмцы и Итальянцы; чиновники, негоціанты и цѣховые. Главная обязанность ихъ состояла въ призрѣніи несчастныхъ, лишенныхъ крова и средствъ къ пропитанію, но самъ Лессепсъ, несмотря на благосклонность къ нему Наполеона, не имѣлъ возможности прекратить безпорядки и даже принужденъ былъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы (25). Грабежъ продолжался по прежнему, не только въ пустыхъ домахъ, но и въ тѣхъ, гдѣ оставались жители. Сопротивленіе неистовымъ грабителямъ весьма часто имѣло послѣдствіями жестокіе побои, истязанія и убійства. Невозможно представить ужасной картины страданій, начертанной слезами и кровью жителей на московскомъ пожарищѣ. Непріятели, движимые звѣрскими побужденіями, забыли и чувство жалости къ людямъ, и страхъ Божій. Не было уваженія ни къ святынѣ алтарей, ни къ званію священнослужителей. Многія церкви были обращены въ казармы, магазины и конюшни. Солдаты христіанскихъ націй, гордящихся своимъ просвѣщеніемъ, обдирали оклады съ святыхъ иконъ, рубили, жгли ихъ, стрѣляли въ мишени сложенныя изъ образовъ и ругались надъ

(*) Лефевръ.

всѣми предметами богослуженія. Казалось снова настало на Руси время нашествія Татаръ невѣрныхъ! Москва, знаменитая числомъ и богатствомъ храмовъ Божіихъ, лишена была цѣлыя двѣ недѣли послѣдней отрады православныхъ страдальцевъ — возноситься молитвою въ церкви отъ всѣхъ земныхъ бѣдствій къ Вышнему Утѣшителю. Наконецъ — 15-го (27-го) сентября раздался благовѣстъ въ опустѣвшей, опозоренной присутствіемъ непріятеля столицѣ. Въ сей день, ознаменованный годовщиною вѣнчанія на царство Благословеннаго Монарха, служилъ священную литургію, въ церкви архидіакона Евпла, священникъ кавалергардскаго полка Граціанскій. Будучи захваченъ въ плѣнъ, при выступленіи нашихъ войскъ изъ Москвы, онъ первый просилъ чрезъ Лессепса о дозволеніи совершать Божественную службу, но съ условіемъ, чтобы не было запрещено молиться о Государѣ и поминать на ектеніяхъ Императорскій Домъ. Неустрашимый духовный пастырь, окруженный непріятелями, на развалинахъ Москвы, возглашалъ къ Небу мольбы о покореніи подъ ноги православнаго Царя всѣхъ враговъ Его и просилъ о дарованіи Ему побѣды ([26]). Во всѣхъ областяхъ обширной Россіи милліоны Русскихъ молились о своемъ Монархѣ, но могъ ли кто вознестись душею къ Богу усерднѣе несчастныхъ московскихъ жителей?

Прошло много лѣтъ со времени пожара Москвы. Время изгладило и слѣды, и самую память бѣдствій угнетавшихъ Россію. Исчезло воспоминаніе вражды нашей къ Французамъ. Не осталось ничего изъ завоеваній Наполеона. Но вѣчно пребудетъ незыблема слава подвиговъ добра, совершенныхъ Императоромъ Александромъ I-мъ. Исторія скажетъ, что Онъ, отстоявъ честь и самостоятельность Россіи, отмстилъ за пожаръ Москвы спасеніемъ Парижа. Наполеонъ, господствуя надъ ополчившеюся противъ насъ Европою, не могъ сохранить Москвы отъ буйства своихъ

сячъ неспособныхъ; тѣмъ не менѣе однако-же все еще оставалось въ Данцигѣ до тридцати пяти тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ на первый разъ не болѣе десяти тысячъ были въ состояніи дѣйствовать ([1]).

Во время наступленія русскихъ войскъ къ нижней Вислѣ, графъ Платовъ, двигаясь съ казачьимъ отрядомъ въ отдѣльной колоннѣ, обложилъ Данцигъ въ началѣ января ст. ст. 1813 года ([2]). Двѣ недѣли спустя, генералъ-лейтенантъ Левизъ принялъ начальство надъ блокаднымъ корпусомъ, въ числѣ около тринадцати тысячъ человѣкъ ([3]), которыя въ послѣдствіи долженствовали быть усилены еще девятью тысячами человѣкъ ([4]). Непріятель производилъ почти ежедневно вылазки, для развѣданія о блокадныхъ войскахъ и собранія фуража въ окрестныхъ селеніяхъ, но каждый разъ былъ отражаемъ съ урономъ. Изъ Данцига уходили польскіе солдаты, которые, по приказанію Левиза, были отпускаемы на родину ихъ. 25-го февраля, прибылъ генералъ-маіоръ Ададуровъ, съ двѣнадцатью дружинами петербургскаго и новгородскаго ополченій; тогда-же пѣхотные полки Тульскій и Навагинскій двинулись въ армію графа Витгенштейна. 13-го (25-го) марта, отправлены туда-же артиллерійскія роты: батарейная № 5-го и конная № 3-го, и кромѣ того часть артиллеріи блокаднаго корпуса послана въ Диршау, для удобнѣйшаго продовольствованія лошадей фуражемъ съ острова Ногата. 14-го (26-го) марта, прибыла въ Диршау еще одна дружина (9-я) петербургскаго ополченія; въ слѣдъ за тѣмъ отправленъ въ армію графа Витгенштейна казачій Иловайскаго 9-го полкъ. 24-го марта (5-го апрѣля), туда-же посланъ казачій волонтерный Яхонтова полкъ и 11-я легкая рота ([5]).

По прибытіи къ Данцигу герцога Александра Виртембергскаго, назначеннаго командующимъ блокаднаго корпуса, 11-го (23-го) апрѣля, онъ нашелъ, что число ввѣренныхъ ему войскъ не превосходило тринадцати тысячъ

потери Москвы, стали сомнѣваться въ успѣхѣ войны, и въ числѣ ихъ былъ даже Барклай де-Толли, который, будучи прежде военнымъ министромъ, имѣлъ возможность совершенно узнать военныя средства Россіи. Говорятъ, что когда къ нему являлся подполковникъ Клаузевицъ съ нѣсколькими офицерами, отъѣзжавшими изъ главной квартиры въ корпусъ графа Витгенштейна, Барклай сказалъ: „Благодарите Бога, что васъ отозвали отсюда; у насъ „здѣсь нельзя ожидать ничего дѣльнаго“ (27). Нѣкоторые поговаривали о мирѣ. Напротивъ того — Кутузовъ выказывалъ увѣренность въ будущихъ успѣхахъ и нерасположеніе къ переговорамъ, которые могли бы повести къ прекращенію военныхъ дѣйствій, и выжидалъ прибытіе нашихъ подкрѣпленій на Двину и на Волынь, что, вмѣстѣ съ наступленіемъ зимы, должно было побудить Наполеона къ очищенію Москвы (28). Трудно сказать что-либо опредѣлительное на счетъ тогдашнихъ видовъ и предположеній нашего фельдмаршала, потому-что онъ, и въ это время, какъ и всегда, никому не открывалъ своихъ намѣреній. До какой степени простиралась его самоувѣренность? Дѣйствительно-ли онъ обладалъ твердостью духа, или умѣлъ скрывать волновавшія его заботы? Не берусь рѣшить эти вопросы, но полагаю, что Кутузовъ предвидѣлъ неминуемое вліяніе обстоятельствъ, въ которыхъ находилась непріятельская армія, и что въ этомъ состояла главная заслуга его въ войну 1812 года.

А между-тѣмъ Императоръ Александръ I-й гласно изъявлялъ предъ лицемъ Свѣта твердое намѣреніе Свое — продолжать борьбу съ Наполеономъ. При вступленіи непріятеля въ Москву, многіе думали, что для освобожденія первопрестольной столицы наше Правительство готово было на всякую жертву и даже на заключеніе невыгоднаго мира. Но когда Москва запылала, какъ полагали тогда, отъ руки вражеской, тогда уже дѣло шло не о

спасенiи Москвы; всѣ Русскiе, какъ одинъ человѣкъ, одушевились желанiемъ отмстить за нее. Исчезло неблагопрiятное впечатлѣнiе прежнихъ неудачъ. Не трудно было намъ сообразить, какою дорогою цѣною непрiятель прiобрѣлъ одержанные имъ успѣхи; всѣ знали, какъ сильна была Наполеонова армiя при вступленiи въ Россiю и какiя потери понесла она; мало-по-малу, возникло и утвердилось убѣжденiе, что Наполеонъ не могъ ни зимовать въ Москвѣ, ни идти далѣе внутрь нашей страны. Оставалось выждать его отступленiе. Чѣмъ долѣе оставался онъ на развалинахъ древней столицы, тѣмъ бо̀льшiя затрудненiя ожидали его на обратномъ пути: наступала осень; за нею суровая зима, губительная для непривыкшихъ къ перенесенiю стужи сыновъ западной Европы. Всѣ знали у насъ, что боевая армiя Чичагова уже подходила на Волынь въ подкрѣпленiе Тормасову, и что на ихъ сторонѣ было рѣшительное превосходство въ силахъ надъ корпусами Шварценберга и Рейнье. Всѣ знали, что къ войскамъ графа Витгенштейна уже двигались въ помощь корпусъ Штейнгеля изъ Финляндiи и значительное число рекрутъ. Успѣхи русскихъ войскъ на флангахъ театра войны должны были побудить Наполеона къ ускоренiю его обратнаго похода изъ Москвы.

Безъ всякаго сомнѣнiя, всѣ эти обстоятельства не могли быть такъ вѣрно оцѣнены въ эпоху излагаемыхъ событiй, какъ въ настоящее время: близость опасности и влiянiе прежнихъ успѣховъ Наполеона не позволяли тогда обсуживать современное положенiе дѣлъ съ безмятежнымъ спокойствiемъ духа и съ совершенною ясностью. Но Императоръ Александръ, въ челѣ Своего народа, рѣшился, съ перваго шага непрiятеля на русскую землю, отразить нашествiе, либо пасть со славой. Пожаръ Москвы не измѣнилъ Его рѣшимости.

ГЛАВА XXVII.

Отступленіе русской арміи отъ Москвы къ Тарутину.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отступленіе князя Кутузова отъ Москвы, по рязанской дорогѣ, къ Боровскому-мосту. — Фланговое движеніе русской арміи къ Подольску и Красной-Пахрѣ.—Дѣйствія нашего арріергарда и послѣдствія ихъ.—Мѣры, принятыя Наполеономъ для преслѣдованія русской арміи и для охраненія смоленской дороги. — Первый подвигъ русскихъ партизановъ.

Выгоды, доставленныя фланговымъ движеніемъ на старую калужскую дорогу.— Отряженіе генерала Дорохова на смоленскую дорогу.– Первый подвигъ его.

Общій планъ дѣйствій всѣхъ русскихъ армій.—Положеніе дѣлъ въ окрестностяхъ Москвы.—Невѣдѣніе непріятеля о движеніяхъ нашихъ войскъ.—Наступленіе Мюрата къ Бронницамъ и оттуда къ Подольску. — Движеніе Понятовскаго къ Подольску, а Бессьера къ Деснѣ. — Мѣры, принятыя для охраненія сообщеній русской арміи.—Отступленіе князя Кутузова по старой калужской дорогѣ.

Присоединеніе Второй Западной арміи къ Первой. —Отбытіе изъ арміи Барклая де-Толли. — Письмо къ нему Императора Александра I. — Отступленіе русской арміи къ Тарутину. — Отступленіе Милорадовича съ арріергардомъ за рѣчку Чернишну. — Расположеніе непріятельской арміи.— Положеніе ея. — Мѣры, принятыя Наполеономъ, по военной части, во время пребыванія его въ Москвѣ.—Причины бездѣйствія непріятельской арміи.

2-го (14-го) сентября, въ день занятія Москвы Французами, русская армія, пройдя чрезъ столицу, сдѣлала переходъ въ пятнадцать верстъ по рязанской дорогѣ (*) и остано-

---

(*) *Карта дѣйствій отъ занятія Наполеономъ Москвы до отступленія его къ Можайску.*

вилась на ночлегъ у селенія Панки. Арріергардъ Милорадовича отошелъ шесть верстъ отъ Москвы и ночевалъ у Вязовки. На этихъ мѣстахъ простояли наши войска во весь слѣдующій день, 3-го (15-го) сентября ([1]). Причиною этой дневки, вблизи непріятельской арміи, была необходимость обезпечить уходъ множества жителей Москвы спасавшихся по всѣмъ путямъ ведущимъ изъ столицы. Войска, въ первую же ночь по оставленіи Москвы, увидѣли страшное зарево пожара ([2]). Вечеромъ 3-го (15-го) сентября, арріергардъ Милорадовича былъ смѣненъ 7-мъ пѣхотнымъ и 4-мъ кавалерійскимъ корпусами, подъ общимъ начальствомъ генерала Раевскаго (4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ командовалъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ). Полки же прежняго арріергарда поступили въ составъ главныхъ силъ арміи. Въ продолженіе 3-го (15-го) сентября, передовыя войска обѣихъ сторонъ стояли въ виду одни другихъ, не предпринимая враждебныхъ дѣйствій, но на слѣдующій день завязалась между ними стычка; къ вечеру 4-го (16-го), Раевскій съ своею пѣхотою отошелъ къ Островцамъ, а Васильчиковъ къ Панкамъ, между-тѣмъ какъ армія, перейдя черезъ рѣку Москву, расположилась у селеній Боровскаго-моста и Кулакова ([3]).

На пути отъ Панковъ къ Боровскому-мосту, князь Кутузовъ послалъ изъ деревни Жилиной, какъ сказано выше, 4-го (16-го) сентября, полковника Мишо съ донесеніемъ къ Государю объ оставленіи Москвы, а по достиженіи Боровскаго-моста рѣшено было совершить фланговое движеніе съ рязанской на калужскую дорогу. Иностранные писатели, стараясь лишить Кутузова заслуженной имъ славы, силятся доказать, что первоначальная мысль объ этомъ фланговомъ движеніи не принадлежитъ нашему полководцу и что самое движеніе сіе было ошибочно ([4]). Легко можетъ статься, что это фланговое движеніе было предложено Кутузову Толемъ, или кѣмъ-либо другимъ

изъ его сподвижниковъ. Генералъ Ермоловъ, которому лучше другихъ было извѣстно все, что̀ дѣлалось въ арміи, приписываетъ честь этого движенія Беннигсену; во всякомъ случаѣ, для славы Кутузова достаточно и того, что онъ, умѣвъ оцѣнить достоинство сего соображенія, искусно пріуготовилъ средства къ его исполненію и заблаговременно направилъ продовольственные запасы къ такимъ пунктамъ, откуда они могли прибыть во̀-время къ арміи на калужскую дорогу. Напрасно говорятъ, что Кутузовъ 4-го (16-го) сентября не донесъ Государю о предпринятомъ на слѣдующій день фланговомъ движеніи, и даже оставилъ въ невѣдѣніи о своихъ намѣреніяхъ всѣхъ его окружавшихъ, будто-бы потому, что самъ тогда еще не составилъ опредѣлительнаго плана (5). Все это объясняется обычнымъ образомъ дѣйствій нашего главнокомандующаго, который никогда не открывалъ никому своихъ намѣреній прежде ихъ исполненія. Извѣстно каждому, ка̀къ трудно сохранить что-либо въ тайнѣ среди множества лицъ составляющихъ неизбѣжную принадлежность главной квартиры арміи. Быть-можетъ — Кутузовъ, не дѣлая никого участникомъ своихъ предположеній, повредилъ своей славѣ; зато — много выиграла общая польза.

Напрасно также полагаютъ, будто бы движеніе совершенное Кутузовымъ было слишкомъ сложно, и потому сопряжено съ опасностью для нашей арміи. Бернгарди говоритъ, что Толь предлагалъ отступить во фланговую позицію сперва отъ Бородина, а потомъ съ позиціи на Воробьевыхъ-горахъ. Но кто могъ поручиться въ томъ, что непріятель позволилъ бы намъ — въ первомъ случаѣ совершить довольно продолжительное движеніе по дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, отъ Бородина на Верею и Боровскъ, а во второмъ — перейти въ виду его черезъ рѣчку Сѣтунь и нѣсколько глубокихъ овраговъ? Напротивъ того — пройдя черезъ Москву, оставленную на жер-

тву непріятелю, мы легко могли ввести его въ заблужденіе на счетъ дальнѣйшихъ нашихъ намѣреній. Между-тѣмъ какъ Кутузовъ совершалъ этотъ искусный маневръ, Наполеонъ, сперва въ упоеніи отъ легко доставшейся ему добычи, а потомъ въ заботѣ о пожарѣ Москвы, не выказалъ обычной своей дѣятельности и увлекаемый неуловимымъ призракомъ мира, совершенно упустилъ изъ вида русскую армію. Безъ всякаго сомнѣнія, Кутузовъ не могъ предвидѣть благопріятныя обстоятельства, способствовавшія нашему фланговому движенію, но онъ ими воспользовался весьма искусно.

5-го (17-го) сентября, князь Кутузовъ, оставя у Боровскаго-моста аррієргардъ генерала Раевскаго, перешелъ съ главными силами арміи, форсированнымъ маршемъ, на дорогу ведущую изъ Москвы въ Каширу, а на слѣдующій день достигъ Подольска и далъ 7-го (19-го) сентября растахъ арміи ([6]). На всемъ этомъ маршѣ, войска, слѣдуя по правому берегу Пахры, были прикрыты со стороны непріятеля теченіемъ этой рѣки. По ночамъ огромное зарево московскаго пожара освѣщало зловѣщимъ отблескомъ своимъ наши биваки. Между-тѣмъ какъ главныя силы русской арміи двигались къ Подольску, находившійся въ аррієргардѣ 7-й пѣхотный корпусъ, переправясь у Боровскаго-моста черезъ рѣку Москву, расположился 5-го (17-го) сентября между этимъ селеніемъ и Кулаковымъ, гдѣ прежде стояли главныя силы арміи; Васильчиковъ съ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ оставался до самаго вечера по другую сторону рѣки Москвы, удерживая частными атаками настигшую его непріятельскую конницу, а къ ночи перешелъ на правый берегъ и уничтожилъ мостъ. Затѣмъ — Раевскій, оставя на рязанской дорогѣ противъ непріятеля полковника Ефремова съ двумя казачьими полками, выступилъ съ войсками аррієргарда вслѣдъ за арміею, по правому берегу Пахры, къ Фроловскому яму (Іомъ?), и потомъ къ Подольску ([7]).

Во время пребыванія арміи у Подольска, князь Кутузовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: генералъ-лейтенантъ Коновницынъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ обѣихъ Западныхъ армій (8); адмиралу Чичагову послано повелѣніе двинуться черезъ Мозырь и Рогачевъ къ Могилеву, для содѣйствія Западнымъ арміямъ, а генералу Тормасову — остаться на рѣки Стырѣ (9). Главныя же силы, продолжая фланговое движеніе, 8-го (20-го) сентября, перешли, по лѣвому берегу рѣки Пахры, къ селенію Горкамъ, на старой калужской дорогѣ, и переправились, 9-го (21-го), на правый берегъ, гдѣ и расположились у селенія Красной-Пахры. Для прикрытія арміи со стороны Москвы, былъ направленъ отъ Подольска прямо къ селенію Деснѣ, на старой же калужской дорогѣ, генералъ Милорадовичъ, съ корпусами 8-мъ пѣхотнымъ и 1-мъ кавалерійскимъ (поступившимъ, по случаю болѣзни генералъ-адъютанта Уварова, подъ начальство генерала Меллера-Закомельскаго). Въ то же время, пѣхота Раевскаго расположилась у деревни Луковни, между тульскою и старою калужскою дорогами; кавалерія его, подъ начальствомъ Васильчикова, стала близъ Подольска, на тульской дорогѣ; казачьи же полки, находившіеся въ аррієргардѣ подъ общимъ начальствомъ полковника Балабина, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ полкъ у Подольска, другой на каширской дорогѣ; прочіе два, подъ командою полковника Ефремова, на рязанской дорогѣ. Всѣ эти казачьи отряды получили отъ генерала Васильчикова приказаніе—въ случаѣ наступленія противъ нихъ превосходныхъ въ числѣ непріятельскихъ силъ, отступать не на соединеніе съ аррієргардомъ, а по тѣмъ дорогамъ отъ Москвы, на которыхъ они стояли (10).

Между-тѣмъ Себастіани, двигаясь шагъ за шагомъ по рязанской дорогѣ, переправился черезъ рѣку Москву и считая отрядъ Ефремова аррієргардомъ русскихъ войскъ,

продолжалъ преслѣдовать его до Бронницъ. Самъ Мюратъ, введенный въ заблужденіе извѣстіями изъ авангарда и самонадѣянностью обуявшею непріятелей по занятіи ими Москвы, оставался въ столицѣ, донеся Наполеону, что „русская армія разсѣялась, и что она состоитъ изъ однихъ лишь казаковъ“. Но по достиженіи Бронницъ, Себастіани убѣдился въ томъ, что онъ былъ обманутъ искуснымъ движеніемъ русскаго отряда. Какъ-только Наполеонъ, въ ночи съ 9 (21) на 10 (22) сентября, получилъ донесенія, съ одной стороны, что его авангардъ совершенно потерялъ изъ вида русскую армію, а съ другой — что казаки появились на можайской дорогѣ и нападали на шедшіе по ней транспорты ([11]), то послалъ корпусъ Понятовскаго отъ Москвы прямо къ Подольску, для содѣйствія войскамъ находившимся на рязанской дорогѣ и приказалъ Мюрату, принявъ надъ ними начальство, направиться противъ Русскихъ и преслѣдовать ихъ по пятамъ ([12]). Бессьеръ, съ собраннымъ на-скоро наблюдательнымъ корпусомъ, былъ посланъ по тульской дорогѣ, съ которой онъ въ послѣдствіи повернулъ на старую калужскую ([13]).

Для обезпеченія же можайской дороги былъ посланъ по ней маіоръ Леторъ (Letort), съ нѣсколькими эскадронами драгунъ, который получилъ приказаніе собрать на этомъ пути всѣ маршевые эскадроны, въ числѣ отъ полуторы до двухъ тысячъ человѣкъ; вслѣдъ затѣмъ, 11-го (23-го) сентября, были высланы изъ Москвы по можайской дорогѣ, на разстояніе около тридцати верстъ, гвардейскіе драгуны, съ двумя гвардейскими же конными батареями; а нѣсколько дней спустя, 14-го (26-го), расположены на половинѣ пути между ними и Москвою дивизія Брусье, легкая кавалерія 4-го пѣхотнаго корпуса и егеря италіянской гвардіи. Самъ Наполеонъ готовился выступить со всею своею арміею по рязанской, либо по тульской дорогѣ, чтобы оттѣснить нашу армію за Оку ([14]).

Нападенiе на французскiй транспортъ, возбудившее такую сильную тревогу въ непрiятельской армiи, было первымъ подвигомъ русскихъ партизановъ въ войну 1812 года. Предполагая изложить въ послѣдствiи образъ нашихъ партизанскихъ дѣйствiй и результаты ихъ, ограничусь здѣсь объясненiемъ обстоятельствъ подавшихъ поводъ къ употребленiю этого средства, оказавшагося въ совокупности съ народнымъ вооруженiемъ столь дѣйствительнымъ и принесшаго намъ несомнѣнную пользу.

Еще въ то время, когда наши Западныя армiи, двигаясь отъ Гжатска къ Бородину, достигли Колоцкаго монастыря, подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка Давыдовъ, томясь жаждою дѣятельности, послалъ, къ знавшему его лично, князю Багратiону, письмо слѣдующаго содержанiя:

„Ваше Сiятельство!

„Вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто адъютанта ва„шего, столь лестное для моего самолюбiя, и вступя „въ гусарскiй полкъ, имѣлъ предметомъ партизанскую „службу, и по силамъ лѣтъ моихъ, и по опытности, „и, если смѣю сказать, по отвагѣ моей. Обстоятельства „ведутъ меня по сiе время въ рядахъ моихъ товарищей, „гдѣ я своей воли не имѣю, и слѣдовательно не могу „ни предпринять, ни исполнить ничего блистательнаго. „Князь! Вы мой единственный благодѣтель; позвольте „мнѣ предстать къ вамъ, для объясненiя моихъ намѣ„ренiй. Если они будутъ вамъ угодны, употребите меня „по желанiю моему и будьте надежны, что тотъ, который „носилъ званiе адъютанта Багратiонова пять лѣтъ сряду, „тотъ поддержитъ честь эту со всею ревностiю, какую „бѣдственное положенiе любезнаго нашего Отечества „требуетъ ([15]).“

Вслѣдъ затѣмъ, Давыдовъ, будучи призванъ къ Багратiону, 21-го августа (2-го сентября н. ст.), объяснилъ ему выгоды партизанской войны при обстоятельствахъ,

въ которыхъ мы тогда находились. Убѣжденный его доводами, князь Багратіонъ, на слѣдующій же день, доложилъ о томъ свѣтлѣйшему. Предложеніе послать отрядъ въ тылъ непріятелю, совершенно отдѣльно отъ собственныхъ войскъ, было совершенно ново; къ тому же князь Кутузовъ, по самому характеру своему, не охотно рѣшался на сомнительныя предпріятія: дѣло кончилось тѣмъ, что главнокомандующій согласился послать — какъ выразился онъ — почти на вѣрную гибель только пятьдесятъ гусаръ и полтораста казаковъ, съ условіемъ, чтобы самъ Давыдовъ принялъ надъ ними начальство. Когда Багратіонъ передалъ слова свѣтлѣйшаго Давыдову, то получилъ отъ него въ отвѣтъ: „Я стыдился бы, князь, предложить опасное предпріятіе, уступивъ исполненіе его другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, но на пользу: вотъ главное, а для этого — людей мало“. — „Онъ болѣе не даетъ“, сказалъ Багратіонъ. Давыдовъ, сообразивъ, что при неожиданномъ набѣгѣ побѣждаетъ не сильный, а смѣлый, и опасаясь, чтобы ему не отказали въ его предложеніи, отвѣчалъ: „Если такъ, то я иду и съ этимъ числомъ; авось-либо открою путь бо̀льшимъ отрядамъ.“ — „Я этого отъ тебя и ожидалъ“ сказалъ Багратіонъ. „Вѣрьте, князь, — продолжалъ Давыдовъ, — что партія будетъ цѣла; ручаюсь въ томъ честью: для этого нужны только, при отважности въ залетахъ, рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ и неусыпность на привалахъ и ночлегахъ. За это я берусь....... Но только людей мало; дайте мнѣ тысячу казаковъ, и вы увидите что̀ будетъ!“ — „Я бы тебѣ далъ три тысячи — отвѣчалъ онъ; — не люблю такія дѣла ощупью дѣлать, но объ этомъ нечего и говорить. Фельдмаршалъ самъ назначилъ силу партіи........ Надо повиноваться (16).“

Въ послѣдствіи прославились многіе изъ русскихъ партизановъ; нѣкоторые превзошли Давыдова своими подви-

гами, но, за то, ему принадлежитъ слава указанія совершенно для насъ тогда еще новаго способа партизанскихъ дѣйствій. Когда Давыдовъ явился къ генералъ-адъютанту Васильчикову съ письмомъ князя Багратіона, о назначеніи въ партизаны лучшихъ гусаръ, тогда нѣкоторые изъ бывшихъ при томъ генераловъ встрѣтили его шуткою: „Кланяйся Павлу Тучкову (тогда находившемуся въ плѣну),—говорили они:—пусть онъ уговоритъ тебя не партизанить.“ Другіе изъявляли соболѣзнованіе о Давыдовѣ, считая его идущимъ на вѣрную гибель. Но Давыдовъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Раздѣливъ съ своими сослуживцами опасности и славу Бородинской битвы, онъ съ 50-ю гусарами и 80-ю казаками двинулся окольнымъ путемъ черезъ Сивково, Борисъ-Городокъ, Егорьевское и Медынь, къ селу Скугореву (на границѣ Медыньскаго и Гжатскаго уѣздовъ), откуда, узнавши о слѣдованіи по смоленской дорогѣ непріятельскихъ обозовъ, обратился на Токарево къ Царево-Займищу, напалъ на транспортъ изъ тридцати повозокъ, съ прикрытіемъ изъ 215 человѣкъ пѣхоты, захватилъ въ плѣнъ около ста человѣкъ, истребилъ всѣхъ остальныхъ, и вслѣдъ за тѣмъ взялъ другой небольшой обозъ, брошенный своимъ прикрытіемъ ([17]).

Фланговое движеніе съ рязанской на калужскую дорогу, совершенное русскою арміею, доставило намъ возможность прикрыть Калугу, гдѣ тогда были собраны большіе склады съѣстныхъ запасовъ, и Тулу съ оружейнымъ заводомъ, а равно сохранить сообщеніе съ южными областями Имперіи, заключавшими въ себѣ богатыя средства для укомплектованія и снабженія всѣмъ нужнымъ войскъ. Но кромѣ этихъ выгодъ, весьма важныхъ въ оборонительномъ отношеніи, мы пріобрѣли средства дѣйствовать на сообщенія непріятельской арміи, тѣмъ болѣе, что изгибъ, образуемый смоленскою дорогою у Гжатска, способствовалъ намъ сблизиться къ пути дѣйствій Наполеона. Фельд-

маршалъ немедленно воспользовался этими обстоятельствами. Отведя главныя силы арміи на правую сторону Пахры, къ селенію Красной-Пахрѣ, и прикрывъ ихъ со стороны Москвы авангардомъ Милорадовича, расположеннымъ у Десны, и со стороны Подольска отрядомъ Раевскаго, стоявшимъ у Луковни, Кутузовъ отрядилъ, 9-го (21-го) сентября, по направленію къ смоленской дорогѣ, генералъ-маіора Дорохова съ Лейбъ-драгунскимъ, Елисаветградскимъ гусарскимъ, тремя казачьими полками и съ двумя донскими орудіями, всего въ числѣ около двухъ тысячъ человѣкъ ([18]).

Дороховъ, выступивъ, въ тотъ же день, изъ Десны, по пути къ Можайску, расположился 10-го (22-го) сентября на новой калужской дорогѣ, у Шарапова, и, двинувшись оттуда на смоленскую дорогу, истребилъ у Перхушкова обозъ, взорвалъ 56 зарядныхъ ящиковъ и захватилъ въ плѣнъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ ([19]).

Во время пребыванія русскихъ войскъ у Красной-Пахры, прибылъ въ главную квартиру арміи флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ, отправленный Государемъ къ князю Кутузову, 31-го августа (12-го сентября) съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій. Этотъ обширный планъ имѣлъ цѣлью воспользоваться углубленіемъ Наполеоновыхъ войскъ внутрь областей Имперіи. Сущность заключавшихся въ немъ предположеній состояла въ томъ, чтобы русскія войска, дѣйствовавшія на флангахъ главнаго театра войны, усилясь подкрѣпленіями, перешли въ наступательное положеніе, изгнали изъ Россіи противопоставленные имъ непріятельскіе корпуса и потомъ направились въ тылъ Большой Наполеоновой арміи, тѣснимой въ то же время съ фронта нашими главными силами: такимъ образомъ окончательнымъ послѣдствіемъ нашихъ дѣйствій долженствовало быть истребленіе главныхъ силъ противника.

Дѣйствія нашихъ отдѣльныхъ корпусовъ и армій, на флангахъ главнаго театра войны, должны были заклю-

чаться въ слѣдующемъ. Графъ Штейнгель, съ пятнадцатью тысячами человѣкъ изъ числа войскъ стоявшихъ въ Финляндіи, сдѣлавъ высадку въ Ревелѣ и двинувшись оттуда къ Ригѣ, долженъ былъ соединиться съ тамошнимъ гарнизономъ и открыть наступательныя дѣйствія, какъ противъ Макдональда, такъ и противъ остатковъ корпуса Сенъ-Сира, къ тому времени уже оттѣсненнаго за Двину графомъ Витгенштейномъ. Отбросивъ сіи корпуса за Нѣманъ, войска Штейнгеля должны были расположиться при Вильнѣ и служить резервомъ для армій собранныхъ на Березинѣ. Между-тѣмъ Витгенштейну, усиленному высланными къ нему подкрѣпленіями, надлежало овладѣть Полоцкомъ, опрокинуть Сенъ-Сира на лѣвую сторону Двины и поручивъ дальнѣйшее его преслѣдованіе Штейнгелю, двинуться къ Докшицамъ и открыть сообщеніе съ Чичаговымъ. Одновременно съ сими движеніями русскихъ войскъ, собиравшихся на Двинѣ, повелѣно адмиралу Чичагову, тогда уже прибывшему съ Дунайскою арміею на Волынь, обойти князя Шварценберга съ лѣваго фланга и, отбросивъ его отъ Литвы, оттѣснить за Бугъ и оставить противъ него у Несвижа Третью Резервную армію; а самому съ Дунайскою обратиться къ Минску, усилиться тамъ корпусомъ Эртеля отъ Мозыря и, собравъ до пятнадцати тысячъ человѣкъ, занять въ тылу непріятеля теченіе Березины и войти въ связь съ графомъ Витгенштейномъ. Сосредоточеніе силъ въ тылу непріятеля, на Улѣ и Березинѣ, предполагалось совершить въ половинѣ октября ([20]). Для сохраненія единства въ дѣйствіяхъ войскъ, Дунайская и Третья Резервная арміи были подчинены одному главнокомандующему — Чичагову; а Тормасовъ отозванъ въ главную квартиру князя Кутузова для принятія начальства надъ Второю Западною арміею вмѣсто князя Багратіона; въ случаѣ же соединенія обѣихъ Западныхъ армій въ одну — для командованія ре-

зервомъ, либо другою частью войскъ, по усмотрѣнію фельдмаршала ([21]).

При составленіи общаго плана дѣйствій всѣхъ русскихъ армій, имѣлось въ виду воспользоваться предстоявшимъ перевѣсомъ нашихъ силъ, на который подавали намъ надежду — съ одной стороны усиленіе нашихъ войскъ, а съ другой ослабленіе Большой Наполеоновой арміи. Для достиженія сей цѣли, были приняты мѣры заранѣе, въ такое время, когда силы непріятеля еще находились въ грозномъ положеніи, и въ этомъ состояло главное достоинство нашего общаго плана дѣйствій.

Высочайшее Повелѣніе, доставленное фельдмаршалу полковникомъ Чернышевымъ, было слѣдующаго содержанія:

„Князь Михайло Илларіоновичъ! Изъ послѣдняго донесенія вашего усматриваю, съ какимъ постояннымъ мужествомъ войска вамъ ввѣренныя преодолѣвали быстрое на нихъ нападеніе 24-го и 26-го августа, и сколь значительно должна простираться потеря непріятеля убитыми и ранеными.

„Основываясь на семъ заключеніи, остаюсь въ надеждѣ, что военная прозорливость ваша, преградивъ успѣхи непріятеля, удержитъ и дальнѣйшее его вторженіе.

„Въ сіе самое время, счелъ я полезнымъ препроводить къ вамъ нѣкоторыя примѣчанія для операціоннаго плана наступательныхъ дѣйствій армій генерала Тормасова, адмирала Чичагова и корпусовъ графа Витгенштейна и графа Штейнгеля, отдѣляемаго изъ Риги, гдѣ состоящій нынѣ корпусъ усилится прибывшими изъ Финляндіи войсками.

„Есть ли вы, по соображенію вашему, найдете исполненіе сего плана удобнымъ, на таковой случай, для произведенія сего въ дѣйство, прилагаю вамъ проекты и самыхъ по сему предписаній.

„Изъ сего плана усмотрите вы, что главныя дѣйствія предполагается произвесть арміею адмирала Чичагова, то слѣдуемое ему на сей случай повелѣніе доставляю вамъ за Моею подписью, въ которомъ не опредѣлено время его дѣйствій, ибо сіе подлежитъ собственному соображенію вашему; а для сего въ повелѣніи семъ и выставлены означающія сіе время числа единственно карандашемъ.

„Къ удобнѣйшему выполненію сего плана, сдѣланы слѣдующія распоряженія:

„Состоящія нынѣ войска въ Ригѣ усиливаются перевезеннымъ изъ Финляндіи въ Ревель корпусомъ въ числѣ 14 тысячъ состоящимъ.

„Корпусъ сей, находящійся подъ командою генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля, прибывъ уже въ Ревель 26-го числа сего мѣсяца, выступитъ изъ онаго черезъ Перновъ въ Ригу.

„Корпусъ же графа Витгенштейна усиливается отправляющимися 3-го и 5-го сентября изъ С.-Петербурга войсками, состоящими въ числѣ 19-ти тысячъ человѣкъ, кои прибудутъ въ Себежъ 25-го, а въ Великіе-Луки 24-го сентября.

„О составѣ же сихъ войскъ и о настоящемъ ихъ числѣ, прилагается у сего особая подробная записка.

„Наконецъ, прилагаю вамъ копіи съ донесеній адмирала Чичагова, таковыхъ же въ подлинникѣ отъ генералъ-лейтенанта Эртеля и вѣдомости о числѣ войскъ въ ихъ командѣ состоящихъ.

„Все сіе отправляю я къ вамъ съ флигель-адъютантомъ Моимъ, полковникомъ Чернышевымъ, коему, по извѣстной Мнѣ его скромности въ испытанныхъ уже прежде сего порученіяхъ, прочтенъ Мою проектъ сего плана, дабы онъ могъ, по требованію вашему, дать вамъ всѣ нужныя объясненія. Естьли планъ сей вами признанъ бу-

деть полезнымъ, то отправьте флигель-адъютанта Чернышева къ адмиралу Чичагову."

„АЛЕКСАНДРЪ."

С.-Петербургъ.
Августа 31-го дня 1812 года.

Фельдмаршалъ, получивъ сей рескриптъ, а равно Высочайшія Повелѣнія Чичагову, Тормасову, графу Витгенштейну и графу Штейнгелю, присланныя на предварительное его обсужденіе, призвалъ на совѣщаніе Беннигсена, Коновницына и Толя, и приказалъ Чернышеву прочитать привезенныя имъ бумаги (которыя предварительно были переведены Чернышевымъ на французскій языкъ для Беннигсена). Беннигсенъ призналъ полезнымъ всѣ мѣры заключавшіяся въ общемъ планѣ дѣйствій; фельдмаршалъ, съ своей стороны, одобривъ ихъ, положилъ немедленно приступить къ исполненію присланнаго ему плана. Но какъ еще за три дня до полученія Высочайшаго Рескрипта, Кутузовъ послалъ Чичагову предписаніе идти черезъ Мозырь и Рогачевъ къ Могилеву, для сближенія съ главною нашею арміею и для угроженія непріятелю въ тылъ, то чтобы избѣжать таковаго дѣйствія, которое было бы несогласно съ общимъ планомъ, фельдмаршалъ приказалъ Чернышеву немедленно ѣхать къ Чичагову и Тормасову и передать имъ Высочайшія Повелѣнія. Какъ Чернышевъ, на пути изъ Петербурга въ главную квартиру Кутузова, при окольномъ объѣздѣ занятаго непріятелемъ пространства, потерялъ невольно нѣсколько дней, то главнокомандующій, при выставленіи чиселъ въ Высочайшихъ повелѣніяхъ, (которое ему было предоставлено), означилъ каждое пятью сутками позже проставленнаго Государемъ. Въ донесеніи Императору, о всемъ сдѣланномъ по сему предмету, фельдмаршалъ писалъ:

„Я оставилъ планъ сей, объясненный мнѣ подробно Чернышевымъ, въ полной его силѣ. Сказать должно, что отдаленныя диверсіи отъ главнаго дѣйствія войны не могутъ имѣть надъ нею такого вліянія, какъ ближнія; для того, еслибы случились препятствія въ подробномъ исполненіи плана, даннаго адмиралу Чичагову, то въ такомъ случаѣ все однакожь не долженъ онъ потерять изъ вида перейдти на непріятельскую операціонную линію, или соображаясь съ арміею графа Витгенштейна, или сколь можно скорѣе приблизиться къ окрестностямъ Могилева; симъ заботливѣе сдѣлается положеніе главныхъ непріятельскихъ силъ, и тѣмъ скорѣе вынужденнымъ онъ будетъ оставить сердце Россіи. Такъ-какъ Чернышевъ на пути своемъ встрѣчалъ частыя остановки и долженъ былъ дѣлать большіе объѣзды, то всѣ числа мѣсяца, назначенныя въ планѣ для движеній и дѣйствій войскъ, поставлены пятью днями впередъ, о истолкованіи чего поручилъ я особенно полковнику Чернышеву.“

Между-тѣмъ какъ Императоръ Александръ, въ надеждѣ на Бога и на доблесть своего народа, принималъ мѣры къ сокрушенію враждебныхъ силъ, Наполеонова армія, ослабленная, но все-еще грозная, оставалась, по занятіи Москвы, нѣсколько дней въ совершенномъ бездѣйствіи. Надежды на миръ, возбужденныя въ непріятеляхъ вступленіемъ въ нашу столицу, и необходимость осмотрѣться въ обширномъ, неизвѣстномъ городѣ, заставили дѣятельнаго Мюрата пріостановить преслѣдованіе, а упустивъ разъ изъ вида русскую армію, трудно было слѣдить за ея движеніями. Небольшіе наши отряды совершенно прерывали сообщеніе между различными частями Наполеоновыхъ войскъ, между-тѣмъ какъ крестьяне, остававшіеся въ кругу ихъ расположенія, извѣщали нашихъ отрядныхъ начальниковъ

о всѣхъ ихъ движеніяхъ. Отдавая справедливость искусству, съ которымъ наши отряды отвлекали непріятеля отъ направленія принятаго главными силами князя Кутузова, нельзя однакожь не сознаться въ томъ, что безпечность и бездѣйствіе Французовъ облегчили успѣхъ нашихъ дѣйствій. Въ продолженіе двѣнадцати дней по занятіи Москвы, именно до 14-го (26-го) сентября, Наполеонъ не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о нашей арміи (22). Тѣмъ не менѣе однакожь геніяльный полководецъ принялъ, какъ выше сказано, мѣры для противодѣйствія Кутузову. Но общее изнеможеніе — слѣдствіе труднаго похода отъ Нѣмана до Москвы — поражало бездѣйствіемъ всѣ мѣры принятыя Наполеономъ. Распоряженія его исполнялись медленно. Прошло двое сутокъ со времени расположенія Милорадовича у Десны, въ двадцати верстахъ отъ Москвы, прежде нежели было донесено о томъ Наполеону(23).

Какъ-только Мюратъ лично принялъ начальство надъ французскими войсками наступавшими по рязанской дорогѣ, то ускорилъ преслѣдованіе, но достигнувъ Бронницъ, убѣдился, что передъ нимъ отступалъ только казачій отрядъ, а потому приказавъ корпусу Понятовскаго идти къ Подольску, 12-го (24-го) сентября, двинулся на слѣдующій день туда же со всею своею кавалеріею. Въ то же самое время Бессьеръ приблизился къ Деснѣ. Наступленіе превосходныхъ силъ непріятеля заставило отступить наши передовые отряды: Милорадовича къ Вятутинкѣ, а Раевскаго къ Поливанову (24). Полковникъ же Харитоновъ, стоявшій съ своимъ казачьимъ полкомъ у Фроловскаго-Яма, на каширской дорогѣ, отступилъ, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, по сей дорогѣ, отвлекая непріятеля въ сторону отъ нашей арміи (25). Подобнымъ же образомъ маіоръ Лачиновъ, находившійся съ Башкирскимъ полкомъ близъ Подольска, отступивъ по серпуховской

дорогѣ, увлекъ за собою до двухъ тысячъ человѣкъ непріятельской кавалеріи ([26]).

Между-тѣмъ генералъ Милорадовичъ доставилъ въ главную квартиру, въ Пахру, полученное имъ отъ генералъ-адъютанта Васильчикова, стоявшаго близъ устья рѣчки Десны, извѣстіе о появленіи непріятеля на пути изъ Подольска въ село Чириково ([27]). Фельдмаршалъ, опасаясь быть обойденнымъ съ праваго фланга, отрядилъ на эту дорогу графа Остермана съ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и своднымъ (2-мъ и 3-мъ) корпусомъ Корфа. Выйдя на сей путь, Остерманъ расположился съ пѣхотою въ лѣсахъ у Нѣмчинина и выдвинулъ кавалерію за село Александровку ([28]). Раевскій, еще не зная объ этомъ распоряженіи, послалъ, для прикрытія съ праваго фланга своего корпуса, 26-ю дивизію Паскевича, который, сойдясь въ Нѣмчининѣ съ войсками Остермана, получилъ отъ него приказаніе перейти вправо къ Сатину ([29]), что̀ способствовало прикрытію нашей арміи отъ обхода съ праваго фланга на всемъ пространствѣ до рѣки Мочи.

Наступленіе непріятельскихъ войскъ къ Деснѣ и Подольску было принято княземъ Кутузовымъ за начало общаго наступательнаго движенія Наполеоновой арміи. 14-го (26-го) сентября, фельдмаршалъ призвалъ на совѣщаніе по сему предмету главныхъ своихъ сподвижниковъ; ихъ мнѣнія были различны: одни полагали, что самъ Наполеонъ съ главными силами двигался на Подольскъ; другіе считали такое движеніе невозможнымъ, потому-что, дѣйствуя въ этомъ направленіи, непріятель подвергнулъ бы опасности свои сообщенія съ Смоленскомъ. Барклай де-Толли совѣтовалъ оставаться на-мѣстѣ и выждать разъясненія обстоятельствъ. Беннигсенъ, полагая, согласно съ Барклаемъ, что въ Подольскѣ находилась только часть непріятельской арміи и что Наполеонъ не могъ дѣйствовать по этому направленію, изъ опасенія быть отрѣзан-

нымъ отъ Москвы и Смоленска, предлагалъ предоставить Милорадовичу оборону теченія Пахры и старой калужской дороги, а со всѣми остальными силами направиться къ Подольску и атаковать непріятеля. Другіе считали такое движеніе слишкомъ отважнымъ, полагая, что, дѣйствуя по этому направленію, мы могли быть отрѣзаны отъ Калуги и отброшены къ Вереѣ и Можайску. Въ дѣйствительности же мы, принявъ предложеніе Беннигсена, не подвергались никакой опасности, потому-что атаковали бы Мюрата по-крайней-мѣрѣ двойными силами; но тогда это обстоятельство было неизвѣстно. Фельдмаршалъ не рѣшался ни на какое предпріятіе, котораго успѣхъ подлежалъ сомнѣнію, что заставило Толя предложить другой способъ дѣйствій, болѣе согласный съ характеромъ нашего главнокомандующаго. Принимая во вниманіе, что русская армія могла вскорѣ получить значительныя подкрѣпленія, надлежало, по мнѣнію Толя, отложить наступательныя дѣйствія до ихъ прибытія и ограничиться расположеніемъ арміи въ такой позиціи, въ которой она, не подвергаясь обходу (подобно тому, какъ при Красной-Пахрѣ), прикрывала бы источники своихъ средствъ и способствовала дѣйствіямъ на сообщенія непріятеля. Занявъ подобную позицію и выждавъ въ ней благопріятнаго оборота дѣлъ, можно было въ послѣдствіи предпринять наступательныя дѣйствія съ увѣренностью въ ихъ успѣхѣ. Надлежало преимущественно озаботиться прикрытіемъ Калуги, пункта, на коемъ находились склады продовольствія и всѣхъ предметовъ снаряженія войскъ; затѣмъ—важнѣйшими для насъ пунктами были Тула и Брянскъ. Изъ Москвы въ Калугу ведутъ три пути, изъ которыхъ кратчайшій (старая калужская дорога) пролегаетъ черезъ Красную-Пахру и Тарутино; по сторонамъ этого пути проходятъ дороги: новая калужская, чрезъ Боровскъ и Малоярославецъ, и тульская на Серпуховъ, откуда идетъ путь къ

Калугѣ на Тарусу. Расположась на старой калужской дорогѣ, русская армія могла преградить кратчайшую дорогу къ Калугѣ и находиться въ разстояніи одного перехода отъ новой калужской; разстояніе отъ Тарутина до тульской дороги нѣсколько болѣе, но это не составляло важнаго неудобства, потому-что Наполеонъ не могъ направиться по ней, не подвергнувъ неминуемой опасности собственныхъ сообщеній. Всѣ эти обстоятельства заставили насъ оставаться, въ ожиданіи наступленія непріятельской арміи, на старой калужской дорогѣ, гдѣ, по донесенію подполковника свиты Е. В. по квартирмейстерской части Гартинга, у села Тарутина находилась хорошая позиція. Въ тактическомъ отношеніи, позиція при Тарутинѣ, неприкрытая никакими значительными преградами и окруженная лѣсами, допускавшими скрытное наступленіе непріятеля, не представляла большихъ выгодъ, но этому надѣялись помочь укрѣпленіями и неусыпностью передовыхъ отрядовъ (30).

Фельдмаршалъ, при первомъ извѣстіи о наступленіи непріятеля, сблизилъ къ арміи всѣ свои передовые отряды. Генералу Дорохову, истребившему въ продолженіе недѣли нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ и транспортовъ (при чемъ наши войска захватили въ плѣнъ до полуторы тысячи человѣкъ), также послано было предписаніе возвратиться къ арміи (31). Самъ же князь Кутузовъ съ главными силами отступилъ, 15-го (27-го) сентября, къ Бабенкову на рѣкѣ Мочѣ, гдѣ сосредоточились 2-й, 3-й, 5-й и 6-й пѣхотные корпуса и обѣ кирасирскія дивизіи (32). Въ тотъ же день, наступленіе непріятеля въ превосходныхъ силахъ заставило отступить Милорадовича и Раевскаго къ Красной-Пахрѣ, а Остермана къ Окулову (33). Самъ Милорадовичъ, застигнутый въ расплохъ, по небрежности на аванпостахъ незадолго предъ тѣмъ прибывшихъ къ арміи двухъ башкирскихъ полковъ, подвергался большой опас-

ности, но былъ выручен генералъ-адъютантомъ Васильчиковымъ, кинувшимся съ Лейбъ-гусарами на встрѣчу непріятелю ([34]).

Со стороны Французовъ, 15-го (27-го) сентября, Бессьеръ, съ главными силами своего корпуса, остановился на Пахрѣ, у Горокъ, выдвинувъ на другую сторону рѣки небольшую часть пѣхоты и кавалерію Лагуссе́, а Мюратъ, съ находившимся въ головѣ его войскъ корпусомъ Понятовскаго, достигнувъ Нѣмчинина, выслалъ оттуда къ Окулову часть пѣхоты, и донесъ Наполеону, въ 9 часовъ вечера, что Русскіе остановились въ намѣреніи удерживаться на занятой ими позиціи. Какъ-только пришло это извѣстіе въ Москву, то Наполеонъ сдѣлалъ распоряженія къ сосредоточенію 17-го (29-го) на рѣкѣ Мочѣ всѣхъ войскъ находившихся въ столицѣ и въ окрестностяхъ ея. Но вслѣдъ затѣмъ, Мюратъ прислалъ донесеніе объ отступленіи русской арміи. Это свѣдѣніе было ошибочно: Русскіе оставались на мѣстѣ, и только 4-й корпусъ Остермана отошелъ за Мочу. Но какъ это обстоятельство было неизвѣстно Наполеону, то онъ отмѣнилъ предположенное движеніе. Вообще въ это время главною цѣлью его было доставленіе войскамъ отдыха, столь необходимаго для нихъ послѣ труднаго похода ([35]).

Между-тѣмъ, 16-го (28-го) сентября, наши арріергарды отступили къ деревнѣ Чириковой, близъ Красной-Пахры, и Сатину. 17-го (29-го), Милорадовичъ атаковалъ подошедшаго къ нему непріятеля, у Чириковой, и вытѣснилъ его изъ лѣса съ урономъ, при чемъ отличились ратники московскаго ополченія. Въ числѣ плѣнныхъ, захваченныхъ русскими войсками, находились французскій бригадный генералъ Ферье и адъютантъ князя Понятовскаго, ротмистръ графъ Потоцкій ([36]).

Въ это время послѣдовала перемѣна въ управленіи русскихъ войскъ. По принятіи надъ ними начальства княземъ

Кутузовымъ, раздѣленіе на двѣ арміи силъ совокупно дѣйствовавшихъ на главномъ театрѣ войны сдѣлалось излишнимъ, и даже затрудняло передачу и исполненіе распоряженій главнокомандующаго, но оставалось потому, что фельдмаршалъ не рѣшался измѣнить его. Ему было извѣстно, что Императоръ Александръ желалъ, чтобы удостоенный Его довѣріемъ Барклай де-Толли не потерялъ въ арміи значенія, на которое давали ему право прежнія заслуги, и что Государь съ такою же цѣлью назначилъ Тормасова, на мѣсто князя Багратіона, главнокомандующимъ Второй арміи. Но какъ изъ Высочайшаго Рескрипта отъ 1-го сентября видно было, что самъ Императоръ допускалъ образованіе изъ двухъ Западныхъ армій одной, то князь Кутузовъ, убѣдясь въ необходимости измѣнить порядокъ управленія войсками, объявилъ въ Приказѣ отъ 16-го (28-го) сентября о присоединеніи Второй арміи къ Первой Западной. Начальство надъ пѣхотными корпусами: 2-мъ, 4-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ и кавалерійскими Меллера-Закомельскаго, Корфа и Васильчикова было ввѣрено Барклаю де-Толли, а надъ резервомъ, составленнымъ изъ пѣхотныхъ корпусовъ 3-го и 5-го и обѣихъ кирасирскихъ дивизій—генералу Милорадовичу. Начальникомъ главнаго штаба арміи остался, по-прежнему, Ермоловъ; дежурнымъ генераломъ — Коновницынъ. Продовольствіе арміи, по Высочайшему Повелѣнію, оставлено на попеченіи сенатора Ланскаго. Артиллерійская часть поручена генералъ-маіору Левенштерну; инженерная—генералъ-маіору Ферстеру. Начальство надъ всею кавалеріею, кромѣ кирасирскихъ дивизій, ввѣрено генералъ-адъютанту Уварову ([37]).

Къ-сожалѣнію—новое устройство штаба арміи не принесло ожидаемой пользы. Барклай де-Толли носилъ только званіе главнокомандующаго, между-тѣмъ какъ приказанія по ввѣреннымъ ему войскамъ отдавались и исполня-

лись безъ его вѣдома. Беннигсенъ, въ качествѣ начальника штаба всѣхъ русскихъ армій, принималъ на себя роль помощника фельдмаршала, но также не пользовался совершенною его довѣренностью. Въ письмѣ къ Императору Александру 1-му Барклая-Толли находимъ мрачную картину безпорядковъ, тогда господствовавшихъ въ главной квартирѣ арміи. По словамъ его, приказанія отдаваемыя различными лицами противорѣчили одно другому; никто не могъ дать вѣрнаго отчета о распредѣленіи войскъ; доставка къ нимъ продовольствія не была обезпечена; бо́льшая часть арміи находилась въ арріергардахъ, да и всѣ прочія войска подвергались безпрестаннымъ тревогамъ (38). Быть можетъ, что непріятныя отношенія Барклая къ князю Кутузову невольно заставляли его преувеличивать неустройства тогда существовавшія въ арміи, но изъ подлинной переписки главной квартиры съ начальниками частей войскъ оказывается, что они нерѣдко въ одинъ и тотъ же день получали противорѣчащія приказанія и что наши дѣйствія въ это время были ведены какъ-бы ощупью. Изъ приказовъ самаго фельдмаршала видно, что, несмотря на близость огромныхъ складовъ провіанта, транспорты съ продовольствіемъ не всегда поспѣвали удовлетворять потребностямъ арміи, и потому во время расположенія нашихъ главныхъ силъ у Красной-Пахры, возложено было на корпусныхъ и дивизіонныхъ начальниковъ: „согласить полки на покупку „ихъ попеченіемъ провіанта, на четыре дня, по утвержденнымъ цѣнамъ, за четверть муки по 15 р., а крупъ по „20 р. ассигнаціями“ (39). Подобныя затрудненія весьма естественны и могутъ случаться въ самыхъ благоустроенныхъ войскахъ; Барклай, какъ опытный администраторъ, совершенно зналъ всѣ трудности, сопряженныя съ управленіемъ арміи, но будучи недоволенъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ княземъ Кутузовымъ и окружавшими его лицами, увлекся въ донесеніи своемъ Госу-

дарю негодованіемъ за предѣлы хладнокровнаго и безпристрастнаго изложенія дѣла.

Еще до сраженія при Бородинѣ, Барклай де-Толли просился въ отставку ([40]). Въ другомъ письмѣ къ Государю, онъ, повторяя свою просьбу, писалъ: „Что касается „лично до меня, покоряюсь безропотно моей участи, и „какъ самое жаркое изъ моихъ желаній не сбылось 26-го „августа и Провидѣнію угодно было сохранить мою жизнь, „которая мнѣ въ тягость, то мнѣ остается только умолять „объ исполненіи просьбы, которую я имѣлъ счастіе повергнуть на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго „Величества въ послѣднемъ письмѣ моемъ“ ([41]). Затѣмъ, не находя возможности оставаться въ арміи, Барклай просилъ фельдмаршала объ увольненіи его, по болѣзни, въ отпускъ, и получивъ оный, отправился черезъ Калугу во Владиміръ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время, а потомъ уже позднею осенью прибылъ въ свою деревню, въ Лифляндіи. „Желалъ бы—писалъ онъ къ Государю,—выразить Вашему Величеству глубокую скорбь, съ которою удаляюсь отъ арміи. Я желалъ жить и умереть вмѣстѣ съ вой„сками, состоявшими подъ моимъ начальствомъ; но если бы „даже тому не препятствовала болѣзнь моя, то утомленіе „и душевныя безпокойствія не позволили бы мнѣ въ на„стоящихъ обстоятельствахъ оставаться въ арміи“....([42]). По пріѣздѣ въ деревню, Барклай донесъ о томъ Государю и представилъ на Высочайшее Имя Записку, въ которой были изложены его дѣйствія въ продолженіе командованія Первою Западною арміею. Императоръ Александръ I-й, получивъ эти бумаги, удостоилъ Барклая де-Толли слѣдующимъ Собственноручнымъ отзывомъ:

„Я получилъ ваше письмо отъ 9-го ноября. Должнобыть вы Меня очень мало знаете, если могли усомниться въ томъ, что вы имѣли полное право пріѣхать въ Петербургъ, не выжидая на то Моего разрѣшенія. Скажу вамъ

даже, Я ожидалъ вашего прiѣзда, потому-что душевно желалъ объясниться съ вами словесно. Но какъ вамъ не угодно было отдать должную справедливость Моему характеру, то Я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить вамъ Мой образъ мыслей на счетъ вашъ и касательно совершившихся событiй. Уваженiе и дружба, постоянно Мною вамъ оказываемыя, Мнѣ даютъ право говорить съ вами откровенно.

„Планъ дѣйствiй, нами принятый, былъ единственный, какъ полагаю доселѣ, планъ, который могъ обѣщать успѣхъ въ войнѣ противъ Наполеона, что̀ оправдалось на самомъ опытѣ; но онъ неизбѣжно долженъ былъ встрѣтить порицанiе въ народѣ не обладающемъ глубокими свѣдѣнiями въ военномъ искусствѣ и гордящемся легкими успѣхами, одержанными въ прежнихъ войнахъ надъ слабыми непрiятелями, либо надъ плохими военачальниками. Такому народу трудно было освоиться съ планомъ дѣйствiй, имѣвшимъ цѣлью завлечь противника внутрь страны. Надлежало заранѣе предвидѣть противодѣйствiе и Я былъ готовъ къ нему. Но необходимо было, въ то же время, избѣгать тщательно всего, что̀ могло навлечь невыгодные толки, и въ этомъ отношенiи вы заслуживаете нѣкоторые упреки.

„Какъ только было рѣшено дѣйствовать по начертанному плану, то надлежало приготовить всѣ средства къ его исполненiю. Мы имѣли на то довольно времени, но все-таки многое не было сдѣлано.

„Вскорѣ по прибытiи Моемъ въ Вильну, Я приказалъ вамъ отослать всѣ излишнiя тягости полковъ, стоявшихъ постоянно на квартирахъ въ Литвѣ, но несмотря на то, онѣ были отправлены не далѣе Нѣменчина, Свенцянъ, Вилькомира и Шавли, и отъ этого войска находились въ необходимости отступать съ огромными обозами. Нѣсколько разъ Я напоминалъ вамъ о построенiи необходимыхъ мостовъ; многiе изъ инженеровъ вѣдомства путей сообщенiя нахо-

дились при арміи, и совсѣмъ тѣмъ мосты, большею частью, находились въ самомъ плохомъ состояніи. Какъ только было рѣшено отступать, то слѣдовало, сообразно тому, отодвинуть назадъ госпитали, но, напротивъ того, Я, по прибытіи въ Вильну, нашелъ тамъ нѣсколько тысячъ больныхъ, о вывозѣ коихъ Я напоминалъ вамъ безпрестанно.

„Таковы упреки, которые, говоря откровенно, могу сдѣлать вамъ. Всѣ они произошли отъ единственной вашей ошибки: вы не довольно убѣждены въ томъ, что *предписать* и *достигнуть исполненія*—два дѣла совершенно разныя, и что для устраненія небрежности подчиненныхъ, нѣтъ никакихъ средствъ, кромѣ *дѣятельнаго надзора* и *безпрестанной повѣрки* ихъ лицами заслужившими довѣріе.

„Ошибки князя Багратіона, имѣвшія послѣдствіемъ предупрежденіе его непріятелемъ въ Минскѣ, Борисовѣ и Могилевѣ, заставили васъ направиться къ Смоленску. Судьба способствовала намъ, сверхъ всякаго чаянія, соединить тамъ обѣ арміи. Настало время пріостановить отступленіе. Но недостатокъ въ свѣдѣніяхъ о непріятелѣ, котораго неблагопріятнымъ слѣдствіямъ вы подвергались въ продолженіе всей кампаніи, заставилъ васъ ошибочно двинуться къ Порѣчью противъ лѣваго крыла Наполеоновой арміи, между-тѣмъ какъ она сосредоточилась на правомъ флангѣ у Лядъ и перешла черезъ Днѣпръ. Вы исправили эту ошибку, предупредивъ непріятеля въ Смоленскѣ. Но какъ обѣ наши арміи были сосредоточены на этомъ пунктѣ и вы имѣли намѣреніе принять въ послѣдствіи генеральное сраженіе, то не лучше-ли было рѣшиться на то у Смоленска, нежели у Царево-Займища? Подъ Смоленскомъ, наши войска находились въ лучшемъ устройствѣ, потому-что они тогда еще не потерпѣли урона въ дѣлахъ 6-го, 7-го августа и въ послѣдующее время. Что же касается до опасенія обхода съ фланга, то вы подвергались ему и у Царево-Займища, точно такъ же, какъ и вездѣ. Усердіе нашихъ войскъ подъ

Смоленскомъ было бы возбуждено до крайности тѣмъ, что они, сражаясь тамъ, защищали бы первый древній русскій городъ.

„Потеря Смоленска произвела чрезвычайное нравственное вліяніе во всей Имперіи. „Самый опытъ доказываетъ гибельныя послѣдствія этого плана—говорили порицатели вашихъ дѣйствій.—Россія подвергается неминуемой опасности,“ и какъ, къ-сожалѣнію, всѣ исчисленныя Мною ошибки были очевидны, то Меня обвиняли въ томъ, будто бы Я жертвую спасеніемъ Отечества изъ самолюбія, поддерживая избраннаго Мною главнокомандующаго. Москва и Петербургъ въ одинъ голосъ славили князя Кутузова, какъ единственнаго полководца, могшаго спасти Имперію. Въ подтвержденіе этихъ сужденій, толковали, что даже старшинство въ чинѣ надъ вами Тормасова, Багратіона и Чичагова, существенно вредившее успѣху военныхъ дѣйствій, могло быть устранено назначеніемъ Кутузова. Обстоятельства были весьма затруднительны. Столица подвергалась опасности и Мнѣ оставалось только согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ, по предварительномъ обсужденіи вопроса въ Комитетѣ составленномъ изъ главныхъ сановниковъ Имперіи.

„Уступая ихъ мнѣнію, Я пожертвовалъ собственными убѣжденіями. Но Я хотѣлъ, чтобы вы сохранили возможность оправдать предъ лицомъ Россіи и Европы. Мой выборъ, и доказать, что вы достойны командовать арміею. Я былъ увѣренъ, что вы охотно останетесь при войскахъ, чтобы стяжать вашею доблестью, подобно тому какъ при Бородинѣ, уваженіе даже вашихъ недоброжелателей. Вы неминуемо достигли бы этой цѣли, еслибы остались при арміи. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ и, по неизмѣнной Моей къ вамъ дружбѣ, былъ чрезвычайно опечаленъ извѣстіемъ о вашемъ отъѣздѣ. Несмотря на всѣ понесенныя вами непріятности, вы должны были оставаться, по

тому-что есть случаи, когда надлежитъ поставить себя выше всего въ мірѣ (il fallait rester, car il y a des cas où on doit se mettre au dessus de toute chose au monde).

„Убѣжденный въ томъ, что вы останетесь при войскахъ, Я уволилъ васъ отъ должности военнаго министра, потому-что вамъ не слѣдовало занимать ее, находясь въ арміи, которою командовалъ главнокомандующій старшій васъ въ чинѣ. Къ тому же Я узналъ на опытѣ, что начальство надъ арміею и должность военнаго министра, соединенныя въ одномъ и томъ же лицѣ, превосходятъ его силы.

„Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ вами Отечеству и Мнѣ, и остаюсь въ убѣжденіи, что вы окажете еще важнѣйшія. Хотя нынѣшнія обстоятельства весьма для насъ благопріятны, судя по положенію, въ которомъ находится непріятель, однако борьба еще не кончена; она представитъ вамъ возможность доказать ваши военныя способности, которымъ вообще уже отдаютъ справедливость“ .... ([43]) Получивъ сіе письмо, Барклай де-Толли отправился въ Петербургъ, но не засталъ тамъ Государя, который тогда уже отправился въ Вильну.

По отъѣздѣ Барклая де-Толли изъ арміи, Кутузовъ объявилъ, что всѣ его обязанности принимаетъ на себя, пока Государю угодно будетъ назначить главнокомандующаго Первою арміею.

Между-тѣмъ наши главныя силы отступали небольшими переходами къ Тарутину. Беннигсенъ предлагалъ выждать непріятеля у Бабенкова и принять тамъ сраженіе. Главнокомандующій не противорѣчилъ ему, но вскорѣ самъ Беннигсенъ принужденъ былъ сознаться, что предложенная имъ позиція не представляла никакихъ выгодъ. 19-го сентября (1-го октября) армія отступила къ Спасъ-Куплѣ, а войска Милорадовича и Остермана къ Голохвастову

(45) (по другимъ свѣдѣніямъ, за рѣку Мочу). На слѣдующій день, 20-го сентября (2-го октября), главныя силы вступили въ лагерь при Тарутинѣ, за Нарою; Милорадовичъ, угрожаемый наступленіемъ превосходныхъ силъ Мюрата, отошелъ за село Вороново (46), принадлежавшее графу Растопчину, который, при сближеніи непріятеля, приказалъ зажечь богатый замокъ свой тамъ находившійся. 21-го сентября (3-го октября) Милорадовичъ, будучи обойденъ справа частью непріятельскихъ войскъ, двинувшеюся на Богоявленское, отступилъ съ арріергардомъ, составленнымъ изъ 8-го пѣхотнаго корпуса и двухъ егерскихъ полковъ, къ Спасъ-Куплѣ, между-тѣмъ какъ войска 4-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ были отведены на Тарутинскую позицію; вся кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Корфа, осталась при пѣхотѣ 8-го корпуса. Для удержанія непріятеля, продолжавшаго наступать, была поставлена на высотѣ у Спасъ-Купли батарея изъ четырнадцати конныхъ орудій, подъ начальствомъ полковника Захаржевскаго. Непріятель, при выходѣ изъ лѣса на открытое пространство, будучи разстроенъ удачнымъ дѣйствіемъ этой артиллеріи, выставилъ противъ нее батарею изъ восмнадцати орудій, которая открыла огонь на довольно близкомъ разстояніи; но наша артиллерія, подбивъ три орудія и взорвавъ четыре ящика, заставила непріятельскую батарею сняться съ занятаго ею мѣста и отойти назадъ; а потомъ обратила огонь противъ кавалеріи, покушавшейся обойти насъ съ фланга, и, разстроивъ ее мѣткими выстрѣлами, побудила Французовъ скрыться въ лѣсу и отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія. Непріятель потерялъ одними плѣнными десять офицеровъ и полтораста нижнихъ чиновъ (47). На слѣдующій день, Милорадовичъ, снова атакованный у Спасъ-Купли, былъ принужденъ отступить за рѣчку Чернишну (48).

24-го сентября (6-го октября) 8-й пѣхотный и 1-й кавалерійскій корпуса присоединились къ арміи. Арріергардъ Милорадовича, въ которомъ, кромѣ казаковъ, оставались только кавалерійскіе корпуса 2-й (вмѣстѣ съ 3-мъ) и 4-й, расположился, 25-го сентября (7-го октября) между деревнями Глодовою и Деднею ([49]). Число этихъ войскъ, не считая казаковъ, которыхъ сила нигдѣ не показана, простиралось до четырехъ тысячъ человѣкъ ([50]).

Со стороны Французовъ, въ разстояніи четырехъ верстъ отъ войскъ Милорадовича и не далѣе семи отъ фронта главныхъ силъ князя Кутузова, стоялъ съ вечера 4-го октября н. ст. (23-го сентября) на рѣчкѣ Чернишнѣ Мюратъ, съ четырьмя резервными кавалерійскими корпусами, легкою конницею корпусовъ Даву и Нея, войсками Понятовскаго и пѣхотными дивизіями Клапареда и Дюфура, всего въ числѣ 26,500 человѣкъ ([51]). Бессьеръ, находившійся въ это время въ Москвѣ, оставилъ пѣхотную дивизію Фридрихса и баварскую кавалерію, для поддержанія Мюратова авангарда, у Воронова; гвардейская уланская бригада Кольбѐра была расположена между Подольскомъ и Москвою, а гвардейскіе драгуны и конные егеря, стоявшіе на можайской дорогѣ, возвратились въ Москву. Наполеонъ, имѣя въ виду занять войсками большое пространство, для облегченія фуражировокъ, направилъ корпусъ Нея къ Богородску, по владимірской дорогѣ, а дивизію Дельзона, 4-го пѣхотнаго корпуса, къ Дмитрову, на сѣверъ отъ Москвы ([52]).

Въ такомъ расположеніи находились войска обѣихъ сторонъ цѣлыя двѣ недѣли, съ 22-го сентября по 6-е октября (4—18 октября н. ст.). Съ нашей стороны, это время было употреблено съ большою пользою на укомплектованіе и обученіе войскъ, на усиленіе арміи значительными подкрѣпленіями и на партизанскія дѣйствія. Пользуясь выгодами нашего положенія, прикрывая источники

собственныхъ средствъ и находясь въ сосѣдствѣ непріятельскихъ сообщеній, мы имѣли возможность дать главнымъ силамъ нашей арміи совершенный отдыхъ и ограничиться дѣятельностью легкихъ отрядовъ, которые, ускользая отъ встрѣчи съ превосходными силами непріятеля, нападали въ-расплохъ на небольшія части его войскъ, истребляли подвозы, перехватывали курьеровъ его и не упускали ни малѣйшаго случая вредить ему. На всякомъ мѣстѣ находили они усердныхъ сподвижниковъ въ жителяхъ края, которые, будучи ими руководимы и снабжаемы оружіемъ, приносили имъ взаимно большую пользу, служа проводниками, извѣщая о появленіи непріятелей и передавая въ главную квартиру арміи, какъ извѣстія отъ партизановъ, такъ и плѣнныхъ, ими захваченныхъ. Предполагая изложить въ послѣдствіи способъ дѣйствій нашихъ партизановъ и подвиги ими совершенные въ Отечественную войну, ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что, въ продолженіе десяти дней, съ 20-го по 30-е сентября (2—12) октября н. ст.), они взяли въ плѣнъ четырехъ штабъ-офицеровъ, пятьдесятъ пять оберъ-офицеровъ и болѣе трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, истребивъ, по-крайней-мѣрѣ, столько же и потерявъ сами не болѣе двухъ сотъ человѣкъ ([53]). Обложивъ непріятельскую армію въ Москвѣ сѣтью своихъ постовъ, наши партизаны затрудняли Французамъ добываніе съѣстныхъ припасовъ и навели на нихъ такой ужасъ, что они не отваживались фуражировать за пять верстъ отъ своего лагеря, либо рѣшались на дальнія фуражировки не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ отрядовъ, которымъ иногда придавалась артиллерія. Въ такихъ обстоятельствахъ, и безъ того уже изнуренная непріятельская кавалерія пришла въ бѣдственное состояніе: лошади едва держались на ногахъ, гибли, и не было никакой возможности замѣнить ихъ другими. Пѣхота, въ продолженіе московской стоянки, успѣла нѣсколько отдохнуть и уком-

плектоваться людьми вышедшими изъ госпиталей, но лишенная содѣйствія прочихъ родовъ войскъ, хотя еще могла сражаться съ успѣхомъ, однакожь не имѣла средствъ пользоваться побѣдою. Большая Наполеонова армія, въ это время, была ни что иное какъ грозный призракъ. Наполеонъ видѣлъ необходимость оттѣснить Русскихъ отъ своихъ сообщеній, но, въ то же время, сознавалъ невозможность быстрыхъ наступательныхъ дѣйствій, составлявшихъ отличительную черту его образа войны. Отъ геніальной его проницательности не укрылось, что дальнѣйшее наступленіе противъ русской арміи, не представляя вѣроятности одержать блистательные успѣхи, могло усугубить его затрудненія; послѣдствія Бородинской битвы убѣдили его въ томъ, что она была только столкновеніе враждующихъ сторонъ, въ которомъ его армія, одержавъ сомнительную побѣду, сокрушилась о русскую. Послѣ всего этого, возможно ли упрекать Наполеона въ томъ, что онъ остановился въ Москвѣ и не пошелъ далѣе, либо въ томъ, что, по занятіи Москвы, не предпринялъ обратнаго движенія къ Днѣпру? Первое не обѣщало ему никакихъ выгодъ; второе было-бы совершено Наполеономъ, еслибъ онъ обладалъ даромъ предвѣдѣнія, недоступнымъ для смертнаго. Движеніе къ Москвѣ было предпринято имъ не для прочнаго завоеванія нашей столицы, а для побужденія къ миру Императора Александра I-го. Наполеонъ полагалъ, что онъ вѣрнѣе достигнетъ этой цѣли, оставаясь въ грозномъ положеніи на развалинахъ Москвы, нежели выказавъ поспѣшнымъ отступленіемъ свою слабость и возвысивъ тѣмъ самоувѣренность Русскихъ. Походъ 1812 года былъ неудаченъ для Наполеона не потому, чтобы его военныя соображенія были недостойны великаго полководца, а по ошибкѣ его въ политическомъ отношеніи: онъ не оцѣнилъ надлежащимъ образомъ важнѣйшихъ данныхъ — характера Императора Александра I-го и духа русскаго наро-

да, и эта ошибка повлекла за собою гибель Большой арміи. Напрасно упрекаютъ Наполеона въ бездѣйствіи, въ продолженіе пребыванія его въ Москвѣ. Время проведенное имъ тамъ было эпохою величайшей его дѣятельности, и въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія тогдашняя его переписка.

По части снабженія войскъ продовольствіемъ, Наполеонъ находился въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ находившимся тогда въ Вильнѣ герцогомъ Бассáно (Марè), которому порученъ былъ надзоръ за доставкою припасовъ изъ Данцига въ Ковно и Вильну, и далѣе къ арміи. Но какъ перевозка каждаго центнера (двухъ съ половиною пудовъ), только лишь отъ Ковна до Минска, обходилась въ двадцать франковъ (около пяти рублей серебромъ), то Наполеонъ приказалъ герцогу Бассáно покупать муку въ Минскѣ, гдѣ центнеръ ея стоилъ не болѣе шести франковъ (полтора рубля серебромъ). Ему же было предписано заказать въ Вильнѣ, Минскѣ, Варшавѣ и Кёнигсбергѣ ручныя мельницы, по образцу присланныхъ изъ Парижа, на которыхъ можно было перемалывать въ часъ до тридцати фунтовъ хлѣба. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы каждая рота имѣла свою ручную мельницу. Не менѣе заботливости было обращено имъ на устройство магазиновъ, складовъ одежды, аммуниціи и госпитальныхъ припасовъ. Но всѣ мѣры имъ принятыя были безуспѣшны отъ нерадѣнія и корыстолюбія лицъ, имѣвшихъ въ своемъ вѣдѣніи эти запасы ([54]).

Для ремонтированія кавалеріи и артиллеріи, Наполеонъ предписалъ генералъ-интенданту купить четырнадцать тысячъ лошадей. Съ этою же цѣлью генералу Бурсье, посланному въ Вильно, было отпущено четыре милліона франковъ ([55]).

Для укомплектованія артиллеріи людьми, Наполеонъ приказалъ выслать изъ Франціи двадцать двѣ роты, часть которыхъ была назначена для снабженія прислугою орудій въ крѣпостяхъ по Эльбѣ и Одеру, а другая для поле-

вой артиллеріи. Генералъ Ларибуасьèръ получилъ повелѣніе усилить резервную артиллерію корпуса Даву восемью орудіями и возстановить резервную артиллерію въ такомъ видѣ, въ какомъ находилась она при выступленіи изъ Парижа. Обѣ роты гвардейскаго морскаго экипажа (marins de la garde) были снабжены орудіями и зарядными ящиками изъ московскаго арсенала. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы всѣ двѣсти зарядныхъ ящиковъ, найденныхъ въ Москвѣ, были отданы въ армію, гдѣ они могли быть употреблены съ пользою по легкости своей и возимы на крестьянскихъ лошадяхъ (l'on pourra les atteler avec des cognats). Осмотрѣвъ лабораторіи устроенныя въ Москвѣ, Наполеонъ былъ недоволенъ медленностью работъ и изъявилъ желаніе, чтобы ежедневно изготовлялось въ нихъ по шести тысячъ зарядовъ ([56]).

При первомъ извѣстіи о появленіи русскихъ партизановъ на смоленской дорогѣ, были приняты мѣры для обезпеченія сообщеній Большой арміи. Жюнò, стоявшій въ Можайскѣ, генералъ Барагè-д'Ильè въ Вязьмѣ и смоленскій комендантъ получили приказанія, чтобы отправляемые ими транспорты двигались и располагались на отдыхъ въ порядкѣ и съ соблюденіемъ предосторожностей отъ нечаяннаго нападенія. Обозы, отправляемые изъ Смоленска въ армію, долженствовали имѣть прикрытіе не менѣе полуторы тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ штабъ-офицера ([57]). Маршалу Виктору было приказано задерживать въ Смоленскѣ всѣ подходящіе къ сему пункту, для дальнѣйшаго слѣдованія къ арміи, отряды и обозы. Собранная такимъ образомъ дивизія, въ числѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ человѣкъ, съ двѣнадцатью орудіями и съ десяти-дневнымъ количествомъ провіанта, долженствовала состоять подъ начальствомъ генерала Барагè-д'Ильè и подъ прикрытіемъ ея надлежало отправить къ войскамъ всѣ принадлежащіе имъ обозы, собранные въ Смоленскѣ. Въ послѣдствіи могли быть отправляемы къ арміи такія же

колонны. Всѣ онѣ должны были слѣдовать по путямъ открытымъ въ параллельномъ направленіи къ старой смоленской дорогѣ, въ разстояніи отъ нея отъ восьми до двѣнадцати верстъ (á deux ou trois lieues), гдѣ сохранились селенія и другое жилье. По старой же дорогѣ приказано было посылать только почты, курьеровъ, офицеровъ по дѣламъ службы и все то, что требовало поспѣшной доставки, какъ наприм. ручныя мельницы заказанныя въ Парижѣ ([58]).

Въ первыхъ числахъ октября (н. ст.), Наполеонъ, призвавъ къ себѣ генералъ-интенданта, сказалъ ему: „Желая сохранить возможность выбора пути дѣйствій, хочу знать, сколько нужно сутокъ для окончательнаго очищенія госпиталей?“ —Дюма́ отвѣчалъ, что нужно не менѣе сорока пяти дней.— „Это слишкомъ много; ваши разсчеты преувеличены;—продолжалъ Наполеонъ:—изъ опыта извѣстно, что черезъ три мѣсяца послѣ сраженія не остается въ госпиталяхъ и шестой части раненыхъ. Раздѣлите всѣхъ раненыхъ на два разряда: въ первомъ помѣстите всѣхъ тѣхъ, которые черезъ мѣсяцъ будутъ въ состояніи идти пѣшкомъ, и тяжело-раненыхъ, которые не могутъ снести перевозки, а во второмъ—всѣхъ прочихъ. О первыхъ заботиться вамъ нечего, и потому обратите все свое вниманіе на вывозъ остальныхъ. Вы увидите, что вашъ разсчетъ сократится и мы выиграемъ драгоцѣнное время“([59]).

Всѣ эти и многія другія распоряженія Наполеона по военной части не могли удовлетворить его кипучей дѣятельности: изъ главной квартиры его въ Москвѣ ежедневно отправлялись во Францію и другія подвластныя ему земли декреты о усиленіи его арміи новыми подкрѣпленіями, при чемъ императоръ Французовъ изъявлялъ желаніе, чтобы въ офиціальныхъ извѣстіяхъ, печатаемыхъ въ газетахъ, число этихъ подкрѣпленій было показываемо вдвое болѣе настоящаго. Другіе декреты его относились къ мно-

горазличнымъ предметамъ; Наполеонъ, въ продолженіе своего пребыванія въ Москвѣ, нашелъ время даже для постановленія о парижскихъ театрахъ, вѣроятно желая тѣмъ выказать многосторонность своихъ занятій, либо считая сей предметъ особенно важнымъ для парижанъ. Въ самой Москвѣ, по приказанію Наполеона, были учреждены два театра, въ Кремлѣ и въ одномъ изъ частныхъ домовъ, но самъ онъ не былъ ни въ одномъ изъ нихъ ни разу: все время его отдыха отъ кабинетныхъ занятій проходило въ смотрахъ войскъ и въ прогулкахъ по городу. И вообще театры были пусты. Быть-можетъ — хлѣбъ и зрѣлища всего нужнѣе для Французовъ, но какъ хлѣба не было, то не было охотниковъ и до зрѣлищъ (60).

Чѣмъ долѣе Наполеонъ оставался въ Москвѣ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что занятіе войсками его нашей столицы не могло побудить Русскихъ къ миру. Мало-по-малу, умѣренность, возбужденная въ Наполеонѣ ослабленіемъ его арміи, уступила мѣсто злобѣ противъ Императора Александра I-го. Желая уничтожить вліяніе Манифестовъ нашего Государя, Наполеонъ, съ своей стороны, сталъ издавать воззванія, которыми нетолько приглашалъ подмосковныхъ крестьянъ обратиться къ мирнымъ занятіямъ, подъ его покровительствомъ, но призывалъ Русскихъ соединиться съ нимъ! Нѣкоторые изъ жителей Москвы, застигнутые непріятелемъ, были склоняемы обѣщаніями щедрой награды идти въ нашу армію вывѣдать все до ней касающееся, распустить слухи, что въ Москвѣ много сохранилось хлѣба и что Французы намѣрены тамъ зимовать, и возвратиться съ собранными свѣдѣніями (61). Говорятъ, будтобы Наполеонъ, желая подорвать государственный кредитъ нашего правительства, пустилъ въ ходъ большое количество фальшивыхъ русскихъ ассигнацій, но это обвиненіе не основано ни на какомъ достовѣрномъ свидѣтельствѣ (62).

Проходили дни, недѣли, а со стороны Русскихъ не было замѣтно ни малѣйшей готовности къ открытію мирныхъ переговоровъ. Положеніе Наполеоновой арміи съ каждымъ днемъ дѣлалось болѣе затруднительно. Преслѣдовать русскую армію далѣе—значило подвергать собственныя войска новымъ трудамъ и лишеніямъ, и къ тому же, едва-лишь непріятели провели нѣсколько дней въ Москвѣ, какъ наступила осень; проливные дожди и холодныя ночи были истиннымъ бѣдствіемъ для Французовъ. О зимовкѣ въ Москвѣ никто не смѣлъ и думать. Легко было предвидѣть, что Наполеонова армія, въ такомъ случаѣ, подверглась бы опасности быть обложенною со всѣхъ сторонъ русскими войсками. Вѣрнѣйшее средство для избѣжанія этой опасности состояло въ отступленіи къ Нѣману и Бугу. Но Наполеонъ тогда еще не столько думалъ о спасеніи своихъ легіоновъ, сколько объ окончаніи труднаго похода такимъ образомъ, который не обнаружилъ-бы предъ лицомъ Европы неудачу его предпріятія противъ Россіи. Не разъ уже удавалось ему, пользуясь недальновидностью либо робостью своихъ противниковъ, выходить изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Наполеонъ надѣялся, что и въ настоящемъ случаѣ Фортуна по-прежнему будетъ снисходительна къ ошибкамъ Генія.

ГЛАВА XXVIII.

Лагерь при Тарутинѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вооруженія Россіи.—Тарутинскій лагерь.—Расположеніе русской арміи.—Число нашихъ войскъ при вступленіи въ Тарутинскій лагерь.—Мѣры, принятыя для прекращенія безпорядковъ въ арміи.—Состояніе нашихъ войскъ.—Виды князя Кутузова.—Образъ дѣйствій имъ принятый.—Распредѣленіе партизанскихъ отрядовъ во кругъ Москвы.

Характеръ дѣйствій русскихъ партизановъ.—Дѣйствія нашихъ партизановъ въ продолженіе отступленія Кутузова къ Тарутину и пребыванія главныхъ силъ въ Тарутинскомъ лагерѣ.—Истребленіе Дороховымъ двухъ эскадроновъ французскихъ гвардейскихъ драгунъ.—Пораженіе непріятельскаго отряда Ефремовымъ.—Дѣйствія Давыдова въ окрестностяхъ Вязьмы.—Дѣйствія Фигнера въ окрестностяхъ Москвы.—Нѣкоторыя изъ его донесеній.—Черты изъ его боевой жизни.—Пораженіе княземъ Кудашевымъ сильнаго непріятельскаго отряда.—Взятіе Дороховымъ Верейи.

Послѣдствія партизанскихъ дѣйствій.—Положеніе непріятельской арміи.—Наполеонъ предлагаетъ миръ.—Свиданіе Кутузова съ Лористономъ.—Неудовольствіе Государя.—Мѣры, принятыя Наполеономъ на случай выступленія изъ Москвы.

Между-тѣмъ какъ Наполеонъ истощалъ средства западной Европы для покоренія Россіи волѣ своей, Императоръ Александръ I-й, руководя силами русскаго народа, устремлялъ ихъ на противодѣйствіе врагу, дотолѣ непобѣдимому. Современники и потомство уже отдали должную справедливость рѣшимости великодушнаго Монарха, гласно выраженной Имъ тогда, когда раболѣпство угнетенныхъ народовъ къ Наполеону и „великой націи“ не имѣли предѣловъ. Но не менѣе удивленія и благодарности достойна предусмотрительность нашего Государя

въ приготовленіи средствъ къ успѣшному веденію войны. Россія богата силами, но своевременное соединеніе ихъ на театрѣ дѣйствій, по обширности владѣній нашего Отечества и по недостатку удобныхъ путей, всегда было сопряжено съ большими затрудненіями. Всякая мѣра, клонившаяся къ усиленію, либо къ снабженію запасами арміи, долженствовала быть принята гораздо ранѣе, нежели могли обнаружиться ея послѣдствія. Императоръ Александръ I долго готовился къ войнѣ съ Наполеономъ, а съ перваго шага непріятелей на русскую землю, удвоилъ дѣятельность Своихъ приготовленій. Немедленно были приняты мѣры для укомплектованія Западныхъ армій новобранцами изъ рекрутскихъ депо; Молдавская армія двинулась на Волынь; приступлено къ образованію сильныхъ резервовъ; обнародованъ Манифестъ объ ополченіи въ шестнадцати губерніяхъ ближайшихъ къ театру войны; составлены правила для приготовленія оружія въ значительномъ размѣрѣ на тульскомъ и прочихъ заводахъ и выписано большое количество ружей изъ Англіи. Народъ отозвался на призывъ своего Монарха. Всѣ спѣшили стать въ ряды арміи, и даже дряхлые старцы порывались принять участіе въ святомъ дѣлѣ защиты Россіи. Распоряженія Правительства исполнялись съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Оставаться въ бездѣйствіи при общемъ вооруженіи всѣхъ Русскихъ—считалось позоромъ.

Послѣдствія такого настроенія умовъ были огромны. Формированіе резервовъ шло весьма быстро: пѣхотные резервы формировались генераломъ-отъ-инфантеріи княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ ([1]) и генералъ-лейтенантомъ Клейнмихелемъ ([2]). Резервные баталіоны и эскадроны, сформированные генераломъ Милорадовичемъ между Москвою и Калугою, поступили (какъ уже сказано), на укомплектованіе арміи, передъ сраженіемъ при Бородинѣ; по занятіи же Москвы непріятелемъ, формированіе резерв-

ныхъ баталіоновъ продолжалось въ Калугѣ генералъ-маіоромъ Ушаковымъ ([3]). Впослѣдствіи, когда полки, сформированные княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и генераломъ Клейнмихелемъ, также поступили осенью на укомплектованіе главной дѣйтвующей арміи, Высочайше повелѣно было князю Лобанову сформировать въ Арзамасѣ 39 пѣхотныхъ и 28 егерскихъ баталіоновъ, а генералу Клейнмихелю, въ Ярославлѣ, по одному баталіону для каждаго изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ и двѣнадцать баталіоновъ (восемь пѣхотныхъ и четыре егерскихъ) для полковъ 5-й и 14-й дивизій корпуса графа Витгенштейна. Генералъ-маіоръ Башуцкій формировалъ въ Петербургѣ шесть баталіоновъ для гвардіи, подъ надзоромъ Его Высочества Великаго Князя Константина Павловича, и восмнадцать для 6-й, 21-й и 25-й дивизій Финляндскаго корпуса. Кавалерійскіе резервы формировались въ Муромѣ подъ наблюденіемъ начальника ополченія 3-го округа, генералъ-лейтенанта графа Толстаго; а потомъ, когда ему повелѣно было выступить съ нижегородскимъ ополченіемъ во Владиміръ, образованіе девяноста четырехъ резервныхъ эскадроновъ, по два для каждаго изъ сорока семи армейскихъ кавалерійскихъ полковъ дѣйствующей арміи, и пять резервовъ (каждый въ два эскадрона) для гвардіи, было поручено генералу-отъ-кавалеріи Кологривову. Гвардейскіе кавалерійскіе резервы, по два эскадрона для каждаго полка, и шесть орудій конной артиллеріи формировались въ Петербургѣ подъ надзоромъ Его Высочества Великаго Князя Константина Павловича ([4]). Артиллерійскія резервныя роты въ Нижнемъ-Новгородѣ генералъ-маіоромъ Ильинымъ, а также въ Петербургѣ, Костромѣ и Тамбовѣ; число нижнихъ чиновъ въ этихъ ротахъ простиралось до десяти тысячъ ([5]). Вообще людей было довольно, но формированіе войскъ затруднялось недостаткомъ въ оружіи, аммуниціи и обозахъ. Весьма боль-

*

шія препятствія встрѣчало образованіе кавалерійскихъ резервовъ отъ дороговизны и даже совершеннаго неимѣнія строевыхъ лошадей (6), и сѣделъ. Ополченіе производилось весьма успѣшно. Начальникъ ополченія 2-го Округа, генералъ-лейтенантъ Меллеръ-Закомельскій получилъ повелѣніе отправить въ началѣ сентября на усиленіе корпуса графа Витгенштейна пятнадцать с.-петербургскихъ дружинъ съ приданными къ нимъ четырьмя батальонами, восемью эскадронами и двумя легкими артиллерійскими ротами (7). Вслѣдъ за тѣмъ — повелѣно ему же выслать отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ новгородскаго ополченія также въ корпусъ Витгенштейна (8). Ополченіе 1-го Округа, состоявшее въ непосредственномъ распоряженіи князя Кутузова, было употреблено имъ для охраненія подмосковныхъ губерній отъ набѣговъ непріятеля: съ этою цѣлью, тверское ополченіе частью вошло въ составъ войскъ генерала Винцингероде, частью расположилось между Клиномъ и Тверью; ярославское на пути изъ Москвы въ Ярославль, у Переяславля-Залѣсскаго; владимірское, на пути во Владиміръ, у Покрова; рязанское, находясь у Коломны и Егорьевска, прикрывало рязанскую и касимовскую дороги; тульское стояло отъ Каширы до Алексина; калужское частью по границѣ своей губерніи съ московскою и смоленскою, частью, съ придачею регулярныхъ войскъ и артиллеріи, у Брянска, для прикрытія этого пункта; смоленское и московское ополченія по прежнему находились при арміи. Начальнику черниговскаго ополченія предписано содѣйствовать калужскому отряду, посланному къ Брянску (9). Ополченіе 3-го Округа могло въ непродолжительномъ времени быть готово къ выступленію (10). Отъ казачьихъ войскъ были выставлены многіе полки, двигавшіеся въ помощь главной дѣйствующей арміи; изъ числа ихъ донскіе полки уже стали подходить къ мѣсту ея расположенія, и потому были посланы офице-

ры на встрѣчу симъ полкамъ, для вѣрнѣйшаго препровожденія ихъ къ арміи. Чтобы направить всѣ эти силы къ достиженію общей цѣли и снабдить ихъ всѣми средствами для веденія войны, необходима была необыкновенная дѣятельность главнаго распорядителя нашихъ дѣйствій— Императора Александра I-го. Собственноручная переписка Его въ войну 1812 года, какъ памятникъ великаго подвига, Имъ совершеннаго, служитъ свидѣтельствомъ, что ни одно изъ распоряженій относившихся къ военнымъ силамъ и средствамъ, не ускользало отъ Его внимательности. Не ограничиваясь повелѣніями важнѣйшимъ сановникамъ Имперіи и главнокомандующимъ арміями, Онъ велъ собственноручно переписку съ начальниками резервовъ и ополченій, директорами оружейныхъ заводовъ, гражданскими губернаторами, и проч. При множествѣ двигателей вооруженія необъятной Россіи, не всегда между ними существовало единодушіе, необходимое къ достиженію общей цѣли. Снисходя съ неземною благостью къ недостаткамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сподвижниковъ, Императоръ Александръ пользовался ихъ способностями на пользу Отечества, поручалъ имъ обязанности сообразныя съ дарованіемъ каждаго и рѣдко ошибался въ выборѣ людей, Имъ Самимъ сдѣланномъ.

По отступленіи русской арміи къ Тарутину, военныя силы и средства нашего Отечества сосредоточивались на этомъ пунктѣ. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что расположеніе при Тарутинѣ не представляло намъ никакихъ выгодъ въ тактическомъ отношеніи. Рѣка Нара, прикрывавшая съ фронта нашъ лагерь, имѣетъ въ этомъ мѣстѣ ширину отъ пятнадцати до двадцати саженъ, а глубину около полсажени. Русло рѣки, бо́льшею частью болотисто; берега не высоки, но круты. Лѣвый флангъ лагеря примыкалъ къ обширному лѣсу, что́ подвергало насъ внезап-

ному обходу, и потому для прикрытія лагеря съ этой стороны были устроены засѣки; а для усиленія фронта арміи сооружено нѣсколько флешей. На этой позиціи войска были расположены слѣдующимъ образомъ: 2-й и 6-й пѣхотные корпуса стояли въ развернутомъ фронтѣ, въ двѣ линіи, на гребнѣ высотъ праваго берега Нары, въ разстояніи отъ рѣки около восьмисотъ шаговъ. За ними, въ тысячѣ шагахъ, были построены, въ колоннахъ къ атакѣ, также въ двѣ линіи, 4-й, 5-й, 3-й и 7-й пѣхотные корпуса. Правѣе и нѣсколько позади 4-го пѣхотнаго корпуса, образуя съ нимъ исходящій уголъ, стоялъ въ двѣ линіи 1-й кавалерійскій корпусъ; въ резервѣ, за центромъ, находился 8-й пѣхотный корпусъ въ баталіонныхъ колоннахъ. Еще болѣе сзади — 2-я кирасирская дивизія (1-я кирасирская дивизія, для лучшаго сбереженія ея, была размѣщена по селеніямъ). За 2-ю кирасирскою дивизіею — резервная артиллерія. Полковникъ Гогель съ пятью егерскими полками ([11]) стоялъ въ большомъ лѣсу на лѣвомъ флангѣ, а полковникъ Потемкинъ съ двумя егерскими полками ([12]) въ лѣсу на правомъ флангѣ. Главная квартира сперва находилась въ деревнѣ Тарпищевой, противъ Тарутина, а потомъ въ Леташевкѣ, небольшомъ селеніи, въ пяти верстахъ позади позиціи. 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса, подъ начальствомъ Милорадовича, составляли авангардъ, расположенный, какъ уже сказано, между деревнями Глодовою и Дедnею, въ четырехъ верстахъ отъ лагеря главныхъ силъ ([13]).

При вступленіи русской арміи въ Тарутинскій лагерь, она считала въ рядахъ своихъ 2,379 штабъ и оберъ-офицеровъ и 83,260 нижнихъ чиновъ, съ 622-мя орудіями; въ числѣ рядовыхъ находились 15,530 ратниковъ ополченія частью вооруженнаго пиками и 7,690 рекрутъ, слѣдовательно регулярныхъ войскъ было до шестидесяти тысячъ человѣкъ.

Вообще число нижнихъ чиновъ было:

пѣхоты	63,238 ч.
кавалеріи	10,212 „
артиллеріи	8,680 „
піонеры, понтонёры, гвардейскій экипажъ	1, 130 ч.

Кромѣ того, нераспредѣленныхъ по полкамъ ратниковъ рязанскаго ополченія до 3,300 чел. (14).

До отступленія Кутузова въ Тарутинскій лагерь, Наполеонъ держалъ бо́льшую часть своей арміи въ совокупности близъ Москвы. Но коль-скоро онъ убѣдился въ томъ, что Русскіе не имѣли намѣренія дѣйствовать наступательно, то, имѣя въ виду занять обширнѣйшее пространство и воспользоваться его средствами для продовольствованія своихъ войскъ, приказалъ корпусу Нея двинуться къ Богородску, а дивизіи Дельзона (корпуса Вице-короля къ Дмитрову (15).

По занятіи Тарутинскаго лагеря, главными предметами заботливости князя Кутузова были укомплектованіе, обученіе и снабженіе всѣмъ нужнымъ ввѣренной ему арміи. Въ продолженіе трехъ-недѣльной стоянки у Тарутина, общее усердіе, восполняя недостатокъ времени, содѣйствовало обращенію неопытныхъ рекрутъ въ довольно молодцоватыхъ солдатъ, обученныхъ стрѣльбѣ въ цѣль и необходимѣйшимъ построеніямъ. Продолжительное, исполненное трудовъ и лишеній, отступленіе русскихъ армій отъ границъ внутрь Имперіи и тяжкое оставленіе Москвы имѣли послѣдствіями бродяжничество и мародёрство. Императоръ Александръ I, узнавъ о томъ изъ донесенія князя Кутузова, повелѣлъ ему принять самыя строжайшія мѣры къ прекращенію сихъ безпорядковъ. „По благости Всевышняго—писалъ Государь—россійское воинство преисполнено почтеніемъ къ вѣрѣ и закону Божіему“. Основываясь на томъ, были препровождены къ главнокомандующему Высочайшій приказъ и клятвенное обѣщаніе, коимъ нижніе

чины обязывались „не отлучаться отъ команды и не грабить“. Вмѣстѣ съ тѣмъ—разрѣшено было Фельдмаршалу не приводить къ сей присягѣ войскъ, если онъ найдетъ это не нужнымъ, а отдать по всѣмъ арміямъ Высочайшій приказъ, въ которомъ Государь напоминалъ воинамъ, защитникамъ Отечества, ихъ священныя обязанности и предписывалъ всѣмъ начальникамъ строжайше смотрѣть за ввѣренными имъ частями. Кутузовъ ограничился отданіемъ Высочайшаго Приказа. Безпорядки, вкравшіеся въ войска, были прекращены строгою дисциплиною и правильною раздачею провіанта ([16]). Съ различныхъ сторонъ къ Тарутину стекались обозы, удовлетворявшіе съ избыткомъ потребностямъ нашихъ воиновъ. Хозяева, отправляя припасы для продажи въ лагерѣ, приказывали своимъ прикащикамъ „не брать лишняго“. Огромныя пожертвованія, доставленныя жителями подмосковныхъ и южныхъ губерній, способствовали отпускать почти ежедневно въ войска мясную и винную порціи. Еще 27-го августа, Императоръ Александръ повелѣлъ внести, въ тотъ же день, на обсужденіе въ Комитетъ Министровъ „о предстоящей надобности овчинныхъ шубъ для арміи“ ([17]). Фельдмаршалъ, предвидя, что намъ придется воевать зимою, приказалъ дежурному генералу Коновницыну, въ первый же день по вступленіи арміи въ Тарутинскій лагерь, написать ко всѣмъ начальникамъ ближайшихъ губерній о заготовленіи полушубковъ для нижнихъ чиновъ. Спокойствіе и изобиліе во всемъ нужномъ возвысили духъ войска и разсѣяли уныніе, бывшее слѣдствіемъ оставленія Москвы. По вечерамъ передъ зарею во всѣхъ полкахъ играла музыка и раздавались звуки удалыхъ русскихъ пѣсень. Множество крестьянъ, возбужденныхъ желаніемъ навѣстить родныхъ, либо участіемъ къ защитникамъ родины, приходили въ лагерь. Фельдмаршалъ, желая сообщить войнѣ съ Французами характеръ народной борьбы, нерѣдко бесѣдовалъ съ поселянами, утѣшалъ ихъ

надеждою скораго торжества надъ врагами и дарилъ оружіе тѣмъ изъ нихъ, которые изъявляли готовность истреблять непріятеля. Въ Тарутинѣ, будучи встрѣченъ депутатами, съ хлѣбомъ и солью, отъ калужскихъ гражданъ, Кутузовъ принялъ ихъ весьма ласково, и чтобы разсѣять опасенія Калужанъ, по случаю сближенія военныхъ дѣйствій къ ихъ городу, писалъ къ калужскому градскому головѣ Торубаеву, благодаря его за изъявленное имъ усердіе и увѣряя, что „городъ Калуга есть и будетъ въ совершенной безопасности“ ([18]).

Фельдмаршалъ, сколько можно судить изъ всѣхъ дѣйствій его въ это время, имѣлъ намѣреніе оставаться въ Тарутинскомъ лагерѣ, не предпринимая рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля занимавшаго Москву. Впослѣдствіи — онъ объяснялъ свои виды слѣдующимъ образомъ: „J'avais besoin de rester sur place pour organiser l'armée et pour ne pas trop inquieter Napoléon. Cette position en valait bien une autre. D'ailleurs j'étais presque sûr qu'il ne viendrait pas se casser le nez contre elle...... Tous les jours que nous sommes restés sur cette position étaient des jours d'or pour moi et pour l'armée et nous en avons profité.“ (Мнѣ было нужно оставаться на мѣстѣ для переобразованія арміи и для того, чтобы не слишкомъ возбудить опасенія Наполеона. Эта позиція имѣла свои выгоды. Къ тому же я почти былъ увѣренъ, что онъ не отважится атаковать ее..... Каждый день, проведенный нами на этой позиціи, былъ дорогъ для меня и для нашей арміи, и мы воспользовались временемъ) ([19]). Разсчетъ стараго полководца былъ вѣренъ: съ каждымъ днемъ русская армія усиливалась, а непріятельская ослаблялась. За чѣмъ было предоставлять случайному успѣху боя участь войны въ такихъ обстоятельствахъ, когда выигрышъ времени, безъ всякаго усилія съ нашей стороны, могъ доставить намъ несомнѣнный перевѣсъ надъ противникомъ? Но фельдмаршалъ не ограничился бездѣйствіемъ, а напро-

тивъ того, изъ всѣхъ способовъ нанесенія вреда непрія-телю избралъ самый вѣрный. Французская армія, несмотря на понесенныя ею потери, находясь подъ начальствомъ геніяльнаго вождя, могла одерживать побѣды въ рѣши-тельныхъ сраженіяхъ, но была менѣе способна къ дѣйстві-ямъ малой войны, по недостаточному знанію мѣстности театра войны и по неимѣнію иррегулярныхъ войскъ, подоб-ныхъ нашимъ казакамъ. Фельдмаршалъ, сообразивъ эти обстоятельства и убѣдясь въ пользѣ партизанскихъ нале-товъ на опытѣ, изъ дѣйствій Давыдова, Дорохова и ка-зачьихъ полковъ оставленныхъ въ тылу арміи, при флан-говомъ движеніи ея на калужскую дорогу, поручилъ нѣ-сколькимъ отважнымъ офицерамъ небольшіе отряды, соста-вленные изъ легкихъ войскъ и долженствовавшіе дѣйство-вать на всѣхъ путяхъ ведущихъ къ Москвѣ. Подполковникъ Давыдовъ былъ посланъ на пространство между Можай-скомъ и Вязьмою; полковникъ князь Вадбольскій, съ Ма-ріупольскимъ гусарскимъ полкомъ и нѣсколькими казачьими сотнями, дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Можайска; пору-чикъ фонъ-Визинъ съ казачьею партіею на боровской до-рогѣ; капитанъ Сеславинъ между Боровскомъ и Москвою; артиллеріи капитанъ Фигнеръ, съ небольшою командою изъ Ахтырскихъ гусаръ, Польскихъ и Литовскихъ уланъ, Харь-ковскихъ драгунъ и казаковъ 2-го Бугскаго полка, истре-блялъ непріятелей въ окрестностяхъ Москвы; полковникъ князь Кудашевъ, съ казачьими полками Жирова и Хари-тонова, дѣйствовалъ на серпуховской дорогѣ; полковникъ Ефремовъ на рязанской дорогѣ: такимъ образомъ летучіе отряды, высланные отъ главныхъ нашихъ силъ, занимали все пространство къ югу отъ Москвы, между Вязьмою и Бронницами. Генералъ-адъютантъ Винцингероде, тогда стоявшій у Клина, высылалъ съ своей стороны партизановъ: вправо у Волоколамска, стоялъ флигель-адъютантъ пол-ковникъ Бенкендорфъ съ лейбъ-казачьимъ полкомъ; у Рузы

маіоръ Прендель, съ двумя казачьими сотнями, и въ окрестностяхъ Можайска — Войска Донскаго подполковникъ Чернозубовъ съ своимъ полкомъ, а влѣво отъ Клина дѣйствовали казачьи отряды на дмитровской и ярославской дорогахъ; послѣднюю охранялъ войсковой старшина Побѣдновъ съ казачьимъ Денисова 7-го полкомъ. 22-го сентября, (4-го октября) маіоръ Фиглевъ, съ 5-ю конною сотнею тверскаго ополченія и сотнею казаковъ, былъ посланъ въ Воскресенскъ, для сохраненія связи между отрядомъ стоявшимъ въ Волоколамскѣ и авангардомъ корпуса Винцингероде, состоявшимъ подъ командою генералъ-маіора Иловайскаго 12-го ([20]).

Такимъ образомъ Наполеонова армія была обложена въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ нашими партизанскими отрядами, которые, весьма часто находясь въ тылу непріятеля, не имѣли сообщенія не только съ главными силами арміи, но и съ другими отрядами. Предоставленные самостоятельному дѣйствію, русскіе партизаны должны были прибѣгнуть къ особеннымъ мѣрамъ предосторожности: двигаться, бо̀льшею частью, ночью, по проселочнымъ дорогамъ, либо даже по тропинкамъ, безъ шуму; переходить быстро съ одного мѣста на другое; располагаться на отдыхъ въ лѣсахъ и оврагахъ, безъ передовыхъ постовъ. Никто, кромѣ начальника отряда, не зналъ — куда идетъ онъ и съ какою цѣлью дѣйствуетъ. Получивъ свѣдѣніе отъ крестьянъ или отъ разъѣздовъ, о сближеніи непріятеля, либо о расположеніи его въ сосѣдствѣ отряда, партизанскій начальникъ отправлялся съ нѣсколькими офицерами и казаками на рекогносцировку, старался высмотрѣть окрестную мѣстность и силу противника, и возвратясь къ своимъ, принималъ мѣры для нападенія, либо, если непріятель былъ не по силамъ, давалъ знать о томъ ближайшимъ изъ нашихъ отрядовъ, а иногда и въ главную квартиру. Извѣстія доставлялись, чрезъ офицеровъ, либо крестьянами, которые являлись изъ лѣсовъ и

другихъ убѣжищъ къ партизанамъ, служили имъ проводниками, передавали свѣдѣнія отъ нихъ къ арміи и вооружались, для содѣйствія имъ, получивъ отбитое у непріятеля оружіе. Нападеніе на непріятеля обыкновенно производилось неожиданно, быстро, съ различныхъ сторонъ. Ежели партизаны имѣли возможность доставить захваченныхъ ими плѣнныхъ въ главную квартиру, то отсылали ихъ подъ конвоемъ изъ казаковъ и поселянъ; если же, по значительному отдаленію, или по малочисленности отряда, препровожденіе плѣнныхъ къ арміи оказывалось невозможнымъ, то иногда ихъ истребляли. Справедливость требуетъ сознаться въ томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ партизановъ (и въ особенности Фигнеръ), поступали весьма немилосердно не только съ сопротивлявшимися имъ непріятелями, но и съ плѣнными, предавая ихъ мщенію ожесточенныхъ крестьянъ, которые убивали ихъ безъ пощады (21).

Въ продолженіе кратковременнаго пребыванія русской арміи подъ Тарутинымъ, дѣйствія нашихъ партизановъ оказали весьма важное вліяніе на ходъ войны. Мы уже имѣли случай упомянуть объ успѣхахъ одержанныхъ небольшимъ отрядомъ подполковника Давыдова и о взрывѣ парка на можайской дорогѣ отрядомъ генералъ-маіора Дорохова. Вслѣдъ за тѣмъ движеніе значительнаго отряда Сенъ-Сюльписа отъ Москвы и четырехъ тысячъ пѣхоты отъ Смоленска къ Можайску, заставило Дорохова отойти къ боровской дорогѣ, но это не помѣшало ему истребить еще 20 зарядныхъ ящиковъ, захватить до ста человѣкъ въ плѣнъ, поймать двухъ курьеровъ съ важными депешами и отбить нѣсколько пудовъ церковнаго серебра. Два дня спустя, онъ заманилъ въ засаду два эскадрона французскихъ гвардейскихъ драгунъ и, окруживъ ихъ тремя эскадронами лейбъ-драгунъ и двумя Елисаветградскихъ гусаръ, съ содѣйствіемъ казаковъ, совершенно разсѣялъ непріятельскій отрядъ и взялъ въ плѣнъ 190 человѣкъ. Съ на-

шей стороны, въ этомъ дѣлѣ, убито и ранено 25 человѣкъ; въ числѣ смертельно раненыхъ были полковники Сиверсъ и Хилковъ. Въ продолженіе четырехъ дней, съ 9-го по 13-е сентября, генералъ Дороховъ успѣлъ захватить около тысячи плѣнныхъ, и въ томъ числѣ сорокъ восемь офицеровъ ([22]).

Полковникъ Донскаго Войска Ефремовъ, стоявшій съ полками казачьимъ Андреянова 2-го и Симферопольскимъ татарскимъ, на рязанской дорогѣ, разбилъ непріятеля 14-го (26) сентября, у селенія Вишнякова, между рязанскою и каширскою дорогами, и взялъ въ плѣнъ пятьсотъ человѣкъ ([23]).

Первоначальные успѣхи партизанскихъ дѣйствій Давыдова обратили на него вниманіе главнокомандующаго, который приказалъ усилить его отрядъ двумя казачьими полками. Получивъ, 12-го (24) сентября, въ подкрѣпленіе 1-й Бугскій и 1-й Тептярскій полки, Давыдовъ съ 360-ю всадниками выступилъ изъ Юхнова (куда онъ перешелъ еще 8-го сентября) къ Вязьмѣ и 16 (28), въ виду этого города, атаковалъ и разбилъ сильный непріятельскій отрядъ, прикрывавшій транспортъ съ фуражемъ и артиллерійскими снарядами. Французы потеряли въ этомъ дѣлѣ убитыми до двухъ сотъ пятидесяти и плѣнными до полутораста человѣкъ. Бо̀льшая часть припасовъ, по невозможности ихъ увезти на изнуренныхъ лошадяхъ, была сожжена, а лошади и отбитое оружіе розданы крестьянамъ. 18-го (30-го) сентября, захвачено Тептярскимъ полкомъ сто двадцать пять плѣнныхъ и положено на мѣстѣ сто человѣкъ, потому-что Давыдовъ, не имѣя возможности обременять свой отрядъ препровожденіемъ плѣнныхъ, приказалъ „брать ихъ какъ можно менѣе". 19 (1 октября), получивъ свѣдѣніе о расположеніи между Вязьмою и Семлевымъ, въ селѣ Юреневѣ, трехъ сотъ русскихъ плѣнныхъ и артиллерійскаго парка, Давыдовъ отправился туда, имѣя въ виду освободить сво-

нхъ и овладѣть паркомъ, но въ предшествовавшую ночь плѣнные были уведены по дорогобужской дорогѣ, а въ Юреневѣ стояли три непріятельскихъ баталіона (два польскихъ и одинъ вестфальскій). Давыдовъ, не зная о томъ, атаковалъ на разсвѣтѣ несравненно сильнѣйшаго непріятеля и послѣ упорнаго боя, продолжавшагося два часа, взорвалъ всѣ палубы съ зарядами, истребилъ часть прикрытія и взялъ въ плѣнъ до ста сорока человѣкъ. Болѣе ста солдатъ, засѣвшихъ въ деревнѣ и не хотѣвшихъ сдаться нашимъ партизанамъ, были сожжены вмѣстѣ съ сараями, въ которыхъ они укрывались ([24]).

Капитанъ Фигнеръ, отъ всей души ненавидя Наполеона, готовился къ смерти съ самаго начала Отечественной войны, ежедневно ходилъ по церквамъ и молился со слезами. По занятіи непріятелемъ Москвы, онъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, отправился туда, въ продолженіе дня ходилъ по городу, переодѣтый то во фракѣ, то въ крестьянской сермягѣ, пробирался въ домы занятые Французами и вывѣдывалъ, что̀ было нужно; а ночью, вооруживъ нѣсколько жителей, истреблялъ непріятелей, и — какъ говорятъ — искалъ случая убить самого Наполеона. Когда же открылись партизанскія дѣйствія, Кутузовъ послалъ его съ небольшимъ отрядомъ въ тылъ Французской арміи.

Въ первомъ донесеніи капитана Фигнера, о дѣйствіяхъ ввѣреннаго ему отряда, сказано: „О причиненномъ непріятелю вредѣ донести честь имѣю слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблено все продовольствіе; 2) въ селахъ лежащихъ между тульскою и звенигородскою дорогами побито до 400 человѣкъ; 3) на можайской дорогѣ взорванъ паркъ: шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а восмнадцать ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащіе, взорваны. При орудіяхъ взяты: полковникъ, четыре офицера и пятьдесятъ восемь рядовыхъ. Убито: офицеровъ три и великое число рядовыхъ.“

„Невзирая на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ, отъ чего въ самыя мрачныя ночи, въ лѣсахъ едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ непріятелю гибельны. Перенося равнодушно голодъ и стужу, презирая опасность среди многочисленнаго непріятеля, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ“ ...(25).

За тѣмъ—въ слѣдующей запискѣ о дѣйствіяхъ своего отряда, капитанъ Фигнеръ доносилъ: „Нынѣ въ полдень, между Большою арміею и авангардомъ, побью и возьму нѣсколько плѣнныхъ. Немалая часть кавалеріи непріятельской, находящейся въ авангардѣ, будетъ обращена противъ меня. Увѣдомляю для того, что можетъ-быть наша армія симъ воспользуется“ (26). Въ другой запискѣ къ дежурному генералу, Фигнеръ доносилъ: „Вчера я узналъ, что вы безпокоитесь узнать о силахъ и движеніяхъ непріятеля. Чего ради вчера же былъ у Французовъ одинъ, а сегодня посѣщалъ ихъ вооруженною рукою, послѣ чего опять имѣлъ съ ними переговоры. О всемъ случившемся посланный мною къ вамъ ротмистръ Алексѣевъ лучше разскажетъ, ибо я боюсь разхвастаться“ (27).

Дѣйствительно, Фигнеръ не разъ переодѣвался во французскій мундиръ и бесѣдуя съ непріятелями, вывѣдывалъ такія извѣстія, какихъ не могли ему сообщить шпіоны. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся въ отрядѣ Фигнера, пишетъ, что однажды онъ, переодѣвшись французскимъ кирасиромъ, въ бѣлой шинели, привелъ свой отрядъ въ лѣсъ, приказалъ людямъ слѣзть съ коней и сохранять тишину и молчаніе, а самъ выѣхалъ на просѣку, вдоль которой пролегала большая дорога, и остановился въ тѣни у опушки лѣса. Вскорѣ раздался топотъ лошадей, говоръ солдатъ, и показались на дорогѣ французскіе кирасиры, въ колоннѣ по-шести. Давъ пройти тремъ эскадронамъ и, вѣроятно, уже будучи замѣченъ непріятелями,

Фигнеръ самъ сдѣлалъ окликъ: qui vive? (кто идетъ?); тогда одинъ изъ офицеровъ, ѣхавшій на флангѣ кирасиръ, отдѣлился отъ эскадрона и подъѣхалъ къ нашему партизану, который, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, повернулъ лошадь въ лѣсъ и возвратился къ своимъ. Пройдя съ отрядомъ, по указанію крестьянъ, служившихъ проводниками, довольно большое пространство, заглохшими тропинками, Фигнеръ опять оставилъ своихъ партизановъ въ лѣсу, съ приказаніемъ — слѣзть съ лошадей и отдыхать до его возвращенія; самъ же онъ, вызвавъ ѣхать съ собою двухъ офицеровъ Польскаго уланскаго полка (которыхъ мундиръ подходилъ къ одеждѣ польскихъ уланъ служившихъ въ Наполеоновой арміи), приказалъ одному изъ нихъ, говорившему кое-какъ по-французски, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелями, отвѣчать и за себя, и за товарища своего, вовсе не знавшаго иностранныхъ языковъ. Затѣмъ, всѣ трое, выѣхавъ изъ лѣса, увидѣли верстахъ въ двухъ отъ себя, на открытомъ пространствѣ, кругомъ села, довольно обширный Французскій лагерь. „*Поѣдемъ къ нимъ*,—сказалъ Фигнеръ,—и вмѣстѣ съ своими товарищами, маленькою рысцою, подъѣхалъ къ лагерю такъ беззаботно, что часовымъ даже не пришло въ голову остановить его. Приблизясь къ кирасирскому полку, проходившему ночью мимо его отряда, Фигнеръ обратился къ стоявшимъ вмѣстѣ двумъ офицерамъ, пожелалъ имъ добраго утра и вступилъ съ ними въ продолжительную бесѣду, между-тѣмъ какъ офицеры его, разговаривая по неволѣ съ обступившими ихъ кирасирами, отчаявались въ своемъ спасеніи. Наконецъ—онъ распрощался съ неожиданными знакомыми, повернулъ лошадь назадъ и отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ опять возвратился къ французскимъ офицерамъ, сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ и хладнокровно отправился въ лѣсъ къ своему

отряду. Въ другой разъ, Фигнеръ, съ находившимся въ его отрядѣ Сумскаго гусарскаго полка поручикомъ Орловымъ, оба переодѣтые во французскіе мундиры, отправились съ проводникомъ изъ крестьянъ въ село Вороново, гдѣ находился тогда лагерь авангарда Наполеоновой арміи и была расположена главная квартира Мюрата. Пробравшись незамѣтно чрезъ цѣпь ведетовъ, Фигнеръ подъѣхалъ къ мосту на рѣчкѣ, прикрывавшей непріятельскіе бивакп. Пѣхотный часовой, стоявшій на мосту, встрѣтилъ его окликомъ: qui vive? и потребовалъ отзывъ; но Фигнеръ, вмѣсто отзыва (котораго, разумѣется, не зналъ), разругалъ часоваго за неправильную будто-бы формальность въ отношеніи къ рунду повѣряющему посты. Часовой, совсѣмъ сбившійся съ толку, пропустилъ обоихъ партизановъ въ лагерь, куда Фигнеръ явился какъ свой, подъѣзжалъ ко многимъ кострамъ, говорилъ весьма хладнокровно съ офицерами и узнавъ все, что было ему нужно, возвратился къ мосту. Тамъ, снова сдѣлавъ наставленіе знакомому часовому, чтобы онъ не осмѣливался останавливать рундовъ, переѣхалъ черезъ мостъ и сначала пробирался шагомъ, а потомъ, приблизясь къ цѣпи ведетовъ, промчался черезъ нее вмѣстѣ съ Орловымъ, подъ пулями, и возвратился къ отряду ([28]).

Полковникъ князь Кудашевъ, со ввѣренными ему двумя казачьями полками, въ числѣ пятисотъ человѣкъ, приближаясь 27-го сентября (9 октября) къ серпуховской дорогѣ, получилъ свѣдѣніе о расположеніи непріятеля въ большихъ силахъ у селенія Никольскаго и нашелъ тамъ болѣе двухъ тысячъ пятисотъ французскихъ фуражировъ, съ прикрытіемъ изъ шести эскадроновъ, подъ начальствомъ генераловъ Бомона и Бовье. Несмотря на чрезвычайную несоразмѣрность въ силахъ, Кудашевъ рѣшился напасть на непріятеля и заславъ ему, предва-

рительно одну сотню въ тылъ, атаковалъ его съ фронта и обратилъ въ бѣгство, съ потерею болѣе ста человѣкъ убитыми и двухъ сотъ захваченныхъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны убито и ранено три казака. Два дня спустя, полтораста казаковъ отряженныхъ Кудашевымъ, подъ начальствомъ адъютанта главнокомандующаго, капитана Кожухова, переправились черезъ рѣку Мочу, заставили французскую пѣхоту очистить селеніе Чегодаево, и когда она, выйдя въ поле, построилась въ каре, то казаки кинулись на непріятеля и опрокинули его съ потерею сорока человѣкъ убитыми и шестидесяти плѣнными (29).

Однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ, совершенныхъ въ это время нашими отрядами, былъ штурмъ Верeи. Фельдмаршалъ, получивъ свѣдѣніе, что непріятель укрѣплялъ сей городъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы утвердиться тамъ и прикрыть смоленскую дорогу отъ нашихъ партизановъ, приказалъ Дорохову, съ отрядомъ состоявшимъ изъ пяти баталіоновъ, четырехъ эскадроновъ и двухъ казачьихъ полковъ, съ восемью орудіями (30), идти черезъ Боровскъ къ Вереѣ, атаковать непріятеля и, разбивъ его, разрушить сооруженныя имъ укрѣпленія. Отрядъ князя Вадбольскаго, состоявшій изъ Маріупольскаго гусарскаго полка и пятисотъ казаковъ, получилъ приказаніе присоединиться, въ окрестностяхъ Боровска, къ Дорохову, и состоять въ его командѣ (31).

По прибытіи въ Боровскъ, 27-го сентября (9-го октября н. ст.) генералъ Дороховъ оставилъ тамъ часть своего отряда, для обезпеченія сообщенія съ арміею, выслалъ сильныя партіи къ Купелицамъ и Митяеву, для отрѣзанія непріятельскихъ войскъ занимавшихъ Верею отъ Москвы и Можайска, и двинулся далѣе. Достигнувъ Волченки, въ трехъ верстахъ отъ Вереи, отрядъ сложилъ ранцы и на-легкѣ, переправясь черезъ Протву, подошелъ къ Вереѣ, 28-го (10-го октября), еще до разсвѣта. Городъ, лежащій на горѣ

вышиною около пяти саженъ, былъ обнесенъ валомъ съ палисадомъ и занятъ вестфальскимъ баталіономъ. Пятеро верейскихъ жителей, отставной солдатъ и четверо мѣщанъ (32), служили проводниками нашему отряду. Возбудивъ духъ своихъ солдатъ краткою рѣчью, Дороховъ повелъ ихъ на приступъ. Войскамъ приказано было идти тихо и атаковать непріятеля безъ выстрѣла, штыками. Гарнизонъ, застигнутый въ расплохъ, кинулся къ ружью уже тогда, когда наши солдаты ворвались въ городъ, но защищался довольно упорно, стрѣляя изъ домовъ и изъ церкви; наконецъ, когда часть его была истреблена, остальные положили оружіе. Взяты въ плѣнъ: полковникъ, 14 офицеровъ и болѣе 350 нижнихъ чиновъ; отбито знамя. Едва лишь наши воины успѣли овладѣть городомъ, какъ со стороны Можайска показался непріятельскій отрядъ, въ составѣ трехъ баталіоновъ и четырехъ эскадроновъ, съ нѣсколькими орудіями; но замѣтя, что уже Верея была взята русскими войсками, отступилъ обратно. Потеря нашего отряда убитыми не превосходила тридцати человѣкъ. Нѣсколько сотъ вооруженныхъ крестьянъ, подъ начальствомъ священника верейскаго собора, Іоанна Скабѣева, узнавъ объ этой побѣдѣ, явились къ Дорохову и разрыли сооруженныя непріятелемъ укрѣпленія. Раздавъ неимѣвшимъ оружія жителямъ пятьсотъ ружей отбитыхъ у Вестфальцевъ и съѣстные припасы найденные въ городѣ, Дороховъ, со ввѣреннымъ ему отрядомъ, по приказанію фельдмаршала, перешелъ къ селу Каменскому (33).

Партизанскія дѣйствія и народныя вооруженія наносили непріятелю чувствительный уронъ. Невозможно сказать навѣрное, сколько Наполеонова армія потеряла людей въ продолженіе стоянки въ Москвѣ; но объ этомъ можно судить изъ донесенія Государю князя Кутузова, въ которомъ упоминается, что войсками главной арміи, въ продолженіе десяти дней съ 9-го по 19-е сентября, захвачено

болѣе пяти тысячъ плѣнныхъ. Изъ донесеній генерала Винцингероде видно, что высланными изъ его отряда партизанами, въ продолженіе двадцати дней, съ 10-го по 29-е сентября, взято въ плѣнъ до полуторы тысячи человѣкъ (34). Не менѣе вреда претерпѣли непріятельскія войска отъ невозможности фуражировать, бывшей слѣдствіемъ партизанскихъ налетовъ; французскіе отряды, посылаемые для добыванія припасовъ, были истребляемы нашими партизанами и жителями окрестной страны. Непріятель принужденъ былъ отряжать для прикрытія фуражировъ значительныя части арміи съ артиллеріею; отъ этого войска, расположенныя кругомъ Москвы, были принуждены переносить почти такіе же труды, какимъ подвергались въ походѣ; въ первое время по занятіи нашей столицы, непріятель еще могъ доставать провіантъ, но постоянно терпѣлъ недостатокъ въ фуражѣ, отъ чего ежедневно терялъ по нѣскольку сотъ лошадей; впослѣдствіи и люди тоже подверглись голоду; не имѣя достаточно ни хлѣба, ни мяса, Французы въ Москвѣ стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ и даже принуждены были питаться мясомъ павшихъ лошадей своихъ (35). Слѣдствіемъ того были болѣзни, желудочныя и простудныя, лихорадки, тифозныя горячки, и проч. и какъ разслабленіе физическихъ силъ почти всегда сопровождается упадкомъ духа, то многими изъ солдатъ, и въ-особенности новобранцами, овладѣвала тоска по родинѣ (nastalgie). Врачи рѣдко встрѣчали надобность въ противовоспалительномъ (antiflogische) способѣ леченія, а, напротивъ того, почти всегда лечили укрѣпляющими (tonische) средствами (36).

Послѣ постоянныхъ дождей, въ первой половинѣ сентября (ст. ст.) настала погода ясная, весьма лишь рѣдко прерываемая небольшими дождями. Температура была умѣренна, но холодныя ночи уже предвѣщали наступленіе суроваго времени года. Часть Французской арміи, распо-

ложенная въ Москвѣ и въ окрестностяхъ столицы, и въ-особенности гвардія, успѣвъ нѣсколько отдохнуть, запастись теплою одеждою и находя, время отъ времени, запасы сухарей, солонины и водки, была несравненно въ лучшемъ состояніи, нежели войска стоявшія въ авангардѣ на рѣчкѣ Черничшнѣ. Тамъ солдаты, утомленные форпостною службою и дальними фуражировками, не имѣли почти никакой пищи, кромѣ крупы и конины. Если случалось имъ найти сколько-нибудь ржи, либо пшеницы, то они толкли зерно на камняхъ и варили изъ него похлебку. Какъ соли не было почти во все, то ее замѣняли порохомъ, а вмѣсто сала употребляли сальныя свѣчи. Въ холодныя, сырыя ночи, войска, за недостаткомъ въ дровахъ, иногда не разводили огней, дрогли отъ стужи и подвергались простудѣ и зубной боли. Лошадей кормили соломою съ кровель, если удавалось найти ее. Ослабленіе кавалеріи заставляло посылать на фуражировки пѣхоту съ артиллеріею ([37]).

Таково, безъ всякаго преувеличенія, было положеніе французской арміи. Наполеонъ надѣялся, что занятіе его войсками Москвы заставитъ Императора Александра I открыть переговоры о мирѣ, но время проходило, а со стороны русскаго Правительства не было замѣтно никакой наклонности къ прекращенію войны. Наконецъ, когда уже со времени занятія Москвы Французами прошло двадцать дней, Наполеонъ рѣшился сдѣлать первый шагъ къ миру, и считая лучшимъ средствомъ къ тому прямое сношеніе съ нашимъ Государемъ, предложилъ Коленкуру отправиться въ Петербургъ, но потомъ оставилъ сіе намѣреніе, убѣдясь въ его безуспѣшности представленіями самого Коленкура. Надѣясь достигнуть своей цѣли чрезъ переговоры съ Кутузовымъ, Наполеонъ приказалъ Мюрату написать къ начальнику русскаго авангарда письмо слѣдующаго содержанія: „Императоръ, имѣя намѣреніе послать одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ къ главнокомандующему

Кутузову, желаетъ знать, когда и гдѣ онъ можетъ быть принятъ" ([38]). Получивъ приглашеніе прибыть на слѣдующій день, Лористонъ пріѣхалъ въ нашъ авангардъ поутру 23-го сентября (5-го октября н. ст.). Тамъ нашелъ онъ князя Волконскаго, которому Кутузовъ поручилъ спросить Лористона, съ чѣмъ онъ присланъ, и если у него есть отъ Наполеона письмо, то взять его. Причиною уклоненія фельдмаршала отъ свиданія съ Лористономъ было, по всей вѣроятности, опасеніе возбудить неудовольствіе въ арміи переговорами съ непріятелемъ. Прибывъ на аванпосты, князь Волконскій далъ знать во французскую передовую цѣпь, что онъ желаетъ видѣть Лористона, который тотчасъ выѣхалъ къ нему, но узнавши о порученіи данномъ Волконскому фельдмаршаломъ, отвѣчалъ, что имѣетъ отъ императора Наполеона повелѣніе объясниться лично съ русскимъ главнокомандующимъ. Тогда князь Волконскій послалъ своего ординарца Нащокина донести о томъ Кутузову и предложилъ Лористону, въ ожиданіи отвѣта, отправиться каждому въ свой авангардъ. Въ это самое время подъѣхали къ нимъ съ передовыхъ постовъ, съ одной стороны Мюратъ, а съ другой Беннигсенъ и Милорадовичъ, и поговоривъ между собою нѣсколько минутъ, разъѣхались. Кутузовъ, при всякомъ случаѣ, стараясь выиграть время, а можетъ быть и желая сдѣлать нѣкоторыя приготовленія къ пріему непріятельскаго парламентёра, прислалъ Нащокина съ приглашеніемъ Лористона въ главную квартиру русской арміи тогда уже, когда совершенно смерклось. Лористонъ тотчасъ прибылъ въ нашъ авангардъ и поѣхалъ въ Тарутинскій лагерь съ княземъ Волконскимъ на дрожкахъ. Между-тѣмъ наши войска получили приказаніе расположиться на болѣе обширномъ пространствѣ, для чего нѣкоторые полки были переведены съ занимаемыхъ ими мѣстъ на другія; разведены большіе огни; приказано варить кашу съ мясомъ; во всѣхъ полкахъ пѣли пѣсни и

играла музыка; впрочемъ — не нужно было возбуждать веселія солдатъ, которые, зная о прибытіи посла, догадывались, что онъ пріѣхалъ просить мира. Проѣхавъ поперегъ чрезъ весь лагерь, Лористонъ и Волконскій прибыли въ Тарутино, гдѣ была приготовлена изба для предстоявшаго свиданія. Самъ Кутузовъ, впервые по прибытіи въ армію надѣлъ мундиръ, и какъ у него не было новыхъ эполетъ, то позаимствовался ими у Коновницына.

Лористонъ пріѣхалъ въ $10^1/_2$ часовъ. Фельдмаршалъ, пригласивъ его въ избу, бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей, и потому ихъ переговоры сдѣлались извѣстны единственно изъ донесенія Государю Кутузова ([39]).

Лористонъ, прежде всего, сталъ говорить о размѣнѣ плѣнныхъ, на что фельдмаршалъ не изъявилъ согласія. За тѣмъ — перейдя къ пожару Москвы и опустошенію страны, французскій парламентёръ жаловался на озлобленіе, съ которымъ велась война; увѣрялъ, что мы, разоряя собственную землю, не достигаемъ цѣли своей, и что Наполеоновы войска имѣютъ все нужное въ изобиліи; обвинялъ жителей въ неслыханныхъ жестокостяхъ надъ попадавшимися имъ въ руки Французами и предлагалъ нашему главнокомандующему принять мѣры для прекращенія этихъ варварскихъ поступковъ и вообще для приданія войнѣ такого характера, какой имѣетъ она у всѣхъ просвѣщенныхъ націй. Кутузовъ отвѣчалъ, что „ежели бы даже онъ и желалъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не могъ бы успѣть въ томъ, потому, что Русскіе считаютъ сію войну вторымъ нашествіемъ Татаръ, и что онъ не въ состояніи перемѣнить понятія цѣлаго народа.“ Наконецъ — Лористонъ, перейдя къ истинному предмету даннаго ему порученія, сталъ говорить о мирѣ. „Дружба — сказалъ онъ, — существовавшая между вашимъ Государемъ и императоромъ Наполеономъ, расторглась несчастнымъ образомъ, по обстоятельствамъ постороннимъ, и

теперь удобный случай возстановить ее. Эта война необычайная, неслыханная, должна ли быть вѣчно? Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда" ([40]). Кутузовъ отвѣчалъ: „не имѣю на это никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ—всѣ сіи слова, отъ васъ мною слышанныя, происходятъ ли они изъ собственнаго вашего сужденія, либо имѣютъ источникъ свыше, я, ни въ какомъ случаѣ, передать своему Государю не желаю. Я подвергъ бы себя проклятію потомства, еслибы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію; таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа" ([41]). За тѣмъ Лористонъ вручилъ фельдмаршалу письмо отъ своего Государя, слѣдующаго содержанія:

„Посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генералъ-адъютантовъ, для переговоровъ съ вами о многихъ важныхъ предметахъ. Прошу вашу свѣтлость вѣрить словамъ его, особенно—когда онъ станетъ выражать вамъ чувства уваженія и особеннаго вниманія, издавна мною къ вамъ питаемыя. За симъ молю Бога о сохраненіи васъ подъ Своимъ священнымъ кровомъ. Москва. 3-го октября, 1812 года" ([42]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лористонъ, изъявивъ намѣреніе Наполеона—послать его для переговоровъ въ Петербургъ, просилъ князя Кутузова исходатайствовать согласіе на то у нашего Государя, и, въ ожиданіи отвѣта, предложилъ перемиріе. Кутузовъ отказалъ въ перемиріи, но обѣщалъ донести Государю о желаніи Наполеона. Разсчитывая время, въ которое могъ придти отвѣтъ изъ Петербурга, Лористонъ обнаружилъ нетерпѣніе получить его какъ можно поспѣшнѣе ([43]), и даже вызвался ѣхать туда самъ. Фельдмаршалъ, отклонивъ это предложеніе, сказалъ,

что онъ передастъ о всемъ сообщенномъ Государю чрезъ князя Волконскаго, который долженъ былъ отправиться въ Петербургъ на другой день. За тѣмъ, приказавъ позвать Волконскаго, Кутузовъ повторилъ при немъ сказанное прежде о народной войнѣ. „Государь — сказалъ онъ—запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе. Спросите у князя Волконскаго: онъ присланъ сюда подтвердить мнѣ сію Монаршую волю“. Лористонъ намекнулъ, что Волконскому было бы короче ѣхать чрезъ Москву. Кутузовъ не согласился. „Не лучше ли послать фельдъегеря? Онъ доѣдетъ скорѣе!“ сказалъ Лористонъ. Но фельдмаршалъ и на то не изъявилъ согласія ([44]).

Наполеонъ, желая побудить къ миру русское Правительство, сдѣлалъ распоряженія, выказывавшія намѣреніе его оставаться надолго въ Москвѣ. Съ этою цѣлью приступлено къ вооруженію Кремля и приказано войскамъ запастись продовольствіемъ на шесть мѣсяцевъ, что очевидно было невозможно ([45]). Эти ухищренія не оказали никакого дѣйствія на рѣшимость Императора Александра I, но произвели весьма неблагопріятное впечатлѣніе въ собственныхъ войскахъ Наполеона, отдалившихся на огромное пространство отъ источниковъ своихъ средствъ и окруженныхъ враждебнымъ народонаселеніемъ страны. Безнадежность совершенно ослабила дисциплину и безъ того уже пришедшую въ упадокъ во французской арміи ([46]).

Императоръ Александръ I, получивъ донесеніе князя Кутузова, о свиданіи его съ Лористономъ, изъявилъ ему свое неудовольствіе въ слѣдующемъ рескриптѣ:

„Князь Михайло Илларіоновичъ! Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился Я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ.

„При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ

арміямъ, изъ личныхъ Моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе Мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ.

„Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою же рѣшимостію повторить вамъ: дабы сіе принятое Мною правило, было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо.

„Равнымъ образомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ: что генералъ Беннигсенъ имѣлъ свиданіе съ Королемъ Неаполитанскимъ, и еще безъ всякой къ тому побудительной причины.

„Поставляя ему на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требую отъ васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѣли никакихъ свиданій, а кольми паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всемѣрно оныхъ избѣгать.

„Всѣ свѣдѣнія отъ Меня къ вамъ доходящія и всѣ предначертанія Мои въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ Меня прервать брань, и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное Отечество. Пребываю вамъ всегда благосклонный.“

„АЛЕКСАНДРЪ“.

С.-Петербургъ. Октября 9-го дня 1812 года.

Свиданіе князя Кутузова съ Лористономъ не оставляло сомнѣнія въ томъ, что со стороны Русскихъ не было наклонности къ миру. Наполеонъ все-еще надѣялся, что Императоръ Александръ воспользуется его предложеніемъ для открытія переговоровъ о мирѣ, однако, на другой же день послѣ описаннаго свиданія, приступилъ къ принятію мѣръ на случай отступленія изъ Москвы, кото-

рое уже было рѣшено имъ, но отлагалось въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга. Имѣя намѣреніе двинуться изъ Москвы, чрезъ Калугу и Ельню, къ Смоленску, Наполеонъ приказалъ написать къ маршалу Виктору, что, по извѣстіямъ отъ Шварценберга, Дунайская армія Чичагова соединилась съ арміей Тормасова на Волыни; что, съ другой стороны, Императоръ Александръ старается усилить Витгенштейнову армію, съ тою цѣлью, чтобы она могла отбросить за Двину корпуса Макдональда, Удино и Сенъ-Сира. Въ такихъ обстоятельствахъ, Викторъ долженъ былъ расположить свой корпусъ между Смоленскомъ и Оршею, чтобы поддержать, въ случаѣ надобности, войска дѣйствовавшія на Волыни, либо тѣ, которыя стояли на Двинѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить резервомъ для Большой арміи, обезпечивать съ тыла главныя силы и направиться имъ на встрѣчу при отступленіи ихъ къ Смоленску. Ему же были подчинены дивизія Домбровскаго и бригада расположенная въ Вильнѣ. Управляя всею Литвою и Бѣлоруссіею, маршалъ долженъ былъ ускорить заготовленіе въ сихъ областяхъ провіанта и фуража, такимъ образомъ, чтобы имѣть для своего корпуса тридцати-дневный запасъ продовольствія, независимо отъ того, который будетъ слѣдовать къ арміи ([47]). Для прикрытія пути дѣйствій, Наполеонъ приказалъ, чтобы, кромѣ отрядовъ стоявшихъ между Москвою и Можайскомъ и вестфальскаго корпуса у Можайска, были расположены значительныя части войскъ у Гжатска, Вязьмы и Дорогобужа. Съ этою цѣлью было предписано смоленскому коменданту, генералу Бараге-д'Илье, собравъ двѣнадцать баталіоновъ, слѣдовавшихъ къ арміи ([48]), расположить изъ числа ихъ по пяти въ Гжатскѣ и Вязьмѣ и два въ Дорогобужѣ ([49]). Желая надежнѣе обезпечить слѣдованіе къ арміи артиллерійскихъ парковъ, Наполеонъ приказалъ написать къ маршалу Виктору, чтобы для конвоированія ихъ не на-

значать частей войскъ составленныхъ изъ людей различныхъ полковъ (régimens formés d'hommes isolés), а посылать хорошо устроенные баталіоны, либо роты. Наконецъ — посланы предписанія маршалу Жюно и генералу Бараге-д'Ильé, собрать всѣ повозки, какія только можно было отыскать на пространствѣ сорока верстъ (à dix lieues à la ronde) отъ Можайска и Вязьмы, и вывезти всѣхъ раненыхъ изъ госпиталей устроенныхъ вдоль смоленской дороги, въ Можайскѣ, Рузѣ, Колоцкомъ монастырѣ (á l'Abbaye) и Гжатскѣ. Отсылка раненыхъ до Вязьмы возложена была на отвѣтственность Жюно, а далѣе до Смоленска — на Бараге д'Ильè. „Во всякомъ случаѣ, — писалъ Наполеонъ, — я хочу, чтобы чрезъ недѣлю не оставалось въ госпиталяхъ ни одного раненаго; извѣстите генераловъ, что я это считаю весьма важнымъ дѣломъ" ([50]).

Таковы были мѣры, принятыя Наполеономъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга на предложеніе его — вести переговоры о мирѣ. А, между-тѣмъ, онъ готовился къ выступленію изъ Москвы, которое, во всякомъ случаѣ, было необходимо.

ГЛАВА XXIX.

Народная война.

СОДЕРЖАНІЕ.

Участіе Смолянъ въ народной войнѣ.—Подвиги жителей порѣченскаго и бѣльскаго уѣздовъ.—Подвиги сычевскихъ жителей.—Маіоръ Емельяновъ; исправникъ Богуславскій; бурмистръ сельца Левшина.—Подвиги юхновскихъ жителей. — Храповицкій. — Подвиги рославльскихъ жителей. — Исправникъ Семичевъ.—Гусаръ Самусь.—Геройская смерть подполковника Энгельгардта и коллежскаго ассессора Шубина. — Образъ дѣйствій воиновъ-поселянъ.—Подвиги жителей Воскресенска и Верен.—Народная война въ богородскомъ уѣздѣ.—Воззваніе Наполеона къ московскимъ жителямъ.—Вѣрность русскаго народа.—Воззваніе Растопчина.—Объявленіе отъ министерства полиціи.—Важность народной войны.—Общее участіе всѣхъ и каждаго въ войнѣ 1812 года.—Отзывъ о Русскихъ графа Сегюра.

Участіе народа въ войнѣ началось съ перваго шага Наполеоновыхъ полчищъ въ древнюю область Россіи—смоленскую губернію. Еще не воспослѣдовало воззваніе Государя о всеобщемъ вооруженіи, когда жители порѣченскаго уѣзда возстали на защиту Отечества; мирные поселяне обратились въ смѣлыхъ воиновъ; земледѣльческія орудія въ рукахъ ихъ сдѣлались грознымъ оружіемъ. Кто былъ не въ силахъ сражаться, тотъ уходилъ въ мѣста свободныя отъ вражескаго нашествія, либо въ густые лѣса, какъ-будто гнушаясь дышать однимъ воздухомъ съ непріятелями дерзнувшими нарушить спокойствіе обожаемой матери—Россіи. Едва лишь Французы успѣли вторгнуться въ смоленскую губернію, какъ наши крестьяне стали перехватывать фуражировъ, шпіоновъ и мародёровъ, бродившихъ во множествѣ въ тылу Наполеоновой Большой

арміи; изъ числа порѣченскихъ воиновъ-поселянъ особенно отличился мѣщанинъ Манчинковъ, который захватилъ курьера съ важными депешами и былъ награжденъ знакомъ военнаго ордена (1).

По занятіи непріятелемъ Смоленска и по отступленіи нашей арміи къ Москвѣ, большая часть смоленской губерніи обратилась въ пустыню, усѣянную развалинами. Жители, скрывъ въ недоступныхъ убѣжищахъ свои семейства, стада и все, что успѣвали увезти съ собою, нерѣдко сами поджигали домы свои, и даже предавали пламени хлѣбъ въ поляхъ, чтобы онъ не достался въ руки Французамъ. Города, незанятые непріятельскими войсками, Бѣлой, Сычевки, Юхновъ и Рославль, сдѣлались главными пунктами народнаго возстанія. Въ бѣльскомъ уѣздѣ, независимо отъ общаго губернскаго ополченія, вооружались поселяне и градскіе жители, подъ начальствомъ дворянскаго предводителя Коленова и городничаго Адамовича. Отставной подполковникъ Дибичъ, собравъ небольшой отрядъ Смолянъ, усилилъ его дезертирами изъ непріятельской арміи и дѣйствовалъ съ успѣхомъ во все время занятія Французами губерніи. Жители Бѣлаго нападали на появлявшіяся въ ихъ уѣздѣ непріятельскія партіи, истребляли либо захватывали въ плѣнъ Французовъ, и обезпечили себя отъ грабежа и разоренія (2). Сычевскій уѣздъ прославился гибелью множества непріятелей. Жители его ополчались подъ начальствомъ дворянскаго предводителя Нахимова и исправника Богуславскаго. Въ-особенности сдѣлался страшенъ врагамъ воинъ временъ Суворовскихъ, отставной маіоръ Емельяновъ. Возбудивъ первый къ ополченію сычевскихъ дворянъ и поселянъ, онъ былъ избранъ ими начальникомъ. Его дружина, сперва вооруженная пиками, косами, вилами и топорами, впослѣдствіи замѣнила ихъ ружьями отнятыми у непріятеля и отличалась не только неустрашимостью, но и введеннымъ въ ней по-

рядкомъ. Опытный Емельяновъ учредилъ маяки, которыхъ сигналы и колокольный звонъ подавали воинамъ-поселянамъ знакъ—уходить ли изъ домовъ, или собираться, куда идти на бой, и проч. Находясь постоянно впереди, онъ, въ жаркой перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, былъ пораженъ смертельно пулею къ прискорбію своихъ подчиненныхъ, любившихъ Емельянова, несмотря на строгость его по службѣ. Сычевскаго же уѣзда, села Тесова, крестьяне, подъ начальствомъ исправника Богуславскаго, напали, 30-го августа, на появившуюся въ сосѣдствѣ ихъ партію, положили на мѣстѣ сто тридцать человѣкъ и захватили въ плѣнъ шестьдесять. Между сычевскими воинами-поселянами былъ извѣстенъ смѣлостью и необыкновенною тѣлесною силою бурмистръ сельца Левшина (въ 15-ти верстахъ отъ Сычевокъ, по вяземской дорогѣ). Однажды непріятельская партія, въ числѣ тридцати человѣкъ, вошла въ это сельцо и заняла избу для отдыха. Узнавъ о томъ, бурмистръ послалъ созвать народъ, а самъ, пригласивъ къ себѣ въ помощь одного изъ крестьянъ, подошелъ тихо къ избѣ занятой Французами и приперъ двери. Испуганные враги начали стрѣлять сквозь двери и смертельно ранили бурмистра; но между тѣмъ крестьяне успѣли сбѣжаться, окружили избу и угрожая зажечь ее, заставили непріятелей сдаться. Чувствуя близкую свою кончину, бурмистръ завѣщалъ своимъ товарищамъ—не мстить за его смерть и пощадить плѣнныхъ Французовъ. Многіе изъ сычевскихъ жителей были награждены знаками военнаго ордена, а мѣщане, участвовавшіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, по Высочайшему повелѣнію, получили всѣ по пяти рублей ([3]).

Въ юхновскомъ уѣздѣ, предводитель дворянства Храповицкій, воинъ Екатерининскаго вѣка, собравъ ополченіе въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, назначилъ часть его въ разъѣзды, а съ остальными ратниками расположился на

Угрѣ и остановилъ непріятеля, покушавшагося пройти къ Калугѣ. Когда же прибылъ въ Юхновъ партизанскій отрядъ Давыдова, Храповицкій снабжалъ его продовольствіемъ, содержалъ извѣщательные пикеты и учредилъ на свой счетъ госпиталь для призрѣнія больныхъ и раненыхъ воиновъ (4). Жители города Рославля составили конное ополченіе, въ числѣ ста человѣкъ, спабженныхъ пиками, саблями и ружьями, и дѣйствуя подъ руководствомъ градскаго главы Полозова, не только охраняли себя отъ непріятельскаго вторженія, но и нападали на непріятельскихъ мародёровъ, опустошавшихъ смежный съ ними ельненскій уѣздъ. Рославльскій исправникъ Семичевъ, преградивъ Французамъ доступъ по дорогѣ къ Брянску, былъ убитъ. Князь Тенишевъ, будучи избранъ дворянами въ должность кордоннаго начальника, переловилъ до четырехъ сотъ мародёровъ и пожертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ на учрежденіе госпиталя для раненыхъ (5).

Въ гжатскомъ уѣздѣ, уже во время отступленія непріятельской арміи, явился одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ партизановъ. Послѣ сраженія при Смоленскѣ, Елисаветградскаго полка гусаръ Самусь, будучи раненъ въ одномъ изъ арріергардныхъ дѣлъ, остался на полѣ сраженія, нашелъ убѣжище въ сторонѣ отъ большой дороги и получа облегченіе отъ ранъ, рѣшился принять дѣятельное участіе въ войнѣ. Поселяне окрестныхъ деревень, возбужденные имъ къ ополченію, составили отрядъ, впослѣдствіи усилившійся до двухъ тысячъ человѣкъ и имѣвшій при себѣ отбитую у непріятеля пушку. Храбрый Самусь, дѣйствуя съ необыкновеннымъ успѣхомъ, истребилъ до трехъ тысячъ человѣкъ и сдѣлался извѣстенъ Милорадовичу, который произвелъ его въ унтеръ-офицеры и ходатайствовалъ о его награжденіи (6).

Такимъ образомъ—смоленская губернія, въ тяжелое время непріятельскаго нашествія, представляла величествен-

ное зрѣлище соревнованія всѣхъ сословій на пользу общую. Начальники дружинъ, не ограничиваясь нанесеніемъ всевозможнаго вреда непріятелю, поддерживали благоустройство между своими и сосѣдственными крестьянами. Въ числѣ Смолянъ, возставшихъ на защиту Отечества, были одними изъ первыхъ помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ. Подполковникъ Энгельгардтъ, во время нашествія Французовъ, оставшись въ своей порѣченской деревнѣ, способствовалъ казакамъ истреблять непріятелей появлявшихся въ сосѣдствѣ его, и старался содержать въ порядкѣ и повиновеніи своихъ крестьянъ, а коллежскій ассессоръ Шубинъ, проживавшій также въ своемъ имѣніи, узнавъ о прибытіи въ Духовщину команды Казанскаго драгунскаго полка, напалъ съ драгунами на непріятельскихъ мародёровъ, грабившихъ сосѣдственную ему деревню и захватилъ въ плѣнъ двадцать одного человѣка. Только двумъ солдатамъ изъ этой команды удалось уйти въ Смоленскъ и донести о поступкѣ Шубина. Тогда же сдѣланъ былъ доносъ на Энгельгардта въ убійствѣ многихъ французскихъ солдатъ. Будучи привезенъ въ Смоленскъ, посаженъ въ тюрьму и отданъ подъ военный судъ, Энгельгардтъ былъ приговоренъ къ смертной казни и разстрѣлянъ 15-го октября. Когда его вывели за Малаховскія ворота, гдѣ назначено было исполнить приговоръ суда, непріятели стали уговаривать его, чтобы онъ вступилъ во французскую службу, предлагая въ награду измѣны чинъ полковника. Русскій дворянинъ съ презрѣніемъ отвергнулъ недостойное предложеніе, „Стрѣляйте въ меня!“ сказалъ онъ, сорвавъ платокъ, которымъ хотѣли завязать ему глаза, и безстрашно смотря на прицѣлившуюся въ него команду. Непріятели, чтобы поколебать его мужество, сперва нанесли ему рану въ ногу, обѣщая пощадить его, если онъ согласится служить Наполеону: ни боль терпимая страдальцемъ, ни льстивыя обѣщанія мучителей, не могли поколебать твердости духа

великодушнаго Энгельгардта. Тогда Французы выстрѣлили по немъ залпомъ. Изъ восмнадцати пущенныхъ въ него пуль, двѣ попали въ грудь и одна въ животъ; но какъ онъ еще продолжалъ дышать, то одинъ изъ солдатъ, зарядивъ на-скоро ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ и прекратилъ его страданія. Коллежскому ассессору Шубину также было предложено служить во французскихъ войскахъ, но онъ остался вѣренъ своему долгу, отвѣчалъ непріятелямъ рѣзко, изъявляя ненависть свою къ Французамъ, и былъ разстрѣлянъ 24-го октября (7).

Императоръ Александръ I, узнавъ о всѣхъ обстоятельствахъ геройской кончины Энгельгардта и Шубина, пожаловалъ пенсіи ближайшимъ роднымъ ихъ (8).

Вторженіе Французовъ въ Московскую губернію, было встрѣчено ея жителями также непріязненно, какъ и Смолянами. И мѣщане, и поселяне, оставляя домы свои, уничтожали все, что̀ могло сдѣлаться добычею непріятеля, зажигали строенія и скрывались въ лѣсахъ, гдѣ устроивали засады, либо выходили оттуда на пагубу оплошному непріятелю. Нерѣдко жители цѣлаго селенія, либо даже нѣсколькихъ селеній, обязывались взаимною присягою—истреблять Французовъ и стоять крѣпко другъ за друга. Малѣйшая угодливость непріятелю считалась измѣною. Случилось однажды—крестьяне какой-то деревни, устрашенные прибывшимъ къ нимъ французскимъ отрядомъ, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Вскорѣ послѣ того непріятель былъ прогнанъ и крестьяне, принявшіе его съ честью, явились въ ближайшую церковь къ божественной службѣ. Когда они вмѣстѣ съ прочими прихожанами стали подходить къ кресту, священникъ встрѣтилъ ихъ строгимъ укоромъ: „За чѣмъ вы пришли сюда? сказалъ онъ:—Вы не наши. Вы, предавъ православныхъ, приняли, какъ желанныхъ гостей, враговъ нашихъ“. Иногда безотчетная ненависть къ чужезем-

цамъ, нахлынувшимъ на русскую землю, содѣлывала нашихъ поселянъ подозрительными до чрезвычайности. Въ каждомъ селеніи, еще не оставленномъ жителями, ворота были завалены бревнами и охраняемы толпами людей съ вилами, кольями, косами, топорами, а иногда и съ ружьями. Въ то время не безопасно было показаться въ незнакомыхъ мѣстахъ въ одеждѣ сколько-нибудь похожей на иностранный мундиръ; нерѣдко, вмѣсто отвѣта на вопросъ проѣзжающаго офицера, встрѣчали его пущеннымъ съ размаха топоромъ, либо выстрѣломъ. Давыдовъ пишетъ, что крестьяне одной волости близъ села Егорьевскаго (въ Медынскомъ уѣздѣ) истребили шестьдесятъ казаковъ Тептярскаго полка, принявъ ихъ за непріятелей, потому что они не чисто говорили по-русски (9).

На пунктахъ возвышенныхъ, господствующихъ надъ окрестною мѣстностью, выставляемы были отъ крестьянъ посты, зорко сторожившіе появленіе непріятеля. Ежели подходившая команда была малочисленна, то воины-поселяне старались окружить и захватить ее скрытно, чтобы не обнаружить своего притона; въ случаѣ же наступленія значительныхъ силъ, сторожевые подавали о томъ вѣсть въ ближайшее село; раздавался набатъ и на условленномъ заблаговременно пунктѣ сходились изъ всѣхъ сосѣдственныхъ селеній люди, вооруженные кто чѣмъ могъ, подъ командою мѣстныхъ начальниковъ, отставныхъ офицеровъ, дворянъ, либо старшинъ избранныхъ крестьянами изъ среды своей. Иногда эти предводители предъ боемъ возбуждали духъ своихъ подчиненныхъ краткою рѣчью. Распоряженія къ бою были очень просты: люди имѣвшіе ружья занимали строенія, сады, рощи, и встрѣчали противника пальбою, либо старались, пользуясь совершеннымъ знаніемъ мѣстности, служившей полемъ дѣйствій, обойти непріятеля скрытно

*

и окружить его со всѣхъ сторонъ. Одержавъ успѣхъ, воины-поселяне истребляли враговъ, либо, перевязавъ ихъ, отправляли подъ конвоемъ въ ближайшій городъ. При этомъ наши крестьяне, не имѣвшіе понятія о народномъ правѣ и общепринятыхъ въ войнѣ обыкновеніяхъ, иногда поступали съ плѣнными весьма жестоко. Отбитая добыча дѣлилась по-ровну, либо каждый пользовался ею по собственному произволу; но господствующею страстью, одушевлявшею наши народныя дружины, была жажда мщенія врагамъ, а отнюдь не корыстолюбіе. Давыдовъ говоритъ, что однажды крестьяне напали на отставшую телѣгу, съ его чемоданомъ, на которой лежалъ больной гусаръ. Поселяне, принявъ его за непріятеля, избили и оставили его за-мертво на дорогѣ, изрубили телѣгу, а вещи изорвали и разбросали по полю, не взявъ изъ нихъ ничего ([10]). Такихъ случаевъ было очень много.

По занятіи непріятелемъ Звенигородскаго уѣзда, жители Воскресенска учредили денную и ночную стражу, которая въ открытыхъ мѣстахъ была разставлена на возвышеніяхъ, а въ лѣсахъ наблюдала за непріятелемъ, взлезая на вершины деревъ. Воины-поселяне не однократно прогоняли французскіе отряды, отстояли Воскресенскъ и нанесли непріятелю уронъ, простиравшійся болѣе двухъ тысячъ человѣкъ: въ числѣ этихъ героевъ особенно отличались голова Вельяминовской волости Иванъ Андреевъ и сотенный села Лучинскаго Павелъ Ивановъ, сражавшійся вмѣстѣ со всѣми своими сыновьями. Въ Верейскомъ уѣздѣ, священникъ села Дубровы, Іоаннъ Скабѣевъ, возбуждалъ крестьянъ стоять твердо за вѣру и родную землю. Въ Тверской губерніи, независимо отъ общаго ополченія, вооружались жители Зубцова, Осташкова и Кашина. Начальство надъ ополченіемъ Зубцовскаго уѣзда, состоявшимъ изъ 2,500 пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, принялъ, по вы-

бору дворянъ, помѣщикъ Цызыревъ, который, на случай вторженія непріятелей, приготовилъ шесть небольшихъ пушекъ ([11]).

Чтобы дать понятіе о способѣ дѣйствій воиновъ-поселянъ, изложу вкратцѣ описаніе стычекъ одной изъ дружинъ, составленное бывшимъ ея начальникомъ.

Въ концѣ сентября, войска Нея заняли городъ Богородскъ. Крестьяне Вохненской волости, села Павлова, узнавъ о томъ, отправили всѣхъ стариковъ и дѣтей въ лѣса и другія убѣжища, а сами рѣшились „сразиться съ непріятелемъ, чтобы умереть, или отмстить злодѣю за „оскверненіе святыхъ церквей и прочихъ святынь. На„чальникомъ дружины назначили одного изъ вохненскихъ „поселянъ, Герасима Курина, потому, что онъ во всѣхъ „дѣлахъ между крестьянами имѣлъ особливую расторопность и смѣлость". Вступивъ неожиданно въ должность предводителя земской силы, Куринъ показалъ себя достойнымъ довѣренности своихъ товарищей. Первымъ предметомъ его заботливости было вооруженіе дружины: собравъ своихъ воиновъ, онъ приказалъ имъ купить ружья, либо сдѣлать пики. 25-го сентября, на противолежащей сторонѣ Клязьмы, у селенія Большой-Дворъ, въ разстояніи около четырехъ верстъ отъ села Павлова, появилась небольшая непріятельская партія. Куринъ, узнавъ о томъ, переправилъ воиновъ-поселянъ черезъ рѣку и повелъ ихъ противъ непріятеля, но, замѣтя, что они, завидѣвъ Французовъ, „начали „робѣть, потому-что было для нихъ необыкновенно сіе „дѣло", сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: „Любезные друзья! „Вы народъ вѣры Русской; вы христіане православные! По„старайтесь умереть за вѣру и Царя. Для чего-же мы хри„стіане, ежели не пострадаемъ за вѣру; для чего же мы пра„вославные, ежели не услужимъ Царю. Государь нашихъ „сердецъ, что родной онъ намъ отецъ; если онъ про насъ „спознаетъ, безъ награды не оставитъ". Ободренные сими

словами и примѣромъ своего начальника, ратники напали на непріятеля и заставили его скрыться въ лѣсу. Десять ружей и двѣ повозки съ четырьмя лошадьми достались въ добычу побѣдителямъ.

На слѣдующій день, 26-го сентября, Куринъ, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи Французовъ сжечь деревню Грибову, въ трехъ верстахъ отъ Павлова, напалъ на непріятеля, обратилъ его въ бѣгство и возвратился домой безъ урона.

27-го сентября, прибыло три непріятельскихъ эскадрона въ деревню Субботину, (въ шести верстахъ отъ села Павлова). Начальникъ этого отряда послалъ въ Павлово записку, предлагая вохненской дружинѣ оставаться въ покоѣ и мирѣ съ Французами; но воины-поселяне, вмѣсто отвѣта на сіе посланіе, устремились бѣгомъ къ Субботиной. Дѣло, начавшееся около 11-ти часовъ утра, окончилось въ два часа пополудни пораженіемъ непріятельскаго отряда, который потерялъ убитыми 18 и плѣнными 3 человѣка; отбито крестьянами двадцать лошадей; съ нашей стороны уронъ ограничивался нѣсколькими ранеными.

28-го, въ девять часовъ утра, непріятель, прибывъ къ деревнѣ Назаровой (въ восьми верстахъ отъ Павлова, вверхъ по Клязьмѣ), выслалъ разъѣзды къ селу и въ ближайшія деревни для отысканія потерянныхъ наканунѣ гусаръ и лошадей. Начальникъ вохненскихъ воиновъ былъ въ отсутствіи, именно въ городѣ Покровѣ, куда онъ отправился къ начальнику владимірскаго ополченія, князю Голицыну, съ просьбою о поддержаніи его дружины небольшимъ числомъ солдатъ, либо казаковъ. Получивъ въ помощь двадцать человѣкъ конницы, Куринъ прибылъ съ ними въ Павлово къ своей дружинѣ и напалъ на Французовъ подъ Назаровою. Непріятель, изумленный быстрымъ появленіемъ нашихъ воиновъ, обратился въ бѣгство и былъ преслѣдованъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, оставя побѣдителямъ въ добычу де-

сять лошадей и двѣ повозки. На слѣдующій день, около полудня, прибыла другая французская партія къ деревнѣ Трубицыной, близъ села Павлова; Французамъ удалось захватить два стада рогатаго скота и овецъ, но воины-поселяне, собравшись въ значительныхъ силахъ, отбили свои стада и, опрокинувъ непріятеля, гнали его нѣсколько верстъ и захватили восемь пароконныхъ повозокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, съ шестнадцатью лошадьми. Со стороны Французовъ убито пятнадцать человѣкъ, а съ нашей стороны ранено четыре.

Непріятели, не отваживаясь фуражировать небольшими партіями, послали довольно сильный отрядъ къ селу Павлову. Куринъ, узнавъ о томъ, собралъ, 1-го октября, крестьянъ изъ всей окрестности и сказалъ имъ рѣчь, въ которой убѣждалъ „постоять за Отечество и за Домъ Пресвятыя Богородицы, противъ непріятеля угрожавшаго сжечь всѣ селенія и содрать кожу со всѣхъ жителей“. Число ополченія въ сей день простиралось до пяти тысячъ восьми сотъ человѣкъ, изъ коихъ пятьсотъ были на коняхъ, а прочіе—пѣшіе. Всѣ они, въ восемь часовъ утра, собрались къ церкви села Павлова, гдѣ, по отслуженіи литургіи и молебствія, простились со слезами другъ съ другомъ и поклялись предъ алтаремъ—не выдавать товарищей до послѣдней капли крови. За тѣмъ Куринъ предложилъ, раздѣливъ ополчившихся людей на три части, назначить, кромѣ его, двухъ начальниковъ, и выбралъ въ эту должность вохненскаго старосту Стулова и еще одного крестьянина: первому была поручена вся конница съ небольшимъ числомъ пѣхоты, а второму—тысяча пѣшихъ. Команду же надъ остальными людьми и размѣщеніе къ бою всѣхъ частей принялъ на себя самъ Куринъ. Расположивъ отряды своихъ товарищей въ засадахъ у селенія Меленковъ и Юдинскаго-овражка и приказавъ имъ оставаться тамъ и не вступать въ дѣло безъ его распоряженія, Куринъ раз-

Курмархія	28	—	21 —
Силезія	60	—	40 —

Всего. 132 баталіон. 100 эск. въ числѣ 90 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ кавалеріи.

Число прусскихъ войскъ, линейныхъ и ландвера, вообще простиралось до 235-ти тысячъ человѣкъ, а за вычетомъ блокадныхъ отрядовъ, депо, крѣпостныхъ гарнизоновъ и проч. дѣйствующая прусская армія считала въ рядахъ своихъ до 170-ти тысячъ съ 876-ю орудіями ([27]).

Войска эти, большею частью, состоявшія изъ молодыхъ солдатъ, не успѣли получить боеваго образованія; въ особенности-же были мало обучены ландверы, гдѣ не только цѣлые баталіоны и полки были сформированы изъ рекрутъ, но весь корпусъ Тауэнцина состоялъ изъ людей никогда еще не бывшихъ въ дѣлѣ. Войска, вообще отличавшіяся духомъ и усердіемъ, но дурно одѣтыя и обутыя, не могли переносить трудностей осенняго похода и замѣтно таяли отъ болѣзней ([28]).

Австрія хотя и стала усиленно готовиться къ войнѣ еще въ концѣ 1812 года, однако-же, по разстроенному состоянію финансовъ, не успѣла окончить своихъ вооруженій въ надлежащее время. Положеніе Австрійской Монархіи, послѣ войны 1809 года, требовало большой бережливости со стороны правительства, которое уменьшило расходы преимущественно на содержаніе арміи: многіе полки были распущены; другіе находились въ составѣ двухъ гренадерскихъ ротъ и трехъ (шести-ротныхъ) баталіоновъ; но въ каждой изъ ротъ состояло по спискамъ только около ста рядовыхъ, изъ коихъ половина постоянно увольнялась въ отпускъ: слѣдовательно въ баталіонахъ было по триста человѣкъ. От-

пускные собирались довольно рѣдко и на такое короткое время, что обученіе ихъ не могло считаться удовлетворительнымъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, при недостаткѣ въ деньгахъ и въ различныхъ запасахъ необходимыхъ для снабженія новоформируемыхъ войскъ, быстрое образованіе ихъ представляло затрудненія, которыя могли быть побѣждены единственно необыкновенною энергіей правительства. Но неудачи прежнихъ войнъ, и въ особенности войны 1809 года, въ которую Австрія сдѣлала послѣднее покушеніе отстоять свою независимость, поселили недовѣріе къ собственнымъ силамъ, и въ правительствѣ, и въ народѣ. Войска, находясь подъ вліяніемъ понесенныхъ ими неудачъ, не желали войны, и это обстоятельство было главною причиною, какъ медленности формированія арміи, такъ и вялости ея дѣйствій. Обитатели Альповъ и Карпатовъ, Венгерцы, Богемцы, Моравы и жители Галиціи, люди храбрые, не имѣли между собою ничего общаго; а тогдашнія военныя учрежденія Австріи не могли—ни возвысить духа войскъ, ни направить ихъ усилія къ достиженію общей цѣли. Солдаты были обязаны служить весь свой вѣкъ, подвергаясь за малѣйшій проступокъ унизительному наказанію, безъ всякой надежды на производство въ офицеры, предоставленное исключительно однимъ дворянамъ. Высшія мѣста въ арміи были заняты лицами принадлежавшими къ аристократіи, при чемъ на способности мало обращали вниманія. Самая Тактика Австрійцевъ имѣла основаніемъ преданія отжившія свой вѣкъ и неприменимыя къ современному состоянію военнаго искусства.

Формированіе войскъ отзывалось общею апатіею военнаго сословія. Сперва расформировали третіе баталіоны пѣхотныхъ полковъ для укомплектованія двухъ другихъ баталіоновъ; потомъ отдѣлили изъ нихъ части для составленія кадровъ третьихъ баталіоновъ, кои были пополнены рекрутами и служили для содержанія въ надлежащемъ

возвратится съ довѣріемъ въ домъ свой; вы вскорѣ найдете тамъ средства удовлетворить вашимъ нуждамъ. Рабочіе, мастеровые, живущіе трудомъ своимъ, возвратитесь къ вашимъ обычнымъ занятіямъ: для васъ готовы домы, лавки, охранные караулы; вы получите за ваши работы должную плату. И вы, крестьяне, выходите изъ лѣсовъ, куда отъ ужаса укрылись; возвратитесь въ свои избы; вы найдете въ нихъ защиту. Въ городѣ учреждены рынки, на которыхъ вы можете продавать избытки вашихъ запасовъ.

„Чтобы обезпечить свободный сбытъ ихъ, правительство приняло слѣдующія мѣры: 1) Съ сего числа, крестьяне, земледѣльцы и подмосковные жители могутъ, безъ всякаго опасенія, привозить свои припасы, какого-бы рода они ни были, въ городъ, на рынки, учреждаемые на Моховой и въ Охотномъ ряду. 2) Эти припасы будутъ продаваться по такой цѣнѣ, на какую покупщикъ и продавецъ согласятся между собою; но если продавецъ не получитъ требуемой имъ настоящей цѣны, то воленъ везти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, не можетъ ему препятствовать. 3) Главные торги назначаются два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и средамъ, и потому, еще наканунѣ сихъ дней, для охраненія подвозовъ, будутъ выставляемы, въ достаточномъ числѣ, войска на всѣхъ главныхъ дорогахъ ведущихъ къ городу. 4) Таковыя же мѣры будутъ приняты, чтобы и на возвратномъ пути крестьяне съ ихъ повозками и лошадьми не встрѣтили никакого затрудненія. 5) Немедленно примутся средства для возстановленія обычныхъ рынковъ.

„Городскіе и сельскіе обыватели, и вы, рабочіе и мастеровые, какой бы вы націи ни были! Приглашаю васъ способствовать отеческимъ намѣреніямъ его величества императора, клонящимся къ общему благополучію. Припадите къ стопамъ его съ почтеніемъ и довѣріемъ, и не медлите

соединиться съ нами (Portez à ses pieds respect et confiance et ne tardez pas à vous reunir à nous).

„Москва, 6-го октября (24-го сентября ст. ст.) 1812.

„Интендантъ города и московской провинціи Лессепсъ ([13])."

Это мятежное воззваніе, напечатанное въ большомъ числѣ экземпляровъ, раздавалось коммиссарами московскаго муниципалитета и французскими офицерами посылаемыми въ селенія на фуражировку. Но всѣ средства, употребленныя непріятелемъ къ распространенію сего воззванія и къ поколебанію вѣрности русскаго народа Царю и Отечеству, были тщетны: лестныя обѣщанія врага встрѣчаемы были съ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Для противодѣйствія его замысламъ русское духовенство и мѣстныя власти разсылали увѣщанія, которыя читались по церквамъ и на мірскихъ сходкахъ. Приведемъ въ примѣръ воззваніе графа Растопчина, обнародованное послѣ занятія Москвы Французами.

„Крестьяне, жители Московской губерніи!

„Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское наважденіе, злой Французъ, взошелъ въ Москву, предалъ ее мечу, пламени. Ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ алтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Надѣвали ризы вмѣсто попонъ, посорвали оклады, вѣнцы со святыхъ иконъ, наставилъ лошадей въ церкви православной вѣры нашея. Разграбилъ домы, имущества; наругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтными. Осквернилъ кладбища и до втораго пришествія тронулъ изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ, родителей. Заловилъ кого могъ, и заставилъ таскать, вмѣсто лошадей, имъ краденое. Моритъ нашихъ съ голоду, а теперь, какъ самому пришло ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою съзывать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая порядокъ,

защиту всякому. Ужели вы, православные, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова положитесь и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному? Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху и придется вамъ умирать голодною смертію; проведетъ онъ васъ посулами, а коли деньги дастъ, то фальшивыя; съ ними же будетъ вамъ бѣда. Оставайтесь, братцы, покорными—христіанскими воинами Божіей Матери—не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ; они ваши защитники, помощники; готовы васъ одѣть, обуть, кормить и поить. Истребимъ достальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси; станемъ бить, гдѣ не встрѣнутся; ужъ мало ихъ и осталося; а насъ сорокъ милліоновъ людей, слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину заморскую, и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ; а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, домы каменны; навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли Отецъ нашъ Александръ Павловичъ милліоновъ рублей на выстройку каменной Москвы, гдѣ Онъ мνромъ помазался, короновался Царскимъ вѣнцомъ? Онъ надѣется на Бога Всесильнаго, на Бога Русской земли, на народъ, ему подданный, богатырскаго сердца молодецкаго. Онъ одинъ Помазанникъ Его, и мы присягали Ему въ вѣрности. Онъ Отецъ, мы дѣти Его; а злодѣй Французъ—некрещеный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою; уже былъ онъ и Туркою, въ Египтѣ обасурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ; а теперь ласкается и говоритъ, что не быть грабежу, а все взято имъ, собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, такъ кричать пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ; съѣдятъ все какъ саранча и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными: куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу

глубокую. Солдаты Русскіе помогутъ вамъ; который побѣжитъ, того казаки добьютъ: а вы, не робѣйте, братцы, удалые, дружина московская, и гдѣ удастся по близости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда къ Царю въ Москву явитеся и дѣлами похвалитеся. Онъ васъ опять возстановитъ по прежнему и будете припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается и къ Французу преклонится, тотъ недостойный сынъ отеческой, отступникъ Закона Божія, преступникъ Государя своего, отдастъ себя на судъ и поруганіе; а душѣ его быть въ аду съ злодѣями, и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва (14).“

Правительство, обращая вниманіе на вредныя дѣйствія непріятеля, который, уже не надѣясь побѣдить Русскихъ открытою силою, прибѣгалъ къ хитрости и соблазну, обнародовало слѣдующее воззваніе:

„По Высочайшему Повелѣнію.

„Объявляется отъ Министерства Полиціи.

„Извѣстно, что непріятель учреждаетъ въ Москвѣ нѣкоторыя на французскій образецъ присутственныя мѣста или начальства, стараясь разглашать, якобы дѣлаетъ то для возстановленія порядка и спокойнаго въ ней пребыванія жителей. Между-тѣмъ солдаты его продолжаютъ расхищать и производить разныя насилія и грабительства. Для прикрытія сихъ неистовствъ, успѣлъ онъ страхомъ или соблазнами преклонить нѣкоторыхъ Русскихъ простолюдиновъ принять на себя обязанности, быть членами сихъ учреждаемыхъ отъ него обществъ. Перехваченныя бумаги содержатъ въ себѣ имена ихъ. Правительство долженствовало бы обнародовать оныя, и произнесть надъ ними строгій и праведный судъ; ибо вступать въ учреждаемыя непріятелемъ должности есть уже признавать себя ему подвластнымъ, а не просто плѣнникомъ. Но Правительство удерживается отъ сего только потому, что бумаги сіи не

совсѣмъ достовѣрны, и что оно безъ точнаго о томъ освѣдомленія опасается преждевременнымъ и поспѣшнымъ осужденіемъ оскорбить невинность. Между-тѣмъ обращая вниманіе и попеченіе свое о благѣ каждаго и всѣхъ, не можетъ оставить безъ предварительнаго увѣщанія, чтобы всякъ опасался вѣрить лукавому гласу враговъ, пришедшихъ сюда устами обѣщать безопасность и покой, а руками жечь, грабить и разорять царство наше. Какому надлежитъ или безумію, или крайнему развращенію, дабы повѣрить, что тотъ, который пришелъ сюда съ мечемъ, на убіеніе насъ изощреннымъ, съ пламенникомъ для воспаленія нашихъ домовъ, съ цѣпями для возложенія ихъ на выю нашу, съ кошницами для наполненія ихъ разграбленнымъ имуществомъ нашимъ, что тотъ желаетъ устроить нашу безопасность и спокойствіе? Сохранитъ ли тотъ славу и честь нашу, кто пришелъ отнять ихъ у насъ? Пощадитъ ли тотъ кровь нашу, кто, ни чѣмъ отъ насъ не оскорбленный пришелъ ее проливать? Оставитъ ли тотъ безпрепятственно соблюдать намъ древнюю предковъ нашихъ Вѣру, кто святотатственною рукою дерзаетъ обдирать оклады съ почитаемыхъ нами святыхъ и чудотворныхъ иконъ? Чтоже значатъ его слова и обѣщанія? Сынъ ли тотъ Отечества, кто имъ повѣритъ? По симъ причинамъ Правительство почитаетъ за нужное обвѣстить всенародно: 1, что оно прилагаетъ всевозможное попеченіе о помощи и призрѣніи разоренныхъ отъ непріятеля, скитающихся безъ пристанища людей; 2, что симъ предварительнымъ извѣщеніемъ надѣется спасти простоту отъ поздняго раскаянія въ легковѣрности; дерзость же, не стыдящуюся нарушать долгъ и присягу, устрашить праведнымъ и неизбѣжнымъ наказаніемъ.

„Октября 9-го. 1812 (15).“

Это воззваніе было обнародовано уже тогда, когда непріятельская армія, очистивъ Москву, отступала къ Днѣпру.

Казалось, Всемогущій Промыслъ опредѣлилъ, чтобы русскій народъ, слѣдуя внушенію совѣсти и долга, еще до вызова Правительства выказалъ въ полномъ блескѣ всѣ превосходныя свои качества. Не нужно было большихъ усилій, чтобы подвигнуть къ поголовному вооруженію жителей губерній, объятыхъ пламенемъ войны. Все мужское народонаселеніе, даже дряхлые старики и слабые отроки, вооружались на защиту Россіи ([16]). Земледѣльческія работы, перевозка военныхъ тяжестей, доставка курьеровъ съ депешами, все это исполнялось женщинами. Нѣкоторыя изъ нихъ принимали участіе въ бранныхъ подвигахъ своихъ мужей и братьевъ, и въ числѣ ихъ была старостиха Василиса, знаменитая въ народныхъ преданіяхъ взятіемъ въ плѣнъ и доставкою въ Сычевки цѣлой непріятельской партіи.

Послѣдствія народной войны въ 1812 году были столь же гибельны для непріятеля, сколько и подвиги нашихъ партизановъ. Весьма трудно исчислить вполнѣ уронъ нанесенный воинами-поселянами Наполеоновой арміи; но важность ихъ дѣйствій оказывается изъ того, что въ нѣсколькихъ уѣздахъ непріятель потерялъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ ([17]).

Пожаръ Москвы былъ одною изъ главныхъ причинъ развитія народной войны. Народъ, убѣжденный въ томъ, что Французы сожгли нашу столицу, жаждалъ отмстить нечестивымъ врагамъ, не пощадившимъ московскихъ святынь, и даже тѣ, которые знали, что непріятелю не было никакой надобности жечь Москву, были чрезвычайно озлоблены противъ Французовъ, будучи побуждаемы чувствомъ народной гордости, оскорбленной Тильзитскимъ миромъ и нашествіемъ непріятеля. Вся Россія подобилась огромному военному стану: никто не заботился о своемъ имуществѣ, никто не предавался своимъ обычнымъ занятіямъ; всѣ стремились принять какое бы то ни было уча-

стіе въ священномъ дѣлѣ освобожденія родины; женщины смотрѣли съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые колебались жертвовать удобствами жизни на пользу общую. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ формировались резервы и ополченія, господствовала усиленная дѣятельность; не нужно было понужденія; подчиненные не уступали въ усердіи начальникамъ. Общая опасность и общія надежды сдѣлали Русскихъ членами одной семьи: люди совершенно незнакомые между собою, при полученіи изъ арміи благопріятныхъ извѣстій, обнимались взаимно какъ братья и поздравляли другъ-друга, либо плакали вмѣстѣ о бѣдствіяхъ Отечества. Семейственныя несчастія были незамѣтны и—казалось—всѣ чувства поглощались общею скорбью и жаждою мести. Многіе жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ, нисколько тѣмъ не тщеславясь, и въ Петербургѣ часто встрѣчались люди, потерявшіе въ Москвѣ сотни тысячъ и пришедшіе оттуда пѣшкомъ въ сермягахъ и лаптяхъ, которые радовались, что ихъ имущество погибло въ огнѣ, а не досталось ненавистному непріятелю.

Такое восторженное состояніе могучаго, но, большею частью, необразованнаго, грубаго народа, иногда подавало поводъ къ жестокому обращенію съ безоружными непріятелями. Люди, не щадившіе самихъ себя, нерѣдко были безжалостны къ чужеземцамъ пришедшимъ изъ далекихъ странъ для опустошенія Россіи. Наполеонова армія, составленная въ 1812 году изъ двадцати различныхъ націй, не отличалась дисциплиною, и потому Русскіе, видя на каждомъ шагу грабительство, насильство и презрѣніе къ святынѣ, не могли питать никакого христіанскаго чувства къ непріятелямъ, попиравшимъ предметы ихъ благоговѣнія и мстили за жестокость жестокостью. Всякій народъ, поставленный въ такое положеніе, въ какомъ находились наши соотечественники при нашествіи Французовъ, поступилъ бы не лучше нашего: вспомнимъ, что дѣлали гверильясы

на Пиренейскомъ полуостровѣ и ополченія кардинала Руффо въ южной Италіи, и не обременяя добраго русскаго народа незаслуженнымъ упрекомъ въ неслыханномъ жестокосердіи, пожалѣемъ о человѣчествѣ, которое въ самыя великія эпохи платитъ дань своему несовершенству. По-крайней-мѣрѣ, Русскіе могутъ гордиться тѣмъ, что они въ годину испытанія не унизили себя малодушіемъ и что непріятели нигдѣ не находили себѣ сообщниковъ. Только лишь немногіе иностранцы и нѣсколько коренныхъ Русскихъ, принадлежавшихъ къ низшимъ сословіямъ, приняли участіе въ засѣданіяхъ московскаго муниципалитета. Ни одинъ изъ извѣстныхъ людей не посрамилъ себя угодливостью непріятелю; никто изъ московскихъ духовныхъ пастырей не молился за Наполеона; нѣсколько деревенскихъ старостъ было разстрѣляно за то, что они не хотѣли повиноваться Французамъ; крестьяне, принужденные служить непріятелямъ проводниками, сбивали ихъ съ надлежащаго пути и гибли жертвою священнаго долга. Россійское духовенство, подвизаясь по стопамъ великаго Святителя, митрополита Платона, утверждая православныхъ въ чувствахъ самоотверженія, освящало благословеніемъ свыше общія усилія. Наполеоновы полчища, вмѣсто борьбы съ нашими арміями, были принуждены сражаться съ цѣлымъ народомъ, встрѣчая на каждомъ мѣстѣ обширной Россіи бездну, готовую поглотить ихъ. Самъ Сегюръ, излагая событія 1812 года, говоритъ: „Товарищи! Отдадимъ справедливость Русскимъ. Жертва, ими принесенная, была огромна, безусловна. Они не сожалѣли о своихъ потеряхъ и не требовали никакого возмездія, даже по занятіи непріятельской столицы, обязанной имъ своимъ сохраненіемъ. Они снискали заслуженную славу, и когда болѣе утонченная образованность проникнетъ къ нимъ, тогда для этого великаго народа настанетъ великая эпоха, и знаменитость содѣлается его удѣломъ“ ([18]).

ГЛАВА XXX.

Прибытіе подкрѣпленій къ войскамъ графа Витгенштейна.

СОДЕРЖАНІЕ.

Расположеніе войскъ графа Витгенштейна послѣ перваго сраженія при Полоцкѣ.—Состояніе войскъ обѣихъ сторонъ.—Движеніе подкрѣпленій къ корпусу графа Витгенштейна.—Выступленіе ополченія изъ Петербурга.—Партизанскія дѣйствія.—Прибытіе Финляндскаго корпуса къ Ригѣ.—Положеніе дѣлъ на нижней Двинѣ; дѣйствія генерала Эссена до прибытія войскъ изъ Финляндіи.—Дѣйствія графа Штейнгеля.—Дѣло при Мезотенѣ.—Отступленіе Штейнгеля.—Занятіе Эссеномъ Митавы и отступленіе русскихъ войскъ къ Ригѣ.—Движеніе Штейнгеля къ Придруйску.—Мѣры принятыя графомъ Витгенштейномъ для открытія сообщенія съ Финляндскимъ корпусомъ.—Прибытіе Петербургскаго ополченія и распредѣленіе его.—Число войскъ графа Витгенштейна въ началѣ октября.—Число войскъ Сенъ-Сира. Мѣры имъ принятыя на случай наступленія русскихъ войскъ.

Послѣ перваго сраженія при Полоцкѣ, русскія войска графа Витгенштейна были расположены (какъ изложено въ концѣ XIV главы), съ 11-го (23) августа по 4-е (16) октября, слѣдующимъ образомъ: главныя силы корпуса на позиціи по правую сторону рѣки Дриссы, у Сивошина; резервъ у мызы Соколнщи-Щитъ, куда перешла и корпусная квартира; авангардъ у Бѣлаго. Графъ Витгенштейнъ, предполагая удерживать непріятеля на Дриссѣ, приказалъ усилить позицію укрѣпленіями и привести въ оборонительное состояніе городъ Себежъ, гдѣ находились обозы и значительные склады. Для наблюденія за Макдональдомъ подполковникъ Бедряга, съ Сводным гусарскимъ полкомъ, оставался у Каменца, на пути отъ Динабурга къ Рѣжицѣ; а пространство впереди корпуса охранялось, кромѣ аван-

гарда, отрядами высланными: вверхъ по рѣкѣ Свольнѣ къ деревнѣ Филиповой, къ селенію Грамоши и на дорогу ведущую изъ Полоцка въ Невель (1).

Такимъ образомъ, графъ Витгенштейнъ, прикрывъ пути ведущіе отъ Двины къ Новгороду и Пскову, обезпечилъ отъ непріятеля нашу сѣверную столицу. Его имя, прославленное постоянными успѣхами нашего оружія въ тяжкую годину вражескаго нашествія, сдѣлалось народнымъ. Псковское купечество, желая выразить ему свою признательность, препроводило къ нему икону Святаго Чудотворца, великаго князя Гавріила Псковскаго, въ богатомъ окладѣ, съ надписью: „Защитнику Пскова, графу П. Х. „Витгенштейну отъ купцовъ сего города, сентября 1-го „дня, 1812 года." На донесеніе Государю Витгенштейна, о дозволеніи ему принять сей даръ, какъ благословеніе псковскихъ гражданъ, послѣдовалъ Высочайшій Рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Графъ Петръ Христіановичъ! Поднесенный вамъ отъ общества псковскаго купечества образъ Гавріила Чудотворца, съ надписью: „защитнику Пскова", я нетокмо принять вамъ позволяю, но и купцовъ, изъявившихъ вамъ свою благодарность, за сей поступокъ ихъ похваляю. Святый и Благовѣрный князь Гавріилъ имѣетъ на мечѣ своемъ надпись: *чести моей никому не отдамъ.* Вы со ввѣреннымъ вамъ воинствомъ, защищая Псковъ и отечество, оказали себя ревностнымъ сему правилу его послѣдователемъ, а потому не сомнѣваюсь, чтобъ сей угодникъ Божій, видя образъ сей въ рукахъ вашихъ, не веселился духомъ и не осѣнялъ васъ свыше (2)".

Маршалъ Сенъ-Сиръ, несмотря на превосходство свое въ числѣ войскъ, не отваживался атаковать позицію занятую графомъ Витгенштейномъ. Причиною тому были преувеличенныя свѣдѣнія о силѣ нашего корпуса и чрезвы-

чайное изнуреніе Сенъ-Сировыхъ войскъ, изъ коихъ, по словамъ его, невозможно было двинуть ни одного баталіона прежде 10 (22) августа. Рекогносцировка, произведенная Баварцами въ сей день, стоила имъ дорого и не достигла предположенной цѣли—оттѣснить наши войска и занять бо́льшее пространство для добыванія на немъ запасовъ (3). Опытный маршалъ, желая избѣжать централизаціи провіантскаго вѣдомства въ корпусной квартирѣ, возложилъ заботу продовольствованія войскъ на дивизіонныхъ начальниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, каждому изъ корпусовъ были отведены для фуражированія особые районы. Сенъ-Сиръ говоритъ, что эти мѣры обезпечили правильное снабженіе продовольствіемъ его войскъ и способствовали къ прекращенію мародёрства, но, по свидѣтельству маршала, солдаты его были изнурены до такой степени, что уже никакія средства не могли спасти ихъ (4).

Напротивъ того—войска графа Витгенштейна, съ самаго начала войны имѣвшія въ изобиліи все нужное, пользовались по прежнему реквизиціями въ окрестной странѣ и подвозами изъ Псковской губерніи. Подкрѣпленія, прибывавшія къ нашему корпусу, не только обезпечили его отъ наступательныхъ покушеній Сенъ-Сира, но и подавали намъ возможность обезпокоивать непріятеля дѣйствіями Малой войны, послужившими еще къ бо́льшему изнуренію и ослабленію французо-баварскихъ войскъ (5).

Важнѣйшими изъ подкрѣпленій, прибывшихъ къ корпусу Витгенштейна, были ополченія и резервы, присланные изъ Петербурга и Новгорода.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 30-го августа (11-го сентября), на имя генералъ-адъютанта Меллера-Закомельскаго, петербургское ополченіе, съ приданными къ нему частями регулярныхъ войскъ, находилось въ слѣдующемъ составѣ:

I. Отрядъ, подъ начальствомъ тайнаго совѣтника Би-

бпкова, направленный отъ Петербурга чрезъ Псковъ къ Себежу.

Воронежскій пѣхотный полкъ . . . . . 2 бат.

Первая и Третья бригады ополченія . . . 6 друж.

Присоединившіеся къ отряду въ Царскомъ Селѣ. {Гродн. гусарск. 2 эскадр. Польск. уланск. 2 —

II. Отрядъ генералъ-маіора Бегичева, направленный отъ Петербурга чрезъ Порховъ къ Великимъ-Лукамъ.

Вторая, Четвертая и Пятая бригады ополченія. 9 друж.

Митавскій драгунскій полкъ . . . . . . 4 эскадр.

Присоединившійся въ Гатчинѣ 1-й Морской полкъ . . . . 2 бат.

Выступившія днемъ позже 35-я и 49-я роты легкой артиллеріи.

Всего же въ обоихъ отрядахъ: 15 дружинъ петербургскаго ополченія . . . . .11,567 чел.

Воронежскій и 1-й Морской полки, первый въ числѣ 1,283-хъ, а второй примѣрно въ числѣ 1,000; всего . . . . 2,283 чел.

Митавскій драгунскій полкъ . . . . 575.

Гродненскаго гусарскаго и Польскаго уланскаго . . . . 500.

Легкія роты №№ 35 и 49 . . . . 346.

Въ числѣ всего-на-все пятнадцати тысячъ человѣкъ съ двадцатью четырьмя орудіями (6).

Первый отрядъ выступилъ изъ Петербурга 3-го (15-го) сентября, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ занялъ московскій кремль, а второй — 5-го (17-го) сентября. Самъ Государь оба раза провожалъ защитниковъ Отечества. Митрополитъ, подойдя къ ближайшей колоннѣ ополченія, произнесъ рѣчь, благословилъ воинство святою иконою Спасителя и вручилъ ее Бибикову, а при выступленіи втораго отряда осѣнилъ ратниковъ иконою Благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Генералъ Бегичевъ, принявъ изъ рукъ архи-

пастыря святый образъ, поднялъ его вверхъ и, обратясь къ своему отряду, сказалъ: „Клянитесь, ребята! пока живы будете, не оставлять его.“ — „Не оставимъ!“ — отвѣчали ратники, сотворивъ крестное знаменіе. — „Рады умереть за вѣру и батюшку-Царя.“ Народъ, собравшійся во множествѣ, сопровождалъ своихъ защитниковъ громкими восклицаніями. Самъ Государь, пропустивъ мимо себя всѣ колонны, догналъ первый взводъ, остановилъ его и изъявилъ краткою рѣчью надежду свою на усердіе ополченія; въ отвѣтъ обожаемому Монарху тысячи голосовъ единодушно воскликнули: „Рады стараться! рады умереть!“ Многіе изъ жителей столицы провожали ратниковъ до перваго привала, у Четырехъ-Рукъ ([7]).

При выступленіи въ походъ, ратники получили: двухъмѣсячное жалованье, десяти-дневную дачу сухарей и деньги на покупку двадцати-дневнаго количества провіанта; а дружиннымъ начальникамъ и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ сдѣлано денежное пособіе на подъемъ и первоначальное обмундированіе. Какъ заготовленіе провіанта и фуража не могло быть исполнено самими дружинами, то начальникъ 2-го округа ополченія генералъ-адъютантъ Меллеръ-Закомельскій ходатайствовалъ объ отпускѣ имъ запасовъ отъ казны въ натурѣ ([8]).

4-го (16) сентября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе Меллеру-Закомельскому объ усиленіи войскъ графа Витгенштейна четырьмя или пятью тысячами ратниковъ новгородскаго ополченія.

С.-Петербургское ополченіе прибыло къ корпусу еще до втораго сраженія при Полоцкѣ и участвовало въ немъ, (какъ будетъ изложено впослѣдствіи); а новгородское послѣ сраженія ([9]).

Въ продолженіе пребыванія войскъ Витгенштейна на рѣкѣ Дриссѣ, съ 11 (23) августа по 4 (16) октября, ведена была Малая война. 20-го августа (1 сентября), пришло въ корпу-

сную квартиру извѣстіе о появленіи непріятеля въ значительныхъ силахъ у Дриссы, что заставило отрядить для поиска отъ Грамоши къ сему пункту, незадолго предъ тѣмъ прибывшаго отъ войскъ 1-й арміи, полковника Родіонова 2-го. Отрядъ ему ввѣренный состоялъ изъ казачьяго его имени полка, двухъ эскадроновъ Своднаго гвардейскаго полка и одного эскадрона Рижскихъ драгунъ. Храбрый Родіоновъ перешелъ 22-го августа (3-го сентября), черезъ Двину, у Дриссы, и застигнувъ въ расплохъ одинъ изъ маршевыхъ баталіоновъ и эскадронъ 7-го конно-егерскаго полка, разбилъ ихъ, захватилъ въ плѣнъ болѣе пятидесяти человѣкъ и возвратился въ Грамоши. За тѣмъ—обратясь къ сторонѣ Невеля и присоединивъ къ своему отряду три эскадрона Рижскаго, Ингерманландскаго и Ямбургскаго драгунскихъ полковъ, высланные туда прежде подъ начальствомъ отставнаго артиллерійскаго подполковника Непейцына, Родіоновъ разсѣялъ нѣсколько непріятельскихъ партій, разбилъ, 9 (21) сентября, у Козянъ, довольно значительный непріятельскій отрядъ и преслѣдовалъ его на протяженіи семи верстъ. Въ этихъ дѣлахъ взято нашими войсками въ плѣнъ болѣе ста восьмидесяти человѣкъ, въ числѣ которыхъ одинъ штабъ-офицеръ и четыре оберъ-офицера; убитыми же непріятель потерялъ до трехъ сотъ человѣкъ, при чемъ въ особенности потерпѣлъ уронъ 3-й уланскій полкъ. Съ нашей стороны убито девять и ранено тридцать пять человѣкъ. Войска Родіонова захватили въ Козянахъ до пяти тысячъ четвертей муки и овса, болѣе тысячи печеныхъ хлѣбовъ, сорокъ бочекъ вина и сто штукъ скота; всѣ эти запасы, кромѣ скота и хлѣба, за неимѣніемъ подводъ, были уничтожены ([10]).

Не менѣе сдѣлались извѣстны своими партизанскими подвигами отставной подполковникъ Непейцынъ и маіоръ (вскорѣ произведенный въ слѣдующій чинъ) Бедряга Первый изъ нихъ, потерявъ ногу еще на штурмѣ Очако-

ва, явился въ 1812 году изъ отставки на службу и, получивъ въ команду небольшой отрядъ, сдѣлался грозою непріятелей; а Бедряга, дѣйствуя почти во всю кампанію отдѣльно, отличался смѣлыми налетами и заслужилъ не разъ одобреніе графа Витгенштейна.

---

7 (19) сентября, графъ Витгенштейнъ получилъ Высочайшее повелѣніе, въ которомъ были начертаны предположенія Императора Александра I, относительно участія войскъ 1-го отдѣльнаго корпуса въ исполненіи общаго плана дѣйствій. Выше было изложено, что онъ получилъ назначеніе, усилясь слѣдовавшими къ нему подкрѣпленіями, атаковать Полоцкъ съ обѣихъ сторонъ Двины, вытѣснить изъ сего города непріятельскіе корпуса и преслѣдовать ихъ по направленію къ Свенцянамъ; а потомъ, поручивъ дальнѣйшее преслѣдованіе разбитаго непріятеля корпусу графа Штейнгеля, усиленному частью рижскаго гарнизона, повернуть къ Докшицамъ, утвердиться на рѣкѣ Улѣ и войдя, къ 10 (22) октября, въ связь съ войсками адмирала Чичагова, отрѣзать отступленіе Большой Наполеоновой арміи.

Сообразно съ общимъ планомъ дѣйствій, послѣдовало 18-го (30-го) августа Высочайшее повелѣніе командовавшему войсками въ Финляндіи, генералъ-лейтенанту графу Штейнгелю, отправиться къ Ригѣ съ корпусомъ составленнымъ изъ трехъ пѣхотныхъ и одного егерскаго полковъ 6-й дивизіи, четырехъ пѣхотныхъ и двухъ егерскихъ полковъ 21-й дивизіи, Финляндскаго драгунскаго и казачьяго Лощилина полковъ. Пѣхотные и егерскіе полки долженствовали быть каждый въ составѣ одного сильнаго баталіона, для чего первые баталіоны полковъ были укомплектованы рядовыми другихъ дѣйствующихъ баталіоновъ, оставшихся въ Финляндіи, въ кадренномъ составѣ изъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ (11).

Составъ корпуса назначеннаго къ отправленію къ Ригѣ:

6-я дивизія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рахманова.

Пѣхота.

Пѣхотные полки { Азовскій. Низовскій. Брянскій, на остр. Аландѣ, не прибылъ.

3-й егерскій полкъ.

21-я дивизія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Алексѣева.

Пѣхотные полки { Невскій. Петровскій. Литовскій. Подольскій.

Егерскіе полки { 2-й 44-й на остр. Аландѣ, не прибылъ.

Кавалерія.

Финляндскій драгунскій и казачій Лощилина полки.

Артиллерія.

Батарейная рота № 21-го (одна полурота не прибыла).

Легкая рота № 11-го.

Войскамъ этимъ было назначено сѣсть на суда въ Гельсингфорсѣ, Або и на островѣ Аландѣ, и, высадившись въ Ревелѣ, продолжать дальнѣйшее движеніе къ Ригѣ сухимъ путемъ, потому что высадка на послѣднемъ пунктѣ представляла большія затрудненія. 24 и 25 августа (5 и 6 сентября), часть амбаркированныхъ войскъ отплыла изъ Гельсингфорской гавани; нѣкоторыя изъ отправленныхъ судовъ, будучи застигнуты, въ ночи на 26-е число, сильною бурею, потонули съ 179-ю драгунами, 110-ю казаками и шестью орудіями на нихъ находившимися; вслѣдъ за тѣмъ, 26-го, въ 7 часовъ утра, отплылъ графъ Штейнгель съ остальными полками, кромѣ одного отправленнаго изъ Або,

и 28 августа (9 сентября) весь корпусъ его былъ уже высаженъ въ Ревелѣ. Число состоявшихъ въ немъ войскъ было несравненно менѣе назначеннаго въ общемъ операціонномъ планѣ, какъ по несчастному случаю съ первымъ транспортомъ, такъ и по неприбытію съ Аланда полковъ Брянскаго пѣхотнаго и 44-го егерскаго, въ числѣ 2,630 человѣкъ ([12]). Войска графа Штейнгеля, выйдя на берегъ, въ числѣ 10,159 человѣкъ ([13]), немедленно были направлены, въ нѣсколькихъ эшелонахъ, къ Ригѣ и соединились у сего города 10-го (22) сентября.

Положеніе дѣлъ на нижней Двинѣ не измѣнялось съ самаго открытія военныхъ дѣйствій. Макдональдъ, съ дивизіею Гранжана, въ числѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, оставался въ бездѣйствіи у Динабурга, между-тѣмъ какъ прусскія войска, поступившія въ началѣ августа нов. ст. подъ начальство генерала Іорка, стояли подъ Ригою, ограничиваясь наблюденіемъ этой крѣпости. Генералъ Эссенъ 1-й покушался два раза оттѣснить ихъ: 26-го іюля (7-го августа), войска наши атаковали лѣвое крыло прусскаго отряда и овладѣли посадомъ Шлокомъ, но потомъ были вытѣснены оттуда. 10-го (22-го) августа, генералъ Эссенъ снова двинулся противъ непріятеля, растянутаго на протяженіи сорока верстъ, отъ Шлока, чрезъ Олай, къ Даленкирхену: правая наша колонна выбила его изъ Шлока, а лѣвая заняла съ боя Даленкирхенъ; потеря прусскихъ войскъ одними плѣнными простиралась до 650-ти, а вообще превышала тысячу человѣкъ; съ нашей стороны убито и ранено шесть сотъ человѣкъ: въ числѣ убитыхъ былъ подполковникъ Тидеманъ, при началѣ войны перешедшій въ нашу службу изъ прусскаго генеральнаго штаба. Два дня спустя, Эссенъ очистилъ оба занятые нами пункты и отвелъ свои войска къ крѣпости ([14]). Макдональдъ, получивъ извѣстіе о покушеніи рижскаго гарнизона, послалъ бригаду Гюнербейна (бывшую Рикара), къ Фридрихштадту,

для поддержанія въ случаѣ надобности Іорка, а самъ, съ прочими двумя бригадами дивизіи Гранжана, остался у Динабурга ([15]).

Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Эссенъ предпринялъ демонстрацію къ Данцигу, чтобы пріостановить, хотя на время, движеніе непріятельскихъ войскъ, направленныхъ (какъ онъ предполагалъ), въ помощь Сенъ-Сиру и Большой арміи. Съ этою цѣлью, англійскій контръ-адмиралъ Мартенсъ, по соглашенію съ генераломъ Эссеномъ, отправился 9-го (21-го) августа съ эскадрою, состоявшею изъ корабля Абукиръ, нѣсколькихъ фрегатовъ и транспортныхъ судовъ, съ четырьмя стами человѣкъ 30-го егерскаго полка и двумя пушками, находившимися подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Балабина. Противные вѣтры, штиль и плохой ходъ нѣкоторыхъ транспортовъ не позволили эскадрѣ прибыть къ Данцигу прежде 19-го (31-го) августа. Контръ-адмиралъ Мартенсъ подошелъ къ берегу подъ шведскимъ флагомъ, чтобы придать своимъ судамъ видъ авангарда россійско-шведскихъ десантныхъ войскъ. Появленіе его произвело въ городѣ большую тревогу и заставило непріятеля сосредоточить къ Данцигу войска отъ Пиллау и Мемеля. Достигнувъ своей цѣли, Мартенсъ отплылъ обратно къ Ригѣ ([16]).

По прибытіи Финляндскаго корпуса къ Ригѣ, возникли недоразумѣнія между Эссеномъ и графомъ Штейнгелемъ, изъ которыхъ первый, будучи старѣе по службѣ, счелъ себѣ въ обиду назначеніе Штейнгеля начальникомъ всѣхъ войскъ отряженныхъ въ экспедицію и просился въ отставку ([17]). Между-тѣмъ, приступлено было, на основаніи Высочайшаго повелѣнія графу Штейнгелю, къ очищенію отъ непріятеля нижней части Двины. Но оказалось, что, вмѣсто двадцати тысячъ человѣкъ рижскаго гарнизона, которые, подъ начальствомъ генерала Левиза, должны были содѣйствовать Штейнгелю, невозможно было отрядить для

усиленія его изъ рижскаго гарнизона болѣе 11,600 человѣкъ съ 12-ю орудіями. Для охраненія Риги и Динамюнда осталось всего-на-все 5,135 человѣкъ. Слѣдовательно, наши генералы могли располагать для достиженія предположенной цѣли, вмѣсто тридцати пяти тысячъ человѣкъ, числившихся въ общемъ планѣ дѣйствій, всего двадцатью двумя тысячами ([18]).

Первые три дня, по прибытіи Финляндскаго корпуса, были употреблены на снабженіе его боевыми припасами и десяти-дневнымъ провіантомъ. За тѣмъ, 14-го (26) сентября, наши войска выступили противъ непріятеля. Ближайшею цѣлью дѣйствій долженствовало быть, по мнѣнію Эссена, занятіе Митавы, „какъ средоточія французскаго управленія въ Курляндіи". Напротивъ того—графъ Штейнгель полагалъ, что прежде всего надлежало овладѣть непріятельскимъ осаднымъ артиллерійскимъ паркомъ, тогда стоявшимъ у Руэнталя, близъ Бауска, въ семидесяти верстахъ отъ Риги. Слѣдствіемъ такого разногласія въ мнѣніяхъ было раздѣленіе силъ назначенныхъ въ экспедицію по тремъ различнымъ направленіямъ: флотилія Моллера, отплывъ отъ Дюнаминда, по Болдер-Аа, пошла, 15-го (27) сентября, къ Бильдерлингсгофу, куда, въ тоже время, прибылъ сухимъ путемъ генералъ-лейтенантъ Бриземанъ-фонъ-Неттингъ, съ 1,850 человѣкъ пѣхоты, 30-ю драгунами, 50-ю казаками и четырьмя орудіями, для дѣйствія, вмѣстѣ съ флотиліею, противъ непріятельскихъ войскъ занимавшихъ Шлокъ, и для дальнѣйшаго движенія къ Митавѣ; полковникъ баронъ Розенъ, съ 1,000 человѣкъ, былъ направленъ къ Олаи, для овладѣнія плотиною, на дорогѣ изъ Риги въ Митаву; главная же колонна, состоявшая изъ всего Финляндскаго корпуса и остальныхъ войскъ Левиза, въ числѣ 18,000 человѣкъ пѣхоты и 1,300 кавалеріи, съ 23-мя орудіями, 14-го (26) сентября, собралась на Баусской дорогѣ. Въ тотъ же день, авангардъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, 3-хъ эскадроновъ

и 500 казаковъ, съ 6-ю орудіями, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ ([19]), двинулся къ Фламенгофу, опрокинулъ находившійся тамъ прусскій постъ и вытѣснилъ изъ Даленкирхена отрядъ полковника Горна, въ числѣ 2,500 человѣкъ, захвативъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ и полтораста нижнихъ чиновъ и положивъ на мѣстѣ болѣе двадцати человѣкъ; съ нашей стороны уронъ былъ гораздо менѣе. Къ вечеру главныя наши силы расположились у Даленкирхена, выславъ отряды по дорогѣ въ Олай, до Плаканцема, и по дорогѣ въ Фридрихштадтъ къ Берземюнде.

Генералъ Іоркъ, находившійся съ главными силами своего корпуса у Олай, отвелъ большую часть ихъ къ Экау, приказалъ Горну отступить туда же и занялъ за рѣчкою довольно выгодную позицію. 15 (27) сентября, графъ Штейнгель съ главными силами двинулся противъ непріятеля съ фронта, отрядивъ полковника Траскина, съ двумя баталіонами и со взводомъ драгунъ, на Балдонъ, въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи. Войска наши переправились въ бродъ черезъ рѣчку, что заставило Іорка отступить къ Бауску съ потерею 120 человѣкъ плѣнными.

Генералъ Іоркъ, убѣдясь, что собранныя имъ у Бауска войска не могли остановить наступленіе нашего корпуса, приказалъ идти на соединеніе съ ними бригадѣ Гюнербейна, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, стоявшей у Фридрихштадта, и генералу Клейсту, съ 5-ю батальонами и 3-мя эскадронами, въ числѣ болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, занимавшему Митаву.

Между-тѣмъ, какъ генералъ Іоркъ принималъ мѣры для сосредоточенія своихъ силъ, съ нашей стороны, 16-го (28-го) сентября, по приказанію генерала Эссена, отряженъ былъ полковникъ Экельнъ, съ двумя егерскими баталіонами и съ 50-ю драгунами (въ журналѣ дѣйствій Штейнгеля сказано — съ 3,000 пѣхоты, со взводомъ драгунъ и съ шестью орудіями), черезъ Гарозенъ, для содѣйствія про-

чимъ отрядамъ, прежде посланнымъ къ Митавѣ, куда отправился и самъ Эссенъ. Войска же графа Штейнгеля, въ числѣ пятнадцати тысячъ человѣкъ пѣхоты, тысячи человѣкъ конницы и 18 орудій, двинулись къ Цодену, выславъ авангардъ, подъ начальствомъ полковника Гернгросса, къ Бауску. Тогда генералъ Іоркъ, опасаясь, чтобы войска наши, переправясь черезъ рѣку Аа, не овладѣли паркомъ стоявшимъ у Руэнталя, рѣшился, для прикрытія его, перейти къ Мезотену и расположился у этого пункта, поутру 17-го (29-го) сентября, по правую сторону Аа, поручивъ прибывшему изъ Митавы отряду Клейста оборону лѣваго берега, и сохраняя съ нимъ сообщеніе посредствомъ моста въ Мезотенѣ и бродовъ на рѣкѣ Аа. Авангардъ полковника Гернгросса, пользуясь удаленіемъ прусскихъ войскъ изъ Бауска, занялъ сей городъ, между-тѣмъ какъ вновь составленный авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вельяминова, расположился близъ Мезотена, въ виду главныхъ силъ Іорка, прикрывавшихъ паркъ у Руэнталя. Проливной дождь, продолжавшійся во весь день, заставилъ обѣ стороны оставаться въ бездѣйствіи.

17-го (29) сентября, графъ Штейнгель, получивъ свѣдѣніе о значительномъ усиленіи непріятеля и убѣдясь въ силѣ его позиціи за рѣкою Аа, рѣшился обойти его съ лѣваго фланга, на Цемаленъ, и приказалъ Гернгроссу очистить Бauскъ и присоединиться къ главнымъ силамъ, что̀ было исполнено по истребленіи баусскихъ магазиновъ. Между-тѣмъ Іоркъ поручилъ генералу Массенбаху атаковать Русскихъ на правомъ берегу; съ своей стороны, Штейнгель, не оставляя намѣренія—обойти непріятеля съ фланга, приказалъ генералъ-маіору Бельгарду, съ Азовскимъ и Низовскимъ батальонами и съ шестью орудіями легкой роты № 11-го, переправиться въ бродъ у Цемалена и атаковать прусскую позицію. Въ шесть часовъ вечера, наши войска повели нападеніе по лѣвой сторонѣ рѣки; для удержанія ихъ

была послана бригада Клейста. Послѣ жаркаго дѣла, Бельгардъ былъ принужденъ отступить на правую сторону рѣки съ большою потерею ([20]). Неудача предпринятаго нами нападенія и значительное превосходство непріятеля въ кавалеріи и артиллеріи заставили графа Штейнгеля и Левиза отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій и отступать къ Ригѣ. Для образованія арріергарда, прежній авангардъ былъ усиленъ Петровскимъ баталіономъ, отрядомъ полковника Гернгросса, прибывшимъ изъ Бауска, и частью Рижскаго корпуса, и порученъ генералъ-маіору Фоку. Главныя же наши силы, на разсвѣтѣ 18-го (30) сентября, стали отступать къ Гарозену. Непріятель, въ пять часовъ утра, атаковалъ генерала Фока всѣми своими войсками поддержанными огнемъ пятидесяти орудій. Открытая мѣстность способствовала дѣйствію многочисленной непріятельской кавалеріи, которой мы могли противопоставить только два эскадрона Финляндскихъ драгунъ, но геройское сопротивленіе 3-го егерскаго полка позволило намъ отступить безъ большаго урона до Анненбурга, гдѣ возвышенія покрытыя лѣсомъ затруднили дальнѣйшее наступленіе непріятеля. Графъ Штейнгель, оставя въ арріергардѣ генералъ-маіора Вельяминова, съ Невскимъ и Петровскимъ баталіонами, драгунами и казаками, отступилъ, чрезъ Гарозенъ, въ Олай, гдѣ присоединилъ къ себѣ всѣ отряды, высланные къ Митавѣ, которые, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, заняли сей городъ, 17-го (29-го) сентября, овладѣли четырьмя мѣдными орудіями и истребили большое количество провіантскихъ и коммисаріатскихъ запасовъ тамъ собранныхъ непріятелемъ, а потомъ, когда пришло свѣдѣніе объ отступленіи Штейнгеля и Левиза, отошли на соединеніе съ ними къ Олау. 19-го сентября (1-го октября) нашъ арріергардъ, будучи атакованъ у Гарозена, отразилъ непріятеля, при чемъ въ-особенности отличилась артиллерія (шесть орудій легкой роты № 11-го) подъ началь-

ствомъ поручика Гербеля. На слѣдующій день, всѣ войска, участвовавшія въ экспедиціи, отступили къ Ригѣ, куда также возвратилась и флотилія. Потеря наша, въ дѣлахъ съ 14-го (26) по 19-е сентября (1 октября), простиралась до 1,900 убитыми и безъ вѣсти пропавшими и 578 ранеными. Непріятельскій уронъ одними плѣнными состоялъ въ 3-хъ офицерахъ и 400 нижнихъ чинахъ ([21]).

Экспедиція, нами предпринятая, для очищенія отъ непріятеля нижней Двины, не достигла предположенной цѣли, но заставила Макдональда, съ остальными войсками дивизіи Гранжана, перейти отъ Динабурга къ Бауску и не позволила ему содѣйствовать Сенъ-Сиру при послѣдующемъ наступленіи графа Витгенштейна къ Полоцку. Наполеонъ былъ весьма доволенъ прусскими войсками, которыя, исполняя свой долгъ, сражались весьма храбро за ненавистнаго имъ притѣснителя, но доблесть ими оказанная предвѣщала, чего можно было ожидать отъ усилій Пруссіи въ защиту Германіи.

По отступленіи русскихъ войскъ къ Ригѣ, обѣ стороны заняли прежнее свое расположеніе. Графъ Штейнгель, не успѣвъ согласиться съ генераломъ Эссеномъ на счетъ дальнѣйшихъ предположеній, рѣшился, для содѣйствія графу Витгенштейну, идти по правой сторонѣ Двины къ Придруйску и тамъ переправиться на лѣвый берегъ сей рѣки ([22]).

Императоръ Александръ I-й, получивъ донесеніе генералъ-лейтенанта Эссена, о неудачномъ наступленіи нашихъ войскъ, изъявилъ Свое неудовольствіе графу Штейнгелю, поставляя ему на видъ слѣдующія замѣчанія: „1) „Если вы предвидѣли, что ввѣренный вамъ корпусъ, до „прибытія остальныхъ изъ Ревеля полковъ, находится въ „слабомъ для дѣйствія состояніи, то слѣдовало бы вамъ „дожидаться оныхъ. 2) Равнымъ образомъ нахожу Я не„правильнымъ оставленіе вами въ Митавѣ части войскъ

„безъ всякой нужды, ибо въ сіе самое время войска не-„пріятельскія уже вышли всѣ изъ сего города, почему „таковое безполезное раздробленіе вашего корпуса „полагаю Я причиною сей неудачи“ ([23]).

Получивъ за тѣмъ донесеніе графа Штейнгеля, о принятомъ его войсками направленіи дѣйствій, по правой сторонѣ Двины, Государь изложилъ Свое мнѣніе въ слѣдующемъ рескриптѣ:

„На донесеніе ваше, о невозможности дѣйствовать ввѣ-„ренным вамъ корпусомъ отдѣльно и о перемѣнѣ плана „операцій, предпринятымъ вами направленіемъ по правому „берегу Двины къ Друѣ, Я нахожу нужнымъ замѣтить „вамъ, что выступившій изъ Риги, 14-го сентября, кор-„пусъ, для дѣйствія на Митаву и Экау, составилъ, по „Моему счету (исключая послѣднихъ, не прибывшихъ изъ „Ревеля войскъ), слишкомъ 20 тысячъ, слѣдовательно, съ „вѣроятностію полагать можно было, что сіе число устроен-„ныхъ россійскихъ войскъ могло бы съ пользою сражать-„ся противу равнаго числа собраннаго изъ разныхъ націй „непріятеля. Въ военныхъ предпріятіяхъ мѣры среднія „весьма рѣдко удаются. Самая ихъ умѣренность и береж-„ливость часто препятствуютъ успѣху (*), особливо раз-„дробя свои силы, какъ сіе было сдѣлано въ семъ случаѣ „оставя, отрядъ въ Митавѣ, а другой у Шлокъ. По отда-„ленности, въ коей Я нахожусь, однакоже, и по неудобно-„сти перемѣнить нынѣшнее ваше направленіе, не могу вамъ „дать инаго разрѣшенія, какъ изъявить желаніе Мое, дабы „новыя дѣйствія ваши увѣнчаны были лучшимъ успѣхомъ; а, „безъ сего, и самое выполненіе общаго операціоннаго пла-„на не достигнетъ настоящей своей цѣли ([24]).“

По снабженіи Финляндскаго корпуса боевыми припасами и провіантомъ, графъ Штейнгель выступилъ, 23-го сен-

(*) И Наполеонъ говоритъ: „полу-мѣры всего вреднѣе въ военномъ дѣлѣ“. Mémoires de Gourgaud.

тября (5 октября), отъ Риги, съ своими войсками, въ числѣ 8,200 человѣкъ пѣхоты, 530 драгунъ и казаковъ, 270 человѣкъ артиллеріи и 40 піонеръ, всего же: девяти тысячъ человѣкъ съ восмнадцатью орудіями. Движеніе отъ Риги, на Эрлаа и Прель, къ Придруйску, на протяженіи 280 верстъ, было совершено форсированными переходами въ 11 дней. 4-го (16-го) октября (въ самый тотъ день, когда графъ Витгенштейнъ возобновилъ наступательныя дѣйствія главными силами), войска Финляндскаго корпуса, построивъ мостъ на Двинѣ у Придруйска, переправились на лѣвую сторону сей рѣки, для дальнѣйшаго наступленія противъ непріятельскихъ корпусовъ занимавшихъ Полоцкъ. Графъ Витгенштейнъ, съ своей стороны, имѣя въ виду открыть сообщеніе съ войсками Штейнгеля, предписалъ подполковнику Бедрягѣ, съ Сводным гусарскимъ полкомъ, стоявшему у Каменца, прибыть къ 1-му (13) октября въ Придруйскъ и, переправясь тамъ черезъ Двину, двигаться вверхъ по лѣвому берегу рѣки, въ авангардѣ Финляндскаго корпуса, къ Двинѣ; маіоръ Беллинсгаузенъ, съ двумя сводными пѣхотными полками и четырьмя орудіями конной роты №23-го, былъ направленъ къ Диснѣ, гдѣ надлежало ему переправиться черезъ Двину, по мостамъ устроеннымъ полковникомъ графомъ Сиверсомъ, и, соединивъ свой отрядъ съ полкомъ Бедряги, идти въ авангардѣ Финляндскаго корпуса, по лѣвой сторонѣ Двины, къ Полоцку ([25]).

Не за долго предъ тѣмъ, войска графа Витгенштейна были усилены петербургскимъ ополченіемъ, съ находившимися при немъ регулярными войсками.

Отрядъ сенатора Бибикова, выступивъ, какъ сказано выше изъ Петербурга, 3-го (15) сентября, прибылъ въ Псковъ 16-го (28). Псковитяне, сдѣлавшіе столь многія пожертвованія для войскъ 1-го отдѣльнаго корпуса и для перевозки въ госпитали раненыхъ и больныхъ, приняли новыхъ воиновъ, какъ своихъ защитниковъ. Усердіе ратниковъ на пользу

общую и желаніе отмстить непріятелю достигли крайняго предѣла на слѣдующій день, когда разнеслась роковая вѣсть о занятіи Французами Москвы. 18-го (30) сентября, Бибиковъ, получивъ отъ графа Витгенштейна приказаніе ускорить движеніе отряда, выступилъ изъ Пскова и прибылъ въ Опочку 22-го (4 октября). На слѣдующій день, получивъ новое приказаніе — слѣдовать прямо въ Соколищи, а въ Себежъ послать только одну дружину, Бибиковъ отправился въ корпусную квартиру. Графъ Витгенштейнъ поздравилъ его начальникомъ С.-Петербургскаго и Новгородскаго ополченій и положилъ, чтобы дружины, во время боя, были придаваемы къ пѣхотнымъ полкамъ въ видѣ резерва. 28-го (10 октября), въ три часа по полудни, отрядъ соединился съ главными силами корпуса. Воронежскій пѣхотный полкъ поступилъ во вторую линію; два эскадрона Польскаго уланскаго полка прикомандированы къ Сводному гвардейскому полку; 1-я, 2-я, 3-я, 7-я и 9-я дружины ополченія приданы пѣхотнымъ полкамъ 14-й и къ егерскимъ 5-й дивизіи; 8-я же дружина, за исключеніемъ двухъ сотенъ, отряжена, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кутузова, въ Себежъ; а подполковникъ Черноевичъ, съ двумя сотнями 9-й дружины, посланъ въ Придруйскъ для сооруженія мостовъ, по которымъ предположено было переправиться корпусу графа Штейнгеля ([26]).

Отрядъ генералъ-маіора Бегичева, выступивъ изъ Петербурга, 5 (17) сентября, имѣлъ третью дневку, 13 (25), у Ѳеофиловой пустыни. Здѣсь было получено извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы. Сначала овладѣло ратниками мрачное уныніе, но потомъ смѣнила его жажда мести. Опасались унизительнаго мира и желали скорѣйшей встрѣчи съ непріятелемъ. 16 (28), отрядъ пришелъ въ Порховъ; 20-го (2 октября), во время сорока-двухъ верстнаго перехода, по грязной дорогѣ, до села Почаева, ратники встрѣтили отрядъ подполковника Ненейцына, провожавшій плѣн-

ныхъ Французовъ. „Вотъ, ребята,—сказалъ онъ,—я и „безъ ноги, да уже успѣлъ поколотить злодѣевъ; смотри- „те же—постарайтесь и вы хорошенько“—„Небось, ба- „тюшка,—отвѣчали ратники,—не положимъ на руки „охулки: далъ бы Богъ только дойти до нихъ.“ 22-го (4 октября), генералъ Бегичевъ отправился въ корпусную квартиру. На слѣдующій день, отрядъ пришелъ въ Великія-Луки, гдѣ назначенъ былъ двухъ-дневный отдыхъ. Жители встрѣтили своихъ защитниковъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Купцы, еще до прихода ополченія, сговорились между собою не брать съ ратниковъ ни за что денегъ; ополчане, съ своей стороны, не употребили во зло безкорыстія жителей города, довольствуясь предложеннымъ угощеніемъ. 28-го (10-го октября), отрядъ пришелъ въ Невель, гдѣ былъ встрѣченъ своимъ начальникомъ и въ продолженіе дневки получилъ семидневный провіантъ, принялъ винную порцію и привелъ въ исправность оружіе. Всѣ обозы, кромѣ патронныхъ ящиковъ и лазаретныхъ фуръ, были оставлены въ городѣ, подъ прикрытіемъ 15-й дружины. Противъ непріятельскихъ мародёровъ, опустошавшихъ окрестности Городка, былъ отряженъ генералъ-маіоръ Алексѣевъ, съ своимъ Митавскимъ драгунскимъ и 1-мъ Морскимъ полками, 15-ю дружиною петербургскаго ополченія и шестью орудіями легкой роты №49-го; а къ отряду Бечигева присоединились два эскадрона Ямбургскихъ драгунъ. 1-го (13) октября, Бегичевъ расположился у мызы Краснополья, въ ожиданіи присоединенія къ нему отряда генералъ-маіора Дибича 2-го, въ составѣ четырехъ сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ 5-й и 14-й дивизіи, трехъ баталіоновъ Своднаго егерскаго полка, запаснаго баталіона Полоцкаго полка, четырехъ драгунскихъ эскадроновъ и шести орудій легкой роты №49-го ([27]).

По прибытіи сихъ подкрѣпленій къ войскамъ графа Витгенштейна, число ихъ вообще простиралось до

20,800	человѣкъ	пѣхоты.
5,460	„ „	кавалеріи.
2,737	„ „	артиллеріи.
10,360	„ „	ополченія.
144	„ „	піоперовъ.
345	„ „	понтонировъ безъ понтоновъ.

Всего же 39,846 человѣкъ съ 152-мя орудіями (2). Число войскъ прибывшихъ къ корпусу послѣ перваго Полоцкаго сраженія простиралось, не считая выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ, до: 3,600 челов. пѣхоты.

3,600	челов.	пѣхоты.
1,230	„	кавалеріи.
1,026	„	артиллеріи.
10,360	„	ополченія (29).

Всего 16,216 человѣкъ съ 60-ю орудіями. Кромѣ того, прибыло 1,400 рекрутъ изъ Новгорода и Великихъ-Лукъ.

Принимая во вниманіе, что послѣ перваго сраженія при Полоцкѣ число войскъ графа Витгенштейна не превосходило пятнадцати тысячъ человѣкъ, оказывается, что въ августѣ и сентябрѣ прибыло выздоровѣвшихъ отъ шести до семи тысячъ. Слѣдовательно—корпусъ графа Витгенштейна, въ продолженіе времени около двухъ мѣсяцевъ, усилился двадцатью тремя, или двадцатью пятью тысячами человѣкъ, а вмѣстѣ съ двигавшимся для содѣйствія ему Финляндскимъ корпусомъ—число русскихъ войскъ на Двинѣ увеличилось тридцатью тремя, или тридцатью четырьмя тысячами человѣкъ и простиралось вообще, не считая рижскаго гарнизона и не прибывшаго еще новгородскаго ополченія, до сорока девяти тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было около двѣнадцати тысячъ ратниковъ и рекрутъ.

Напротивъ того — войска Сенъ-Спра, въ продолженіе двухъ-мѣсячной стоянки у Полоцка, ослабились въ численномъ отношеніи. Сенъ-Сиръ говоритъ, будто бы въ поло-

винѣ октября, (т.-е. въ началѣ октября по стар. ст.), число войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса не превосходило 15,572, а 6-го пѣхотнаго — 1,823 человѣкъ, слѣдовательно вообще около 17,400 человѣкъ. Какъ послѣ перваго сраженія при Полоцкѣ, по свидѣтельству самаго Сенъ-Сира, въ обоихъ его корпусахъ было 29,000 человѣкъ, къ которымъ прибыло до 6,000 выздоровѣвшихъ изъ госпиталей и проч. солдатъ ([30]), то принявъ за истину его-же показаніе о числѣ сихъ войскъ въ октябрѣ, оказывается, что они потеряли, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, отъ болѣзней и въ дѣлахъ противъ нашихъ партизановъ болѣе 17,000 человѣкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что — или партизаны графа Витгенштейна нанесли Французамъ чрезвычайный вредъ, или хозяйственная часть управленія Сенъ-Сировыхъ войскъ находилась въ необыкновенно плохомъ состояніи, или наконецъ, что Сенъ-Сиръ, желая оправдать неудачу своихъ дѣйствій, показалъ съ умысломъ меньшее число войскъ, нежели было въ дѣйствительности. Послѣднее предположеніе подтверждается свидѣтельствомъ самаго безпристрастнаго изъ всѣхъ французскихъ историковъ войны 1812 года, Шамбрѐ, который пишетъ, что въ половинѣ октября (по нов. ст.) Сенъ-Сиръ имѣлъ во 2-мъ корпусѣ двадцать двѣ тысячи, а въ 6-мъ — пять тысячъ, всего же двадцать семь тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было четыре тысячи кавалеріи. Всѣ эти войска состояли изъ старыхъ опытныхъ солдатъ, но Баварцы, не уступая въ доблести Французамъ, были неспособны къ перенесенію военныхъ трудовъ и лишеній ([31]).

Появленіе сильныхъ русскихъ отрядовъ у Городка и Дисны, на флангахъ расположенія французо-баварскихъ войскъ, обнаруживало намѣреніе графа Витгенштейна вступить въ рѣшительное сраженіе, либо переправиться на лѣвую сторону Двины и двинуться въ тылъ корпусамъ занимавшимъ позицію у Полоцка. Маршалъ Сенъ-Сиръ, имѣя

противъ себя превосходныя силы, долженъ былъ озаботиться укрѣпленіемъ своей позиціи и неусыпнымъ наблюденіемъ лѣвой стороны рѣки. Число войскъ находившихся въ распоряженіи французскаго полководца не позволяло ему занимать обширную линію, и потому онъ ограничился постройкою ретраншамента довольно слабой профили, для прикрытія города по правую сторону Полоты, и сооруженіемъ ограды изъ палисадинъ, фланкированной редантами, по лѣвую сторону рѣки. Большая часть этихъ работъ была окончена во-время трудами столь же искуснаго, сколько и дѣятельнаго инженернаго генерала Додъ-дела-Брюнери. Для развѣданія же о всемъ происходившемъ на лѣвой сторонѣ Двины и для предупрежденія внезапныхъ обходовъ, была туда послана вся кавалерія, подъ начальствомъ генераловъ Думерка и Корбино̀, за исключеніемъ пяти эскадроновъ оставленныхъ на позиціи впереди Полоцка. Тогда же были отправлены за Двину тяжелые обозы и всѣ больные остававшіеся въ городѣ ([32]).

Еще до возобновленія дѣйствій у Полоцка, прибылъ на театръ войны 9-й корпусъ маршала Виктора, назначенный для составленія резерва Большой Наполеоновой арміи и для поддержанія, въ случаѣ надобности, корпусовъ дѣйствовавшихъ на Двинѣ.

Войска Виктора, въ составѣ 41 баталіона и 15 эскадроновъ, съ 80-ю орудіями, въ числѣ 28,000 человѣкъ пѣхоты, 2,000 кавалеріи и 1,000 артиллеріи, собравшись у Тильзита 9-го августа н. ст. (28-го іюля ст. ст.), расположились въ окрестностяхъ сего города и простояли на мѣстѣ три недѣли. Въ концѣ августа было приказано корпусу выступить въ дальнѣйшій походъ, взявъ съ собою двадцати-дневный запасъ провіанта и фуража, на обывательскихъ лошадяхъ, для чего потребовалось на каждый баталіонъ 42 подводы. Слѣдствіемъ такой огромной по-

винности въ рабочую пору было совершенное истощеніе края, безполезное для войскъ, потому-что значительная часть запасовъ отстала отъ корпуса. Войска Виктора двигались на Ковно, откуда былъ посланъ одинъ баталіонъ для занятія Пиллау, и продолжая слѣдованіе на Вильну и Минскъ, прибыли въ Смоленскъ 16-го (28-го) сентября. Во всѣхъ этихъ городахъ и въ мѣстечкѣ Дубровнѣ, корпусъ имѣлъ днёвки, но онѣ мало послужили въ пользу солдатамъ, потому-что войска, располагаемыя на бивакахъ, въ значительномъ разстояніи отъ магазиновъ, утомлялись, будучи посылаемы за провіантомъ, почти столько же, сколько и на походѣ (33). Въ продолженіе четырехъ-недѣльнаго марша отъ Тильзита къ Смоленску, убыло много людей и лошадей отъ плохаго продовольствія и прохладныхъ ночей, перемежавшихся съ весьма знойными днями; множество павшихъ на дорогѣ лошадей, заражая воздухъ тлетворными испареніями, содѣйствовали къ распространенію болѣзней и смертности. Значительное число людей осталось въ госпиталяхъ, которыхъ плохое устройство не подавало больнымъ надежды къ выздоровленію. Артиллерія была принуждена оставлять за собою орудія и зарядныя фуры и, несмотря на то, по прибытіи въ Смоленскъ, не имѣла надлежащаго числа лошадей.

По достиженіи Смоленска, войска Виктора были расположены въ окрестностяхъ сего города, гдѣ они могли получать продовольствіе. Но запасы, тамъ собранные, были весьма скудны: пѣхота, вмѣсто хлѣба, либо сухарей, получала затхлую муку въ недостаточномъ количествѣ; а кавалерія и артиллерія, фуражируя большими отрядами, на значительномъ пространствѣ, находила фуражъ и провіантъ. Несмотря на скудость этихъ средствъ, войска Виктора, встрѣчавшія, во время ихъ движенія къ Смоленску, на всякомъ шагу, мародёровъ Большой арміи въ самомъ жалкомъ состояніи, воспользовались этимъ примѣромъ и сохранили

въ рядахъ своихъ порядокъ и дисциплину. Въ продолженіе двухъ-недѣльной стоянки у Смоленска, солдаты успѣли исправить свою одежду и аммуницію, что въ-особенности было важно при наступленіи суроваго времени года.

Прибытіе подкрѣпленій къ графу Витгенштейну заставило маршала Виктора сблизить часть своихъ войскъ съ корпусами Сенъ-Сира. Съ этою цѣлью дивизія Дендельса, выступивъ 11-го октября н. ст. (29-го сентября) изъ окрестностей Смоленска, перешла 3-го (15-го) октября къ Бабиновичамъ. Въ тоже самое время, дивизія генерала Партуно и кавалерія 9-го корпуса были расположены, для удобнѣйшаго фуражированія, у Мстиславля, а дивизія Жирара оставалась въ Смоленскѣ. Число войскъ 9-го корпуса вообще простиралось до двадцати пяти тысячъ человѣкъ ([34]).

ГЛАВА XXXI.

Соединеніе Третьей Западной и Дунайской арміи.

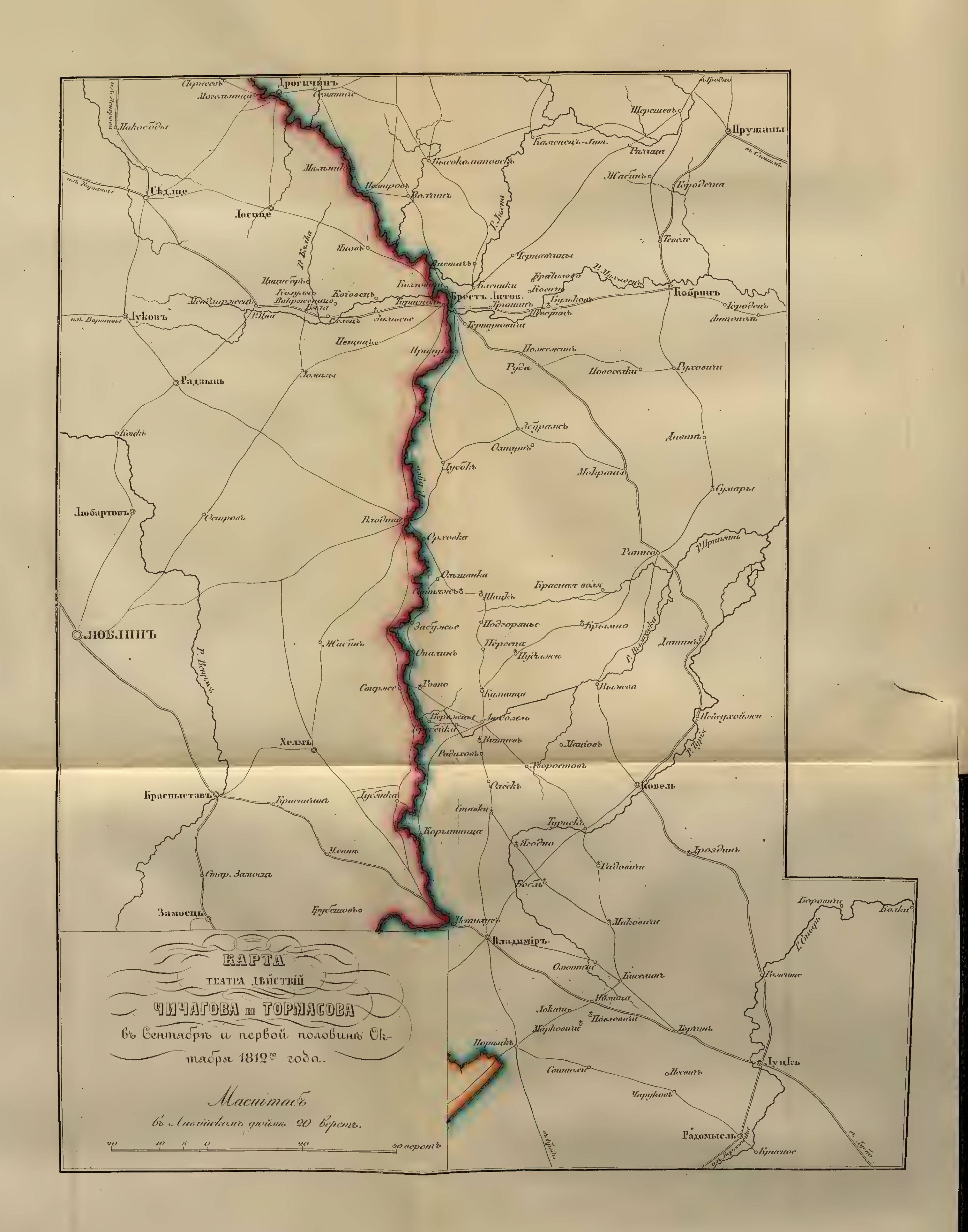
СОДЕРЖАНІЕ.

Расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ на Волыни по отступленіи Тормасова за Стырь.—Малая война.—Нечаянное нападеніе при Чаруковѣ.

Прибытіе Дунайской арміи.—Адмиралъ Чичаговъ.—Силы обѣихъ сторонъ.—Планъ дѣйствій русскихъ войскъ.—Переправа ихъ черезъ Стырь.—Отступленіе непріятеля за Турію.—Дѣло при Любомлѣ.—Отступленіе непріятеля на лѣвую сторону Буга.

Прибытіе полковника Чернышева въ главную квартиру Чичагова.— Отбытіе Тормасова.—Преслѣдованіе русскими войсками непріятельскихъ отрядовъ остававшихся по правую сторону Буга.—Расположеніе австро-саксонской арміи впереди Брестъ-Литовска.—Наступленіе русской арміи къ Бресту.—Диспозиція для нападенія на непріятельскую позицію.— Отступленіе Шварценберга къ Дрогичину и на лѣвую сторону Буга.—Экспедиція Чернышева въ Варшавское герцогство.—Наступленіе корпуса Эссена 3-го къ Бялѣ.—Дѣло при Бялѣ.—Экспедиція генерала Чаплица къ Слониму.—Распоряженія Чичагова предъ выступленіемъ къ Березинѣ.—Замѣчанія на дѣйствія обѣихъ сторонъ.

Послѣ нерѣшительнаго сраженія при Городечнѣ, войска генерала Тормасова отступили въ совершенномъ порядкѣ за рѣку Стырь, 17-го (29-го) августа, въ день прибытія князя Кутузова въ Царево-Займище. Главныя силы Тормасова расположились въ окрестностяхъ Луцка; передовые отряды графа Ламберта и Чаплица по Стыри: первый отъ австрійской границы до Луцка, а второй отъ Луцка до Колки (1). Войска Шварценберга, Рейнье и бригада польскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Косинскаго, присоединившаяся къ саксонскому корпусу, стали между Стырью и Турією, имѣя передовые отряды у Торчина и Чаруко-

КАРТА
ТЕАТРА ДѢЙСТВІЙ
ЧИЧАГОВА и ТОРМАСОВА
въ Сентябрѣ и первой половинѣ Ок-
тября 1812го года.
Масштабъ
въ Англійскомъ дюймѣ 20 верстъ.
20 10 5 0 20 40 верстъ
Дрогичинъ
Пружаны
Сѣдлце
Лосице
Брестъ Литов.
Кобринъ
Луковъ
Радзынь
Любартовъ
ЛЮБЛИНЪ
Хелмъ
Красныставъ
Замосцъ
Ковель
Владимиръ
Луцкъ
Радомысль

ва ([2]). Расположеніе за Стырью совершенно обезпечивало нашу армію отъ покушеній сильнаго непріятеля: рѣка Стырь на всемъ пространствѣ своего теченія отъ австрійской границы до самаго впаденія въ Припеть, не имѣетъ бродовъ; всѣ мосты на ней были уничтожены и только для переправы казачьихъ партій оставленъ паромъ у села Краснаго и устроены кладки, вмѣсто разобраннаго моста, у мѣстечка Берестечка. Возвышенный, поросшій лѣсомъ правый берегъ рѣки способствовалъ русскимъ войскамъ скрывать свои передвиженія и приближаться незамѣтно къ непріятелю, который, занимая болотистый открытый берегъ, былъ лишенъ этихъ выгодъ. Нѣсколько разъ производилъ онъ рекогносцировки, предполагая переправиться скрытно на лѣвомъ крылѣ нашего расположенія и отбросить насъ къ Припети; но зоркое наблюденіе казаковъ не позволило ему исполнить это намѣреніе. Шварценбергъ и Рейнье, убѣдясь въ трудности своего предпріятія, ограничились удержаніемъ нашей арміи за Стырью и прикрытіемъ со стороны Волыни сообщеній Большой Наполеоновой арміи ([3]).

Съ нашей стороны, главныя силы Тормасова, совершенно обезпеченныя авангардами графа Ламберта и Чаплица, вели съ успѣхомъ Малую войну. 26-го августа, (5 сентября), казачья партія, переправясь вплавь черезъ Стырь, захватила въ плѣнъ непріятельскаго офицера, производившаго съемку, съ находившеюся при немъ командою. 7-го (19) сентября, казачьи полки Власова и Чикилева, высланные для развѣданія о непріятелѣ на лѣвую сторону рѣки, къ селу Чарукову, напали тамъ на австрійскій эскадронъ и взяли въ плѣнъ до сорока человѣкъ, которые единогласно показали, что генералъ Цехмейстеръ, съ драгунскимъ полкомъ Орельи и прочею конницею авангарда, будетъ ночевать въ этомъ самомъ селѣ. Графъ Ламбертъ, получивъ сіе свѣдѣніе, переправился, 8-го (20-го) сентября, около полуночи,

черезъ Стырь, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ сотень Власова и Чикилева полковъ, трехъ эскадроновъ Александрійскихъ гусаръ, трехъ эскадроновъ Татарскихъ уланъ и Арзамасскаго драгунскаго полка. Для снятія непріятельскихъ передовыхъ постовъ, пятнадцать охотниковъ Татарскаго уланскаго полка, знавшихъ нѣмецкій языкъ, были переодѣты въ австрійскіе плащи и каски. По приближеніи къ Чарукову, оказалось, что непріятель стоялъ на бивуакахъ въ разстояніи около версты оттуда у села Несвича. Передовые наши уланы захватили врасплохъ польскій пикетъ, однакоже одинъ изъ Поляковъ успѣлъ выстрѣлить. Тогда графъ Ламбертъ, чтобы не дать непріятелю времени опомниться, оставилъ Арзамасскій полкъ въ резервѣ, а съ прочими пошелъ къ бивуакамъ большою рысью. Штабсъ-ротмистръ Ильяшевичъ, шедшій съ своимъ эскадрономъ Александрійскаго гусарскаго полка въ головѣ колонны, встрѣтивъ на пути одинъ изъ австрійскихъ эскадроновъ въ полной готовности къ бою, кинулся на него съ своими гусарами, опрокинулъ его и обратилъ въ бѣгство. Это молодецкая атака навела такой ужасъ на всю остальную непріятельскую кавалерію, въ составѣ тринадцати эскадроновъ ([4]), что она бѣжала съ мѣста своего расположенія съ потерею полутораста человѣкъ одними плѣнными, въ числѣ которыхъ было девять офицеровъ. Съ нашей стороны убито два и ранено три гусара ([5]). Три штандарта полка Орельи, взятые Александрійскаго гусарскаго полка поручикомъ графомъ Буксгевденомъ, были возвращены, по повелѣнію Императора Александра I-го, Австрійскому Императору ([6]).

7-го (19-го) сентября прибылъ на рѣку Стырь первый эшелонъ Дунайской арміи, а въ слѣдующіе два дня собрались и прочіе. Главнокомандующій сею арміей, адмиралъ Чичаговъ былъ извѣстенъ своими способностями. Императоръ Александръ I-й, въ одномъ изъ Собственноруч-

ныхъ Своихъ писемъ къ Барклаю де-Толли, излагая предположенія дѣйствій противъ Австріи, тогда заключившей союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи, писалъ: „ce sont les nations Slaves qu' il faut secourir et lancer contre les Autrichiens en tachant de les mettre en rapport avec les mécontents d' Hongrie. Un homme de tête doit être employé pour mener cette importante opération. J'ai choisi pour cet effet l'amiral Tchitchagof, qui est enthousiasmé de ce plan. Ses capacités et son énergie me donnent l'espoir qu'il reussira dans cette commission essentielle. 7 avril 1812.“ (Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы поддержать и возбудить противъ Австріи славянскія племена, стараясь ввести ихъ въ сношеніе съ недовольными Венгерцами. Для этого нужно употребить дѣльнаго человѣка: Я избралъ адмирала Чичагова, который въ восторгѣ отъ этого плана. Его способности и сила воли подаютъ Мнѣ надежду, что онъ исполнитъ съ успѣхомъ это важное порученіе) (7).

Адмиралъ Чичаговъ, получивъ повелѣніе отправиться со ввѣренными ему войсками на Волынь, выступилъ изъ Валахіи 19-го (31-го) іюля. Армія его, въ составѣ пятидесяти баталіоновъ, пятидесяти шести эскадроновъ, десяти казачьихъ полковъ и семнадцати артиллерійскихъ ротъ (всего до тридцати пяти тысячъ человѣкъ съ 204-мя орудіями) (8), была раздѣлена на пять корпусовъ, подъ начальствомъ: генерала отъ инфантеріи графа Ланжерона и генералъ-лейтенантовъ, Эссена 3-го, Воинова, Засса (*) и Сабанеева. Отрядъ, въ составѣ одиннадцати баталіоновъ, восьми эскадроновъ, одного казачьяго полка и трехъ артиллерійскихъ ротъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лидерса, стоявшій въ Сербіи, двинулся впослѣдствіи такъ же на Волынь (9). Тринадцать баталіоновъ и одинъ казачій полкъ были оста-

(*) За отсутствіемъ его командовалъ 4-мъ корпусомъ генералъ-маіоръ Булатовъ.

влены временно на Дунаѣ для наблюденія турецкой границы ([10]).

Войска Чичагова, выступивъ съ мѣста своего расположенія, двигались на Фокшаны, Яссы, Хотинъ, Старый-Константиновъ и Дубно, гдѣ, усилясь восемью баталіонами (Саратовскаго пѣхотнаго, 12-го и 22-го егерскихъ полковъ) 13-й дивизіи, прибыли на рѣку Стырь и собрались къ 9-му (21-му) сентября ([11]). Число войскъ Дунайской и 3-й Западной арміи простиралось свыше шестидесяти тысячъ; а непріятельская армія считала въ рядахъ своихъ сорокъ три тысячи человѣкъ (26 тысячъ Австрійцевъ, 12 тысячъ Саксонцевъ и 5-ти тысячъ Поляковъ) ([12]). Хотя Чичаговъ и Тормасовъ (какъ изложено въ главѣ XX-й), получили приказаніе отъ князя Кутузова—первый смѣнить 3-ю Западную армію войсками Дунайской, а второй—идти противъ праваго крыла Большой Наполеоновой арміи; однакоже наши главнокомандующіе положили дѣйствовать совокупными силами противъ Шварценберга, подавая впередъ лѣвое крыло, состоявшее изъ Дунайской арміи, между-тѣмъ какъ Третья армія, переправясь черезъ Стырь днемъ позже, должна была наступать медленнѣе: дѣйствуя такимъ образомъ, наши полководцы надѣялись отрѣзать непріятеля отъ герцогства Варшавскаго, откуда могли къ нему прибыть новыя подкрѣпленія ([13]).

10-го (22-го) и 11-го (23-го) сентября, войска обѣихъ армій переправились черезъ рѣку Стырь на нѣсколькихъ пунктахъ: авангардъ Дунайской арміи, въ составѣ шести баталіоновъ, восьми эскадроновъ и двухъ казачьихъ полковъ съ двѣнадцатью конными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Орурка 1-го ([14]), и за нимъ корпусы Эссена 3-го, Воинова и Сабанеева, перешли черезъ рѣку въ Хрынникахъ; корпуса Ланжерона и Булатова выше этого пункта въ Толпыжинѣ и Берестечкѣ; авангардъ графа Ламберта, въ составѣ восьми баталіоновъ, восмнад-

цати эскадроновъ и двухъ казачьихъ полковъ, съ одиннадцатью конными орудіями ([15]), и за нимъ армія Тормасова, переправились въ Луцкѣ и Рожищѣ.

Непріятель, узнавъ о переправѣ нашихъ войскъ, сталъ отступать за рѣку Турію. 11-го (23-го) сентября, авангардъ графа Орурка настигъ Саксонцевъ у мѣстечка Локачей, заставилъ ихъ отступить и захватилъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ и полтораста нижнихъ чиновъ. Отъ плѣнныхъ узнали о занятіи Французами Москвы. Это извѣстіе не только не привело въ уныніе наши войска, но напротивъ того, поселило въ нихъ такую жажду къ мести, что всякое уклоненіе отъ боя встрѣчаемо было ропотомъ и изъявленіемъ общей готовности умереть за освобожденіе Отечества ([16]).

Непріятельскія войска отступали по тремъ главнымъ направленіямъ: правая колонна, состоявшая изъ бригады Косинскаго, на Владиміръ; Рейнье на Турискъ, а Шварценбергъ на Ковель. 12-го (24-го) сентября, генералъ Булатовъ, двигавшійся въ лѣвой колоннѣ Дунайской арміи, вытѣснилъ Поляковъ изъ Владиміра и отрѣзавъ ихъ отъ саксонскаго корпуса, заставилъ отступить къ Замостью ([17]). Саксонцы сожгли мосты на Туріи и покушались остановить наступленіе нашихъ войскъ, но авангардъ графа Ламберта, 15-го (27-го), возобновилъ мосты, а между-тѣмъ подполковникъ Мадатовъ съ казачьими полками переправился въ бродъ у Туриска ([18]).

Войска Шварценберга и Рейнье, соединившись 16-го (28-го) сентября у Любомля, заняли тамъ довольно выгодную позицію, оставя часть силъ въ арріергардѣ у Радихова. Адмиралъ Чичаговъ, предполагая атаковать непріятеля, поручилъ авангарду графа Орурка, усиленному Дерптскимъ драгунскимъ и казачьимъ Киреева полками, овладѣть деревнею Радиховымъ. 17-го (29-го), въ три часа по полуночи, войска Орурка выступили съ ночлега въ трехъ

верстахъ отъ Радихова. Надлежало пройти черезъ болото по узкой плотинѣ, пробираясь по одиначкѣ. Пользуясь ночною темнотою, казаки и Бѣлорусскіе гусары перешли черезъ плотину, ворвались въ деревню и, преслѣдуя бѣжавшаго непріятеля до самаго Любомля, убили 20 человѣкъ и взяли 65 въ плѣнъ ([19]). За тѣмъ, по исправленіи плотины піонерами подполковника Гебенера, Чичаговъ съ главными силами Дунайской арміи подошелъ къ непріятельской позиціи. Войска Шварценберга и Рейнье были расположены за каналомъ, шириною болѣе двухъ саженъ, весьма глубокимъ и имѣющимъ топкій грунтъ. Союзники занимали выходы съ длинныхъ плотинъ ведущихъ черезъ болото, по которому прокопанъ каналъ, по сторонамъ входящаго угла, образуемаго направленіемъ канала. Мосты на плотинахъ были сломаны. Правое крыло союзныхъ войскъ, состоявшее изъ Саксонцевъ, обороняло огнемъ двухъ батарей плотину на проселочномъ пути, отходящемъ къ Бугу отъ любомльской дороги, на которой войска лѣваго крыла, составленнаго изъ Австрійцевъ, занимали выходъ съ другой плотины сильною батареею у мѣстечка Любомля. Чичаговъ, обозрѣвъ сію позицію, выдвинулъ 15-ю конную роту на высоту противъ непріятельской батареи, обстрѣливавшей плотину у Любомля и, приказавъ какъ орудіямъ, такъ и стрѣлкамъ 8-го егерскаго полка, разсыпаннаго вдоль канала, открыть огонь, послалъ для возобновленія моста піонеровъ съ ротою стрѣлковъ. Въ тоже время корпусъ Эссена 3-го былъ отряженъ въ село Бережцы на Бугѣ, гдѣ, по собраннымъ извѣстіямъ, непріятель переправлялся на лѣвую сторону рѣки.

Какъ только конная рота № 15-го открыла канонаду по непріятельскимъ орудіямъ, то наши егеря кинулись на плотину, но были встрѣчены сильнѣйшимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ и принуждены отступить. Не желая подвергать войскъ напраснымъ потерямъ, Чичаговъ отвелъ

пхъ назадъ п, полагая, что Шварценбергъ и Рейнье останутся на своей позиціи, предпринялъ обойти ихъ съ обоихъ фланговъ. Съ этою цѣлью, Эссену, уже не нашедшему непріятеля на Бугѣ, было предписано направиться отъ села Бережцы къ деревнѣ Теребейкѣ, куда въ помощь Эссену былъ посланъ отъ главныхъ силъ корпусъ графа Ланжерона; эти войска назначались для обхода непріятеля съ праваго фланга, между-тѣмъ какъ прочіе корпуса Дунайской арміи должны были атаковать его съ фронта, а Тормасовъ — обойти слѣва. Но непріятельскіе полководцы отразившіе нападеніе русскихъ войскъ (какъ пишетъ саксонскій историкъ войны 1812 г. Функъ), только потому, что были атакованы на сильнѣйшемъ пунктѣ позиціи, отступили въ ночи съ 17-го (29-го) на 18-е (30-е) сентября, и двинувшись, по весьма затруднительнымъ дорогамъ, чрезъ Ровно и Опалинъ, къ Влодавѣ, гдѣ у нихъ было построено мостовое прикрытіе на Бугѣ, переправились 19 сентября (1 октября) на лѣвую сторону рѣки. Въ продолженіе дѣйствій съ 11-го по 19-е сентября (23 сентября — 1-го октября н. ст.) непріятель потерялъ убитыми и ранеными до двухъ тысячъ и плѣнными до пятисотъ человѣкъ ([20]).

18-го (30-го) сентября, войска наши, переправясь безъ сопротивленія черезъ каналъ у Любомля, остановились на отдыхъ, между-тѣмъ какъ для преслѣдованія непріятеля былъ посланъ авангардъ генералъ-маіора Ланскаго, въ составѣ восьми эскадроновъ и двухъ казачьихъ полковъ съ шестью орудіями ([21]), и за нимъ корпусъ генерала Эссена 3-го, усиленный казачьими полками Мельникова 5-го и 4-мъ Уральскимъ и батарейною ротою № 38-го ([22]).

На маршѣ арміи къ Любомлю, получены были нашими главнокомандующими повелѣнія князя Кутузова, которыми, вмѣсто прежняго назначенія Дунайской арміи — дѣйствовать на Волыни, а 3-й Западной — идти на соединеніе

съ главными силами, Фельдмаршалъ предписывалъ Тормасову остаться по-прежнему противъ Шварценберга и Рейнье, а Чичагову двинуться на Мозырь, Рогачевъ и Могилевъ, для сближенія съ главною арміею и для дѣйствія въ тылъ непріятелю. Неотлагательное исполненіе этого предписанія было весьма трудно, потому-что наши главнокомандующіе, въ ожиданіи рѣшительной встрѣчи съ непріятельскою арміей, не хотѣли ослабить себя раздѣленіемъ силъ. Къ тому же адмиралу Чичагову было необходимо присоединить къ своимъ войскамъ парки и подвижной магазинъ, которые, двигаясь на волахъ изъ Валахіи на Волынь, отстали отъ арміи (23). Вслѣдъ за полученіемъ этихъ предписаній отъ Фельдмаршала, 17-го (29-го) сентября, когда Чичаговъ готовился атаковать непріятеля у Любомля, прибылъ въ главную квартиру нашихъ армій флигель-адъютантъ Чернышевъ, съ Высочайшими повелѣніями, о назначеніи Тормасова главнокомандующимъ Второю Западною арміею и о предположеніяхъ для дѣйствій Чичагова, на основаніи общаго операціоннаго плана заключавшихся въ томъ, что адмиралъ долженъ былъ обойти Шварценберга съ лѣваго фланга, оставить противъ него Третью армію, идти съ Дунайскою на Минскъ, соединиться на пути съ Эртелемъ и, открывъ сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ, преградить отступленіе Большой Наполеоновой арміи.

До занятія нашими войсками Любомля, Чичаговъ и Тормасовъ постоянно обходили непріятеля съ праваго фланга, имѣя въ виду отрѣзать сообщеніе союзныхъ корпусовъ отъ Варшавскаго герцогства и отбросить ихъ къ болотамъ Припети. Но на основаніи общаго плана дѣйствій слѣдовало, напротивъ того, вытѣснить непріятеля за предѣлы Имперіи и отрѣзать его совершенно отъ Большой Наполеоновой арміи. Непріятельскіе полководцы сами облегчили исполненіе этого дѣйствія, отступивъ за Бугъ. По занятіи нашими вой-

скамп Любомля, преслѣдованіе Шварценберга было поручено корпусу Эссена, усиленному двумя казачьими полками, 8-ю батарейными орудіями и отрядомъ генералъ-маіора Ланскаго, двигавшимся въ авангардѣ корпуса, а войска, состоявшія подъ начальствомъ Тормасова, были выдвинуты къ Шацку, для обхода Союзной арміи съ лѣваго фланга и для занятія дороги ведущей въ мѣстечко Ратно, что̀ могло послужить къ отрѣзанію войскъ Зигенталя и Мора отъ главныхъ силъ Шварценберга. Вслѣдъ за тѣмъ Тормасовъ отправился въ главную квартиру князя Кутузова ([24]).

20-го сентября (2-го октября), былъ перехваченъ австрійскій курьеръ, ѣхавшій къ Шварценбергу съ депешами, изъ коихъ оказалось, что отрядъ генерала Мора, вытѣсненный изъ Пинска войсками генералъ-маіора Запольскаго, находился въ Ратнѣ, а дивизія Зигенталя перешла изъ Ратны къ селенію Красной-Волѣ. Очевидно было, что оба непріятельскіе отряда направятся къ Бугу на соединеніе съ главными силами Шварценберга, и потому графъ Ламбертъ, желая отрѣзать ихъ, сдѣлалъ съ авангардомъ бывшей Третьей арміи форсированный переходъ къ селенію Дубокъ и соединился тамъ съ авангардомъ генералъ-маіора Ланскаго ([25]). Пѣхота и артиллерія, утомленныя движеніемъ въ знойный день по песчаной дорогѣ, прибыли на мѣсто ночлега уже въ полночь. Между-тѣмъ Чичаговъ, отрядивъ корпусъ Воинова, усиленный восемью эскадронами, однимъ казачьимъ полкомъ и отрядомъ графа Орурка, назначеннымъ въ авангардъ корпуса ([26]), вправо, по направленію къ Ратну, для отрѣзанія Зигенталя, прибылъ съ главными силами 20-го сентября (2-го октября н. ст.) въ Забужье, на Бугѣ. 21-го сентября (3-го октября) графъ Ламбертъ, дойдя до Збуража и получивъ свѣдѣніе отъ захваченныхъ въ плѣнъ венгерскихъ гусаръ, что войска Зигенталя, переночевавъ у Мокранъ, перешли къ Руднѣ, вы-

ступилъ въ полночь на Пожежинъ, чтобы оттуда двинуться противъ непріятеля. Но пѣхота, прибывшая весьма поздно на ночлегъ и изнуренная форсированными маршами, не могла совершить предположенное движеніе, и потому вся кавалерія авангарда была направлена на открытую мѣстность у города Бреста, чтобы тамъ встрѣтить войска непріятельскія, и на слѣдующій день дошла до селенія Горшуновичей, а корпусъ Воинова 22-го сентября (4-го октября н. ст.) двинулся отъ Ратна на Дивинъ для отрѣзанія Мора ([27]).

Между-тѣмъ Шварценбергъ, достигнувъ, по лѣвой сторонѣ Буга, до Брестъ-Литовска и желая присоединить къ себѣ отряды Зигенталя и Мора, переправился съ обоими союзными корпусами на правую сторону рѣки, 22-го сентября (4-го октября), и расположился на позиціи, впереди Бреста, между рѣчками Мухавцомъ и Лѣсною. Въ тотъ же день, Зигенталь перешелъ въ Бульковѣ на правую сторону Мухавца и, уничтоживъ тамъ переправу, отступилъ къ Бресту; отрядъ Мора продолжалъ отступать по дорогѣ отъ Ратна къ Кобрину ([28]).

Графъ Ламбертъ съ авангардомъ оставался у Горшуновичей до 25-го сентября (7-го октября н. ст.), и въ сей день, перейдя къ Булькову, устроилъ тамъ мостъ на Мухавцѣ, переправился на правую сторону рѣки и 26-го сентября (8-го октября), оттѣснивъ Зигенталя, стоявшаго у Тришина, къ Бресту, расположился въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ непріятельской позиціи. Въ то же время Чичаговъ съ главными силами пришелъ на Мухавецъ, къ Бресту и Булькову; корпусъ Эссена, прибывъ еще 22-го сентября (4-го октября) къ Прилукамъ на Бугѣ, оставался тамъ пять дней и устроивалъ переправу, а передовой отрядъ корпуса Воинова, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Орурка, настигъ отрядъ Мора, 23-го сентября (5-го октября), у Кобрина, вытѣснилъ оттуда вен-

герскихъ гусаръ и не давъ непріятелю времени сжечь находившіеся тамъ магазины, захватилъ четыре тысячи четвертей хлѣба. Генералъ Моръ, отброшенный отъ дороги ведущей на Брестъ, былъ принужденъ отступить къ Пружанамъ и далѣе къ Бѣловежи, 26-го сентября (8-го октября). Войска же корпуса Воинова, прибывъ, вслѣдъ за отрядомъ Орурка, въ Пружаны, получили приказаніе сблизиться съ главными силами стоявшими близъ Бреста ([29]).

По отъѣздѣ генерала Тормасова въ главную квартиру князя Кутузова, адмиралъ Чичаговъ составилъ новое росписаніе всѣхъ ввѣренныхъ ему войскъ, подъ названіемъ Третьей Западной арміи, на корпуса: генералъ-маіора графа Ламберта; генералъ-лейтенанта Маркова, а потомъ генералъ-маіора князя Щербатова; генерала-отъ-инфантеріи графа Ланжерона; генералъ-лейтенанта Эссена 3-го; генералъ-лейтенанта Воинова; генералъ-маіора Булатова; отрядъ генералъ-маіора Энгельгардта и резервъ генералъ-лейтенанта Сабанеева ([30]).

28-го сентября (10-го октября н. ст.), была составлена диспозиція для атаки непріятеля у Бреста, сущность которой состояла въ слѣдующемъ: нападеніе на позицію предположено повести четырьмя корпусами: графа Ламберта, князя Щербатова (*), графа Ланжерона и Эссена 3-го; въ резервѣ находиться войскамъ Сабанеева, а также и корпусу Булатова, по прибытіи его изъ Кобрина, куда онъ былъ отряженъ для перепеченія найденнаго тамъ

*). Князь Щербатовъ былъ назначенъ командовать 2-мъ корпусомъ, вмѣсто Е. Н. Маркова, который былъ лишенъ начальства надъ войсками за неисполненіе приказанія отданнаго Чичаговымъ, именно за то, что выдвинувъ преждевременно свой корпусъ, обнаружилъ намѣреніе главнокомандующаго—атаковать непріятеля. Марковъ, надѣясь на благорасположеніе къ себѣ князя Кутузова, съ которымъ вмѣстѣ долго служилъ, отправился въ его главную квартиру. Кутузовъ принялъ его, какъ стараго товарища, но не давалъ ему никакого порученія, до отбытія Чичагова изъ арміи въ 1813 году,

провіанта. Корпусъ Воинова направленъ на Чернавчицы противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи; отряду Энгельгардта, смѣнившему корпусъ Эссена у Прилукъ, приказано дѣйствовать демонстраціями противъ праваго фланга позиціи, выказывая свои войска сильнѣйшими, нежели они были въ дѣйствительности; отряду Чернышева, высланному на лѣвую сторону Буга, по направленію къ Тирасполю, назначено уничтожить мостъ на Бугѣ и, въ случаѣ отступленія непріятеля, преслѣдовать его ([31]).

На слѣдующій день 29-го сентября (11-го октября), колонны праваго крыла, подъ начальствомъ графа Ламберта и князя Щербатова, двинулись впередъ для нападенія на непріятельскую позицію, но Шварценбергъ и Рейнье, разгадавъ намѣреніе нашего главнокомандующаго и опасаясь быть опрокинутыми къ Бугу, либо къ болотистой рѣчкѣ Лѣснѣ, оставили въ полночь занимаемое ими расположеніе и отступили за Лѣсну. Такимъ образомъ — намѣреніе Чичагова — атаковать превосходными силами непріятеля, въ невыгодной позиціи у Бреста — не имѣло никакихъ послѣдствій отъ того, что онъ отложилъ нападеніе и далъ время Шварценбергу и Рейнье избѣжать угрожавшей имъ опасности. Вмѣсто рѣшительнаго сраженія, дѣло ограничилось канонадою съ лѣваго берега Лѣсны по отступавшимъ войскамъ и преслѣдованіемъ непріятеля частью кавалеріи графа Ламберта, переправившеюся черезъ рѣчку вплавь у Вистича. Но всѣ наши покушенія, возобновить мосты разрушенные непріятелемъ, не имѣли успѣха, что заставило Чичагова отложить переправу до слѣдующаго дня. Съ нашей стороны тяжело раненъ ядромъ въ ногу генералъ-маіоръ Удомъ (*) и убитъ квартирмейстерской части поручикъ Савичъ. Главная квартира арміи была перенесена въ Брестъ-

(*). Евстафій Евстафьевичъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ (Императоръ Александръ I-й и Его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Т. III).

Литовскъ; авангардъ и корпуса Щербатова, Ланжерона и Эссена расположились на Лѣснѣ, отъ Черпавчицъ до Клейниковъ; корпусъ Воинова при Каменцѣ-Литовскомъ; корпусъ Булатова между Лѣсною и Мухавцомъ, у Тришина; резервъ у Бреста ([32]).

Непріятель, въ ночи съ 29-го на 30-е сентября (съ 11-го на 12-е октября н. ст.), снялся съ позиціи, которую занималъ онъ за рѣчкою Лѣсною, и отступилъ на Волчинъ. Чичаговъ преслѣдовалъ его только легкими войсками ([33]), между-тѣмъ какъ главныя силы оставались на мѣстѣ, заготовляя провіантъ для предстоящаго движенія къ Березинѣ. Отступленіе австрійско-саксонскихъ войскъ, въ продолженіе котораго они были принуждены двигаться днемъ и ночью, стоило имъ множества отсталыхъ, захваченныхъ казаками ([34]). Достигнувъ мѣстечка Семятичей, непріятель переправился на лѣвую сторону Буга между Мельникомъ и Дрогичиномъ, 3-го (15-го) октября, по мосту на плотахъ имъ устроенному ([35]). Такимъ образомъ оба союзные корпуса были отброшены въ герцогство Варшавское и путь ведущій къ Березинѣ совершенно открытъ для войскъ 3-й Западной арміи.

По занятіи Бреста, Чичаговъ съ главными своими силами оставался въ бездѣйствіи двѣ недѣли, стараясь собрать запасы въ герцогствѣ Варшавскомъ, Гродненской губерніи и на Волыни, и выжидая подвозовъ изъ Подольской, Кіевской и Черниговской губерній. Корпусъ князя Щербатова, поступившій подъ начальство прибывшаго изъ Житомира генералъ-лейтенанта Сакена, получилъ 2-го (14-го) октября предписаніе перейти съ рѣки Лѣсны къ Пружанамъ и заготовить тамъ, посредствомъ реквизиціи, десяти-дневный запасъ продовольствія для арміи (8 тысячъ четвертей сухарей и 800 четвертей крупъ). Въ продолженіе стоянки Чичагова подъ Брестомъ были отряжены отъ арміи флигель-адъютантъ Чернышевъ и генералъ Чаплицъ: первому

поручено сдѣлать набѣгъ въ Варшавское герцогство, для уничтоженія заготовленныхъ тамъ непріятелемъ магазиновъ, а Чаплицъ былъ направленъ изъ Пружанъ къ Слониму противъ формировавшагося тамъ изъ Литовцевъ гвардейскаго полка генерала Конопки (36).

Отрядъ Чернышева, въ составѣ семи эскадроновъ и трехъ казачьихъ полковъ съ четырьмя конными орудіями (37), выступилъ изъ Тирасполя (противъ Бреста) въ вечеру 29 сентября (11-го октября нов. ст.) по направленію къ мѣстечку Мендзыржецу, лежащему на соединеніи дорогъ изъ Варшавы и Люблина, занятіе коего подавало возможность угрожать одновременно этимъ обоимъ важнымъ пунктамъ (38).

По прибытіи въ Мендзыржецъ, 1-го (13-го) октября, Чернышевъ узналъ, что австрійскій отрядъ, числомъ въ двѣ тысячи человѣкъ, пройдя черезъ Луковъ, двигался къ Седлецу, на соединеніе съ войсками Шварценберга, отступившими къ Дрогичину. Чтобы не позволить непріятелю исполнить это намѣреніе, либо, по крайней мѣрѣ, для нанесенія вреда этому отряду, былъ посланъ полковникъ Луковкинъ съ казачьимъ имени его полкомъ къ Седлецу, съ приказаніемъ выслать оттуда партіи къ Венгрову и Дрогичину, для открытія непріятеля, либо для развѣданія о движеніяхъ австро-саксонской арміи. Самъ Чернышевъ, со всею остальною своею конницею, слѣдовалъ за казаками Луковкина, на перерѣзъ австрійскому отряду, который, видя невозможность присоединиться къ главнымъ силамъ Шварценберга, былъ принужденъ обратиться къ Модлину. Чичаговъ, съ своей стороны, при первомъ извѣстіи о движеніи подкрѣпленій къ непріятельской арміи, послалъ генераловъ Мелиссино и Дехтерева, съ Лубенскимъ и Ольвіопольскимъ гусарскими полками, чрезъ Тирасполь, по лѣвой сторонѣ Буга, по направленію къ Дрогичину, для содѣйствія полковнику Чернышеву и для отрѣзанія непріятельскихъ отря-

довъ ([39]). По занятіи Седлеца, Чернышевъ получилъ отъ высланныхъ имъ разъѣздовъ извѣстіе, что непріятель двигался въ значительныхъ силахъ со стороны Дрогичина на путь ведущій отъ Бреста къ Варшавѣ. Дѣйствительно—появленіе въ тылу союзной арміи нашего смѣлаго партизана, который во всѣхъ пройденныхъ имъ городахъ и мѣстечкахъ уничтожалъ непріятельскіе магазины и налагалъ на жителей небольшія контрибуціи, единственно съ тою цѣлью, чтобы убѣдить ихъ въ безсиліи Австро-Саксонцевъ, озаботило Шварценберга и заставило его послать довольно значительные отряды къ Седлецу и Мендзыржецу и направить саксонскій корпусъ съ частью австрійскихъ войскъ къ Бялѣ ([40]). Какъ только Чернышевъ узналъ о движеніяхъ непріятеля, угрожавшихъ окружить его небольшой отрядъ и отрѣзать его отъ Буга, то немедленно рѣшился обратиться къ Люблину, для уничтоженія складовъ союзной арміи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду распространить ужасъ внушенный его дѣйствіями до самой Варшавы, приказалъ Луковкину, прибывшему съ своими казаками и съ захваченными имъ 120-ю плѣнными изъ Венгрова въ Седлецъ, двинуться на Сточекъ и Гарволинъ къ Вислѣ. Самъ же Чернышевъ обратился на Луковъ къ Коцку, уничтожилъ въ обоихъ сихъ мѣстечкахъ непріятельскіе магазины, отправя часть запасовъ въ главную квартиру арміи, присоединилъ къ себѣ казачій полкъ Луковкина, возвратившійся съ поиска къ Вислѣ, и, отойдя къ Влодавѣ, перешелъ тамъ, 7-го (19) октября, на правую сторону Буга. Во время сожженія магазиновъ въ Луковѣ сгорѣло нѣсколько обывательскихъ домовъ. Чернышевъ, не имѣя возможности вознаградить потерю понесенную жителями, приказалъ раздать наиболѣе потерпѣвшимъ отъ пожара часть денегъ собранныхъ въ странѣ; остальная часть контрибуціи была роздана нижнимъ чинамъ участвовавшимъ въ экспедиціи ([41]).

Появленіе нашего партизана поселило такой страхъ въ

Варшавѣ, что жители оттуда уходили толпами, унося что̀ могли; французскій комендантъ генералъ Дютальи принималъ мѣры къ защитѣ, заперъ заставы въ продолженіе трехъ дней и отбиралъ лошадей у обывателей силою, стараясь сформировать конный отрядъ и вызывая жителей къ общему вооруженію: „Поляки!—говорилъ онъ,—великій „Наполеонъ смотритъ на васъ съ московскихъ колоколень.“ Это неудачное повтореніе извѣстной фразы побѣдителя при Пирамидахъ (*) не имѣло ни малѣйшаго успѣха (42).

По занятіи нашими войсками Брестъ-Литовска, былъ посланъ наблюдательный постъ изъ тридцати казаковъ къ Бялѣ и одинъ баталіонъ Шлиссельбургскаго полка въ деревню Залѣсье, для обезпеченія обоза съ провіантомъ, посланнаго Чернышевымъ въ главную квартиру. Наступленіе значительныхъ непріятельскихъ силъ, 5-го (17) октября, къ Бялѣ заставило отступить казаковъ къ Залѣсью, и Шлиссельбургскій баталіонъ къ Тирасполю. Главнокомандующій, получивъ о томъ донесеніе, приказалъ корпусу Эссена 3-го идти чрезъ Брестъ къ Бялѣ и атаковать находящагося тамъ непріятеля. Для поддержанія Эссена и открытія сообщенія съ Чернышевымъ былъ посланъ корпусъ Булатова къ мѣстечку Пещацъ. Въ ночи съ 5-го (17) на 6-е (18), войска Эссена расположились впереди Залѣсья, выдвинувъ баталіонъ Сводныхъ гренадеръ и эскадронъ Смоленскихъ драгунъ къ плотинѣ и мостамъ на рѣкѣ Цнѣ, по дорогѣ къ Бялѣ. Другой эскадронъ Смоленскаго полка посланъ былъ къ мосту на той же рѣчкѣ, по дорогѣ къ Дрогичину, у селенія Коіовца.

6-го (18) октября, въ день сраженія при Тарутинѣ, войска Эссена двинулись на разсвѣтѣ къ Бялѣ, имѣя въ авангардѣ баталіонъ Сводныхъ гренадеръ и эскадронъ Смолен-

(*) „Nous allons combattre. Songez que du haut de ces monumens quarante siècles vous contemplent.“

скихъ драгунъ, подъ начальствомъ маіора Филатова. Подойдя къ деревнѣ Вокрженнце, наши драгуны увидѣли предъ собою два эскадрона саксонскихъ гусаръ и уланъ, кои, замѣтя наступленіе баталіона, обратились въ бѣгство. Вслѣдъ за тѣмъ непріятель былъ поддержанъ еще двумя эскадронами, которые, спѣшившись и занявъ кусты по сторонамъ дороги, остановили нашихъ драгунъ. Но когда подоспѣлъ гренадерскій баталіонъ, и еще одинъ эскадронъ Смоленскихъ драгунъ съ двумя орудіями конной роты № 15-го, непріятель былъ принужденъ отступить за рѣчку Бялку, гдѣ саксонскія войска расположились слѣдующимъ образомъ: 2-я дивизія составила правое крыло впереди города Бялы, прикрываясь цѣпью стрѣлковъ, разсыпанною вдоль болотъ Бялки; 1-я дивизія, на лѣвомъ крылѣ, сторожила переправу черезъ Бялку, у мельницы, близъ селенія Козулы. Австрійскія войска стояли выше по теченію рѣки ([43]).

Генералъ Эссенъ, подойдя къ рѣкѣ, приказалъ тремъ баталіонамъ 37-го егерскаго полка, вмѣстѣ съ однимъ Своднымъ гренадерскимъ баталіономъ, занять стрѣлками берегъ и сбивъ непріятельскую цѣпь, очистить переправу по мосту на большой дорогѣ; а для поддержанія ихъ поставлены по сторонамъ дороги четыре конныя орудія; два Сводныхъ гренадерскихъ баталіона съ 6-ю орудіями батарейной роты № 8-го посланы для занятія лѣса вправо отъ деревни Селецъ. Смоленскій драгунскій полкъ сталъ лѣвѣе большой дороги, для прикрытія конныхъ орудій, а два съ половиною эскадрона Житомирскихъ драгунъ расположились близъ лѣса, правѣе дороги, для прикрытія батарейныхъ орудій и для поддержанія пѣхоты, посланной въ лѣсъ. Несмотря на огонь саксонской цѣпи, поддержанной канонадою восемнадцати орудій, наши стрѣлки, съ содѣйствіемъ конной артиллеріи поражавшей непріятеля съ фронта и батарейной полуроты анфилировавшей его правое крыло, совершенно очистили противолежащій берегъ рѣки. Ге-

нералъ Функъ, описывая это дѣло, говоритъ: „Мы узнали здѣсь впервые отличныхъ русскихъ егерей корпуса Сакена. Столь же ловкіе въ движеніяхъ, сколько искусные въ стрѣльбѣ, они наносили намъ большой вредъ, дѣйствуя изъ своихъ превосходныхъ ружей вдвое далѣе нашихъ. Въ особенности же они были опасны для офицеровъ......“ (44). Генералъ Эссенъ усиливался переправиться черезъ Бялку на лѣвомъ своемъ крылѣ, чтобы войти въ связь съ Булатовымъ, надѣясь на прибытіе его изъ Пещаца; а Шварценбергъ и Рейнье полагали, что Эссенъ хотѣлъ выманить ихъ изъ позиціи, и потому въ началѣ дѣла ограничивались обороною; но потомъ, убѣдясь въ слабости русскаго отряда, рѣшились дѣйствовать наступательно. Съ этою цѣлью саксонскія войска повели атаку по плотинѣ противъ лѣваго крыла нашихъ войскъ баталіономъ легкой пѣхоты, поддержаннымъ двумя гренадерскими баталіонами; непріятель потерялъ множество людей отъ мѣткаго огня егерей, но успѣлъ переправить часть своихъ стрѣлковъ въ бродъ по сторонамъ плотины; другіе перешли черезъ рѣку по мосту при мельницѣ у Козули и пользуясь оплошностью Сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ не занявшихъ лѣса, близъ котораго стояли два наши батарейныя орудія, захватили одно изъ нихъ; другое же было выручено Житомирскими драгунами. Въ продолженіе времени этихъ дѣйствій, сильная австрійская колонна, переправясь у селенія Цицибора, направилась въ обходъ нашего праваго фланга, что заставило Эссена отступить. Войска наши отошли въ совершенномъ порядкѣ къ Залѣсью, разобравъ мосты на плотинѣ черезъ рѣку Цну и зажгли строенія близъ плотины, для задержанія наступавшаго непріятеля. Въ дѣлѣ при Бялѣ съ нашей стороны убиты: 1 оберъ-офицеръ и 125 нижнихъ чиновъ; ранены 16 штабъ и оберъ-офицеровъ и 193 нижнихъ чиновъ: въ числѣ раненыхъ былъ артиллеріи подполковникъ Гебгардтъ (45).

Орудіе нами потерянное было единственнымъ трофеемъ, отбитымъ у насъ Саксонцами въ 1812 году, и по всей вѣроятности, оно одно лишъ изъ захваченныхъ непріятелями у насъ орудій достигло предѣловъ Франціи ([46]). Со стороны союзниковъ, по собственному ихъ признанію, уронъ былъ значителенъ ([47]).

Какъ только Чичаговъ получилъ свѣдѣніе отъ генерала Эссена о встрѣчѣ его у Бялы съ превосходными въ числѣ непріятельскими силами, то послалъ ему въ помощь къ Залѣсью корпусъ Ланжерона и приказалъ прочимъ войскамъ своей арміи собраться къ Бресту, чтобы направиться противъ непріятеля и рѣшительно атаковать его ([48]). Но Рейнье, не выждавъ нападенія, потянулся къ Венгрову, откуда впослѣдствіи перешелъ къ деревнѣ Скрисевѣ, близъ Дрогичина. Непріятельскіе корпуса, находясь на семъ пунктѣ, сохраняли сообщеніе съ Варшавою и могли нетолько сторожить за движеніями Чичагова, но и затруднять его дѣйствія на сообщенія Большой Наполеоновой арміи ([49]).

Выше уже я имѣлъ случай сказать, что генералъ-маіоръ Чаплицъ былъ посланъ въ Литву, для разсѣянія формировавшихся тамъ ополченій. Отрядъ его состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ, двѣнадцати эскадроновъ и двухъ съ половиною казачьихъ полковъ, съ двѣнадцатью орудіями. Скромный, привѣтливый, любимый войсками, Чаплицъ былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ славной эпохи 1812 года ([50]). Ближайшею цѣлью дѣйствій его было нападеніе на гвардейскій уланскій полкъ генерала Конопки въ Слонимѣ и отрѣзаніе австрійскаго отряда генерала Мора, который, не успѣвъ присоединиться къ арміи Шварценберга во время пребыванія ея у Бреста, отступалъ окольнымъ путемъ на Пружаны и Мосты. Выступивъ, 6-го (18) октября, изъ Пружанъ, Чаплицъ двигался форсированными маршами, оставилъ на пути въ Ружанахъ всю свою пѣхоту, драгунъ, два эскадрона гусаръ и восемь орудій, а съ остальными гусарами

и казаками прибылъ наразсвѣтѣ, 8-го (20) октября, къ Слониму, напалъ неожиданно на польскаго генерала Конопку, формировавшаго тамъ 3-й полкъ гвардейскихъ уланъ, истребилъ до ста человѣкъ, захватилъ въ плѣнъ одного генерала (самого Конопку), тринадцать штабъ и оберъ-офицеровъ и 228 нижнихъ чиновъ, и распустилъ нѣсколько тысячъ конскриптовъ. Отправя плѣнныхъ и полковую казну, въ которой было пятьдесятъ тысячъ злотыхъ (7,500 р. сер.), въ Брестъ-Литовскъ, Чаплицъ оставался въ Слонимѣ, на соединеніи дорогъ ведущихъ изъ Гродна, Вильны, Минска и Бобруйска ([51]).

Отряду генерала Мора удалось избѣгнуть преслѣдованія нашихъ войскъ: переправясь еще 29-го сентября (11-го октября н. ст.) черезъ Нѣманъ у Мостовъ, онъ достигъ Гродна и вошелъ въ связь, чрезъ Бѣлостокъ, съ главными силами Шварценберга, стоявшими на лѣвой сторонѣ Буга близъ Дрогичина ([52]).

Главныя же силы Чичагова оставались въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска до половины октября ([53]).

Готовясь идти къ Березинѣ, Чичаговъ озабочивался, какъ обезпеченіемъ продовольствованія своей арміи на семъ маршѣ, такъ и охраненіемъ Волыни и Подоліи отъ непріятельскаго вторженія. Упрекали адмирала Чичагова въ продолжительномъ пребываніи у Бреста, но едвали можно согласиться въ справедливости этого упрека. Предпринимая движеніе съ арміею, на пространствѣ до четырехъ сотъ пятидесяти верстъ, черезъ страну опустошенную непріятелемъ, надлежало имѣть при войскахъ значительный подвижной магазинъ. Самый сборъ запасовъ, посредствомъ реквизицій, требовалъ много времени; еще труднѣе было добывать достаточное число лошадей и подводъ для перевозки вслѣдъ за арміею провіанта и парковъ. Карлъ XII-й, въ Сѣверную войну, находясь въ выгоднѣйшемъ положеніи,

(потому-что часть жителей Польши держала его сторону), принужденъ былъ употребить нѣсколько недѣль на заготовленіе въ Сморгони съѣстныхъ запасовъ и подвижныхъ магазиновъ, да и послѣдующія его дѣйствія были гораздо медленнѣе дѣйствій Чичагова. Время проведенное адмираломъ въ Брестъ-Литовскѣ не было потеряно: значительныя партіи, посылаемыя на лѣвую сторону Буга, нетолько уничтожали средства могшія послужить въ пользу непріятелю, но забирали вооруженною рукою запасы для нашей арміи, а между-тѣмъ, съ содѣйствіемъ мѣстныхъ властей, производились реквизиціи хлѣба, фуража и скота въ Гродненской губерніи и подходили обозы съ провіантомъ съ Волыни, Подоліи и Украйны. Для обезпеченія этихъ транспортовъ, Чичаговъ предписалъ генералъ-маіору Лидерсу оставить, на маршѣ къ Пинску, въ Дубнѣ, часть своего отряда ([54]), а съ прочими войсками идти чрезъ Пинскъ на присоединеніе къ арміи. Противъ австрійско-саксонской арміи оставлена была значительная часть силъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Сакена, но какъ назначеніе сихъ войскъ состояло преимущественно въ обезпеченіи марша арміи Чичагова къ Березинѣ, то для непосредственнаго охраненія Волыни назначенъ былъ особый отрядъ, въ составѣ четырехъ баталіоновъ, четырехъ эскадроновъ и одного казачьяго полка, съ шестью орудіями ([55]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Репнинскаго, коему предписано занять цѣпью казачьихъ постовъ линію по Бугу отъ австрійской границы до Орховки противъ Влодавы ([56]). Генералъ-лейтенанту Мусину-Пушкину, принявшему начальство надъ войсками въ Житомирѣ отъ генерала Сакена, было назначено переѣхать во Владиміръ и принять въ вѣдѣніе всѣ войска оставленныя на Волыни; ему же поручено отправить, изъ числа войскъ находившихся въ Житомирѣ, къ генералу Эртелю, въ Мозырь, два запасныхъ баталіона, восемь запасныхъ эскадроновъ и шесть орудій

батарейной роты № 33-го ([57]). Изъ числа резервныхъ (рекрутскихъ) баталіоновъ, формировавшихся въ Ново-Миргородскомъ, Елисаветградскомъ и Чигиринскомъ депо, для 8-й, 10-й и 22-й дивизіи, предписано отправить шесть баталіоновъ въ Кіевъ, а остальные двѣнадцать въ Мозырь, на усиленіе корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ генерала Эртеля ([58]). Для снабженія сихъ рекрутъ ружьями и ранцами, было употреблено оружіе и аммуниція, остававшіяся отъ умершихъ и больныхъ, при выступленіи полковъ изъ Хотина, Каменца-Подольска и Житомира ([59]).

Нѣкоторые упрекали князя Шварценберга въ бездѣйствіи послѣ сраженія при Городечнѣ, полагая, что ему слѣдовало воспользоваться превосходствомъ своимъ въ числѣ войскъ надъ арміею Тормасова до прибытія на Волынь Чичагова. Для основательнаго обсужденія дѣйствій австрійскаго полководца надлежитъ, прежде всего, рѣшить вопросъ: какіе успѣхи могъ одержать онъ, преслѣдуя безостановочно Тормасова? Окончательное пораженіе нашей арміи, которое одно лишь могло упрочить занятіе союзными войсками Волыни и Подоліи, едвали было возможно, какъ по ничтожнымъ послѣдствіямъ сраженія при Городечнѣ, такъ и потому, что Тормасовъ, по всей вѣроятности, не принялъ бы другаго сраженія, а отступилъ бы навстрѣчу Чичагову. Слѣдовательно — всѣ выгоды дальнѣйшаго наступленія союзниковъ ограничились бы кратковременнымъ занятіемъ страны обильной средствами для продовольствованія арміи. Но и на Стыри Шварценбергъ не терпѣлъ нужды въ съѣстныхъ запасахъ получая ихъ изъ Литвы и Варшавскаго герцогства. Стоило ли, удаляясь отъ собственныхъ границъ, подвергать себя случайностямъ продолжительнаго отступленія, которое было неизбѣжно, какъ только Дунайская армія явилась на театрѣ войны? Къ тому же политическія отношенія австрійскаго правительства къ Россіи, несмотря на союзъ его съ На-

полеономъ, не были враждебны къ Императору Александру. Сношенія между С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ Кабинетами не прерывались во все продолженіе кампаніи 1812 года ([60]), и вообще Австрійцы уклонялись отъ дѣйствій противъ нашихъ войскъ. Саксонцы и Поляки дѣйствовали рѣшительнѣе, но слабость ихъ силъ не позволяла имъ оказать важное вліяніе на судьбу войны. Разсматривая дѣйствія Шварценберга, какъ генерала оставленнаго съ отдѣльнымъ корпусомъ, для прикрытія сообщеній арміи, нельзя не замѣтить, что онъ не исполнилъ даннаго ему порученія; но, принявъ во вниманіе политическія обстоятельства, несомнѣнно имѣвшія вліяніе на способъ его дѣйствій, скажемъ, что онъ совершенно достигъ главной своей цѣли—сохранить армію ему ввѣренную австрійскимъ правительствомъ.

ГЛАВА XXXII.

Сраженіе при Тарутинѣ

(на рѣчкѣ Чернишнѣ).

СОДЕРЖАНІЕ.

Предположенія Наполеона для отступленія изъ Москвы.—Причины замедлившія его выступленіе.—Распоряженія къ походу.
Расположеніе Мюратовыхъ войскъ на рѣчкѣ Чернишнѣ.—Планъ печальнаго нападенія на позицію Мюрата.—Диспозиція составленная Толемъ.—Диспозиція по войскамъ праваго крыла, составленная Беннигсеномъ.—Сраженіе при Тарутинѣ (или на рѣчкѣ Чернишнѣ).—Недоразумѣнія между княземъ Кутузовымъ и генераломъ Беннигсеномъ.—Рескриптъ Императора Александра I до сраженія при Тарутинѣ.—Награды Кутузову и Беннигсену. Новое раздѣленіе армій.—Сужденія иностранныхъ писателей о мнимомъ нарушеніи Русскими перемирія.

Мы уже видѣли (въ главѣ XXVI), что Наполеонъ, по занятіи Москвы, не достигнувъ цѣли дѣйствій—покоренія Россіи своему произволу—сперва намѣревался сдѣлать демонстрацію движенія къ Петербургу, а потомъ задумалъ перейти фланговымъ движеніемъ къ Двинѣ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ могъ сблизить свою армію съ резервами къ ней шедшими изъ Германіи и придать своему принужденному отступленію видъ грознаго наступленія къ нашей сѣверной столицѣ. Съ этою цѣлью онъ предполагалъ направить корпусъ Виктора, усиленный частью вестфальскихъ, саксонскихъ и польскихъ войскъ и маршевыми батальонами до сорока тысячъ человѣкъ, и одну изъ дивизій Макдональда въ помощь Сенъ-Сиру, что въ совокупности должно было составить на Двинѣ армію въ семь-

десять тысячъ человѣкъ, а между-тѣмъ самъ Наполеонъ, съ гвардіею и корпусами Вице-короля и Даву, въ числѣ также до семидесяти тысячъ, предполагалъ двинуться, на Волоколамскъ, Зубцовъ, Бѣлой и Велижъ, къ Великимъ-Лукамъ, направя корпусъ маршала Нея по смоленской дорогѣ и войска Мюрата къ Можайску, для прикрытія отступленія главныхъ силъ. Такимъ образомъ, Наполеонъ надѣялся сосредоточить до ста сорока тысячъ человѣкъ у Великихъ-Лукъ и Велижа, кромѣ тридцати тысячъ Мюрата и Нея, (1) и перезимовавъ на Двинѣ, двинуться весною, съ собранными вновь тремя стами тысячами человѣкъ, къ Петербургу (2). Но почти всѣ главные сподвижники Наполеоновы, будучи призываемы къ нему на совѣщаніе о предположенномъ движеніи, изъявляли сомнѣніе въ его успѣхѣ. А между тѣмъ надлежало рѣшиться какъ можно скорѣе на какой бы то ни было планъ дѣйствій, потому-что уже наступало неблагопріятное для передвиженія арміи время года. Нѣкоторые (и въ числѣ ихъ Дарю) совѣтовали зимовать въ Москвѣ; самъ Наполеонъ одобрялъ это предположеніе (3), но дальновидность геніяльнаго полководца не позволяла ему заблуждаться на счетъ опасностей сопряженныхъ съ зимовкою въ Москвѣ. Еслибы даже и удалось ему собрать въ окрестностяхъ Москвы провіантъ, въ такомъ количествѣ, какое требовалось для снабженія арміи, то предстояло еще большее затрудненіе—снабдить фуражемъ кавалерію, артиллерію и скотъ необходимый для мясной порціи. Для этого слѣдовало расширить раіонъ расположенія войскъ, но и безъ того уже изнуренная французская кавалерія не могла прикрывать армію отъ партизанскихъ налетовъ. Возможно ли было надѣяться на сохраненіе сообщеній съ Литвою, безпрестанно подвергавшихся нападеніямъ нашихъ казаковъ и легкихъ отрядовъ?

Наполеонъ, со свойственною ему проницательностью, видѣлъ не только явную невозможность оставаться на зи-

мовку въ Москвѣ, но и тѣ затрудненія и опасности, которымъ подвергался онъ отлагая отступленіе. Наполеонъ видѣлъ все это, но оставался въ бездѣйствіи на московскомъ пожарищѣ, сперва надѣясь поколебать волю Императора Александра, а потомъ—изъ опасенія, весьма справедливаго, что, съ первымъ шагомъ Французовъ назадъ, разрушится общее убѣжденіе въ ихъ непобѣдимости, и что всѣ враги ихъ, удерживаемые въ повиновеніи страхомъ, сбросятъ съ себя наложенныя завоевателемъ оковы.

Тѣмъ не менѣе однакоже Наполеонъ, побѣжденный силою обстоятельствъ, сталъ готовиться къ выступленію, но вмѣсто предположеннаго имъ прежде движенія на Волоколамскъ, рѣшился направиться къ югу на Калугу, вступить въ бой съ Кутузовымъ, и потомъ, смотря по послѣдствіямъ сраженія, расположиться на зиму въ Калугѣ, либо отступить, чрезъ не разоренную еще страну, на Ельню, за Днѣпръ. Раненые, находившіеся въ московскихъ госпиталяхъ, и такъ называемые трофеи (т.-е. турецкія знамена, вызолоченный крестъ съ колокольни Ивана Великаго и старинное оружіе найденное въ Москвѣ), были отправлены по смоленской дорогѣ. Корпусамъ Даву, Нея и Вице-короля приказано собраться въ Москву, а войскамъ Старой гвардіи—быть готовыми къ выступленію. Мортьё получилъ приказаніе усилить вооруженіе Кремля, укрѣпить нѣсколько удобныхъ къ оборонѣ постовъ въ Москвѣ и занять городъ ввѣреннымъ ему отрядомъ, состоявшимъ изъ дивизіи Молодой гвардіи, подъ начальствомъ генерала Делаборда, четырехъ баталіоновъ, сформированныхъ изъ кавалеристовъ не имѣвшихъ лошадей, кавалерійской бригады въ числѣ пятисотъ человѣкъ, двухъ саперныхъ и одной артиллерійской ротъ. Какъ между тѣмъ Мюратъ прислалъ къ Наполеону одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Россети, съ донесеніемъ о жалкомъ состояніи своей кавалеріи и объ опасности занимаемаго имъ расположенія на рѣчкѣ Черни-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
ПРИ
ТАРУТИНѢ
(На рѣкѣ Чернишнѣ).
6/18 Октября.
Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 500 саженъ.
500 375 250 125 0 500 1000 с.
ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ
Русскія войска.
AA 2й и 6й Пѣхотные Корпуса.
BB 4й 5й 3й и 7й Пѣхотные Корпуса.
CC 1й Кавалерійскій Корпусъ.
DD 8й Пѣхотный Корпусъ.
EE Двѣ Кирасирскія Дивизіи.
FF Резервная Артиллерія.
GG 2й и 4й Кавалерійскіе Корпуса.
OO 6й 7й и 8й Пѣхотные Корпуса.
PP Летучій Корпусъ.
RR 5й Пѣхотный Корпусъ.
SS 4й и 48й Егерскіе полки.
TT Тобольскій пѣхотный полкъ.
UU Тобольск. 4й и 20й полки.
Французскія войска.
HH Дивизія Клапареда.
II Кавалерія Сенъ Жермена.
KK Кавалерія Нансути.
LL Корпусъ Понятовскаго.
MM Кавалерія Себастіани.
NN Дивизія Дюфура.
С. Тарутино
Спаское
Митинка
Р. Нара

шнѣ, то ему было разрѣшено, въ случаѣ необходимости, отступить къ Воронову и занявъ тамъ позицію пѣхотою, поставить за нею кавалерію, чтобы дать ей отдыхъ и прекратить потери, которымъ подвергалась она отъ изнурительнаго расположенія въ виду нашего авангарда ([4]).

Французскіе писатели увѣряютъ, будто бы одновременно съ сими приготовленіями къ отступленію изъ Москвы, Наполеонъ возобновилъ переговоры съ княземъ Кутузовымъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы усыпить бдительность нашего полководца. По свидѣтельству ихъ, 1-го (13-го) октября, прибылъ на аванпосты Милорадовича генералъ Лористонъ, подъ предлогомъ освѣдомленія объ отвѣтѣ нашего Государя на письмо посланное Наполеономъ. Кутузовъ, какъ говорятъ сами Французы, не далъ парламентеру рѣшительнаго отвѣта, ограничась изъявленіемъ надежды, что переговоры начнутся, какъ только будетъ полученъ отвѣтъ Императора Александра ([5]). О вторичномъ свиданіи князя Кутузова съ Лористономъ не упоминается ни въ официальныхъ нашихъ свѣдѣніяхъ, ни въ запискахъ лицъ, состоявшихъ въ главной квартирѣ Кутузова, но французскіе историки говорятъ, будто бы Мюратъ, послѣ этого свиданія, обнадѣявшись на заключеніе перемирія, остался въ своей невыгодной позиціи на рѣчкѣ Чернишнѣ ([6]). Но самъ Кутузовъ, прибывъ въ Тарутино, передъ сраженіемъ съ Мюратомъ, сказалъ, при входѣ въ избу, гдѣ онъ принималъ французскаго парламентера: „вотъ здѣсь я говорилъ Лористону, что мы никогда не согласимся на миръ“ ([7]).

Невыгодное расположеніе Мюрата съ авангардомъ французской арміи, въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, казалось, вызывало Кутузова къ нападенію. Въ этомъ авангардѣ состояло не болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ до восьми тысячъ кавалеріи, съ 187-ю орудіями ([8]). Непріятельскія войска, изнуренныя го-

лодомъ и трудами аванпостной службы, не могли оказать упорнаго сопротивленія; а мѣстность, на которой они находились, не представляла никакихъ предметовъ удобныхъ къ усиленію обороны и способствовала скрытному приближенію нашихъ войскъ: рѣчка Чернишна, удобно проходимая въ бродъ, не составляла значительной преграды, и потому во время стоянки Мюрата у Винкова войска его были расположены по обѣ стороны сей рѣчки, слѣдующимъ образомъ: впереди Чернишны, у Винкова, стояла дивизія Клапареда; на флангахъ ея—по одной дивизіи корпусовъ Сенъ-Жермена и Нансути; корпусъ Понятовскаго у Тетеринки и правѣе этого селенія; корпусъ Себастіани влѣво отъ Тетеринки; по другую же сторону рѣчки находились: корпусъ Сенъ-Жермена правѣе и дивизія Дюфура лѣвѣе большой дороги; корпусъ Нансути еще лѣвѣе, а корпусъ Латуръ-Мобура въ четырехъ верстахъ позади праваго крыла, между большою дорогою и Нарою (9). Большой лѣсъ, на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи, подвергалъ Французовъ неожиданному обходу. Не имѣя возможности занять его, непріятели должны были охранять себя съ лѣваго фланга по крайней мѣрѣ высылкою разъѣздовъ, но это не было сдѣлано, какъ по чрезвычайному изнуренію кавалеріи, такъ и по безпечности Мюрата. Казаки, рыскавшіе во всѣ стороны, разъѣзжая по лѣсу, приближались къ непріятельскому лагерю и донесли въ главную квартиру о замѣченной ими оплошности Французовъ. На основаніи этихъ свѣдѣній, генералъ-квартирмейстеръ Толь, въ сопровожденіи одного изъ офицеровъ квартирмейстерской части поручика Траскина, рекогносцировалъ лѣсъ нѣсколько разъ во всей подробности. На основаніи этого обозрѣнія былъ составленъ имъ же планъ нападенія на непріятельскую позицію (10). Но не легко было получить согласіе на то отъ стараго Фельдмаршала, который не рѣшался предпринять дѣйствіе, могшее вызвать

Наполеона изъ Москвы и имѣть послѣдствіемъ генеральное сраженіе. Съ другой стороны было очевидно, что Наполеонъ, и безъ того, не могъ долго оставаться въ Москвѣ, что вскорѣ придется сразиться съ нимъ, и потому не слѣдовало упускать удобнаго случая къ его ослабленію: таковы были доводы Толя, и многіе изъ нашихъ генераловъ раздѣляли его мнѣніе. Въ числѣ ихъ былъ Коновницынъ; въ особенности же настаивалъ не откладывать нападенія Баггевутъ. Самъ Беннигсенъ, несмотря на нерасположеніе свое къ Толю, одобрялъ его предложеніе, и въ числѣ прочихъ доводовъ въ пользу составленнаго имъ плана дѣйствій приводилъ, что надлежало напасть на непріятеля до прибытія къ нему въ помощь корпуса Виктора. Въ такомъ же смыслѣ Беннигсенъ подалъ князю Кутузову записку, въ которой доказывалъ необходимость нападенія на авангардъ Мюрата, и желая разсѣять опасеніе Фельдмаршала въ успѣхѣ этого предпріятія, упоминалъ, что Наполеонъ со всею своею гвардіею оставался въ Москвѣ и что у Мюрата было немного артиллеріи и не болѣе восьми тысячъ человѣкъ кавалеріи ([11]).

Кутузовъ, наконецъ, изъявивъ согласіе на предположенное нападеніе, поручилъ Беннигсену начальство надъ войсками назначенными для обхода непріятельской позиціи; главныя же силы, подъ личнымъ начальствомъ Фельдмаршала, должны были повести фронтальную атаку. Диспозиція, составленная Толемъ, заключала въ себѣ слѣдующія распоряженія:

„Армія выступаетъ изъ лагеря 4-го октября (*), въ 6 часовъ по полудни. 2-й, 3-й и 4-й корпуса (полагая при каждомъ по одной батарейной и по двѣ легкія роты артиллеріи), и десять казачьихъ полковъ съ ротою донской конной артиллеріи, подъ командою генералъ-адъ-

(*) Впослѣдствіи, какъ будетъ объяснено, нападеніе было отложено до слѣдующаго дня.

ютанта графа Орлова-Денисова, коему назначаются въ подкрѣпленіе полки Лейбъ-гвардіи драгунскій, уланскій, гусарскій, и Нѣжинскій драгунскій, при полуротѣ конной артиллеріи, подъ командою генералъ-маіора Меллера-Закомельскаго, идутъ четырьмя колоннами изъ лагеря къ селу Спасскому, гдѣ по устроеннымъ тремъ мостамъ переправляются чрезъ рѣку Нару, а потомъ останавливаются въ колоннахъ, на разстояніи одна отъ другой 150 шаговъ, имѣя кавалерійскую колонну по правую сторону 3-го корпуса.

„6-й, 7-й, 8-й и 5-й корпуса, съ принадлежащею къ нимъ артиллеріею, переправляются при селѣ Тарутинѣ по двумъ мостамъ и устроиваются: 6-й, 7-й и 8-й корпуса въ первой линіи; 5-й за ними въ резервѣ: всѣ въ полковыхъ дивизіонныхъ колоннахъ; за 2-мъ корпусомъ обѣ кирасирскія дивизіи. 6-й корпусъ, перейдя правый мостъ при Тарутинѣ, идетъ по дорогѣ ведущей къ лѣсу, что у насъ на правомъ флангѣ, при коемъ останавливается скрытно въ полковыхъ же дивизіонныхъ колоннахъ на полную дистанцію. Разумѣется, что всякій корпусъ становится въ двѣ линіи.

„2-й, 3-й (*) и 4-й кавалерійскіе корпуса, находящіеся въ авангардѣ, до разсвѣта сближаются къ цѣпи ведетовъ и состоятъ подъ командою генералъ-маіора Корфа.

„Четыре колонны праваго фланга идутъ впередъ, оставя лѣса занятые непріятелемъ влѣво, позади цѣпи нашихъ ведетовъ, и пройдя нѣкоторое разстояніе, 4-й корпусъ дѣлаетъ перемѣну дирекціи налѣво и доходитъ до самой цѣпи ведетовъ, гдѣ безъ всякаго шума останавливается въ дивизіонной колоннѣ.

„2-й и 3-й корпуса продолжаютъ маршъ далѣе, ста-

(*) 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса составляли одинъ корпусъ (2-й), подъ начальствомъ Корфа; 4-мъ, вмѣсто Сиверса, командовалъ Васильчиковъ.

раясь обойти главную часть лѣса и перемѣняютъ дирекцію налѣво при деревнѣ Хоросинѣ.

„Кавалерійская колонна, подъ командою генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, обходитъ еще далѣе лѣсъ; сей колоннѣ придается 20-й егерскій полкъ, идущій въ головѣ оной. Всѣ егерскіе полки, находящіеся при корпусахъ, идутъ въ головѣ колоннъ, разсыпаются съ резервами передъ колоннами не прежде пока подойдутъ къ лѣсу, и то безъ барабаннаго боя и безъ команды, дабы непріятель не открылъ нашего приближенія на лѣвый его флангъ.

„Егеря, войдя въ лѣсъ, хотя бы и случилось, что непріятель, открывъ ихъ, далъ знать о семъ выстрѣломъ, не стрѣляютъ по немъ, а стараются бѣгомъ совершенно овладѣть всѣмъ лѣсомъ, котораго глубина не болѣе полуверсты, и достигнувъ внѣшней опушки лѣса, останавливаются и ожидаютъ прибытія колоннъ, которыя, подойдя къ егерямъ, выходятъ подъ прикрытіемъ оныхъ изъ лѣса и выводятъ головы полковыхъ колоннъ влѣво; егеря должны прикрывать сіе движеніе.

„6-й, 7-й, 8-й и 5-й корпуса подходятъ, такъ же до разсвѣта, къ передовой нашей цѣпи, имѣя кавалерійскіе корпуса 2-й, 3-й и 4-й впереди; когда же услышатъ, что на правомъ нашемъ флангѣ началось дѣло, тотчасъ вся кавалерія, исключая кирасиръ, идетъ въ атаку. Пѣхотныя колонны слѣдуютъ за нею скорымъ шагомъ. 6-й корпусъ, находясь на правомъ флангѣ, двигается около лѣса, имѣя впереди егерей, кои тотчасъ занимаютъ лѣсъ и открываютъ связь съ корпусомъ генералъ-лейтенанта графа Остермана. По мѣрѣ наступленія, сближаются и входятъ въ связь между собою всѣ части войскъ.

„Расположеніе артиллеріи во время дѣйствія предоставляется корпуснымъ командирамъ.

„Всѣ движенія должны быть быстры и безъ всякаго

шума; дѣйствовать болѣе холоднымъ оружіемъ, а ружейною стрѣльбою много не заниматься.

„3-й корпусъ составляетъ резервъ колоннъ праваго фланга, а 5-й корпусъ—резервъ колоннъ лѣваго фланга.

„Всѣми колоннами праваго фланга, состоящаго изъ корпусовъ 2-го, 3-го и 4-го и кавалерійской колонны графа Орлова-Денисова, командуетъ генералъ-отъ-кавалеріи Беннигсенъ; колонны же лѣваго фланга, 7-й, 8-й и 5-й, а равно 2-й, 3-й и 4-й кавалерійскіе корпуса и двѣ кирасирскія дивизіи, состоятъ подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича; при оныхъ и Главнокомандующій арміею находиться будетъ. Центральная колонна, состоящая изъ 6-го корпуса, находится подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова; по мѣрѣ же наступленія на непріятеля, сія колонна соединится съ 4-мъ корпусомъ, и тогда оба корпуса, 4-й и 6-й, будутъ состоять въ его командѣ. Всею кавалеріею командуетъ генералъ-адъютантъ Уваровъ.

„Въ лагерѣ оставить отъ всѣхъ полковъ барабанщиковъ и музыкантовъ, которые въ падлежащее время бьютъ зарю. Огни раскладывать не болѣе и не менѣе обыкновеннаго; шалаши оставить и отнюдь не жечь; въ противномъ же случаѣ, останется сіе на отвѣтственности корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ; для сего оставить въ лагерѣ съ каждой роты по одному унтеръ-офицеру съ тремя рядовыми, а съ каждаго полка по одному офицеру.

„Батарейныя и легкія роты, остающіяся отъ 2-го, 3-го и 4-го корпусовъ, переходятъ рѣку по тѣмъ же мостамъ, гдѣ перейдутъ корпуса, но остаются въ резервѣ у переправы. Конная артиллерія всей арміи, исключая тѣхъ ротъ, о коихъ упомянуто выше, переходитъ вслѣдъ за корпусами 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ и становится въ резервѣ за кирасирами, кромѣ двухъ ротъ командируемыхъ къ ка-

валерійскимъ корпусамъ. Прочая артиллерія остается въ лагерѣ, въ видѣ резерва, а равно и всѣ обозы.

„Кавалерійскіе полки Лейбъ-гвардіи драгунскій, уланскій, гусарскій, и Нѣжинскій драгунскій съ конною полуротою выступаютъ въ 7 часовъ по полудни къ селу Спасскому на присоединеніе къ колоннѣ графа Орлова-Денисова.

„Всѣ егерскіе полки, на флангахъ находящіеся, исключая 4-го, въ 5 часовъ по полудни, присоединяются къ своимъ дивизіямъ, оставивъ свои шалаши въ цѣлости.

„Огней во время марша на привалахъ не разводить и даже не курить трубокъ ([12]).“

Отряду генерала Дорохова, стоявшему у Каменскаго, предписано было, соединясь съ отрядомъ Фигнера, двинуться къ Воронову, истребить стоявшіе тамъ два полка и отрѣзать отступленіе непріятельскому авангарду ([13]).

Такимъ образомъ предположено было напасть на Мюрата съ разсвѣтомъ 5-го (17 го) октября. Вышло иначе. Офицеръ, посланный изъ главной квартиры Коновницынымъ съ диспозиціею къ генералу Ермолову, не могъ найти его во всемъ лагерѣ, потому-что Ермоловъ въ тотъ день уѣхалъ къ дежурному генералу Кикину, въ селеніе лежавшее въ трехъ верстахъ отъ лѣваго фланга лагеря ([14]). Между-тѣмъ Кутузовъ отправился изъ Леташевки на дрожкахъ въ лагерь, гдѣ надѣялся встрѣтить войска въ полной готовности къ выступленію, но къ крайнему удивленію своему нашелъ людей, большею частью, спящими, лошадей неосѣдланными; ни одно орудіе не было запряжено; никто изъ генераловъ не находился на своемъ мѣстѣ. Фельдмаршалъ, разгнѣванный неисполненіемъ отданнаго имъ приказанія, осыпалъ упреками перваго попавшагося ему на глаза офицера квартирмейстерской части подполковника Эйхена ([15]). Начальники войскъ предлагали выступить изъ лагеря нѣсколько позже, но Кутузовъ, не охотно рѣшавшійся на

предположенное наступленіе, отложилъ его на цѣлыя сутки, о чемъ дано было знать и Дорохову([16]).

Беннигсенъ, съ своей стороны, отдалъ по ввѣреннымъ ему войскамъ диспозицію, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: 1-я колонна (начиная съ праваг о фланга), составленная изъ десяти казачьихъ полковъ и 20-го егерскаго, съ одною конною батареею, подъ командою графа Орлова-Денисова, должна была достигнуть до опушки лѣса окрылявшаго непріятельскую позицію и остановиться у деревни Стромиловой; 2-я колонна, изъ 2-го пѣхотнаго корпуса, подъ командою генерала Баггевута, двинувшись по дорогѣ ведущей изъ Спасскаго къ Тетеринкѣ, остановиться у опушки лѣса, лѣвѣе первой; а 3-я колонна, составленная изъ 4-го пѣхотнаго корпуса и 2-й кирасирской дивизіи, подъ начальствомъ графа Остермана, двигаться еще лѣвѣе, на одной высотѣ со второю. Резервъ, состоявшій изъ 3-го пѣхотнаго корпуса графа Строганова и 1-го кавалерійскаго корпуса генерала Меллера-Закомельскаго, получилъ предписаніе слѣдовать за 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Полковникъ Толь принялъ на себя указаніе путей первымъ двумъ колоннамъ, назначеннымъ для атаки непріятеля съ фланга и тыла. Войскамъ было приказано двигаться безъ шуму и достигнуть еще въ ночи назначенныхъ имъ пунктовъ. Съ разсвѣтомъ, 2-й корпусъ долженъ былъ начать нападеніе атакою на четырнадцати-орудійную батарею, стоявшую впереди лѣваго фланга непріятельской позиціи, у Тетеринки. Въ этотъ самый моментъ, назначено было также и 1-й колоннѣ устремиться къ Воронову, въ тылъ непріятелю; 4-му корпусу, служившему для связи 5-го корпуса съ главными силами, надлежало, въ ожиданіи приказанія, остановиться у опушки лѣса; а 3-му пѣхотному—слѣдовать за 2-мъ и служить ему резервомъ ([17]).

Распоряженія сіи были весьма основательны, но, какъ

большею частью случается, не могли быть исполнены въ точности. Ночной переходъ значительнаго числа войскъ встрѣтилъ неожиданныя затрудненія, а желаніе согласить движеніе нѣсколькихъ колоннъ безпрестанно заставляло останавливать ихъ и замедляло маршъ до такой степени, что 2-й корпусъ для перехода менѣе 15-ти верстъ употребилъ около двѣнадцати часовъ и прибылъ къ опушкѣ лѣса у селенія Хоросина не прежде семи часовъ утра. Какъ въ это время 4-й пѣхотный корпусъ еще находился далеко позади, то 2-й корпусъ пріостановилъ нападеніе. Обстоятельства измѣнились: вмѣсто дебушированія войскъ изъ лѣса въ темнотѣ ночи, надлежало ихъ вывести днемъ, и, построивъ боевой порядокъ изъ глубокой колонны въ шестнадцать баталіоновъ, пройти подъ огнемъ непріятельской батареи около тысячи шаговъ. Чтобы облегчить построеніе корпуса, Принцъ Евгеній Виртембергскій предложилъ вывести войска изъ лѣса тремя колоннами, такимъ образомъ, чтобы средняя, состоявшая изъ четырехъ баталіоновъ егерской бригады Пиллара, съ двумя артиллерійскими ротами, выйдя на равнину прежде прочихъ, расположилась въ 1-й линіи, а боковыя колонны, изъ 4-й и 17-й дивизій, каждая въ составѣ шести баталіоновъ съ одною артиллерійскою ротою, поддерживали бы среднюю колонну и обошли непріятеля съ лѣваго фланга. Самъ Баггевутъ, имѣвшій только-лишь предъ тѣмъ жаркую размолвку съ Толемъ (недовольнымъ за неточное исполненіе отданной диспозиціи), повелъ впередъ бригаду Пиллара, ставъ въ головѣ 4-го егерскаго полка, котораго былъ шефомъ. „Прошу Ваше Высочество распорядиться войсками, „сказалъ онъ принцу, а я останусь съ моими егерями; они „жили со мною—со мною и умрутъ. Я первый пойду на „батарею.“ Принцъ Виртембергскій, разставшись съ нимъ, принялъ вправо съ Тобольскимъ полкомъ и съ легкою ротою, а 17-я дивизія направилась лѣвѣе егерей.

Уже было семь часовъ. Между-тѣмъ какъ пѣхота 2-го корпуса готовилась напасть на непріятеля, графъ Орловъ-Денисовъ, пройдя еще до разсвѣта чрезъ селеніе Дмитріевское, скрылъ своихъ казаковъ въ лѣсу, въ ожиданіи выхода на равнину прочихъ нашихъ колоннъ. Когда же совершенно разсвѣло, онъ, опасаясь быть открытымъ, приказалъ войскамъ идти въ атаку. Казаки съ громкимъ крикомъ кинулись на бивуаки Себастіани, ударили врасплохъ на кирасирскую дивизію и опрокинувъ три полка (1-й и 2-й карабинерные и 1-й кирасирскій) за Рязановскій оврагъ, захватили 38 орудій. Нападеніе было такъ неожиданно, что на бивачныхъ огняхъ найдены кофейники съ горячимъ кофе; рядомъ съ ними—какъ свидѣтельство недостатка въ съѣстныхъ припасахъ—стояли котлы съ лошадиною падалью. Ужасъ и негодованіе овладѣли нашими воинами, когда они увидѣли большіе образа служившіе врагамъ вмѣстѣ столовъ и скамей. Къ сожалѣнію, вмѣсто настойчиваго преслѣдованія разстроенныхъ войскъ, казаки стали грабить французскій обозъ, что способствовало кирасирамъ оправиться. Выстроясь въ линію, они пошли въ атаку и были встрѣчены огнемъ казачьей батареи находившейся въ отрядѣ Орлова-Денисова. Въ этотъ самый моментъ вышелъ изъ лѣса принцъ Евгеній Виртембергскій съ Тобольскимъ полкомъ и тремя орудіями. Въ непріятельскомъ лагерѣ было замѣтно большое смятеніе; вправо отъ принца, казаки рыскали въ тылу непріятеля; влѣво раздавались пушечные выстрѣлы. Очевидно было, что Баггевутъ уже вступилъ въ бой, и потому принцъ Евгеній, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его Толемъ, не выжидая прибытія остальныхъ своихъ войскъ, повелъ противъ непріятеля находившійся при немъ полкъ.

Генералъ Баггевутъ вышелъ изъ лѣса съ 4-мъ и 48-мъ егерскими полками, построенными въ колонны. Едва лишь эти войска показались на полянѣ, какъ были встрѣчены

огнемъ непріятельской батареи стоявшей у селенія Тетеринки и понесли значительную потерю. Самъ Баггевутъ былъ пораженъ смертельно однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ. Воинъ въ душѣ, мужественный Баггевутъ былъ любимъ и уважаемъ въ арміи. Въ немъ являлось соединеніе отваги и хладнокровія, необыкновенной доброты и твердости духа. Всѣ знавшіе генерала Баггевута отзываются съ похвалою о душевныхъ качествахъ его, а послѣднія письма его къ женѣ своей (*), въ которыхъ онъ выражаетъ надежду посвятить, по окончаніи войны, остальную жизнь своему семейству, служатъ свидѣтельствомъ, что и среди доблестныхъ трудовъ войны онъ мечталъ о любви и дружбѣ.

Смерть Баггевута имѣла невыгодное вліяніе на дѣйствія 2-го пѣхотнаго корпуса, назначеннаго для нанесенія непріятелю рѣшительнаго удара. Егеря, терпѣвшіе въ глубокомъ строю большой уронъ отъ непріятельской канонады, разсыпались и продолжали наступать густою цѣпью, не поддержанною достаточными резервами. Французскіе карабинеры, пользуясь тѣмъ, бросились на 48-й полкъ и изрубили многихъ егерей. Бенигсенъ, прибывъ на сей пунктъ, былъ такъ озадаченъ этою частною неудачею, что, вмѣсто обхода непріятельской позиціи, заботился только о томъ, чтобы удержаться на занимаемой имъ мѣстности. Съ этою цѣлью онъ стянулъ въ помощь егерямъ не только всю 17-ю дивизію Олсуфьева, но и слѣдовавшіе за Тобольцами пѣхотные полки 4-й дивизіи принца Виртембергскаго: всѣ эти войска, столпившись на небольшомъ пространствѣ, частью оставались въ лѣсу, частью стояли въ бездѣйствіи цѣлый часъ подъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Съ нашей стороны выставлена была на высоту батарейная рота Фриша, которая также открыла кано-

---

(*) Въ сентябрѣ 1812 года онъ писалъ къ ней десять разъ.

паду. Между-тѣмъ 4-й корпусъ Остермана еще не успѣлъ придти на назначенное ему мѣсто, и потому Беннигсенъ, опасаясь потерять связь съ главными силами наступавшими противъ непріятеля съ фронта, приказалъ 3-му корпусу графа Строганова (вмѣсто движенія вправо, для подкрѣпленія 2-го корпуса и обхода Французовъ съ фланга), направиться влѣво и выдвинуть на высоту батарею полковника Таубе: такимъ образомъ на рѣшительномъ пунктѣ поля сраженія находились только казаки съ донскою батареею и два баталіона Тобольскаго полка съ тремя орудіями. Направленіе данное 3-му пѣхотному корпусу было тѣмъ болѣе ошибочно, что въ это время главныя наши силы уже подходили къ непріятельской позиціи и кавалерія генерала Васильчикова готовилась идти въ атаку.

Какъ между-тѣмъ все-еще не было никакого слуха объ Остерманѣ, то генералъ Коновницынъ, прибывшій на правое крыло къ Беннигсену, вызвался отыскать 4-й корпусъ и отправился съ состоявшими при немъ офицерами назадъ черезъ лѣсъ. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, онъ замѣтилъ пѣхоту пробиравшуюся близъ окраины лѣса, по дорогѣ ведущей изъ селенія Гущина къ Тетеринкѣ. Коновницынъ, полагая, что эта колонна принадлежала къ 4-му корпусу, послалъ къ ней навстрѣчу Данилевскаго (впослѣдствіи историка войны 1812 года), приказавъ ему спросить—кто командовалъ сими войсками—и ускорить ихъ движеніе. Данилевскій подъѣхалъ къ колоннѣ, но былъ встрѣченъ выстрѣлами и тяжело раненъ. Оказалось, что пѣхота двигавшаяся черезъ лѣсъ состояла изъ двухъ польскихъ баталіоновъ отступавшихъ безъ боя передъ войсками 4-го корпуса къ Чернишнѣ, что и удалось имъ, благодаря медленности и несвязности нашего наступленія. Между-тѣмъ Коновницынъ, объѣхавъ непріятельскую колонну по окольной дорогѣ, нашелъ наконецъ Остермана и

передалъ ему приказаніе Беннигсена—поспѣшить къ выходу изъ лѣса. Данилевскій, упавшій вмѣстѣ съ застрѣленною подъ нимъ лошадью, былъ спасенъ поручикомъ Щербининымъ и казаками, которые увезли его въ Тарутино.

Какъ только 4-й пѣхотный корпусъ подошелъ къ опушкѣ лѣса, то Беннигсенъ, выѣхавъ ему на встрѣчу, расположилъ его лѣвѣе 3-го корпуса: такимъ образомъ противъ Тетеринки было собрано сорокъ шесть баталіоновъ. Но въ это время непріятельскія войска уже отступали на всѣхъ пунктахъ.

Выше было сказано, что Принцъ Виртембергскій, выйдя изъ лѣса, съ двумя баталіонами Тобольскаго полка и съ тремя орудіями, рѣшился атаковать непріятеля, не выжидая прибытія прочихъ войскъ своей дивизіи, но надѣясь на содѣйствіе какъ ихъ, такъ и 3-го корпуса графа Остермана, который, сообразно диспозиціи, долженъ былъ слѣдовать за 2-мъ корпусомъ. Перейдя въ бродъ черезъ рѣчку Десенку, Принцъ двинулся влѣво противъ французскихъ кирасиръ отступавшихъ за Рязановскій оврагъ, между-тѣмъ какъ казаки гарцовали въ тылу непріятеля; 4-й егерскій полкъ, успѣвшій пройти правѣе Тетеринки, гдѣ все-еще удерживались польскія войска, примкнулъ къ лѣвому флангу Тобольскаго полка. Такимъ образомъ Принцъ Евгеній, обойдя съ фланга Поляковъ, приказалъ находившимся съ нимъ тремъ орудіямъ открыть огонь. Съ перваго выстрѣла непріятель очистилъ Тетеринку и перемѣнивъ фронтъ лѣвымъ флангомъ назадъ, сталъ отступать за Чернишну, между-тѣмъ какъ кирасиры, тоже отойдя за сію рѣчку, выстроились въ линію впереди московской дороги ([18]). Вслѣдъ за тѣмъ примкнулъ къ войскамъ Принца 20-й егерскій полкъ, принадлежавшій къ правой колоннѣ; но шесть слабыхъ баталіоновъ, поддержанныхъ казаками, не могли дѣйствовать рѣшительно, и этому об-

стоятельству непріятель былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Войска Мюратовы тянулись въ длинной колоннѣ мимо нашего слабаго отряда, который былъ не въ силахъ отрѣзать имъ отступленіе, но, наконецъ, полковнику Толю удалось перевести конную батарею Гернига черезъ рѣчку у деревни Кручи и открыть огонь по кавалеріи прикрывавшей движеніе колонны. Графъ Орловъ-Денисовъ съ нѣсколькими казачьими полками и Меллеръ-Закомельскій съ регулярною конницею устремились правѣе деревни Гриневой и завязали бой у Богородскаго съ конницею Латуръ-Мобура и Валанса; французскіе кирасиры, и въ особенности 6-й полкъ, сражались весьма храбро, но принуждены были отступить. Между-тѣмъ пѣхота принца Евгенія также перешла черезъ Чернишну. 20-й егерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Горихвостова, пошелъ съ пѣснями на непріятельскую батарею ([19]) и овладѣлъ ею, но будучи атакованъ французскими карабинерами, потерялъ захваченныя имъ орудія и былъ опрокинутъ съ значительнымъ урономъ. Въ продолженіе времени этихъ дѣйствій, непріятельскія войска, остававшіяся на позиціи противъ Винкова, обошли лѣсомъ оврагъ у Богородскаго и достигли села Спасъ-Купли, гдѣ Мюратъ собралъ свои войска и снова устроилъ ихъ.

На лѣвомъ крылѣ, гдѣ находился самъ Кутузовъ, войска, приблизясь къ Чернишнѣ, получили приказаніе остановиться. Напрасно Милорадовичъ и Ермоловъ умоляли Фельдмаршала о позволеніи атаковать непріятеля. Кутузовъ рѣшительно отказалъ въ сей просьбѣ. Говорятъ, будто бы причиною тому было прибытіе къ нему, отъ находившагося у Подольска съ однимъ изъ партизанскихъ отрядовъ полковника князя Кудашева, урядника Жирова полка съ перехваченнымъ предписаніемъ Бертье къ генералу д' Аржанъ (Argens), объ отправленіи всѣхъ обозовъ къ Можайску. Получивъ это свѣдѣніе, Кутузовъ убѣдился

въ намѣреніи Наполеона отступать изъ Москвы, но куда онъ намѣренъ былъ идти—оставалось неизвѣстно фельдмаршалу. Легко могло статься, что Наполеонъ предполагалъ обойти насъ съ праваго фланга и въ такомъ случаѣ мы, преслѣдуя Мюрата, облегчили бы исполненіе плана составленнаго непріятелемъ, либо подверглись бы опасности встрѣтиться съ главными силами Наполеона ([20]). Такъ объясняютъ упорное бездѣйствіе нашего полководца, но едва-ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Гораздо вѣроятнѣе, что неудача обхода предпринятаго Беннигсеномъ утвердила Кутузова въ убѣжденіи о необходимости избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій и заставила его отказаться отъ нанесенія противнику рѣшительнаго удара.

Только тогда, когда непріятель совершенно оставилъ берега Чернишны, Беннигсенъ повелъ 2-й, 3-й и 4-й пѣхотные корпуса къ Десенкѣ и верхней Чернишнѣ. Въ тоже время перешли черезъ рѣчку авангардъ Милорадовича и корпусъ Васильчикова. Непріятельская пѣхота тогда еще занимала лѣсъ на большой дорогѣ, и потому для очищенія его были посланы отъ авангарда шесть егерскихъ баталіоновъ, поддержанныхъ двумя гренадерскими полками 8-го пѣхотнаго корпуса.

Казачьи полки графа Орлова-Денисова преслѣдовали непріятеля до Спасъ-Купли; 2-й и 4-й пѣхотные корпуса и кавалерія Корфа и Васильчикова, подъ начальствомъ Милорадовича, остановились у Богородскаго; прочія же всѣ наши войска были отведены въ Тарутинскій лагерь. Отрядъ Дорохова, назначенный для отрѣзанія пути отступленія Мюрату, не успѣлъ выйти на московскую дорогу, и только посланный отъ него съ партіею урядникъ казачьяго Власова полка Филатовъ принялъ участіе въ преслѣдованіи непріятеля, убивъ кавалерійскаго генерала

*

Дерн [21]. Войска Мюрата, отойдя къ Воронову, заняли тамъ довольно выгодную позицію.

Хотя и трудно сказать что-либо достовѣрное на счетъ потери обѣихъ сторонъ въ дѣлѣ при Тарутинѣ, однакоже въ бо̀льшей части имѣющихся о томъ свѣдѣній показанъ уронъ со стороны Французовъ: убитыми и ранеными отъ 500 до 1,000, а захваченными въ плѣнъ 1,500 человѣкъ; отбиты русскими войсками: одинъ штандартъ, тридцать восемь орудій, сорокъ зарядныхъ ящиковъ и множество повозокъ. Въ числѣ убитыхъ были генералы: начальникъ гвардіи короля Неаполитанскаго Дерн и Фишеръ [22]. Съ нашей стороны, въ вѣдомости, подписанной полковникомъ Кикинымъ, значится слѣдующая потеря: убито: генералъ 1, оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 72; ранено: штабъ и оберъ-офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 411, безъ вѣсти пропало 700 нижнихъ чиновъ, вообще нашъ уронъ простирался до 1,200 человѣкъ. Наши генералы, и въ-особенности Коновницынъ и Толь, были весьма недовольны послѣдствіями дѣла, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, можно было уничтожить весь непріятельскій авангардъ [23]. Напротивъ того — вліяніе сраженія при Тарутинѣ на русскія войска было весьма благопріятно, потому-что намъ удалось небольшими силами [24] опрокинуть непріятеля и захватить множество орудій [25].

Беннигсенъ тотчасъ по окончаніи дѣла пріѣхалъ къ Кутузову, но принялъ весьма холодно его поздравленіе съ побѣдою, и даже не слѣзъ съ лошади подъ предлогомъ полученной имъ контузіи. Онъ полагалъ, что Кутузовъ удержалъ въ бездѣйствіи нетолько лѣвое крыло арміи, но и корпусъ Остермана, съ умысломъ, чтобы лишить его славы рѣшительнаго успѣха. Такое подозрѣніе было совершенно неосновательно, но Беннигсенъ, тѣмъ не менѣе, съ этого дня сдѣлался непримиримымъ врагомъ Кутузова и вооружилъ его противъ себя послѣдующими своими поступ-

ками. Донесеніе Беннигсена Фельдмаршалу о сраженіи при Тарутинѣ начиналось словами: „Поспѣшаю донести Вашей Свѣтлости о вчерашнемъ сраженіи, которое я имѣлъ честь начать, продолжать и окончить, и коего послѣдствія уже вамъ извѣстны.“ Далѣе—было сказано: „Я желалъ-бы, чтобъ обстоятельства позволили Вашей Свѣтлости быть такъ, какъ былъ я, свидѣтелемъ порядка и мужества, съ каковыми ввѣренныя мнѣ войска совершили различныя атаки, въ коихъ они покрыли себя славою и честію.“ Весьма естественно, что Кутузовъ былъ недоволенъ такимъ исключительнымъ присвоеніемъ совершеннаго подвига, и слѣдствіемъ того было устраненіе Беннигсена отъ всѣхъ обязанностей по званію Начальника Штаба арміи.

Сраженіе при Тарутинѣ не удовлетворило ожиданіямъ Кутузова, но онъ, не желая ослабить нравственное вліяніе успѣха одержаннаго нашею арміею, торжествовалъ его, какъ рѣшительную побѣду. 7-го (19-го) октября, приносимо было во всѣхъ частяхъ войскъ благодарственное молебствіе, при совершеніи коего въ гвардейскомъ корпусѣ присутствовалъ Фельдмаршалъ со многими генералами ([26]). Въ донесеніи Государю князя Кутузова, о дѣлѣ при Тарутинѣ, было сказано, что „по открытіи нашими партизанами возможности напасть на корпусъ короля Неаполитанскаго, въ числѣ пятидесяти тысячъ человѣкъ, наша армія выступила съ позиціи при Тарутинѣ, въ нѣсколькихъ колоннахъ, 5-го октября, въ 7 часовъ по полудни. Правое крыло, подъ начальствомъ генерала Беннигсена, въ составѣ 20-го егерскаго и десяти казачьихъ полковъ, предводимое графомъ Орловымъ-Денисовымъ, съ подкрѣпленіемъ изъ трехъ легкихъ полковъ гвардейской кавалеріи, одного драгунскаго полка и трехъ пѣхотныхъ корпусовъ 2-го, 3-го и 4-го, переправясь въ полночь черезъ рѣку Нару, достигли назначенныхъ имъ пунктовъ и на разсвѣтѣ, пройдя черезъ лѣсъ, устремились на непріятеля.“ Описавъ

въ нѣсколькихъ строкахъ ходъ и послѣдствія дѣла, Фельдмаршалъ окончилъ свое донесеніе слѣдующею собственноручною припискою: „Лестнѣе всего при сей побѣдѣ тишина и порядокъ сохраненныя во всѣхъ колоннахъ. Нѣкоторые свидѣтели уподобляютъ дѣйствованія сего дня учебному маневру съ раченіемъ приготовленному (27).“

Донесеніе Государю о побѣдѣ при Тарутинѣ, вмѣстѣ съ отбитымъ у непріятеля штандартомъ, было послано съ полковникомъ Мишо, который, по волѣ самого Императора Александра I, долженствовалъ быть вѣстникомъ первой побѣды одержанной нашею арміею (См. въ главѣ XXV). Объяснивъ подробности сраженія, о которыхъ нельзя было получить свѣдѣній изъ весьма краткой реляціи Фельдмаршала, Мишо просилъ дозволенія донести Государю о желаніи арміи. „Побѣда нами одержанная—сказалъ онъ—прекрасное состояніе вашихъ войскъ, ихъ духъ и общая преданность Вамъ, подкрѣпленія ежедневно подходящія къ арміи, бѣдственное положеніе Наполеона; мѣры принятыя Вашимъ Величествомъ для отрѣзанія ему отступленія: все подаетъ несомнѣнную надежду, что Наполеонъ будетъ со срамомъ изгнанъ изъ Россіи. Войска, увѣренныя въ успѣхѣ, знаютъ, что они всѣмъ обязаны усиліямъ Вашего Императорскаго Величества и просятъ единственной милости, чтобы Вы лично приняли начальство надъ арміею. Присутствіе Вашего Величества сдѣлаетъ ихъ непобѣдимыми.“ Благодушный Монархъ, глубоко тронутый выраженіемъ преданности сотни тысячъ воиновъ готовыхъ умереть въ защиту Царя и Отечества, отвѣчалъ: „Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровен-„но, что и Я не менѣе другихъ и еслибы теперь увлекся „этимъ чувствомъ, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и „отправился въ армію. Принимая во вниманіе невыгодное „положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный „духъ арміи, неисчерпаемыя средства Имперіи и направ-

„леніе данное Мною Дунайской арміи, Я несомнѣнно увѣ-
„ренъ, что мы побѣдимъ и что намъ, послѣ всего сдѣлан-
„наго, остается только, какъ вы говорите, пожинать лав-
„ры. Знаю, что если Я буду при арміи, то вся слава успѣ-
„ха отнесется ко Мнѣ, и что Я займу мѣсто въ исторіи. Но
„когда подумаю, какъ мало опытенъ Я въ военномъ дѣлѣ
„въ сравненіи съ Наполеономъ, и что невзирая на доб-
„рую волю Мою, Я могу сдѣлать ошибку, отъ которой
„прольется драгоцѣнная кровь дѣтей Моихъ, тогда, не-
„смотря на Мое честолюбіе, Я готовъ охотно пожертво-
„вать личною славою для блага арміи. Пусть пожинаетъ
„лавры тотъ, кто болѣе Меня достоинъ ихъ. Возвратитесь
„къ Фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою и скажи-
„те ему, чтобы онъ изгналъ непріятелей изъ Россіи ([28])."

За нѣсколько дней до сраженія при Тарутинѣ, Императоръ Александръ I, будучи недоволенъ бездѣйствіемъ нашихъ главныхъ силъ, послалъ къ князю Кутузову Собственноручный рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Князь Михаилъ Илларіоновичъ. Съ 2-го сентября Москва въ рукахъ непріятельскихъ. Послѣдніе ваши рапорты отъ 20-го, и въ теченіе всего времени не только что ничего не предпринято для дѣйствія противу непріятеля и освобожденія сей первопрестольной столицы, но даже по послѣднимъ рапортамъ вашимъ вы еще отступили назадъ. Серпуховъ уже занятъ отрядомъ непріятельскимъ и Тула съ знаменитымъ и столь для арміи необходимымъ своимъ заводомъ въ опасности.

„По рапортамъ же отъ генерала Винцингероде вижу Я, что непріятельскій десяти-тысячный корпусъ подвигается по Петербургской дорогѣ. Другой въ нѣсколькихъ тысячахъ также подается къ Дмитрову. Третій подвинулся впередъ по Владимірской дорогѣ. Четвертый довольно значительный стоитъ между Рузою и Можайскомъ. Наполеонъ же самъ по 25-е число находился въ Москвѣ.

„По всѣмъ симъ свѣдѣніямъ, когда непріятель сильными отрядами раздробилъ свои силы, когда Наполеонъ еще въ Москвѣ самъ съ своею гвардіею, возможно ли, чтобы силы непріятельскія находящіяся передъ вами были значительны и не позволяли вамъ дѣйствовать наступательно.

„Съ вѣроятностію напротивъ того должно полагать, что онъ васъ преслѣдуетъ отрядами, или, по крайней мѣрѣ, корпусомъ гораздо слабѣе арміи вамъ ввѣренной. Казалось что, пользуясь сими обстоятельствами, могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ нашихъ городовъ.

„На вашей отвѣтственности остается, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ, для угроженія сей столицѣ, въ которой не могло остаться много войска, ибо съ ввѣренною вамъ арміею, дѣйствуя съ рѣшимостію и дѣятельностію, вы имѣете всѣ средства отвратить сіе новое несчастіе.

„Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному Отечеству въ потерѣ Москвы.

„Вы имѣли опыты Моей готовности васъ награждать. Сія готовность не ослабнетъ во Мнѣ, но Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ, которыхъ умъ вашъ, воинскіе таланты ваши и храбрость войскъ вами предводительствуемыхъ намъ предвѣщаютъ.

„Пребываю навсегда вамъ благосклонный.

„АЛЕКСАНДРЪ."

С.-Петербургъ, 2-го октября 1812 г.

По полученіи же донесенія о побѣдѣ при Тарутинѣ, Государь пожаловалъ Кутузову золотую шпагу, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, и удостоилъ его слѣдующимъ Собственноручнымъ Рескриптомъ:

„Побѣда, одержанная вами надъ Мюратомъ, обрадовала несказанно Меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и съ спасеніемъ Европы.“

Генералъ Беннигсенъ былъ награжденъ за совершенный имъ подвигъ алмазными знаками ордена Св. Андрея и получилъ единовременно сто тысячъ рублей. Ободренный Монаршимъ благоволеніемъ, Беннигсенъ послалъ къ Государю письмо, въ которомъ обвинялъ Кутузова не только въ умышленномъ неподдержаніи его войсками лѣваго крыла въ дѣлѣ при Тарутинѣ, но и вообще въ пагубномъ бездѣйствіи арміи, несмотря на всѣ представленія, которыя—по увѣренію Беннигсена—были имъ сдѣланы Фельдмаршалу. Не довольствуясь этими обвиненіями, Беннигсенъ вошелъ въ подробности домашней жизни Кутузова, выставляя его сибаритомъ, утопавшимъ въ нѣгѣ и наслажденіяхъ. Но Императоръ Александръ не обратилъ никакого вниманія на этотъ доносъ, и даже послалъ Фельдмаршалу письмо Беннигсена, слѣдствіемъ чего было удаленіе его изъ арміи (29).

По случаю прибытія генерала Тормасова въ главную квартиру 8-го (20-го) октября, ему было ввѣрено начальство надъ 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ пѣхотными корпусами, легкою конницею (1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ) Меллера-Закомельскаго и обѣими кирасирскими дивизіями, состоявшими въ командѣ князя Голицына. Милорадовичъ, по прежнему, командовалъ авангардомъ, составленнымъ изъ 2-го пѣхотнаго корпуса, ввѣреннаго по смерти Баггевута

князю Долгорукову(*), 4-го пѣхотнаго корпуса, и кавалерійскихъ корпусовъ 2-го, Корфа и 4-го, Васильчикова, вмѣсто Сиверса, посланнаго княземъ Кутузовымъ въ Малороссію.

Французскіе писатели, стараясь оправдать неосторожное расположеніе Мюратовыхъ войскъ, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, увѣряли, что со времени пріѣзда Лористона въ нашу главную квартиру было заключено условіе о перемиріи, и съ обѣихъ сторонъ дано обѣщаніе взаимно предупредить другъ друга, въ случаѣ возобновленія дѣйствій. Самъ Наполеонъ подалъ поводъ къ обвиненію насъ въ вѣроломствѣ, объявивъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней ([30]), что „Русскіе постыдно нарушили перемиріе между авангардами" (une trève d'avant-garde). Самое выраженіе: *перемиріе между авангардами* показываетъ, что все дѣло ограничивалось условіемъ, чтобы часовые, стоявшіе на передовыхъ постахъ, не стрѣляли одинъ по другому. Перемирія же между арміями не было, и это всего убѣдительнѣе доказывается нашими партизанскими дѣйствіями, которыя не прерывались ни на одинъ день. Сами Французы не придавали большой важности обвиненію помѣщенному въ бюллетенѣ: Фенъ (Fain), состоявшій при Наполеонѣ въ 1812 году, упоминаетъ съ сомнѣніемъ о перемиріи передъ Тарутинскимъ дѣломъ ([31]), а Гурго и Тіеръ хотя и говорятъ о немъ утвердительно, однакоже не подтверждаютъ своего мнѣнія никакимъ доказательствомъ ([32]). Сегюръ пишетъ, что Наполеонъ приказалъ Мюрату возобновить дѣйствія; что, по взаимному соглашенію, для этого достаточно было предупредить противную сторону за три часа, и что перемиріе существовало

(*) Незадолго предъ тѣмъ прибывшему въ армію изъ Неаполя, гдѣ онъ былъ посланникомъ.

только на фронтѣ армій, не распространяясь на ихъ фланги ([33]). Послѣ всѣхъ приведённыхъ сужденій, нѣтъ никакой надобности оправдывать Русскихъ въ сдѣланномъ имъ упрекѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XV-Й.

(¹) Извлечено изъ Приказовъ по 2-му гренадерскому полку (Старой гвардіи), перехваченныхъ казаками при отступленіи Французовъ изъ Москвы. Подлинная вѣдомость симъ Приказамъ, отданнымъ съ 1-го (13-го) іюля 1811 года по 24 сентября (6 октября) 1812 года, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ; а списокъ съ вѣдомости въ Арх. В.-Т. Депо (№ 47,352, папка 2-я).

(²) Перехваченные приказы по 2-му гренадерскому полку отъ 15-го (27-го) іюля и 21 іюля (2 августа).

(³)......„ Я обогналъ много бродягъ, отставшихъ отъ войскъ „на цѣлый переходъ, въ самомъ отвратительномъ видѣ; прошу „васъ, генералъ, прекратить эти ужасные безпорядки и ожи- „даю сего отъ вашего усердія къ общей пользѣ.“ (Извлечено изъ Собственноручнаго письма Императора Александра I къ Барклаю де-Толли, отъ 6-го іюля, изъ Ляхова).

(⁴)..... „Стараюсь всѣми средствами поддержать дисциплину „и прекратить безпорядки. Я приказалъ разстрѣлять въ Смо- „ленскѣ семерыхъ бродягъ, самовольно отлучившихся изъ ар- „міи. Эта мѣра произвела впечатлѣніе, но пока офицеры, и „даже нѣкоторые полковые командиры, не будутъ убѣждены „въ необходимости строгой дисциплины, до тѣхъ поръ нельзя „достигнуть содержанія войскъ въ надлежащемъ устройствѣ......“ (Извлечено изъ письма къ Императору Александру I Барклая де-Толли, отъ 9-го августа 1812 года, изъ Коровиной).

(⁵) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 1-2.

(⁶) Извлечено изъ писемъ князя Багратіона къ графу Аракчееву, хранящихся въ Архивѣ 2-го Отд. Департ. Генер. Штаба.

(⁷) Копія съ подлиннаго Журнала Чрезвычайнаго Комитета

для избранія главнокомандующаго, хранящаяся въ Архивѣ 2-го Отд. Департ. Генер. Штаба.

(8) Кутузовъ, будучи выпущенъ въ инженеръ-прапорщики, 15-ти лѣтъ отъ роду (1760), былъ произведенъ Румянцовымъ, за отличіе оказанное въ званіи оберъ-квартирмейстера, въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, изъ капитановъ, черезъ чинъ, въ премьеръ-маіоры. Въ 1774 году, въ то время, когда уже былъ подписанъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, но прежде нежели извѣстіе о томъ пришло въ Константинополь, Турки, сдѣлавъ высадку на крымскій берегъ, окопались въ десяти верстахъ отъ Алушты, впереди деревни Шумы. Кутузовъ, сражаясь подъ начальствомъ генерала графа Мусина-Пушкина, ворвался со знаменемъ въ рукахъ въ укрѣпленное селеніе, и въ эту самую минуту былъ пораженъ пулею, которая, ударивъ его въ лѣвый високъ, вылетѣла у праваго глаза. Искуснѣйшіе врачи обрекли его смерти, но, къ общему удивленію, онъ остался живъ, лишась только глаза. Отправясь, по повелѣнію Императрицы, для окончательнаго излеченія раны, въ чужіе краи, Кутузовъ удостоился вниманія знаменитыхъ военныхъ людей современной эпохи, Фридриха Великаго и Фельдмаршала Лаудона, и нѣсколько разъ съ ними бесѣдовалъ.

Возвратясь въ отечество, Кутузовъ сдѣлался извѣстнымъ Суворову и былъ употребленъ имъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при покореніи Крыма; а въ 1788 году, при осадѣ Очакова, былъ снова раненъ пулею, которая, попавъ ему въ щеку, вышла въ затылокъ; и въ этотъ разъ, точно такъ какъ и прежде, Кутузовъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, былъ спасенъ. Само Провидѣніе, сохраняя жизнь нашего воина, истинно-чудеснымъ образомъ, казалось, предназначало его для великаго дѣла. Императрица совѣтовала Кутузову беречь себя, но онъ, едва успѣвъ оправиться отъ болѣзни, поспѣшилъ въ армію, получилъ начальство надъ отдѣльнымъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ па Днѣстрѣ, и поразилъ тамъ значительное турецкое полчище.

Въ 1790 году, Кутузовъ, на штурмѣ Измаила, велъ лѣвую колонну, которая должна была, овладѣвъ Килійскими воротами, ворваться въ крѣпость. На этомъ пунктѣ войска наши были отбиты два раза. Кутузовъ извѣстилъ о томъ Суворова. „Скажите ему, отвѣчалъ Рымникскій герой, что я уже по-

„лалъ донесеніе Императрицѣ о покореніи Измаила, и что я „назначаю Кутузова Измаильскимъ комендантомъ.“ Кутузовъ, въ челѣ *Херсонскихъ* гренадеръ, сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе, и овладѣлъ двумя ближайшими бастіонами. Донося о взятіи Измаила, Суворовъ сказалъ: „Кутузовъ шелъ у „меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ правою моею рукою.“ Когда же Кутузовъ спросилъ у Суворова: что̀ значили слова сказанныя имъ во время штурма, тогда получилъ въ отвѣтъ: „ничего! Кутузовъ знаетъ Суворова, а Суворовъ знаетъ Ку„тузова. Еслибы не былъ взятъ Измаилъ, мы оба умерли „бы подъ его стѣнами.“

Кутузовъ, дѣйствительно оставшись комендантомъ Измаила, получилъ начальство надъ войсками, расположенными на нижнемъ Дунаѣ. За тѣмъ, поступивъ въ армію, предводимую княземъ Репнинымъ, онъ разсѣялъ сильный турецкій отрядъ у Бабадага, блистательно участвовалъ въ побѣдѣ при Мачинѣ и получилъ въ награду орденъ Св. Георгія 2-го класса.

Въ началѣ 1793 года, Кутузовъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Императрица Екатерина обладавшая необыкновенною способностью знанія людей, бесѣдуя съ „Своимъ“ Кутузовымъ о различныхъ предметахъ, разгадала въ немъ дипломатическіе таланты и большія свѣдѣнія по части внѣшней политики европейскихъ государствъ. Слѣдствіемъ того было назначеніе Кутузова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Тамъ очаровалъ онъ своимъ умомъ и любезностью весь Диванъ, пріобрѣлъ дружбу матери Султана и Верховнаго Визиря и перехитрилъ французскихъ дипломатовъ. Въ слѣдующемъ году, возвратясь, по волѣ Императрицы, въ сѣверную столицу, Кутузовъ былъ назначенъ сперва командующимъ войсками и флотомъ въ Финляндіи, а потомъ, по смерти графа Ангальта, генералъ-директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго (нынѣ Перваго) кадетскаго корпуса. Несмотря на перемѣну обязанностей и занятій, Кутузовъ, будучи на всякомъ мѣстѣ равно усерденъ и полезенъ, заботился, какъ чадолюбивый отецъ, о своихъ воспитанникахъ, преподавалъ самъ кадетамъ Тактику и Военную Исторію, и проводилъ цѣлые дни въ корпусѣ, а вечера въ эрмитажныхъ собраніяхъ, куда Императрица приглашала людей отличныхъ по уму и заслугамъ.

Въ царствованіе Императора Павла, Кутузовъ весьма успѣш-

не исполнилъ данное ему дипломатическое порученіе при Берлинскомъ Дворѣ и назначенъ былъ, вмѣсто Германа, командующимъ русскими войсками въ Голландіи. Но едва успѣлъ онъ прибыть въ Гамбургъ, какъ узналъ объ очищеніи союзниками голландскихъ владѣній, и потому возвратился въ Россію. Въ началѣ 1801 года, онъ принялъ команду надъ арміею собранною на Волыни; а по восшествіи на престолъ Императора Александра I-го былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и Инспекторомъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи. Кутузовъ недолго исполнялъ эту должность: изнуренный не столько лѣтами, сколько трудами и ранами, онъ испросилъ увольненіе отъ службы и провелъ три года въ кругу своего семейства, въ тиши сельской жизни.

Наступилъ 1805-й годъ. Императоръ Александръ впервые противосталъ Наполеону. Кутузову было поручено предводительство арміею, которая должна была соединиться съ Австрійцами. Но войска, назначенныя для содѣйствія Русскимъ, были уничтожены прежде прибытія нашей арміи на театръ войны. Кутузовъ, остававшійся съ пятидесятью тысячами человѣкъ противъ полутораста-тысячной арміи Наполеона, будучи принужденъ отказаться отъ рѣшительной встрѣчи, совершилъ отступленіе на пространствѣ четырехъ-сотъ верстъ въ примѣрномъ порядкѣ; нѣсколько разъ русскія войска останавливались и давали сильный отпоръ; а при Кремсѣ нанесли значительный уронъ одной изъ французскихъ дивизій. Слѣдствіемъ благоразумныхъ дѣйствій нашего полководца было соединеніе его арміи съ войсками Буксгевдена; но наши союзники не умѣли воспользоваться выгодами своего положенія. Войска наши, расположенныя въ австрійскихъ владѣніяхъ, терпѣли недостатокъ въ продовольствіи, угрожавшій голодомъ. Кутузовъ предложилъ отступить на встрѣчу подкрѣпленіямъ и подвозамъ; австрійскіе генералы предпочитали дѣйствовать наступательно. Императоръ Александръ, принимая во вниманіе, съ одной стороны — что Австрійцы должны были знать лучше насъ свойства театра войны и образъ дѣйствій Наполеона, а съ другой — что мы только помогали имъ въ войнѣ, предоставилъ имъ всѣ общія распоряженія. Такимъ образомъ Кутузовъ, нося званіе главнокомандующаго, сдѣлался

лишь свидѣтелемъ пораженія, понесеннаго союзниками при Аустерлицѣ. Никто изъ Русскихъ никогда не помышлялъ обвинять Кутузова въ этой неудачѣ. Заслуги его на военномъ и дипломатическомъ поприщахъ, его отвага въ молодости, мужество въ цвѣтущихъ лѣтахъ, опытность въ старости, его чудесное спасеніе отъ смерти: все это сдѣлало его имя народнымъ. Вся Россія уважала его и питала къ нему довѣріе.

Въ 1806 году Кутузовъ былъ назначенъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ; съ 1807-го по 1809-й годъ, онъ находился въ Молдавской арміи, въ качествѣ помощника при изнемогавшемъ отъ преклонности лѣтъ Фельдмаршалѣ князѣ Прозоровскомъ, а въ 1809 году назначенъ литовскимъ военнымъ губернаторомъ и отправясь съ береговъ Дуная въ Вильну, провелъ тамъ полтора года.

Весною 1811 года, Кутузовъ получилъ начальство надъ арміею дѣйствовавшею противъ Турокъ, въ то время, когда наша Молдавская армія была уменьшена въ половину, и когда Султанъ, побуждаемый къ продолженію войны происками Наполеона, не хотѣлъ и слышать о какихъ-либо уступкахъ въ пользу Россіи. Несмотря однакоже на то, Кутузовъ окончилъ многолѣтнюю войну рѣшительнымъ ударомъ и заключилъ славный миръ, по выраженію Императора Александра, Богомъ дарованный Россіи (извлечено изъ сочиненія: Императоръ Александръ I и Его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Біографія Генералъ-Фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго).

(9) Указъ Правительствующему Сенату.

„Во изъявленіе особливаго Нашего благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ Нашего генерала-отъ-инфантеріи графа Голенищева-Кутузова, способствовавшаго къ окончанію съ Оттоманскою Портою войны и къ заключенію полезнаго мира, предѣлы Нашей Имперіи распространившаго, возводимъ Мы его съ потомствомъ его въ Княжеское Всероссійской Имперіи достоинство, присвояя къ оному титулъ Свѣтлости. Повелѣваемъ Сенату заготовить на Княжеское достоинство дипломъ и поднесть къ Нашему подписанію."

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

„АЛЕКСАНДРЪ".

С.-Петербургъ,
29-го іюля 1812 года.

([10]). Собственноручный Рескриптъ Императора Александра I генералу-отъ-инфантеріи Кутузову. Марта 22-го 1812 года.

Михаилъ Илларіоновичъ. Вы получите съ симъ курьеромъ отъ Канцлера разрѣшеніе на вопросы возникшіе по мирнымъ переговорамъ. Обстоятельства часъ отъ часу становятся важнѣе для обѣихъ Имперій. Величайшую услугу вы окажете Россіи поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Портою. Убѣдительнѣйше васъ вызываю любовію къ своему Отечеству обратить все ваше вниманіе и усилія къ достиженію сей цѣли. Слава вамъ будетъ вѣчная. Всякая потеря времени въ настоящихъ обстоятельствахъ есть совершенное зло. Отстраните всѣ побочныя занятія, и съ тѣмъ проницаніемъ, которымъ вы одарены, примитесь сами за сію столь важную работу. Для единственнаго вашего свѣдѣнія сообщаю вамъ, что еслибы невозможно было склонить турецкихъ полномочныхъ подписать трактатъ по Нашему желанію, то, убѣдясь напередъ вѣрнымъ образомъ, что податливость съ вашей стороны доставитъ заключеніе мира, можете вы сдѣлать необходимую уступку въ статьѣ о границѣ Азіи; въ самой же крайности дозволяю вамъ заключить миръ, положа Прутъ по впаденіе онаго въ Дунай границею. Но сіе ввѣряю Я личной вашей отвѣтственности, и требую необходимо, чтобы ни одно лицо безъ изъятія не было извѣстно о семъ Моемъ дозволеніи до самаго тому подписа; на сію однакоже столь важную уступку неиначе повелѣваю вамъ согласиться, какъ постановя союзный трактатъ съ Портою. Я надѣюсь, что вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите изъ виду ничего нужнаго къ достиженію желаемой цѣли (Арх. В.-Т. Депо, № 32,416).

([11]). Нѣкоторые иностранные писатели увѣряютъ, что въ то самое время, когда Императоръ Александръ I побуждалъ Кутузова къ скорѣйшему заключенію мира, Канцлеръ Ру-

мянцевъ, убѣжденный въ пользѣ сохраненія, во что бы то ни стало, союза съ Наполеономъ, полагалъ лучшимъ, сдѣлавъ ему всевозможныя уступки, расширить предѣлы Россіи на счетъ Турціи. По свидѣтельству сихъ писателей, Румянцевъ, въ перепискѣ съ Кутузовымъ, совѣтовалъ ему не торопиться заключеніемъ мира съ Портою, а Кутузовъ, приведенный въ сомнѣніе намеками Канцлера, отлагалъ исполненіе воли Императора Александра до тѣхъ поръ, пока Государь послалъ на смѣну ему адмирала Чичагова. Но этому противорѣчитъ офиціальная переписка Румянцева съ Кутузовымъ, изъ которой видно, что Наполеонъ дѣйствительно предлагалъ Императору Александру прекратить всѣ недоразумѣнія между Россіею и Франціею раздѣломъ Европейской Турціи. Государь, не давъ никакого отвѣта на это предложеніе, повелѣлъ Кутузову извѣстить турецкаго уполномоченнаго о намѣреніи Наполеона, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить на видъ, что съ нашей стороны были предложены самыя умѣренныя условія мира, но что, въ случаѣ недостиженія желаемой цѣли, мы будемъ принуждены согласиться на предложенія императора Французовъ и содѣйствовать паденію Турціи. Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. XI. 366. — Bernhardi. II. 3-4.—Письмо Канцлера графа Румянцева къ Кутузову, отъ 5-го марта 1812 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(12)......„Le général Koutousoff a négligé un point très important, c'est de n'offrir les concessions que nous avons faites dans nos prétentions, qu'a condition d'une alliance deffensive et offensive. Ce n'est que cette alliance qui pouvait nous dedommager de la gène que va mettre cette paix dans nos rapports avec les Serbes et les nations Slaves, si importants pour nous, surtout dans l'époque présente. Si un moyen pouvait encore se présenter pour obtenir l'alliance avec la Porte et sa coopération, surtout par les Serbes et les nations Slaves, contre la France et ses alliés, il ne faudrait rien negliger à cet effet“.....

(Изъ Собственноручнаго рескрипта Императора Александра I адмиралу Чичагову, изъ Вильны, отъ 14-го мая 1812 года. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(13). По сему случаю графъ М. И. Кутузовъ писалъ къ Императору Александру:

Всемилостивѣйшій Государь.

17-го числа сего мѣсяца, Санктпетербургское Дворянское Общество призвало меня въ свое собраніе, гдѣ объявило всеобщее желаніе, дабы я принялъ начальство всеобщаго ополченія Санктпетербургской губерніи, отъ Дворянства составляемаго. Дабы отказомъ не замедлить ревностныхъ дѣйствій Дворянства, принялъ я сіе предложеніе и вступилъ въ дѣйствіе по сей части; но съ такимъ условіемъ, что, будучи въ дѣйствительной Вашего Императорскаго Величества военной службѣ, ежели я вызванъ буду къ другой коммисіи, или какимъ-либо образомъ сіе мое упражненіе Вашему Императорскому Величеству будетъ не угодно, тогда я должность сію оставить долженъ буду другому по избранію Дворянства.

Всемилостивѣйшій Государь,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

Графъ Михайло Г.-Кутузовъ.

18-го іюля 1812 года.
С.-Петербургъ.

(14). Записки генералъ-лейтенанта Маевскаго, состоявшаго въ 1812 году при главной квартирѣ князя Кутузова.

ПИСЬМА

КНЯЗЯ БАГРАТІОНА КЪ ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Андреевичъ.

Я ни въ чемъ не виноватъ: растянули меня сперва какъ кишку, пока.....непріятель ворвался къ вамъ безъ выстрѣла; мы начали отходить, не вѣдаю за что; никого не увѣришь ни въ арміи, ни въ Россіи, чтобы мы не были проданы. Я одинъ всю Россію защищать не могу. 1-я армія тотчасъ должна идти и наступать къ Вильнѣ непремѣнно; чего бояться? Я весь окруженъ и куда продерусь—за-ранѣе сказать не могу; что Богъ дастъ, а дремать не стану; развѣ здоровье мое мнѣ измѣнитъ; уже нѣсколько дней очень плохо себя чувствую. Я васъ прошу непремѣнно наступать, какъ пріятеля, а то—худо будетъ и отъ непріятеля, а можетъ-быть и дома шутить не должно. И Русскіе не должны бѣжать. Это хуже Пруссаковъ мы стали. Я найду себѣ пунктъ продраться, конечно, и съ потерею; но вамъ стыдно, имѣвши въ заду укрѣпленный лагерь, фланги свободные, а противъ васъ слабые корпуса. Надобно атаковать. Мой хвостъ всякій день теперь въ дракѣ, а на Минскъ и на Вилейку мнѣ не можно пройти, отъ лѣсовъ, болотъ и мерзкихъ дорогъ. Я не имѣю покою и не живу для себя; Богъ свидѣтель, радъ все дѣлать; но надобно имѣть и совѣсть—и справедливость. Вы будете отходить назадъ, а я все пробивайся. Ежели для того, что фигуру мою не тер-

пятъ, лучше избавь меня отъ ярма, которое на шеѣ моей, а пришли другаго командовать; но за что войска мучить безъ цѣли и безъ удовольствія. Совѣтую наступать тотчасъ. Не слушайтесь никого. Пуля баба—штыкъ молодецъ! Такъ я полагаю. Остроуміе Госп. Фуля.

Продолженіе того же письма.

Пожалѣйте Государя и Россію. За чѣмъ предаваться законамъ непріятельскимъ, тогда, когда мы можемъ ихъ побѣдить; весьма легко можно сдѣлать—приказать двинуться впередъ; сдѣлать сильную рекогносцировку кавалеріей и наступать цѣлой арміей. Вотъ и честь, и слава. Иначе, я васъ увѣряю, вы не удержитесь и въ укрѣпленномъ лагерѣ. Онъ на васъ не нападетъ въ лобъ, но обойдетъ. Наступайте, ради Бога! Войско ободрится. Уже нѣсколько приказовъ даю чтобы драться, а мы бѣжимъ. Вотъ вамъ моя откровенность и привязанность Государю моему и Отечеству. Если не нравится, избавьте меня, и я не хочу быть свидѣтелемъ худыхъ послѣдствій. Хорошо ретироваться 500 верстъ; но видно есть злодѣй Государю и Россіи, что гибель намъ предлагаетъ. И такъ—прощайте! я вамъ все сказалъ, какъ Русской, Русскому; но если умъ мой иначе понимаетъ, прошу въ томъ простить.

Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Андреевичъ.

Братецъ Вашего Сіятельства, Петръ Андреевичъ, доставилъ мнѣ Именное Повелѣніе, дабы ему находиться при ввѣренной мнѣ арміи, равно и привезъ мнѣ письмо ваше, которому я весьма обрадовался. Касательно до братца вашего, увѣряю васъ, что, по всей справедливости, посвящу себя быть ему полезнымъ во всѣхъ случаяхъ. Новаго ничего нѣтъ. Казаковъ весьма боится и остерегается конница непріятельская; слухи носятся во 2-й дивизіи, яко бы послали на встрѣчу Тормасову, такъ какъ онъ ихъ побилъ и взадъ къ нимъ маршируетъ. Я думаю, что недоволенъ и Удино, что его пощипалъ Г. Вит-

генштейнъ; равно весьма стыдно Даву, что меня не задержалъ. Теперь на ноги подняли нашего вождя; дай Богъ добрый часъ и благополучіе. Я думаю непріятель, гдѣ ни-на-есть, да сильно сбирается, ибо со всѣхъ пунктовъ кавалерія его отходитъ. Сего мы узнаемъ не ранѣе какъ послѣ завтра. Вся армія просила меня гласно, чтобы я всѣми командовалъ; но я на сіе имъ ничего не отвѣчалъ; ибо есть на то воля Государя моего, и хотя до крайности и огорченъ лично отъ Министра, между нами сказать; но онъ самъ опомнился и писалъ простить его въ томъ. Я простилъ и съ нимъ обошелся не такъ какъ старшій, но такъ какъ подкомандующій. Сіе я дѣлалъ и дѣлаю точно по привязанности моей къ Государю. Совѣтую вамъ, чтобы Молдавская армія спѣшила идти къ намъ, ради самаго Бога. Тормасова подвигать ближе, а ту армію тамъ имѣть на мѣсто Тормасова, а особливо нужна кавалерія. Ежели Богъ допуститъ насъ до осени, что мы, по привычкѣ, бѣжать не будемъ, тогда могу васъ поздравить, что Наполеонъ найдетъ въ Россіи второй Египетъ и гибель себѣ. Вотъ какъ я думаю. Признаюсь вамъ откровенно, сколько было мнѣ пріятно сойтиться съ первою арміею, столько же и прискорбно; ибо продовольствіе для меня весьма плохое. Когда одинъ шелъ, тогда все имѣлъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Подписано: Князь Петръ Багратіонъ.

Іюля 26-го дня.
На маршѣ.
Деревня Катань.

На подлинномъ рукою графа Аракчеева отмѣчено: получено 3-го Августа.

Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Андреевичъ.

Истинно и по совѣсти вамъ скажу, что я никакой претензіи не имѣю, но со мною поступаютъ такъ неоткровенно и такъ непріятно, что описать всего невозможно. Воля

Государя моего. Я никакъ вмѣстѣ съ Министромъ не могу. Ради Бога—пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать, въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу; и вся главная квартира Нѣмцами наполнена такъ, что Русскому жить невозможно и толку никакого нѣтъ. Воля ваша, или увольте меня хотя отдохнуть на мѣсяцъ. Ей-Богу съ ума свели меня отъ ежеминутныхъ перемѣнъ; яжъ никакой въ себѣ не нахожу. Армія называется только, но около 40 тысячъ, и то растягиваютъ какъ нитку и таскаютъ назадъ и въ бокъ. Армію мою раздѣлить на два корпуса, дать Раевскому и Горчакову, а меня уволить. Я думалъ—истинно служу Государю и Отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь—не хочу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Подписано: Князь Багратіонъ.

29-го Іюля.

На подлинномъ рукою графа Аракчеева отмѣчено: получено въ Або 15-го Августа.

Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Андреевичъ.

Я думаю, что Министръ уже рапортовалъ объ оставленіи непріятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армія въ отчаяніи, что самое важное мѣсто по напрасну бросили. Я, съ моей стороны, просилъ лично его, убѣдительнѣйшимъ образомъ; наконецъ и писалъ, но ни что его не согласило. Я клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались, и такъ дерутся, какъ никогда. Я удержалъ съ 15-ю тысячами болѣе 35 часовъ и билъ ихъ; но онъ не хотѣлъ остаться и 14-ти часовъ. Это стыдно, и пятно арміи нашей; а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели онъ доноситъ, что потеря велика,—неправда; можетъ быть около

4-хъ тысячъ, не болѣе, но и того нѣтъ. Хотя бы и десять, какъ быть, война! Но, за то, непріятель потерялъ бездну.

Наполеонъ, какъ ни старался и какъ жестоко ни форсировалъ, и даже давалъ и обѣщалъ большія суммы, награжденія начальникамъ, только бы ворваться, но вездѣ опрокинуты были. Артиллерія наша, кавалерія моя, истинно такъ дѣйствовали, что непріятель сталъ въ пень. Что̀ стоило еще оставаться два дни? По крайней мѣрѣ, они бы сами ушли; ибо не имѣли воды напоить людей и лошадей. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступитъ, но вдругъ прислалъ диспозицію, что онъ въ ночь уходитъ. Такимъ образомъ воевать не можно, и мы можемъ непріятеля скоро привести въ Москву; въ такомъ случаѣ не надо медлить Государю. Гдѣ что есть новаго войска, тотчасъ собирать въ Москву, какъ изъ Калуги, Тулы, Орла, Нижняго, Твери, гдѣ оно только есть,—и быть Московскимъ въ готовности. Я увѣренъ, что Наполеонъ не пойдетъ въ Москву скоро; ибо онъ усталъ, кавалерія его тоже, и продовольствіе его не хорошо; но на сіе смотрѣть не должно, а надо спѣшить непремѣнно, готовить людей, по крайней мѣрѣ сто тысячъ, съ тѣмъ, что если онъ приблизится къ столицѣ, всѣмъ народомъ на него навалиться—или побить, или у стѣнъ Отечества лечь. Вотъ какъ я сужу; иначе—нѣтъ способа. Слухъ носится, что все думаете о мирѣ. Чтобы помириться, Боже сохрани! Послѣ всѣхъ пожертвованій и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій—мириться: вы поставите всю Россію противъ себя, и всякой изъ насъ за стыдъ поставитъ носить мундиръ. Ежели уже такъ пошло,—надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на ногахъ; ибо война теперь не обыкновенная, а національная, и надо поддержать честь свою и всю славу Манифеста и приказовъ данныхъ. Надо командовать одному, а не двумъ. Вашъ Министръ, можетъ хорошій по Министерству; но генералъ—не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества.....Я право съ ума схожу отъ досады; простите мнѣ, что дерзко пишу. Видно, тотъ не любитъ Государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміею Министру. И такъ я пишу вамъ правду: готовьте ополченіе. Ибо Министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи господинъ фли-

гель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ совѣтуетъ все Министру. Я нетокмо учтивъ противъ него, но повинуюсь какъ капралъ, хотя и старѣе его. Это больно; но любя моего Благодѣтеля и Государя, повинуюсь. Только жаль Государя, что ввѣряетъ такимъ славную армію. Вообразите, что нашею ретирадою мы потеряли людей отъ усталости и въ госпиталяхъ болѣе 15-ти тысячъ; а ежелибы наступали, того бы не было. Скажите, ради Бога, что наша Россія—мать наша—скажетъ, что такъ страшимся и за что такое доброе и усердное Отечество отдаемъ сволочамъ и вселяемъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе. Чего трусить и кого бояться? Я не виноватъ, что Министръ нерѣшимъ, трусъ, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣетъ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно, и ругаютъ его на̀смерть. Бѣдный Паленъ отъ грусти въ горячкѣ умираетъ; Кноррингъ умеръ кирасирской вчера; ей-Богу бѣда, и всѣ отъ досады и грусти съ ума сходятъ.

Спѣшите присылать намъ больше людей на укомплектованіе. Милицію лучше раздать намъ въ полки. Ихъ перемѣшаемъ. И гораздо лучше, а ежели однихъ пустить—плохо будетъ. Давайте и конныхъ. Нужна кавалерія.

Вотъ мое чистосердечіе. Завтра я буду съ арміею въ Дорогобужѣ и тамъ остановлюсь; а первая армія за мною тащится. Не смѣлъ остаться съ 90 тысячъ у Смоленска. Охъ, грустно, больно! Никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь. Вся надежда на Бога. Я лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ. Вотъ Вашему Сіятельству всю правду описалъ, яко старому министру, а нынѣ дежурному генералу, всегдашнему доброму пріятелю. Прочтите и въ каминъ бросьте.

Подписано: Князь Багратіонъ.

Августа 7-го дня.
На маршѣ.
Село Михайловка.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XVI-й.

(¹) Garden. Histoire génerale des traités de paix. XIII. 214.

(²) Письмо къ Императору Александру наслѣднаго принца, отъ 6-го февраля н. ст. 1812 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(³) Письмо Императора Александра, отъ 13-го (25-го) февраля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(⁴) Je me suis empressé d'expedier le général Souchetelen à Stockholm pour achever l'oeuvre si bien commencée d'une union etroite des puissances du Nord; c'est elle seule qui peut opposer un contrepoids à la puissance toujours croissante de la France appuyée par les États qui lui sont tributaires. La Suède et la Russie vont donner l'exemple. Il y a à éspérer qu'il sera suivi par d'autres Puissances. Les talents éminents de V. A. R. seconderont essentiellement cette grande oeuvre. Il lui est réservé de jouer un bien grand rôle et marchant sur les traces de Gustave-Adolphe, d'achever ce qu'il n'a pu que commencer. Mais à cette oeuvre politique se joint une autre beaucoup plus essentielle encore d'après ma manière de voir. C'est celle de faire renaitre les idées libérales en Europe, de la préserver de cette barbarie à la quelle elle marche à si grands pas, celle enfin de tourner la conception au bonheur de cette malheureuse humanité oppressée si impitoyablement depuis tant d'années. Извлечено изъ письма Императора Александра къ наслѣдному принцу, отъ 26-го февраля (9-го марта) 1812 года (Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ).

([5]) Письмо наслѣднаго принца, отъ 1-го апрѣля нов. ст. 1812 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([6]) Условія сего договора изложены въ главѣ IV-й.

([7]) . . . . Un grand plan me semble devoir être embrassé: les nations Slaves, belliqueuses par leur nature, étant stimulées, formeront un ensemble imposant et réunies aux mécontents de la Hongrie, produiront une diversion puissante contre l'Autriche et les possessions françaises de l'Adriatique. Dans des chances heureuses il ne sera pas impossible même de pénétrer par la Bosnie et la Croatie assez avant pour se mettre en contact avec les Tyroliens et par-là avec la Suisse. J'envoie l'amiral Tchitchagoff, homme de tête, tout organiser en consequence, mais il serait urgent que l'Angleterre voulût nous seconder puissament tant sur la Baltique, par ses armements maritimes, et en prenant à sa solde les bataillons allemands, qu'on pourra former si la désertion s'introduit dans les trouppes de la confédération, qu'en fournissant de l'argent et des munitions aux Slaves qui agiront pour la cause de l'indépendance générale. . . . Извлеч. изъ письма Императора Александра къ наслѣдному принцу шведскому, отъ 9-го (21-го) апрѣля 1812 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

([8]) Письмо къ Императору Александру наслѣднаго принца, отъ 9-го апрѣля (1-го Мая) 1812 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

([9]) Письмо Императора Александра къ наслѣдному принцу, отъ 24-го мая (5-го іюня) 1812 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.

([10]) Письмо къ Государю наслѣднаго принца, отъ 26-го мая (7-го іюня) 1812 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

([11]) Письмо Императора Александра къ наслѣдному принцу, отъ 3-го (15-го) іюня 1812 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([12]) . . . . L'habitude qu'a l'empereur Napoléon de manier des grandes armées doit nécessairement lui donner de la confiance. Mais si V. M. peut bien ménager Ses moyens, si Elle ne se trouve pas forcée d'accepter une bataille générale et qu'Elle puisse reduire la guerre à des marches et des combats partiels, l'empereur Napoléon commettra indubitablement quelque faute dont V. M. pourra profiter. . . . Извлеч. изъ письма къ Импе-

ратору Александру наслѣднаго принца, отъ 15-го (27-го) іюня 1812 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([13]) . . . . Par les notions que le comte de Löwenhielm donne à V. A. R. et par les bulletins ci-joints Elle verra, que fidèle aux principes énoncés dans les lettres de V. A. et qu'Elle me retrace encore dans sa dernière, avec tant de justesse, je fais une guerre de lenteur, et puisqu'une force superieure marche sur moi, je me retire en concentrant mes forces vers une position fortifiée que j'ai fait préparer à ce but sur la Dvina. En attendant j'ai fait prendre l'offensive à la seconde armée en la dirigeant sur la droite de celle de l'ennemi qui marche sur moi, de même qu'un corps considerable de cosaques pour le harceler. Je continuerai d'instruire V. A. successivement des évènements de cette guerre importante. En attendant, qu'Elle se persuade que puisqu'une fois elle est commencée, ma ferme résolution est de la faire durer des années, dusse-je combatt:e sur les rives de Wolga. . . . Извлечено изъ письма Государя къ наслѣдному принцу, отъ 22-го іюня (4-го іюля) 1812 года, изъ Видзы (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

([14]) Письмо Императора Александра къ наслѣдному принцу, отъ 17-го (29-го) іюля 1812 года (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

([15]) Je felicite V. M. I. des succés que quelqu'uns de ses corps ont obtenu. Celui du prince de Witgenstein est d'un bon augure et j'espère que les autres imiterons l'exemple qu'il vient de leur donner. Maintenant, Sire, il faut une bonne bataille et tout me fait présumer qu'elle est déjà livrée à Senno, Orza et Mohilow. Mais si elle n'a pas eu lieu, sans doute que les trouppes de V. M. occupent Smolensk et qu'elles y attendent l'ennemi avec l'intention de se bien battre; quels que puissent en être les résultats, V. M. n'en doit pas être allarmée. Ses corps de réserve répareront Ses pertes, tandisque l'empereur Napoléon, s'affaiblissant tous les jours par les maladies et les combats, doit avant longtemps se trouver reduit à un nombre bien inferieur à celui de V. Majesté. Il est possible qu'il gagne la première, la seconde, la troisième bataille, la quatrième sera indecise, et si V. M. persévère, il est indubitable qu'Elle gagnera la cinquième.

J'ai appris avec un grand contentement l'offre patriotique qu'ont fait à V. M. J. les gouvernements de Moscow, Nignie-Nowgorod,

Smolensk et Twer; le veritable patriotisme s'explique par l'énergie et les sacrifices chez un peuple dont les individus ne séparent point leurs intérêts de ceux de l'Etat; l'attachement qu'on porte aux loix et au prince sont la sauvegarde de l'honueur et de l'indépendance de la nation.

A toutes les levées que V. M. J. vient d'obtenir, je pense qu'Elle aura ajouté cette armée valeureuse et aguerrie qui a fait trembler le Croissant. Je crois que Votre Majesté devrait la faire venir en poste et la diriger sur la capitale de la Lithuanie. Cette marche intimiderait d'autant plus l'empereur Napoléon, que quand méme il serait victorieux à Smolensk, aucun de ses renforts ne pourrait plus lui parvenir et si au contraire la bataille est restée incertaine, ce mouvement audacieux le forcera ou à répasser le Niemen, ou à detacher un grand corps pour aller à la rencontre de ces braves, et des-lors V. M. peut reprendre l'offensive.

La garnison de Riga ne devrait pas rester renfermée dans la place; elle devra faire des débarquements dans les environs de Mittau et même plus loin à fin d'arreter la marche du maréchal Macdonald et l'obliger à se disseminer, et alors saisir l'àpropos pour attaquer les trouppes qui formeraient le blocus de la place. . . . . . Извлечено изъ письма наслѣднаго принца отъ 11-го августа н. ст. 1812 года (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

(16) Извлечено изъ Абоскихъ Вѣдомостей 1812 года, № 101 и 105 (В.-Т. Депо, № 47,352, Папка 10-я).

(17) Garden. Histoire génerale des traités de paix. XIII. 410—411.

(18) Извлечено изъ копіи договора, заключеннаго въ Або, 18-го (30-го) августа 1812 года, хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

(19) Garden. Histoire génerale des traités de paix. XIII. 412—413.

(20) Письмо Императору Александру наслѣднаго принца, отъ 4-го сентября нов. ст. и отвѣтъ Государя отъ 2-го (14-го сентября) 1812 года (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XVII-й.

(1) Манифестъ 18-го іюля 1812 года (Полн. Собр. Закон. 25,188. XXXII. Стр. 397).

(2) Именной Указъ Сенату, 31-го іюля. (Полн. Собр. Закон. 25,193. XXXII. Стр. 401).

(3) Именной Указъ, 25-го іюля. (Полн. Собр. Закон. 25,191. XXXII. Стр. 398).

(4) Высочайшее Повелѣніе Министру Финансовъ за № 38-мъ. Сенатскій Указъ 23-го сентября. (Полн. Собр. Закон. 25,235. XXXII. Стр. 431).

(5) Высочайшее Повелѣніе отъ 2-го сентября за № 54-мъ.

(6) Высочайшее Повелѣніе отъ 2-го сентября за № 65-мъ.

(7) Высочайше утвержденный докладъ Комитета внутренняго ополченія, 3-го сентября. (Полн. Собр. Закон. 25,216. XXXII. Стр. 419).

(8) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(9) Извлеч. изъ матеріаловъ хранящихся въ В.-Т. Депо, за № 46,692, отд. 43 и 171.

(10) Извлеч. изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(11) Извлеч. изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(12) Подлинныя слова изъ опредѣленія дворянства.

(13) Высочайше утвержденное предположеніе Великой

Княгини Екатерины Павловны. (Полн. Собр. Закон. 25,174. XXXII. Стр. 386).

(14) Рапортъ Государю тверскаго генералъ-губернатора, Принца Ольденбургскаго, отъ 22-го іюля 1812 года.

(15) Всеподданнѣйшій рапортъ тверскаго гражданскаго губернатора, отъ 23-го іюля.

(16) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(17) Въ конный казачій полкъ, въ 5-ю сотню маіора и кавалера Фиглева.

Усматривая изъ полковыхъ рапортовъ, что въ число слѣдующее отъ уѣздовъ на положенное ополченіе людей, остается въ недоборъ весьма малое количество, и чиновники еще не прибывшіе незадержно имѣютъ быть высланы. Слѣдовательно — полки, будучи по надлежащему сформированы, должны немедленно заняться слѣдующимъ образованіемъ:

1) Конному полку пріучать людей одѣваться проворно и опрятно, обходиться съ лошадьми, содержать ихъ въ исправности, конскую сбрую умѣть осѣдлывать, ѣздить по одиначкѣ, знать повороты, заѣзды въ разныя стороны, вольты, дѣйствовать пикою, потомъ по-взводно, и цѣлымъ фронтомъ, изъ сотни ломать взводы, а изъ взводовъ строить сотни, разсыпной атакѣ и, наконецъ, изъ разсыпной атаки скоро и проворно собраться на сборное мѣсто и построиться.

2) По вечерамъ дѣлать перекличку, при которой всегда внушать имъ, что они составляютъ ограду внутреннихъ силъ наносящихъ ужасъ врагу и пораженіе его злобы, въ защиту Вѣры, Царя, Отечества и своихъ семействъ, и что Ополченіе ихъ временное до изгнанія только нашего врага изъ россійскихъ предѣловъ. Въ такомъ случаѣ должны составить изъ себя единодушную братію и показать ревность и храбрость духа, на соединеніе со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ; тогда никакія силы человѣческія ихъ не одолѣютъ.

3) Сохранять во всѣхъ степеняхъ службы порядокъ, между чиновниками субординацію, а между нижними чинами дисциплину, въ чемъ состоитъ главная по званію изъ нихъ каждаго должность и почитается душою службы.

4) Со старослужащими нижними чинами и воинами обращаться больше кротостію, нежели строгостію и истязаніемъ,

ибо изъ нихъ первые уже сего достойны по добропорядочной выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ, а другіе по полученнымъ ранамъ; послѣднихъ же, какъ людей новобранныхъ, дабы пріохотить къ службѣ, сдѣлать усердными и исполнительными въ ихъ званіи, то оной и порядку пріучать легчайшими средствами, напоминая имъ почасту: о страхѣ Божіемъ и о вѣрности къ Государю и повиновеніи начальству; о дружескомъ съ собратіею своею согласіи и единодушіи; о снисходительномъ съ обывателями обращеніи, удерживая ихъ при томъ отъ всякихъ буйствъ, ссоръ, дракъ, отъ пьянства, воровства и всякихъ неистовствъ и злодѣяній, отъ развратныхъ и мотовскихъ съ посторонними и между собою игръ и отъ распутства, наносящихъ вреду и нетерпимыхъ въ общежитіи.

5) У воиновъ ежедневно пересматривать платье и обувь, и у кого что изъ онаго окажется неисправное, или разодранное, заставлять таковыхъ починкою исправлять и бѣлье перемывать, и пріучать оныхъ къ содержанію себя въ исправности и чистотѣ, для чего и ихъ самихъ почасту осматривать.

6) Изъ положенной одежды и обуви на воинахъ имѣющейся, дабы что изъ нихъ кѣмъ утрачено или промотано не было, ихъ въ томъ повѣрять, за цѣлость чего обязаны отвѣтствовать баталіонные и сотенные начальники.

7) Обывателямъ никакихъ обидъ, налоговъ, озлобленій, своевольства и наглостей не чинить, и безденежно ничего ни у кого не брать, подъ опасеніемъ, за противной сему поступокъ, неизбѣжной отвѣтственности.

8) Между воинами составлять артели и къ удержанію ихъ отъ побѣговъ между собою другъ по другу опоручивать круговою порукою, при чемъ толковать имъ изъ воинскаго устава, тѣ приличные артикулы, коими за побѣгъ какое опредѣляется наказаніе.

9) Имѣть въ полкахъ штабъ и оберъ-офицерамъ, нижнимъ старослужащимъ чинамъ и воинамъ вѣрной и исправной именной списокъ, съ отмѣткою въ немъ, съ начала оныхъ сформированія, прибыли и убыли, а въ конномъ, лошадямъ опись; всякому же оружію и одеждѣ на воинахъ арматуръ.

Послѣ переклички, которая должна всегда быть, чтобъ

послѣ оной ни какія занятія по службѣ не были нужны, а конные, послѣ уборки лошадей и по сдѣланномъ, какъ выше сказано, внушеніи о ихъ должности, прочтя имъ молитву, у сего приложенную, распускать по квартирамъ, приказавъ наистрожайше уже съ оныхъ никуда не ходить и не шататься по улицѣ, но каждому быть на своихъ мѣстахъ, и дежурнымъ при баталіонахъ и сотняхъ на-крѣпко за тѣмъ смотрѣть, чтобъ тишина всегда была. Чтобы каждый воинъ зналъ командующаго генерала, номеръ своего полка, баталіона и сотни, чинъ и фамилію своего полковаго, баталіоннаго и сотеннаго начальника.

Какъ сіи первоначальныя правила образованія воина, при настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ, весьма и необходимо нужны, чтобъ поспѣшно доведены были люди въ познаніи оныхъ, то я и прошу господъ полковыхъ, и вообще всѣхъ начальниковъ, употребить всевозможное и неусыпное стараніе къ приведенію сего въ надлежащій порядокъ, отъ котораго зависѣть будетъ каждаго начальника собственная его честь и вниманіе главнаго къ нему начальства, которому я за обязанность себѣ поставить не оставлю о такомъ случаѣ довести до свѣдѣнія.

Деревня Ямоги, 7-го сентября 1812 года. Командующій генералъ Тверской военной силы. Подлинный подписалъ: генералъ-лейтенантъ Тыртовъ.

(18) Донесеніе Государю ярославскаго генералъ-губернатора Принца Ольденбургскаго, отъ 30-го іюля 1812 года.

(19) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(20) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ владимірской губерніи, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(21) Донесеніе Министру Полиціи рязанскаго гражданскаго губернатора Бухарина, отъ 25-го іюля, за № 4300.

(22) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ рязанской губерніи, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(23) Опредѣленіе тульскаго дворянства, 20-го іюля 1812 года.

(24) Донесеніе Министру Полиціи тульскаго гражданскаго губернатора, отъ 21-го іюля.

(25) Записка, составленная служившимъ въ ополченіи полковникомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ.

(26) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(27) Высочайшее Повелѣніе отъ 3-го іюня 1812 года.

(28) Высочайшее Повелѣніе отъ 6-го іюля.

(29) Донесеніе Министру Полиціи тульскаго гражданскаго губернатора Богданова, отъ 3-го августа.

(30) Опредѣленіе тульскаго дворянства, 11-го сентября 1812 года.

(31) Постановленіе тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія, 6-го октября 1813 года.

(32) Извлечено изъ отчетовъ представленныхъ мѣстнымъ начальствомъ генералу-отъ-инфантеріи Вязмитинову въ 1814 году.

(33) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(34) Высочайшій Рескриптъ на имя смоленскаго гражданскаго губернатора, барона Аша, отъ 9-го іюля 1812 года.

(35) Копія съ записки отданной Государемъ смоленскому гражданскому губернатору.

1. Лѣсничіе, умѣющіе стрѣлять и на коняхъ, составятъ конныхъ егерей.

2. Къ нимъ можно присоединить господскихъ егерей, умѣющихъ ѣздить верхомъ.

3. Изъ псарей, конюшихъ, конюховъ, составить казаковъ, вооружа пиками.

4. Изъ умѣющихъ стрѣлять, но пѣшихъ, составить егерей, вооружа охотничьими ружьями.

5. Изъ прочихъ составить пѣшее войско, распредѣляя для обученія по резервнымъ баталіонамъ собирающимся въ Смоленскъ.

вѣрно: Губернаторъ баронъ Ашъ.

(В. Т. Депо. № 47, 352. Папка 10.-я, стр. 318).

(36) Записка о числѣ ратниковъ Ополченія 1812 года, подписанная бывшимъ смоленскимъ губернскимъ предводителемъ Аничковымъ.

(37) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ смоленской губерніи, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(38) Вѣдомость пожертвованіямъ смоленской губерніи, на военныя надобности, въ 1812 году, подписанная бывшимъ губернскимъ предводителемъ Аничковымъ.

(39) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(40) Высочайшій Приказъ 1-го сентября 1812.

(41) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо. Отставной поручикъ, графъ д'Оливейра, вступивъ въ русскую службу въ 1802 году, находился въ походѣ 1807 года, захваченъ въ плѣнъ въ дѣлѣ при Гутштадтѣ и отбитъ извѣстнымъ партизаномъ Шилемъ, при которомъ состоялъ во все остальное время похода и былъ раненъ нѣсколько разъ. За тѣмъ участвовалъ въ Финляндской войнѣ, а въ свободное отъ службы время занимался военными науками и написалъ сочиненіе: „о партизанскихъ дѣйствіяхъ" (В.-Т. Депо, № 46, 692. Отд. 151).

Въ іюлѣ 1812 года, служившій прежде въ конной артиллеріи штабсъ-капитаномъ, баронъ Боде, предложилъ сформировать для Петербургскаго Ополченія двѣ артиллерійскія роты, если только будутъ отданы въ его распоряженіе нужные для того люди, лошади и орудія съ упряжью и принадлежностью. Впослѣдствіи формированіе этихъ ротъ было отмѣнено, и, вмѣсто того, штабсъ-капитану Боде поручено составить казачій полкъ. (В.-Т. Депо, № 46, 692. Отд. 151).

(42) Рескриптъ, отъ 28-го іюля, на имя графа Голенищева-Кутузова.

(43) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(44) Донесеніе Государю Принца Ольденбургскаго, отъ 15-го іюля.

(45) Донесеніе Начальника 2-го Округа Ополченія, отъ 15-го августа.—Ордеръ Начальника Новгородскаго Ополченія командиру 6-й дружины, капитану 2-го ранга Бровцыну.

(46) Высочайшій Манифестъ 18-го іюля.

(47) Рапортъ на Высочайшее имя графа Толстаго, отъ 24-го іюля.

(48) Высочайшее Повелѣніе 31-го іюля.

(49) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Толстаго, отъ 1-го сентября.

(50) Высочайшее Повелѣніе 3-го сентября.

(51) Высочайшіе Указы отъ 21-го октября 1812 и 26-го марта 1813 года.

(52) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(53) Извлеч. изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(54) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящихся въ В.-Т. Депо.

(55) Извлеч. изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(56) Извлеч. изъ свѣдѣній собранныхъ симбирскимъ депутатскимъ собраніемъ и засвидѣтельствованныхъ бывшимъ губернаторомъ Хомутовымъ. Въ спискѣ же, подписанномъ графомъ Толстымъ, показаны слѣдующіе полковые командиры: генералъ-маіоръ князь Оболенскій, полковникъ Самойловъ, гвардіи капитанъ Топорнинъ, флота капитанъ 2-го ранга Филатовъ; коннаго полка гвардіи штабсъ-ротмистръ Третьяковъ (Свѣденія хранящ. въ В.-Т. Депо).

(57) Извлечено изъ свѣдѣній собранныхъ симбирскимъ депутатскимъ собраніемъ.

(58) Записка о Симбирскомъ Ополченіи, составленная мѣстнымъ начальствомъ (Свѣд. хранящ. въ В.-Т. Депо).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XVIII-й.

(1) Исчисленіе о пожертвованіяхъ по псковской губерніи на военныя надобности. (Вѣдомость сія подписана бывшимъ въ 1812 году, псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ, княземъ Шаховскимъ.)—Записка о пожертвованіяхъ псковской губерніи въ Отечественную войну, доставленная бывшимъ псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ Пещуровымъ.

(2) Отношеніе Министра Полиціи къ рижскому военному губернатору, отъ 10-го августа 1812 года.

(3) Свѣдѣнія для Исторіи 1812 года, за подписью бывшаго лифляндскаго гражданскаго губернатора фонъ-Фелькерзама.

(4) Высочайшее Повелѣніе генералъ-лейтенанту Эссену 1-му отъ 3-го сентября.

(5) Свѣдѣнія для Исторіи 1812 года, и проч.

(6) Notizen aus den Acten der kaiserlichen Universität von Dorpat in Beziegung auf den Krieg des Jahres 1812. (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

(7) Вѣдомости, доставленныя бывшимъ гражданскимъ губернаторомъ фонъ-Фелькерзамомъ.

(8) Вѣдомость, подписанная секретаремъ дворянскаго собранія Гельфрейхомъ, и другія свѣдѣнія, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ, хранящіяся въ Арх. В.-Т. Депо.

(9) Всеподданнѣйшее донесеніе Императору Александру I графа Штейнгеля, отъ 15-го іюля.

(10) Высочайшія повелѣнія графу Штейнгелю, отъ 1-го и 18-го августа, и исправлявшему должность финляндскаго гене-

ралъ-губернатора по гражданской части, генералу-отъ-инфантеріи Армфельду, отъ 6-го сентября.

(11) Свѣдѣнія по Великому Княжеству Финляндскому, относящіяся къ Исторіи 1812 года.

(Записка сія подписана начальникомъ 1-й экспедиціи канцеляріи генералъ-губернатора Ферсманомъ.)

(12) Свѣд. по Великому Княжеству Финляндскому, и проч.

(13) Свѣдѣнія, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ губерніи, за подписью бывшаго правителя олонецкой губернаторской канцеляріи Филемонова.

(14) Свѣдѣнія, доставленныя изъ архангельской губерніи, хранящіяся въ В.-Т. Депо.

(15) Свѣдѣнія, доставленныя бывшимъ вологодскимъ губернскимъ предводителемъ Брянчаниновымъ.

(16) Полн. Собр. Законовъ, 25,200. XXXII. Стр. 406.

(17) Свѣдѣнія, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ пермской губерніи, хранящ. въ В.-Т. Депо.—Вѣдомость пожертвованіямъ, составленная изъ отчетовъ пермской казенной палаты.

(18) Записка о событіяхъ въ оренбургской губерніи, въ 1812 году, доставленная въ 1836 году генералу Михайловскому-Данилевскому бывшимъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ Перовскимъ.

(19) Извлечено изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ саратовской губерніи, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(20) Свѣдѣнія, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ астраханской губерніи, хранящ. въ В.-Т. Депо.—Записка князя Тюменева о 2-мъ Калмыцкомъ полкѣ.

(21) Вѣдомость, поданная Государю 3-го марта 1812 года.

Донскіе полки состоятъ:

Въ корпусѣ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна:

полковника Родіонова 2-го.

маіора Селиванова 2-го.

Въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Баггевута:

генералъ-маіора Иловайскаго 4-го.

подполковника Платова 4-го.

Въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го:

Атаманскій.

генералъ-маіора Денисова 4-го.

» » Денисова 7-го.

генералъ-маіора Карпова 5-го.
полковника Гордѣева.
подполковника Иловайскаго 8-го.
Рота донской конной артиллеріи Суворова.
Въ арміи генерала отъ инфантеріи князя Багратіона:
генералъ-маіора Иловайскаго 5-го.
полковника Дячкина.
" Сысоева 3-го.
" Иловайскаго 10-го.
" Иловайскаго 11-го.
" Иловайскаго 12-го.
подполковника Слюсарева 2-го.
" Андріянова 2-го.
" Барабанщикова.
войсковаго старшины Власова 2-го.
войсковаго старшины Платова 5-го.
Рота донской конной артиллеріи Тацына.
Всего на западныхъ границахъ Имперіи было: 21 полкъ и 2 артиллерійскія роты.
Въ Молдавской (Дунайской) арміи:
генералъ-маіора Грекова 8-го.
полковника Грекова 4-го.
" Луковкина.
" Мельникова 5-го.
подполковника Кутейникова 4-го.
" Астахова 4-го.
войсковаго старшины Кирѣева.
Маіора Исаева 4-го.
" Пантелеева.
" Мелентьева 1-го.
Всего въ Дунайской арміи 10 полковъ.
Подъ командою генералъ-лейтенанта, герцога Ришельё:
подполковника Янова 2-го, въ Одессѣ
" Мелентьева 2-го.
и войсковаго старшины Чикилева, въ Тавріи.
Всего въ Новоросійскомъ краю 3 полка.
Подъ командою генералъ-лейтенанта Ртищева.
На Кавказской линіи.
войсковаго старшины Агѣева 3-го.

войсковаго старшины Краснова 2-го.
" " Сафонова.
подполковника Ильина.
войсковаго старшины Петрова.
маіора Рябинина.
войсковаго старшины Рубашкина.
" " Сычова 3-го.
" " Самойлова.
" " Молчанова.
подполковника Аракапцова.

Въ Грузіи:

полковника Балабина 1-го.
подполковника Ежова 1го.
" Агѣева 2-го.
войсковаго старшины Поздѣева 8-го.
" " Попова 16-го.
подполковника Извалова.
" Богачева.
маіора Данилова.

Въ Дербентѣ:

маіора Сысоева 2-го.
Всего подъ начальствомъ генерала Ртищева 21 полкъ.

Въ Финляндіи:

полковника Исаева 2-го.
подполковника Лощилина.
войсковаго старшины Киселева 2-го.
Всего 3 полка.

Въ Москвѣ:

войсковаго старшины Грекова 21-го.
Вновь командированные съ Дона два полка, подполковниковъ Власова 3-го и Харитонова, обращены къ Гродно.

Въ Казани:

Двѣ сотни подъ командою эсаула Тацына.

Въ Новочеркасскѣ:

Два полка.
Сверхъ того, показано въ различныхъ командировкахъ:
генералъ-маіоръ . . . . 1.
штабъ-офицеровъ. . . . . 17.
оберъ-офицеровъ . . . . 90.

урядниковъ и казаковъ. . . . . 2,267.

(22) Отношеніе войсковой канцеляріи къ войсковому атаману Платову, отъ 23-го іюля, за № 14,171-мъ.

(23) Предложеніе войсковаго атамана Платова войсковой канцеляріи, отъ 22-го августа, за № 1,080-мъ.

(24) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(25) Положеніе дворянства кавказской губерніи, 9-го августа.

(26) Свѣдѣнія для Исторіи 1812 года, за подписью таврическаго губернатора Казначеева.—Донесеніе герцогу Ришельё таврическаго губернскаго предводителя дворянства Таранова-Бѣлозерова, отъ 29-го августа.

(27) Извлечено изъ свѣдѣній, доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(28) Положеніе екатеринославскаго дворянства, 23-го іюля.

(29) Извлеч. изъ свѣдѣній, доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(30) Извлеч. изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(31) Донесенія бывшаго орловскаго губернскаго предводителя дворянства, отъ 1-го августа и 4-го сентября.

(32) Свѣдѣнія, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(33) Свѣдѣнія, доставленныя бывшимъ харьковскимъ губернаторомъ, княземъ Трубецкимъ.

(34) Опредѣленіе собранія дворянскихъ предводителей, отъ 25-го сентября.

(35) Свѣдѣнія, доставленныя бывшимъ полтавскимъ губернаторомъ Могилевскимъ.

(36) Въ Запискѣ, подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе Малороссіи въ лѣто 1812 года", за подписью князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго, показано число Ополченія обѣихъ малороссійскихъ губерній, полтавской и черниговской, 42,182 человѣка; а какъ по другимъ свѣдѣніямъ, было выставлено съ полтавской губерніи 16,116 ратниковъ, то и можно заключить, что черниговское ополченіе простиралось до 26,000 человѣкъ.

(37) „Нехай тогда и батько иде", (пусть тогда идутъ и отцы наши), говорили казаки.

(38) Предложеніе генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ, отъ 16-го іюля.

(39) Предложеніе генералъ-губернатора князя Лобанова черниговскому губернскому правленію, отъ 23-го августа (хранящ. въ Арх. В.-Т. Депо, за № 46,692-мъ).

(40) Высочайшій Рескриптъ на имя князя Лобанова-Ростовскаго, отъ 1-го сентября 1812 года.

(41) Свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, собранныя изъ актовъ въ кіевской губерніи, за подписью бывшаго гражданскаго губернатора Переверзева. Въ этой запискѣ показана цѣнность поставокъ, сдѣланныхъ жителями кіевской губерніи, въ продолженіе 1812 и 1813 годовъ, примѣрно въ 4 милліона рублей.

(42) Предписаніе князя Багратіона бывшему подольскому гражданскому губернатору, графу Сенъ-При, отъ 3-го мая, за № 180-мъ.

(43) Высочайшее Повелѣніе на имя бывшаго подольскаго гражданскаго губернатора, графа Сенъ-При, отъ 25-го мая.

(44) Полн. Собр. Законовъ. 25,129. XXXII. Стр. 339.

(45) Полн. Собр. Законовъ. 25,211. XXXII. Стр. 414.

(46) Предписаніе адмирала Чичагова, отъ 31-го августа, за № 1,409-мъ.

(47) Полн. Собр. Законовъ. 25,172. XXXII. Стр. 385.

(48) Письмо бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля, къ бывшему же тамбовскому гражданскому губернатору Марченко, отъ 15-го іюля 1812 года, за № 1318-мъ, изъ Петербурга.

(49) Свѣдѣнія, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(50) Описаніе енисейской губерніи. С.-Петербургъ. 1835. II. 73.

(51) Вѣдомости пожертвованіямъ, хранящіяся въ Арх. В.-Т. Депо.

(52) Съ іюня 1811 по августъ 1812 года, сдѣлано въ Имперіи три общихъ набора: первый съ 500 душъ по четыре рекрута, второй—по два и третій по десяти рекрутъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XIX-й.

([1]) Comte Soltyk. Napoléon en 1812. 52—53. — Notice historique sur les armemens qui eurent lieu en Lithuanie pendant l'occupation française en 1812, par Lensky.

([2]) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

([3]) Записка о войнѣ 1812 года, доставленная мѣстнымъ начальствомъ минской губерніи (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

([4]) Soltyk. Napoléon en 1812. 51.

([5]) Записка о войнѣ 1812 года, доставленная мѣстнымъ начальствомъ минской губерніи (Хран. въ В.-Т. Депо).

([6]) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

([7]) Notice historique sur les armemens qui eurent lieu en Lithuanie etc.

([8]) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

([9]) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

([10]) Свѣдѣнія, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ могилевской и волынской губерній, хранящ. въ В.-Т. Депо.

([11]) Notice historique sur les armemens qui eurent lieu en Lithuanie etc.

(12) Предписаніе временнаго правленія Литвы администраціоннымъ коммисіямъ, отъ 25-го іюня 1812 года.

(13) Предписаніе временнаго правленія Литвы администраціоннымъ коммисіямъ отъ 1-го іюля.

(14) Notice historique sur les armemens qui eurent lieu en Lithuanie etc.

Прилагаемъ списокъ литовскихъ полковъ съ означеніемъ ихъ командировъ:

18-й пѣхотный, графъ Ходкѣвичъ.
19-й — графъ Тизенгаузенъ.
20-й — баронъ Бишингъ.
21-й — Гелгудъ (погибшій въ кампанію 1831 года).
22-й — Чапскій.
17-й уланскій графъ Тышкевичъ.
18-й — графъ Пршездецкій.
19-й — Раецкій.
20-й — Обуховичъ.

(15) Notice historique etc.

(16) Воззваніе графа Красинскаго, изъ Бѣшенковичей. — Предписаніе временнаго правленія Литвы виленской администраціонной коммисіи. — Notice historique etc.

(17) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо). — Notice historique etc. Предписаніе временнаго правленія Литвы виленской администраціонной коммисіи.

(18) Предписаніе временнаго правленія Литвы виленской администраціонной коммисіи. — Notice historique etc.

(19) Предписаніе временнаго правленія Литвы виленской администраціонной коммисіи. — Свѣдѣнія доставленныя мѣстнымъ начальствомъ, хранящ. въ В.-Т. Депо.

(20) Notice historique etc.

(21) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хранящ. въ В.-Т. Депо).

(22) Notice historique etc.

(23) Notice historique etc.

(24) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года,

подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторамъ Доппельмайеромъ (Хранящ. въ Арх. В.-Т. Депо).

(25) Записка о войнѣ 1812 года, доставленная мѣстнымъ начальствомъ минской губерніи (Хранящ. въ Архивѣ В.-Т. Депо).

(26) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хранящ. въ Арх. В.-Т. Депо).

(27) Предписанія временнаго правленія Литвы администраціоннымъ коммисіямъ.

(28) Записка о войнѣ 1812 года, доставленная мѣстнымъ начальствомъ минской губерніи (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

(29) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

(30) Soltyk. Napoléon en 1812. 52.

(31) Записка, содержащая свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, подписанная бывшимъ гродненскимъ губернаторомъ Доппельмайеромъ (Хранящ. въ В.-Т. Депо).

(32) Ordre du jour du 21 juillet, 1812.

Article 1-er.

Tout individu français, allemand ou italien, qui sera trouvé à la suite de l'armée sans autorisation suffisante, sera arreté et traduit devant la Commission Prévôtale la plus voisine, qui condamnera à mort tout ceux qui s ront convaincus de pillage et maraude.

Article 2-d.

Tout habitant du pays, de quelque qualité qu'il soit, arreté avec les pillards ou maraudeurs et prevenu de les avoir excité, conduit, ou de les avoir aidé, de quelque manière que ce soit, dans leur brigandage, sera traduit [illegible]vant la Commission Prévôtale la plus proche, et en cas de co[illegible]iction sera condamné à mort.

(33) Изъ свѣдѣній, доставленныъъ мѣстнымъ начальствомъ могилевской губерніи (Хран. въ Арх. В.-Т. Депо).

(34) Прилагаемъ подлинное предписаніе могилевской коммисіи.

Его высокопреосвященству грековосточныхъ церквей могилевскому архіепископу Варлааму.

Сія Коммисія, составленная по повелѣнію Его Высочества господина маршала великой арміи войскъ французскихъ и соединенныхъ Принца де-Экмюль и многихъ орденовъ кавалера, оповѣщаетъ симъ Вашему Высокопреосвященству, что завтрашняго дня, въ 9 часовъ, то есть, двадцать шестаго іюля, по новому календарю, въ здѣшней Грековосточной Соборной Церквѣ обязанностію будетъ всего могилевскаго духовенства, дворянства и прочихъ состояній греческаго исповѣданія учинить присягу на вѣрность французскому императору и италійскому королю Великому Наполеону и совершить вамъ самимъ лично, яко первенствующему архипастырю губерніи могилевской, Божественную Литургію, поминая отнынѣ въ оной, какъ равно и въ благодарственномъ ко Всевышнему молебствіи, вмѣсто Императора Александра, французскаго императора и италійскаго короля Великаго Наполеона, каковый долгъ, дабы безотлагательно исполненъ былъ съ приличнымъ торжествомъ, равно и во всѣхъ приходахъ эпархіи вашей, послать отъ себя повелѣніе и о послѣдовавшемъ сію Коммисію увѣдомить.

Подлинное подписали: Jerży Luskina. Jan Makowieski. Marcin Nibostawski.

№ 6-й. Іюля 25-го дня, 1812 года.

(35) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ витебской губерніи (Хран. въ Арх. В. Т. Депо).

(36) Изъ свѣдѣній доставленныхъ бывшимъ могилевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Голынскимъ. — Вѣдомости о числѣ душъ по витебской губерніи, подпис. совѣтникомъ Городецкимъ (Хранящ. въ Арх. В.-Т. Депо).

(37) Notice historique sur les armemens qui eurent lieu en Lithuanie.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XX-й.

(1) Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. I. 399.

(2) Clausewitz. Der Feldzug von 1812 in Russland. 127. — Донесеніе Государю Барклая де-Толли, за № 690, отъ 14-го августа, изъ Семлева.

(3) Краткій военный журналъ движеніямъ Первой Западной арміи, составленный Толемъ. — Изображеніе военныхъ дѣйствій Первой арміи (Записка составл. Барклаемъ де-Толли). — Denkwürdigk. des Grafen v. Toll. I. 401—403.

(4) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 15—18. Вѣдомость 23-го августа н. ст.

НАИМЕНОВАНІЕ КОРПУСОВЪ.	число пѣхоты вмѣстѣ съ кавалеріею и артиллеріею.	число кавалеріи съ артиллеріею.	ЗАМѢЧАНІЯ.
Старая гвардія	6812	—	
Молодая гвардія	12925	—	Вмѣстѣ съ дивизіею Клапареда.
Гвардейская кавалерія . .	—	4208	
— артиллерія . .	2500	1000	Приблизительно.
1-й корпусъ	40622	—	
3-й корпусъ	16053	—	
4-й корпусъ	32823	—	Вмѣстѣ съ баварскою легкою кавалерійскою дивизіею.
5-й корпусъ	11857	—	
8-й корпусъ	12686	—	
1-й кавалерійскій корпусъ .	—	5700	
2-й — — .	—	3859	
3-й — — .	—	4930	Не считая дивизіи Думерка.
4-й — — .	—	4000	Приблизительно и не считая бригады приданной отряду Домбровскаго.
ВСЕГО .	136278	23697	

Слѣдовательно — вообще 159,975 человѣкъ. А исключивъ изъ сего числа дивизію Лаборда, въ числѣ около 4,500 человѣкъ, оставленную въ Смоленскѣ, окажется, что въ Большой арміи было тогда 155,475 человѣкъ.

(5) Puibusque. Lettres sur la guerre de Russie. 57 et 74-75.

(6) Краткій военный журналъ, составленный Толемъ.

(7) Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

(8) Clausewitz. 129.

(9) Краткій военный журналъ, составленный Толемъ. — Донесеніе Государю Барклая де-Толли, за № 690, отъ 14-го августа. — Ker-Porter. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. 132.

(10) Составъ и число войскъ подъ начальствомъ маршала Виктора:

Дивизія Партуно	21 бат.	Въ началѣ кампаніи 33,000 человѣкъ.
— Дендельса	13 —	
— Жирара	20 —	
Легкая кавалерійская дивизія .	16 эск.	

Польская дивизія Домбровскаго, отряженная къ Бобруйску отъ 7,000 до 8,000 человѣкъ.

Гарнизоны въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Fain. Manuscrit de 1812. I. 361.

(11) „Poussez plus vivement Tormassow. Après l'avantage que vous venez d'obtenir à Ghorodeczna, vous pouvez lui faire éprouver des grandes pertes dans la longue retraite qui le ramenera sur Louck. Les secours, qu'on lui envoie, dit-on, des bords du Danube, sont encore bien loin. Vous aurez le temps de penétrer sur Kiow et sur Kalouga, tandisque nous irons à Moscou. ...... Mais surtout faites en sorte que les Russes que vous avez devant vous ne se portent pas sur moi". Fain. Manuscrit de 1812. 1. 356—357.

(12) „Quant aux Russes de Wittgenstein, le maréchal St.-Cyr a pris sur eux l'avantage (?), et le siége de Riga va compléter leurs embarras. Dès que les trente mille hommes du duc de Tarente se seront rendus maîtres de la place qui les retient sur la Basse-Dwina, ils rentreront alors dans les grandes opérations de la campagne, et si nos deux maréchaux Saint-Cyr et Macdonald s'entendent, ils peuvent menacer Petersbourg quand nous serons à Moscou ..... Cependant je veux tout prévoir. Si Saint-

Cyr éprouvait un échec, le duc de Bellune irait à son secours et le soutiendrait sur la Dwina; ce cas excepté, il ne doit pas perdre de vue la route de Smolensk à Moscou, et je reviens à l'idée principale qui devra constamment l'occuper.

„L'armée qu'il commande forme la réserve de l'armée de Moscou. Si la route de Smolensk au quartier impérial venait à être interceptée, il faudrait la rouvrir sur-le-champ; il faudrait même que l'armée entière du duc de Bellune s'avançât audevant de nous, si cela était nécessaire. Je puis ne pas trouver la paix où je vais la chercher. Mais alors, appuyé sur une véserve aussi forte et aussi bien postée, ma retraite se ferait avec sécurité et rien ne saurait la précipiter". Fain. I. 360.

(13) Составъ 11-го корпуса маршала Ожерò:

Дивизія Гёделè въ Гамбургѣ
— Морана въ Штетинѣ
— Дюрютта въ Берлинѣ
— Детрè въ Данцигѣ
— Луазона въ Кенигсбергѣ
Кавалерійская дивизія Кавеньяка въ Гановерѣ и Дрезденѣ.
} По вѣдомости 15-го іюля, въ числѣ 56,000 человѣкъ. Fain. I. 361.

(14) Fain. I. 362.

(15) Журналъ движеніямъ Первой арміи, составленный Толемъ. — Вѣдомость убитымъ, раненымъ и безъ вѣсти пропавшимъ, за подписомъ дежурнаго генерала Кикина. — Въ донесеніи Платова уронъ нашъ показанъ отъ 400 до 500 человѣкъ.

(16) Журналъ составленный Толемъ.

(17) Denkwürdigk. des Grafen v. Toll. I. 408.

(18) Clausewitz. 132.

(19) Письмо къ Императору Александру I-му Барклая де-Толли, изъ Вязьмы, отъ 16-го августа.

(20) Указъ Правительствующему Сенату отъ 24-го августа.

(21) Рескриптъ отъ 24-го августа, за № 86-мъ.

(22) Le sort nous a favorisé à Smolensk, car contre toute probabilité la jonction des deux armées s'y est faite. C'était le moment d'arreter les mouvemens rétrogrades. Mais le manque de connaissances dans le quel vous étiez sur l'ennemi et ses mouvemens, manque, dont vous avez éprouvé malheureusement les effets pendant toute la campagne, vous a fait commettre la faute de marcher sur Porétchié pour attaquer sa gauche tandis qu'il

s'était concentré à sa droite à Liady, où il a passé le Dnieper. Vous aviez reparé cette faute en prevenant l'ennemi à Smolensk. Mais puisque les deux armées y étaient réunies et puisqu'il entrait dans vos plans de livrer plus tard une bataille générale à l'ennemi, autant valait-il la livrer à Smolensk qu'à Zaréwo-Saimistché; vos forces y auraient été plus intactes, car toutes les pertes que vous avez faites depuis dans les journées du 6, 7 et les suivantes jusqu'à Zaréwo-Saimistché, n'auraient pas eu lieu. Quant à la crainte d'être tourné par les flancs, elle est à peu près la même partout, et à Zaréwo-Saimiestché, vous n'en auriez pas été exempt. L'ardeur du soldat eut été extrême à Smolensk, car c'était l'entrée de la première ville vraiment russe qu'ils auraient défendue à l'énnemi.

La perte de Smolensk produisit un effet moral immense dans tout l'empire. A toute la désapprobation générale qu'avait notre plan de campagne se joignaient des reproches. „L'expérience, disait-on, démontre combien ce plan est désastreux; l'Empire est dans le plus imminent danger." Et comme malheureusement les fautes que je viens de citer plus haut, étaient dans la bouche de tout le monde, j'étais accusé de sacrifier le salut de la patrie à l'amour-propre, de vouloir soutenir mon choix dans votre personne. Moscou et Petersbourg à l'unisson nommaient le prince Koutousoff comme le seul individu, qui pouvait, d'après leur dire, sauver l'Empire, etc. Les circonstances étaient trop critiques. Pour la premiére fois le capitale de l'Empire était ménacée et je n'ai pu faire autre chose que me rendre à l'opinion générale aprés avoir fait débattre cependant le pour et le contre dans un Comité composé des principaux dignitaires de l'Empire. En cedant à leur opinion, j'ai du imposer silence à mon propre sentiment.

(Копія съ Собственноручныхъ замѣчаній Императора Александра I, хранящ. въ Военно-Топ. Депо. № 47, 352, папка 3-я).

(23) Генералъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ объ этомъ случаѣ, какъ о несомнѣнномъ событіи, случившемся въ минуту перваго появленія Кутузова передъ войсками, у Царево-Займища, а въ Запискѣ о войнѣ 1812 года, князя А. Б. Голицына, бывшаго на безсмѣнныхъ ординарцахъ при Кутузовѣ, полетъ, орла надъ Главнокомандующимъ отнесенъ къ другому времени.

«Когда въ первый разъ — говоритъ князь Голицынъ — Кутузовъ обозрѣвалъ позицію подъ Бородинымъ — это было послѣ обѣда — исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Апштетъ первый это замѣтилъ, и толкамъ не было конца.»

(24) Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

(25) Строевой рапортъ о состояніи войскъ Западныхъ армій, при донесеніи Государю князя Кутузова, отъ 19-го августа.

(26) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 19-го августа.

(27) Herzog Eugen von Würtemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland. 64—65.

(28) Denkwürdigk. des Grafen v. Toll. I. 409.

(29) Graf Cankrin. Ueber die Militaire-Oeconomie. I. 84—85.

(30) Подлинные приказы по арміи князя Кутузова.

Главная квартира.

Дер. Старая Иванова.

Августа 18-го дня, 1812 г. № 2-й.

Сегодня пойманы въ самое короткое время разбредшихся до 2,000 нижнихъ чиновъ. Сіе сдѣлано не стараніемъ начальниковъ, но помощію воинской полиціи. Таковое непомѣрное число отлучившихся отъ своихъ командъ солдатъ, во избѣжаніе службы, доказываетъ необыкновенное ослабленіе надзора господъ полковыхъ начальниковъ. Привычка къ мародёрству, сею слабостью начальства, возымѣвъ дѣйствіе свое на мораль солдата, обратилась ему почти въ обыкновеніе, которое искоренить должны самыя строгія мѣры. Главное дежурство 1-й арміи отошлетъ пойманныхъ сегодня бродягъ при спискахъ въ полки, которыхъ на первый разъ предписываю онымъ наказать строжайшимъ образомъ. За симъ имѣю я надѣяться, что господа полковые начальники, для пользы службы и собственной чести, возьмутъ мѣры и старанія къ прекращенію сего вкравшагося уже въ большой степени вреда. Въ будущее же время таковые пойманные по жеребью будутъ казнены смертью.

Главная квартира.

Колоцкой монастырь.

Августа 21-го дня 1812 г. № 5-й.
(Выписка изъ приказа по арміи.)

Объявить въ полкахъ и командахъ, что тотъ изъ нижнихъ чиновъ, который, за симъ повелѣніемъ, по прошествіи 24-хъ часовъ, будетъ пойманъ въ полуверстѣ отъ большой дороги, въ сторонѣ, накажется яко дезертиръ.

(31) Chambray. II. 37. — Beitzke. Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812. 152 и 168. — Das Buch vom Jahr 1812. II. 234—237.—Denniée. Itinéraire de l'empereur Napoléon. 59.

(32) Chambray. II. 33. — Вѣдомость о числѣ войскъ Большой арміи, отъ 2-го сентября н. ст. (21-го августа). Въ ней не помѣщены войска Делаборда, Пино и Домбровскаго, всего до 18-ти тысячъ человѣкъ. Слѣдовательно — потеря Большой арміи, кромѣ выбывшихъ изъ строя въ сраженіяхъ, отъ перехода черезъ Нѣманъ до прибытія въ Гжатскъ, простиралась до 90 тысячъ человѣкъ. — Лоссбергъ говоритъ, что въ вестфальскомъ корпусѣ въ началѣ сентября н. ст. было только 8,400 человѣкъ.

(33) Предписаніе генералу-отъ-кавалеріи Тормасову, отъ 20-го августа, за № 47-мъ, и отношеніе адмиралу Чичагову, отъ того же числа, за № 48-мъ.

(34) Приказы князя Кутузова, отъ 18-го августа за № 1-мъ, и отъ 19-го августа за № 3-мъ.

(35) Краткій военный журналъ, составленный Толемъ. Приказъ князя Кутузова, отъ 20-го августа за № 4-мъ.

(36) Изъ Записокъ Крейца (Арх. В.-Т. Депо, № 47,352, папка 2-я).

(37) Тіеръ говоритъ, что Наполеонъ получилъ свѣдѣніе отъ шпіоновъ, о намѣреніи Русскихъ принять генеральное сраженіе. Histoire du Consulat et de l'Empire. XIV. Edit. de Bruxelles. p. 332.

(38) Письмо Наполеона къ начальнику штаба Большой арміи (major-général), отъ 2-го сентрября н. ст. (21 августа).

(39) Ordre du jour, du 2 Septembre 1812.

(40) Письмо Наполеона къ начальнику штаба Большой арміи, отъ 3-го сентября н. ст. (22 августа).

(41) Chambray. II. 34.

(42) Ségur. 354—355.

(43) Впослѣдствіи, при отступленіи къ Бородину, присое-

динилось къ русскимъ арміямъ еще до двухъ тысячъ человѣкъ, вообще же прибыло изъ Калуги семнадцать тысячъ. (Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 23-го августа.) — Войска, прибывшія къ арміи, 18-го и 19-го августа, состояли изъ сформированныхъ генераломъ Милорадовичемъ пѣхотныхъ полковъ № 1, 2, 3, 4 и 5 и егерскихъ полковъ № 1 и 2; кромѣ-того, изъ баталіоновъ: Елецкаго пѣхотнаго полка, поселеннаго и 4-го (рекрутскаго), и рекрутскихъ баталіоновъ 28-го и 32-го егерскихъ полковъ. 23-го и 24-го августа прибыли двадцать резервныхъ эскадроновъ, поступившіе, большею частью, на укомплектованіе полковъ, и пѣхотные полки № 12, 13 и 14, сформированные генералъ-лейтенантомъ Клейнмихелемъ. (Вѣдомость, приложенная къ отзыву князя Кутузова къ графу Аракчееву, отъ 6-го декабря 1812 года, за № 1,128. Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, портф. 2).

(⁴⁴) Мы заимствовали это показаніе у Бутурлина, но, по всей вѣроятности, число прибывшаго Ополченія было болѣе. Кутузовъ надѣялся на прибытіе изъ Москвы 15-ти тысячъ ратниковъ. Барклай де-Толли пишетъ, что вообще прибыло 16,000 человѣкъ обоихъ Ополченій (Изображеніе дѣйствій 1-й Западной арміи). 23-го и 24-го августа прибыли: егерскаго полка № 1-го баталіоны 1-й и 4-й; № 3-го баталіоны 2-й и 3-й; казачьяго пѣхотнаго полка № 3-го баталіоны 1-й и 3-й; № 4-го баталіоны 3-й и 4-й. Кромѣ-того пришли изъ Волоколамска и Вереи остававшіеся послѣ укомплектованія полковъ ополченія 946 ратниковъ, и проч. (Вѣдомость приложенная къ отзыву князя Кутузова къ графу Аракчееву, отъ 6-го декабря, за № 1,128-мъ.)

(⁴⁵) Denkwürdigkeiten. II. 18. — Клаузевицъ (§ 137) приписываетъ выборъ позиціи Толю.

(⁴⁶) У Бутурлина 25 баталіоновъ и 98 эскадроновъ; у Бернгарди (Denkwürdigk. des Grafen v. Toll) 25 баталіоновъ и 48 эскадроновъ. Какъ въ составѣ арріергарда тогда находились 1-й, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса и легкая кавалерія пѣхотныхъ корпусовъ Первой арміи, то показаніе генерала Бутурлина весьма близко къ истинѣ.

(⁴⁷) Лабомъ говоритъ объ этой стычкѣ, но не сознается въ пораженіи 3-го конно-егерскаго полка. Eugène Labaume.

Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. 4e. edit. 127—128.

(48) Князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, одинъ изъ сподвижниковъ Суворова въ Италіянскомъ и Швейцарскомъ походахъ 1799 года.

(49) Boutourlin. 309—310. — Denkwürdigk. des Grafen v. Toll. II. 29—30.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXI-й.

---

(1) По другимъ показаніямъ, позиція для Второй арміи была избрана первоначально въ прямой линіи съ позиціею Первой арміи генераломъ Вистицкимъ, а Беннигсенъ 24-го августа, при осмотрѣ позиціи, найдя за лѣвымъ крыломъ ея оврагъ, осадилъ Вторую армію назадъ подъ исходящимъ угломъ, назвавъ тогда же курганъ, гдѣ находилась вершина его, *ключомъ позиціи.*

(2) Приказъ по арміямъ князя Кутузова, отъ 23-го августа за № 6-мъ.

(3) Диспозиція для 1-й и 2-й Западныхъ армій, при с. Бородинѣ расположенныхъ, августа 24-го дня 1812 года.

Арміи, присоединивъ къ себѣ всѣ подкрѣпленія, отъ Калуги и Москвы прибывшія, ожидаютъ наступленія непріятельскаго при с. Бородинѣ, гдѣ и дадутъ ему сраженіе.

Арміи расположены нынѣ въ позиціи слѣдующимъ образомъ, начиная съ праваго фланга.

2-й, 4-й, 6-й и 7-й пѣхотные корпуса, и 27-я пѣхотная дивизія, находящаяся на лѣвомъ флангѣ, составляютъ коръ-де-баталь и расположены въ двѣ линіи.

За ними расположатся кавалерійскіе корпуса, имѣющіе вступить въ ордеръ-де-баталь, въ полковыхъ колоннахъ, слѣдующимъ образомъ:

За	2-мъ	пѣх. корп.	1-й	кавалерійскій	корпусъ.
—	4-мъ	— —	2-й	—	—
—	6-мъ	— —	3-й	—	—
—	7-мъ	— —	4-й	—	—

т.-е. кавалерійскіе полки Второй арміи.

Въ центрѣ боеваго порядка, за кавалерійскими корпусами, стоятъ резервы, въ баталіонныхъ колоннахъ на полныхъ дистанціяхъ, въ двѣ линіи, а именно:

Въ первой линіи 3-й пѣхотный корпусъ, а за нимъ 5-й или гвардейскій корпусъ и сводные гренадерскіе баталіоны: 4-й, 17-й, 1-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій.

Вторая гренадерская дивизія и сводные гренадерскіе баталіоны 2-й арміи становятся за 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и составляютъ резервъ Второй арміи. Егерскіе полки 1-й арміи, нынѣ въ аррьергардѣ находящіеся, равно и тѣ, которые стоятъ въ коръ-де-баталіи, проходятъ за оный и идутъ на правый флангъ арміи за 2-й пѣхотный корпусъ, гдѣ и поступаютъ частію для занятія лѣсовъ, на правомъ флангѣ находящихся, и частію для составленія резерва праваго фланга арміи. Всѣ кирасирскіе полки обѣихъ армій должны во время дѣйствія стать позади гвардейскаго корпуса, также въ полковыхъ колоннахъ.

Артиллерія, при резервѣ остающаяся, составляетъ въ семъ боевомъ порядкѣ резервную артиллерію.

Начальники коръ-де-баталіи.

Правый флангъ, изъ 2-го и 4-го корпусовъ, подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича.

Центръ, изъ 6-го корпуса, подъ командою генерала-отъ-кавалеріи Дохтурова.

Лѣвый флангъ, изъ 7-го корпуса и 27-й дивизіи, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2-го.

Главнокомандующіе арміями предводительствуютъ, какъ и прежде, войсками ихъ арміи составляющими.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ 1-й командуетъ 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизіями, кои соединить вмѣстѣ въ колоннахъ за 5-мъ корпусомъ.

Въ семъ боевомъ порядкѣ намѣренъ я привлечь на себя силы непріятельскія и дѣйствовать сообразно его движеніямъ. Не въ состояніи будучи находиться во время дѣйствія на всѣхъ пунктахъ, полагаюсь на извѣстную опытность Гг. Главнокомандующихъ арміями, и потому предоставляю имъ дѣлать соображенія дѣйствій на пораженіе непріятеля. Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость и неустрашимость русскихъ воиновъ, при счастливомъ отпорѣ непрія-

тельскихъ силъ, дамъ собственныя повелѣнія на преслѣдованіе его, для чего и буду ожидать безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ, находясь за 6-мъ корпусомъ.

При семъ случаѣ, не излишнимъ почитаю представить Гг. Главнокомандующимъ, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долѣе, ибо тотъ генералъ, который сохранитъ еще резервъ, не побѣжденъ. Въ случаѣ наступательнаго во время дѣйствія движенія, оное производить въ колоннахъ къ атакѣ, въ каковомъ случаѣ стрѣльбою отнюдь не заниматься, но дѣйствовать быстро холоднымъ ружьемъ.

Въ интервалахъ между пѣхотными колоннами имѣть нѣкоторую часть кавалеріи, также въ колоннахъ, которая-бы подкрѣпляла пѣхоту.

На случай неудачнаго дѣла, генераломъ Вистицкимъ, нѣсколько дорогъ открыто, которыя сообщены будутъ Г.г. Главнокомандующимъ и по коимъ арміи должны будутъ отступать. Сей послѣдній пунктъ остается единственно для свѣдѣнія Г.г. Главнокомандующимъ.

На подлинномъ подписано:

Генералъ князь Кутузовъ.

Главная квартира,
Дворъ Татаринова.
Августа 24-го дня, 1812 года.

(4) Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 27. — Boutourlin. I. 308 — 309. — Въ одномъ изъ писемъ графа (впослѣдствіи князя) Воронцова сказано, что четыре сводныхъ гренадерскихъ баталіона находились въ бою при Шевардинѣ и понесли довольно значительный уронъ.

(5) Письмо князя Андрея Ивановича Горчакова къ генералу Михайловскому-Данилевскому. Въ этомъ числѣ войскъ не показаны — ни 2-я гренадерская дивизія, ни сводные гренадерскіе баталіоны.

(6) Chambray. II. 43—44.

(7) Chambray. II. 33.

(8) Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 32 — 36. — Boutourlin. I. 310—314. — Gourgaud. — Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande armée. 4me édit. I. 370—372. —

Рапортъ князю Кутузову генералъ-маіора Сиверса, отъ 26-го сентября, за № 276-мъ — Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Барклай-де-Толли).

(9) Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 37. — Boutourlin. I. 314—315.

(10) Бернгарди увѣряетъ, будто бы Беннигсенъ, выдвинувъ 3-й пѣхотный корпусъ къ Утицѣ, не донесъ Кутузову о сдѣланномъ имъ распоряженіи и что многіе винили въ томъ Тучкова 1-го (убитаго въ Бородинскомъ сраженіи). Но одинъ изъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, поручикъ Щербининъ, находившійся при Тучковѣ, когда Беннигсенъ приказалъ 3-корпусу податься къ Утицѣ, полагая, что объ этомъ распоряженіи было своевременно донесено Главнокомандующему, проговорился, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ бытность главной квартиры въ Калишѣ, на счетъ извѣстной ему тайны, въ присутствіи Толя и нѣсколькихъ своихъ товарищей. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 42—43. — Записки Щербинина.

(11) Въ подлинныхъ Запискахъ Толя и въ сочиненіи Бернгарди показано число русскихъ регулярныхъ войскъ 103,800 человѣкъ. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 54. — У Бутурлина и Вольцогена — регулярныхъ войскъ 115,000, а вмѣстѣ съ казаками и съ ополченіемъ 132,000. — У принца Евгенія — 96,000 человѣкъ пѣхоты, 18,300 регулярной кавалеріи, 640 орудій, 5,000 казаковъ и 15,000 ополченія. — У Михайловскаго-Данилевскаго — 113,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ. — У Клаузевица — вообще 120,000; у Шамбрè — 130,000 человѣкъ.

(12) Вѣдомости о составѣ Большой Наполеоновой арміи, помѣщенныя въ сочиненіяхъ Бутурлина и Шамбрè и въ запискахъ Пелè (Spectat milit. 1830). — Число войскъ въ корпусахъ заимствовано изъ вѣдомости поданной Наполеону 2-го сентября н. ст., потому-что потеря, понесенная его войсками въ промежуткѣ времени между 2 и 7 сентября н. ст., по всей вѣроятности, вознаградилась присоединеніемъ отсталыхъ и фуражировъ.

(13) Свѣдѣнія извлеченныя изъ бумагъ отбитыхъ у непріятеля. — Chambray. II. 60. — B-n Fain. II. 18.

(14) Этотъ выводъ сдѣланъ приблизительно изъ наличнаго числа людей въ частяхъ войскъ обѣихъ сторонъ, но онъ

весьма близокъ съ показаніемъ Гурго. Число кавалеріи, показанное у Шрекенштейна (нашей 19,550 и непріятельской 29,400 ч.), очевидно преувеличено. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa. 21.

(15) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Барклай де-Толли).

(16) Gourgaud.—Thiers. XIV. 343—345—Ségur. I. 380—381.

(17) Chambray. II. 47—48.

(18) Chambray. II. 46.

(19) Очерки Бородинскаго сраженія, Ѳ. Н. Глинки. I. 38—39.

(20) Михайловскій-Данилевскій. II.

(21) Очерки Бородинскаго сраженія, Ѳ. Н. Глинки. I. 40—41.

(22) Chambray. II. 52.

(23) Fain. II. 16.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXII-й.

---

(1) Hofmann. Die Schlacht von Borodino. 48.

(2) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 62—64. — Chambray. II. 55—58. — Soltyk. Napoléon en 1812. 212, 215 et 217.

(3) Chambray. II. 65—66 et 77. — Ségur. I. 391—392 et 421. Fain. II. 19-20.

(4) Hofmann. 54.

(5) Chambray. II. 61—62. — Thiers. XIV. Edit. de Brux. 355. et 357—358. — Fain. II. 20—21. — Hofmann. 49. — Рапортъ князю Кутузову генералъ-маіора графа Сиверса 1-го, отъ 26-го сентября, за № 728-мъ. — Описаніе сраженія при Бородинѣ (Военно-Топ. Депо, № 29,177).

(6) Fain. II. 21—22. — Gourgaud. Examen critique de l'ouvrage du comte Ségur. Livre 7. Chap. IX.

(7) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Барклая де-Толли). — Записки генералъ-маіора Левенштерна. — Chambray II. 63. — Hofmann. 51. — Thiers. XIV. 356—357. — Bernhardi II. 65—66.

(8) Bernhardi. II. 67—68. Stellung der Franzosen. (Смотри легенды Бородинскаго сраженія въ концѣ втораго тома.) По свидѣтельству Шрекенштейна, между корпусами Латуръ-Мобура и Вице-короля оставалось значительное пространство незанятое войсками. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa. 50.

(9) Князь Багратіонъ обратился съ просьбою о помощи прямо къ Барклаю де-Толли, а не къ Кутузову, вѣроятно для выигранія времени. Всякому, сколько нибудь знакомому съ практикою военныхъ дѣйствій, извѣстно, какъ иногда замедляется исполненіе распоряженій несвоевременною передачею приказаній.

(10) На счетъ подкрѣпленій, посланныхъ изъ резерва въ помощь лѣвому крылу, показанія различны. Въ подлинныхъ запискахъ Толя сказано, что князь Кутузовъ послалъ три полка 1-й кирасирской дивизіи, восемь орудій гвардейской конной артиллеріи, Л.-Гв. Измайловскій и Литовскій полки и батарейныя роты Его Высочества и графа Аракчеева. У Бутурлина, кромѣ этихъ войскъ, показана бригада сводныхъ гренадеръ, о которой тоже упоминается въ рапортѣ генералу Дохтурову командовавшаго 5-мъ корпусомъ, генералъ-лейтенанта Лаврова, отъ 3-го сентября за № 1116-мъ (В.-Т. Депо, № 29,177). О высылкѣ Финляндскаго полка на лѣвое крыло, въ самомъ началѣ Бородинскаго сраженія, сказано въ «Исторіи сего полка, составленной Маринымъ.» — У Бернгарди исчислены слѣдующія войска: Измайловскій, Литовскій и Финляндскій полки, восемь баталіоновъ сводныхъ гренадеръ и обѣ гвардейскія батарейныя роты. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 69.

(11) Рапортъ князю Кутузову генералъ-маіора графа Сиверса, отъ 26-го сентября, за № 278-мъ (В.-Т. Депо № 29,177). Bernhardi. II. 70.—71. — Hofmann. 50.

(12) Boutourlin. I. 330. Но въ запискахъ генерала Крейца сказано, что Оренбургскій полкъ находился подъ его начальствомъ, въ центрѣ нашей позиціи.

(13) Hofmann. 50. — Рапортъ князю Кутузову генералъ-лейтенанта Коновницына, отъ 19-го сентября, за № 57-мъ. . . . . „пѣхотные полки 3-й дивизіи, Черниговскій, Муромскій, Ревельскій и Селенгинскій, потребованы еще прежде сего на лѣвый флангъ Второй арміи, въ подкрѣпленіе генералу-отъ-инфантеріи князю Багратіону, куда прибывъ, были употреблены тотчасъ къ завладѣнію важной высоты занимаемой непріятелемъ. Сіе было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. Сказанные полки, презирая всю жестокость непріятельскаго

огня, пошли наштыки и съ словомъ „ура“, опрокинувъ превосходнаго непріятеля, привели въ крайнее замѣшательство его колонны и заняли высоту съ самаго начала сраженія упорно защищаемую“.

(14) Fain. II. 24—25. — Chambray. II. 65—66. Шамбрè говоритъ, что Ней послалъ просить о подкрѣпленіи позже, именно — уже по прибытіи Баггевута на лѣвое крыло нашей позиціи.

(15) Извлечено изъ „Исторіи гвардейской артиллеріи, составленной Ратчемъ“ (рукопись).

(16) Bernhardi. II. 78. — Подлинныя записки Толя.

(17) Pelet. Bataille de la Moscowa.

(18) Подлинныя записки Толя. — Boutourlin. I. 330—331. Bernhardi. II. 80.

(19) Bernhardi. II. 81.

(20) Bernhardi. II. 88—92. — Beitzke. 203—206. — Рапортъ генералу Коновницыну полковника Удома, отъ 31-го августа, за № 462-мъ.

(21) Подлинныя записки Толя. Рапорты командовавшихъ полками: Литовскимъ полковника Удома и Измайловскимъ полковника Кутузова. (В.-Т. Депо № 29,177). Исторія гвардейской артиллеріи, составленная Ратчемъ (рукопись). – Историческое обозрѣніе Л.-Гв. Измайловскаго полка.

(22) Chambray. 66—67. — Bernhardi. II. 89—92. — Schreckenstein. 51—73. — Исторія гвардейской артиллеріи, составленная Ратчемъ.

(23) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (сост. Барклаемъ де-Толли).

(24) Hofmann. 53. — Bernhardi. II. 94.

(25) Hofmann. 52—53 и 58. — Bernhardi. II. 73. Коновницынъ, въ рапортѣ къ князю Кутузову, писалъ, что Тучковъ 1-й отступилъ къ кургану еще прежде атаки на него и что на курганѣ были поставлены шесть орудій роты полковника Глухова.

(26) Рапортъ Дохтурову Раевскаго отъ 11-го сентября, за № 280-мъ.—Письмо Раевскаго къ генералу Жомини о Бородинскомъ сраженіи. — У Бернгарди сказано, что Паскевичъ, которому была ввѣрена непосредственная оборона редута, за-

нялъ Полтавскимъ полкомъ ровъ впереди батареи; прочіе же полки стояли: Нижегородскій и Орловскій правѣе, а Ладожскій лѣвѣе батареи; 18-й егерскій (4-го корпуса), а равно 19-й и 40-й (6-го корпуса) въ резервѣ. Наконецъ — егерскіе полки 7-го корпуса обороняли подошву кургана.

(27) Hofmann. 51—52. — Bernhardi. II. 84—85. — Fain. II. 25. — Thiers. XIV. 362—363.

(28) Рапортъ Барклаю де-Толли генералъ-маіора Ермолова, отъ 20-го сентября, за № 151-мъ.—Рапортъ Дохтурову генералъ-лейтенанта Раевскаго, отъ 11-го сентября за № 280-мъ. Описаніе дѣйствій 7-го пѣхотнаго корпуса, въ письмѣ Раевскаго къ генералу Жомини. — Chambray. II. 68. — Thiers. XIV. 367—369. — Bernhardi. II. 86—87. — Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Барклай де-Толли). — Рапортъ Барклая де-Толли о Бородинскомъ сраженіи. — Записки Крейца.

(29) Въ рукописи Принца Евгенія Виртембергскаго, подъ заглавіемъ: Extrait de mon journal militaire des campagnes de 1812, 13 et 14. (В. Т. Депо № 47,344), показано, будто бы Принцъ получилъ приказаніе Барклая въ десять часовъ.

(30) Extrait de mon journal militaire. etc. (Принца Евгенія Виртембергскаго).

(31) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland, v. dem Herzog Eugen v. Würtemberg. 80—84. Extrait de mon journal militaire (Принца Евгенія Виртембергскаго).

(32) Подлинныя записки Толя. — Herzog Eugen v. Würtemberg. Extrait de mon journal militaire.—Bernhardi. II. 81—82. — Soltyk. 227—228.—Chambray. II. 63.

(33) Генералъ Клаузевицъ полагаетъ (§ 152), что нападеніе совершенное Уваровымъ было предпринято подъ вліяніемъ преувеличеннаго понятія объ успѣхахъ одержанныхъ нашими войсками, при обратномъ взятіи ими батареи Раевскаго, и извѣстія о взятіи въ плѣнъ короля неаполитанскаго (Мюрата). Но, въ такомъ случаѣ, Уваровъ не могъ бы переправиться черезъ Колочу ранѣе двухъ часовъ по полудни. — Бернгарди говоритъ (II. 74—75), будто бы извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Мюрата пришло къ Кутузову съ лѣваго нашего крыла. Въ дѣйствительности же Кутузовъ вовсе не имѣлъ въ виду вести рѣшительную атаку корпусомъ Уварова, и это убѣдительно доказывается рапортомъ самаго Уварова, гдѣ онъ пишетъ:

Въ день сраженія, на поздпія времена незабвеннаго, 26-го августа 1812 года, самимъ главнокомандующимъ всѣхъ армій, Свѣтлѣйшимъ Княземъ, лично былъ посланъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ перейти рѣчку и атаковать лѣвый непріятельскій флангъ, *съ тѣмъ, чтобы хотя нѣсколько оттянуть его силы, которыя столь сильно стремились атаковать вторую нашу армію, находившуюся на лѣвомъ флангѣ позиціи. Получивъ такое повелѣніе*, и проч. (Рапортъ Барклаю де-Толли генералъ-лейтенанта Уварова, отъ 3-го сентября 1812 года. Военно-Топ. Депо № 29,177).

([34]) Chambray. II. 69. — Fain. II. 27.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIII-й.

(1) Fain. Manuscrit de 1812. II. 26—27. — Beitzke. 208—209.

(2) Рапортъ князю Кутузову генералъ-лейтенанта Уварова, отъ 27-го сентября 1812 года.

(3) Рапортъ генерала Уварова. О взятіи орудія нашими гусарами не упоминаетъ никто изъ иностранныхъ писателей, и даже не говоритъ о томъ генералъ Бутурлинъ. О войскахъ, временно посланныхъ на лѣвую сторону Колочи, пишетъ Шрекенштейнъ. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa. 37—38.

(4) Clausewitz. 155—159. Нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи изложено подробно въ сочиненіи Клаузевица, бывшаго оберъ-квартирмейстеромъ въ 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ. — Fain. II. 28. — Изъ числа казачьихъ войскъ, въ этомъ дѣлѣ участвовали полки: Иловайскаго 5-го, Грекова 18-го, подполковника Харитонова 7-го (который, по свидѣтельству самого Платова, „на всѣхъ ударахъ былъ впереди“), Денисова 7-го, Жирова, Власова 3-го, Симферопольскаго татарскаго и части Атаманскаго полка (рапортъ князю Кутузову генерала-отъ-кавалеріи Платова). — Schreckenstein. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa. 37—39.

(5) Beitzke. 207. — Pelet. — Schreckenstein. 38.

(6) Chambray. II. 70. — Thiers. XIV. 376.

(7) Подлинныя записки Толя. — Записки графа Никитина. Schreckenstein. 124.

(8) Hofmann. 61. — Bernhardi. II. 103—104. — Boutourlin. I. 342—343. — Schreckenstein. 84—124.

(9) Императоръ Александръ I-й и Его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Т. I. Жизнеописаніе Лихачева. Отправленный плѣннымъ во Францію, Лихачевъ умеръ на пути въ Кёнигсбергѣ.

(10) Thiers. XIV. 379—380. — Bernhardi II. 103. — Подвигъ Костенецкаго описанъ въ сочиненіи: Императоръ Александръ I и сподвижники Его въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Т. I. Біографія генерала Костенецкаго. Тамъ-же находимъ, что удача этого рукопашнаго боя подала Костенецкому мысль предложить Императору Александру введеніе въ артиллеріи желѣзныхъ банниковъ, и что Государь сказалъ въ отвѣтъ: «желѣзные банники у Меня могутъ быть, но откуда взять Костенецкихъ, чтобы владѣть ими?»

(11) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (записка Барклая де-Толли).

(12) Исторія Кавалергардовъ и Кавалергардскаго полка. 88—90.

(13) Исторія Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка. II. 72. — Boutourlin. I. 344.

(14) Рапортъ Барклаю де-Толли генералъ-адъютанта Корфа, отъ 9-го сентября 1812 года. (Военно-Топографическаго Депо, № 29,177). — Подлинныя записки Толя. — Исторія гвардейской артиллеріи, составленная Ратчемъ.

(15) Изображеніе дѣйствій Первой арміи. — Донесеніе князю Кутузову Барклая де-Толли, отъ 26-го сентября. — Подлинныя записки Толя. — Рапортъ Барклаю де-Толли генералъ-адъютанта Корфа. — Chambray говоритъ: Cependant les Russes s'avançaient, mais lentement, accablés par le feu d'artillerie le plus violent qu'aucune troupe ait peut-être jamais essuyé. Leur cavalerie chargea les batteries à plusieurs reprises; quelques unes tombèrent même en son pouvoir, mais la cavalerie française, qui les soutenait, les reprit aussitôt. . . . . . (Между-тѣмъ Русскіе двигались впередъ, но медленно, поражаемые жесточайшимъ артиллерійскимъ огнемъ, какой когда-либо довелось выдержать

войскамъ. Ихъ кавалерія атаковала наши батареи нѣсколько разъ, и даже захватила нѣкоторыя изъ нихъ, но французская кавалерія, прикрывавшая орудія, отбила ихъ обратно). — Bernhardi. II. 104.

([16]) Донесеніе Кутузову Барклая де-Толли, отъ 26-го сентября. — Hofmann. 62—63. — Chambray. II. 66—67. — Въ офиціальныхъ нашихъ свѣдѣніяхъ и въ сочиненіи генерала Михайловскаго-Данилевскаго сказано, что въ концѣ сраженія наша боевая линія проходила отъ Горокъ къ селенію Семеновскому, въ которомъ будто бы удержались наши войска, и далѣе вверхъ по правому берегу Семеновки. Но, по единогласному свидѣтельству всѣхъ участниковъ боя на лѣвомъ крылѣ русской арміи, развалины Семеновскаго были нами оставлены еще около полудня. Самъ Бутурлинъ говоритъ: «въ девять часовъ (по полудни) непріятель предпринялъ въ послѣдній разъ нападеніе и, выступивъ изъ Семеновскаго, занялъ лѣсъ позади этого селенія, но былъ выбитъ оттуда гвардейскимъ Финляндскимъ полкомъ, который ударилъ въ штыки и отбросилъ непріятеля къ селенію.» Boutourlin. I. 345—346.

([17]) Clausewitz. 158—159.

([18]) Журналъ Принца Евгенія Виртембергскаго (рукопись, Военно-Топографическаго Депо № 47,344). — Hofmann. 64—65. — Soltyk. 238—239.

([19]) Hofmann. 65.

([20]) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Барклай де-Толли). Hofmann. 62—63. Въ рапортѣ генералу-отъ-инфантеріи Дохтурову генерала Раевскаго, отъ 11-го сентября, за № 280-мъ, сказано: «генералъ-маіоръ Васильчиковъ, собравъ разсѣянные «остатки 12-й и 27-й дивизій и съ Литовскимъ гвардейскимъ «полкомъ, удерживалъ до вечера важную высоту на лѣвой око-«нечности нашей линіи. . . . . . »

([21]) Ségur. I. 415—416. — Gourgaud. Examen critique de l'ouvrage de M. le comte de Ségur. — Pelet. Bataille de la Moskowa. — Bernhardi. II. 106.

([22]) Bernhardi. II. 106.

([23]) Wolzogen. Memoiren. 145—146.—Bernhardi. II. 107—109. Изъ рѣшительныхъ приготовленій Барклая де-Толли къ возобновленію боя и изъ всего сказаннаго Барклаемъ (Изображеніе дѣйствій Первой арміи) оказывается, что Вольцогенъ,

объясняя князю Кутузову состояніе нашей арміи, увлекся пылкостью воображенія и донесъ главнокомандующему совершенно противное тому, что поручено было ему Барклаемъ. Въ запискахъ Раевскаго сказано: „N'ayant rien à faire dans ce moment j'allais le trouver (le Prince Koutousoff). Nous conservions nos positions, le feu de l'ennemi se ralentissait, mais notre artillerie manquait de cartouches. J'allais lui presenter l'état des choses; il me reçut avec d'autant plus de bonté, qu'un moment avant moi quelqu'un lui avait presenté les affaires sous un mauvais point de vue. Il faut que je dise qu'étant encore lieutenant j'avais fait mes premières armes dans la guerre de Turquie du tems du maréchal Prince Potemkine près de la personne du Prince Koutousoff. Il me concervoit un souvenir favorable; il me dit: „vous pensez donc que nous ne sommes pas obligés de nous retirer.“ Je lui repondis que „tout au contraire il fallait attaquer l'ennemi le lendemain; que dans les affaires indécises c'était toujours le plus opiniâtre qui restait victorieux“. Ce n'était pas une bravade de ma part; je me trompais peut-être, mais je pensais ainsi dans le moment où je parlais. Le Prince Koutousoff dicta de suite, en présence du P-ce Alexandre de Würtemberg, un ordre à son aide-de-camp Kaissaroff sur l'attaque du lendemain et m'ordonna en attendant de le porter de bouche au général Doctoroff. Je courus le remplir et allais l'annoncer à toutes nos lignes, connaissant parfaitement l'effet qu'il produirait sur l'esprit du soldat“. (Оставаясь на то время безъ дѣла, я отправился къ князю Кутузову. Мы удерживались въ занятомъ нами расположеніи; непріятельскій огонь утихалъ, но въ нашей артиллеріи оказался недостатокъ въ зарядахъ. Я изложилъ Кутузову положеніе дѣла, и онъ меня принялъ тѣмъ съ бóльшею благосклонностью, что только-лишь предъ тѣмъ ему донесено было о послѣдствіяхъ сраженія съ весьма невыгодной точки зрѣнія. Должно замѣтить, что, будучи еще въ поручичьемъ чинѣ, я сдѣлалъ свою первую кампанію въ турецкую войну подъ главнымъ начальствомъ князя Потемкина, при Кутузовѣ, который съ тѣхъ поръ получилъ о мнѣ хорошее мнѣніе. „И такъ вы полагаете — сказалъ онъ мнѣ, — что намъ не нужно отступать“. Я отвѣчалъ, что — „напротивъ того, „слѣдовало атаковать непріятеля на слѣдующій день, и что „въ сраженіяхъ не имѣющихъ рѣшительныхъ послѣдствій, на-

„стойчивость всегда доставляетъ побѣду.“ Это было сказано мною не изъ хвастовства: быть-можетъ, я ошибался, но говорилъ согласно съ моимъ убѣжденіемъ. Князь Кутузовъ тогда же продиктовалъ состоявшему при немъ въ должности дежурнаго генерала Кайсарову, въ присутствіи принца Александра Виртембергскаго, диспозицію къ предстоявшему сраженію и приказалъ мнѣ, въ ожиданіи ея, сообщить о томъ словесно генералу Дохтурову. Я поспѣшилъ исполнить это повелѣніе и далъ знать о томъ всѣмъ войскамъ, будучи увѣренъ, что такая вѣсть должна была оказать вліяніе на духъ солдатъ).“

(24) Исторія гвардейской артиллеріи, составленная Ратчемъ.

(25) Bernhardi. II. 109—110. — Hofmann. 66.

(26) „Я предписалъ рекогносцировку, дабы узнать, занимаетъ ли еще непріятель высоту центра; на оной найдены только небольшія команды, готовившіяся отступать. Вслѣдствіе того поручилъ я генералу Милорадовичу занять сію высоту на разсвѣтъ нѣсколькими баталіонами и одною батареею“ (Изображеніе дѣйствій Первой арміи).

(27) Hofmann. 66. — Вѣдомость о потеряхъ Первой арміи въ сраженіяхъ, подписанная дежурнымъ генераломъ Кикинымъ.

(28) Князь Багратіонъ былъ перевезенъ въ Москву, а оттуда въ село Симы, Владимірской губерніи, Александровскаго уѣзда, гдѣ и скончался, въ жестокихъ страданіяхъ, 12-го сентября. Незадолго до смерти своей, онъ имѣлъ утѣшеніе получить слѣдующій Рескриптъ: „Князь Петръ Ивановичъ. Съ удовольствіемъ внимая о подвигахъ и усердной службѣ вашей, весьма опечаленъ Я былъ полученною вами раною, отвлекающею васъ на время съ поля брани, гдѣ присутствіе ваше при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ столь нужно и полезно. Желаю и надѣюсь, что Богъ подастъ вамъ скорое облегченіе для украшенія дѣяній вашихъ новою честію и славою. Между-тѣмъ, не въ награду заслугъ вашихъ, которая въ непродолжительномъ времени вамъ доставится, но въ нѣкоторое пособіе состоянію вашему, жалую вамъ единовременно пятьдесятъ тысячъ рублей. Пребываю вамъ благосклонный.“

„Александръ.“

С.-Петербургъ.
Августа 31-го дня 1812 г.

([29]) Убиты и смертельно ранены: князь Багратіонъ, Тучковы 1-й и 4-й, графъ Кутайсовъ; ранены, либо сильно контужены: Ермоловъ, графъ Остерманъ, Принцъ Карлъ Мекленбургскій, Сенъ-При, князь Горчаковъ, Бахметьевъ 1-й и Бахметьевъ 2-й, Невѣровскій, графъ Воронцовъ, Лихачевъ, Ставицкій, Кернъ, де-Росси, Шрейдеръ, Мацневъ, графъ Ивеличъ, Цыбульскій, Алексополь.

([30]) B. Denniée. 80—81.—Segur. II. 28.—Thiers. XIV. 386.

([31]) Изъ числа бригадныхъ генераловъ, выбывшихъ изъ строя, убиты: Ромёфъ, Ланаберъ, Маріонъ, Комперъ, Гюаръ, Плозоннъ, Дамасъ, Бессьеръ и Жераръ; ранены: Гратіенъ, Бонами, Бойè, Дюпеленъ, Тестъ, Генгу, Мурьè, Альмерасъ, Бульдьё, Гюйонъ, Гильеминò, Красинскій, Борстель, Кепò, Руссель, Сюбервикъ, Бюртъ, Шуаръ, Домманжè, Лакруа, Тери, Бордесу (Bordesoult) и Леппель.

([32]) Подлинныя записки Толя. — Chambray. II. 75—76.

([33]) Beitzke. 214. — Свѣдѣнія о событіяхъ въ 1812 году, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ московской губерніи.

([34]) „Quant à l'énorme consommation de poudre, les états remis par. M. le général comte de Lariboissière, premier inspecteur-général de l'artillerie, attestent qu'il a été tiré 60,000 coups de canon et brulé 1,400,000 cartouches dans la journée du 7 septembre. Or, la bataille, ayant duré environ dix heures (?), c'est par minute 100 coups de canon et 2,300 coups de fusil, sans parler du feu des Russes"...... Denniée. 80—81. [Что касается до огромной растраты пороха, то по вѣдомости, представленной генералъ-инспекторомъ артиллеріи, графомъ Ларибуасьèромъ, значится, что 7-го сентября (26-го августа) было сдѣлано 60,000 пушечныхъ и 1.400,000 ружейныхъ выстрѣловъ, слѣдовательно, около 100 пушечныхъ и 2,300 ружейныхъ выстрѣловъ въ минуту, не говоря объ огнѣ Русскихъ]. — „L'artillerie française tira dans cette bataille quatre vingt onze mille et quelques cents coups de canon". Gourgaud...... (Французская артиллерія сдѣлала въ этомъ сраженіи болѣе девяносто одной тысячи пушечныхъ высрѣловъ). — Въ одной изъ вѣдомостей, поданныхъ Наполеону, находимъ, что въ Бородинскомъ сраженіи было выпущено 43,578 артиллерійскихъ зарядовъ и болѣе двухъ милліоновъ патроновъ. Артиллер. Журналъ. 1859. II.

(35) Bernhardi. II. 112—114. — Бернгарди говоритъ, что силы Наполеоновой арміи, послѣ сраженія при Бородинѣ, простирались до девяноста тысячъ человѣкъ. Въ такомъ случаѣ непріятель потерялъ въ этомъ сраженіи не менѣе тридцати трехъ тысячъ человѣкъ.

(36) Pelet. Bataille de la Moskowa.

Донесенія о Бородинскомъ сраженіи.

1.

Его Свѣтлости, Главнокомандующему всѣхъ армій, Господину Генералъ-Фельдмаршалу и кавалеру князю Голенищеву-Кутузову,

генерала Барклая де-Толли,

РАПОРТЪ.

24-го числа, по полудни, войска ввѣренной мнѣ арміи, находившіяся въ аррьергардѣ, будучи сильно преслѣдованы непріятелемъ, отступили въ позицію и присоединились къ своимъ корпусамъ. Переправа ихъ чрезъ Москву-рѣку (*) была обезпечена Лейбъ-Гвардіи Егерскимъ полкомъ, занявшимъ деревню Бородино и батареею на правомъ берегу сей рѣки устроенною.

Иррегулярныя войска ввѣренной мнѣ арміи остались на лѣвомъ берегу сей рѣки для наблюденія и прикрытія праваго фланга, и въ сей день, а равно и 25-го числа, препятствовали непріятелю распространиться своею позиціею въ сію сторону.

(*) Калочу?

Непріятель 24-го числа дѣлалъ неоднократно усилія овладѣть деревнею Бородино, но каждый разъ былъ остановленъ въ семъ предпріятіи храбрыми Л.-Гв. Егерскимъ и Елисаветградскимъ гусарскимъ полками. Сей послѣдній полкъ, подъ начальствомъ храбраго своего шефа генералъ-маіора Всеволодскаго, невзирая на сильное непріятельское нападеніе и дѣйствіе его артиллеріи, удерживалъ свою позицію и тѣмъ выполнилъ въ точности данное ему отъ меня приказаніе, — держаться, сколько бы ни стоило ему, до самой ночи, пока не усиленъ будетъ тремя казачьими полками, обратно ожидаемыми съ лѣваго фланга 2-й арміи.

Того же 24-го числа, ввечеру, 3-й корпусъ, составляющій часть резерва 1-й арміи, получилъ отъ Вашей Свѣтлости повелѣніе слѣдовать на лѣвый флангъ 2-й арміи и прикрывать оный отъ усиливающагося по старой смоленской дорогѣ непріятеля.

25-го числа, кромѣ маловажныхъ перепалокъ, въ коихъ взято было нѣсколько плѣнныхъ, ничего важнаго не происходило. Непріятель противъ деревни Бородина укрѣпился шанцами. 26-го числа, по утру до свѣта, получено донесеніе командира Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка полковника Бистрома, что замѣчено движеніе въ непріятельской позиціи противъ деревни Бородина и въ скорости послѣ сего непріятель атаковалъ превосходными силами сію деревню и принудилъ Л.-Гв. Егерскій полкъ оставить деревню и поспѣшно ретироваться черезъ мостъ, который и сжечь не успѣлъ. Непріятель перешелъ вслѣдъ за симъ полкомъ и началъ крѣпко усиливаться.

Я приказалъ полковнику Вуичу, начальнику егерской бригады 24-й дивизіи, атаковать сего непріятеля въ правый флангъ. Сей храбрый офицеръ ударилъ въ штыки, и вмигъ перешедшій на нашъ берегъ непріятель былъ опрокинутъ. Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ присоединился къ сей бригадѣ и прогналъ непріятеля опять за рѣку; мостъ же сожгли до основанія, невзирая на сильный огонь непріятельскій.

Между-тѣмъ на лѣвомъ флангѣ 2-й арміи продолжались сильная канонада и ружейный огонь, и центръ обѣихъ армій, то-есть курганъ, на коемъ поставлена была батарея, состоящая изъ 18 батарейныхъ орудій, подъ прикрытіемъ 26-й дивизіи, уже былъ атакованъ; князь Багратіонъ требовалъ подкрѣпленіе и остальная часть резерва 1-й арміи, т.-е. гвардейская пѣхотная дивизія на то обращена была. Вслѣдъ за оною по-

сланы были туда же весь 2-й пѣхотный корпусъ и три кирасирскіе полка 1-й кирасирской дивизіи. Къ полудни, 2-я армія, весь 8-й корпусъ и сводная гренадерская дивизія, потерявъ бо̀льшую часть своихъ генераловъ и лишившись самаго даже Главнокомандующаго своего, были опрокинуты, всѣ укрѣпленія лѣваго фланга взяты были непріятелемъ, который всѣми силами угрожалъ лѣвому нашему флангу и тылу 7-го и 6-го корпусовъ.

Въ семъ положеніи, рѣшился я поставить 4-й корпусъ, который по откомандированіи резервныхъ войскъ придвинутъ былъ съ праваго фланга, ближе къ центру, съ уступами на лѣвый флангъ 7-го корпуса, примыкая лѣвымъ своимъ флангомъ къ стоявшимъ тамъ Л.-Гв. Преображенскому и Семеновскому полкамъ и за сею линіею находились 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса.

Въ сей позиціи сіи войска стояли подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи; съ правой стороны отъ той части, которая дѣйствовала противъ центра арміи и вышепомянутаго кургана, и сія непріятельская артиллерія даже анфилировала нашу линію, а съ лѣвой стороны отъ той части, которая овладѣла всею позиціею 2-й арміи; но дабы сдѣлать преграду непріятельскимъ успѣхамъ и удерживать остальныя, нами еще занимаемыя мѣста, не можно было избѣгнуть сего неудобства, ибо въ противномъ случаѣ мы должны были бы оставить вышеупомянутый курганъ, который былъ ключъ всей нашей позиціи, и сіи храбрыя войска, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича и генералъ-лейтенанта графа Остермана, выдержали сей страшный огонь съ удивительнымъ мужествомъ.

Вскорѣ послѣ овладѣнія непріятелемъ всѣми укрѣпленіями лѣваго фланга, сдѣлалъ онъ, подъ прикрытіемъ сильнѣйшей канонады и перекрестнаго огня многочисленной его артиллеріи, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизіею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизію, но Начальникъ Главнаго Штаба 1-й арміи, генералъ-маіоръ Ермоловъ, съ обыкновенною своею рѣшительностію, взявъ одинъ только 3-й баталіонъ Уфимскаго полка, остановилъ бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко, батареи его дѣлали страшное

опустошеніе, но ни что не устояло. Вслѣдъ за означеннымъ баталіономъ послалъ я еще одинъ баталіонъ, чтобы правѣе сей батареи зайти непріятелю во флангъ, а на подкрѣпленіе имъ послалъ я Оренбургскій драгунскій полкъ еще правѣе, чтобы покрыть ихъ правый флангъ и врубиться въ непріятельскія колонны, кои слѣдовали на подкрѣпленіе атакующихъ его войскъ. 3-й баталіонъ Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились противъ нихъ прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе полки по лѣвую сторону оной, и въ четверть часа наказана дерзость непріятеля: батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты тѣлами непріятельскими. Бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ непріятелей снискавшихъ пощаду и непріятель преслѣдованъ былъ гораздо далѣе батареи. Генералъ-маіоръ Ермоловъ удержалъ оную съ малыми силами до прибытія 24-й дивизіи, которой я велѣлъ смѣнитъ разстроенную непріятельскою атакою 26-ю дивизію, прежде сего защищавшую батарею, и поручилъ сей постъ генералъ-маіору Лихачеву.

Во время сего происшествія, непріятельская конница, кирасиры и уланы, повели атаку на пѣхоту 4-го корпуса, но сія храбрая пѣхота встрѣтила оную съ удивительною твердостію, подпустила ее на 60 шаговъ, а потомъ открыла такой дѣятельный огонь, что непріятель совершенно былъ опрокинутъ и въ большомъ разстройствѣ искалъ спасеніе свое въ бѣгствѣ.

При семъ особенно отличились Перновскій пѣхотный и 34-й егерскій полки, коимъ въ каждую роту назначилъ по 3 знака отличія.

Сумскій и Маріупольскій гусарскіе, и за оными Иркутскій и Сибирскій драгунскіе полки преслѣдовали и гнали непріятеля до самыхъ его резервовъ, но будучи здѣсь приняты сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, принуждены были отступить. Непріятельская конница, получивъ подкрѣпленіе своихъ резервовъ, преслѣдовала нашу и прорвавшись сквозь интервалы нашихъ пѣхотныхъ кареевъ, зашла совершеннно въ тылъ 7-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій; но сія безподобная пѣхота, ни мало не разстроиваясь, приняла непріятеля сильнымъ и дѣятельнымъ огнемъ, и непріятель былъ разстроенъ. Между-тѣмъ кавалерія наша снова собралась и непріятель съ сего пункта уже совершенно былъ прогнанъ и отступилъ за свою пѣхо-

ту, такъ, что мы его совершенно изъ виду потеряли. Послѣ сего съ обѣихъ сторонъ дѣйствовала одна только артиллерія и на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса и гвардейской дивизіи, продолжалась перестрѣлка между тиральерами. Можно было замѣтить, что непріятель приготовился сдѣлать еще разъ рѣшительную атаку; онъ подвинулъ опять впередъ свою конницу и сформировалъ разныя колонны. Я предвидѣлъ, что конница нашихъ 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, потерпѣвши много въ прежнихъ атакахъ, не будетъ въ состояніи противостоять новому столь сильному удару и потому послалъ за 1-ю кирасирскою дивизіею, которая однакоже, по несчастію, не знаю кѣмъ отослана была на лѣвый флангъ, и адъютантъ мой не нашелъ оную на томъ мѣстѣ, гдѣ я предполагалъ ей быть. Онъ достигъ Л.-Гв. Кавалергардскій и Конный полки, которые на рысяхъ поспѣшили ко мнѣ: но непріятель успѣлъ между-тѣмъ совершить свое намѣреніе: непріятельская конница врубилась въ пѣхоту 24-й дивизіи, которая поставлена была для прикрытія батареи на курганѣ, а съ другой стороны сильныя непріятельскія колонны штурмовали сей курганъ и овладѣли онымъ. Послѣ сего уже вся непріятельская конница обратилась на пѣхоту 4-го корпуса и 7-й дивизіи, но была на семъ мѣстѣ встрѣчена Конно-гвардейскимъ и Кавалергардскимъ полками и остановлена въ своихъ предпріятіяхъ; между-тѣмъ присоединились къ симъ двумъ полкамъ Псковскій драгунскій полкъ и остальные полки 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, и тутъ продолжалась жестокая кавалерійская битва, которая кончилась тѣмъ, что непріятельская конница къ 5-ти часамъ совершенно была опрокинута и отступила вовсе изъ вида нашего, а войска наши удержали свои мѣста, исключая кургана, который остался въ рукахъ непріятеля. Непріятельская пѣхота еще оставалась въ виду нашей, но къ вечеру, когда стало смеркаться, скрылась. Канонада продолжалась до самой ночи, но по бо́льшей части съ нашей стороны и къ немалому урону непріятеля; а непріятельская артиллерія, будучи совершенно разбита, даже совсѣмъ умолкла къ вечеру. Втеченіи всѣхъ сихъ происшествій, оставались на крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ 4 егерскихъ полка и нѣсколько артиллеріи, подъ командою полковника Потемкина, которымъ я къ вечеру велѣлъ

примкнуть къ 7-й дивизіи. 1-й кавалерійскій корпусъ Вашею Свѣтлостію отряженъ былъ на лѣвый берегъ Москвы-рѣки (*) и дѣйствовалъ на ономъ обще съ иррегулярными войсками подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Платова.

Рапортъ генералъ - лейтенанта Уварова о дѣйствіи сихъ войскъ въ оригиналѣ уже прежде сего имѣлъ честь представить Вашей Свѣтлости.

Послѣ окончанія сраженія, замѣтивъ, что непріятель началъ оттягивать свои войска отъ занятыхъ имъ мѣстъ, приказалъ я занять слѣдующую позицію: правый флангъ 6-го корпуса примкнулъ къ высотѣ у деревни Горки, на которой устроена была батарея изъ 10-ти батарейныхъ орудій, и на коей сверхъ того предполагалось устроить ночью сомкнутый редутъ. Лѣвый флангъ сего корпуса взялъ направленіе къ тому пункту, гдѣ стоялъ правый флангъ 4-го корпуса.

Генералу Дохторову, который послѣдовалъ князю Багратіону въ командованіи, поручено было собрать пѣхоту 2-й арміи, устроить ее на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса и занять интервалъ между симъ корпусомъ и войсками генералъ-лейтенанта Баггевута, который со 2-мъ и 3-мъ корпусами находился на крайнемъ лѣвомъ флангѣ и къ вечеру занялъ опять всѣ тѣ мѣста, которыя имъ поутру заняты были.

Кавалерійскимъ корпусамъ приказано было стать за сею линіею. За оными назначено было въ резервѣ противъ центра быть гвардейской пѣхотной дивизіи, а за оною кирасирскимъ дивизіямъ. Генералу-отъ-инфантеріи Милорадовичу поручилъ я предъ разсвѣтомъ снова занять курганъ, противъ центра лежащій, нѣсколькими баталіонами и артиллеріею.

Въ полночь же получилъ я повелѣніе Вашей Свѣтлости къ отступленію.

При семъ честь имѣю представить вѣдомость о потерѣ нашей въ сей кровопролитный день, и списки всѣмъ отличившимся чиновникамъ, представленные ко мнѣ отъ корпусныхъ командировъ.

Калуга.

Сентября 26 дня 1812 года.

(*) Калочи?

2.

Г. Главнокомандующему 1-ю арміею генералу Барклаю-де Толли,

генералъ-маіора Ермолова,

РАПОРТЪ.

Августа 26-го дня, занятъ будучи исполненіемъ порученій Вашего Высокопревосходительства и собственно по званію моему разными распоряженіями, около полудня былъ я Его Свѣтлостію посланъ на лѣвый флангъ, осмотрѣть расположеніе артиллеріи и усилить оную по обстоятельствамъ. Проѣзжая центръ арміи, я увидѣлъ укрѣпленную высоту, на коей стояла батарея изъ 18-ти орудій, составлявшая правое 2-й арміи крыло, въ рукахъ непріятеля, въ большихъ уже силахъ на ней гнѣздившагося. Батареи непріятеля господствовали уже окрестностію сея высоты и съ обѣихъ ея сторонъ спѣшили колонны распространить пріобрѣтенные имъ успѣхи. Стрѣлки наши во многихъ толпахъ не только безъ устройства, но уже и безъ обороны бѣжавшіе, приведенные въ совершенное замѣшательство и отступающіе не стройно 18-й, 19-й и 40-й егерскіе полки дали непріятелю утвердиться. Высота сія, повелѣвавшая всѣмъ пространствомъ, на коемъ устроены были обѣ арміи; 18 орудій доставшихся непріятелю были слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ, чтобы не испытать, возвратить сдѣланную потерю. Я предпринялъ оное. Нужна была дерзость и мое счастіе, и я успѣлъ. Взявъ одинъ только 3-й баталіонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка, остановилъ я бѣгущихъ и толпою въ образъ колонны ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко, батареи его дѣлали страшное опустошеніе, но ни что не устояло. 3-й баталіонъ Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе полки по лѣвую сторону оной, и въ четверть часа наказана дерзость непріятеля: батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты тѣлами и бригадный генералъ Бонами былъ

одинъ изъ непріятелей, сыскавшій пощаду. Непріятель преслѣдованъ гораздо далѣе батареи. Но смѣшавшіеся полки, болѣе прежняго умножившійся безпорядокъ, а паче превосходныя непріятеля вблизи силы, шедшія въ подкрѣпленіе своимъ, заставили меня отозвать преслѣдующихъ. Съ трудомъ могъ я заставить устроить людей въ колонны, ибо одинъ порядокъ могъ удержать батарею повсюду угрожаемую, пока Ваше Высокопревосходительство прислать изволили полки 6-го корпуса.

Я нашелъ 18 орудій и на всей батареѣ—два заряда картечь. Два раза перемѣнилъ большую часть артиллеріи. Офицеры и прислуга при орудіяхъ были побиты и, наконецъ, употребляя людей отъ баталіона Уфимскаго полка, удержалъ непріятеля сильныя покушенія въ продолженіе полутора часовъ. Вызвалъ начальника 24-й дивизіи генералъ-маіора Лихачева и сдавъ ему батарею, готовъ будучи отправиться на лѣвый флангъ, былъ раненъ въ шею.

Овладѣніе сею батареею принадлежитъ рѣшительности и мужеству чиновниковъ и необычайной храбрости солдатъ. Представляя имена сихъ храбрыхъ, я исполняю обязанность мою. Испрашивая вознагражденія ихъ, я испрашиваю должнаго уваженія къ отличнымъ ихъ заслугамъ.

У сего имѣю честь представить списокъ отличившихся и склоняя благосклонное Вашего Высокопревосходительства, яко начальника, вниманіе, особенно обращаю оное на командира 3-го баталіона Уфимскаго пѣхотнаго полка маіора Демидова, командира 18-го егерскаго полка подполковника Чистякова и адъютанта покойнаго генералъ-маіора графа Кутайсова, поручика Поздѣева, всѣхъ какъ отличнѣйшихъ и достойнѣйшихъ офицеровъ, а Поздѣева, какъ примѣрнаго офицера, который до конца сраженія начальствовалъ батареею.

№ 152.

Сентября 20-го дня 1812 года.

3.

Господину Генералу-отъ-Инфантеріи, главнокомандующему 1-й арміи и кавалеру Барклаю-де-Толли,

начальника 1-го кавалерійскаго корпуса генералъ-лейтенанта Уварова,

РАПОРТЪ.

Въ день сраженія, на поздпія времена незабвеннаго 26-го августа 1812 года, самимъ главнокомандующимъ всѣхъ армій, Свѣтлѣйшимъ Княземъ лично былъ посланъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ перейти рѣчку (*) и атаковать непріятельскій лѣвый флангъ, съ тѣмъ, чтобы хотя нѣсколько оттянуть его силы, которыя столь сильно стремились атаковать Вторую нашу армію, находившуюся на лѣвомъ флангѣ позиціи. Получивъ такое повелѣніе, перешелъ рѣчку, повелъ атаку на непріятеля Елисаветградскими гусарами и Л.-Гв. казаками, подкрѣпляя Л.-Гв. полками: драгунскимъ, уланскимъ и гусарскимъ, и Нѣжинскими драгунами, несмотря на невыгодное мѣстоположеніе, ибо нужно было переходить черезъ глубокій оврагъ и рѣчку и, поднявшись, тотчасъ встрѣтить непріятеля; на лѣвой же сторонѣ деревня, а на правой лѣсъ были заняты непріятельскою пѣхотою, но невзирая на оное, атака была учинена въ виду всей арміи съ неожиданнымъ успѣхомъ; по встрѣчѣ непріятель былъ опрокинутъ, батарея едва успѣла уйти, изъ которой два орудія были отбиты Елисаветградскими гусарами; ежели бы не таковое невыгодное мѣсто, то были бы увезены непремѣнно; непріятель былъ преслѣдываемъ съ большимъ урономъ и потому вынужденъ былъ взять часть силъ съ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ атаковалъ столь сильно нашу позицію; за симъ непріятель, получивъ на сей пунктъ таковое подкрѣпленіе, старался всячески меня вытѣснить съ занятаго тогда мною мѣста, употребляя на сіе кавалерію, пѣхоту, и поставя на высотахъ батареи; но сколько ни усиливался, въ этомъ не успѣлъ; тотчасъ увидѣвъ я, что пѣхота не-

(*) Калочу.

пріятельская стремилась перейти рѣчку и напасть на оставшуюся нашу пѣхоту на правомъ флангѣ позиціи, я рѣшился и эту атаковать гусарами, хотя должно признаться, что, по невыгодному мѣсту для кавалеріи, совершеннаго успѣха эта атака не имѣла, но, однакожь, намѣреніе непріятеля было опровергнуто, и сія пѣхота непріятеля во все продолженіе времени оставалась безъ дѣйствія; за симъ получивъ повелѣніе, какъ отъ Свѣтлѣйшаго, такъ и отъ Вашего Высокопревосходительства, ежели не буду въ силахъ сопротивляться непріятелю, такъ отступить и перейти за рѣчку, но какъ еще видѣлъ средства держаться на своемъ мѣстѣ, давая видъ непріятелю моими движеніями, что будто-бы предпринимаю его еще атаковать, продержался, несмотря на превосходное число непріятеля до тѣхъ поръ, покуда уже вы изволили рѣшительно приказать перейти на позицію.

За симъ обязанностію поставляю отдать справедливость полкамъ и конно-артиллерійской ротѣ подполковника Геринга, которая дѣйствовала во все время съ большимъ успѣхомъ и даже подбивала орудія непріятеля. Представляю Вашему Начальническому вниманію; а о уронѣ и отличившихся за симъ донести честь имѣть буду.

Сентября 3 дня, 1812 года.

4.

Главнокомандующему 1-й Западной арміи, господину Генералу-отъ-Инфантеріи и кавалеру Барклаю де-Толли,

генералъ-адъютанта барона Корфа,

РАПОРТЪ.

Во время сраженія сего августа 26-го числа, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса, подъ командой моей находящіеся, были

расположены за 4-мъ и 6-мъ корпусами; когда же около полудня непріятель обратилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи, то, вслѣдствіе повелѣнія Вашего Высокопревосходительства, отрядилъ я Сумскій и Маріупольскій гусарскіе, Курляндскій и Оренбургскій драгунскіе полки, подъ командою генералъ-маіора Дорохова, для подкрѣпленія лѣваго крыла. Генералъ-маіоръ Дороховъ, съ оными полками, сблизясь къ ретраншаментамъ и къ пѣхотѣ, нашелъ, что непріятельская кавалерія въ превосходствѣ начинала окружать нашу пѣхоту и батареи; выстроясь немедля, ударилъ онъ поспѣшно съ Оренбургскимъ драгунскимъ полкомъ въ средину, а съ Маріупольскимъ гусарскимъ и Курляндскимъ драгунскимъ во флангъ непріятельской кавалеріи, которая быстротой сей атаки была опрокинута и прогнана до самыхъ ихъ батарей. Здѣсь резервы непріятеля, подкрѣпя бѣгущихъ, остановили нашу кавалерію, почему генералъ-маіоръ Дороховъ сблизилъ немедля бывшій въ резервѣ Сумскій гусарскій полкъ и, отозвавъ прочіе полки апелью, устроилъ вторично корпусъ въ двѣ линіи и наступающую непріятельскую конницу еще разъ атаковалъ и прогналъ. При семъ случаѣ Сумскій гусарскій полкъ спасъ восемь нашихъ орудій, которыя нашими совсѣмъ были оставлены. Сибирскій и Иркутскій драгунскіе полки между-тѣмъ были поставлены для прикрытія большой батареи, передъ центромъ нашимъ находящейся; они отъ 8-ми часовъ утра до полудня стояли подъ жесточайшимъ пушечнымъ огнемъ, и когда въ сіе время сильная колонна непріятельской кавалеріи и пѣхоты старалась овладѣть оною батареею, то сіи полки, ударивъ стремительно на непріятеля, опрокинули его и тѣмъ способствовали къ удержанію мѣста. Въ третьемъ часу по полудни, непріятель, направляя всѣ свои покушенія на центръ нашей арміи, зачалъ тѣснить нашу пѣхоту, и тогда я, по повелѣнію Вашего Высокопревосходительства, со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ поспѣшилъ туда для подкрѣпленія онаго пункта. При приходѣ моемъ на сіе мѣсто увидѣлъ я, что непріятель, имѣвъ въ срединѣ сильную колонну пѣхоты, слѣва кирасиръ и карабинеръ, а вправо конныхъ гренадеръ, подъ прикрытіемъ батарей, сильно наступалъ на нашу пѣхоту, тамъ находящуюся, и стремленіемъ своимъ принудилъ нашихъ стрѣлковъ отступить въ безпорядкѣ. Я тотчасъ приказалъ Изюм-

скому гусарскому и Польскому уланскому полкамъ, подъ командою генералъ-маiора Панчулидзева 2-го, идти рысью впередъ, и, выстроясь, ударить на непрiятельскихъ карабинеръ и кирасиръ; но сiи полки не успѣли еще выстроиться, когда сами были атакованы непрiятелемъ и чрезъ то приведены въ безпорядокъ. При семъ случаѣ долгомъ почитаю упомянуть о моихъ адъютантахъ и оберъ-квартирмейстерѣ капитанѣ Шубертѣ, которые мнѣ вспомоществовали удержать и опять выстроить приведенные въ разстройство кавалерiйскiе полки; особливо при семъ отличились: адъютантъ мой капитанъ Яковлевъ и Изюмскаго гусарскаго полка ротмистръ Лошкаревъ, которые, собравъ эскадронъ сего полка, тотчасъ опять ударили на непрiятеля. Наконецъ, успѣвъ опять выстроить сiи два полка, они остановили быстрое стремленiе непрiятельскихъ кирасиръ и карабинеръ, и тѣмъ дали время нашей пѣхотѣ, которая также была въ безпорядкѣ, выстроиться и двинуться впередъ; а тѣмъ временемъ приказалъ я Псковскому драгунскому полку идти правѣе впереди, а Московскому драгунскому — стать назади въ резервъ. Полковникъ Зассъ, командующiй Псковскимъ полкомъ, увидя, что непрiятельская пѣхота и конные гренадеры стремительно подавались впередъ и тѣмъ угрожали правому флангу Изюмскаго гусарскаго и Польскаго уланскаго полковъ, кои еще не были устроены, пошелъ на сiю непрiятельскую конницу рысью, атаковалъ и несмотря на превосходство силъ, опрокинулъ и привелъ въ бѣгство. Послѣ сей атаки полковникъ Зассъ собралъ полкъ апелью, подъ самыми выстрѣлами непрiятеля, что̀ исполнилось весьма удачно и съ большимъ порядкомъ. Желательно-бъ было, чтобъ каждый кавалерiйскiй полкъ исполнялъ свое дѣло такъ отлично. Между-тѣмъ непрiятельская кавалерiя, бывшая въ резервѣ, приближалась, и тогда полковникъ Зассъ вторично шелъ въ атаку съ своимъ полкомъ, опрокинулъ также сiю кавалерiю и врубился въ лѣвый флангъ непрiятельской пѣхоты, которая обратила весь свой огонь противъ онаго полка; въ это самое время адъютантъ Его Высочества полковникъ князь Кудашевъ привелъ 4 орудiя гвардейской конной артиллерiи, которыя тотчасъ сдѣлали нѣсколько весьма удачныхъ выстрѣловъ картечью, такъ-что сiя колонна принуждена была отступить. Послѣ сей послѣдней и сильнѣйшей атаки, которая кончилась

*

около пяти часовъ, генералъ-маіоръ Дороховъ съ своей кавалеріей уже присоединился ко мнѣ и былъ мнѣ совершеннымъ помощникомъ къ удержанію мѣста. И непріятель послѣ сего не отважился болѣе атаковать, а только произвелъ сильнѣйшій картечный огонь по нашей конницѣ, которая однако стояла непоколебимо до самой ночи. Ваше Высокопревосходительство сами изволили быть очевидцемъ неустройства, въ которое уже была приведена наша пѣхота, и еслибъ кавалерія не остановила стремленіе непріятеля на семъ пунктѣ, то неминуемо бъ пѣхота была опрокинута, что̀ могло послужить ко вреду цѣлой арміи. Ваше Высокопревосходительство отдадите полную справедливость кавалеріи и не оставите безъ награжденія отличившихся офицеровъ, о коихъ при семъ честь имѣю приложить списокъ. Особенно же почитаю за долгъ рекомендовать Вашему Высокопревосходительству генералъ-маіора Дорохова, который, бывъ отряженъ съ четырьмя полками, во все время сраженія командовалъ съ большимъ отличіемъ, и полковника Засса, который съ своимъ полкомъ рѣшилъ отраженіе непріятеля. Еще смѣю просить у Вашего Высокопревосходительства, для поощренія нижнихъ чиновъ, пожаловать на каждый эскадронъ по пяти знаковъ Военнаго Ордена и на каждую конно-артиллерійскую роту по десяти, которые будутъ розданы отличнѣйшимъ и храбрѣйшимъ.

Сентября 9-го дня, 1812 года.

С. Красная-Пахра.

5.

Главнокомандующему 1-ю западною арміею, господину Генералу-отъ-Инфантеріи и кавалеру Барклаю де-Толли,

генералъ-маіора Бороздина,

РАПОРТЪ.

Въ сраженіи сего августа 26-го подъ деревнею Горки, по болѣзни дивизіоннаго командира, извѣстно Вашему Высоко-

превосходительству, что я имѣлъ честь командовать 1-ю кирасирскою дивизіею, составленною изъ полковъ: Кавалергардскаго, Л.-Гв. Коннаго, Лейбъ-Кирасирскихъ: Его Императорскаго Величества, Ея Императорскаго Величества и Астраханскаго кирасирскаго, равно и Л.-Гв. конноартиллерійской роты, которые спачала сраженія были раздѣлены, по приказанію Г. Командующаго кирасирскими полками генералъ-лейтенанта князя Голицына: три полка мною приведены на лѣвый флангъ, а Кавалергардскій и Л.-Гв. Конный, подъ командою генералъ-маіора Шевича, были на центрѣ; полки Кавалергардскій и Л.-Гв. Конный, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Шевича, зачали сей день, получа повелѣніе Вашего Высокопревосходительства, атакою на непріятеля, завладѣвшаго уже нашею батареею, съ которой опрокинувъ его, содѣйствовали къ спасенію батареи, истребивъ бо́льшую часть покусившихся на сей предметъ. Симъ остановлено стремленіе на центръ нашъ, и часть пѣхоты нашей, которая уже была за непріятельскою кавалеріею, спасена; въ атакѣ сей имѣли несчастіе потерять: отличнаго полковника Левенвольда, который убитъ на мѣстѣ, и командованіе принялъ полковникъ Левашевъ; Л.-Гв. Коннаго полка полковника Арсеньева, котораго генералъ-маіоръ Шевичъ рекомендуетъ, какъ отличившагося присутствіемъ духа и храбростью въ предводительствованіи ввѣреннаго ему Л.-Гв. Коннаго полка, и который, получивъ сильнѣйшую въ концѣ атаки контузію въ лѣвое плечо ядромъ, принужденъ былъ оставить фронтъ, а полковникъ Леонтьевъ вступилъ на мѣсто его въ командованіе. Лейбъ-Кирасирскіе Его Величества и Ея Величества и Астраханскій полки, приведенные мною на лѣвый флангъ, подъ командою 1-й — шефа, полковника барона Будберга, 2-й — шефа, полковника барона Розена, а послѣдній — полковаго командира, полковника Каратаева, поставлены были у прикрытія батарей нашихъ, подъ сильнымъ огнемъ, гдѣ, невзирая на ужасные выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей, защищали свои съ отличнымъ мужествомъ. Неустрашимость ихъ столь была сильна, что и большая убыль людей и лошадей убитыми и ранеными не въ состояніи была разстроить ихъ рядовъ, смыкающихся каждый разъ въ порядкѣ. Непріятельскіе тиральеры, зачавъ къ нимъ и батареямъ нашимъ приближаться, будучи подкрѣпляемы пѣ-

хотными колоннами, были, Астраханскаго полка двумя эскадронами, по приказанію моему, съ повелѣнія генералъ-лейтенанта князя Голицына, посланными, атакованы и съ большимъ вредомъ прогнаны такъ сильно, что командовавшій оными подполковникъ Нѣмцовъ врѣзался и въ тѣ пѣхотныя колонны, кои ихъ подкрѣпляли, гдѣ онъ получилъ сильную рану пулею въ лѣвую руку, отъ которой и кость перебита; эскадроны сіи, возвратясь подъ сильными непріятельскими выстрѣлами, построены были опять за батареями; послѣ того, во вторичной таковой же съ мужествомъ атакѣ произведенной, маіоръ Костинъ убитъ, а маіоръ Бѣлавинъ раненъ въ грудь на вылетъ пулею; полковой командиръ полковникъ Каратаевъ, предводительствуя мужественно полкомъ, получилъ сперва сильную контузію въ плечо, но, невзирая на оную, возвратился ко фронту, гдѣ вскорѣ получилъ другую въ ногу, но и тутъ оставался при своемъ мѣстѣ. Примѣръ сей удвоилъ рвеніе его подчиненныхъ, и полкъ, защищая свои батареи, производилъ мужественно атаки, въ коихъ ротмистръ Львовъ, командуя эскадрономъ, велъ себя отлично, равно какъ и ротмистръ Ребиндеръ, штабсъ-капитанъ Задонскій, заступившіе мѣста эскадронныхъ начальниковъ, а также поручики: полковой адъютантъ Гояринъ, Паткуль, Тритгофъ, Ивашкинъ, оказали отличную храбрость и мужество, а особливо Паткуль и Гояринъ, исполняя долгъ по званію своему, были вмѣстѣ со всѣми и въ атакѣ; при семъ ранены: Львовъ, Задонскій и Гояринъ контузіями; Ребиндеръ, Паткуль и Тритгофъ пулями, а Паткуль и изрубленъ; первые остались при своихъ мѣстахъ, а Тритгофъ и Паткуль, по причинѣ жестокихъ ранъ, отправлены. Лейбъ-Кирасирскій Его Императорскаго Величества полкъ, подъ командою барона Будберга, былъ нѣсколько разъ въ атакахъ, и когда онъ, г. полковникъ, былъ раненъ ядромъ въ лядвію, а полковой командиръ подполковникъ Слѣпченковъ пулею въ ногу, и когда полкъ, по приказанію генералъ-лейтенанта князя Голицына, переведенъ въ секурсъ 2-й кирасирской дивизіи, подъ командою полковника Костина, гдѣ, прикрывая батареи, былъ генералъ-маіоромъ Дукою посланъ въ атаку на непріятельскую батарею, на которую бросясь, эскадронъ шефа, подъ командою ротмистра Власенки, сбилъ съ оной непріятеля; тутъ хотя ротмистръ Власенко и поручикъ

Скоробогатый убиты, но поручиками Дершау, Каленымъ 2-мъ и Самбурскимъ взяты двѣ пушки и доставлены въ главную квартиру. Во время сихъ дѣйствій ротмистръ Меликовъ отличалъ себя всегда, но къ-несчастію у сего храбраго офицера ядромъ оторвало руку; штабсъ-ротмистръ Селяниновъ раненъ въ обѣ ноги ядромъ, надъ коими полагать должно, что уже и операція сдѣлана; поручикъ Всеволожскій 2-й въ ногу пулею, Всеволожскій 3-й, у коего ядромъ ногу разбило, Родолчинъ, исполнявшій съ отличіемъ долгъ свой по званію адъютанта полковаго, получилъ сильную контузію отъ ядра; Каленъ 2-й и корнетъ графъ Минихъ 1-й тоже контужены въ лѣвыя руки. Относительно же убитыхъ въ сраженіи, ротмистра Власенко и поручика Скоробогатаго, у которыхъ остались жены безъ всякаго состоянія, я осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство о доставленіи имъ способа къ содержанію. Лейбъ-Кирасирскій Ея Императорскаго Величества полкъ, подъ командою барона Розена, прикрывая батареи и выдерживая сильный непріятельскій огонь, не терялъ ни мало присутствія духа; полковникъ баронъ Розенъ, будучи отлично храбръ, служилъ примѣромъ своимъ подчиненнымъ, когда непріятель покусился атаковать нашу пѣхоту правѣе отъ насъ, и когда онъ, г. Розенъ, по приказанію генералъ-лейтенанта князя Голицына, посланъ мною съ двумя эскадронами атаковать, что съ большимъ стремленіемъ было исполнено, отъ чего много непріятельская кавалерія потерпѣла, особенно тогда, когда баронъ Розенъ напалъ на нее съ тыла; однимъ словомъ, непріятельская колонна была опрокинута и терпѣла большой уронъ. Рекомендуя барона Розена, долженъ засвидѣтельствовать и объ отличной храбрости: эскадроннаго командира маіора Вистергольца, получившаго контузію; штабсъ-ротмистровъ Шлиппенбаха и Гедеонова, раненаго ядромъ въ ногу; поручиковъ: полковаго адъютанта Кирилова, Рудковскаго 2-го и Кошенбара 2-го, изъ коихъ два послѣдніе ранены контузіею. О прочихъ двухъ эскадронахъ сего полка, баронъ Розенъ доноситъ мнѣ, что маіоръ Сологубъ, оставаясь съ оными на лѣвомъ флангѣ, двоекратно атаковалъ батареи, поражая каждый разъ непріятеля; рекомендуетъ объ отличной храбрости и мужествѣ его и командующаго также эскадрономъ ротмистра Гагена. Сей послѣдній во время

съ мужествомъ произведенной атаки сильно раненъ картечью въ руку; въ сихъ атакахъ отличалъ также себя и поручикъ Милевскій, получившій контузію въ голову. Потомъ, по соединеніи со мною генералъ-маіора Шевича съ полками въ его командѣ состоящими, полкъ Кавалергардскій, подъ командою полковника Левашова, ударилъ стремительно на непріятельскихъ кирасиръ, мгновенно опрокинулъ оныхъ и, преслѣдуя, сильно поражалъ; какъ въ то же самое время Л.-Гв. Конный полкъ, подъ начальствомъ полковника Леонтьева, съ лѣвой стороны подкрѣпилъ сію атаку, и невзирая на сильно дѣйствующія по нимъ батареи, поражалъ непріятеля, опять подъ картечными выстрѣлами собрался и былъ всегда въ готовомъ порядкѣ. Генералъ-маіоръ Шевичъ, предводительствуя сими двумя полками, распоряженіями своими и неустрашимостію, совершенно содѣйствовалъ къ пораженію; онъ былъ примѣромъ; храбрость сего генерала уже извѣстна. Онъ, г. Шевичъ, рекомендуетъ оказавшихъ отличную храбрость и мужество гг. Начальниковъ, полковъ: Кавалергардскаго: командовавшаго полкомъ Левашова, Каблукова 1-го, раненаго въ правую руку, Каблукова 2-го; Конной Гвардіи: принявшаго команду полка послѣ полковника Арсеньева (который уже рекомендованъ выше), Леонтьева, Андреевскаго, Сольдама и князя Голицына 1-го; ротмистровъ: Кавалергардскаго — Бороздина, Уварова и Давыдова, которые ранены: первый въ лѣвую ногу картечью, у втораго саблею изрублена голова, а Давыдовъ ниже колѣна шпагою; Сталя и полковаго адъютанта Храповицкаго; Л.-Гв. Коннаго: Сорочинскаго, Салова, Рамма и Орлова 1-го, у коего бокъ и голова изрублены; штабсъ-ротмистра Конной-Гвардіи графа Тышкевича, у коего правое колѣно изрублено саблею и отъ картечи контузія ниже колѣна; поручиковъ: Кавалергардскаго: барона Гарбсъ-Ховена и Конной Гвардіи Мирковича 1-го, Шарлемо, раненыхъ: перваго саблею по лицу и рукѣ, втораго ядромъ въ лѣвую ляшку и контузіею въ ту же ногу, а Шарлемо пикою въ грудь и лѣвое плечо изрублено; корнетовъ: Кавалергардскаго: Шереметева, Языкова 1-го, фонъ-Смиттена, Пашкова и Л.-Гв. Коннаго полка, князя Голицына 3-го также раненныхъ: Шереметевъ саблею изрублено лицо и въ лѣвой рукѣ контузія, Языковъ пулею въ лѣвую ногу, фонъ-Смиттенъ пулею въ колѣно правой ноги, Пашковъ контузіею въ пояс-

ницу от ядра, а послѣдній сильною контузіею въ грудь. Описавъ дѣйствія 1-й кирасирской дивизіи и отличившихся чиновниковъ, въ оной находившихся, остается теперь донести и о Л.-Гв. Конной артиллеріи. Оная, подъ командою полковника Козена, заняла интервалъ оставленный нашими войсками противъ непріятельской кавалеріи и артиллеріи втрое сильнѣе нашей, наводившей ужасный вредъ, а особливо Астраханскому кирасирскому полку. Полковникъ Козенъ, несмотря на большой уронъ, будучи искусенъ въ своемъ ремеслѣ и храбръ, выдерживая сколько можно, наносилъ вредъ непріятелю; наконецъ, чтобъ усилить удары на непріятельскую батарею, онъ, Козенъ, съ позволенія Его Свѣтлости Господина Главнокомандующаго арміями, подкрѣпилъ то мѣсто батарейною ротою подполковника Дитерихса 4-го. Огонь былъ усиленъ и непріятельская батарея принуждена была молчать и сняться. Г. Козенъ свидѣтельствуетъ отличную храбрость гг. офицеровъ: капитана Ралля 2-го, штабсъ-капитана Сталыпина; поручиковъ: Бартоломея, Дивова, барона Корфа, Купріянова, а особливо Бистрома, Гельмерсена и Гижицкаго, которые, при совершенномъ разстройствѣ батареи отъ непріятельскихъ картечныхъ выстрѣловъ, удерживались съ четырьмя орудіями долгое время; поручика Гербеля 5-го и подпоручика Гардера, находившихся при немъ, и кои, бывъ посланы за орудіями, собрали оныхъ одиннадцать изъ разныхъ ротъ, и поставя на удобныхъ мѣстахъ, наносили великій вредъ непріятелю. А портупей-юнкеръ Перейра, занимая мѣсто убитыхъ офицеровъ, командовалъ орудіями и оказалъ отличіе при семъ дѣлѣ, за что и представляетъ о производствѣ его въ прапорщики въ армейскую артиллерію. Равномѣрно генералъ-маіоръ Шевичъ, полковники: баронъ Розенъ и Каратаевъ, за отличную храбрость и мужество, просятъ о производствѣ въ офицеры, первый—Кавалергардскаго полка эштандартъ-юнкеровъ: Тургенева, Шереметева; юнкеровъ: Шепелева, Данилова и Тургенева; Л.-Гв. Коннаго эштандартъ-юнкеровъ: графа Мантейфеля, Куликовскаго, Калугина, Родзянку, Тимирядзева 3-го, Репне и Томсона; второй, ввѣреннаго ему Лейбъ-Кирасирскаго Ея Величества полка вахмистра Рибаса, а послѣдній юнкера Рымовича въ тѣ же полки; при чемъ баронъ Розенъ о Рибасѣ пишетъ, что онъ, будучи сильно раненъ, оставался во фронтѣ

до изнеможенія силъ. Сверхъ сего имѣю честь рекомендовать Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части колонновожатаго, унтеръ-офицерскаго чина Бурнашова, который, находясь во все время сраженія при мнѣ, исполнялъ мои приказанія съ точностію и мужествомъ, и будучи раненъ въ руку пулею, по перевязкѣ опять возвратился на мѣсто сраженія. Осмѣливаюсь просить всепокорнѣйше Ваше Высокопревосходительство, за такое его усердіе къ службѣ Его Императорскаго Величества, о награжденіи офицерскимъ чиномъ.

О всемъ ономъ, по долгу обязанности моей, минувшаго августа 27-го числа, донесено мною командовавшему въ день сраженія кирасирскими полками, г. генералъ-лейтенанту и кавалеру князю Голицыну. Сего же числа, получа повелѣніе Вашего Высокопревосходительства, объявленное мнѣ отъ Начальника Главнаго Штаба 1-й Западной арміи, имѣю честь все это представить на благоусмотрѣніе и уваженіе Вашего Высокопревосходительства, съ приложеніемъ именнаго списка, какъ въ рапортѣ здѣсь поименованнымъ, такъ и прочимъ оказавшимъ свое отличіе чиновникамъ, осмѣливаюсь рекомендовать о ихъ мужествѣ и храбрости; справедливость требуетъ засвидѣтельствовать также и то, что всѣ они, равно и нижніе чины, въ сіе жестокое сраженіе столь были мужественны, что, казалось, рѣшились жертвовать жизнію, и я, къ довершенію моей обязанности, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить о награжденіи ихъ.

О происшедшей же въ тотъ день убыли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими, имѣю честь представить особую краткую вѣдомость.

№ 8-й.

Селеніе Кутузово.

Сентября 7-го дня, 1812 года.

6.

Его Свѣтлости, Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Главнокомандующему всѣхъ армій и кавалеру князю Голенищеву-Кутузову,

генералъ-маіора графа Сиверса,

РАПОРТЪ.

Вашей Свѣтлости имѣю честь донести, что съ ввѣреннымъ мнѣ арріергардомъ 2-й Западной арміи, 24-го числа, прибылъ на лѣвый флангъ позиціи 2-й арміи, явясь къ его сіятельству главнокомандующему; по приказанію его сіятельства генералъ-лейтенанта князя Горчакова, устроена была на высотѣ съ лѣвой стороны большаго редута батарея изъ восьми орудій конной артиллеріи № 9-го, при мнѣ состоящей, и другая изъ четырехъ орудій на высотѣ съ правой стороны большаго редута; при каждой батареѣ оставлена кавалерія для прикрытія; между-тѣмъ егерскіе полки заняли деревню и лѣсъ впереди всѣхъ оныхъ батарей. Вслѣдъ за симъ казаки извѣстили о приближеніи непріятеля по ельненской дорогѣ; вскорѣ онъ появился въ большихъ колоннахъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи, и явно обнаружилъ свое намѣреніе атаковать лѣвый флангъ арміи. Полковникъ Емануель съ ввѣреннымъ ему Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ, дважды атаковалъ непріятельскихъ фланкеровъ и колонны подкрѣпляющія, и оныя опрокинулъ.

Непріятельскіе тиральеры и наши стрѣлки, также батареи, съ обѣихъ сторонъ начали дѣйствовать; два эскадрона Ахтырскаго гусарскаго полка, находившіеся у прикрытія лѣвой батареи, подъ командою ротмистра Александровича, ударили на одну приближающуюся къ батареѣ пѣхотную колонну, опрокинули оную; ротмистръ Бибиковъ съ фланкерами остановилъ непріятельскихъ фланкеровъ, намѣревавшихся обойти флангъ; всѣ покушенія непріятеля по ельненской дорогѣ были тщетны. Тогда непріятель, переправясь сильными колоннами

чрезъ рѣку Калочу, съ лѣваго своего фланга по смоленской дорогѣ, слѣдовалъ на деревню и лѣсъ впереди нашихъ батарей лежащіе; дабы подкрѣпить нашихъ егерей изъ лѣсу и деревни уже отступающихъ, я приказалъ Новороссійскому драгунскому полку, подъ командою командира того полка маіора Теренина, пройти интервалъ между лѣсомъ и деревнею и атаковать непріятельскія пѣхотныя колонны, которыя подкрѣпляли тиральеровъ; съ отличною храбростію сей полкъ, одушевленъ усердіемъ къ службѣ и желаніемъ отличиться, исполнилъ сіе повелѣніе: первый эскадронъ, подъ командою графа Сиверса, атаковалъ одну пѣшую колонну; второй, подъ командою поручика Станюковича — другую; третій, подъ командою маіора Борграфа, подкрѣплявшій оные эскадроны — непріятельскую кавалерію; четвертый, подъ командою маіора Мильфельда — взялъ непріятельскихъ тиральеровъ въ тылъ: каждый эскадронъ имѣлъ наилучшій успѣхъ. Бывъ свидѣтелемь сего геройскаго подвига, получилъ я пять пуль въ лѣвый бокъ и въ ногу, но только отъ одной сильную контузію, и лошадь моя была ранена; Новороссійскій драгунскій полкъ опрокинулъ непріятеля при первомъ его устремленіи, послѣ атаки маіоръ Теренинъ устроилъ полкъ быстро и мужественно, вторично атаковалъ наступающую непріятельскую кавалерію, оную опрокинулъ, преслѣдовалъ и истреблялъ; но встрѣтя изъ лѣсу со всѣхъ сторонъ наступающую пѣхоту и не будучи подкрѣпленъ нашею пѣхотою, которая вся изъ лѣсу и деревни къ редуту отступила, успѣлъ сею атакою прикрыть отступленіе нашей пѣхоты и отвозъ орудій съ ближайшей высоты. Уронъ онаго полка при сихъ атакахъ былъ весьма значителенъ въ штабъ и оберъ-офицерахъ и нижнихъ чинахъ. Подъ командою его сіятельства, генералъ-лейтенанта князя Голицына, вся кавалерія 2-й арміи была устроена въ боевомъ порядкѣ позади батарей и редута на лѣвомъ флангѣ; по усиленному непріятельскому наступленію, невзирая на дѣйствіе артиллеріи, редутъ былъ нашею батарейною артиллеріею оставленъ; вмѣстѣ съ оною часть пѣхоты у прикрытія находившаяся, отступила, между-тѣмъ какъ легкая артиллерія съ правой стороны редута продолжала дѣйствіе. Артиллеріи генералъ-маіоръ Левенштернъ, усмотрѣвъ отступленіе батарейныхъ орудій, безъ замедленія возвратилъ оныя въ редутъ, также и отступившіе пѣхотные баталіоны.

Непріятель былъ остановленъ еще на нѣкоторое время въ его наступленіи, но получивъ подкрѣпленіе, завладѣлъ редутомъ; хотя защищеніе онаго не мнѣ было поручено и хотя пѣхота не состояла въ моей командѣ, но я старался, убѣжденіями моими и ободряя собственнымъ примѣромъ, понудить пѣхотные баталіоны взять редутъ обратно, дважды я самъ у рва на брустверѣ находился, подвергаясь самой большой опасности, но тщетны были мои усилія. Атакующіе подкрѣпляются нѣсколькими гренадерскими полками 2-й дивизіи, которыхъ самъ генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ велъ на непріятеля; въ семъ положеніи, усмотрѣвъ отважное предпріятіе непріятеля — въ виду нашей кавалеріи взять нашу пѣхоту атакующую редутъ, во флангъ и тылъ двумя сильными колоннами между редутомъ и деревнею быстро наступающими, — я бросился къ правому флангу кавалерійской линіи, подъ моею командою состоящей; два прибывшіе кирасирскіе полка выстроились впереди линіи; является ко мнѣ командующій ими храбрый полковникъ Толбузинъ 1-й; указываю ему наступающія въ близкомъ разстояніи колонны непріятельской пѣхоты; довольно для него,—въ первой линіи Малороссійскій кирасирскій полкъ; онъ съ онымъ полкомъ ударилъ на одну колонну; Глуховскій полкъ на другую колонну; обѣ колонны мгновенно опрокинуты и преслѣдованы за непріятельскую батарею, которою храбрые сіи полки овладѣли и взятыя пушки представлены ими къ своей командѣ.

Харьковскому и Черниговскому драгунскимъ полкамъ приказано было отъ меня подкрѣпить кирасиръ; тѣмъ прикрытъ былъ ихъ правый флангъ, которому угрожали двѣ пѣхотныя колонны; съ другой стороны деревни показавшіеся два эскадрона Харьковскаго драгунскаго полка, подъ командою маіора Жбаковскаго, и два эскадрона Черниговскаго драгунскаго полка, подъ командою маіора Мусина-Пушкина, ударили на оныя колонны и, опрокинувъ ихъ, овладѣли двумя пушками, которыми непріятель началъ устроивать батарею въ подкрѣпленіе его пѣхоты, но не успѣлъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Атаковавшіе кирасирскіе и драгунскіе эскадроны, преслѣдовавъ непріятеля, выстроились въ порядокъ; непріятель не осмѣлился сдѣлать ни малѣйшаго покушенія на сіи полки; ночь была уже наступивши; еще дѣйствія пѣхоты около редута нѣсколько продол-

жались; гренадерскіе полки овладѣвшіе редутомъ оставили оный въ ночи и отведены, какъ и вся пѣхота, на позицію, а кавалерія, выстроенная въ двѣ линіи, оставалась на мѣстѣ, вытянула цѣпь и до разсвѣта, оставя часть на мѣстѣ, также отошла на прежнюю позицію. По отсутствію командовавшаго атакованнымъ лѣвымъ флангомъ 2-й арміи, г. генералъ-лейтенанта князя Горчакова, который 26-го августа раненъ, я, въ исполненіе послѣдовавшаго повелѣнія отъ бывшаго главнокомандующаго 2-ю Западною арміею покойнаго князя Багратіона, имѣя честь Вашей Свѣтлости представить сіе мое донесеніе о дѣйствіи полковъ ввѣреннаго мнѣ 4-го кавалерійскаго корпуса, въ сраженіи 24-го числа, и списокъ отличившимся штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, всепокорнѣйше испрашиваю за оказанную ими ревность и отличную храбрость каждому по заслугамъ достойнаго награжденія.

№ 276-й.
Сентября 26-го дня, 1812 года.

7.

Его Свѣтлости, Г. Генералъ-Фельдмаршалу Главнокомандующему всѣхъ армій и кавалеру князю Голенищеву-Кутузову,

генералъ-маіора графа Сиверса,

РАПОРТЪ.

Вашей Свѣтлости имѣю честь донести, что по взятіи арміею сего мѣсяца 25-го числа по утру позиціи, непріятель поутру 26-го атаковавъ лѣвый флангъ арміи, по приказанію его сіятельства г. главнокомандующаго 2-ю арміею, отрядить нѣсколько кавалеріи въ подкрѣпленіе пѣхоты расположенной въ двухъ флешахъ впереди позиціи, приказано было отъ меня Новороссійскому драгунскому и Ахтырскому гусарскому полкамъ двинуться впередъ; Новороссійскій драгунскій полкъ, подъ командою командира полка маіора Терепина, сдѣлалъ и при семъ устремленіи на непріятеля храброе нападеніе, и маіоръ Терепинъ, подавая примѣръ храбростію, ободрялъ нижнихъ чиновъ и будучи встрѣченъ картечными выстрѣлами и ружей-

нымъ огнемъ, врубился и опрокинулъ непріятельскія пѣхотныя колонны; капитанъ графъ Сиверсъ, съ командуемымъ имъ эскадрономъ, съ отличною храбростью первый врубился въ непріятельскія колонны, взошелъ на непріятельскую батарею изъ 12-ти пушекъ состоящую, которыхъ однако полкъ увезти былъ не въ состояніи, ибо наступающая непріятельская кавалерія съ подкрѣпленіемъ большаго числа пѣхоты изъ лѣсу выходящей, воспрепятствовали оному предпріятію; на оной батареѣ храбрый капитанъ графъ Сиверсъ тяжело раненъ пулею въ ногу и саблею въ голову; лошадь подъ нимъ убита; полкъ подъ прикрытіемъ своихъ фланкеровъ отступилъ въ порядкѣ, прикрывая отступленіе пѣхоты и принужденъ будучи оставить непріятелю неустрашимѣйшею храбростью пріобрѣтенную къ славѣ своей добычу; весь полкъ по отступленіи остановился позади первыхъ нашихъ батарей, а потомъ остановленъ въ первой линіи на лѣвомъ флангѣ позиціи у прикрытія батарей и до самаго окончанія того дня съ непріятелемъ дѣйствія полкъ находился въ жестокой канонадѣ; въ продолженіе дня потерялъ весьма значущее число убитыми и ранеными.

Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ Васильчиковъ командировалъ два эскадрона онаго полка, сбивъ кавалерію, которая окружила переднюю флешь на лѣвомъ флангѣ уже занятую непріятелемъ, а самъ съ двумя эскадронами подкрѣплялъ ихъ; маіоръ князь Кастріотъ бросился мужественно на непріятельскую кавалерію, опрокинулъ оную, а послѣ, обративъ въ бѣгство пѣхоту, занялъ флешь. Пѣхота наша не подкрѣпила сей атаки и полковникъ Васильчиковъ принужденъ былъ отступить за заднюю флешь, гдѣ и удержалъ непріятельскую кавалерію, которая покушалась нѣсколько разъ обойти флангъ въ помянутомъ мѣстѣ; маіоръ Дувановъ, съ четырьмя эскадронами, бросился съ отличною храбростію на непріятельскую пѣшую колонну, опрокинулъ оную, но былъ встрѣченъ отъ другой колонны сильными ружейными выстрѣлами и тяжело раненъ. Полковникъ Васильчиковъ, увидя непріятельскую кавалерію, которая сильно наступала, ударилъ съ четырьмя эскадронами во флангъ, и, опрокинувъ оную, преслѣдовалъ до непріятельскихъ батарей и отступилъ съ полкомъ за наши батареи. Когда двѣ переднія флеши нашими войсками остав-

лены были, усмотрѣлъ я намѣреніе непріятеля, въ нѣсколькихъ колоннахъ пѣхоты и кавалеріи слѣдующаго, подъ прикрытіемъ тиральеровъ, обойти нашъ лѣвый флангъ, чрезъ что̀ могъ бы зайти въ тылъ всей нашей позиціи и отрѣзать корпусъ генералъ-лейтенанта Баггевута. Въ ту минуту взяты были мною отъ ближайшей батареи два батарейныхъ орудія и три легкихъ, и поставлена батарея гораздо впереди позиціи 2-й арміи, на пригоркѣ возлѣ самаго лѣсу; дѣйствіе картечныхъ выстрѣловъ по онымъ колоннамъ было столь разительно, что колонны были опрокинуты и непріятель уже не осмѣлился повторить атаку, но, усмотрѣвъ вскорѣ батарею, старался сбить мною у лѣсу поставленную, однако въ томъ не успѣлъ, а вмѣсто того оная батарея съ помощію другихъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ причинила большой вредъ, какъ непріятельской батареѣ, такъ и его войскамъ. Когда же батареи выстрѣлили послѣдніе заряды, тщетны были старанія откуда либо истребовать снарядовъ; одинъ ящикъ, усердіемъ и расторопностію Литовскаго уланскаго полка полковаго писаря, который при полку во всѣхъ дѣйствіяхъ находился, весьма во̀-время привезенъ былъ, и когда непріятель сдѣлалъ новое покушеніе на батарею, орудія дѣйствовали вторично столь хорошо, что непріятель принужденъ былъ поспѣшно отступить въ совершенномъ безпорядкѣ. Невзирая на недостатокъ зарядовъ, оныя пять орудій мною удержаны были подъ прикрытіемъ егерей, пѣхоты, подъ командою генералъ-маіора Шаховскаго, и Литовскаго уланскаго полка до самаго вечера. По представленію моему, генералъ-лейтенантъ Баггевутъ, находившійся съ корпусомъ генералъ-лейтенанта Тучкова влѣво отъ меня по старой смоленской дорогѣ, откомандировалъ ко мнѣ шесть орудій батарейной роты № 4-го подъ командою поручика Вейде. Я приказалъ ему занять высоту на правой сторонѣ, и сія батарея успѣшно дѣйствовала и непріятельскую, много вредившую нашей кавалеріи, заставила замолчать; непріятельская пѣхотная колонна и кавалерія были остановлены въ оврагѣ встрѣтившими ихъ картечными выстрѣлами; сія батарея, выстрѣливъ также заряды, дабы не подвергнуться на открытомъ мѣстѣ вновь начинающемуся дѣйствію непріятельскихъ батарей, отступила тогда уже съ высоты, когда центръ 2-й арміи подался назадъ. Когда

непріятель въ третій разъ покусился атаковать батарею изъ пяти орудій подъ лѣсомъ находящуюся, за неимѣніемъ при орудіяхъ зарядовъ, нечѣмъ было непріятеля встрѣтить; тогда приказалъ я и сіи пять орудій свезти, что̀ и учинено было подъ прикрытіемъ атаки Литовскаго уланскаго полка на непріятельскую пѣхотную колонну; но другая колонна, по опушкѣ лѣса слѣдующая за лощиною, понудила уланскій полкъ къ отступленію, который, пройдя кустарники, пристроился опять къ батареямъ на лѣвомъ флангѣ кирасирской дивизіи; междутѣмъ оба пѣхотные полка, подъ командою генералъ-маіора князя Шаховскаго, подкрѣпленные однимъ полкомъ корпуса генерала Баггевута, удерживали стремленіе непріятеля до наступленія ночи.

Во исполненіе послѣдовавшаго повелѣнія отъ бывшаго главнокомандующаго 2-й Западной арміи, покойнаго князя Багратіона, имѣя честь Вашей Свѣтлости представить сіе мое донесеніе о дѣйствіи полковъ и артиллеріи состоявшей въ командѣ моей въ сраженіи 26-го числа, прилагаю списокъ отличившимся на благоусмотрѣніе Вашей Свѣтлости, къ воздаянію заслуживающаго вознагражденія, которое каждому всепокорнѣйше испрашиваю, для поощренія отличившихся, и всѣмъ другимъ моимъ подкомандующимъ.

8.

Господину генералу-отъ-инфантеріи и кавалеру Дохтурову,

командующаго 5-мъ корпусомъ, генералъ-лейтенанта Лаврова,

РАПОРТЪ.

Въ исполненіе повелѣнія, даннаго мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, отъ 1-го сентября за № 920-мъ, дабы я донесъ о положеніи и дѣйствіи части мнѣ ввѣренной въ день

сраженія при деревнѣ Бородинѣ, имѣю честь вашему высокопревосходительству почтеннѣйше представить: что въ день сраженія 26-го августа, въ 5 часовъ утра, вся гвардейская пѣхотная дивизія, по назначенію полковника по квартирмейстерской части, Толя, присланнаго отъ главнокомандующаго 1-ю арміею, генерала-отъ-инфантеріи, военнаго министра и кавалера Барклая-де-Толли, заняла позицію позади праваго фланга 2-й арміи для подкрѣпленія оной; чрезъ полчаса получилъ я приказаніе отъ г. генерала-отъ-кавалеріи Беннигсена, командировать изъ ввѣренной мнѣ гвардейской дивизіи полки Л.-Гв. Измайловскій и Литовскій, и сводную гренадерскую бригаду, подъ командою Л.-Гв. Измайловскаго полка полковника Храповицкаго; остальные же полки: Л.-Гв. Преображенскій, Семеновскій и Финляндскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Розена остающіеся, приказано было сблизить къ 1-й линіи 2-й арміи, что̀ было немедленно исполнено. Съ сего самаго времени, колонны, подъ командою генералъ-маіора барона Розена, были подъ безпрерывнымъ жестокимъ огнемъ и по надобности перемѣняли свои мѣста, и въ продолженіе 14-ти часовъ подъ пушечными, картечными, и наконецъ подъ ружейными выстрѣлами. Въ 4 часа по полудни непріятельская кавалерія, прорвавшаяся, достигла до колоннъ генералъ-маіора барона Розена, который съ барабаннымъ боемъ повелъ ихъ впередъ и встрѣтилъ штыками непріятельскую кавалерію, изъ которой нѣсколько было переколоно, а прочіе обращены въ бѣгство.

Послѣ сего происшествія получилъ я отъ вашего высокопревосходительства приказаніе, симъ колоннамъ принять влѣво, а занявъ назначенную мнѣ позицію, лично увѣдомленъ отъ генералъ-адъютанта Васильчикова, что высланные отъ непріятеля стрѣлки, занявшіе опушку лѣса, наносили вредъ его кавалеріи, и что непріятель обходитъ лѣвый нашъ флангъ; для удержанія его, въ подкрѣпленіе кавалеріи посланъ былъ баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, подъ командою полковника Жерве; а какъ усилившіеся въ лѣсу непріятельскіе стрѣлки начали уже вредить и колоннамъ генералъ-маіора барона Розена, то я отрядилъ еще два баталіона онаго полка, подъ командою полковника Крыжановскаго, прогнать непріятеля. Полковникъ Жерве, со ввѣреннымъ ему баталіономъ,

удерживая непріятеля разсыпными въ цѣпи стрѣлками, чрезъ полчаса далъ знать, что непріятель вошелъ въ лѣсъ двумя колоннами и подъ прикрытіемъ стрѣлковъ сильно наступаетъ. Тогда полковникъ Крыжановскій усилилъ его баталіонъ стрѣлками подъ командою подпоручика Марина, убитаго картечью; принявшій по немъ оную команду, подпоручикъ Шенингъ, ударилъ на цѣпь непріятельскую въ штыки, а полковникъ Крыжановскій, приблизясь съ 3-мъ и 2-мъ баталіонами, приказалъ ударить на непріятельскія колонны также въ штыки. Г. полковникъ Штевенъ со 2-мъ, а Жерве съ 3-мъ баталіонами, съ отличною храбростію закричавъ „ура!" бросились въ штыки, опрокинули непріятеля и гнали онаго до опушки лѣса, гдѣ поставили стрѣлковъ, по которымъ съ непріятельской стороны открыла огонь батарея, подъ прикрытіемъ кавалеріи, которая сильно дѣйствовала картечью, гдѣ раненъ капитанъ Огаревъ картечью въ колѣно, мѣсто коего заступилъ штабсъ-капитанъ Байковъ.

Видя усиливавшагося непріятеля на правомъ его флангѣ, полковникъ Крыжановскій приказалъ командующему 1-мъ баталіономъ капитану Ушакову выслать застрѣльщиковъ; оные высланы подъ командою штабсъ-капитана Раля 4-го, который опрокинулъ непріятельскую цѣпь; такимъ образомъ въ часъ времени очищенъ былъ весь лѣсъ; въ то время получено было приказаніе отъ вашего высокопревосходительства, чрезъ генералъ-адъютанта Васильчикова, чтобы, очистя лѣсъ, удержать за собою оный во что бы то ни стало.

Непріятель усиливался нѣсколько разъ отразить нашихъ стрѣлковъ, но безъ всякаго успѣха; огонь былъ сильный съ непріятельской стороны ружейный и изъ пушекъ картечью; но чтобы удержать непріятеля и не позволить ему ворваться опять въ лѣсъ, посланъ былъ съ ротою въ помощь цѣпи штабсъ-капитанъ Афросимовъ 4-й, и потомъ еще также съ ротою штабсъ-капитанъ Ахлестышевъ. Стрѣлки во все время содержали цѣпь въ опушкѣ лѣса; въ 9 часовъ вечера начала утихать стрѣльба и въ 10 часовъ окончилась, и всѣ три баталіона остались на занятомъ у непріятеля мѣстъ сраженія, охраняя цѣпью всю гвардейскую пѣхотную дивизію.

Лейбъ-Гвардіи Измайловскій и Литовскій полки и сводная гренадерская бригада сражались въ присутствіи вашего высо-

копревосходительства, почему я наилучшимъ призналъ поданные рапорты оригиналами отъ полковниковъ Кутузова и Удома о подвигахъ ввѣренныхъ имъ полковъ, представить на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, оставаясь увѣреннымъ, что каждый получитъ воздаяніе по заслугамъ.

Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ, какъ былъ откомандированъ 23-го числа августа по повелѣнію г. главнокомандующаго 1-ю арміею и сражался на правомъ флангѣ при деревнѣ Бородинѣ, то о немъ сдѣлано ему, г. главнокомандующему, донесеніе.

Отдавая полную справедливость храбрости и непоколебимой твердости всѣхъ чиновъ, я долгомъ поставляю особенно представить вашему высокопревосходительству о генералъ-маіорѣ баронѣ Розенѣ, о полковыхъ начальникахъ, полковникахъ: Храповицкомъ, Удомѣ, Крыжановскомъ, Дризенѣ и Постниковѣ; баталіонныхъ командирахъ, равно штабъ и оберъ-офицерахъ, коимъ по силѣ повелѣнія вашего высокопревосходительства списокъ почтеннѣйше представляю; въ знакъ отличной храбрости, покорнѣйше испрашиваю у вашего высокопревосходительства нижнимъ чинамъ знаки Военнаго Ордена въ каждую роту по 5 крестовъ.

№ 1116-й.
Сентября 3-го дня, 1812 года.

9.

Его Свѣтлости, Главнокомандующему арміями, господину Генералу-отъ-Инфантеріи и кавалеру князю Голенищеву-Кутузову,

командира 6-го корпуса войскъ, генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова,

РАПОРТЪ.

Вашей Свѣтлости не безъизвѣстно о дѣйствіи войскъ въ центрѣ съ начала подъ командою моею бывшихъ; я оставилъ ихъ въ короткое время, бывъ назначенъ, по волѣ Вашей Свѣт-

лости, командовать арміею, вмѣсто раненаго генерала князя Багратіона; почему поставляю обязанностію симъ донести, что, прибывъ къ оной, нашелъ высоты и редуты, нашими войсками прежде занимаемые, взятыми непріятелемъ, какъ равно и ровъ, отъ онаго насъ отдѣлявшій.

Поставя себѣ важнѣйшимъ предметомъ удержаться въ настоящемъ положеніи, я сдѣлалъ нужныя въ семъ случаѣ распоряженія, приказавъ начальникамъ отрядовъ всѣми мѣрами отражать стремленіе непріятеля и не уступать нисколько мѣстъ настоящихъ; всѣ исполнили сіе съ отличнымъ благоразуміемъ, и хотя непріятель, принявшій намѣреніе опрокинуть непремѣнно нашъ лѣвый флангъ, дѣлалъ всѣми силами подъ ужаснымъ огнемъ артиллеріи нападеніе, но покушенія сіи уничтожены совершенно мѣрами взятыми и безпримѣрною храбростію нашихъ войскъ.

Полки гвардейскіе: Литовскій, Измайловскій и Финляндскій, во все время сраженія оказали достойную Русскихъ храбрость и были первыми, которые, необыкновеннымъ своимъ мужествомъ, удерживая стремленіе непріятеля, поражали онаго повсюду штыками; прочіе полки гвардейскіе: Преображенскій и Семеновскій, также способствовали къ отраженію непріятеля.

Вообще всѣ войска въ сей день дрались съ обычною имъ отчаянною храбростію, такъ-что со вступленія моего въ командованіе до наступившей ночи, которая прекратила сраженіе, всѣ пункты почти удержаны, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя уступлены по необходимости отвести войска отъ ужаснаго картечнаго огня, большой вредъ причинявшаго; но отступленіе сіе было весьма на малое разстояніе, съ должнымъ порядкомъ и съ учиненіемъ при семъ случаѣ урона непріятелю. Господа генералы, командующіе частями, имъ ввѣренными, которымъ представляю при семъ списокъ, съ моею отмѣткою о подвигахъ каждаго, благоразумнымъ распоряженіемъ и собственнымъ примѣромъ отличной неустрашимости, отражали повсюду нападавшаго непріятеля. Имѣю честь рекомендовать Вашей Свѣтлости сихъ достойныхъ генераловъ, оказавшихъ мнѣ величайшее пособіе ревностнымъ и отличнымъ исполненіемъ своего долга; я предложилъ имъ доставить ко мнѣ съ поспѣшностію списки отличившимся въ семъ сраженіи; получа оные, не замедлю представить Вашей Свѣтлости; списокъ

же чиновникамъ находившимся при мнѣ съ отмѣткою ихъ подвиговъ у сего прилагая, покорнѣйше прошу за оказанныя ими отличія удостоить награжденіемъ.

№ 935-й.
Сентября -го дня, 1812 года.

10.

Копія съ рапорта, г-ну генералу-отъ-инфантеріи и кавалеру Дохтурову, генералъ-лейтенанта Раевскаго.

На позиціи подъ селомъ Бородинымъ находился я со ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ на лѣвомъ флангѣ въ первыхъ двухъ линіяхъ, правый флангъ опирая къ кургану, на которомъ поставилъ я батарейную роту 26-й бригады. Видя по положенію мѣста, что непріятель поведетъ атаку на флангъ нашъ, и что сія моя батарея будетъ ключомъ всей позиціи, укрѣпилъ я оный курганъ редутомъ и усилилъ орудіями сколько мѣсто позволяло. Предвидѣніе мое сбылось. 26-го числа, на разсвѣтѣ, непріятель началъ обходить мой флангъ, и я получилъ повелѣніе перемѣнить фронтъ, опираясь правымъ флангомъ къ тому же самому редуту: четыре пѣхотныхъ полка 26-й дивизіи, подъ командою генералъ-маіора Паскевича, были назначены прикрытіемъ онаго; два полка пѣхотныхъ 12-й дивизіи занимали впереди меня кустарники; лѣвый флангъ обѣихъ линій примыкалъ къ деревнѣ укрѣпленной батареями, гдѣ находился главнокомандующій 2-й Западной арміи князь Багратіонъ, который тотчасъ далъ мнѣ знать, что буде понадобятся ему войска, то будетъ ихъ брать изъ второй моей линіи. Сіе побудило меня потребовать сскурсу, который я получилъ изъ трехъ егерскихъ полковъ, подъ командою полковника Вунча; всѣ сіи войска я расположилъ такимъ образомъ позади редута, чтобы они, при атакѣ онаго непріятелемъ, взяли его колонны съ обоихъ фланговъ, а полки находящіеся въ кустарникахъ заняли бы свои мѣста въ первой

линіи. Непріятель, устроивъ въ глазахъ нашихъ всю свою армію, такъ-сказать, въ одну колонну, шелъ прямо на фронтъ нашъ; подойдя же къ оному, сильныя колонны отдѣлились съ лѣваго его фланга, пошли прямо на редутъ, и несмотря на сильный картечный огонь моихъ орудій, безъ выстрѣла головы оныхъ перелѣзли черезъ брустверъ; въ то же самое время съ праваго моего фланга генералъ-маіоръ Паскевичъ съ полками атаковалъ штыками въ лѣвый флангъ непріятеля, за редутомъ находящагося. Генералъ-маіоръ Васильчиковъ то же самое учинилъ на ихъ правый флангъ, а генералъ-маіоръ Ермоловъ, взявъ баталіонъ егерей полковъ приведенныхъ полковникомъ Вуичемъ, ударилъ въ штыки прямо на редутъ, гдѣ истребивъ всѣхъ въ немъ находящихся, взялъ генерала ведущаго колонны въ плѣнъ. Генералъ-маіоры Васильчиковъ и Паскевичъ опрокинули въ мгновеніе ока непріятельскія колонны и гнали оныхъ до кустарниковъ столь сильно, что едвали кто изъ нихъ спасся.

Болѣе дѣйствія моего корпуса описать остается мнѣ въ двухъ словахъ, что по истребленіи непріятеля, возвратясь опять въ свои мѣста, держался въ оныхъ до тѣхъ поръ противъ повторяемыхъ атакъ непріятеля, пока убитыми и ранеными приведенъ былъ въ совершенное ничтожество и уже редутъ мой занялъ генералъ-маіоръ Лихачевъ. Вашему высокопревосходительству самому извѣстно, что генералъ-маіоръ Васильчиковъ, собравъ разсѣянные остатки 12-й и 27-й дивизій, и съ Литовскимъ гвардейскимъ полкомъ, удерживалъ до вечера важную высоту на лѣвой оконечности всей нашей линіи находящуюся. Описывать дѣянія всякаго генерала, штабъ и оберъ-офицеровъ, я не въ-силахъ, а отличная ихъ храбрость доказана тѣмъ, что почти всѣ истреблены на мѣстѣ. Испрашиваю вашего высокопревосходительства всепокорнѣйше штабъ и оберъ-офицерамъ награжденія, къ коему ихъ представить честь имѣю. Награда же тремъ генераламъ: Васильчикову, Ермолову и Паскевичу, какъ корпусному командиру не даетъ власть представлять къ повышенію чина, испрашиваю ваше высокопревосходительство о исполненіи онаго. Вамъ самимъ извѣстно, что не было случая, гдѣ бы они не показали отличной храбрости, усердія и военныхъ талантовъ. При семъ

имѣю честь приложить списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые показали себя отличными.

№ 280.
Сентября 11-го дня, 1812 года,
селеніе Луковня.

11.

О дѣйствіи войскъ 2-го корпуса, состоящихъ подъ командою генералъ-лейтенанта Баггевута.

Августа 26-го числа, когда непріятель повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ, я, по приказанію вашего высокопревосходительства, пошелъ съ пѣхотными полками 2-го корпуса на подкрѣпленіе онаго.

Дошедши до центра арміи, оставилъ я, по приказанію вашего высокопревосходительства, для подкрѣпленія онаго, съ 4-мя пѣхотными полками 4-й дивизіи генералъ-маіора принца Евгенія Виртембергскаго, а съ остальными 4-мя полками 17-й пѣхотной дивизіи слѣдовалъ далѣе къ лѣвому флангу.

Немного лѣвѣе центра находился отрядъ генералъ-маіора графа Сиверса, у коего занимала высоты копная артиллерія, которая, по малости ея калибра, не могла вредить достаточно непріятелю, почему я приказалъ смѣнить батарейною ротою № 17-го, командуемою полковникомъ Дитерихсомъ 2-мъ, давъ ему въ прикрытіе Рязанскій пѣхотный полкъ, а дабы не дать непріятелю занять находящійся неподалеку въ лѣвой рукѣ оной батареи кустарникъ, приказалъ Брестскому полку разсыпать по оному стрѣлковъ и непремѣнно удерживать непріятеля.

Какъ-только было все устроено, нѣсколько выстрѣловъ помянутой батареи заставили непріятеля открыть по оной сильную канонаду, сближая свои батареи къ батареямъ нашимъ, подъ прикрытіемъ трехъ сильныхъ колоннъ пѣхоты, но удачное дѣйствіе нашей артиллеріи въ одно мгновеніе низпровергло предпріятіе его и тотъ же часъ колонны сіи отступили за лѣсъ и артиллерія также удалилась.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й увѣдомилъ меня, что не-

пріятель форсируетъ и непремѣнное намѣреніе его, какъ замѣчено, чтобы занять высоту у него, на лѣвомъ флангѣ находящуюся; по сему обстоятельству посланы были въ подкрѣпленіе къ нему Бѣлозерскій и Вильманстрандскій пѣхотные полки съ 6-ью орудіями батарейными № 17-го роты, которыя взяты были съ батарей выше сего упомянутыхъ, вмѣсто коихъ поставлены были 6-ть же орудій легкой № 33-го роты; симъ отрядомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Олсуфьевъ.

Отрядъ сей, прибывъ въ назначенное ему мѣсто, поступилъ въ непосредственное начальство къ генералъ-лейтенанту Тучкову, который помянутымъ 6-ти орудіямъ приказалъ занять высоты. Непріятель, замѣтивъ движеніе сіе, открылъ сильный огонь по нашей батареѣ, пославъ впередъ стрѣлковъ подъ прикрытіемъ сильной колонны, стараясь, дабы не дать занять тѣ высоты, ибо для него оныя немаловажны; картечный и ядерный градъ, производимый съ непріятельскихъ батарей, не могъ остановить быстроты командующаго оными орудіями артиллеріи поручика Щепотьева, который съ удивительнымъ хладнокровіемъ занялъ назначенное ему мѣсто и дѣйствовалъ съ невѣроятною удачею, такъ, что не было выстрѣла, который бы не наносилъ большаго вреда непріятелю, и въ самое короткое время колонны непріятельскія, такъ быстро шедшія на нашу батарею, должны были удалиться; батарея же непріятельская, невзирая, что у нее поручикомъ Щепотьевымъ взорвано два ящика на воздухъ, не переставала однакоже сильнаго своего дѣйствія, какъ по батареямъ, такъ и по колоннамъ нашимъ; непріятель, видя неудачу своей пѣхотной колонны, послалъ другую сильнѣе прежней, которая непремѣнно хотѣла взять нашу батарею и уже стрѣлки ея были у подошвы оной; тутъ генералъ-лейтенантъ Олсуфьевъ послалъ подполковника Керна съ баталіономъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка, который, будучи подкрѣпленъ Павловскими гренадерами, съ рѣшимостію бросился на колонну и стрѣлковъ непріятельскихъ, штыками заставилъ обратиться назадъ и искать спасенія въ бѣгствѣ; тутъ картечи нашей батареи довершили совершенное истребленіе оной и тѣмъ кончилось дерзкое его покушеніе; двукратное нападеніе непріятеля не могло имѣть желаемаго для него успѣха, почему онъ принужденъ былъ удалиться за лѣсъ, и батарея его совершенно замолчала. Въ продолженіе сего вре-

мени генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й раненъ пулею, послѣ чего я по старшинству принялъ команду надъ лѣвымъ крыломъ арміи. Втеченіи сего времени прибылъ ко мнѣ генералъ-маіоръ принцъ Евгеній Виртембергскій, съ двумя пѣхотными полками, Кременчугскимъ и Минскимъ, которые я поставилъ между лѣвымъ нашимъ флангомъ и отрядомъ генералъ-маіора графа Сиверса, имѣя такимъ образомъ связь съ симъ генераломъ; артиллерію-же, съ нимъ прибывшую, поставилъ: 6 орудій 4-й батарейной, вмѣсто батарейной № 17-го, а другія 6-ть орудій командировалъ къ отряду графа Сиверса.

Втеченіи сего времени непріятель потянулся съ нашего лѣваго фланга къ сторонѣ отряда графа Сиверса; я, замѣтя сіе, послалъ сильную партію казаковъ полка генералъ-маіора Карпова открыть на нашемъ лѣвомъ флангѣ непріятеля; казаки, подъѣзжая къ деревнѣ, гдѣ онъ занималъ позицію, нашли его нѣсколько колоннъ и артиллеріи скрытыя въ лѣсу; непріятель счелъ оное за атаку, немедленно выдвинулъ свои орудія, выславъ стрѣлковъ, и открылъ огонь по казакамъ.

Между-тѣмъ непріятель сдѣлалъ нападеніе на бригаду генералъ-маіора графа Ивелича. Генералъ сей съ 4-мя ротами Брестскаго пѣхотнаго полка пошелъ на непріятельскую колонну, сдѣлавъ залпъ изъ ружей, бросился въ штыки; но превосходство непріятельскихъ орудій, въ колоннѣ находящихся, не допустило совершить его намѣреніе, а болѣе потому, что онъ, получивъ жестокую рану пулею въ плечо, долженъ былъ податься нѣсколько назадъ, довольствуясь только тѣмъ, что не допустилъ сбить наши батареи, увѣдомивъ между-тѣмъ и меня о семъ происшествіи, прося себѣ подкрѣпленіе, для чего командировалъ я генералъ-маіора Вадковскаго съ Вильманстрандскимъ пѣхотнымъ полкомъ, давъ ему въ подкрѣпленіе изъ Московскаго военнаго ополченія 500 человѣкъ, и приказавъ ему также соединиться съ Рязанскимъ полкомъ и опрокинуть непремѣнно непріятеля, который едва только-что съ симъ отрядомъ показался, невзирая на сильный ружейный огонь, бросился въ штыки и опрокинулъ непріятеля, причемъ получилъ сильную контузію, а полковникъ Сокаревъ, командующій Вильманстрандскимъ пѣхотнымъ полкомъ, раненъ пулею.

Въ самое сіе время, какъ оное происходило, непріятельскія сильныя двѣ колонны съ 4-мя орудіями пробирались лѣсомъ

между лѣвымъ нашимъ флангомъ и бригадою графа Ивелича, дабы совершенно отрѣзать сего послѣдняго отъ соединенія со мной и зайти ему въ тылъ. Баталіонъ Таврическаго гренадерскаго полка, находившійся на сей дирекціи, встрѣтилъ непріятеля сильнымъ ружейнымъ огнемъ и тѣмъ его пріостановилъ, потомъ, разсыпавъ двѣ роты въ стрѣлки, съ остальными двумя ротами отступилъ на дорогу, которая насъ соединяла съ центромъ арміи. Я, увѣдомившись объ ономъ, командировалъ генералъ-маіора князя Шаховскаго съ Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ, приказавъ ему отразить непремѣнно непріятеля, который экспедицію сію окончилъ весьма удачно, ибо непріятель немедленно отступилъ. При семъ случаѣ раненъ шефъ Минскаго пѣхотнаго полка полковникъ Красавинъ.

Непріятель, видя и въ семъ случаѣ неудачу своего предпріятія, рѣшился наконецъ сдѣлать рѣшительный ударъ на нашъ лѣвый флангъ, устроивъ сильную колонну изъ пѣхоты, поставивъ по флангамъ кавалерію, съ примѣрною быстротою, бросился на нашу батарею, командуемою штабсъ-капитаномъ Лесковымъ, и уже кавалерія его на половинѣ горы очутилась, и еще бы одинъ шагъ, какъ пушки наши послужили бы непріятелю трофеями; но храбрый полковникъ Пышницкій, съ Кременчугскимъ пѣхотнымъ полкомъ, съ примѣрною неустрашимостію, бросился съ штыками на непріятеля, подавая личною храбростію примѣръ подчиненнымъ, и въ одну минуту непріятель былъ согнанъ съ батарей, и дерзость его столько наказана штыками Русскихъ, что гора сія была усѣяна трупами непріятеля, а остальные спаслись бѣгствомъ.

Послѣ того, я приказалъ войскамъ собраться къ дорогѣ ведущей къ городу Можайску, дабы въ случаѣ надобности могъ соединиться съ арміею; по этому обстоятельству и батарею съ высоты приказалъ снять; непріятель, воспользовавшись симъ случаемъ, устремилъ всѣ свои силы меня преслѣдовать, почему я принужденъ былъ построить вторично войска по обѣимъ сторонамъ дороги, а 4-мъ орудіямъ роты подполковника Башмакова приказалъ дѣйствовать по непріятелю, а стрѣлки наши стороною лѣса зашли ему во флангъ, чѣмъ самымъ паки обратили его въ бѣгство; мы, преслѣдовавъ его нѣсколько, остановились, ибо темнота ночи не дозволила болѣе пользоваться симъ случаемъ, пославъ только партію казаковъ наблюдать

его отступленіе, которые потомъ возвратясь, донесли мнѣ, что непріятель отступилъ за Москву-рѣку (*), оставя совершенно знаменамъ Его Императорскаго Величества господствованіе надъ мѣстомъ сраженія.

12.

Его Свѣтлости,
высокоповелительному господину Генералъ-Фельдмаршалу, Главнокомандующему всѣми дѣйствующими арміями и кавалеру Князю Михаилу Ilаріоновичу Голенищеву-Кутузову,

генерала-отъ-кавалеріи, войска донскаго войсковаго атамана Платова,

РАПОРТЪ.

Въ бывшемъ 26-го числа прошлаго августа мѣсяца, при селеніи Бородинѣ, генеральномъ съ непріятелемъ сраженіи, находился я, по приказанію Вашей Свѣтлости, съ казачьими полками на правомъ флангѣ нашей арміи, и каково происходило дѣйствіе противъ непріятельскаго лѣваго фланга, Вашей Свѣтлости по личному присутствію вашему извѣстно; я-же долгомъ моимъ поставляю по всей истинѣ свидѣтельствовать предъ Вашею Свѣтлостію неутомимую дѣятельность и отличное мужество оказанное во все продолженіе сраженія командовавшимъ казачьими полками генералъ-маіоромъ Иловайскимъ 5-мъ, а отличившихся въ ономъ сраженіи полковыхъ командировъ и полковъ ихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, прилагая при семъ именной списокъ, покорнѣйше прошу о награжденіи ихъ, начальническаго разсмотрѣнія вашего и уваженія къ заслугамъ ихъ.

№ 1206-й.
Сентября 25-го дня, 1812 года.

(*) Калочу?

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIV-й.

---

(1) Изъ записокъ генералъ-маіора Левенштерна (извѣстнаго партизана).

(2) Herzog v. Würtemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812. 96.

(3) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 27-го августа (Военно-Топографическаго Депо, № 46,692).

(4) Рескриптъ главнокомандующему арміями, генералу князю Голенищеву-Кутузову.

„Князь Михайло Иларіоновичъ. Знаменитый вашъ подвигъ въ отраженіи главныхъ силъ непріятельскихъ, дерзнувшихъ приблизиться къ древней Нашей столицѣ, обратилъ на сіи новыя заслуги ваши Мое и всего Отечества вниманіе. Совершите начатое толь благоуспѣшно вами дѣло, пользуясь пріобрѣтеннымъ преимуществомъ и не давая непріятелю оправляться. Рука Господня да будетъ надъ вами и надъ храбрымъ Нашимъ воинствомъ, отъ котораго Россія ожидаетъ славы своей и вся Европа своего спокойствія. Въ вознагражденіе достоинствъ и трудовъ вашихъ, возлагаемъ Мы на васъ санъ генералъ-фельдмаршала, Жалуемъ вамъ единовременно сто тысячъ рублей, и Повелѣваемъ супругѣ вашей, княгинѣ, быть двора Нашего статсъ-дамою. Всѣмъ бывшимъ въ семъ сраженіи нижнимъ чинамъ жалуемъ по пяти рублей на человѣка. Мы ожидаемъ отъ васъ особаго донесенія о подвизавшихся съ вами главныхъ начальникахъ, а вслѣдъ за онымъ и обо

всѣхъ прочихъ чинахъ, дабы по представленію вашему сдѣлать имъ достойную награду. Пребываемъ вамъ благосклонный."

На подлинномъ подписано Собственною
Его Императорскаго Величества
рукою тако:
„Александръ."

Августа 31-го дня, 1812 г.

(5) Высочайшіе Приказы. — Приказы по арміямъ князя Кутузова. По случаю пожалованія князю Багратіону пятидесяти тысячъ рублей послѣдовалъ на имя его Высочайшій Рескриптъ, слѣдующаго содержанія:

„Князь Петръ Ивановичъ. Съ удовольствіемъ внимая о подвигахъ и усердной службѣ вашей, весьма опечаленъ Я былъ полученною вами раною, отвлекающею васъ на время съ поля брани, гдѣ присутствіе ваше при нынѣшныхъ военныхъ обстоятельствахъ столь нужно и полезно. Желаю и надѣюсь, что Богъ подастъ вамъ скорое облегченіе для украшенія дѣяній вашихъ новою честію и славою. Между-тѣмъ, не въ награду заслугъ вашихъ, которая въ непродолжительномъ времени вамъ доставится, но въ нѣкоторое пособіе состоянію вашему, Жалую вамъ единовременно пятьдесятъ тысячъ рублей. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано Собственною
Его Императорскаго Величества
рукою тако:
„Александръ."

С.-Петербургъ. Августа „ " дня 1812 года.

(Собраніе Высочайшихъ Манифестовъ, Грамотъ, Указовъ, Рескриптовъ и проч., послѣдовавшихъ втеченіи 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годовъ. С.-Петербургъ. 1816 года).

(6) Отзывъ князя Кутузова къ генералу-отъ-инфантеріи графу Растопчину, отъ 22-го августа, за № 17-мъ.

(7) Отзывы отъ 23-го августа за № 25-мъ, отъ 24-го за № 31-мъ, отъ 25-го, отъ 26-го за № 68-мъ. (Послѣдніе два за подписомъ Кайсарова).

(8) Отзывъ князя Кутузова, отъ 27-го августа за № 71-мъ, *съ позиціи при Бородинѣ.*

(9) Отзывъ Растопчина, отъ 22-го августа.

(10) Отзывъ князя Кутузова, отъ 27-го августа, изъ Жукова.

([11]) Отзывъ князя Кутузова, отъ 30-го августа, изъ Мал. Вяземки.

([12]) Письма Растопчина къ Кутузову, отъ 25-го и 27-го августа.

([13]) Thiers. XIV. Edit. de Brux. 390—391. Въ отзывѣ Бертьѐ къ маршалу Бессьѐру, отъ 15-го (27-го) сентября 1812 г., о дѣйствіяхъ до вступленія Французовъ въ Москву, сказано: «Кутузовъ, отступивъ къ Москвѣ, сдѣлалъ то, что̀ слѣдовало ему сдѣлать: онъ окапывался на хорошихъ позиціяхъ, какъбы имѣлъ намѣреніе принять вторично сраженіе. Еслибы въ вѣдомости, поданной начальникомъ артиллеріи Ларибуасьеромъ, число зарядовъ было показано двадцатью тысячами менѣе, то Императоръ остановился бы, какія бы выгоды ни представляло ему поле сраженія, потому-что взятіе редутовъ невозможно безъ большаго количества артиллеріи и снарядовъ.»

([14]) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Записка Барклая де-Толли).

([15]) Разстояніе около ста двадцати верстъ между Бородинымъ и Москвою было пройдено въ шесть небольшихъ переходовъ. — Шамбрѐ говоритъ: Depuis Mojaisk Koutouzof se retira sur Moscou, apportant tous ses soins à retablir l'ordre dans son infanterie et à lui rendre une confiance qui devait être ébranlée par les revers de Borodino. La lenteur que mit Napoléon dans sa poursuite et la bonne contenance de Miloradowitz lui permirent d'atteindre ce résultat. Histoire de l'éxpedition de Russie. II. 97. (Кутузовъ отступилъ отъ Можайска къ Москвѣ, стараясь всевозможно возстановить порядокъ въ своей пѣхотѣ и возбудить въ войскахъ самоувѣренность, которую должна была поколебать неудача при Бородинѣ. Медленность Наполеонова преслѣдованія и стойкость Милорадовича способствовали русскому военачальнику достигнуть предположенной имъ цѣли дѣйствій.)

([16]) Clausewitz. Der Feldzug von 1812 in Russland. 169.

([17]) Clausewitz. 167—172.

([18]) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812. 97.— Бернгарди увѣряетъ, что 2-й кавалерійскій корпусъ также оставался противъ батареи Раевскаго до девяти часовъ утра.

([19]) Chambray. II. 82.

([20]) Chambray. II. 82—83. — Bernhardi. II. 125—126.

(21) Краткій военный журналъ, составленный полковникомъ Толемъ.

(22) Lemasurier. Medicinische Geschichte des Russischen Feldzuges von 1812. — Bernhardi. II. 125. — Chambray. II. 90—91.

(23) Полки 6-го корпуса: пѣхотные: Либавскій, Софійскій, Бутырскій, Томскій и егерскіе 11-й и 36-й, съ батарейною ротою Гулевича (Краткій военный журналъ, составленный полковникомъ Толемъ.)

(24) Краткій военный журналъ, составленный полковникомъ Толемъ.

(25) У генерала Бутурлина, вмѣсто 34-го полка, показанъ 33-й.

(26) Boutourlin. I. 353—356.

(27) Донесеніе Кутузова, отъ 29-го августа, изъ деревни Нары.

(28) Приказъ князя Кутузова по арміямъ, отъ 30-го августа, за № 14-мъ.

(29) Краткій военный журналъ, составленный полковникомъ Толемъ.

(30) Донесенія Государю генералъ-адъютанта Винцингероде.

(31) Краткій военный журналъ, составленный полковникомъ Толемъ.

(32) Bernhardi. II. 134—135.

(33) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Записка Барклая де-Толли).

(34) Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

(35) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812. 98.

(36) Всѣ свѣдѣнія о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ извлечены изъ донесеній Императору Александру I-му Барклая де-Толли и Беннигсена, Записокъ Раевскаго и частныхъ писемъ.

(37) По увѣренію Бернгарди, флигель-адъютантъ полковникъ Мишо, передъ совѣщаніемъ въ Филяхъ, обратилъ вниманіе князя Кутузова на то, что Ока, разливаясь въ осеннюю пору, наводняла окрестности сей рѣки, и что, въ такомъ случаѣ, наша армія, двинувшись по нижегородской дорогѣ (какъ предлагалъ Барклай де-Толли), была бы разобщена отъ южныхъ областей Имперіи. Бернгарди полагаетъ, что это замѣчаніе побудило Кутузова отступать по рязанской дорогѣ. II. 142—143.

([38]) Генерала Михайловскаго-Данилевскаго. Описаніе Отечественной войны 1812 г.

([39]) Записка о войнѣ 1812 года, составленная княземъ А. Б. Голицынымъ, состоявшимъ на безсмѣнныхъ ординарцахъ при князѣ Кутузовѣ.

([40]) Histoire de la destruction de Moscou en 1812, etc., par A. F. de B . . . . . ch, ancien officier au service de Russie. Traduit de l'allemand par M. Breton, 84.

([41]) Denkwürdigk. des Grafen v. Toll. II. 143.

([42]) Chambray. II. 124.

([43]) Denkwürdigk. des Grafen v. Toll. II. 143.

([44]) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи. — Записки Бенкендорфа.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXV-й.

(1) Собственно ручныя записки Бестужева-Рюмина. — 18-го августа было объявлено отъ главнокомандующаго въ Москвѣ графа Растопчина: «Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться, а оружія тысячъ на десять есть въ арсеналѣ, которое куплено дешево на макарьевской ярмаркѣ; всякое утро желающіе могутъ покупать въ арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены. За это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда; но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ.“ Сочиненія Растопчина. 1853. 170.

(2) Отзывъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязмитинова Московскому военному губернатору, графу Растопчину, отъ 5-го іюля, за № 258-мъ.

(3) Отношенія графа Растопчина министру полиціи, отъ 18-го и 23-го августа.

(4) «Выборная каналья изъ каналій», писалъ Растопчинъ въ отзывѣ къ министру полиціи, отъ 23-го августа.

(5) Записка о военныхъ дѣйствіяхъ, напечатанная и объявленная въ Москвѣ, по приказанію графа Растопчина.

(6) Записка о военныхъ дѣйствіяхъ.

(7) Сочиненія Растопчина. 171—173.

(8) Сочиненія Растопчина. 174—175.

(9) Очерки жизни московскаго архіепископа Августина. Соч. Снегирева. 1841. Изд. 3-е. 27—28.

(10) „Aussitôt que Leppich sera pret, composez lui un équipage pour sa nacelle d'hommes surs et intelligents et dépêchez un courrier au général Koutousoff pour l'en prévenir. Je l'ai

instruit de la chose. Recommandez, Je vous prie, à Leppich d'être bien attentif sur l'endroit où il descendra la première fois, pour ne pas se tromper et ne pas tomber dans les mains de l'ennemi. Il est indispensable qu'il combine ses mouvemens avec le général en chef. (Изъ письма Императора Александра I-го къ графу Растопчину. Копія съ онаго хранится въ Архивѣ В.-Т. Депо. № 47,352, Папка I.)

(11) Сочин. Растопчина. 170—171.

(12) Въ октябрѣ 1812 года, Смидъ со всѣмъ своимъ аппаратомъ переѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода въ Петербургъ и занимался въ Ораніенбаумѣ, подъ наблюденіемъ адъютанта графа Аракчеева, капитана Тизенгаузена, приведеніемъ въ дѣйствіе своей летучей машины, но не успѣвъ въ томъ, отправился за границу въ началѣ 1813 года. Histoire de la destruction de Moscou en 1812, par A. F. de B... ch. 49—51. Свѣдѣнія о машинѣ Смида (Франца Леппиха), В.-Т. Депо, № 46,692. Портф. 2.

(13) «Всемилостивѣйшій Государь Императоръ! Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа своего, яко мать, во объятія усердныхъ сыновъ своихъ, и сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу Твоея Державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый! Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; кроткая вѣра, сія праща россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего Отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству. Болѣзную, что слабѣющія мои силы препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ Вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія Вашего Величества.»

(14) Жизнь московскаго митрополита Платона, соч. Снегирева. 1856. II. 47—50.

(15) Донесеніе графа Растопчина, отъ 1-го сентября.

(16) Собственноручныя записки Бестужева-Рюмина.

(17) Очерки жизни московскаго архіепископа Августина. Сочин. И. Снегирева. 1841. 32.

(18) Отзывъ князя Кутузова, отъ 1-го сентября.

*

([19]) Свѣдѣніе доставленное отъ бывшаго московскаго слѣдственнаго пристава Вороненки.

([20]) Журналъ французской коммисіи военнаго суда о московскомъ пожарѣ. Изъ числа преданныхъ суду двадцати-шести человѣкъ, было девять солдатъ московской полиціи.

([21]) Очерки жизни московскаго архіепископа Августина. 33—34.

([22]) Собственно ручныя записки Бестужева-Рюмина. — Histoire de l'incendie de Moscou en 1812, par M. l'abbé Surrugue, copiée mot-à-mot sur les registres de la paroisse de St. Louis, à Moscou.

([23]) Ker-Porter. 176. — Chambray. II. 104—105. — Histoire de la destruction de Moscou en 1812. 78.

([24]) Общій сводъ движеній и дѣйствій россійскихъ войскъ въ войну 1812 года (составл. генераломъ Хатовымъ). Арх. В.-Т. Депо, № 37, 640.

([25]) Wolzogen. 155.

([26]) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812, v. dem Herzog Eugen v. Würtemberg. 98.

([27]) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812. 100.

([28]) Записка о войнѣ 1812 года, составленная княземъ А. Б. Голицынымъ, состоявшимъ на безсмѣнныхъ ординарцахъ при фельдмаршалѣ Кутузовѣ.

([29]) Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Записка Барклая де-Толли). — Записки генералъ-маіора Левенштерна (рукопись).

([30]) Записка сенатора Акинфова.

([31]) Корбелецкій. Краткое повѣствованіе о вторженіи Французовъ въ Москву и о пребываніи ихъ въ оной по 27-е сентября 1812 года. 21—22.

([32]) Изъ Записокъ Акинфова.

([33]) Clausewitz. Der Feldzug von 1812. 173.

([34]) Denkwürdigk. des Grafen v. Toll. II. 150—151.

([35]) Изъ Записокъ Акинфова.

([36]) Корбелецкій. 23—24. — Fain. II. 44. — Ségur. II. 36.

([37]) Корбелецкій. 24—27.

([38]) Ségur. II. 38. — Деніе говоритъ, что Наполеонъ приказалъ привести къ нему депутацію генералу Дюронелю. Itinéraire de l'empereur Napoléon. 88—89.

([39]) Корбелецкій. 29. — Chambray. II. 117—118.

(40) Chambray. II. 114.

(41) Fain. II. 45—46.

(42) Chambray. II. 115. — Bernhardi. Denkwürdigk. 154—155.

(43) Clausewitz. 174—175.

(44) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны 1812 года. — Bernhardi. Denkwürdigk. 153.

(45) Bernhardi. 154. — Генералъ Михайловскій-Данилевскій, описывая выступленіе русскихъ войскъ изъ Москвы, говоритъ, что когда арріергардъ и обозы отошли отъ города четыре версты и Милорадовичъ расположился въ ближней деревнѣ, внезапно «явился къ нему генералъ-маіоръ Панчулидзевъ, съ «донесеніемъ, что два эскадрона его полка(*), или запоздавъ, «или заблудясь въ Москвѣ, не успѣли присоединиться къ ар-«ріергарду и остановлены позади непріятельской цѣпи. Мило-«радовичъ послалъ требовать возвращенія ихъ, но почитая «дѣло слишкомъ важнымъ, сѣлъ верхомъ, опередилъ адъю-«танта, проскакалъ одинъ, безъ трубача, черезъ непріятельскіе «посты, сказалъ привѣтствіе Себастіани, и не ожидая его «отвѣта, скомандовалъ нашимъ двумъ эскадронамъ: по три на-«право, заѣзжай! вывелъ ихъ изъ непріятельской цѣпи и съ «ними вмѣстѣ освободилъ еще множество подъѣхавшихъ изъ «Москвы экипажей.» Описаніе Отечественной войны, сочин. генерала Михайловскаго-Данилевскаго. II. 340—341.

(46) Донесеніе отъ 1-го сентября.

(47) Изъ бумагъ хранящихся въ Секретномъ Архивѣ 2-го Отдѣленія Департамента Генеральнаго Штаба.

(48) Письмо Мишо къ бывшему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому. Копія хранится въ Архивѣ Военно-Топографическаго Депо, за № 47,352, Портф. 2.

«Mon cher Colonel!

«Après l'entretien que nous eumes hier sur les évènemens de la guerre de l'année 12, je crois vous faire plaisir, très cher Colonel, en vous faisant connaitre une petite conversation que j'eus l'honneur d'avoir avec Sa Majesté notre très gracieux Empereur le 8. 7-re 1812. Elle devrait faire époque dans l'histoire par la connaissance qu'elle donne de la force d'ame de notre

(*) Польскаго уланскаго?

Souverain qui a été bien mal jugé par ceux qui l'ont cru au moment de conclure la paix après la perte de Moscou.

Vous savez, mon cher chevalier, que je fus envoyé à St.-Pétersbourg par le maréchal Koutouzoff pour porter la nouvelle à Sa Majesté de l'abandon de Moscou dont les flammes éclairerent ma route jusqu'au delà de Mourom: jamais voyageur n'a eu le coeur plus sensiblement touché que le mien l'a été dans cette occasion: Russe de coeur et d'ame quoique étranger, porteur d'une des plus tristes nouvelles au meilleur des Souverains, traversant un pays au milieu d'un demi-million et plus d'habitans de toutes classes qui émigraient n'emportant avec eux que l'amour de la patrie, l'espoir de la venger et un dévouement sans bornes pour leur adoré Souverain, frappé tour à tour par la douleur de ma mission, de tout ce que je voyais, et par la joie de tout ce que j'entendais autour de moi de l'entousiasme national, j'arrivais le 8 au matin à la capitale tout plein de chagrin par les tristes nouvelles que j'allais donner. Admis à l'instant par Sa Majesté dans Son cabinet, l'Empereur jugea d'abord par mon air que je n'avais rien de consolant à Lui apprendre...... m'apportez-vous de tristes nouvelles Colonel, me dit-il?... bien tristes, lui repondis-je, l'abandon de Moscou .... mais aurait-on livré mon ancienne capitale sans se battre? Sire, les environs de Moscou n'offrant aucune position à pouvoir hasarder une bataille avec des forces inferieures, le maréchal a cru bien faire en conservant à Votre Majesté une armée, dont la perte sans sauver Moscou aurait pu être de la plus grande consequence, et qui, par les renforts que Votre Majesté vient de lui procurer et que je viens de rencontrer de toutes parts, se verra bientôt à même de reprendre l'offensive et faire repentir l'ennemi d'avoir pénétré dans le coeur de Ses états .... l'ennemi est-il entré en ville? ... Oui Sire et elle est en cendre à l'heure qu'il est, je l'ai laissée toute en flammes. A ces mots les yeux du Souverain me firent si bien connaitre l'état de Son ame que j'en fus ému à ne pouvoir tenir.... Je vois, colonel, par tout ce qui nous arrive, que la Providence exige des grands sacrifices de nous; je suis pret à me soumettre à toutes ses volontés, mais dites moi, Michaud, comment avez vous laissé l'esprit de l'armée en voyant abandonner ainsi Mon ancienne capitale sans coup ferir; est-ce que cela n'a pas influé sur le

moral du soldat? N'avez-vous pas aperçu du découragement.... Sire, me permettez Vous, lui repondis-je, de Vous parler franchement en loyal militaire .... Colonel, je l'exige toujours, mais dans ce moment surtout je vous prie de me parler comme vous l'avez fait autrefois; ne me cachez rien; je veux savoir absolument ce qu'il en est ... Sire, j'ai laissé toute l'armée depuis les chefs jusqu'au dernier soldat sans exception dans une crainte épouvantable, effrayante ... Comment-ça? reprit le Souverain d'un air indigné; d'ou peuvent naitre les craintes? Mes Russes se laisseroient-ils abattre par quelques malheurs .... Jamais, Sire, ils craignent seulement que Votre Majesté par bonté de coeur ne se laisse persuader de faire la paix; ils brullent de combattre et de Lui prouver par le sacrifice de leur vie et par leur courage, combien ils Lui sont devoués .... ah! vous me tranquilisez, colonel; (en frappant de la main sur mon épaule) eh bien, retournez à l'armée, dites à nos braves, dites à tous mes bon sujets, partout ou vous passerez, que quand je n'aurais plus aucun soldat, je me mettrai moi même à la tête de ma chère noblesse, de mes bons paysans et j'userai ainsi jusqu'à la dernière ressource de Mon empire, il m'en offre encore plus que mes ennemis ne pensent, mais si jamais il fut écrit dans les décrets de la divine Providence que ma dinastie dut cesser de regner sur le trone de mes ancetres, alors après avoir epuisé tous les moyens qui sont en mon pouvoir, je me laisserai croitre la barbe jusqu'ici (en portant la main sur la poitrine) et j'irai manger des pommes de terre avec le dernier de mes paysans plutôt que de signer la honte de ma patrie et de ma chère nation dont je sais apprecier les sacrifices qu'elle Me fait ..... puis allant jusqu'au fond de Son Cabinet et revenant à grands pas, le visage tout plein de feu, serrant de Sa main mon bras .... Colonel Michaud, n'oubliez pas ce que je vous dis ici; peut-être un jour nous nous le rappellerons avec plaisir ... Napoléon ou Moi, ou lui, ou Moi, nous ne pouvons plus regner ensemble; j'ai appris à le connaitre; il ne me trompera plus ..... Sire, lui repondis-je, le coeur entousiasmé de tout ce que je venois d'entendre, Votre Majesté signe dans ce moment la gloire de la nation et le salut de l'Europe.

(49) Донесеніе князя Кутузова изъ Жилина, отъ 4-го сентября. Арх. В.-Т. Депо, № 46,692.

(50) Подлинникъ этого письма на нѣмецкомъ языкѣ хранится въ Архивѣ В.-Т. Депо № 46,692. — На приложенномъ къ нему русскомъ переводѣ сдѣлана помѣтка: отвѣтъ посланъ съ полковникомъ Мишо 14-го сентября.

(51) Das Leben des Ministers Freiherrn v. Stein. 2-e Auflage. III. 158. — Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 173.

(52) Собственноручное письмо Императора Александра I, отъ 19-го сентября 1812 года.

(53) Копія съ письма графа Ливена, отъ 21-го сентября, хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

(54) Составъ отряда генерала Винцингероде: полки Лейбъ-Казачій, Казанскій драгунскій и Изюмскій гусарскій, Л.-Гв. Черноморская сотня; два орудія 5-й конной роты; казачьи полки: Иловайскаго 4-го, Иловайскаго 12-го, Чернозубова 8-го и Иловайскаго 7-го (послѣдній на ярославской дорогѣ); Ставропольскій калмыцкій и Перекопскій татарскій (строевой рапортъ отъ 6-го сентября, за подп. генерала Винцингероде).

(55) Высочайшее Повелѣніе отъ 9-го сентября, за № 122-мъ.

(56) Высочайшее Повелѣніе отъ 9-го сентября, за № 123-мъ.

(57) Высочайшее Повелѣніе генералъ-адъютанту Кутузову, отъ 10-го сентября, за № 125-мъ.

(58) Высочайшее Повелѣніе генералъ-адъютанту Кутузову, отъ 10-го сентября, за № 125.

(59) Высочайшее Повелѣніе управляющему Военнымъ Министерствомъ, отъ 12-го сентября, за № 129-мъ.

(60) Изъ дѣлъ Комитета Министровъ.

(61) Высочайшее Повелѣніе отъ 12-го сентября, за № 132-мъ.

(62) Описаніе Отечеств. войны, составл. генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. II. 399—401.

(63) Das Leben des Ministers Freiherrn v. Stein. III. 159—160.

(64) Записки Шишкова. 45.

(65) Подлинный Журналъ Комитета Министровъ и копія съ письма Императора Александра I-го къ фельдмаршалу Кутузову, хранятся въ Архивѣ В.-Т. Депо, № 46,692, Портф. 4.

(66) Высочайшее Повелѣніе князю Кутузову, отъ 14-го сентября, за № 142-мъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVI-й.

(1) Fain. Manuscrit de 1812. II. 46.

(2) Корбелецкій. Краткое повѣствованіе о вторженіи Французовъ въ Москву. 29—30. — Очерки жизни московскаго архіепископа Августина. Соч. И. Снегирева. 1841. Изд. 3-е. 35.

(3) Fain. II. 74—75. — Очерки жизни архіепископа Августина. 35.

(4) Fain. II. 76—78. — Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 119—122. — Gourgaud. Examen critique de l'ouvrage de Mr. le comte de Ségur. — Denniée. Itinéraire de l'empereur Napoléon. 93—95 et 190.

(5) Fain. II. 79—82. — Denniée. 96.

(6) Chambray. II. 131—132. — Ségur. II. 66—67. — Thiers. XIV. Ed. de Brux. 427—429.

(7) Донесеніе Тутолмина Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11-го ноября 1812 года.

(8) Журналъ засѣданія Коммисіи военнаго суда о московскомъ пожарѣ, помѣщенный во Франц. Монитёрѣ 29-го октября 1812 года, № 303-й.

Приговорены были къ смертной казни:

1. Петръ Игнатьевъ, поручикъ 1-го московскаго полка (ополченія).
2. Стратонъ Баровъ, живописецъ.
3. Алексѣй Карлумъ, солдатъ московской полиціи.
4. Иванъ Томасъ, сидѣлецъ.
5. Петръ Стигневичъ, живописецъ.
6. Илья Агакомовъ, кузнецъ.
7. Иванъ Максимовъ, лакей князя Сибирскаго.
8. Семенъ Ахрамеевъ (званія не показано).
9. Николай Левутьевъ, живописецъ.

10. Өедоръ Сергѣевъ, портной.

(9) Журналъ засѣданія Коммисіи военнаго суда о московскомъ пожарѣ.

Присуждены къ заключенію:

1. Иванъ Касьяновъ, пономарь.
2. Николай Васильевъ, кузнецъ.
3. Өедоръ Мидцовъ, солдатъ.
4. Василій Ермолаевъ, ремесленникъ.
5. Николай Белшеровъ, лакей.
6. Семенъ Ивановъ, обойщикъ.
7. Андрей Шестоперовъ, солдатъ московской полиціи.
8. Өедоръ Ефимовъ, солдатъ московской полиціи.
9. Луціанъ Мотейцъ, солдатъ московской полиціи.
10. Сеаховъ, солдатъ московской полиціи.
11. Гаврила Абрамовъ, солдатъ московской полиціи.
12. Никифоръ Самойловъ, солдатъ московской полиціи.
13. Гаврила Бѣгловъ, солдатъ московской полиціи.
14. Степанъ Логоновъ, лакей.
15. Өедоръ Григорьевъ, солдатъ московской полиціи.
16. Шестоперовъ (званія не показано).

(10) Донесеніе графа Растопчина, отъ 13-го сентября, изъ Красной-Пахры. Изъ этого донесенія можно заключить, что еще 29-го августа Кутузовъ имѣлъ намѣреніе выйти на калужскую дорогу.

(11) Донесеніе графа Растопчина, отъ 13-го октября, изъ Владиміра.

(12) Копіи съ писемъ, хранившихся у статскаго совѣтника Старинкевича, управлявшаго канцеляріею князя Багратіона.

(13) Свѣдѣніе доставленное отъ бывшаго московскаго слѣдственнаго пристава Вороненки.

(14) Сочиненія Растопчина. 1853. 212—213.

(15) La verité sur l'incendie de Moscou. Paris. 1823. Par le comte Rastoptchine. (Правда о пожарѣ Москвы. Соч. графа Растопчина.). Эта брошюра помѣщена, въ русскомъ переводѣ и во французскомъ подлинникѣ, въ изданной Смирдинымъ книгѣ: Сочиненія графа Растопчина. 1853. 199—298.

(16) Донесенія Тутолмина Императору Александру I-му, отъ 7-го сентября, и Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ, отъ 11-го ноября 1812. — Fain. II. 84—87.

(17) Собственноручная записка Яковлева. Въ концѣ ея сказано, что она можетъ служить къ опроверженію ложнаго разсказа о разговорѣ Яковлева съ Наполеономъ, помѣщеннаго въ сочиненіи барона Fain'а.

(18) Собственноручное письмо Императора Александра I-го къ Наслѣдному шведскому принцу, отъ 19-го сентября (1-го октября) 1812 года.

(19) Ordre du jour, du 18 septembre (n.st.). Подлинникъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

(20) Ordre du jour, du 20 septembre (n. st.)

(21) Ordre du jour, du 21 septembre (n. st.)

(22) Ordre du jour, du 29 septembre (n. st.)

(23) Ordre du jour, du 1 octobre (n. st.)

(24) Ordres du jour, du 29 septembre et du 6 octobre (n. st.). Въ первомъ изъ этихъ приказовъ сказано: L'Empereur voit avec peine que des soldats d'élite destinés à la garde de Sa Personne, qui devraient conséquemment donner dans toutes les circonstances l'exemple de l'ordre et de la subordination, s'oublient au point de commettre des pareilles fautes. Il en est qui ont enfoncé des caves et des magasins de farine que fesait garder l'Jntendant-général pour le service de l'armée; il en est d'autres qui se sont avili au point de méconnaître les consignes et de maltraiter de propos et de fait les gardes et leur chefs placés par les autorités. Въ приказѣ 6 октября (н. ст.) значится: Tous les officiers, quelque soit leur grade, soit en ligne, soit en colonne, soit lorsqu'ils defileront, doivent saluer de l'épée Sa Majesté. C'est une marque de respect qui n'est dûe, qu'à l'Empereur. Déjà plusieurs fois cela a été ordonné et l'on a observé aujourd'hui à la parade que cela ne se faisait plus. S. Exc-ce le maréchal duc de Dantzick invite Mrs. les officiers à mieux se rappeler de leurs devoirs dans cette circonstance et Mrs. les chefs à en surveiller l'éxécution.

(25) Histoire de la destruction de Moscou en 1812. 113—114.

(26) Изъ показаній очевидцевъ.

(27) Clausewitz. Der Feldzug in 1812 in Russland. 184—185.

(28) Clausewitz. 184.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVII-й.

(1) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи. — Boutourlin. I. 366.

(2) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи. — Wolzogen. 157.

(3) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи. — Boutourlin. I. 372 - 373.

(4) Bernhardi. II. 166—167. — Wolzogen. 159.

(5) Wolzogen. 159.

(6) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи (Арх. В.-Т. Депо № 29,179). Въ другой копіи сего журнала ошибочно сказано, что армія безостановочно слѣдовала далѣе къ Горкамъ.

(7) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи. — Донесеніе Государю Кутузова, отъ 6-го сентября, изъ Подольска.

(8) Приказъ князя Кутузова, отъ 7-го сентября, за № 19-мъ.

(9) Предписанія князя Кутузова.

(10) Отношеніе генералъ-лейтенанта Раевскаго къ начальнику штаба арміи, генералъ-маіору Ермолову, отъ 8-го сентября, изъ селенія Луковни, за № 356-мъ.

(11) Fain. II. 94. — Письмо начальника штаба Большой арміи Бертьѐ къ королю Неаполитанскому, отъ 22-го сентября н. ст. . . . . „Des cosaques ont paru sur la route de Smolensk, à six ou sept lieues d'ici. Ils étaient une trentaine, qui ont surpris un convoi d'une quinzaine de caissons, qu'ils

ont brûlés" .... (Казаки появились на смоленской дорогѣ, въ двадцати-пяти или тридцати верстахъ отсюда, въ числѣ до тридцати человѣкъ; они захватили и сожгли обозъ, состоявшій изъ полутора десятка фуръ ....).

(12) Письмо Бертьѐ къ королю Неаполитанскому, отъ 23-го сентября н. ст. — Составъ войскъ Мюрата: корпусъ князя Понятовскаго, дивизіи Клапаре̇да и Дюфура, легкая кавалерія 1-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ (кромѣ одной легкой бригады 1-го корпуса), резервная кавалерія (за исключеніемъ корпуса Лагуссѐ, смѣнившаго Груши). Chambray. II. 145 et 216.

(13) Письмо Бертьѐ къ герцогу Истрійскому (Бессьѐру) отъ 22-го сентября н. ст. Составъ Бессьерова корпуса: дивизія Фридрихса (бывшая Дессѐ), одна легкая кавалерійская бригада 1-го пѣхотнаго корпуса, резервный кавалерійскій корпусъ Лагуссѐ и гвардейская уланская бригада Кольбера. Chambray. II. 148.

(14) Письма Бертьѐ къ Бессьѐру, отъ 22-го и 23-го сентября н. ст. — Chambray. II. 150.

(15) Сочиненія Давыдова. Изд. А. Смирдина. 1848. Стр. 448.

(16) Сочиненія Давыдова. 447—451.

(17) Донесеніе командующему авангардомъ, генералъ-лейтенанту Коновницыну, подполковника Давыдова, отъ 2-го сентября, за № 11-мъ (Арх. В.-Т. Депо, № 29,172. Журналъ входящихъ бумагъ).

(18) Донесеніе дежурному генералу Коновницыну генералъ-маіора Дорохова, отъ 9-го сентября, изъ Десны (Арх. В.-Т. Депо, № 29,172).

(19) Донесенія дежурному генералу Коновницыну генералъ-маіора Дорохова, отъ 10-го и 11-го сентября (Арх. В.-Т. Депо, № 29,172).

(20) Общій операціонный планъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ присланъ Государемъ князю Кутузову, заключался въ слѣдующихъ Высочайшихъ Повелѣніяхъ, на имя Чичагова, Тормасова, графа Витгенштейна и графа Штейнгеля.

1) Адмиралу Чичагову.

«Отдаленіе главныхъ силъ непріятельскихъ за Днѣпръ, приготовленные и уже соединенные тамъ способы наши, бывъ достаточны для занятія и пораженія ихъ, даютъ намъ возможность сдѣлать сильное вцаденіе въ тылъ непріятеля и

дѣйствовать на его операціонную линію: отъ сѣвера черезъ Двину, въ губерніи Виленскую и Минскую, двумя арміями, графа Шейнгеля и графа Витгенштейна; отъ юга, въ губерніи Гродненскую и Минскую, тоже двумя арміями, одною, бывшею Тормасова, а другою, подъ вашимъ предводительствомъ. Отъ излагаемаго здѣсь общаго на врага наступленія послѣдовать должно освобожденіе и спасеніе Россіи. Еслибы на столь великомъ пространствѣ всѣ части вообще и каждая особенно не шли къ предметамъ, имъ опредѣленнымъ, сообразно и къ лучшему успѣху цѣлаго, тогда и наиполезнѣйшее предпріятіе могло бы обратиться въ предосужденіе. Всякое неединовременное движеніе войскъ нашихъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, можетъ произвесть не иное что, какъ утрату людей, безъ важныхъ послѣдствій, если оно будетъ только отдѣльное, а не всеобщее и сообразное съ цѣлымъ и со всѣми другими отдѣльными частями, да и то такъ исполнено, чтобы повсюду дѣйствія совершаемы были даже въ опредѣленное время и къ опредѣленнымъ пунктамъ. И такъ, при общихъ усиліяхъ и при облегченіи другъ друга, самые успѣхи содѣлаются несомнительны, да и послѣдствія будутъ полезнѣе и важнѣе. Намъ конечно слѣдуетъ воспользоваться отдаленіемъ главныхъ силъ непріятеля, для возстановленія разорванныхъ нашихъ сообщеній, и обратить превосходныя силы наши, съ одной стороны, отъ Полоцка за Двину на лѣвый флангъ непріятельскихъ корпусовъ Удино и Макдональда, по Двинѣ расположенныхъ, и, отрѣзавъ ихъ отъ главной непріятельской арміи, разбить и опрокинуть на наступающія войска, графомъ Штейнгелемъ предводимыя. Сіи войска, довершая истребленіе и замѣняя корпусъ графа Витгенштейна, дадутъ ему способы стремительно обратиться въ сѣверную часть Минской губерніи, для соединенія съ вами. Между-тѣмъ, съ другой стороны, армія, бывшая Тормасова, озабочивая отбитые ею соединенные два корпуса князя Шварценберга и Ренье, будетъ удерживать ихъ на дорогѣ отъ Пружанъ до Слонима, до тѣхъ поръ, пока вы успѣете придти съ арміею, вами предводимою, въ Пинскъ. Отсюда, бывъ закрыты движеніями бывшей арміи Тормасова, стремительно должно вамъ броситься черезъ Несвижъ до Минска, и тѣмъ отрѣзавъ Шварценберга и Ренье отъ главной непріятельской арміи, тогда же соединиться въ одну сторону

съ бывшею арміею Тормасова, между Смоленскомъ и Несвижемъ, дабы войска Шварценберга и Ренье отъ Минской губерніи тѣмъ еще болѣе совершенно и конечно отрѣзаны были, а впослѣдствіи и въ другую сторону черезъ Минскъ также соединиться съ графомъ Витгенштейномъ, въ одно и то же время присоединивъ къ себѣ въ Минскѣ корпусъ изъ Мозыря, такъ, чтобы, при неразрывномъ соединеніи всѣхъ силъ нашихъ въ Литвѣ, могли быть опрокинуты и принуждены обратиться: Саксонцы въ герцогство Варшавское, Цесарцы въ Галицію, Пруссаки и Виртембергцы за Нѣманъ, а Французы искоренены до послѣдняго. При исполненіи сего важнаго плана, всегда соображать должно и движеніе непріятеля съ общею цѣлью нашею, и со временемъ гдѣ какая часть войскъ нашихъ тогда находиться можетъ, или дѣйствительно находится, а потому, для свѣдѣнія и соображенія вашего, прилагаются здѣсь копіи съ данныхъ наставленій начальникамъ войскъ нашихъ, которымъ взаимно должно извѣщать одинъ другаго, нетолько о движеніи непріятеля, но и о мѣстѣ своего пребыванія, что̀ кто предпринимаетъ и гдѣ черезъ нѣсколько дней быть уповаетъ, дабы каждый всегда видѣть могъ ходъ дѣйствій, общими усиліями производимый, повѣрять ихъ съ генеральнымъ планомъ, и сообразно оному приводить все къ желаемому окончанію.

«Къ непремѣнному и точному исполненію за благо признаю предписать вамъ: 1) Отъ Острога обратить предводимую вами армію на Пинскъ, гдѣ 25-го сентября должно ей быть непремѣнно, поелику одинъ изъ главныхъ успѣховъ всей операціи есть: закрываясь движеніями Тормасова, выиграть вамъ надъ корпусами Ренье и Шварценберга нѣсколько переходовъ отъ Пинска на Несвижъ и Минскъ, дабы, предупреждая ихъ въ сихъ мѣстахъ, совершенно отрѣзать ихъ отъ Минской губерніи, Березины и главной непріятельской арміи. 2) Не позже къ 1-му октября, а если ранѣе, тѣмъ лучше, армія, вами предводимая, должна быть въ Несвижѣ. Тутъ учредя сообщеніе съ бывшею арміею Тормасова, къ 5-му октября усилить ее, если нужно, отрядомъ войскъ вашихъ, и тѣмъ поставить въ лучшую возможность сильно поразить и преслѣдовать Шварценберга и Ренье, выгоняя ихъ въ герцогство Варшавское или въ Галицію. 3) Къ 9-му октября наипозднѣе, а если прежде,

тѣмъ лучше, главныя силы ваши должны быть въ Минскѣ, гдѣ къ тому же дню придетъ къ вамъ отрядъ изъ Мозыря. Изъ Минска, какъ можно скорѣе, въ одну сторону займите рѣку Березину и Борисовъ, гдѣ должно укрѣпить сильный лагерь, занимая и далѣе лѣсъ и дефилеи по дорогѣ отъ Борисова до Бобра, и укрѣпляя по всей дорогѣ сей всѣ способныя къ тому мѣста, такъ, чтобы на возвратномъ пути главной непріятельской арміи, преслѣдуемой нашими войсками, тутъ на каждомъ шагу могло быть производимо сильное сопротивленіе, а въ другую, къ 15-му октября, соединитесь съ графомъ Витгенштейномъ къ сторонѣ Докшицъ, чѣмъ и прямѣйшія коммуникаціи ваши, какъ съ Петербургомъ, такъ и съ Кіевомъ, совершенно утверждены и обезпечены будутъ. 4) Занимая такимъ образомъ центръ соединенныхъ трехъ армій, и имѣя четвертую резервомъ въ Вильнѣ, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, между-тѣмъ происшествія въ главныхъ арміяхъ откроютъ то, чего предвидѣть нѣтъ возможности, и тогда, по стремленію непріятеля, или на лѣвый флангъ, черезъ Улу, или на центръ, черезъ Бобръ или Борисовъ и Березину, или на правый флангъ къ Бобруйску, и наши три арміи соединиться должны для отраженія непріятеля, или въ центрѣ, или на которомъ либо флангѣ. Однимъ словомъ: вездѣ, гдѣбы онъ только какое покушеніе сдѣлать могъ, всегда съ дѣятельностію и быстротою предупреждая, по крайней мѣрѣ въ равныхъ силахъ, и удерживая такъ расположеніе войскъ нашихъ, чтобы нетолько въ непріятельскую главную армію изъ-за границъ нашихъ ничего доходить не могло, но чтобы и изъ оной курьеры, или шпіоны, нигдѣ прокрасться не могли, и ни малѣйшая часть той главной непріятельской арміи, столь далеко зашедшей внутрь предѣловъ нашихъ, столь изнуренной понесенными уже утратами, тѣми пораженіями и тяжкими походами, какіе еще понести можетъ, безъ пораженія въ конецъ и совершеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могла. Накопецъ, если отраженный отъ Москвы непріятель покусится обратиться на Кіевъ, или Петербургъ, то и тутъ отъ вашей центральной позиціи возможно успѣть обратиться въ ту или другую сторону, закрывая или Днѣпръ, или Волховъ, и предупредить тамъ непріятеля, съ другой стороны всегда неотступно поражаемаго въ тылъ отъ главныхъ соединенныхъ

армій Нашихъ, подъ предводительствомъ князя Кутузова. До того же времени, бывъ тутъ въ неразрывномъ соединеніи и непрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми другими частями войскъ Нашихъ, въ семъ положеніи ожидать должно, что произойдетъ въ главныхъ арміяхъ, и по тѣмъ происшествіямъ въ свое время безъ дальнѣйшихъ наставленій оставлены не будете.“

2) Въ бывшую армію генерала Тормасова.

«Препровождаю здѣсь, въ копіи, данныя отъ Меня предписанія генераламъ: Чичагову, графу Штейнгелю и графу Витгенштейну, по случаю общаго впаденія войскъ Нашихъ въ губерніи Литовскія, для свѣдѣнія и соображеній вашихъ; обращая оныя въ наставленіе, при томъ за благо признаю предписать вамъ къ непремѣнному и точному исполненію: 1) Къ 25-му сентября Чичаговъ будетъ въ Пинскѣ. 1-го октября вступитъ онъ въ Несвижъ; слѣдовательно, вамъ должно быть отъ 25-го сентября до 30-го въ Пружанахъ, и тѣмъ отвлекать непріятеля какъ можно далѣе, отъ Пинска и Несвижа а съ 1-го октября начать должны вы наступательныя движенія на непріятеля, собравъ передъ тѣмъ и присоединивъ къ себѣ всѣ отряды ваши, стараться, или разбить его, или, если онъ возьметъ сильную позицію, то, обойдя оную вправо, 5-го октября соединиться съ подкрѣпленіями изъ Несвижа, и тогда уже совокупными силами разить непріятеля. 2) Предметы для вашей арміи суть: сокрыть движенія адмирала Чичагова такъ, чтобы онъ успѣлъ выдти изъ Пинска, не бывъ открытъ непріятелемъ, и вступить въ Несвижъ, отрѣзывая тѣмъ корпуса Шварценберга и Ренье отъ губерніи Минской и отъ главной французской арміи. Потомъ предлежитъ вамъ разбить тѣ корпуса и отдалить ихъ, такъ чтобы оставя только извѣстительные посты по рѣкѣ Щарѣ, отъ впаденія ея въ Нѣманъ, черезъ Слонимъ до Пинска, дать тѣмъ средство спокойно между Минскомъ и Докшицею соединиться графу Витгенштейну съ арміею Чичагова. Тогда вы армію свою поставьте при Несвижѣ, откуда равно наблюдать можете въ одну сторону до Щары, а въ другую до Бобруйска и до Березины, при Борисовѣ, бывъ въ неразрывномъ соединеніи и частыхъ сношеніяхъ съ войсками въ Вильнѣ и Минскѣ. 3) Въ семъ положеніи ожидать можетъ-быть нужно будетъ, что произойдетъ въ главныхъ ар-

міяхъ, и по тѣмъ происшествіямъ въ свое время безъ наставленія оставлены не будете.»

3) Графу Витгенштейну.

«Приложивъ здѣсь копіи данныхъ отъ Меня предписаній генераламъ: Тормасову, Чичагову и графу Штейнгелю, по случаю всеобщаго впаденія войскъ Нашихъ въ губерніи Литовскія, для свѣдѣнія и соображеній вашихъ, обращая тѣ предписанія и въ наставленіе вамъ, притомъ за благо признаю предписать къ непремѣнному и точному исполненію: 1) Въ усиленіе корпуса, вами лично съ толикой славой предводимаго, къ 25-му сентября придутъ въ Себежъ 11,000 человѣкъ Петербургскаго ополченія. 2) Между 20-мъ и 24-мъ сентября соберутся въ Великія-Луки изъ Петербурга 9,000 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллеріи, да изъ Новагорода ополченія той губерніи 8,000 человѣкъ, что все подробнѣе усмотрите изъ приложеннаго здѣсь росписанія, и сей корпусъ поручаю предводительству вашему. 3) Сдѣлайте предварительно, не упуская времени, распоряженія ваши о снабженіи всѣхъ сихъ войскъ подвижными магазинами и запасными артиллерійскими парками. Въ Великихъ-Лукахъ долженъ быть провіантскій магазинъ, собранный и свезенный въ Псковской губерніи, тогда-какъ предполагаемо было, что большая наша армія остановится при Витебскѣ. 4) Съ 25-го сентября всѣ сіи вновь пришедшія войска, и собравъ всѣ отряды ваши, уже ненужные по причинѣ наступательныхъ дѣйствій графа Штейнгеля, распорядите движеніями такъ, чтобы корпусъ Великолуцкій слѣдовалъ черезъ Невель по полоцкой дорогѣ, а Петербургское ополченіе отъ Себежа къ мѣсту вашего пребыванія. При сближеніи сихъ послѣднихъ къ стану вашему, отдѣлите отъ корпуса своего 5-ю дивизію, нѣсколько лучшихъ запасныхъ баталіоновъ и большую часть конницы, съ достаточною артиллеріею, и при сихъ войскахъ вы сами лично съ главною квартирою выступите, дабы соединиться съ корпусомъ Великолуцкимъ на пути къ Полоцку, гдѣ, по лучшему усмотрѣнію вашему, вы то за удобное признаете, поелику наступательное предназначеніе сей части весьма важно; правый же корпусъ, подъ главнымъ начальствомъ вашимъ, поручите генералъ-лейтенанту князю Яшвилю. 5) Къ 1-му октября корпусъ, пришедшій изъ Великихъ-Лукъ, усиленный тѣми отборными войсками, которыя вы къ нему при-

соедините, и не менѣе 35,000 человѣкъ переправьте на лѣвый берегъ Двины. Предвидя трудности преодолѣть Полоцкъ спереди и избѣгая траты людей въ атакѣ укрѣпленій, сею переправою нетолько Полоцкъ возьмете съ тыла, но и корпусъ Удино отрѣжете совершенно отъ Большой непріятельской арміи, а къ тому же времени и князь Яшвиль отъ праваго берега Двины приступитъ къ Полоцку. Ваша переправа черезъ Двину можетъ быть между устья впадающей въ Двину рѣки Обола, прикрывая переправу сію отъ стороны Витебска и Большой непріятельской арміи сею рѣкою на правомъ берегу Двины, а на лѣвомъ берегу рѣкою Улою и Полоцкомъ, скрывая въ томъ намѣреніе ваше отъ непріятеля демонстраціями, что будто Полоцкъ хотите взять съ праваго берега Двины приступомъ. 6) Овладѣвъ Полоцкомъ съ тыла, истребя тутъ непріятеля и присоединя къ себѣ корпусъ князя Яшвиля, устремиться вамъ должно, какъ можно быстрѣе, на истребленіе отрѣзаннаго Удино отъ Главной непріятельской арміи, опровергая его на войска графа Штейнгеля, который къ тому же времени, при успѣхахъ надъ Макдональдомъ, уже сблизится къ Видзамъ и къ Свенцянамъ. Тутъ графъ Штейнгель, замѣняя васъ, продолжаетъ истреблять остатки непріятелей, и если не успѣетъ забрать всѣхъ, то гонитъ ихъ за Вилію и за Нѣманъ, и, занявъ Вильну, наблюдаетъ Нѣманъ отъ Пруссаковъ для храненія Риги и разомъ служитъ резервомъ для трехъ соединенныхъ армій надъ Березиною и въ Минской губерніи. 7) Такимъ образомъ отрѣзавши Удино и закрывъ себя съ той стороны дѣйствіемъ графа Штейнгеля, стремительно обратитесь къ Докшицѣ, гдѣ къ 15-му октября быть можете, и отсель открывъ коммуникацію на Минскъ и соединясь съ Чичаговымъ, черезъ Березино, займите Лепель и все теченіе Улы, отъ Березины до впаденія въ Двину. 8) Тутъ укрѣпить должно дефилеи самымъ сильнымъ образомъ, къ чему обратите всѣ усилія ваши, ибо предвидѣть не можно куда непріятель при отступленіи изъ-за Днѣпра устремиться вздумаетъ. Оставаясь въ непрерывномъ соединеніи и частыхъ сношеніяхъ со всѣми другими войсками Нашими, впослѣдствіи когда все связано и устроено будетъ, снабдить себя свѣдѣніями о состояніи непріятеля въ Витебскѣ можно будетъ, и туда сдѣлать поискъ, отъемля отъ врага всякую точку, гдѣ

онъ при отступленіи своемъ могъ бы опереться. Въ семъ положеніи ожидать должно будетъ, что произойдетъ въ главныхъ арміяхъ, и по тѣмъ происшествіямъ въ свое время безъ дальнихъ наставленій оставлены не будете.“

4) Графу Штейнгелю.

„Препровождаю здѣсь, въ копіяхъ, данныя отъ Меня предписанія генераламъ: Тормасову, Чичагову и графу Витгенштейну, по случаю общаго впаденія войскъ Нашихъ въ Литовскія губерніи, для свѣдѣнія и соображеній вашихъ, обратите оныя и въ наставленіе ваше. Притомъ за благо признаю предписать вамъ къ непремѣнному и точному исполненію: 1) Когда войска придутъ изъ Финляндіи къ Ригѣ, Эссенъ предпишетъ Левизу выступить съ Рижскимъ гарнизономъ, въ 20,000 человѣкъ, на лѣвый берегъ Двины, и, слѣдуя по дорогѣ чрезъ Экау и оттоль къ Фридрихштату, очистить окрестности отъ непріятеля и расположиться тутъ, въ ожиданіи дальнѣйшей отъ васъ диспозиціи. Между-тѣмъ онъ не потерпитъ присутствія какого-либо непріятельскаго отряда въ разстояніи менѣе двухъ переходовъ отъ Фридрихштата, и будетъ стараться истреблять все приходящее къ сему городу, чтобы до прибытія Финляндскаго корпуса въ Ригу, обратить на себя вниманіе Макдональда и отвлечь его тѣмъ отъ графа Витгенштейна. Если соберутся противъ Левиза превосходныя непріятельскія силы, чего однако не предвидится, то съ прибытіемъ Финляндскаго корпуса въ Ригу, вы будете въ состояніи дать ему сильное подкрѣпленіе. 2) Со всѣми вашими войсками, высаженными въ Ревелѣ, поспѣшайте черезъ Перновъ въ Ригу, гдѣ по свѣдѣніямъ изъ-за Двины распорядитесь такъ, что еслибы въ случаѣ соединенія непріятелей противъ Левиза трудно ему было отдѣльно производить впаденіе внутрь Виленской губерніи, то при выступленіи вашемъ изъ Риги до Экау, не теряя изъ вида истребленіе непріятельской артиллеріи, или соединитесь съ корпусомъ Левиза, — еслибы соединеніе непріятеля въ превосходныхъ силахъ того востребовало, — или обратитесь чрезъ Бауcкъ въ Биржи, приказавъ Левизу, равняясь съ вами, перейти изъ Фридрихштата въ Нерфть. Въ семъ положеніи, бывъ неразрывно соединены между собою, снабдивъ себя всѣми потребностями, подвижнымъ запаснымъ паркомъ и провіантскимъ магазиномъ, съ 20-го сентября от-

кройте нанснльнѣйшія наступательныя дѣйствія, соображая оныя такъ, чтобы наиболѣе отвлечь вниманіе и силы Макдональда отъ графа Витгенштейна. 3) Если въ правой сторонѣ останется мало войскъ непріятельскихъ, что вѣроятно, ибо и первымъ движеніемъ генерала Левиза къ Фридрихштату отвлечены они быть могли отъ Митавы, для соединенія съ тѣми, которыя были въ Крейцбургѣ и въ Якобштадтѣ, то само-собою разумѣется, что, при подобномъ ихъ движеніи, должно, не допуская ихъ до соединенія, истреблять частями отдѣльно. Однако если собирающійся въ Тильзитѣ корпусъ Виктора васъ не заставитъ принять другихъ мѣръ, то Финляндскому корпусу всегда держаться влѣво, въ губернію Виленскую, къ сторонѣ Видзъ и Свенцянъ, гдѣ вамъ быть должно къ 4-му октября, дабы встрѣтить Удино, разбитаго и преслѣдуемаго графомъ Витгенштейномъ, смѣнить сего послѣдняго, истреблять непріятеля, и, прогнавъ остатки его войскъ за Нѣманъ, остановиться въ Вильнѣ, и оттуда наблюдать Нѣманъ отъ Пруссаковъ для охраненія Риги. Въ этомъ положеніи войска Наши будутъ служить резервомъ для трехъ соединенныхъ армій у Березины. 4) Бывъ тутъ въ непрерывномъ соединеніи и частыхъ сношеніяхъ со всѣми другими частями войскъ Нашихъ, ожидайте, что произойдетъ въ большихъ арміяхъ, и по тѣмъ происшествіямъ въ свое время безъ дальнихъ наставленій оставлены не будете."

([21]) Высочайшія Повелѣнія Чичагову и Тормасову. — Фельдмаршалъ получилъ, одновременно съ общимъ операціоннымъ планомъ, слѣдующее Высочайшее Повелѣніе:

«Князь Михаилъ Илларіоновичъ! Приближеніе храброй Мол-«давской арміи къ соединенію съ 3-ю Западною и важность «настоящихъ обстоятельствъ, заставляютъ Меня обратить вни-«маніе на необходимость, чтобы одинъ начальникъ ими руко-«водствовалъ. Изъ двухъ, Я, по искренности съ вами, при-«знаю способнѣе адмирала Чичагова по рѣшимости его харак-«тера. Но не хочу Я огорчить генерала Тормасова, и по-«тому нахожу приличнѣе вызвать его къ арміямъ вами пред-«водительствуемымъ, какъ-бы по случаю раны князя Багра-«тіона. По пріѣздѣ же генерала Тормасова, отъ васъ будетъ «зависѣть употребить его по вашему разсмотрѣнію, и убыль «происшедшая въ достопамятномъ сраженіи подъ Бородинымъ

«во 2-й арміи может вам служить предлогом уже не раз-«дѣлять сих двух армій на-двое, а почитать за одну; тогда «генералу Тормасову можете ввѣрить резерв, или другую часть «по вашему лучшему усмотрѣнію.»

«Сохраните сей Рескрипт в тайнѣ, дабы не оскорбить «впрочем весьма уважаемаго мною генерала Тормасова.»

«С.-Петербург.»

«Сентября 1-го дня, 1812 года.»

(22) Chambray. II. 149—150.

(23) Bernhardi. II. 182.

(24) Boutourlin. I. 376.

(25) Донесеніе генерал-адъютанту Васильчикову полковника Балабина (командовавшаго в арріергард Раевскаго казачьими полками), от 13-го сентября, за № 1433-м (В.-Т. Депо, № 29,172).

(26) Донесеніе генерал-адъютанту Васильчикову полковника Балабина, от 13-го сентября, за № 1437-м.

(27) Отношеніе генерала Милорадовича к дежурному генералу Коновницыну, от 13-го сентября (В.-Т. Депо, № 29,172).

(28) Рапорт Барклаю де-Толли графа Остермана-Толстаго, от 14-го сентября (В.-Т. Депо, № 29,172).

(29) Рапорт дежурному генералу Коновницыну генерал-маіора Паскевича, от 14-го сентября (В.-Т. Депо, № 29,172).

(30) Записка Барклая де-Толли о военных дѣйствіях Первой арміи. — Записка о войнѣ 1812 года князя А. Б. Голицына, состоявшаго на безсмѣнных ординарцах при князѣ Кутузовѣ. — Bernhardi. II. 185—186.

(31) Предписаніе Бенингсена Дорохову, от 13-го сентября (В.-Т. Депо, № 29,172). — Приказ князя Кутузова, от 19 сентября, за № 28-м.

(32) Военный журнал главной дѣйствующей арміи.

(33) Отношеніе Милорадовича к Коновницыну, от 15-го сентября (В.-Т. Депо, № 29,172). — Boutourlin. I. 379.

(34) Boutourlin. I. 379. — Bernhardi. II. 188—189.

(35) Lettre du major-général au duc d'Istrie. Le 27 Septembre n. st. . . . . . „Si l'ennemi reste en position sur la Pakra, l'intention de l'empereur est de marcher pour lui livrer bataille; mais on doit supposer qu'il n'attendra pas et qu'il n'a d'autre but que de savoir si toute notre armée est devant lui . . . . . L'intention

qu'a l'empereur d'épargner des fatigues à ses troupes, le porte à désirer de ne pas faire marcher son armée pour deloger l'ennemi; faites croire à tout le monde que Sa Majesté est arrivée avec toute son armée derrière elle» . . . . . «Ежели непріятель останется въ занимаемой имъ позиціи на Пахрѣ, то императоръ намѣренъ идти противъ него и дать сраженіе; но, по всей вѣроятности, онъ отступитъ, какъ только узнаетъ, что противъ него собрана вся наша армія . . . . Императоръ, предполагая доставить отдыхъ своимъ войскамъ, желаетъ избѣжать наступленія противъ непріятеля; старайтеть распустить слухъ о прибытіи его величества со всею арміею, и пр.»

(36) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи (Арх. В.-Т. Депо, № 29,179). — Донесеніе князю Кутузову генерала Милорадовича, отъ 17-го сентября (Арх. В.-Т. Депо № 29,172). — Boutourlin. I. 380. — Chambray. II. 153.

(37) «По обстоятельствамъ доселѣ допускавшимъ существованіе 2-й арміи, не приступалъ я къ соединенію ея съ 1-ю арміею. Нынѣ, желая раздѣленныя власти, а паче по сложности управленія арміями внутреннимъ устройствомъ неизбѣжныя затрудненія, уничтожить единообразнымъ управленіемъ впредь, 2-ую армію присоединяю къ 1-й Западной, сохраня оной сіе наименованіе», и проч. Приказъ князя Кутузова, отъ 16-го сентября, за № 26-мъ.

(38) Письмо Барклая де-Толли, отъ 24-го сентября, изъ Калуги (копія хранится въ Архивѣ Департамента Генеральнаго Штаба).

(39) Дополненіе къ приказу князя Кутузова, отъ 10-го сентября, за № 21-мъ.

(40) Письмо къ Императору Александру I-му Барклая де-Толли изъ Татариновой (близъ Бородина), отъ 24-го августа.

(41) Письмо къ Императору Александру I-му Барклая де-Толли, изъ Красной-Пахры, отъ 11-го сентября.

(42) Письмо Императору Александру I-му Барклая де-Толли, изъ Калуги, отъ 24-го сентября.

(43) Письмо Императора Александра I-го, отъ 24-го ноября 1812 года (копія хранится въ Архивѣ Департамента Генеральнаго Штаба).

(44) Приказъ князя Кутузова, отъ 21-го сентября, за № 30-мъ.

(45) Отношеніе генерала Милорадовича къ дежурному генералу Коновницыну, отъ 19-го сентября (Арх. В.-Т. Депо, № 29,172).

(46) Отношеніе генерала Милорадовича къ дежурному генералу Коновницыну, отъ 20-го сентября.

(47) Отношеніе генерала Милорадовича къ генералу Коновницыну, отъ 21-го сентября. — Военный журналъ главной дѣйствующей арміи.

(48) Отношеніе генерала Милорадовича къ генералу Коновницыну, отъ 22-го сентября.

(49) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи. — Общій сводъ движеній и дѣйствій россійскихъ войскъ въ войну 1812—1814 годовъ, составл. генераломъ Хатовымъ.

(50) Вѣдомость, за № 13-мъ, приложенная къ сочиненію генерала Бутурлина.

(51) Вѣдомость, поданная Наполеону начальникомъ штаба Большой арміи, отъ 28-го сентября н. ст.

(52) Chambray. II. 153—154.

(53) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи.

(54) Fain. II. 121—123. Повелѣнія герцогу Бассано (Марè), отъ 24-го сентября, 6-го и 17-го октября н. ст.

(55) Декретъ о ремонтахъ, отъ 2-го октября н. ст.

(56) Fain. II. 118—119. Повелѣнія генералу Ларибуасьеру, отъ 18-го сентября и 3-го октября н. ст.

(57) Предписаніе начальнику штаба Большой арміи, отъ 23-го сентября н. ст.

(58) Предписаніе начальнику штаба Большой арміи, отъ 10-го октября н. ст.

(59) Fain. II. 125—126.

(60) Histoire de la destruction de Moscou en 1812, par de B....ch, ancien officier au service de Russie. 141.

(61) Въ числѣ московскихъ жителей, отправленныхъ Французами въ русскую армію, былъ 3-й гильдіи купецъ Ждановъ, впослѣдствіи издавшій любопытное описаніе этой посылки, подъ заглавіемъ: «Памятникъ Французамъ, или Приключенія московскаго жителя П. Ж.» С.-Петербургъ. 1813. Наставленіе,

данное ему при отправленіи и выученное имъ наизусть, по домогательству непріятелей, было слѣдующаго содержанія:

«1. Идти на Калугу. (Прибавлено, но послѣ отмѣнено: «въ Тулу, а изъ Тулы въ Москву».)

«2. Разсмотрѣть и разспросить сколько русской арміи.

«3. Кто начальникъ арміи.

«4. Кто начальники дивизій.

«5. Куда идетъ армія.

«6. Укомплектованы ли полки послѣ Бородинскаго сраженія.

«7. Подходятъ ли вновь войска.

«8. Что говоритъ народъ о мирѣ.

«9. Разглашать, что въ Москвѣ весь хлѣбъ цѣлъ остался и не сгорѣлъ.

«10. Распустить слухъ, что зимовать хотимъ въ Москвѣ.

«11. Если же россійская армія идетъ на смоленскую дорогу, то, не доходя до Калуги, возвратиться въ Москву какъ можно скорѣе.

«12. Возвратясь же, ни въ чемъ не лгать, лишняго ничего не прибавлять, но что видѣлъ и слышалъ, о томъ только и говорить.

«13. Сіе предписаніе подъ великимъ опасеніемъ никому не открывать, даже и женѣ своей не сказывать — куда и за чѣмъ идешь.

«14. Возвращаясь назадъ, на первомъ французскомъ постѣ объявить о себѣ, съ тѣмъ, чтобъ доставили къ князю Экмюльскому.

«15. Если возвратишься съ успѣхомъ, въ награду за сіе дано будетъ 1,000 червонныхъ, что стоитъ по курсу 12,000 рублей; сверхъ сего, домъ каменный въ Москвѣ, какой угодно будетъ взять.» Памятникъ Французамъ. П. Жданова. 33—34.

([62]) Histoire de la destruction de Moscou en 1812. 135—137.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVII-й.

(¹) Полки формировались:

1-й и 2-й пѣхотные	во Владимірѣ.	Дивизія генералъ-маіора Русанова, въ составѣ шести полковъ: 5, 6, 7 и 8 пѣхотныхъ и 3-го и 4-го егерскихъ, поступила на укомплектованіе арміи 18 и 27 сентября; а изъ дивизіи князя Урусова 1, 2, 3 пѣхотные, 1 и 2 егерскіе въ декабрѣ; 4-й же пѣхотный полкъ вошелъ въ составъ 67-ми баталіоновъ сформированныхъ въ послѣдствіи княземъ Лобановымъ.
3-й и 4-й „	въ Костромѣ.	
5-й и 6-й „	въ Рязани.	
7-й и 8-й „	въ Тамбовѣ.	
1-й и 2-й егерскіе	въ Ярославлѣ.	
3-й и 4-й „	въ Воронежѣ.	

(²) Полки формировались:

9-й пѣхотный	въ С. Петербургѣ.	Поступили на укомплектованіе арміи въ ноябрѣ.
10-й „	въ Новгородѣ.	
11-й „	въ Твери.	
12-й „	въ Калугѣ.	Поступили на укомплектованіе арміи передъ сраженіемъ при Бородинѣ.
13-й „	въ Тулѣ.	
14-й „	въ Москвѣ.	

(³) 10-го и 11-го сентября, армія была усилена приведенными генераломъ Ушаковымъ изъ Калуги пѣхотными полками № 6 и 7, двумя егерскими баталіонами и 8-ю резервными эскадронами, расформированными для укомплектованія пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. Остальные полки, сформированные генераломъ Милорадовичемъ, поступили въ войска формировавшіяся подъ начальствомъ генерала Д. И. Лобанова-Ростовскаго. (Вѣдомость, приложенная при отзывѣ Кутузова къ графу Аракчееву, отъ 6-го декабря, за № 1,128-мъ, Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, Портф. 2.)

(⁴) Высочайшее Повелѣніе генералу-отъ-кавалеріи Ко-

логривову, отъ 2-го октября. (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, Отд. 23-й.) Повелѣніе Управляющему Военнымъ Министерствомъ князю Горчакову, отъ 20-го октября, за № 230-мъ.

(5) Артиллерійскій журналъ, издаваемый В.-У. Комитетомъ, 1852. Краткое обозрѣніе состоянія русской артиллеріи съ 1798 по 1848 годъ, стр. 34-я.

(6) Письмо генерала-отъ-кавалеріи Кологривова къ Управляющему Военнымъ Министерствомъ, князю Горчакову, отъ 31-го октября, изъ Мурома.

(7) Высочайшее Повелѣніе, отъ 30-го августа.

(8) Высочайшее Повелѣніе генералъ-лейтенанту, барону Меллеру-Закомельскому, отъ 4-го сентября.

(9) Предписанія князя Кутузова начальникамъ ополченій: тверскаго, генералъ-лейтенанту Тыртову, отъ 3-го сентября; калужскаго, генералъ-лейтенанту Шепелеву, отъ 19-го, 25-го и 30-го сентября; рязанскаго, генералъ-маіору Измайлову, отъ 19-го сентября; черниговскаго, генералъ-лейтенанту графу Гудовичу, отъ 25-го сентября; ярославскаго, генералъ-маіору Дедюлину, отъ 9-го и 25-го сентября; тульскаго, генералъ-маіору Богданову, отъ 27-го сентября; владимірскаго, генералъ-лейтенанту князю Голицыну, отъ 27-го сентября.

(10) Донесеніе начальника ополченія 3-го округа, генералъ-лейтенанта графа Толстаго, отъ 28-го сентября.

(11) Полки: 5, 6, 1, 33 и 11.

(12) Полки: 4 и 48.

(13) Boutourlin. I. 386—388.

(14) Вѣдомость, за подписью князя Кутузова, приложенная къ его рапорту на Высочайшее Имя, отъ 22-го сентября.

(15) Chambray. II. 154.

(16) Донесенія Императору Александру I князя Кутузова, отъ 6-го сентября и 10-го октября. — Высочайшее Повелѣніе князю Кутузову, отъ 29-го сентября.

Приказъ
всѣмъ Нашимъ войскамъ.
29-го сентября 1812 года.

«Мужественные и Православные воины! Любезные сыны Отечества! Вы тѣ Русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ. Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно Отечество со слезами благодарило васъ за храб-

рость вашу и Церковь Божія молилась о спасеніи вашемъ. Но, къ великому прискорбію Моему, слышу Я, что есть между вами недостойные васъ сотоварищи ваши, которые, отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ, подъ именемъ мародеровъ, имя гнусное, никогда не слыханное въ русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника! Должно ли почтенное имя защитника вѣры и Отечества оскверняться сими презрительными именами! Россія мать ваша; чтожь можетъ быть преступнѣе, какъ, видя ее расхищаемую врагами, нетолько не защищать ее, но еще вмѣстѣ съ ними грабить и собственными руками раздирать утробу своей матери? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда, ни въ семъ вѣкъ, ни въ будущемъ.

«Всякому начальнику предписывается строжайше за искорененіемъ сего зла смотрѣть, и тотъ, кто примѣченъ будетъ нерадѣющимъ о томъ, въ примѣръ другимъ и къ посрамленію своему, отлученъ будетъ навсегда отъ службы.

«Воины! Горящая Москва воспалитъ въ душахъ вашихъ огонь мщенія; потушите пожаръ ея кровью враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыдъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ. Сего ожидаетъ поруганная ими Церковь и оскорбленное Отечество.»

(17) Высочайшее Повелѣніе, переданное графомъ Аракчеевымъ князю А. И. Горчакову.

(18) Письма князя Кутузова къ калужскому градскому главѣ Торубаеву:

Государь мой, Иванъ Викуличъ! Похвальное усердіе ваше, сопряженное съ осторожностію, при настоящихъ обстоятельствахъ необходимою, поставило меня въ пріятный долгъ изъявить вамъ мою признательность. Съ тѣмъ вмѣстѣ я прошу васъ успокоить жителей города Калуги и увѣрить, что состояніе арміи нашей, какъ было, такъ и есть, въ благонадежномъ положеніи. Силы наши нетолько сохранены, но и увеличены, и надежда на вѣрное пораженіе врага нашего насъ никогда не оставляла. Гражданинъ вашъ г. Муромцовъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ невыгодъ непріятеля, какое встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу истребленіе силъ его. Недостатокъ въ продовольствіи и совершенная гибель предстоятъ ему неизбѣжно, и за тѣмъ лѣта мои и любовь къ Отечеству даютъ мнѣ право тре-

бовать вашей довѣренности, силою коей увѣряю васъ, что городъ Калуга есть и будетъ въ совершенной безопасности. Теплыя ваши молитвы ко Всевышнему и храбрость войска нашего будутъ имѣть слѣдствіемъ то удовольствіе, какого я надѣюсь, и которое къ общему обрадованію послѣдуетъ вслѣдъ за кампаніею, въ непродолжительное время, прекратиться долженствующею».

Ему же:

«Государь мой, Иванъ Викуличъ! Съ сердечною признательностію, сопряженною съ удовольствіемъ, вижу я усердіе ваше къ любезному Отечеству нашему и, присовокупляя теплыя молитвы мои къ вашимъ, прошу Всевышняго о ниспосланіи помощи оружію нашему на пораженіе и конечный ударъ коварному врагу, вступить на землю русскую дерзнувшему. Въ настоящее время мы видимъ въ изобиліи къ намъ милость Божію: злодѣи наши со всѣхъ сторонъ окружены; свободный выѣздъ изъ стана партіями, отъ насъ вездѣ посланными, совершенно воспрещенъ; люди и лошади изнуряются голодомъ, и каждый день во всѣхъ мѣстахъ убитыми и плѣнными теряютъ они до 500 человѣкъ, что подтвердить могутъ и граждане ваши, г.г. гласные Елисѣевъ и Лебедевъ. Послѣ чего вы видите, что молитвы наши услышаны, и что Всевышняго десница ниспосылаетъ къ намъ благословеніе Свое, которое при непрерывныхъ восклицаніяхъ нашихъ къ Царю-Царей усилясь, доставитъ намъ новое доказательство, сколь много Отечество наше Имъ хранимо, и сколь мало непріятель найдетъ случая гордиться недолговременною поверхностію надъ войсками Богомъ даннаго Всеавгустѣйшаго Монарха! Прошу изъявить мое усердіе обществу вашему и благодарность супругамъ за доставленіе корпіи — черта столь похвальнаго усердія, во всѣхъ отношеніяхъ, достойна однѣхъ только ихъ.»

(19) Записка князя А. Б. Голицына, бывшаго въ 1812 году на безсмѣнныхъ ординарцахъ при князѣ Кутузовѣ.

(20) Военный Журналъ главной дѣйствующей арміи (Архива Воен.-Топ. Депо, № 46,692). Донесенія Государю генералъ-адъютанта Винцингероде.

(21) Письма о партизанскихъ дѣйствіяхъ въ 1812 году Польскаго уланскаго полка поручика Бискупскаго, находившагося въ отрядѣ Фигнера.

(22) Донесенія генералу Коновницыну генералъ-маіора Дорохова, отъ 9-го, 11-го и 13-го сентября.

(23) Рапортъ полковнику Балабину 2-му полковника Ефремова, отъ 14-го сентября.

(24) Донесеніе генералу Коновницыну подполковника Давыдова, отъ 21-го сентября, за № 37-мъ.

(25) Рапортъ начальнику штаба арміи, генералъ-маіору Ермолову, артиллеріи штабсъ-капитана Фигнера, отъ 23-го сентября. (За дѣло 7-го августа, при Валутиной-горѣ Фигнеръ произведенъ въ капитаны.)

(26) Записка Фигнера, отъ 29-го сентября.

(27) Другая записка Фигнера, отъ 29-го же сентября.

(28) Извлечено изъ писемъ Бискупскаго.

(29) Донесенія дежурному генералу Коновницыну полковника князя Кудашева, отъ 27-го и 29-го сентября.

(30) Составъ отряда порученнаго Дорохову: пѣхотные полки Вильманстрандскій и Полоцкій, одинъ баталіонъ 19-го егерскаго полка, четыре эскадрона Елисаветградскаго гусарскаго полка, казачьи полки Коммисарова и Иловайскаго 11-го, четыре легкихъ и четыре конныхъ орудія.

(31) Предписаніе Дорохову отъ 26-го сентября. (Журналъ исходящимъ бумагамъ, Арх. В.-Т. Депо, № 29,172.)

(32) Гречишкинъ, Прокудинъ, Жуковъ и Шушукинъ. Всѣ четверо награждены знакомъ Военнаго Ордена.

(33) Донесеніе Дорохова, отъ 29-го сентября.

(34) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 29-го сентября.—Донесенія Государю генералъ-адъютанта Винцингероде отъ: 10-го, 13-го, 16-го, 20-го, 24-го, 26-го и 29-го сентября. Въ военномъ журналѣ главной арміи, отъ 5-го октября, сказано: генералъ-лейтенантъ баронъ Винцингероде доноситъ, что, выключая плѣнными взятыхъ по ярославской дорогѣ, коихъ болѣе 250 человѣкъ, взято въ три недѣли его отрядомъ 33 офицера и 2,792 унтеръ-офицеровъ и солдатъ.

(35) Histoire de la destruction de Moscou en 1812. 148 et 150. — Labaume. 242.

(36) Lemasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzugs von 1812.

(37) Ein Jahr aus meinem Leben, oder Reise von den west-

lichen Ufern der Donau an die Nara, und zurück an die Beresina im Jahre 1812. 146 — 148.

(38) Письмо Бертьè къ королю Неаполитанскому, отъ 4-го октября н. ст...... „L'empereur étant dans l'intention d'envoyer un de ses aides-de-camp généraux en chef Koutousoff, on désire connaitre le jour, l'heure, l'endroit, où ce général veut le recevoir."

(39) Донесеніе Императору Александру I-му князя Кутузова, отъ 23-го сентября.

(40) „Cette guerre singulière, cette guerre inouie, doit-elle durer éternellement? L'empereur mon maître a un désir sincère de terminer ce differend entre deux nations grandes et généreuses et à le terminer à jamais."...... Изъ донесенія князя Кутузова, отъ 23-го сентября.

(41) .....„Je serais maudit par la postérité si on me regardait comme le premier moteur d'un accommodement quelconque, car tel est l'esprit actuel de ma nation." Изъ донесенія князя Кутузова, отъ 23-го сентября.

(42) „Monsieur le prince Koutousoff. J'envoye près de vous un de mes aides-de-camp généraux pour vous entretenir de plusieurs objets intéressants. Je désire que Votre Altesse ajoute foi à ce qu'il lui dira, surtout lorsqu'il exprimera les sentimens d'estime et de particulière considération que j'ai depuis longtems pour sa personne. Cette lettre n'étant à autre fin, je prie Dieu, Monsieur le Prince, qu'il vous ait en sa sainte et digne garde."

„Moscou, le 3 octobre. 1812. Signé: Napoléon."

„A. M-r. le prince Koutousoff, généralissime de l'armée russe."

(43) Изъ донесенія князя Кутузова, отъ 23-го сентября.

(44) Императоръ Александръ и Его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Т. IV. Біографія князя П. М. Волконскаго.

(45) Ordre au général Lariboissière, 1 octobre 1812.—Ségur. II. 79.

(46) Beitzke. 267.

(47) Предписаніе начальнику штаба Большой арміи Бертьè, отъ 6-го сентября н. ст.

(48) Два мекленбургскихъ баталіона корпуса Даву, остав-

ленные для занятія Вильны; три баталіона Вислянскаго легіона Клапарѐда (légion de la Vistule), также оставленные для занятія различныхъ пунктовъ; одинъ баталіонъ 33-го легкаго полка, и по два баталіона вестфальскихъ, виртембергскихъ и гессенъ-дармштадтскихъ, прибывшихъ изъ Германіи.

(49) Предписаніе данное Наполеономъ Бертьѐ, отъ 6-го октября.

(50) Предписаніе Бертьѐ, отъ 6-го октября н. ст.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIX-й.

---

(1) Изъ свѣдѣній о смоленской губерніи, хранящихся въ Архивѣ В.-Т. Депо.

(2) Донесеніе князю Кутузову бѣльскаго дворянскаго предводителя, отъ 31-го августа. — Отечественныя Записки. 1826 года. XXVI. Стр. 87—88.

(3) Изъ свѣдѣній о смоленской губерніи, хранящихся въ Архивѣ В.-Т. Депо. — Сѣверная почта. 1812. № 74. — Отечественныя Записки. 1826 года. XXV. 416—419.

(4) Изъ свѣдѣній о смоленской губерніи, хранящихся въ Архивѣ В.-Т. Депо.—Сочиненія Давыдова. 464. — Отечественныя Записки. XXVI. 90—91.

(5) Изъ свѣдѣній о смоленской губерніи, хранящихся въ Архивѣ В.-Т. Депо. — Патріотическіе и героическіе подвиги князя Н. Г. Тенишева. 1815 г.

(6) Подвиги генерала Милорадовича. Соч. Ѳ. Н. Глинки. 45—47.

(7) Изъ свѣдѣній о смоленской губерніи, хранящихся въ Архивѣ В.-Т. Депо.

(8) Императоръ Александръ I повелѣлъ производить ежегодныя пенсіи: брату Энгельгардта по 6,000, а племяннику и племянницѣ по 3,000 рубл. ассигнаціями; женѣ Шубина 9,000, матери 6,000 и двумъ сестрамъ его по 3,000 рубл. каждой. (Указъ Правительствующему Сенату отъ 30-го августа 1813 года.) Императоръ Николай Павловичъ, въ проѣздъ

Свой через Смоленскъ, въ 1833 году, замѣтивъ надъ могилою Энгельгардта ветхій памятникъ, поставленный его родными, повелѣлъ отпустить значительную сумму на сооруженіе новаго памятника, изъ чугуна.

(9) Сочиненія Давыдова. 445-456.

(10) Сочиненія Давыдова. 456.

(11) Записки о 1812 годѣ, Сергѣя Глинки. 114 и 118. — Сѣверная почта. 1812. № 80 и 81.

(12) Описаніе стычекъ крестьянъ вохненской волости съ непріятелями въ 1812 году (Арх. В.-Т. Депо, № 47,352, папка I. тетр. 15). Куринъ и Стуловъ были награждены знаками Военнаго Ордена.

(13) Chambray. II. 172—174.

(14) Сочиненія графа Растопчина. 1853. 178—182.

(15) Собраніе Высочайшихъ Манифестовъ, Грамотъ и проч. 47—48.

(16) Изъ неизданныхъ записокъ Александра Андреевича Щербинина.

(17) Въ Мосальскомъ уѣздѣ истреблено 987 и захвачено въ плѣнъ 450 человѣкъ; въ Медыньскомъ убито 894 и въ плѣнъ взято 593; въ Боровскомъ убито 2,200 и въ плѣнъ взято 1,300 человѣкъ (извлечено изъ свѣдѣній хранящихся въ Архивѣ В.-Т. Депо).

(18) Ségur. II. 75.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXX-й.

(1) Историческій Журналъ 1-го отдѣльнаго корпуса. Précis de la campagne du 1-er Corps de l'armée d'Occident (Арх. В.-Т. Депо, № 29,200).

(2) Рапортъ на Высочайшее Имя графа Витгенштейна, отъ 7-го сентября, за № 38-мъ.—Высочайшій Рескриптъ отъ 14-го сентября.

(3) Самъ Сенъ-Сиръ говоритъ: „l'avant-garde russe resta à Biéloé, la notre à Ghamzeleva." Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le directoire, le consulat et l'empire. III. 101.

(4) St.-Cyr. Mémoires III. 103—104.

(5) Вѣдомость подкрѣпленіямъ прибывшимъ къ войскамъ графа Витгенштейна, съ показаніемъ времени ихъ прибытія.

7-го августа	4-й (резервный) баталіонъ Могилевскаго пѣхотнаго полка и конная рота № 23-го.
12-го августа ...	Два резервныхъ гвардейскихъ баталіона.
14-августа	Казачій полковника Родіонова 2-го полкъ, прибывшій изъ отряда генералъ-адъютанта Винцингероде.
1-го и 2-го сентября	1,360 выздоровѣвшихъ, разныхъ полковъ (впослѣдствіи прибыло ихъ еще до пяти тысячъ).

Въ сентябрѣ	1,400 рекрутъ изъ Новгорода и Великихъ-Лукъ.
28-го сентября . . .	Первый отрядъ С.-Петербургскаго ополченія, съ находившимися при немъ войсками.
2-го октября	Второй отрядъ С.-Петербургскаго ополченія, съ находившимися при немъ войсками.
8-го октября	Двѣ дружины Новгородскаго ополченія и Тептярскій казачій полкъ (впослѣдствіи прибыли еще четыре дружины).

(6) Строевые рапорты, отъ 3-го и 5-го сентября, за подписью сенатора Бибикова и генералъ-маіора Бѣгичева (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692. Портф. 2).

(7) Записки касательно составленія и похода С.-Петербургскаго ополченія въ 1812 и 1813 годахъ, писанныя флота капитанъ-лейтенантомъ Б. В. Шт. I. 80—87.—Разсказы. Р. Зотова.

(8) Донесеніе Государю генералъ-адъютанта Меллера-Закомельскаго, отъ 29-го августа. — Росписаніе С.-Петербургскаго ополченія, за его же подписью (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692. Портф. 2).

(9) Историческій Журналъ 1-го отдѣльнаго корпуса.

(10) Рапортъ графу Витгенштейну полковника Родіонова 2-го, отъ 9-го сентября, за № 1439-мъ. — Донесеніе Государю графа Витгенштейна, отъ 13-го сентября, за № 45-мъ. — St.-Cyr. Mémoires. III. 112—118. Полковникъ Родіоновъ 2-й, въ донесеніи о дѣлѣ при Козянахъ, пишетъ: «плѣнными взято: «подполковникъ и кавалеръ Тишель, два капитана, два поручика, четыре военныхъ коммисара и около ста пятидесяти «конныхъ егерей и другихъ нижнихъ чиновъ, *и всѣ до единаго Французы настоящіе*».

(11) Высочайшее Повелѣніе графу Штейнгелю, отъ 18-го августа.

(12) Краткія записки военныхъ дѣйствій Финляндскаго корпуса (Арх. В.-Т. Депо, № 15,302).

(13) Рапортъ Государю генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля, отъ 27-го августа, изъ Ревеля.

(14) Донесеніе Государю генерала Эссена 1-го, отъ 12-го августа, за № 34-мъ. — Chambray. I. 258.

(15) Chambray. I. 258—259.

(16) Рапортъ графу Аракчееву флигель-адъютанта полковника Балабина, отъ 1-го сентября.

(17) Рапортъ Государю генералъ-лейтенанта Эссена 1-го, отъ 4-го сентября, за № 48-мъ.

(18) Рапортъ Управляющему Военнымъ Министерствомъ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го, отъ 13-го сентября, за № 723-мъ, съ приложеніемъ вѣдомости о числѣ войскъ (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692. Отд. 123).

(19) Составъ авангарда: 3-й егерскій баталіонъ, запасные баталіоны: 4-го, 20-го и 21-го егерскихъ полковъ, три эскадрона Финляндскаго драгунскаго полка, 200 казаковъ Селиванова и 300 Лощилина полковъ, шесть орудій легкой роты № 11-го (изъ донесенія генералу Эссену 1-му графа Штейнгеля, отъ 25-го сентября за № 165-мъ).

(20) Liebenstein. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812—1813. II. 134. Либенштейнъ пишетъ, что, при атакѣ позиціи у Мезотена, русскія войска потеряли плѣнными 500 человѣкъ и что будто-бы Черные гусары, преслѣдуя наши войска, истребили 3-й егерскій полкъ (баталіонъ?) и запасный баталіонъ 25-го егерскаго полка. Но этому противорѣчитъ вѣдомость о числѣ войскъ Финляндскаго корпуса, отъ 22-го сентября (пятью днями позже дѣла при Мезотенѣ), изъ которой видно, что сего числа въ 3-мъ егерскомъ полку было на лицо 614 человѣкъ.

(21) Рапортъ генералъ-лейтенанту Эссену 1-му генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля, отъ 25-го сентября, за № 165-мъ. Краткая записка о военныхъ дѣйствіяхъ Финляндскаго корпуса.—Рапорты Государю генерала Эссена 1-го: отъ 13-го сентября изъ Риги; отъ 17-го и 18-го изъ Митавы; отъ 20-го и 22-го изъ Риги.—Рапортъ Государю графа Штейнгеля, отъ 22-го сентября.—Liebenstein. II. 132—134. По его показанію, уронъ прусскихъ войскъ не превосходилъ 1,000 человѣкъ, а Русскіе потеряли отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ.

(22) Краткія записки о военныхъ дѣйствіяхъ Финляндскаго корпуса.—Рапортъ Государю графа Штейнгеля, отъ 22-го сентября.

(23) Извлечено изъ Высочайшаго Рескрипта на имя графа Штейнгеля отъ 24-го снтября.

(24) Высочайшій Рескриптъ графу Штейнгелю, отъ 26-го сентября.

(25) Историческій Журналъ дѣйствій 1-го отдѣльнаго корпуса. — Реляціи, выбранныя изъ рапортовъ Государю графа Витгенштейна (Арх. В.-Т. Депо, № 44,585).

(26) Записки касательно составленія и похода С.-Петербургскаго ополченія, Б. В. Шт. I. 90—98. — Историческій Журналъ дѣйствій 1-го Отдѣльнаго корпуса.

(27) Записки касательно составленія и похода С.-Петербургскаго ополченія В. Шт. I. 101 — 109. — Историческій Журналъ дѣйствій 1-го отдѣльнаго корпуса. — Разсказы Р. Зотова.

(28) Сіе число войскъ, извлеченное изъ строеваго рапорта о состояніи войскъ 1-го Отдѣльнаго корпуса (В.-Т. Депо, № 29,200) 4-го октября 1812 года, нѣсколько разнится съ вѣдомостью, помѣщенною въ сочиненіи Бутурлина, въ коей число войскъ графа Витгенштейна, 4-го октября, показано: 37,944 человѣка.

(29) Послѣ перваго сраженія при Полоцкѣ прибыли къ 4-му (16-му) октября:

4-й баталіонъ Могилевскаго полка	244 ч.
23-я конная рота.	1,026
Батарейная рота № 50-го	
Легкія роты: №№ 35-го, 49-го и 57-го.	
Два резервныхъ гвардейскихъ баталіона . . .	847
Воронежскій пѣхотный и Первый Морской полки	2,164
Понтонныя роты № 1-го и 2-го (безъ понтоновъ, изъ подъ коихъ повозки обращены для доставленія подвижнаго магазина)	345
Два эскадрона Польскаго уланскаго полка . .	325
Митавскій драгунскій полкъ	575
Казачій Родіонова полкъ	330
Пятнадцать дружинъ Петербургскаго ополченія .	10,360

(30) Chambray. II. 173.

(31) St.-Cyr. Mémoires III. 129—130. — Chambray. II. 173—174.

(32) St.-Cyr. Mémoires. III. 120—121 et 131—133. — Chambray. II. 175.

(33) Beitrag zu der Geschichte des neunten Corps der französischen Armée im Feldzug gegen Russland 1812, mit einen Anhang in besonderer Beziehung auf die Geschichte der grossherzoglich Badenschen Truppen. Oestreich. milit. Zeitschrift. 1821. 3 Heft.

(34) Beitrag zu der Geschichte des neunten Corps. Oestreich. milit. Zeitschrift. 1821. 3 Heft.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXI-й.

(¹) Составъ авангарда графа Ламберта: пѣхотные полки: Козловскій, Ряжскій и Якутскій; 10-й егерскій; Александрійскій гусарскій полкъ съ запасными эскадронами; Татарскій уланскій, Житомирскій и Арзамасскій драгунскіе полки, казачьи полки; Евпаторійскій-Татарскій и 2-й Калмыцкій, одиннадцать конныхъ и шесть батарейныхъ орудій (Журналъ авангарда 3-й Западной арміи). — Составъ отряда Чаплица нигдѣ не показанъ.

(²) Chambray. II 189. — Funk. Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im Jahr 1812. 98.

(³) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи въ 1812 году. Funk. 109—110.

(⁴) Составъ непріятельскихъ войскъ, стоявшихъ подъ Несвичемъ, близъ Чарукова: шесть эскадроновъ австрійскаго драгунскаго полка Орельи, два эскадрона саксонскихъ гусаръ, три эскадрона польскихъ уланъ и три эскадрона вновь набранной варшавской милиціи (Журналъ авангарда 3-й Западной арміи въ 1812 году).

(⁵) Рапортъ князю Кутузову генерала-отъ-кавалеріи Тормасова, отъ 11-го сентября, за № 125-мъ. — Въ Журналѣ авангарда 3-й арміи сказано: «потеря непріятеля состоитъ въ

трехъ штандартахъ полка Орельи, 15-ти штабъ и оберъ-офицерахъ и 295-ти нижнихъ чинахъ плѣнныхъ; съ нашей стороны — ни одного человѣка.» По свидѣтельству Функа: „Der General Zechmeister liess sich bei Neswiez überfallen und verlor den grössten Theil seiner Truppen. Von dem Regimente Orelly wurden neunhundert Pferde gefangen, die Sachsen bedauerten den Verlust von hundert Husaren und Dragoner und vorzüglich im kleinen Kriege besonders ausgezeichneten Offiziere.“ 110—111.... (Генералъ Цехмейстеръ былъ застигнутъ врасплохъ у Несвича и потерялъ бо̀льшую часть своихъ войскъ. Изъ полка Орельи захвачено девять сотъ лошадей; уронъ Саксонцевъ простирался до ста человѣкъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько офицеровъ, отличившихся въ дѣйствіяхъ Малой войны).

(6) Высочайшее Повелѣніе Государственному Канцлеру графу Румянцеву, отъ 12-го октября (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692. Отд. 5). По сему случаю послѣдовалъ отзывъ Румянцева къ графу Метерниху.

Une des chances de la guerre vient de mettre à la disposition de Sa M. I-le trois étendards du célèbre regiment d'Orelly chevaux-légers; il les avait reçu de l'Imperatrice Marie-Therese; il doit les regretter; il les a toujours illustrés par sa valeur. Le frère de notre Empereur, le grand Duc Constantin, dans plus d'une circonstance a été temoin de leur eclat, lorsque l'armée russe en Italie les a vûs flotter avec honneur à coté de ses propres bannières dans cette arène de gloire que parcouraient alors ensemble, pour le même interêt, les soldats des deux Empereurs contre la France qui est parvenue à les désunir aujourd'hui.

Sa Majesté par la voye de cette lettre, que par Son ordre j'écris à V. E. sollicite S. M. l'Empereur d'Autriche de vouloir bien lui rendre un service amical, celui de reprendre ces étendards et les faire restituer aux braves, aux quels ils ont appartenus, que révère Son armée et qu'Elle même honore d'une estime particulière.

L'Empereur Alexandre demande à l'Empereur François le secret sur la demarche qu'il vient de faire et trouvera plaisir à le lui garder de Son coté. Le courrier qui porte les drapeaux ignore de quel bien eil est chargé; nul esprit de jactance, nul desir de réciprocité, null envie d'être citée, n'a conduit Sa Majesté à prendre le parti au quel Elle S'est determinée. C'est tout uniment, Mr. le Comte, la

main de l'amitié qui écarte d'auprès d'elle des preuves certaines, que cette intimité dont les Souverains d'Autriche faisaient tant de cas, dont leur armée se charmait autant que nos propres troupes, a fait place de nos jours à une guerre sans motifs.

Sa Majesté le confesse, Elle éprouverait trop de peine à mettre sous les yeux de Ses sujets, ce qui devrait servir à perpétuer le souvenir d'une époque que l'Empereur voudrait voir éffacée des annales de l'Histoire.

15 (27) d'octobre, 1812.

Въ отвѣтъ на сей отзывъ, графъ Метернихъ писалъ Канцлеру.

Monsieur le Comte!

Je me suis empressé de mettre sous les yeux de l'Empereur a lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'adresser par Mr. Peterson.

Sa M. I. m'ordonne de Vous prier, Mr. lè Comte, d'être, près de l'Empereur votre auguste Maître, l'interprête de Sa sensibilité toute particulière à la marque d'attention que Sa M. I. Lui donne par le renvoi des étendards du régiment d'Oreilly que les chances de la guerre avaient mis au pouvoir de l'armée russe.

S'il est indubitable que la position actuelle des choses n'a pu s'établir, qu'après que l'Empereur mon Maître avait épuisé toutes les chances pour l'empêcher, il ne l'est pas moins que les voeux les plus chers de Sa M. I. appellent des tems où les rapports entre l'Autriche et la Russie ne seront plus entravés par des circonstances independantes d'Elle.

L'Empereur croit ne pouvoir mieux témoigner à Sa M. I. de toutes les Russies combien Il attache de prix à toute preuve de Ses sentimens personnels pour Lui. Il ne saurait mieux rendre justice aux motifs qui ont dicté la détermination de l'Empereur Alexandre, qu'en acceptant des trophées conquis par la valeur et rendus par l'amitié.

Vienne, le 1-er Decembre 1812.

(7) Копія этого письма хранится въ Архивѣ Департамента Генеральнаго Штаба.

(8) Составъ войскъ Дунайской арміи, выступившихъ 19-го іюля изъ Валахіи на Волынь (изъ Журнала дѣйствій прежде-бывшей Дунайской арміи, переименованной въ 3-ю Западную, подъ предводительствомъ адмирала Чичагова. Составленъ оберъ-квартирмейстеромъ 4-го корпуса подполковникомъ Малиновскимъ).

1-й корпусъ генерала-отъ-инфантеріи графа Ланжерона.

Пѣхотные полки	Выборгскій	2	бат.
	Вятскій	3	„
	Старооскольскій	2	„
Егерскіе полки	29-й	2	„
	45-й	3	„
Драгунскіе полки	С.-Петербургскій	4	эск.
	Лифляндскій	4	„
Казачьи полки	Грекова 4-го		
	Пантелѣева 2-го		
	1-й Уральскій.		
Артиллерійскіе полки	Батарейная № 22-го		
	Легкая № 41-го		
	— № 42-го		
	Конная № 14-го		

Понтонная рота № 7-го.
Піонерная полурота.

2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

Пѣхотные полки	Архангелогородскій	2	бат.
	Шлиссельбургскій	3	„
	Староингерманландскій	2	„
	Украинскій	2	„
37-й егерскій		3	„
Драгунскіе полки	Смоленскій	4	эск.
	Сѣверскій	4	„

Казачьи полки	Грекова 8-го	
	2-й Уральскій.	
Артиллерійскія роты.	Батарейная № 8-го	
	Легкая № 14-го	
	— № 15-го	
	Конная № 15-го	

Понтонная № 8-го.
Піонерная полурота.

3-й корпусъ генералъ-лейтенанта Воинова.

Пѣхотные полки	Курскій (*)	2 бат.
	Крымскій	2 „
	Бѣлостокскій	3 „
Егерскіе полки	8-й	2 „
	39-й	2 „
Бѣлорусскій гусарскій		8 эск.
Кинбурнскій драгунскій		4 „
Качачьи полки	Мельникова 5-го	
	3-й Уральскій	
	4-й Уральскій	
Артиллерійскія роты.	Батарейная № 10-го	
	— — № 38-го	
	Легкая № 18-го	
	— № 50-го	

4-й корпусъ генералъ-маіора Булатова.

Пѣхотные полки	Охотскій	2 бат.
	Камчатскій	2 „
	Мингрельскій	2 „

(*) Изъ приказовъ адмирала Чичагова видно, что Курскій полкъ слѣдовалъ на Волынь отдѣльно, подъ начальствомъ шефа полка, генералъ-маіора Агалина и былъ оставленъ въ крѣпости Хотинѣ.

Чугуевскій уланскій		8 эск.
Драгунскіе полки	Дерптскій	4 „
	Переяславскій	4 „
	Тираспольскій	4 „
Казачьи полки	Мельникова 3-го	
	Кутейникова.	
Артиллерійскія роты.	Батарейная № 18-го	
	— — № 39-го	
	Легкая № 31-го	
	Конная № 17-го	
Піонерная полурота.		

Резервъ, подъ начальствомъ начальника штаба арміи, генералъ-лейтенанта Сабанеева.

Пѣхотные полки	Олонецкій	3 бат.
	Ярославскій	3 „
	7-й егерскій	3 „
Ольвіопольскій гусарскій		8 эск.
Казачій Луковкина полкъ		„ „
Конная рота № 16-го		„ „

(9) Составъ отряда генерала Лидерса:

Нейшлотскій пѣхотный полкъ		3 бат.
Егерскіе полки.	22-й	2 „
	27-й	3 „
	43-й	3 „
Волынскій уланскій полкъ		8 эск.
Казачьи полки	Кирѣева.	
	Турчанинова.	
Артиллерійскія роты.	Легкая № 24-го	
	— № 30-го	
	Конная № 18-го.	

(Предписанія адмирала Чичагова генералъ-маіору Лидерсу, отъ 30-го сентября и 10-го октября.).

([10]) На Дунаѣ, для охраненія границы, оставлены:

Охотскаго	1	бат.
Мингрельскаго	1	"
Выборгскаго	1	"
Староскольскаго	1	"
Архангелогородскаго	1	"
Старо-Ингерманландскаго	1	"
Курскаго	1	"
Крымскаго	1	"
Украинскаго	1	"
Камчатскаго	1	"
8-го, 28-го и 39-го егерскихъ по одному баталіону	3	"
Казачій Астапова полкъ.		

(Изъ Росписанія Дунайской арміи.)

([11]) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи, составленный подполковникомъ Малиновскимъ.

([12]) Boutourlin. II. 105.—У Шамбре показано всего 26,000 австрійскихъ и 15,000 человѣкъ саксонско-польскихъ войскъ. II. 190.

([13]) Boutourlin. II. 105.

([14]) Составъ авангарда графа Орурка: Саратовскій пѣхотный полкъ; 8-й и 39-й егерскіе полки; Бѣлорусскій гусарскій и казачій Грекова 4-го и Пантелѣева 4-го полки; конная рота № 15-го (Журналъ дѣйствій Дунайской арміи, составл. подполковникомъ Малиновскимъ).

([15]) Составъ авангарда графа Ламберта: пѣхотные полки: Козловскій, Ряжскій и Якутскій; 10-й егерскій; Александрійскій гусарскій съ запасными эскадронами; Житомирскій и Арзамасскій драгунскіе, казачьи полки: Евпаторійскій Татарскій и 2-й Калмыцкій. Конная рота № 12-го (Журналъ авангарда 3-й Западной арміи).

([16]) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи, составл. подполковникомъ Малиновскимъ.

([17]) Funck. 112.

([18]) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи.

([19]) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи, составленный подполковникомъ Малиновскимъ.

([20]) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.—Донесенія Госу-

дарю и князю Кутузову генерала Тормасова отъ 22-го сентября.

([21]) Составъ отряда генерала Ланскаго: Бѣлорусскій гусарскій и казачьи Луковкина и Грекова 4-го полки; полурота конная № 14-го (Журналъ дѣйствій Дунайской арміи).

([22]) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.—Журналъ корпуса Эссена 3-го, составленный подполковникомъ Фрейгангомъ.

([23]) Предписанія князя Кутузова адмиралу Чичагову и генералу Тормасову, отъ 6-го сентября (Арх. В.-Т. Депо, № 47,352, Папка III). Рапорты князю Кутузову, генерала Тормасова, отъ 14-го сентября, за № 135-мъ, и адмирала Чичагова, отъ 14-го же сентября, за № 1486-мъ.

([24]) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи. — Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.

([25]) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи. — Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.

([26]) Корпусъ Воинова былъ усиленъ полками: Дерптскимъ и Кинбурнскимъ драгунскими и казачьимъ Киреева (Журналъ дѣйствій Дунайской арміи).

([27]) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи. — Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.

([28]) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи. — Funck. 120. Liebenstein. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812 und 1813. II. 155 und 159—160.

([29]) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи. — Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.

([30]) Росписаніе 3-й Западной арміи.

1-й корпусъ генералъ-маіора графа Ламберта.

Пѣхотные полки	Козловскій	2	бат.
	Якутскій	2	„
	Ряжскій	2	„
	Колыванскій	2	„
	Апшеронскій	2	„
Егерскіе полки	10-й	2	„
	13-й	2	„
	38-й	2	„

Гусарскіе полки	Александрійскій	8 эск.
	Бѣлорусскій	8 „
Татарскій уланскій		8 „
Казачьи полки	Грекова 4-го	
	Чикилева	
	Башкирскій	
	Барабанщикова 2	
Артиллерійскія роты	Батарейная № 9-го . .	12 ор.
	Конная № 11	12 „
	— № 12	11 „

2-й *корпусъ* генералъ-лейтенанта Маркова, потомъ князя Щербатова и впослѣдствіи генералъ-лейтенанта Сакена.

Пѣхотные полки	Нашебургскій	2 бат.
	Витебскій	2 „
	Куринскій	2 „
	Владимірскій	2 „
	Тамбовскій	2 „
	Днѣпровскій	2 „
	Костромской	2 „
Егерскіе полки	14-й	2 „
	28-й	2 „
	32-й	2 „
Драгунскіе полки	Стародубовскій	4 эск.
	Тверской	2 „
	Владимірскій	4 „
	Таганрогскій	4 „
Павлоградскій гусарскій		8 „
Казачьи полки	Дячкина	
	2-й Калмыцкій	
Артиллерійскія роты	Батарейная № 15 . .	12 ор.
	— — № 18 . .	12 „
	Конная № 13	12 „

3-й корпусъ генерала-отъ-инфантеріи графа Ланжерона.

Пѣхотные полки	Вятскій	3	бат.
	Староскольскій	2	„
	Выборгскій	2	„
Егерскіе полки	29-й	2	„
	45-й	3	„
Лубенскій гусарскій		8	эск.
Драгунскіе полки	Санктпетербургскій . .	4	„
	Лифляндскій	4	„
	Серпуховскій	4	„
	Арзамасскій	4	„
Казачьи полки	Грекова 8-го.		
	4-й Уральскій.		
Артиллерійскія роты	Батарейная № 22 . . .	12	оруд.
	— — № 34 . . .	12	„

4-й корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

Пѣхотные полки	Архангелогородскій. . .	2	бат.
	Украинскій	2	„
37-й егерскій		3	„
Сводныхъ гренадерскихъ		6	„
Драгунскіе полки	Смоленскій	4	эск.
	Сѣверскій	4	„
	Житомирскій	2	„
Казачьи полки	Донской Власова.		
	1-й Калмыцкій.		
	Евпаторійскій-татарскій.		
Артиллерійскія роты	Батарейная № 8-го . . .	12	оруд.
	Конная № 15-го . . .	12	„

Корпусъ генералъ-лейтенанта Воинова.

Пѣхотные полки	Курскій	2 бат.
	Крымскій	2 „
	Бѣлостокскій	3 „
	Ярославскій	3 „
	Саратовскій	2 „
Егерскіе полки	8-й	2 „
	39-й	2 „
Драгунскіе полки	Дерптскій	4 эск.
	Кинбурнскій	4 „
Казачьи полки	3-й Уральскій.	
	Киреева.	
	Пантелѣева.	
Артиллерійскія роты	Батарейная № 10-го . .	12 оруд
	Конной № 16-го . . .	6 „
	Батарейной № 38-го . .	4 „

Корпусъ генералъ-маіора Булатова.

Пѣхотные полки	Охотскій	2 бат.
	Камчатскій	2 „
	Мингрельскій	2 „
Егерскіе полки	27-й	3 „
	43-й	3 „
Чугуевскій уланскій		8 эск.
Драгунскіе полки	Переяславскій	4 „
	Тираспольскій	4 „
Казачьи полки	Мельникова 3-го.	
	Кутейникова.	
Артиллерійскія роты	Батарейная № 16-го . .	12 оруд.
	— — № 19-го . .	12 „
	Конная № 17-го. . . .	12 „

Отрядъ генералъ-маiора Энгельгардта.

Пѣхотные полки	Шлиссельбургскій . . .	3 бат.
	Старо-Ингерманландскій .	2 „
Драгунскіе полки	Тверской	2 эск.
	Житомирскій	2 „
Казачій Мельникова 5-го		
Батарейной роты № 38-го		8 оруд.

Резервъ генералъ-лейтенанта Сабанеева.

Олонецкій пѣхотный полкъ		3 бат.
Егерскіе полки	7-й	3 „
	12-й.	2 „
Ольвіопольскій гусарскій		8 эск.
Казачій Луковкина.		
Конной роты № 16-го.		6 оруд.

([31]) Диспозиція по войскамъ на 29-е сентября.

„Обѣ соединенныя арміи, по сдѣланному мною росписанію, составляютъ четыре корпуса.

„1-й, подъ командою генералъ-адъютанта графа Ламберта, слѣдуетъ вправо, черезъ селеніе Братилово, къ дорогѣ лежащей отъ Бреста къ Чернавчицамъ. Идучи сею дорогою, стараться открыть непріятельскую позицію, и что̀ будетъ усматриваемо достойнаго примѣчанія, меня увѣдомлять, наипаче ежели примѣчено будетъ, что непріятель направленіемъ сего корпуса станетъ озабочиваться и произведетъ въ своей позиціи перемѣны; по занятіи упомянутой дороги, осмотрѣть положеніе мѣста противъ лѣваго непріятельскаго фланга, не откроется ли удобности произвести съ сей стороны атаку, и тотчасъ меня увѣдомить, объясня предстоящія къ тому удобности мѣстнаго положенія. Ежели непріятель, во время движенія сего корпуса, обратитъ превосходныя силы, то о семъ тотчасъ извѣстить меня, дабы я могъ прислать подкрѣпленіе. Но буде замѣтите удобность быстрымъ нападеніемъ привести въ большое смятеніе непріятеля, то немедленно сіе исполнить.

„Лѣвый корпусъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Эс-

сена 3-го, составляющій лѣвый флангъ арміи, расположится при селеніи Вичолка.

„Средніе два корпуса, одинъ графа Ланжерона, впереди селенія Косичи, а другой, генералъ-лейтенанта Маркова — при селеніи Братилово.

„Главный резервный корпусъ, при мнѣ находящійся, расположится позади селенія Косичи.

„Генералъ-маіоръ Энгельгардтъ, въ то время, когда произведена будетъ атака на непріятельскую позицію, оказывать будетъ движеніями своими намѣреніе атаковать правый его флангъ и городъ Брестъ, стараясь показать себя непріятелю въ превосходнѣйшихъ силахъ; какъ же скоро замѣтитъ успѣхъ нашего нападенія, то открыть канонаду, дѣйствуя зажигательными снарядами по городу, и также на правый его флангъ, буде-бы онъ находился подъ выстрѣлами, а между-тѣмъ стараться развѣдывать на лѣвую сторону рѣки Буга переправы.

„Отряду флигель-адъютанта Чернышева (*) стараться истребить устроенные непріятелемъ мосты, но ежели бы черезъ сіи мосты производилъ непріятель свое отступленіе, то стараться наносить ему сколь можно болѣе вреда и онаго преслѣдовать.

„Генералъ-Маіору Булатову, по прибытіи изъ Кобрина, составить резервъ арміи.

„Пребываніе мое сперва находиться будетъ въ центрѣ, въ селеніи Косичахъ; о перемѣнѣ-же мѣста не оставлю извѣстить.

„Подписалъ: Адмиралъ Чичаговъ.“

(32) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи. — Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.

(33) Для преслѣдованія непріятеля были отряжены:

Отъ корпуса графа Ламберта: казачій полкъ, 10-й егерскій полкъ (два баталіона) и четыре конныхъ орудія.

Отъ корпуса графа Ланжерона: казачій полкъ, 29-й егерскій полкъ (три баталіона) и четыре легкихъ орудія.

Отъ корпуса Эссена 3-го: казачій полкъ, два баталіона Украинскаго полка и четыре конныхъ орудія.

Корпусу генерала Воинова, выдвинутому къ Каменцу-Литов-

(*) Составъ отряда показанъ ниже.

ску, приказано было отрядить партіи по направленію къ Высоко-Литовску и Клещелямъ, для связи съ легкими отрядами и для развѣданія о непріятелѣ.

(34) Журналъ авангарда 3-й Западной арміи.

(35) Funck. 133—134.

(36) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи. — Записки Чаплица (Арх. В.-Т. Депо, № 44,712).

(37) Составъ отряда Чернышева: два эскадрона Александрійскихъ гусаръ, подъ начальствомъ полковника князя Мадатова; два эскадрона Татарскаго уланскаго полка; три эскадрона Чугуевскаго уланскаго полка; казачьи полки: Чикилева, Власова и Луковкина; четыре конныхъ орудія: всего 1,800 человѣкъ.

(38) Донесеніе Государю полковника Чернышева изъ Влодавы, отъ 7-го октября.

(39) Предписанія Чичагова генералъ-маіорамъ Мелиссино и Дехтереву, отъ 2-го октября.

(40) Liebenstein. II. 157—158.

(41) Донесеніе Государю полковника Чернышева, изъ Влодавы, отъ 7-го октября.

(42) Pradt. Ambassade en Pologne. 177 et 179. —Liebenstein II. 157.

(43) Funck. 135. — Журналъ корпуса Эссена 3-го.

(44) Funck. 137—138.

(45) Журналъ корпуса Эссена 3-го. — Рапортъ князю Кутузову адмирала Чичагова, отъ 9-го октября, за № 1,700.

(46) Funck. 139.

(47) Funck. 141. — Liebenstein. II. 159.

(48) Исходящій журналъ бумагамъ отъ главнокомандующаго Дунайскою и 3-ю Западною арміями (Арх. В.-Т. Депо, № 44,585, Отд. 17).

(49) Funck. 143. — Liebenstein. II. 159.

(50) Составъ отряда Чаплица: полки 28-й и 32-й егерскіе, Павлоградскій гусарскій, Тверской драгунскій, казачьи Дячкина, Калмыцкій и часть Башкирскаго полка; 13-я конная рота (Журналъ дѣйствій Дунайской арміи). — Дневникъ, веденный Мартосомъ, офицеромъ служившимъ въ Дунайской арміи.

(51) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.—Записки Чаплица. Рапортъ князю Кутузову адмирала Чичагова, отъ 20-го октября.

(52) Liebenstein. II. 160.

(53) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.

(54) Генералъ Лидерсъ оставилъ въ Дубнѣ по одному баталіону Нейшлотскаго пѣхотнаго и 43-го егерскаго полковъ, одинъ изъ Украинскихъ казачьихъ полковъ, сформированныхъ полковникомъ графомъ де-Витте, и батарейную № 13-го роту. Какъ оба баталіона и артиллерійская рота долженствовали прибыть съ первыми подвозами къ арміи, то на смѣну имъ были направлены казачьи полки: Ѳеодосійскій-татарскій изъ Могилева-на-Днѣстрѣ, Платова 5-го изъ Тарнопольской области и 9-й Черноморскій изъ Молдавіи. Кромѣ-того должны были придти изъ Могилева-на-Днѣстрѣ въ Дубно, и оттуда слѣдовать съ транспортами къ арміи 75-й Черноморскій экипажъ и два баталіона Великолуцкаго пѣхотнаго полка (предписанія адмирала Чичагова генералъ-маіорамъ Лидерсу и Комнину отъ 4-го октября).

(55) Составъ отряда генералъ-маіора Репнинскаго: по одному баталіону Пензенскаго, Саратовскаго, Охотскаго и Мингрельскаго полковъ, Тираспольскій драгунскій полкъ, казачій Турчанинова полкъ, четыре батарейныхъ и два легкихъ орудія. Впослѣдствіи эти войска были усилены изъ отряда Лидерса четырьмя баталіонами Нейшлотскаго и 43-го егерскаго полковъ. Тираспольскій драгунскій полкъ былъ посланъ въ отрядъ Репнинскаго изъ корпуса Булатова (предписанія адмирала Чичагова генералъ-маіору Репнинскому, отъ 30-го сентября, и генералъ-маіору Лидерсу, отъ 10-го октября).

(56) Предписаніе адмирала Чичагова генералъ-маіору Репнинскому, отъ 30-го сентября.

(57) Предписаніе адмирала Чичагова генералъ-лейтенанту Мусину-Пушкину, отъ 10-го октября.

(58) Предписанія адмирала Чичагова завѣдывавшему рекрутскими баталіонами 8-й, 10-й и 22-й дивизій, полковнику Выходцевскому, отъ 6-го и 13-го октября.

(59) Предписанія адмирала Чичагова Каменецъ-Подольскому гражданскому губернатору Сенъ-При, и Волынскому гражданскому губернатору Камбурлею, отъ 13-го октября.

(60) Донесеніе Барклаю-де-Толли Волынскаго гражданскаго губернатора Камбурлея, отъ 7-го августа, за № 964-мъ. (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, Портф. 3).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXII-й.

(1) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 209—210. Thiers. Histoire du consulat et de l'empire. XIV. Édit. de Brux. 455—457.

(2) ....„Ceplan fut vraissemblablement conçu dans les derniers jours de Septembre." ..... (Этотъ планъ, по всей вѣроятности, былъ составленъ въ послѣднихъ числахъ сентября.....)

(3) „Ce conseil est un conseil de lion".....(это львиный совѣтъ) сказалъ Наполеонъ, говоря о предложеніи Дарю. Thiers. XIV. 497.

(4) Chambray. II. 204—207. Предписанія Королю Неаполитанскому, отъ 13-го и 14-го октября н. ст. и начальнику штаба Большой арміи, отъ 18-го октября н. ст.

(5) Il en résulta une suspension d'armes par une espèce de convention tacite"..... (Слѣдствіемъ того было перемиріе, въ родѣ подразумѣваемаго договора.....). Chambray. II. 209.

(6) Chambray. II. 209. — Thiers. XIV. — Gourgaud. Examen critique de l'ouvrage de M-r le comte de Ségur. Livre VIII. Chap. XI.

(7) Изъ записокъ А. А. Щербинина.

(8) Число людей въ авангардѣ Мюрата, по вѣдомостямъ поданнымъ Наполеону 8/20 сентября и по приблизительному разсчету, было слѣдующее:

Въ корпусѣ Понятовскаго	6,923
Въ дивизіи Клапареда	2,862
Въ дивизіи Дюфура, вмѣстѣ съ легкою кавалерійскою дивизіею 1-го корпуса	4,997
Въ 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ Нансути . .	2,721

Во 2-мъ кавалерійскомъ корпусѣ Себастіани, съ легкою кавалерійскою дивизіею 3-го корпуса . .	4,263
Въ 3-мъ кавалерійскомъ корпусѣ Сенъ-Жермена примѣрно	3,000
Въ 4-мъ кавалерійскомъ корпусѣ Латуръ-Мобура	1,775
Всего . .	26,541.

Шамбрè, принявъ во вниманіе потери понесенныя авангардомъ французской арміи, съ $^8/_{20}$ сентября по $^6/_{18}$ октября, полагаетъ, что въ день Тарутинскаго дѣла число войскъ Мюрата не превышало двадцати тысячъ человѣкъ.—Chambray. II. 215 et 230.

(9) Chambray. II. 217—218.

(10) Общій голосъ отдалъ справедливость Толю на счетъ важности его участія въ дѣлѣ при Тарутинѣ. Императоръ Александръ I, въ воздаяніе сей заслуги, удостоилъ его впослѣдствіи Рескриптомъ, коимъ: „въ награду обозрѣнія непріятельской позиціи, составленія диспозиціи для атаки и „указанія пути сто-тысячной арміи до самыхъ аванпостовъ „непріятеля," пожалованы были Толю знаки ордена Св. Анны 1-й степени.

(11) Записка, поданная князю Кутузову генераломъ Беннигсеномъ, 3-го октября 1812 года.

„Monsieur le Marechal!

„Il parait d'après tous les renseignemens et les rapports que nous avons reçus, que les renforts que l'ennemi attend, sous les ordres du maréchal Victor, se trouvent effectivement en marche et peu eloignés de nous; il me parait donc que les intérêts de notre Souverain et de l'Etat demandent que nous attaquions, sans perte de temps, avec toutes les forces concentrées sous les ordres de Votre Altesse, l'ennemi, qui se trouve vis-à-vis de nous sous les ordres du Roi de Naples, avant que ces renforts mentionnés puissent atteindre l'armée française. Cette mésure est, selon moi, d'autant plus nécessaire à prendre sans delai, que tous les avis que nous avons reçus, portent que Napoléon lui même, avec tout le corps de ses gardes, se trouve encore à Moscou, et que le Roi de Naples a peu d'artillerie avec lui et que toute sa cavalerie se monte, tout au plus, à 8,000 hommes,

„Votre Altesse, qui certainement mieux que moi saura juger l'importance de la proposition que je prends la liberté de lui faire, daignera, dans le cas qu' Elle approuvera mon projet, me donner Ses ordres, pour que je puisse avoir l'honneur de Lui presenter pour Son approbation la disposition de cette attaque, qui sera d'autant plus facile à exécuter que nous n'avons que des plaines devant nous entremelées de quelques petites forêts. Je crois nécessaire d'ajouter ici que l'ennemi, depuis quelques jours, a forcé la chaine de nos avant-postes et qu'il a placé la sienne sur une hauteur de la quelle chacune de ses vedettes peut voir ce qui se passe dans notre camp.“ (Арх. Воен.-Топ. Депо, № 46,692, Портф. 4).

(12) Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, Портф. 4.

(13) Предписаніе Дорохову отъ 4-го октября (исходящаго журнала № 154).

(14) Въ запискахъ Щербинина упоминается, что посланъ былъ съ диспозиціею къ Ермолову Екатеринославскаго кирасирскаго полка поручикъ Павловъ, но, по свидѣтельству другихъ очевидцевъ, это порученіе дано было самимъ фельдмаршаломъ состоявшему при немъ на ординарцахъ Глуховскаго кирасирскаго полка поручику Герсеванову, который долго искалъ генерала Ермолова, и, наконецъ, нашелъ его въ селѣ Спасскомъ, у генерала Шепелева. Записки князя А. Б. Голицына.

(15) Записки Щербинина.

(16) Записки князя А. Б. Голицына.

(17) Журналъ принца Евгенія Виртембергскаго (Арх. В.-Т. Депо, № 47,344).

(18) „Toutes les troupes qui occupaient les bords de la Tchernichna avaient effectué précipitamment leurs retraite, moins par suite de l'attaque de front qu'elles avaient essuyée, qu'à cause de celle que les Russes dirigeaient sur leurs derrières“..... (Всѣ войска, занимавшія берега Чернишны, отступили поспѣшно, будучи принуждены къ тому не столько фронтальною атакою, сколько движеніемъ Русскихъ имъ въ тылъ). — Chambray. II. 221.

(19) Въ приказѣ по арміи князя Кутузова, отъ 10-го октября за № 46-мъ, значится: „мужество и быстрота, съ каковыми 20-й егерскій полкъ, 6-го числа сего мѣсяца, атаковалъ непріятеля и, опрокинувъ его, преслѣдовалъ все время

сраженія, нанося ему на каждомъ шагу сильнѣйшій уронъ, обязываютъ меня объявить мою совершенную благодарность всѣмъ г. г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ онаго полка, а въ поощреніе симъ послѣднимъ жалую по пяти рублей ассигнаціями на человѣка".

(20) Такъ полагалъ самъ фельдмаршалъ. Изъ записокъ князя А. Б. Голицына.

(21) Журналъ военныхъ дѣйствій, за подписью князя Кутузова (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, Портф. 4). Главнокомандующій, по представленію Дорохова, произвелъ Филатова въ хорунжіе и наградилъ его орденомъ Св. Анны 3-й степени.

(22) Эти цифры извлечены изъ „Воспоминаній Принца Евгенія Виртемберскаго" (Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland), потому-что во французскихъ сочиненіяхъ и офиціальныхъ свѣдѣніяхъ потеря Мюратовыхъ войскъ показана весьма неопредѣлительно. — На другой день послѣ сраженія было прислано на наши аванпосты письмо генерала Борелли, въ которомъ онъ просилъ, отъ имени короля Неаполитанскаго, о позволеніи похоронить тѣло генерала Дери и взять его сердце. Въ отвѣтъ ему было писано, что тѣло Дери не могли отыскать.

(23) Изъ записокъ Щербинина.

(24) Съ нашей стороны дѣйствительно участвовали въ бою только восемь баталіоновъ Тобольскаго пѣхотнаго и 4-го, 20-го и 48-го егерскихъ полковъ, десять казачьихъ полковъ графа Орлова-Денисова, легкая кавалерійская дивизія генерала Меллера-Закомельскаго и 4-й кавалерійскій корпусъ генерала Васильчикова: всего пять тысячъ человѣкъ пѣхоты и семь тысячъ человѣкъ регулярной и иррегулярной кавалеріи.

(25) Для описанія дѣла при Тарутинѣ служили: Донесенія объ этомъ дѣлѣ Государю князя Кутузова и Кутузову генерала Беннигсена. — Herzog Eugen v. Würtemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland. 110—116. — Журналъ дѣйствій Принца Евгенія Виртембергскаго (Арх. В.-Т. Депо, № 47,344).—Записки Щербинина. — Boutourlin. II. 139—148.

(26) Журналъ военныхъ дѣйствій за подписью князя Кутузова (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, Порт. 4).

(27) Донесеніе Императору Александру I-му князя Кутузова, отъ 7-го октября (Арх. В.-Т. Депо, № 46,692, Портф. 4).

(28) Изъ собственноручной записки Мишò.

(29) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. II. 230.

(30).....„L'ennemi a non-seulement éprouvé une perte superieure à la notre, mais il a la honte d'avoir violé une trève d'avant-garde, ce qu'on ne vit presque jamais..." (Непріятель нетолько понесъ потерю бòльшую нашей, но и нарушилъ постыдно перемиріе между авангардами, чтò почти неслыханно). Изъ 26-го бюллетеня, отъ 23-го октября н. ст.

(31)„Il paraît que depuis la mission du général Lauriston, des communications s'étaient maintenues entre nos avant-postes et ceux de Koutousoff; qu'on était d'accord de ne pas s'attaquer sans se prévenir, et que les Russes ne se sont pas fait scrupule de mettre à profit notre extrême sécurité...." (Кажется, что со времени поѣздки генерала Лористона, установились сношенія между аванпостами обѣихъ сторонъ; чтò было условлено — не нападать одни на другихъ безъ предварительнаго извѣщенія, и что Русскіе не посовѣстились воспользоваться нашею безпечностью). Fain. Manuscrit de 1812. 135—136.

(32). Gourgaud. Examen critique de l'ouvrage de Mr. le comte de Ségur. Livre VIII. Chap. XI.—Thiers. XIV. Édit. de Brux. 506.

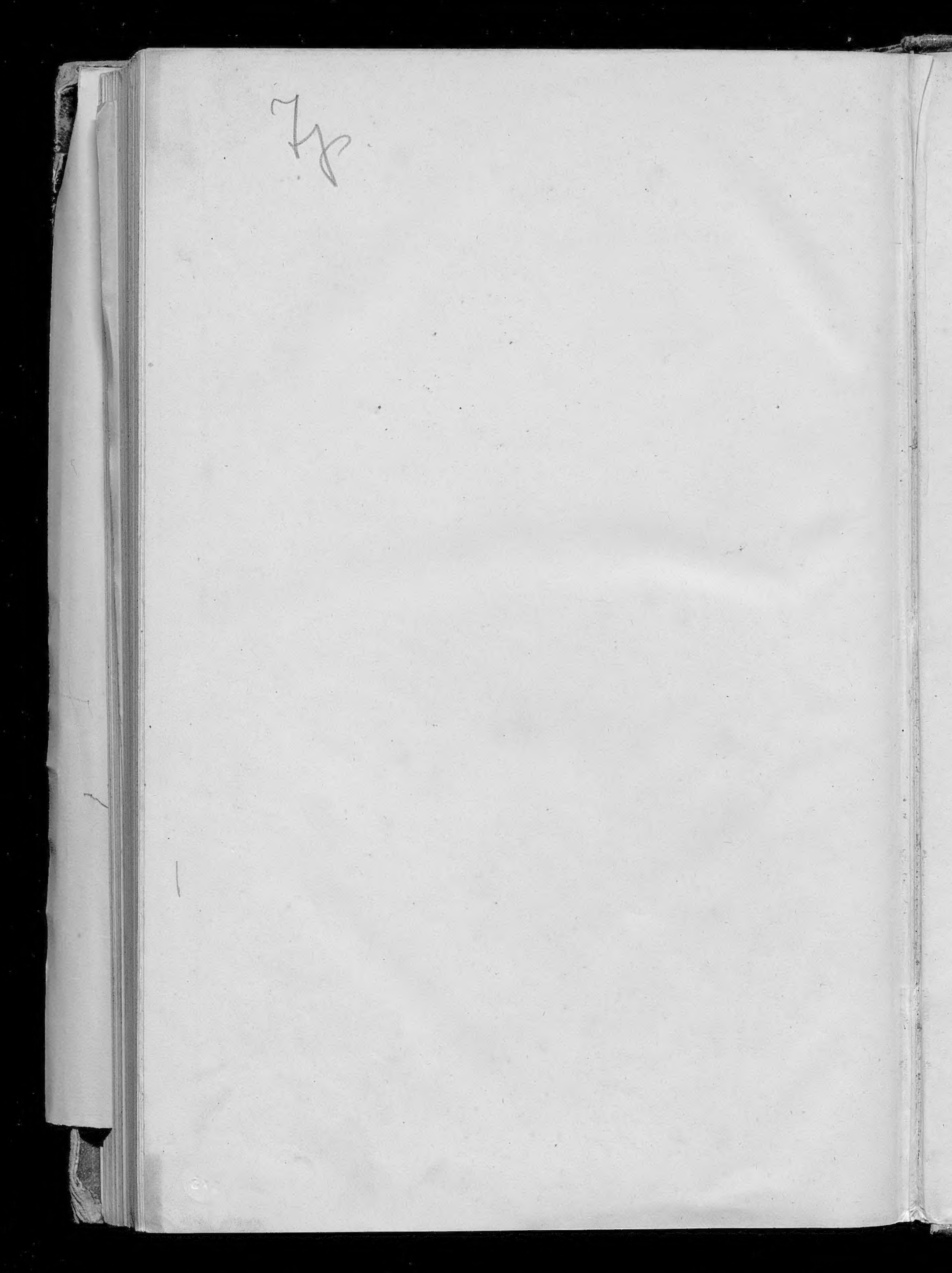
(33) Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. 4-me édit. II. 86—87.

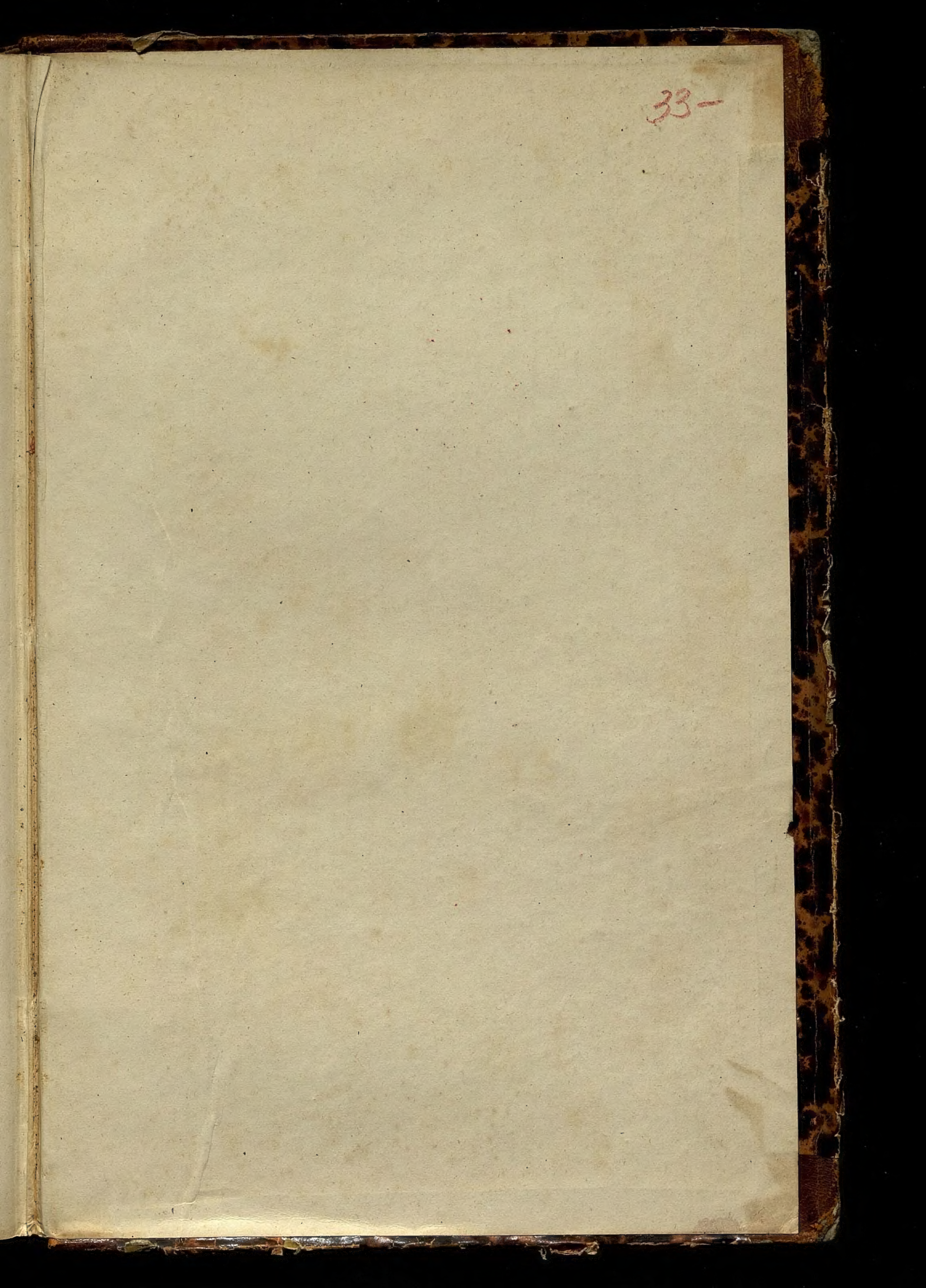

ПОПРАВКИ.

Стр.	Строка.		вмѣсто:	слѣдуетъ.
6	1 и 2	снизу	князя опухина	князя Лопухина
26	15		выиграется	выиграете
38	1		Шейцарскомъ	Швейцарскомъ
40	1		азначенъ	назначенъ
98	14		по назывались	и назывались
11	2	сверху	армiи	армiю
117	12		Быть, можетъ	Быть-можетъ
143	4	снизу	егкая	легкая
151	12 и 13		семеновскаго;	Семеновскаго;
162	4		8-го	8-й
162	4		3-го	3-й
181	6	сверху	батарей	батареи
194	22		кыславъ	выславъ
194	22 и 23		привазанiю	приказанiю
210	22		Бахметьевъ 2-й;	Бахметьевъ 1-й;
210	22 и 23		Бахметьевъ 1-й	Бахметьевъ 2-й
246	9		хотя „и	„хотя и
290	18		по боровскской	по боровской
308	2		образовъ святыхъ,	святыхъ образовъ,
345	3	снизу	Мою	Мною
358	10		Европы. Мой	Евроны Мой
388	9		nastalgie	nostalgie
411	2	сверху	â nous	à nous
	2	снизу	съзывать	сзывать
433	11 и 12		въ семъ случаѣ оставя,	въ семъ случаѣ, оставя
464	въ заголовкѣ	страницы	644	464
498	13	снизу	qu'a	qu'à
505	8	сверху	что	чтò
507	17	снизу	9-го	19-го
509	1		(14 сентября)	(14) сетября
529	16		дежурнаго генерала	флигель-адъютанта полковника
531	6		возьмутъ	возмутъ
532	7		сентрября	сентября
548	13	сверху	concervait	conservait.
618	1		XXVII-й	XXVIII-й

33-

